M 66/75

43.116.118.143

[118]

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

А. Д. МЕНШИКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

М 66
М 75 [4 вкл]

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

801-86
14302-О

Б. Д. Порозовской

Съ портретомъ Меншикова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧАТАНА ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
Вол. Подъяческая, 39.

1895

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, публицистика и законовѣдѣніе.

Исторія цивилизаціи въ Англіи. Г. Т. Бокля. Переводъ *Буйницкаго*. Съ портретомъ автора и вступит. статьей *Е. А. Соловьева*. Ц. 2 руб.

Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Французская литература: *Г. Брандеса*. Перев. съ нѣм. *Эл. Зауэръ*. Съ 12 портретами и вступительной статьей *Е. А. Соловьева*. Ц. 2 р.

Сочиненія Виктора Гюго. Два тома. Съ портретомъ автора и вступительной статьей *А. М. Скабичевскаго*. Ц. 2 р. 50 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ портретомъ автора и вступит. статьей *Е. А. Соловьева* Ц. каждаго тома 1 руб.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.—До 1-го апрѣля 1895 г. вышли восемь томовъ: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ. 3) Холодный домъ и Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррить и Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ. 6) Записки Пикквикскаго клуба и Тяжелыя времена, 7) Николай Никльби. Три святочныхъ разсказа. 8) Мартинъ Чезальвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленъ. Томъ 9 печатается.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (въ 5 пер.) 1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова Полное собраніе въ 1-мъ и 4-хъ томахъ. Съ портретомъ, біографіей, написанной *А. М. Скабичевскимъ*, и 115 рисунками. Ц. 1 томнаго и 4 томнаго изданія одна и та-же 1 р. За переплеты: для 1 томнаго 40 к. и 1 руб. Для 4 томнаго—50 к. и 1 руб.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. 8 томовъ. Ц. каждаго—1 р. Пер. для 2 томовъ вмѣстѣ по 75 к.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3 изд., въ 2 том. Съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго*. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. Рѣшетникова. Въ двухъ томахъ, съ портр. автора и статьей *М. Протопопова*. Ц. за все собраніе—2 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Съ портретомъ автора. 2-е изд., въ 2 томахъ. Ц. 3 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 44 иллюстраціи съ подписями, портретомъ и снимкомъ съ почерка. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ—1 р. 25 к.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художеств. альбомъ *М. Е. Малышева*. Цѣна въ папкѣ 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. *Том. Карлейля*. Перев. *В. Яковенко*. Ц. 1 р. 50 к.

По волнамъ безконечности. Астрономическая фантазія *К. Фламмаріона*. 2-е изд. Ц. 80 к.

Конецъ міра. Астрономическій романъ. *К. Фламмаріона*. Съ краткой біографіей автора и 4-мя его портретами. Ц. 60 к.

Въ небесахъ *(Uranie)*. Астрономическій романъ *К. Фламмаріона*. Съ 89 рис. 2-е изд. Ц. 75 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера*. Перев. съ англ. *Каменскаго*. Ц. 50 к.

Исторія французской революціи. *И. Карно*. 2-е изд. Ц. 1 р.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos'a*. Перевелъ *В. Рапцовъ*. Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соц. романъ *Э. Беллами*. 3-е изд., дополн. научно-предсказательнымъ очеркомъ Рише: „Куда мы идемъ?". Ц. 1 р.

Въ трущобахъ Англіи. Соціал. борьба съ экономич. язвами современ. общества. *Бутса*. Ц. 1 р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина*. Роскошное изд. Съ 188 рисунками Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер 1 р.

Голодъ. Ром. *К. Гамсуна*. Съ норвежск. Ц. 60 к.

Забота. Ром. *Зудермана*. Съ 14 нѣм. изд. Ц. 60 к.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони*. Съ 16 рис. Ц. 50 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. *А. Цѣлькова*. Книга для домашняго чтенія. Съ 72 портр. Ц. 3 р.

Исторія новѣйшей русск. литературы (1848—1892 гг.). *А. М. Скабичевскаго*, 2-е изд. Ц. 2 р.

Очерки исторіи русской цензуры. *А. Скабичевскаго*. Ц. 2 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца*. 2-е изд. Ц. 75 к.

Въ раздумьи. Очерки и разсказы изъ жизни русской интеллигенціи. *Е. А. Соловьева*. Ц. 75 к.

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусства. *Макса Нордау*. Большой томъ, 585 столб. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія культуры. *Липперта*. Пер. съ нѣмецкаго, съ 85 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Матери великихъ людей. *Блока*. Переводъ *З. Горской*. Со многими рисунками и портретами. Ц. 60 к.

Долой оружіе! Анти-военный романъ *Б. Зутнеръ*. Компактное изданіе. Цѣна 80 к.

Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ.) Романъ *Э. Постери*. Ц. 1 р.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портр. И. С. Тургенева. Ц. 15 к.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ. *Н. К. Михайловскаго* Ц 1 р.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау*. Перев. съ нѣмец. *Э. Зауэръ*. 3-е изд. Ц. 1 р.

Больная любовь. Гигіеническ. романъ *Мантегацца*. Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа*. Ц. 75 к.

Очерки самоуправленія (земскаго, городского и сельскаго). *С. Приклонскаго*. Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки *И. Тимощенкова*. Ц. 1 р.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки *А. Вахтіарова*. Ц. 1 р. 50 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ. Общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ *В. Фармаковскій*. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія книги на Руси. *А. Бахтіарова*. Со многими рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова*. 2-е изд. Ц. 1 р.

По градамъ и весямъ. Ром. изъ исторіи нашего времени. *Володина* (П. Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.

А. Д. Меньшиковъ.

(118)

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА **Ф. ПАВЛЕНКОВА.**

А. Д. МЕНШИКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Б. Д. Порозовской.

Съ портретомъ Меншикова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

ПУБЛИЧ. * РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая скоропечатня А. Пороховщикова, Гороховая, д. № 12.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Цетербургъ, 10 Іюня 1895 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 5

I. Вопросъ о происхожденіи Меншикова. — Мальчикъ-пирожникъ.—Любимый денщикъ Петра Великаго.—Поѣздка заграницу.—Образованіе Меншикова.—Фаворитъ Алексашка и его первые шаги.—Его вліяніе на царя.—„Дитя сердца“ Петра Великаго 9

II. Великая Сѣверная война.—Возвышеніе Меншикова.—Меншиковъ-губернаторъ Петербурга.—Награды и милости.—Меншиковъ въ Литвѣ.—Побѣда при Калишѣ.—Меншиковъ—свѣтлѣйшій князь.—Побѣда подъ Лѣснымъ; взятіе Батурина; Опошня, Полтава, Переволочная.—Меншиковъ—фельдмаршалъ.—Военныя заслуги Меншикова.—Отзывы о немъ современниковъ; ихъ пристрастность.—Общая ненависть къ фавориту . 19

III. Семейныя дѣла Петра Великаго и Меншикова.—Дружба Меншикова съ сестрами Арсеньевыми.—Лифляндская плѣнница.—Отношенія ея къ Меншикову.—Женитьба Меншикова.—Дружба съ Петромъ.—Переписка Петра и Меншикова . . 31

IV. 1710-й годъ.—Встрѣча у Краснаго Кабачка.—Внутреннія и внѣшнія перемѣна въ Меншиковѣ.—Его образъ жизни.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Темныя стороны въ характерѣ Меншикова.—Злоупотребленія князя.—Первыя разоблаченія. — Курбатово-Соловьевское дѣло.—Первая царская немилость.—Новый фаворъ.—Столкновеніе съ сенатомъ.—Слѣдственныя комиссіи надъ Меншиковымъ и ихъ результаты.—Причины снисходительности Петра.—Общій уровень нравственности въ петровскую эпоху 37

V. Дѣло царевича Алексѣя.—Роль Меншикова въ этомъ дѣлѣ.—Столкновеніе съ Шафировымъ.—Отнятіе у Меншикова военной коллегіи.—Смерть Петра Великаго и ея значеніе для Меншикова.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Дѣятельность Меншикова и его партіи. Вступленіе на престолъ Екатерины. 54

VI. Характеристика Екатерины. — Меншиковъ — фактическій преемникъ Петра Великаго.—Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Дѣятельность правительства при Екатеринѣ.—Курляндскій вопросъ.—Кандидатура Меншикова и его неудача.—Новый фазисъ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи — Меншиковъ переходитъ на сторону великаго князя Петра.—Борьба съ противниками.—Торжество Меншикова. 65

VII. Меншиковъ—генералиссимусъ и нареченный тесть императора.—Его самовластіе.—Интриги враговъ.—Неосторожность и безпечность Меншикова.—Болѣзнь его.—Его паденіе.—Меншиковъ въ Раненбургѣ.—Его богатства.—Новыя обвиненія.—Подметное письмо.—Ссылка въ Березовъ.—Меншиковъ —плотникъ.—Смерть Меншикова.—Судьба его семейства . 79

Источники и пособія.

1) *Записки Юста Юля* (Рус. Архивъ 1892 г.).

2) *Записки Бассевича* (Рус. Архивъ 1865 г.).

3) *Корбъ.* Diarium itineris in Moscoviam. Рус. перев. М. И. Семевскаго.

4) *Дневникъ генерала Гордона.* (Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древностей 1891 г.).

5) *Записки Манштейна о Россіи* (Прил. къ Рус. Старинѣ 1875 г.).

6) *Фокеродъ.* Россія при Петрѣ Великомъ (Рус. Архивъ 1875 г.).

7) *Записки герцога де-Лирія* (Сборникъ Бартенева „Восемнадцатый вѣкъ", кн. 2 и 3).

8) Донесенія французскихъ, англійскихъ, прусскихъ и др. пословъ въ Сборникѣ Императорскаго Истор. Общества, (тт. III, XV, XX, XXXIV, XXXIX, XL, XLIX, L, LII, LVIII, LXI, LXIV, LXVI).

9) Протоколы, журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта, тамъ же (т. LV—LVI, LXIII).

10) *Нартовъ.* Достопамятныя повѣствованія (Москвитянинъ 1842 г.).

11) *Голиковъ.* Дѣянія Петра Великаго.

12) *Бантышъ-Каменскій.* Біографіи рус. генераловъ и фельдмаршаловъ 1840, 4 т.).

13) *Minzloff.* Menschikoffs Herkunft, (Baltische Monatschrift. Iuni, 1866 г.).

14) *Гротъ.* Неизвѣстное сочиненіе о Россіи при Петрѣ I (Рус. Вѣст. 1882 г., № 2).

15) *Лашкевскій.* Описаніе Старой Малороссіи. Стародубскій полкъ.

16) *Brückner,* Zarevitsch Alexei.

17) *Погодинъ.* Царевичъ Алексѣй Петровичъ по свидѣтельствамъ вновь открытымъ. (Чтенія въ Моск. Обществѣ Ист. и Древн. Россіи. 1861 г., № 3).

18) *Его же.* Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. (Рус. Бесѣда 1860, № 1).

19) *М. И. Семевскій.* Царевичъ Алексѣй Петровичъ. (Рус. Слово, 1860, № 1 и 2).

20) *Галлеръ.* Die Thronbesteigung Katharina's (Russische Revue, 1890).

21) *А. Брикнеръ.* Императрица Екатерина (1727—1727 г.). (Вѣстникъ Европы 1894 г. № 1).

22) *Арсеньевъ.* Царствованіе Екатерины I. (Восемнадцатый вѣкъ, Бартенева).

23) *Щебальскій.* Князь Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій. (Рус. Вѣст. 1860 г., № 1 и 2).

24) *Карновичъ.* Вмѣшательство рус. политики въ избраніе Морица Саксонскаго герцогомъ Курляндскимъ. (Древняя и Новая Россія. 1875, № 9 и 19).

25) *Шубинскій.* Березовскіе ссыльные (въ „Историч. разсказахъ", его же).

26) *Есиповъ.* Жизнеописаніе А. Д. Меншикова (Рус. Архивъ 1875 г.).

27) *Его же.* Ссылка Меншикова въ Березовъ. (Отеч. Зап. 1860 № 8 и 1861 № 1 и 3).

28) *Соловьевъ.* Исторія Россіи, т. XIV—XIX.

29) *Устряловъ.* Ист. Петра Великаго, т. IV, VI.

30) *Карновичъ.* Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ

...Счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ...
Пушкинъ.

Изъ всѣхъ фаворитовъ и временщиковъ, которыми такъ изобилуетъ у насъ XVIII вѣкъ, изъ всѣхъ «баловней счастья», поражающихъ воображеніе необычайностью своихъ судебъ,—самымъ замѣчательнымъ, самымъ блестящимъ и популярнымъ является безспорно знаменитый любимецъ и сподвижникъ Петра Великаго — Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Это, можно сказать, прототипъ всѣхъ послѣдующихъ русскихъ временщиковъ. Остерманы, Бироны, Разумовскіе, Потемкины—всѣ эти «случайные» люди, болѣе или менѣе продолжительное время хозяйничавшіе въ Россіи, по сравненію съ нимъ кажутся только копіями, далеко не достигающими блеска оригинала. Никто изъ нихъ не обладалъ такимъ могуществомъ, никто не поднимался на такую головокружительную высоту и... ничье паденіе не было такъ глубоко и трагично.

Біографія Меншикова въ ея крупныхъ, наиболѣе эффектныхъ деталяхъ болѣе или менѣе общеизвѣстна. Въ самомъ дѣлѣ, кому изъ людей, хоть сколько-нибудь знакомыхъ съ отечественной исторіей, при воспоминаніи о великой эпохѣ преобразованій, рядомъ съ фигурой самого Преобразователя, не представляется фигура его друга и сподвижника, любимѣйшаго изъ его «птенцовъ»; кому хоть въ главныхъ чертахъ не извѣстна замѣчательная, полная самыхъ рѣзкихъ превратностей судьба этого человѣка — его низкое происхожденіе и необыкновенно быстрое возвышеніе, его безпримѣрное могущество, безграничное честолюбіе, злоупотребленія властью и страшное неожиданное паденіе? Изъ всѣхъ анекдотически-интересныхъ эпизодовъ исторіи, попадающихъ даже въ элементарные учебники и, именно

благодаря этой анекдотичности, запечатлѣвающихся въ памяти, исторія мальчика-пирожника, ставшаго «полудержавнымъ властелиномъ», особенно популярна и извѣстна чуть-ли не всякому грамотному человѣку.

Но Меншиковъ замѣчателенъ не только по романическому характеру своихъ судебъ. Это не только интересная въ анекдотическомъ и психологическомъ отношеніяхъ личность,—въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло съ крупнымъ историческимъ дѣятелемъ, имя котораго впродолженіе цѣлой четверти столѣтія мелькаетъ передъ нами на большинствѣ страницъ отечественной исторіи. Одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Петра, болѣе всѣхъ другихъ усвоившій его преобразовательныя идеи, «полудержавный властелинъ» еще при жизни великаго государя, онъ становится почти полновластнымъ правителемъ послѣ его смерти. Екатерина I, обязанная ему троном, является послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ; въ малолѣтство Петра II, Меншиковъ, будущій тесть императора, распоряжается еще болѣе безконтрольно, хотя и короткое время. Хорошо-ли, дурно-ли онъ пользовался своей властью—это особый вопросъ. Фактъ тотъ, что послѣ смерти Петра Великаго дальнѣйшая участь его реформъ, дальнѣйшее развитіе того, что было начато или только намѣчено геніальнымъ преобразователемъ, всецѣло зависѣли отъ способностей и энергіи тѣхъ, къ кому перешла власть, а слѣдовательно, на первомъ планѣ, отъ А. Д. Меншикова. И *этотъ* Меншиковъ,—Меншиковъ, главный исполнитель замысловъ Петра при его жизни и его фактическій преемникъ, безъ сомнѣнія заслуживаетъ нашего вниманія въ гораздо большей степени, чѣмъ тотъ временщикъ, неслыханно блестящая карьера котораго завершилась такъ печально въ отдаленномъ уголкѣ Сибири.

Къ сожалѣнію, несмотря на популярность Меншикова, именно эта сторона его біографіи наименѣе разработана. Въ общемъ, жизнь любимца Петра Великаго несравненно чаще служила предметомъ поэтически-литературной обработки, чѣмъ серьезнаго историческаго изслѣдованія. Оно и неудивительно. Необыкновенныя превратности въ судьбѣ этого дѣятеля сами по себѣ такъ интересны, такъ способны дѣйствовать на воображеніе и чувство, что историческая роль его какъ-то нечувствительно отступаетъ передъ нами на

задній планъ, и ярко-очерченная историческая фигура переходитъ въ разрядъ тѣхъ героевъ, которые особенно охотно утилизируются поставщиками сенсаціонныхъ романовъ или назидательныхъ повѣстей въ духѣ ходячей прописной морали.

Такого именно, за немногими исключеніями, характера вся литература о Меншиковѣ. Романовъ, повѣстей, драмъ—прибавимъ, очень посредственныхъ—мы можемъ насчитать массу, какъ у насъ, такъ и—главнымъ образомъ—въ западно-европейской литературѣ. Но болѣе или менѣе полной научно-обработанной монографіи, посвященной Меншикову, у насъ нѣтъ еще по настоящее время. Нѣсколько страницъ, посвященныхъ ему въ общихъ трудахъ Соловьева, Устрялова и Брикнера, да нѣсколько журнальныхъ статей, касающихся отдѣльныхъ моментовъ въ его дѣятельности—вотъ и вся наша историческая литература о Меншиковѣ. Такія біографіи, какія мы находимъ въ «Жизнеописаніяхъ русскихъ генераловъ» Бантышъ-Каменскаго, въ настоящее время являются совершенно устарѣлыми. То же можно сказать о краткой, совершенно безцвѣтной біографіи Меншикова, помѣщенной въ «Исторіи Россіи въ жизнеописаніяхъ ея дѣятелей» Костомарова. Единственная работа, заслуживающая серьезнаго вниманія—«Жизнеописаніе А. Д. Меншикова» Есипова—представляющая къ тому-же не столько литературно-обработанную біографію, сколько собраніе разныхъ по большей части еще неизданныхъ матеріаловъ для этой біографіи, осталась, къ сожалѣнію, неоконченной и доведена только до 1710 г. Несмотря на обиліе источниковъ, относящихся къ Петровской эпохѣ, многіе моменты и даже періоды въ жизни человѣка, привлекавшаго всеобщее вниманіе современниковъ, остаются до сихъ поръ невыясненными. Меншиковъ еще ждетъ своего біографа, которому предстоитъ далеко нелегкая задача — окончательно разобраться въ огромной кучѣ архивнаго матеріала, провѣрить многочисленные, подчасъ совершенно противорѣчивые иностранные источники и на основаніи добытыхъ результатовъ всесторонне освѣтить какъ личность этого дѣятеля, такъ и его роль въ великой эпохѣ преобразованій.

Въ ожиданіи-же такого капитальнаго труда все, къ чему мы можемъ стремиться въ предѣлахъ нашего краткаго очер-

ка, составленнаго на основаніи однихъ только печатныхъ матеріаловъ — это представить хоть въ общихъ чертахъ картину жизни и дѣятельности этой высоко-интересной личности. При этомъ мы будемъ по возможности держаться однихъ только признанныхъ безспорными фактовъ, такъ какъ популярный характеръ очерка не позволяетъ загромождать его ссылками и критическимъ разборомъ источниковъ.

ГЛАВА I.

Вопросъ о происхожденіи Меншикова. — Мальчикъ-пирожникъ. — Любимый денщикъ Петра Великаго. — Поѣздка заграницу. — Образованіе Меншикова. — Фаворитъ Алексашка и его первые шаги. — Его вліяніе на царя. — „Дитя сердца“ Петра Великаго.

Уже съ первыхъ шаговъ при составленіи біографіи Меншикова мы наталкиваемся на серьезныя и, по всей вѣроятности, даже непреодолимыя трудности. Обычный пріемъ біографовъ—прослѣживать жизнь изображаемаго лица чуть не съ момента его рожденія, искать объясненія уже сложившагося характера въ условіяхъ его воспитанія, во вліяніи наслѣдственности и т. п.—оказывается въ данномъ случаѣ совершенно непримѣнимымъ. Дѣло въ томъ, что у насъ не только не имѣется достовѣрныхъ извѣстій о родителяхъ Меншикова, о годѣ и мѣстѣ его рожденія, но и все дѣтство и юность человѣка, имя котораго впослѣдствіи гремѣло даже на западѣ, время его появленія при дворѣ, обстоятельства, при которыхъ онъ сблизился съ Петромъ—все это представляетъ пока рядъ страницъ, либо совсѣмъ бѣлыхъ, либо-же испещренныхъ такой массой легендарныхъ подробностей, что разобраться въ нихъ съ полной ясностью нѣтъ никакой возможности.

Въ самомъ дѣлѣ, кто такой былъ Меншиковъ? Дѣйствительно-ли знаменитый фаворитъ Петра Великаго былъ тѣмъ „безроднымъ баловнемъ счастья“, какимъ онъ изображается во всѣхъ біографіяхъ? Дѣйствительно-ли человѣкъ, достигшій званія перваго министра и генералиссимуса, одно время полновластно управлявшій Россіей и даже чуть не основавшій собственную династію, былъ такого низкаго происхожденія, что въ молодости долженъ былъ продавать на улицахъ пирожки, какъ разсказываютъ многіе современники?

Какъ ни легендарно звучатъ подобные разсказы, но въ сущности изъ всего, что касается начала жизненнаго поприща Меншикова, только вопросъ о его происхожденіи можетъ считаться въ настоящее время болѣе или менѣе выясненнымъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что первый „свѣтлѣйшій князь“ дѣйствительно происходилъ изъ простолюдиновъ, и можно даже вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ

Соловьева, который и самое преданіе о мальчикѣ-пирожникѣ считаетъ заслуживающимъ полнаго довѣрія. Мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ, такъ какъ рѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ, помимо его чисто-внѣшняго интереса, представляется намъ довольно важнымъ въ психологическомъ отношеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что самые крупные пороки временщика—его безграничное честолюбіе и надменность, нажившія ему столько враговъ, его ненасытная страсть къ титуламъ и богатствамъ въ значительной степени объясняются его происхожденіемъ—свойственнымъ всѣмъ выскочкамъ стыдомъ за свое прошлое, желаніемъ пускать пыль въ глаза, чтобы во что-бы то ни стало заставить окружающихъ забыть это прошлое.

Не говоря о безчисленныхъ басняхъ, распространявшихся на западѣ еще при жизни князя разными большею частью анонимными біографами, существуютъ два параллельныхъ преданія относительно его происхожденія: одно—болѣе распространенное, по которому будущій фаворитъ былъ сыномъ придворнаго конюха и мальчикомъ продавалъ на улицахъ пирожки; другое, выводящее его изъ знатной Литовской фамиліи. Послѣднее, повидимому, находитъ себѣ полное подтвержденіе въ дипломѣ императора Іосифа I отъ 1706 г., возводящемъ Меншикова въ княжеское Римской имперіи достоинство, и въ русскомъ дипломѣ 1707 г., которымъ Петръ даруетъ своему любимцу титулъ свѣтлѣйшаго князя Ингерманландскаго. Собственно говоря, эти два оффиціальныхъ документа должны были-бы служить достаточнымъ доказательствомъ благороднаго происхожденія Меншикова и заставить отнести всѣ разсказы о придворномъ конюхѣ-отцѣ свѣтлѣйшаго князя и о мальчикѣ-пирожникѣ къ области легендъ. На дѣлѣ однако-же ни при жизни князя, ни впослѣдствіи никто не придавалъ значенія этимъ оффиціальнымъ удостовѣреніямъ, и во всѣхъ почти запискахъ иностранцевъ, побывавшихъ на русской службѣ, какъ и въ донесеніяхъ пословъ, писавшихъ конечно со словъ окружающихъ русскихъ, мы встрѣчаемъ съ небольшими лишь варіантами извѣстіе о томъ, что всемогущій фаворитъ происходилъ изъ низшихъ слоевъ общества. Что-же касается пресловутаго анекдота о пирожкахъ, то его, правда, повторяютъ немногіе, но зато онъ подтверждается свидѣтельствомъ царскаго токаря Нартова, проведшаго при особѣ Петра цѣлыхъ 12 лѣтъ и впослѣдствіи назначеннаго членомъ Академіи Наукъ. Нартовъ, именно, разсказываетъ въ качествѣ очевидца, что однажды царь, разсердившись на своего любимца, сказалъ ему: „Знаешь-ли ты, что я разомъ поворочу тебя въ прежнее

состояніе? Тотчасъ-же возьми кузовъ свой съ пирогами, скитайся по лагерю и по улицамъ и кричи: *Пироги подовые*, какъ дѣлывалъ прежде. Воинъ!" И вытолкалъ его изъ комнаты. Меншиковъ обратился къ обычной своей заступницѣ Екатеринѣ, и пока та, зная нравъ своего супруга, старалась развеселить его, князь, чтобы доказать свое повиновеніе, подхватилъ на улицѣ у пирожника кузовъ съ пирогами, повѣсилъ на себя и въ такомъ видѣ вернулся во дворецъ. Петръ между тѣмъ успѣлъ уже успокоиться; при видѣ своего любимца онъ расхохотался и сказалъ: „Слушай, Александръ, перестань бездѣльничать, или хуже будешь пирожника". Послѣдовало примиреніе. Потомъ Меншиковъ пошелъ за императрицей и кричалъ: „Пироги подовые!" А государь велѣлъ ему смѣяться и говорилъ:—Помни, Александръ!—Помню, Ваше Величество, и не забуду! Пироги подовые!

Повидимому, между этимъ разсказомъ очевидца и оффиціальными документами существуетъ непримиримое противорѣчіе. Но въ сущности, какъ справедливо замѣчаетъ Соловьевъ, это противорѣчіе только кажущееся. Дѣло въ томъ, что при сличеніи обоихъ дипломовъ мы замѣчаемъ между ними нѣкоторое разногласіе: по латинскому дипломму императора Іосифа отецъ Меншикова былъ начальникомъ гвардейскаго полка; въ русскомъ-же упоминается лишь то, что отецъ служилъ въ гвардіи царя, причемъ одинъ изъ служилыхъ иноземцевъ, генералъ Гордонъ, источникъ, вполнѣ заслуживающій довѣрія, поясняетъ намъ даже, въ какомъ именно чинѣ: по его словамъ, отецъ Меншикова былъ простымъ капраломъ. Безъ сомнѣнія, дипломъ, выданный царемъ своему любимцу, заслуживаетъ большаго довѣрія, чѣмъ иностранный, и если въ немъ ничего не говорится о высокомъ званіи отца новоиспеченнаго князя, то послѣднее, очевидно, слѣдуетъ приписать лишь любезности Вѣнскаго двора, желавшаго задобрить вліятельнаго человѣка. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ свидѣтельствъ, благопріятныхъ Меншикову, приходится считаться лишь съ русскимъ дипломомъ, по которому отецъ князя былъ „изъ фамиліи благородной Литовской и, ради вѣрныхъ его услугъ въ гвардіи, сынъ его былъ принятъ ко двору". А этотъ источникъ, какъ мы уже сказали, ничуть не противорѣчитъ общераспространенному преданію о низкомъ происхожденіи Меншикова, о томъ, что отецъ его былъ одно время придворнымъ конюхомъ. Извѣстно, какое значеніе получили при Петрѣ придворные конюхи: изъ нихъ преимущественно сформировались потѣшные полки—Семеновскій и Преображенскій, впослѣдствіи составившіе первые два гвардейскихъ полка въ Россіи. Вполнѣ естественно, что бывшій придворный конюхъ, попавъ въ

гвардію, дослужился до капрала. Что-же касается его принадлежности къ „благородной Литовской фамиліи“, то и тутъ нѣтъ ничего несовмѣстимаго съ популярнымъ преданіемъ. Со времени царя Алексѣя въ Москвѣ жило много выходцевъ изъ Литвы, принужденныхъ бѣжать съ родины, вслѣдствіе гоненій на православіе. Одни изъ нихъ поступали на службу при дворцѣ, другіе занимались мелкими промыслами. Извѣстно, что въ эпоху революціи многіе даже знатнѣйшіе французскіе эмигранты должны были зарабатывать себѣ хлѣбъ какимъ-нибудь ремесломъ. Что-жъ мудренаго, что какой-нибудь выходецъ изъ мелкой Литовской шляхты, представители которой въ настоящее время встрѣчаются и на самыхъ низшихъ общественныхъ ступеняхъ, поступилъ въ придворные конюхи, а сына отдалъ въ ученіе къ пирожнику. Къ тому-же въ то время почти всѣ мелкіе служилые люди занимались какими-нибудь промыслами.

Впрочемъ, этими извѣстіями и соображеніями и исчерпывается все, что мы можемъ съ нѣкоторой достовѣрностью сказать о происхожденіи Меншикова. О годѣ и мѣстѣ его рожденія также не имѣется точныхъ данныхъ. По однимъ извѣстіямъ, онъ родился близъ Владиміра, по другимъ—въ Вологодской губерніи, по третьимъ—въ Московской. Годъ его рожденія обыкновенно опредѣляютъ по дневнику Голштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца, сообщающаго, что 6-го ноября 1723 г. праздновали день рожденія князя, которому исполнилось 50 лѣтъ. Слѣдовательно, Меншиковъ родился въ 1673 году и былъ на полтора года моложе Петра. Имѣются однако другія данныя, относящія его рожденіе къ другому году. Голиковъ, напримѣръ, утверждаетъ, что Меншиковъ былъ старше Петра на 2 года, слѣдовательно, родился въ 1670 г.

О первомъ появленіи будущаго фаворита при дворѣ опять-таки неизвѣстно ничего достовѣрнаго. Въ грамотѣ 1707 г. говорится, что Меншиковъ взятъ къ Петру „съ юныхъ лѣтъ“, но когда именно и при какихъ обстоятельствахъ—объ этомъ сохранились одни лишь преданія. Нѣкоторые иностранцы разсказываютъ, что онъ перешелъ къ царю отъ Лефорта. Красивый, бойкій мальчуганъ, обыкновенно предлагавшій свой товаръ съ какими-нибудь остроумными прибаутками и шутками, обратилъ на себя вниманіе Лефорта, который и взялъ его къ себѣ въ услуженіе. Петру, часто бывавшему запросто у своего тогдашняго любимца, также понравился проворный мальчикъ, и такъ какъ Лефортъ не могъ нахвалиться его смышленностью и преданностью, то царь пожелалъ взять его къ себѣ *). Все это, если

*) По Голикову, это случилось въ 1689 г.

не вѣрно, то по крайней мѣрѣ правдоподобно. Положительно-же извѣстно только то, что Меншиковъ служилъ въ Преображенскомъ полку при самомъ его учрежденіи, а слѣдовательно, въ потѣшныхъ (впервые имя молодого фаворита упоминается въ спискахъ этого полка въ 1693 г., причемъ онъ числится бомбардиромъ) и что онъ въ то же время втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ исполнялъ при Петрѣ должность денщика.

Въ этой-то должности смышленый и ловкій юноша имѣлъ всѣ шансы сблизиться съ молодымъ царемъ. Денщики были самые близкіе къ Петру люди, исполнявшіе самыя разнородныя порученія его. Они попеременно дневали и ночевали при немъ, и Петръ при своей ненасытной любознательности и кипучемъ нравѣ, заставлявшемъ его безотлагательно приводить въ исполненіе всякую приходившую ему въ голову затѣю, имѣлъ полную возможность узнавать на дѣлѣ способности окружающихъ его молодыхъ людей, ихъ понятливость и пригодность къ тому или другому роду дѣятельности. Денщики во все царствованіе Петра играютъ большую роль при дворѣ: изъ нихъ вышли, между прочимъ, и такіе „птенцы гнѣзда Петрова", какъ знаменитое „око государево", генералъ-прокуроръ сената Ягужинскій, первый полицеймейстеръ Петербурга Девьеръ и др. Что-же касается Меншикова, то онъ повидимому очень скоро сталъ пользоваться особымъ расположеніемъ царя, все болѣе возраставшимъ по мѣрѣ того, какъ Петръ убѣждался на дѣлѣ въ его разносторонних способностяхъ. Остроумный, находчивый и расторопный, при каждомъ случаѣ выказывавшій свою безпредѣльную преданность государю и рѣдкую способность угадывать его волю съ полуслова, Меншиковъ мало по малу успѣлъ такъ сильно привязать къ себѣ Петра, что тотъ совершенно не могъ обходиться безъ него. Любимый денщикъ долженъ былъ находиться при царѣ безотлучно и даже спать у его кровати. Въ Азовскомъ походѣ Петръ и Меншиковъ жили вмѣстѣ въ одной палаткѣ. Когда въ 1697 г. Петръ затѣялъ небывалую въ русской исторіи поѣздку царя заграницу, его сопровождалъ и Меншиковъ. Вмѣстѣ съ царемъ послѣдній обучался въ Голландіи корабельному мастерству, въ которомъ оказалъ большіе успѣхи, и въ одинъ и тотъ-же день корабельный мастеръ Геррит-Класъ-Поль выдалъ обоимъ аттестаты на званіе плотника. Изъ Голландіи Меншиковъ ѣздилъ съ Петромъ въ Англію, оттуда опять въ Голландію и Вѣну. Онъ былъ и въ числѣ тѣхъ семи волонтеровъ, которые должны были сопровождать царя въ Венецію; на его имя даже взятъ былъ у Венеціанскаго посла проѣзжій листъ. Но вѣсть о возмущеніи

стрѣльцовъ разстроила этотъ планъ, и Петръ съ Меншиковымъ поспѣшили вернуться.

Каковы были плоды этой поѣздки, какъ подѣйствовало на Меншикова все видѣнное и слышанное въ новомъ, столь чуждомъ ему мірѣ, что̀ вынесъ онъ оттуда по части своего умственнаго обогащенія, помимо знакомства съ корабельнымъ дѣломъ? Все это вопросы, на которые мы не можемъ дать прямого отвѣта. Относительно образованія будущаго министра и фельдмаршала мы знаемъ достовѣрно только одно—что Меншиковъ, если и не былъ совершенно безграмотенъ, какъ утверждаютъ многіе, то во всякомъ случаѣ не умѣлъ писать. Сохранились двѣ росписки, отъ 1702 и 1704 г., о полученіи имъ жалованья по званію корабельнаго мастера; въ одной его рукой сдѣлана надпись: „Александръ Меншиковъ принялъ", въ другой —„взялъ и списался". Но за исключеніемъ этихъ двухъ документовъ, въ бумагахъ Меншикова не сохранилось ни одной строчки, написанной его рукой; во всѣхъ его письмахъ, даже самыхъ секретныхъ, только подпись принадлежитъ ему, да и та нацарапана такими каракулями, что только посвященный въ состояніи разобрать ее. Изъ иностранныхъ языковъ Меншиковъ зналъ одинъ нѣмецкій, которому научился конечно по слуху и по всей вѣроятности еще до поѣздки, въ Нѣмецкой Слободѣ. „Въ великомъ мужѣ и полководцѣ, какимъ онъ почитается"—иронически замѣчаетъ по этому поводу датскій посланникъ Юстъ Юль, познакомившійся съ Меншиковымъ въ 1710 г. и отзывающійся довольно пренебрежительно о способностяхъ всемогущаго тогда князя—„такая безграмотность особенно удивительна".

Совершенно понятно, что образованный европеецъ былъ на первыхъ порахъ пораженъ подобнымъ отсутствіемъ самаго элементарнаго образованія у перваго сановника въ государствѣ и особенно его вліяніемъ на человѣка, въ такой степени цѣнившаго образованіе, какъ Петръ. Но для насъ самый фактъ этого вліянія, не подлежащій никакому сомнѣнію, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ высоко цѣнилъ царь природныя дарованія Меншикова, его энергію, находчивость и безусловную преданность.

Впрочемъ, недостатокъ даже элементарнаго образованія не исключалъ еще для Меншикова возможности расширить свой кругозоръ, пріобрѣсти многія необходимыя ему знанія и вообще развиваться путемъ практическимъ. Вѣдь и самъ Петръ не получилъ въ юности сколько-нибудь удовлетворительнаго образованія, и если впослѣдствіи онъ изумлялъ даже образованныхъ европейцевъ обширностью и разносторонностью своихъ свѣдѣній, то это слѣдуетъ всецѣло при

писать его страстной любознательности, его чуткому, необыкновенно воспріимчивому уму, черпавшему для себя пищу отовсюду, учившемуся отъ жизни еще болѣе, чѣмъ изъ книгъ. Такую-же воспріимчивость, хотя и въ болѣе слабой степени, надо предположить и у Меншикова. Любимецъ царя, его неразлучный спутникъ и товарищъ, какъ въ разгулѣ, такъ и въ трудахъ, Меншиковъ учился и развивался наравнѣ съ своимъ царственнымъ другомъ, проходилъ, подъ его руководствомъ, одну съ нимъ школу. Попавъ къ нему съ улицы, поглощенный трудной службой требовательному и нетерпѣливому господину, при которомъ долженъ былъ находиться безотлучно, Меншиковъ не имѣлъ возможности подготовиться къ своей будущей роли путемъ теоретическимъ. Но именно эта постоянная близость къ Петру, бравшему его съ собою и въ мастерскія, и въ музеи, и на придворныя празднества, устраивавшіяся въ честь знатнаго путешественника заграницей, необходимость приглядываться и прислушиваться ко всему окружающему и уяснить себѣ все видѣнное и слышанное, хотя-бы только для того, чтобы угодить царю, чтобы быть въ состояніи понимать и даже предугадывать его желанія—все это не могло не отразиться на развитіи богато одареннаго отъ природы молодого человѣка, и можно a priori сказать, что Меншиковъ вернулся на родину съ болѣе широкимъ умственнымъ горизонтомъ, съ большимъ запасомъ идей и знаній, чѣмъ до отъѣзда.

Несомнѣнно также, что новый царскій любимецъ, какимъ онъ уже считался въ то время, вполнѣ раздѣлялъ и поддерживалъ въ Петрѣ его преобразовательныя идеи, его намѣреніе все передѣлать у себя на иностранный ладъ. По всей вѣроятности, увлеченіе западомъ со стороны Меншикова было вполнѣ искреннимъ, такъ какъ въ немъ оно не сталкивалось съ той косностью, съ тѣмъ уваженіемъ къ старымъ традиціямъ, которыя заставляли другихъ, болѣе родовитыхъ спутниковъ Петра смотрѣть на иноземцевъ и на все иноземное съ недовѣріемъ и пренебреженіемъ. Меншиковъ въ полномъ смыслѣ слова новый человѣкъ; его ничто не связываетъ съ старшной; онъ знаетъ только волю своего повелителя и примѣняется къ ней тѣмъ охотнѣе, что новые порядки ему на руку, такъ какъ открываютъ новые горизонты его пробуждающемуся честолюбію.

И дѣйствительно, тотчасъ-же по возвращеніи изъ заграницы, Меншиковъ начинаетъ играть при дворѣ замѣтную роль. У него по прежнему еще нѣтъ никакого офиціальнаго званія, но онъ участвуетъ во всѣхъ новыхъ затѣяхъ царя, и тамъ, гдѣ другіе русскіе люди проявляютъ одну лишь пассивную покорность, обнаруживаетъ

энергію и пылъ, свидѣтельствующіе о томъ, что онъ вполнѣ проникся намѣреніями царя.

Начались нововведенія. На первомъ-же пріемѣ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ Петръ, среди разговоровъ и привѣтствій, набрасывается на близкихъ бояръ съ ножницами въ рукахъ и собственноручно обрѣзываетъ имъ бороды. То же самое продѣлываетъ Меншиковъ съ членами ратуши и приводитъ остриженныхъ на показъ царю въ Успенскій соборъ. Во дворцѣ у него шьютъ французскіе и итальянскіе кафтаны для приближенныхъ и прислуги. Устраивается Семеновскій полкъ—Меншиковъ шьетъ для него знамена.

Впрочемъ, та же исполнительность, то же стараніе угодить государю замѣчаются и въ такихъ случаяхъ, которые рисуютъ Меншикова въ очень непривлекательномъ свѣтѣ. Одновременно съ нововведеніями въ одеждѣ, съ гоненіемъ на бороды начинаются страшны стрѣлецкіе розыски и казни. Это, какъ извѣстно, самыя мрачны страницы въ русской исторіи со временъ Грознаго... Ожесточенны новымъ возмущеніемъ своихъ старыхъ враговъ, не разъ уже злоумышлявшихъ противъ его жизни, видя въ нихъ постоянный неизсякаемый источникъ смутъ и заговоровъ, Петръ рѣшилъ совершенно уничтожить стрѣлецкое войско и обнаружилъ въ расправѣ съ мятежниками неслыханную жестокость. Онъ не только присутствовалъ при допросахъ и пыткахъ стрѣльцовъ, но, по словамъ нѣкоторыхъ современниковъ, самъ дѣйствовалъ топоромъ и собственноручно отрубилъ въ Преображенскомъ головы пятерымъ стрѣльцамъ. Меншиковъ и въ этомъ подражаетъ своему повелителю. Не имѣя никакихъ личныхъ причинъ раздѣлять ожесточеніе Петра, онъ однако не уступаетъ ем въ жестокости и расправляется съ стрѣлецкими головами съ столь же легкимъ сердцемъ, какъ и съ бородами чиновниковъ. Очевидцы разсказываютъ, что 17 октября, въ день особенно многочисленныхъ стрѣлецкихъ казней, царь заставлялъ и бояръ исполнять роль па ачей Тѣ повиновались, но блѣдные, съ трясущимися отъ ужаса ру иностранцы-же—Блюмбергъ и Лефортъ — наотрѣзъ отказались, говоря, что въ ихъ земляхъ этого не водится. Одинъ только „царскій любимецъ Алексашка“ хладнокровно и съ изумительной ловкостью принималъ участіе въ кровавой расправѣ. Онъ самъ хвалился потомъ, что въ этотъ день обезглавилъ 20 человѣкъ, а одного, стонавшаго на колесѣ, по приказанію Петра пристрѣлилъ изъ фузеи.

Все это конечно производитъ теперь отталкивающее впечатлѣніе, рисуетъ Меншикова, какъ человѣка, съ очень невыгодной стороны. Но не такъ смотрѣлъ на дѣло Петръ. Встрѣчая со всѣхъ сторонъ

ивое или плохо скрываемое неодобреніе, ропотъ и въ лучшемъ слу-
аѣ только пассивное повиновеніе, онъ не могъ не цѣнить человѣка,
бнаруживавшаго такое живое сочувствіе къ нему, такое пониманіе
его плановъ, исполнявшаго всякое его приказаніе такъ толково,
хотно, не щадя ни себя, ни другихъ. Что-бы ни затѣялъ Петръ,
онъ всегда находилъ въ Меншиковѣ энергичнаго и ловкаго испол-
ителя, схватывавшаго его мысль съ поразительной легкостью. Этотъ
ичему не учившійся человѣкъ все понималъ, ко всему примѣнялся.
съ смѣтливостью истинно-русскаго человѣка онъ быстро усвоивалъ
уть всякаго новаго дѣла, не гнушался никакой работой, не зналъ
евозможнаго. Къ тому-же онъ умѣлъ, какъ никто, льстить вкусамъ
слабостямъ государя. При такихъ условіяхъ немудрено, что перво-
чальное простое расположеніе царя къ образцовому денщику ста-
ло все сильнѣе, переходило въ болѣе глубокое дружеское
ство, и что вмѣстѣ съ тѣмъ ловкій, вкрадчивый любимецъ неза-
тно пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе на своего повелителя.

Въ запискахъ иностранцевъ попадаются замѣтки, свидѣтель-
твующія о томъ, какъ сильно уже въ то время было вліяніе цар-
каго любимца. Такъ однажды, скоро послѣ возвращенія изъ-за-
раницы, въ 1698 г., на пиру у Лефорта царь сталъ упрекать Шеина
а неправильное производство офицеровъ во время его отсутствія и при-
шелъ въ такой гнѣвъ, что чуть не изрубилъ виновнаго саблей. Лю-
бимцы Петра, Никита Моисеевичъ Зотовъ и князь Ромодановскій пы-
тались успокоить его, но первому достался ударъ въ голову, а вто-
рому Петръ пересѣкъ пальцы почти до половины. Не помогло и
ѣ ступничество Лефорта, которому также досталось нѣсколько ударовъ.
Дѣло могло-бы кончиться очень плачевно для несчастнаго Шеина,
но тутъ неразлучный съ царемъ Алексашка увелъ Петра въ другую
комнату, и скоро тотъ вернулся къ кампаніи въ веселомъ настроеніи.

Сцены, вродѣ описанной, безъ сомнѣнія, повторялись не разъ
... болѣе скрѣпляли связь между царемъ и Меншиковымъ. Петръ,
всегда охотно признававшій свои ошибки, конечно долженъ былъ
чувствовать признательность къ человѣку, удержавшему его во-время
отъ поступка, въ которомъ ему потомъ пришлось-бы раскаиваться,
эта признательность была тѣмъ болѣе заслужена, что противорѣ-
чить царю, когда онъ былъ не въ духѣ, было далеко небезопасно
даже для его любимца. Случалось, что царь и его подъ сердитую
руку угощалъ жестокой потасовкой *).

*) Секретарь австр. посольства Корбъ, въ „Дневникѣ“ котораго разсказанъ вышеприведенный случай, пишетъ отъ 15 мая 1698—

Впрочемъ, какъ ни замѣтно уже было въ то время вліяніе Меншикова, онъ все еще числился только сержантомъ Преображенскаго полка и вѣроятно по прежнему исполнялъ при царѣ обязанности денщика. Изъ сохранившагося письма къ нему Петра отъ 1700 г. видно, что онъ завѣдывалъ между прочимъ домашнимъ хозяйствомъ царя.

„Мейнъ Герценкинъ (дитя моего сердца!)—пишетъ ему Петръ.—Вели вычистить вездѣ и починить. Также вели въ спальной сдѣлать полъ липовый, да и въ другихъ вели новые полы передѣлать. Также вели пиво слободское и другое Андреева въ ледъ засѣчь. Также вели сдѣлать вновь погребъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ботъ стоитъ или гдѣ старая баня. Также и во всемъ осмотри и прикажи. А самъ для Бога не мѣшкай, а для чего, самъ знаешь. За симъ передаю васъ въ сохраненіе всѣхъ хранителя Бога“.

Что этотъ расторопный денщикъ, мастеръ на всѣ руки, займетъ когда-нибудь первое послѣ царя мѣсто въ Россіи—это конечно никому и въ голову не приходило. Для всѣхъ—и русскихъ, и иностранцевъ—онъ пока не болѣе, какъ любимый слуга, который имѣетъ подчасъ вліяніе на государя и котораго поэтому не мѣшаетъ задобрить на случай нужды. Генералъ Гордонъ въ своихъ запискахъ отъ 1694 г. разсказываетъ, что въ праздникъ Рождества къ нему пришли для поздравленій нѣкій Ермолай Даниловичъ, „извѣстный Алексашка“ и другіе, и что первому онъ подарилъ червонецъ, а прочимъ, въ томъ числѣ и „извѣстному Алексашкѣ“, всего по талеру. Въ описываемое время, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, Меншикову, надо полагать, не предложили-бы уже одного талера, но и теперь, какъ мы видѣли, онъ для всѣхъ только „извѣстный Алексашка“, любимый камердинеръ и не болѣе. Самъ Петръ конечно болѣе высокаго мнѣнія о своемъ Алексашѣ. „Дитя моего сердца“ называетъ онъ его въ вышеприведенномъ письмѣ, и это обращеніе, въ связи съ многими другими чертами, кажется намъ очень характернымъ. Въ немъ слышится какая-то особая сердечность, что-то дѣйствительно отеческое, словно Петръ, пользуясь пока услугами своего любимца лишь въ дѣлахъ домашняго обихода, предназначаетъ его въ будущемъ къ болѣе широкой дѣятельности, словно онъ видитъ въ немъ своего ученика, подающаго большія надежды. Пока эти надежды еще

---

99 г.: „Извѣстный при дворѣ по царской къ нему милости Алексашка шепталъ что-то на ухо царю, который, уѣзжая изъ Воронежа въ Азовъ, уже находился въ лодкѣ. Царь былъ затѣмъ такъ разсерженъ, что далъ своему докучливому совѣтнику нѣсколько пощечинъ, отъ которыхъ тотъ упалъ замертво у ногъ разгнѣваннаго государя“.

не оправдались на дѣлѣ, пока ученикъ не проявилъ себя на чемъ-нибудь существенномъ, Петръ, ставившій всегда на первомъ планѣ интересы государства, награждавшій не лица, а заслуги, не станетъ награждать его чинами, выдѣлять изъ среды другихъ. Напротивъ, выказывая ему открыто свое расположеніе, онъ въ то-же время не хочетъ возбуждать въ немъ чрезмѣрныхъ надеждъ, сдерживаетъ его разростающееся честолюбіе. „Когда кто-то изъ придворныхъ, разсказываетъ Корбъ, ходатайствовалъ передъ царемъ, чтобы онъ своего любимца возвелъ въ дворянское достоинство и далъ ему званіе стольника, царь отвѣчалъ, что Александръ уже и безъ того присвоиваетъ себѣ почести, на которыя не имѣетъ права, и что надобно уменьшать въ немъ честолюбіе, а не увеличивать его". Но эта сдержанность со стороны Петра соблюдается только до поры, до времени. Какъ только заслуги его любимца станутъ явны для всѣхъ, царь не пожалѣетъ для него никакихъ почестей, будетъ награждать его съ истинно-царскою щедростью.

ГЛАВА II.

Великая Сѣверная война. — Возвышеніе Меншикова. — Меншиковъ — губернаторъ Петербурга. — Награды и милости. — Меншиковъ въ Литвѣ. — Побѣда при Калишѣ. — Меншиковъ — свѣтлѣйшій князь. — Побѣда подъ Лѣснымъ; взятіе Батурина; Опошня, Полтава, Переволочная. — Меншиковъ — фельдмаршалъ. — Военныя заслуги Меншикова. — Отзывы о немъ современниковъ; ихъ пристрастность. — Общая ненависть къ фавориту.

Начавшаяся въ 1700 г. Сѣверная война, имѣвшая такія громадныя послѣдствія для Россіи, является также поворотнымъ пунктомъ въ жизни Меншикова, которому открыла путь къ возвышенію.

Извѣстны главные фазисы этой войны. Послѣ первыхъ пораженій, понесенныхъ неопытнымъ русскимъ войскомъ, Петръ не упалъ духомъ и, дѣйствуя болѣе осторожно, набираясь опытности и силъ, постепенно научился побѣждать своихъ „учителей" — шведовъ. Въ то время, какъ Карлъ XII, презирая противника, котораго безъ всякаго труда разбилъ при Нарвѣ, обратилъ всѣ свои силы противъ болѣе опаснаго, на его взглядъ, Августа, Петръ, пользуясь тѣмъ, что „Шведъ увязъ въ Польшѣ", сталъ прочищать себѣ путь къ Бал-

тійскому морю. Одинъ за другимъ сдавались ему плохо защищенные города Лифляндіи и Ингріи. Главнымъ начальникомъ русскихъ войскъ былъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, но при войскѣ находился самъ царь—бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ (въ поручики онъ былъ произведенъ послѣ Нарвскаго сраженія, въ которомъ также принималъ участіе), и одна изъ первыхъ побѣдъ русскаго оружія была одержана при ихъ содѣйствіи. 11 октября 1702 г. сдался Петру Нотебургъ, переименованный Петромъ въ Шлиссельбургъ, и Меншиковъ, выказавшій при штурмѣ крѣпости особенную храбрость, былъ назначенъ ея комендантомъ. Въ слѣдующемъ году онъ участвовалъ во взятіи Ніеншанца, маленькаго городка, стороживпаго устье Невы, а спустя нѣсколько дней (10 мая 1703 г.) одержалъ вмѣстѣ съ Петромъ морскую побѣду надъ Шведами. Побѣда была въ сущности незначительная—русскимъ удалось на лодкахъ окружить и взять два шведскихъ корабля, подошедшихъ къ устьямъ Невы; но это былъ первый нашъ успѣхъ на морѣ, и Петръ съ особенной радостью поздравилъ своихъ сподвижниковъ съ „никогда небывалой викторіей“. За это дѣло Меншиковъ наравнѣ съ царемъ были пожалованы отъ адмирала Головина орденомъ Андрея Первозваннаго. 16 мая того-же года на одномъ изъ острововъ шведскаго устья былъ заложенъ новый городокъ, который долженъ былъ служить пристанищемъ иностраннымъ кораблямъ. Это и былъ знаменитый „парадизъ“ Петра Великаго, его „окно въ Европу“, новая столица Россіи—Петербургъ. Одинъ изъ бульверковъ новаго укрѣпленія, раньше всѣхъ другихъ выстроенный Меншиковымъ, названъ по его имени, и скоро на Петербургской сторонѣ, противъ царскаго дворца, извѣстнаго теперь подъ названіемъ „Домика Петра Великаго“, выстроился и домъ для Меншикова, получившій названіе Посольскаго двора, такъ какъ въ немъ принимались иноземные послы. Первымъ губернаторомъ Петербурга и вновь завоеваннаго края назначенъ Меншиковъ.

Уже со времени своего назначенія комендантомъ Шлиссельбурга Меншиковъ получаетъ возможность дѣйствовать болѣе самостоятельно. Петръ, дотолѣ неразлучный съ своимъ любимцемъ, уѣзжаетъ въ Москву, и послѣдній, оставшись одинъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, съ честью исполняетъ возложенныя на него обязанности. На берегахъ Невы онъ отбивается отъ шведовъ, ѣздитъ въ Олонецкъ, гдѣ занимается приготовленіями къ постройкѣ флота, необходимаго для отнятія у шведовъ устья Невы. А у губернатора Петербурга еще больше дѣла. Устройство новаго города и защита только-что поко-

рѣнаго края, на который шведы впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣлали безпрерывныя нападенія, требуютъ неутомимой дѣятельности. Благодаря энергіи и распорядительности Меншикова, новый городокъ, заложенный на пустынныхъ устьяхъ Невы, начинаетъ быстро обстраиваться; появляется рядъ домовъ для царя и его вельможъ на Васильевскомъ островѣ, и уже въ ноябрѣ того-же года къ нему пристаетъ первый иностранный корабль. Въ іюлѣ Меншиковъ поѣхалъ на Свирь, гдѣ нашелъ лѣса, пригодные для постройки кораблей, и при Лодейномъ Полѣ заложилъ верфь, извѣстную впослѣдствіи подъ названіемъ Олонецкой; здѣсь строились военныя суда, предназначавшіяся въ Финскій заливъ. Ему-же предоставлено было построеніе Кроншлота и Кронштадта, который долженъ былъ служить мѣстопребываніемъ создаваемаго военнаго флота.

Первые успѣхи Меншикова на военномъ и административномъ поприщѣ являются, какъ мы уже сказали, началомъ новаго фазиса въ его жизни. „Извѣстный Алексашка“, сдѣлавшись губернаторомъ Меншиковымъ, выходитъ окончательно на страницы исторіи. Его природныя способности, до сихъ поръ проявлявшіяся лишь на мелочахъ, находятъ себѣ наконецъ достойное примѣненіе и начинаютъ быстро развертываться. По отношенію къ Петербургу, можно смѣло сказать, что новая столица Россіи обязана своимъ созданіемъ столько-же творческой мысли государя, сколько энергіи, распорядительности и умѣнью своего перваго губернатора.

И въ отношеніяхъ Петра къ его любимцу замѣчается новый оттѣнокъ. Блестящіе результаты, полученные, благодаря дѣятельности Меншикова, въ новомъ краѣ, окончательно убѣждаютъ царя, что онъ не ошибся въ своемъ выборѣ. Денщикъ Меншиковъ недаромъ прошелъ военную школу въ потѣшныхъ ротахъ, недаромъ бралъ уроки кораблестроительства у Сардамскихъ плотниковъ. „Дитя сердца“ начинаетъ оправдывать возлагавшіяся на него надежды и мало-помалу становится настоящимъ сотрудникомъ царя-преобразователя. Любопытно, что эта постепенная перемѣна въ отношеніяхъ Петра къ любимцу сказывается и въ его обращеніи къ послѣднему въ письмахъ. Свои повелѣнія главнымъ сподвижникамъ Петръ надписывалъ обыкновенно собственноручно—по-голландски или по-нѣмецки: Min Her Kenih—писалъ онъ князю Ромодановскому; Бор. Петр. Шереметеву онъ обыкновенно писалъ: Min Her General-Feldmarschal, другимъ просто Min Her. Обращеніе-же къ Меншикову не только лишено всякой оффиціальности, но и отличается любопытнымъ разнообразіемъ и послѣдовательностью въ эпитетахъ. До 1703 г.

онъ называетъ его „Мейнъ Герцъ“ и „Мейнъ Герценкинъ“, въ 1704 г. мы встрѣчаемъ въ письмахъ царя эпитеты „Мейнъ либсте Камаратъ“, „Мейнъ Либсте Фрейнтъ“, а потомъ постоянно до конца 1706 г. „Min Bruder“. Быть-можетъ эта перемѣна въ обращеніи совершенно безсознательная, но отъ этого, на нашъ взглядъ, она является не менѣе характерной.

Теперь, когда заслуги любимца не подлежатъ больше сомнѣнію, Петръ, повидимому, не считаетъ уже нужнымъ сдерживать его честолюбіе. Награды и милости сыплются на него безъ конца. Между прочимъ, онъ назначается даже гофмейстеромъ царевича Алексѣя. Въ томъ-же (1703 г.) Петръ, отправляясь въ Воронежъ, останавливается въ обширной и красивой дачѣ Меншикова, при истокѣ р. Воронежа, и основываетъ для своего любимца городъ Оранienбургъ. Меншиковымъ начинаютъ серьезно интересоваться и заграницей. Еще въ 1702 г. императоръ австрійскій Леопольдъ, желая оказать вниманіе царю, съ которымъ добивался союза, возвелъ его фаворита въ достоинство имперскаго графа. Это былъ только второй случай, когда русскій становился графомъ Римской имперіи — первымъ графомъ былъ генералиссимусъ и великій адмиралъ Головинъ. Но продолжающаяся война открываетъ Меншикову все новые и новые пути къ возвышенію.

Въ 1705 г. театръ военныхъ дѣйствій переносится въ глубь Литвы, и Меншиковъ, вызванный туда царемъ, пожинаетъ новые лавры. Теперь онъ уже начальникъ кавалеріи и хотя по рангу занимаетъ второе мѣсто въ арміи, такъ какъ состоитъ подъ начальствомъ фельдмаршала Огильви, но въ сущности заправляетъ всѣмъ. Огильви въ своихъ донесеніяхъ царю постоянно жалуется на самоуправство „принца Александра“, какъ онъ называетъ любимца, на то, что генералы, особенно русскіе, рапортуютъ прежде послѣднему, чѣмъ ему. Но Петръ, разобравъ жалобы, обыкновенно принимаетъ сторону Меншикова и даже велитъ иногда самому фельдмаршалу слушаться его приказаній. „Также не забывайте, пишетъ онъ Огильви, находящемуся въ Гродиѣ, словъ *господина моего товарища*, который приказывалъ вамъ при отъѣздѣ своемъ, чтобы вы больше цѣлость войска хранили, нежели на иныхъ смотрѣли“. Въ іюнѣ 1706 г. Огильви, которымъ Петръ былъ недоволенъ за его дѣйствія въ Гродиѣ, увольняется изъ русской службы, и скоро послѣ этого Меншиковъ блестящей побѣдой надъ Шведами доказываетъ всему свѣту, что русское войско не нуждается болѣе въ наемномъ фельдмаршалѣ: 18 октября того-же года, въ битвѣ при Калишѣ, онъ разбиваетъ наголову 30-ти ты-

сячное непріятельское войско подъ начальствомъ генерала Мардефельда, „Не въ похвалу себѣ вашей милости доношу, писалъ онъ Петру. такая была баталія, что радостно было смотрѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ регулярно бились, и зѣло чудесно видѣть, какъ все поле устлано мертвыми тѣлами"... Заслуги Меншикова въ этомъ дѣлѣ тѣмъ выше, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только корпусъ кавалеріи, считавшейся тогда самой слабой стороной русской арміи, но онъ пополнилъ недостатокъ пѣхоты тѣмъ, что велѣлъ спѣшиться двумъ драгунскимъ полкамъ и самъ со шпагой въ рукѣ повелъ ихъ въ атаку. Интересно, что въ битвѣ этой долженъ былъ участвовать и польскій король Августъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ тайно заключившій съ Карломъ Альтранштадскій миръ. Лицомъ къ лицу съ Меншиковымъ, король не осмѣлился объявить о своемъ отпаденіи отъ союза съ Петромъ. Онъ пытался уговорить его не дать сраженія, но Меншиковъ твердо объявилъ, что, совершивъ такой далекій походъ и подойдя къ непріятелю на милю разстоянія, не хочетъ возвращаться, не посмотрѣвъ на него поближе. Volens-nolens пришлось бѣдному королю принять участіе въ сраженіи, а потомъ совершать вмѣстѣ съ побѣдителемъ благодарственные молебны по случаю побѣды надъ своимъ новымъ союзникомъ.

За это славное дѣло Петръ отблагодарилъ Меншикова подаркомъ трости, украшенной драгоцѣнными каменьями (стоимостью въ 3064 р. 16 алт. 4 деньги, какъ значится въ расходной книгѣ посольскаго приказа). Король Августъ съ своей стороны пожаловалъ ему вотчины Полонное и Межеричи.

Въ томъ-же году Меншиковъ былъ возведенъ въ достоинство князя Римской Имперіи, о чемъ особенно усердно хлопоталъ при вѣнскомъ дворѣ воспитатель царевича, баронъ Гюйсенъ, а 30 мая 1707 г., въ день своего рожденія, Петръ, находясь въ мѣстечкѣ Казиміровѣ, пожаловалъ Меншикова Всероссійскимъ княземъ Ижорской земли съ титуломъ Свѣтлѣйшаго, причемъ города Конорье и Ямбургъ, лежащіе въ этомъ княжествѣ, были отданы ему въ вѣчное потомственное владѣніе.

Сраженіе при Калишѣ было первой правильной битвой, выигранной русскими у непобѣдимыхъ до сихъ поръ шведовъ. Съ этого времени военное счастье начинаетъ измѣнять послѣднимъ. Несмотря на побѣду подъ Головчинымъ, несмотря на постоянное отступленіе русскихъ, Карлъ начинаетъ сознавать, что напрасно презиралъ этого противника, и считаетъ уже нужнымъ заручиться противъ него союзникомъ въ лицѣ малороссійскаго гетмана. Любопытно, что когда

послѣ Альтранштадскаго мира явился вопросъ, куда именно направится теперь Карлъ, которому оставалось только покончить съ русскими, одинъ только Меншиковъ угадалъ его намѣренія. Одни изъ генераловъ полагали, что Карлъ направится на Петербургъ; это мнѣніе раздѣлялъ и самъ Петръ. Другіе ожидали, что онъ пойдетъ на Москву, что было также очень правдоподобно. Одинъ Меншиковъ выразилъ предположеніе, что Шведы вступятъ въ Малороссію. Никто съ нимъ не соглашался, но послѣдствія доказали, что его предположеніе было вѣрно. Впрочемъ, Петръ по его совѣту еще раньше укрѣпилъ Кіевъ.

Не входя въ подробности касательно хода войны и военныхъ дѣйствій Меншикова, укажемъ только на побѣду подъ Лѣснымъ, одержанную имъ вмѣстѣ съ Петромъ надъ 16-ти тыс. войскомъ Левенгаупта, спѣшившимъ изъ Лифляндіи на соединеніе съ Карломъ, причемъ побѣдителямъ достался весь огромный обозъ шведовъ, на который такъ разсчитывалъ король. Еще важнѣе было взятіе Батурина. Какъ только была получена вѣсть объ измѣнѣ Мазепы, Меншиковъ, по порученію Петра, поспѣшилъ къ гетманской столицѣ и взялъ ее приступомъ почти на глазахъ у шведовъ, находившихся всего въ 6 миляхъ разстоянія. Удачное исполненіе этого порученія имѣло громадныя послѣдствія для Россіи. Малороссія, устрашенная разгромомъ Батурина, не взбунтовалась, какъ ожидали Карлъ XII и Мазепа, и Шведы, разсчитывавшіе на поддержку казацкихъ полковъ и на богатые хлѣбные магазины Батурина, поняли наконецъ, какую громадную ошибку совершили они, зайдя такъ далеко въ непріятельскую страну, гдѣ они были совершенно отрѣзаны отъ родины.

Но самымъ славнымъ, самымъ блестящимъ дѣломъ въ этой войнѣ,—дѣломъ, съ которымъ неразрывно связано и имя Меншикова, была знаменитая Полтавская битва. Благодаря искусному образу дѣйствій Петра, благоразумно уклонявшагося до сихъ поръ отъ генеральнаго сраженія, но ослаблявшаго непріятеля мелкими стычками и побѣдами надъ отдѣльными отрядами, Шведы не представлялись уже болѣе такими страшными противниками, какъ въ началѣ войны. Прежній ореолъ непобѣдимости исчезъ. Войско Карла XII значительно убавилось, къ тому же терпѣло недостатокъ во всемъ, такъ какъ Меншиковъ, отступая передъ непріятелемъ, жегъ и опустошалъ все на своемъ пути. Шведы находились теперь въ такомъ-же положеніи, какъ Французы въ 1812 году. Они разсчитывали найти отдыхъ и изобиліе въ Малороссіи, но и эта надежда не оправдалась. Оставался одинъ только исходъ—заставить Петра во что-бы то ни стало принять генеральное сраженіе и побѣдить его, чтобы не умереть

съ голоду. Но и Петръ долженъ былъ наконецъ рѣшиться поставить вопросъ ребромъ и сразиться съ непобѣдимымъ Карломъ, такъ какъ продолжать отступать при прежнихъ условіяхъ значило разорять собственную страну.

Въ апрѣлѣ 1709 г. Карлъ осадилъ Полтаву. Около двухъ мѣсяцевъ простоялъ онъ у этого города, гдѣ надѣялся найти большіе запасы. Полтавскій комендантъ Келинъ мужественно отражалъ всѣ приступы и даже самъ дѣлалъ смѣлыя вылазки противъ непріятеля. Однако долго держаться онъ не могъ: необходимо было усилить гарнизонъ. И вотъ Меншиковъ задумываетъ и приводитъ въ исполненіе ловкую диверсію. Напавъ внезапно (7 мая) на одинъ изъ шведскихъ отрядовъ, стоявшихъ подъ Опошней, и вытѣснивъ его изъ ретраншементовъ, онъ отвлекъ вниманіе непріятеля отъ города, и въ то время, какъ онъ преслѣдовалъ разбитыхъ шведовъ и какъ къ нимъ спѣшилъ на помощь самъ король, русскіе съ другой стороны проникли въ Полтаву и усилили ея гарнизонъ на 1200 человѣкъ.

Наконецъ, рѣшительный моментъ, одинаково нетерпѣливо и съ тревогой ожидаемый теперь обѣими сторонами, наступилъ. Петръ пріѣхалъ къ войску, и 27 іюня „грянулъ бой, Полтавскій бой“... Битва началась въ 9 часовъ утра и черезъ 2 часа все было кончено. Петръ и Меншиковъ распоряжались въ огнѣ; шляпа на Петрѣ и сѣдло его были прострѣлены; подъ Меншиковымъ, командовавшимъ лѣвымъ крыломъ, убиты 3 лошади. Карлъ, раненый наканунѣ въ ногу, велѣлъ возить себя въ носилкахъ между рядами войскъ. Вдругъ ядро ударило въ носилки и король упалъ на землю. Пронесся слухъ, что онъ убитъ. Паника быстро распространилась между рядами, уже сильно поколебавшимися отъ натиска русскихъ, и— „непобѣдимые“ бѣжали.

„Побѣда при Полтавѣ, говоритъ Соловьевъ, была однимъ изъ величайшихъ всемірно-историческихъ событій; могущество шведовъ, созданное искусственно, посредствомъ завоеваній, было сокрушено; исчезла завѣса, скрывавшая Россію отъ остальной Европы, и передъ изумленными народами запада явилось новое обширное и могущественное государство, умѣвшее побѣдить вождя и войско, считавшіяся до сихъ поръ непобѣдимыми. При громѣ Полтавской битвы родился для Европы, для общей европейской жизни, новый великій народъ“.

Побѣдители съ радости забыли о непріятелѣ и принялись пировать. Петръ обѣдалъ въ палаткѣ Меншикова со всѣми своими министрами и плѣнными шведскими генералами. Но на другой день

Меншиковъ отправился въ погоню за уцѣлѣвшими шведами и 30-го настигъ Карла XII у Переволочны. Самъ король успѣлъ бѣжать на другую сторону Днѣпра, но генералъ Левенгауптъ, командовавшій остатками шведской арміи (10 тыс. чел.), сдался въ плѣнъ Меншикову.

Еще на полѣ битвы при Полтавѣ Петръ, предъ лицомъ всего войска, призналъ заслуги Меншикова въ этомъ славномъ дѣлѣ и пожаловалъ его въ фельдмаршалы. Сверхъ того Меншиковъ получилъ во владѣніе города Почепъ и Ямполь.

* * *

Полтавское сраженіе завершаетъ собою періодъ самой блистательной дѣятельности Меншикова, какъ полководца. Втеченіе 9 лѣтъ, истекшихъ со времени объявленія Сѣверной войны, сержантъ Меншиковъ успѣлъ дослужиться до званія фельдмаршала, безродный денщикъ „Алексашка“ превратился въ „свѣтлѣйшаго князя“, въ богатѣйшаго и могущественнѣйшаго вельможу своего времени. Карьера поразительная, неслыханная, настоящее сказочное превращеніе!... Но послѣ всего, что намъ извѣстно уже о необыкновенной привязанности къ нему царя—невольно возникаетъ вопросъ: въ какой степени это быстрое возвышеніе было заслужено Меншиковымъ, и не обязанъ-ли онъ своей славой полководца пристрастному отношенію Петра, который, правда, отличался рѣдкой проницательностью и умѣніемъ выбирать своихъ людей, но все-же въ данномъ случаѣ могъ значительно преувеличивать заслуги своего любимца.

Въ настоящее время, при томъ обиліи данныхъ, какое имѣется въ нашемъ распоряженіи для оцѣнки дѣятельности Петра и его сподвижниковъ, рѣшеніе этого вопроса не представляетъ большихъ трудностей и можетъ воспослѣдовать только въ благопріятномъ для Меншикова смыслѣ. Блестящій успѣхъ, какимъ сопровождались всѣ военныя дѣйствія князя, его энергичная и умѣлая дѣятельность въ качествѣ администратора завоеваннаго края доказываютъ лучше всего, что Петръ награждалъ и возвышалъ Меншикова не какъ любимца, а какъ одного изъ самыхъ вѣрныхъ, знающихъ и дѣятельныхъ своихъ сотрудниковъ. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что большинство современниковъ относилось къ заслугамъ „свѣтлѣйшаго князя“ болѣе чѣмъ скептически и видѣло въ немъ только рѣдкаго баловня счастья, возвышеннаго царемъ по непонятному капризу.

Считаемъ небезъинтереснымъ привести тутъ три характеристики

Меншикова, сдѣланныя въ описываемый періодъ тремя иностранцами, представителями разныхъ державъ.

Въ 1705 г. англійскій чрезвычайный посолъ Витвортъ, на котораго возложена была миссія хлопотать при русскомъ дворѣ о предоставленіи англійскимъ купцамъ разныхъ торговыхъ монополій, въ томъ числѣ и табачной, дѣлаетъ слѣдующую характеристику царскаго фаворита:

„Это человѣкъ очень низкаго происхожденія, необыкновенно порочныхъ наклонностей, вспыльчивый и упрямый. Мнѣ передавали изъ достовѣрнаго источника, что онъ не умѣетъ ни писать, ни даже читать. Низкое происхожденіе не дало ему случая получить образованія, а прямое возвышеніе на высшія должности, помимо всякаго подчиненнаго положенія, лишило его возможности сдѣлать личныя наблюденія или научиться чему-нибудь изъ собственнаго опыта. Между тѣмъ онъ своимъ рвеніемъ и вниманіемъ къ царской волѣ съумѣлъ войти въ безпримѣрную милость къ царю; онъ состоитъ дядькой его царевича, губернаторомъ Ингріи, да собственно и всего государства Московскаго, въ которомъ ничто не дѣлается безъ его согласія, хотя онъ напротивъ часто распоряжается безъ вѣдома царя, въ полной увѣренности, что распоряженія его будутъ утверждены. Онъ заявляетъ притязанія на такую-же неограниченную власть въ арміи, что уже не разъ вызывало и вѣроятно еще не разъ вызоветъ серьезныя столкновенія съ фельдмаршаломъ Огильви“...

Въ 1708 г. (въ донесеніи отъ 17 сент.) Витвортъ, несмотря на побѣду, одержанную Меншиковымъ при Калишѣ, повидимому ничуть не перемѣнилъ своего прежняго мнѣнія о немъ:

„Величайшее горе царя — недостатокъ хорошихъ генераловъ, пишетъ онъ.—Фельдмаршалъ Шереметевъ, человѣкъ, несомнѣнно обладающій личной храбростью, до сихъ поръ не имѣлъ дѣла съ регулярной непріятельской арміей и не достаточно опытный. Князь А. Меншиковъ, командующій кавалеріей, второй по рангу, но первый по значенію. Его вліяніе на гражданскія и военныя дѣла безгранично, такъ какъ царь обыкновенно слѣдуетъ его рѣшеніямъ, подчасъ даже вопреки собственному мнѣнію... характеръ его вообще очень непривлекательный. Для военнаго дѣла онъ не обладаетъ ни *знаніемъ*, ни *опытностью*, ни *способностью научиться чему-нибудь*, ни *храбростью* въ дѣлѣ, что ясно выразилось въ недавнемъ безпорядочномъ отступленіи отъ Вислы къ Днѣпру“.

Въ пояснение этой болѣе чѣмъ нелестной характеристики необходимо замѣтить, что Меншиковъ всячески противодѣйствовалъ Витворту въ его миссіи и особенно отговаривалъ царя отъ предоставленія англичанамъ табачной монополіи, которою, по словамъ посла, хотѣлъ завладѣть самъ. Но и не зная объ этихъ личныхъ счетахъ, не трудно замѣтить явную недоброжелательность и даже не-

искренность автора. Еще понятно, когда Витвортъ говоритъ о недостаткѣ опытности у Меншикова въ 1705 г., хотя у послѣдняго есть уже довольно продолжительное военное прошлое, начиная отъ Нарвы, хотя тотъ-же Меншиковъ и до этой войны побывалъ уже въ дѣлѣ—именно подъ Азовомъ, а вѣдь извѣстно, что война для людей съ соотвѣтствующими способностями самая лучшая и быстро развивающая эти способности школа. Но можно-ли было искренно говорить о недостаткѣ опытности и въ 1708 г., послѣ Калиша и цѣлаго ряда болѣе или менѣе удачныхъ дѣйствій? Какъ-бы то ни было, Меншиковъ скоро—въ сраженіи подъ Лѣснымъ, а потомъ въ дѣлѣ при Опошнѣ и при Полтавѣ, долженъ былъ убѣдить всѣхъ скептиковъ, что онъ обладаетъ и „способностью научиться чему-нибудь, и храбростью въ дѣлѣ“.

Но вотъ мы открываемъ другой источникъ и находимъ, хотя и менѣе рѣзкій, но въ общемъ довольно сходный отзывъ о томъ-же лицѣ. Въ недавно только найденныхъ въ Копенгагенскомъ архивѣ и опубликованныхъ въ русскомъ переводѣ запискахъ датскаго посланника Юста Юля, пробывшаго при русскомъ дворѣ отъ 1709 до 1711 года, мы находимъ, рядомъ съ сообщеніемъ о низкомъ происхожденіи князя и его страшномъ честолюбіи, слѣдующее замѣчаніе: „Уровень ума его средній и во всякомъ случаѣ не соотвѣтствующій тѣмъ многочисленнымъ и важнымъ должностямъ, которыя онъ занимаетъ“. Особенно, какъ мы уже замѣтили, Юля поражаетъ необыкновенная „въ великомъ мужѣ и полководцѣ, какимъ его почитаютъ“, безграмотность Меншикова.

Еще одинъ отзывъ, относящійся къ тому-же періоду.

Нѣкій шведъ Мальмъ, попавшій къ русскимъ въ плѣнъ при взятіи Выборга въ 1710 г. и въ 1714 г. вернувшійся на родину, написалъ сочиненіе о состояніи Россіи при Петрѣ Великомъ. (Сочиненіе это осталось ненапечатаннымъ, но содержаніе его со словъ профессора Шюбергсена вкратцѣ излагается Гротомъ). Раздраженный плѣномъ, вопреки обѣщанію Апраксина свободно пропустить сдавшихся, Мальмъ обнаруживаетъ большую рѣзкость въ сужденіяхъ о русскихъ, но особенно строго отзывается о Меншиковѣ. По его словамъ, послѣдній не имѣетъ необходимыхъ полководцу свѣдѣній и обходится безъ нихъ только благодаря своей смѣлости, изворотливости и присутствію духа. Онъ всячески старается привлекать къ себѣ генераловъ и другихъ высшихъ офицеровъ, но при всей своей ловкости и осторожности не можетъ прикрывать тѣхъ ошибокъ и промаховъ, въ которые ежедневно впадаетъ по военной службѣ. Его завистли-

вость и козни служатъ однимъ изъ главныхъ препятствій дальнѣйшему развитію русской арміи...

Какъ ни краснорѣчиво на первый взглядъ подобное единодушіе въ отзывахъ объ одномъ и томъ-же лицѣ, но послѣ всего сказаннаго мы не считаемъ нужнымъ подробно доказывать ихъ несостоятельность. Если Меншиковъ такъ мало смыслилъ въ военномъ дѣлѣ, если уровень его ума далеко не соотвѣтствовалъ довѣреннымъ ему должностямъ, то какъ могъ Петръ такъ долго оставаться въ заблужденіи на его счетъ, Петръ, для котораго интересъ дѣла стоялъ всегда выше всякихъ личныхъ привязанностей и который не отрѣшалъ своего любимца отъ должностей даже въ то время, когда привязанность его къ „герценкинду“ значительно поубавилась? Наконецъ, какъ объяснить успѣхъ, сопровождавшій почти всѣ дѣйствія Меншикова? Конечно, можно было-бы приписать его исключительно генію Петра, вдохновлявшаго своихъ сподвижниковъ, начертывавшаго имъ планъ дѣйствій, которому оставалось только слѣдовать безъ разсужденій, чтобы получать блестящіе результаты. Такъ повидимому и разсуждали иностранцы. Необыкновенная личность Петра, его мощный умъ, желѣзная энергія, его почти сверхчеловѣческая неутомимость производили такое сильное, такое обаятельное впечатлѣніе на пораженныхъ свершейцевъ, что всѣ окружающіе царя сподвижники совершенно стушевывались въ ихъ глазахъ по сравненію съ послѣднимъ, казались имъ совершенно темными сами по себѣ спутниками, заимствующими весь свой блескъ отъ этого великаго и лучезарнаго свѣтила. Прочтите отзывы иностранцевъ о прочихъ сотрудникахъ Петра—почти всѣ они оказываются полнѣйшими ничтожествами *). Но любопытно то, что тѣ-же самыя лица, которыя хотятъ выставить Меншикова, подобно другимъ сотрудникамъ царя, лишь простымъ исполнителемъ его предначертаній, лишеннымъ всякихъ личныхъ заслугъ, сами-же, того не замѣчая, опровергаютъ свои слова. Напримѣръ, тотъ-же Витвортъ, такъ упорно утверждающій бездарность Меншикова, неоднократно замѣчаетъ, что всѣ распоряженія, касавшіяся военнаго дѣла и администраціи, дѣлались подъ вліяніемъ князя, и чюгда даже вопреки

*) По словамъ французскаго посла Лави, извѣстный своей ученостью Брюсъ и умный даровитый Ягужинскій люди весьма ограниченные. Такъ-же презрительно отзывается другой франц. посланникъ Кампредонъ объ извѣстномъ петровскомъ дипломатѣ Толстомъ, котораго Петръ особенно цѣнилъ именно за его „умную голову“. Кампредонъ-же называетъ его „человѣкомъ, лишеннымъ всякихъ способностей къ политикѣ“.

собственному мнѣнію Петра. То же говоритъ и Юль. Послѣдній даже приводитъ слова самого царя, выразившагося будто-бы про Меншикова слѣд. образомъ: „Безъ меня князь можетъ дѣлать, что ему угодно; я-же безъ князя ничего не сдѣлаю и не приму никакого рѣшенія".

Слова эти, если они дѣйствительно были сказаны, конечно преувеличены и свидѣтельствуютъ только о желаніи Петра выставить передъ иностранцемъ заслуги своего любимца въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Но несомнѣнно и то, что изъ всѣхъ сподвижниковъ Петра, которые большею частью являлись только способными и усердными исполнителями его воли, но только исполнителями, иногда даже въ душѣ и не сочувствующими возложенному на нихъ дѣлу, наибольшую инициативу и самостоятельность обнаруживалъ именно Меншиковъ. И Петръ особенно цѣнилъ въ немъ именно эту инициативу, это умѣніе справляться самому съ затруднительными обстоятельствами, не обращаясь поминутно за указаніями, какъ это дѣлали старые русскіе люди, не привыкшіе къ самостоятельности и при всякомъ непредвидѣнномъ случаѣ безпомощно обращавшіеся къ власти за соотвѣтствующимъ наказомъ, теряя такимъ образомъ драгоцѣнное время. Нисколько не поступаясь своей самодержавной властью, требуя отъ всѣхъ безусловнаго повиновенія своимъ приказаніямъ, Петръ однако хотѣлъ пріучить русскихъ къ самодѣятельности и требовалъ, чтобы посланные съ порученіями поступали по своему разсужденію, смотря по обороту дѣла, „ибо издали нельзя такъ знать, какъ тамъ будучи". И въ этомъ отношеніи смѣлый, находчивый и энергичный Меншиковъ стоитъ несравненно выше всѣхъ другихъ „птенцовъ Петровыхъ". Заимствуя отъ царя только общую идею, общій планъ дѣйствій, онъ является часто совершенно самостоятельнымъ въ разработкѣ его деталей, и результатъ какъ нельзя болѣе оправдывалъ довѣріе къ нему царя.

Какъ-бы то ни было, эти отзывы иностранцевъ, хотя и совершенно для насъ неубѣдительные, очень краснорѣчивы въ другомъ отношеніи. Они свидѣтельствуютъ вообще о сложившемся у европейцевъ взглядѣ на русскихъ, въ которыхъ тѣ не хотѣли замѣчать ничего хорошаго; при такомъ взглядѣ естественно приходилось приписывать внезапное возвышеніе Россіи исключительно генію одного человѣка и заслугамъ окружавшихъ его иностранцевъ и ожидать, что съ кончиной этого человѣка страна вернется къ прежнему варварству. Въ частности-же эти пренебрежительные отзывы о способнѣйшемъ изъ сотрудниковъ Преобразователя, составившіеся конечно подъ вліяніемъ бесѣдъ съ русскими-же людьми, прекрасно рисуютъ отношенія послѣднихъ къ всемогущему фавориту. Неслыханное воз-

вышеніе этого безроднаго человѣка, въ связи съ его надменностью, создали ему массу враговъ и завистниковъ. Его ненавидѣли всѣ—и родовитые люди, постоянно унижаемые заносчивымъ фаворитомъ и глубоко оскорбленные въ своей старой боярской гордости необходимостью подчиняться бывшему пирожнику; ненавидѣлъ его и простой народъ, считавшій его, какъ прежде Лефорта, виновникомъ всѣхъ новшествъ, злымъ геніемъ Петра, поддерживавшимъ въ немъ любовь ко всему иноземному, подбивавшимъ его на всѣ неслыханныя отягощенія народа по случаю шведской войны.

ГЛАВА III.

Семейныя дѣла Петра Великаго и Меншикова. — Дружба Меншикова съ сестрами Арсеньевыми. — Лифляндская плѣнница. — Отношенія ея къ Меншикову. — Женитьба Меншикова. — Дружба съ Петромъ.— Переписка Петра и Меншикова.

Посвятивъ первыя двѣ главы изображенію дѣятельности Меншикова въ періодъ 1700 — 1709 гг. и его быстраго возвышенія въ связи съ возрастающимъ расположеніемъ къ нему царя, мы не можемъ обойти молчаніемъ одно обстоятельство, которое еще тѣснѣе сблизило обоихъ. Эта дружба скоро подвергнется такимъ испытаніямъ, будетъ подрываться такъ часто и такъ сильно, что, не будь этого обстоятельства, послѣдовавшее охлажденіе царя къ его любимцу быть можетъ привело-бы къ болѣе чувствительнымъ для князя послѣдствіямъ, чѣмъ какія оно имѣло въ дѣйствительности. Этимъ новымъ звеномъ въ союзѣ двухъ друзей была женщина—Екатерина.

Семейныя дѣла Петра болѣе или менѣе общеизвѣстны. Женщина, навязанная ему матерью въ супруги еще въ ранней его молодости, никогда не пользовалась его любовью. Воспитанная въ старыхъ понятіяхъ, ненавидѣвшая иноземцевъ Евдокія, съ своими вѣчными жалобами на его частыя отлучки изъ дому, скоро ему опротивѣла совершенно. Петръ нашелъ себѣ болѣе подходящую подругу въ Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ женщины, не живя затворницами, привыкли къ свободному, непринужденному обращенію съ мужчинами. Нѣмка Анна Монсъ надолго завладѣла сердцемъ царя. Такого-же рода интрига завязывается и у Меншикова, но только въ предѣлахъ дворца. Необходимо замѣтить, что послѣ смерти царицы Натальи Кириловны двор-

цовый внутренній бытъ значительно измѣнился: женщины и дѣвицы понемногу выходили изъ теремовъ, и сами царевны не держались строго прежняго затворничества. Царевна Наталья Алексѣевна, родная сестра и любимица Петра, жила въ Преображенскомъ у брата съ своими дѣвицами-боярышнями, и нѣтъ сомнѣнія, что Петръ не стѣснялся посѣщать ее съ своимъ неразлучнымъ Алексашей, и дѣвицамъ-боярышнямъ не приходилось прятаться отъ окружавшихъ Петра молодыхъ людей. Въ числѣ этихъ дѣвицъ были между прочимъ сестры Арсеньевы — Дарья, Варвара и Аксинья (про отца ихъ извѣстно только, что онъ воеводствовалъ гдѣ-то въ Сибири). Меншиковъ очень подружился съ первыми двумя, а съ красавицей Дарьей Михайловной у него завязались и болѣе интимныя отношенія. Слѣды этой любви сохранились въ перепискѣ обѣихъ сестеръ съ Меншиковымъ.

Первыя письма—безъ чиселъ—содержатъ въсебѣ простые поклоны, извѣщенія о здоровьѣ, просьбы не забывать и т. п. Но уже съ 1702 г., съ тѣхъ поръ, какъ начинается дѣятельность Меншикова въ новомъ краѣ, письма—уже съ датами—становятся весьма интересными историческими документами, такъ какъ по нимъ можно прослѣдить почти всѣ движенія Меншикова и Петра, ихъ успѣхи, отношенія обоихъ друзей. Петръ, повидимому, также очень дружески относился къ дѣвицамъ и часто посылалъ имъ поклоны. Но скоро переписка становится еще болѣе оживленной. Къ компаніи Арсеньевыхъ, которыя теперь жили въ Москвѣ вмѣстѣ съ сестрами Меншикова, въ 1704 г. присоединяется еще одно лицо — новая подруга Петра, будущая императрица Екатерина.

Въ августѣ 1702 г., при взятіи Шереметевымъ Маріенбурга, въ числѣ плѣнныхъ досталась ему съ семействомъ пробста Глюка молодая Екатерина, бѣдная сирота, находившаяся въ услуженіи у пробста. Черезъ нѣкоторое время Меншиковъ, увидавъ Катерину въ домѣ Шереметева въ Москвѣ, выпросилъ ее для себя, но и у него красивая молодая плѣнница оставалась недолго. Въ мартѣ 1704 г. Петръ, недавно разошедшійся съ Анной Монсъ, обѣдая у Меншикова, увидѣлъ прислуживавшую за столомъ Катерину,—она произвела на него сильное впечатлѣніе, и онъ увезъ ее къ себѣ.

Такова довольно пошлая, малообѣщающая завязка романа, получившаго такое громадное значеніе не только въ личной жизни Петра, но и для исторіи Россіи. Простая прихоть властелина, не привыкшаго стѣсняться въ удовлетвореніи своихъ страстей, превратилась скоро въ прочную серьезную привязанность. Дочь простого

лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго, бѣдная безграмотная сирота, оказалась такимъ-же баловнемъ счастья, какъ и бывшій пирожникъ. Живая, веселая, съ большимъ природнымъ тактомъ, она съумѣла такъ сильно привязать къ себѣ Петра, что въ 1711 г., отправляясь въ Прутскій походъ, онъ рѣшился тайно повѣнчаться съ ней, хотя оффиціально Екатерина была объявлена его супругой лишь въ 1712 г., по возвращеніи изъ похода.

Связь Петра съ Екатериной, закрѣпившаяся впослѣдствіи бракомъ, имѣла громадное значеніе и для Меншикова. Въ лицѣ Екатерины, помнившей, чѣмъ она обязана ему, онъ пріобрѣлъ себѣ всегдашнюю неизмѣнную заступницу передъ царемъ. Но еще болѣе, чѣмъ память о прошломъ, ихъ связывала очевидная солидарность интересовъ. Оба выхваченные снизу, оба обязанные своимъ необыкновеннымъ возвышеніемъ личному расположенію царя, окруженные со всѣхъ сторонъ врагами и завистниками, они естественно должны были стать союзниками и дѣйствительно всю жизнь взаимно поддерживали другъ друга.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы Меншиковъ съ самаго начала предвидѣлъ будущее значеніе Екатерины и сознательно сталъ подготовлять въ ней союзницу. Вѣроятно, ему и не особенно пріятно было разставаться съ красивой плѣнницей, которая и сама, повидимому, сохранила хорошее воспоминаніе о пребываніи въ его домѣ. Есть нѣкоторыя указанія, что онъ смотрѣлъ на новую связь Петра лишь какъ на временную прихоть и втайнѣ мечталъ о томъ, чтобы выдать за него одну изъ своихъ сестеръ, Анну Даниловну (другая сестра, Марья Даниловна, вышла въ 1703 г. за одного изъ графовъ Головиныхъ). По крайней мѣрѣ, когда однажды на пиру у Мазепы послѣдній напомнилъ князю о его давнишнемъ обѣщаніи отдать сестру за его племянника Войнаровскаго, Меншиковъ, будучи уже нѣсколько подъ хмѣлькомъ, отвѣтилъ: „Нельзя, царское величество самъ хочетъ на ней жениться“. Въ сентябрѣ 1705 г. онъ, между прочимъ, писалъ Дарьѣ Михайловнѣ: „Для Бога, Дарья Михайловна, принуждай сестру, чтобы она училась непрестанно, какъ русскому, такъ и нѣмецкому ученью, чтобы даромъ время не проходило“. Соловьевъ изъ этого письма усматриваетъ намѣреніе честолюбиваго фаворита подготовить Петру достойную подругу. Дѣйствительно-ли у Меншикова имѣлись причины питать подобныя надежды—объ этомъ судить нельзя, за неимѣніемъ другихъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ настолько благоразуменъ, что, замѣтивъ возрастающую привязанность царя къ Екатеринѣ, не сталъ ей противодѣйствовать, а напротивъ,

всячески старался расположить въ свою пользу ту женщину, которая одна была его соперницей въ сердцѣ Петра. Екатерина, не всегда бывавшая въ состояніи слѣдовать за государемъ, который рѣдко оставался подолгу на одномъ мѣстѣ и, словно буря, носился изъ одного конца государства въ другой, находила себѣ на это время пріютъ въ семействѣ Меншикова. Между нею, его сестрой и дѣвицами Арсеньевыми существуютъ самыя тѣсныя дружескія отношенія и постоянная переписка. Екатерина и Меншиковъ также часто обмѣниваются письмами, тонъ которыхъ, сначала фамильярный со стороны Меншикова, постепенно становится болѣе почтительнымъ, вслѣдствіе постепеннаго измѣненія въ положеніи самой Екатерины, но всегда остается дружественнымъ, съ той и другой стороны.

Въ 1706 г. отношенія Меншикова къ Дарьѣ Михайловнѣ Арсеньевой были узаконены наконецъ бракомъ, что отчасти было дѣломъ самого Петра. Интересно, что въ письмахъ Петра къ Меншикову около этого времени попадаются какія-то загадочныя фразы. Такъ, въ декабрѣ 1705 г. онъ пишетъ: „Еще васъ о единомъ прошу, ни для чего, только для Бога и души моей держи свой пароль“. Другой разъ (въ январѣ 1706 г.): „Что вы изволите пароль свой держать, за то зѣло, зѣло благодаренъ“... Къ какому обстоятельству могъ относиться этотъ „пароль“, условленный между Петромъ и Меншиковымъ? Есиповъ полагаетъ, что Петра все-таки смущали прежнія отношенія Меншикова и Екатерины, что онъ боялся возобновленія ихъ и для этого взялъ съ него слово жениться на Арсеньевой, а самъ обѣщалъ жениться на Екатеринѣ. Какъ-бы то ни было, Петръ очень хлопоталъ о женитьбѣ своего друга. 27 іюня онъ вызываетъ его для этого въ Кіевъ: „Еще же зѣло прошу васъ нужно необходимо къ Успеньеву дню быть сюда, чтобы опредѣлить то, о чемъ довольно говорено съ вами, и мой отъѣздъ“. Меншиковъ пріѣхалъ въ Кіевъ и 18 августа Петръ обвѣнчалъ его съ Дарьей Михайловной.

Меншиковъ не имѣлъ повода раскаяваться въ этомъ бракѣ. Въ лицѣ Дарьи Михайловны онъ пріобрѣлъ вѣрную подругу жизни, окружавшую мужа самыми нѣжными попеченіями. Подобно Екатеринѣ, она была, что называется, полковою дамою: она переносила всѣ трудности походной жизни, подвергаясь иногда личной опасности, и при случаѣ даже совершала походы верхомъ. Меншиковъ съ своей стороны также искренно любилъ ее, и когда частыя передвиженія войскъ заставляли ихъ разлучаться, писалъ ей съ каждаго перехода, съ рѣдкимъ вниманіемъ заботился объ ея удобствахъ, осыпалъ подарками. Вообще, по отзывамъ современниковъ, это была въ выс-

шей степени достойная и добрая женщина, и Петръ, заставивъ своего легкомысленнаго друга жениться на ней, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ имѣлъ въ виду его счастье.

Когда въ 1709 г. у княгини въ походѣ родился сынъ, Петръ самъ окрестилъ его, далъ ему двойное имя Лука-Петръ, произвелъ въ поручики Преображенскаго полка и, уѣзжая, оставилъ записку Меншикову: „Новорожденному Лукѣ-Петру дарую, яко крестнику своему, сто дворовъ на крестъ; а гдѣ, то даю на вашу волю, гдѣ вамъ понадобится". Любопытно, для характеристики Меншикова, что послѣдній подходящей деревни въ 100 дворовъ не сыскалъ, а сыскалъ деревню въ 150 дворовъ и письменно просилъ деревню эту отдать ему, а за излишніе 50 дворовъ взять съ него деньги. Петръ конечно денегъ не взялъ и отвѣчалъ ему: „о деревнѣ будь по вашему прошенію, а вычту въ тѣ поры, какъ Богъ дастъ вамъ другого сына".

Вообще, отношенія Петра къ Меншикову втеченіе этого времени представляютъ рѣдкій примѣръ самой нѣжной дружбы, даже болѣе, чѣмъ дружбы. Во всѣхъ письмахъ Петра, среди всѣхъ заботъ и треволненій этого богатаго событіями періода, слышится почти отеческая заботливость его о князѣ, словно вся любовь, которая должна была принадлежать родному сыну царя, перешла на это „дитя сердца". Мы уже говорили, какія нѣжныя прозвища онъ давалъ въ письмахъ своему Алексашѣ, своему Даниличу. Въ его отсутствіе Петръ положительно скучаетъ и ждетъ-не дождется свиданія съ нимъ. Въ каждомъ письмѣ встрѣчаются такія выраженія: „Здѣсь все добро, только дай Боже! видѣть тебя въ радости; самъ знаешь"... „Здѣсь все далъ Богъ изрядно, только объ одномъ не безъ туги, о чемъ извѣстенъ, а паче что сей праздникъ никогда врозь не бывалъ"... „Въ болѣзни моей не меньше тоска разлученія съ вами, что многажды въ себѣ терпѣлъ; но нынѣ уже вящше не могу; извольте ко мнѣ быть поскоряе, чтобы мнѣ веселяе было".

Иногда письма отличаются шутливымъ характеромъ. Въ 1706 г., празднуя Пасху въ Нарвѣ, царь среди веселаго пира пишетъ Меншикову: „Сегодня по обѣднѣ были въ вашемъ дому и разговѣлись, и при окончаніи сего дня паки окончали веселіе въ вашемъ же дому. Воистину слава Богу веселы, но наше веселіе безъ васъ, яко брашно-безъ соли. Лизетъ Даниловна (имя любимой собачки Петра, полученной въ подарокъ отъ Меншикова) лапку приложа челомъ бьетъ". Это письмо по желанію Петра подписано было всѣми гостями, участвовавшими въ празднествѣ, въ томъ числѣ и денщиками.

Но еще болѣе интересны для характеристики ихъ отношеній письма самого Меншикова къ Петру, ничѣмъ не напоминающія писемъ подданнаго къ государю. Всѣ они отличаются самымъ непринужденнымъ товарищескимъ тономъ. Такъ, напр., Меншиковъ никогда не употребляетъ слова величества, а всегда, какъ въ заголовкѣ, такъ и въ самомъ письмѣ, величаетъ Петра тѣмъ чиномъ, какой тотъ носилъ въ данное время по службѣ, напр., капитаномъ, полковникомъ. Обыкновенно письма его начинались словами: „Доношу вашей милости“, причемъ, докладывая о своихъ распоряженіяхъ, о положеніи дѣлъ, онъ никогда не говоритъ, что поступалъ въ данномъ случаѣ по указу царя, а просто по письму, или же говоритъ прямо, что счелъ нужнымъ поступить такъ-то и такъ-то. Попадаются у него и такія выраженія: что хотя-де ваша милость и писали ко мнѣ, чтобы сдѣлать такъ-то, однако же я разсудилъ поступить по иному. Иногда онъ даетъ царю совѣты, указанія. Послѣ битвы при Калишѣ, онъ, между прочимъ, пишетъ Петру: „Пожалуй изволь здѣшнихъ генераловъ повеселить особливыми отъ себя письмами или въ письмѣ ко мнѣ прописать къ каждому особо за ихъ доброе управленіе“. Точно также онъ никогда не подписывался, подобно другимъ сановникамъ, слугой или рабомъ (напр., фельдмаршалъ Борисъ Петр. Шереметевъ, одинъ изъ родовитѣйшихъ сподвижниковъ Петра, всегда подписывался подъ своими письмами къ царю: Вашъ холопъ Бориско), а просто А. Меншиковъ. Нѣкоторыя его письма отличаются такимъ же шутливымъ тономъ, какъ и письма Петра. Въ началѣ 1703 г., когда Петръ былъ на Ладожскомъ озерѣ, Меншиковъ, живя въ Петербургѣ и впервые ознакомясь съ прелестями петербургской зимы, писалъ ему:

„Мой господинъ капитанъ, здравствуй! Зѣло милость вашу мы ожидаемъ; намъ стало скучно, потому что было ведро, а нынѣ вмѣсто его дожди и великіе вѣтры; а для того непрестанно ждемъ васъ; когда изволите пріѣхать, то чаемъ, что паки будетъ ведро. Не вѣдаемъ, для чего такъ замѣшкались; намъ кажется мочно быть, потому что вѣтеръ способный. Развѣ за тѣмъ медленіе чинится, что ренскаго у васъ, вѣдаемъ, есть бочекъ съ десять и больше, также и секу не безъ довольства; и потому мнимъ, что, бочки изпраздня, хотите сюда пріѣхать, или которыя изъ нихъ разсохлись, замачиваете и размачиваете. О чемъ сожалѣемъ, что насъ при томъ не случилось“.

Нельзя сказать, чтобы эта долгая и безпримѣрная дружба никогда не омрачалась. Вспыльчивый царь, оставшись недовольнымъ какимъ-нибудь распоряженіемъ любимца, иногда приходилъ въ такой гнѣвъ, что по прежнему угощалъ его собственноручно потасовкой. Но такія размолвки продолжались очень недолго. Обыкновенно Петръ

на другой-же день пріѣзжалъ къ своему другу какъ ни въ чемъ не бывало, и враги Меншикова, едва только возымѣвшіе надежду свергнуть временщика, должны были мириться съ мыслью, что борьба съ нимъ пока немыслима.

ГЛАВА IV.

1710-й годъ. — Встрѣча у Краснаго Кабачка. — Внутренняя и внѣшняя перемѣна въ Меншиковѣ. — Его образъ жизни. — Возобновленіе военныхъ дѣйствій. — Темныя стороны въ характерѣ Меншикова. — Злоупотребленія князя. — Первыя разоблаченія. — Курбатово-Соловьевское дѣло. — Первая царская немилость. — Новый фаворъ. — Столкновеніе съ сенатомъ. — Слѣдственныя комиссіи надъ Меншиковымъ и ихъ результаты. — Причины снисходительности Петра. — Общій уровень нравственности въ петровскую эпоху.

1710-й годъ былъ, по всей вѣроятности, самымъ счастливымъ въ жизни Меншикова. По крайней мѣрѣ, его значеніе при Петрѣ достигло въ этомъ году своего апогея. Могущество шведовъ было сломлено, война не требовала уже прежняго страшнаго напряженія всѣхъ силъ, Петръ могъ дать себѣ нѣкоторый отдыхъ и съ чувствомъ полнаго удовлетворенія оглянуться на пройденный путь. И вотъ, на какомъ-бы моментѣ этого славнаго прошлаго онъ ни остановился мысленно, повсюду встрѣчалъ онъ своего Данилыча, на каждомъ шагу вспоминалась его вѣрная служба, его дѣльные совѣты, его храбрость и распорядительность. Неудивительно такимъ образомъ, что весь этотъ годъ, наполненный почти непрерывными празднествами по случаю одержанныхъ побѣдъ, представляетъ длинный рядъ овацій по адресу князя, долженствовавшихъ запечатлѣть навсегда въ памяти русскихъ его заслуги, какъ главнаго и достойнѣйшаго изъ сподвижниковъ побѣдителя.

Отпраздновавъ Полтавскую побѣду тріумфальнымъ въѣздомъ въ Москву и цѣлымъ рядомъ торжествъ, въ которыхъ Меншиковъ всегда являлся народу по правую руку царя (Петръ безъ него не хотѣлъ даже вступать въ Москву и съ недѣлю дожидался его прибытія въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ), послѣдній въ концѣ февраля уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы порадоваться на быстрый ростъ своего „парадиза“. Меншикову пришлось еще отправиться къ Ригѣ,

осада которой, порученная Шереметеву, подвигалась впередъ очень вяло. Но съ пріѣздомъ князя работа закипѣла, и Меншиковъ, исполнивъ все, что ему было поручено, могъ наконецъ вернуться въ Петербургъ, который былъ и для него любимымъ дѣтищемъ и въ преуспѣяніи котораго, какъ писалъ ему Петръ, приглашая его поскорѣе пріѣхать, онъ „добрымъ участникомъ былъ и есть“.

„Пріѣздъ мой сюда зѣло счастливъ,—писалъ князь женѣ, оставшейся въ дорогѣ,—ибо его величество съ особливой склонной милостью принять меня изволили и зѣло изъ моего сюда пріѣзду веселится. А сего числа данъ мнѣ ордеръ Дацкій Слона; взавтре, понеже день рожденія государева, по отправленіи извычайнаго банкета, что будетъ въ новомъ нашемъ домѣ на Васильевскомъ острову, гдѣ не оставимъ и про ваше здоровье выпить“...

Недаромъ даже избалованный царскими милостями, привыкшій къ всеобщему раболѣпству, Меншиковъ видитъ „особливую склонную милость“ въ устроенной ему царской встрѣчѣ. Вотъ какъ описываетъ эту самую встрѣчу датскій посланникъ Юстъ Юль, участвовавшій въ ней вмѣстѣ съ посломъ польскимъ.

„Я выѣхалъ рано утромъ (29 мая) верхомъ къ Красному кабаку (въ 17 верстахъ отъ Петербурга) на встрѣчу князю Меншикову. Самъ царь выѣхалъ къ нему за три версты отъ города, несмотря на то, что недавно хворалъ и теперь еще не совсѣмъ оправился. Замѣчательно, что князь даже не слѣзъ съ лошади, чтобы почтить своего государя встрѣчею, а продолжалъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока царь къ нему не подошелъ и не поцѣловалъ его. Множество русскихъ офицеровъ и другихъ служащихъ тоже выѣхали верхомъ встрѣчать князя; всѣ цѣловали у него руку, ибо въ то время онъ былъ полубогомъ, и вся Россія должна была на него молиться. При его приближеніи къ городу ему салютовали 55 выстрѣлами“.

У того-же Юля мы находимъ еще много другихъ интересныхъ подробностей, свидѣтельствующихъ о томъ поклоненіи, которымъ былъ окруженъ въ то время фаворитъ. Между прочимъ, Юль пишетъ:

„Меня крайне изумило, что Меншиковъ передъ своимъ уходомъ поцѣловалъ царицъ и что молодыя царевны—(вѣроятно, вдова и дочери покойнаго царя Іоанна) —устремились къ нему первыя, стараясь наперегонки поцѣловать у него на прощаніе руку, которую онъ имъ и предоставилъ. Вотъ до чего возросло высокомѣріе этого человѣка!“.. восклицаетъ Юль, хотя по этому поводу можно было-бы подивиться и раболѣпству тѣхъ, которые такъ унижались передъ могущественнымъ временщикомъ.

Итакъ, послѣ пятилѣтняго отсутствія Меншиковъ вернулся въ тотъ городъ, который возникъ на его глазахъ и при его содѣйствіи. Из-

мѣнился Петербургъ, успѣвшій за это время сильно вырости и выйти изъ тѣсныхъ предѣловъ Петербургскаго острова, но еще болѣе измѣнился и выросъ его губернаторъ. Какая разница между Меншиковымъ, выѣхавшимъ пять лѣтъ тому назадъ изъ этого парадиза на болотѣ, и фельдмаршаломъ, свѣтлѣйшимъ княземъ, вернувшимся назадъ во всемъ ореолѣ одержанныхъ имъ побѣдъ. Всѣ эти великія событія, въ которыхъ онъ принималъ столь непосредственное участіе, все то, что онъ видѣлъ и слышалъ въ чужомъ краю, дали необыкновенное развитіе его рѣдкимъ способностямъ, сдѣлали изъ него внутренно и наружно почти другого человѣка. Глядя на этого великолѣпнаго вельможу, съ такимъ высокомѣрно-снисходительнымъ видомъ принимавшаго всеобщее поклоненіе, такъ просто и непринужденно, словно равный съ равнымъ, державшагося съ своимъ государемъ, никто-бы и не подумалъ, что онъ родился въ самой низкой долѣ и еще такъ недавно исполнялъ обязанности лакея. Наружность князя сама по себѣ была очень внушительна. Высокій, худощавый, но стройнаго сложенія, онъ обладалъ очень пріятными чертами лица съ необыкновенно живыми глазами, умно и проницательно глядѣвшими изъ-подъ густыхъ бровей. Высокій лобъ, котораго не могъ скрыть даже огромный парикъ по модѣ того времени, и выдающійся подбородокъ свидѣтельствовали о способностяхъ и энергіи. Пребываніе заграницей, сношенія съ польскими магнатами, частыя встрѣчи и бесѣды съ коронованными особами, какъ Августъ или король прусскій, которыхъ онъ запросто угощалъ въ своей палаткѣ—все это не прошло безслѣдно для воспріимчиваго Меншикова и въ отношеніи его внѣшнихъ пріемовъ. Никто изъ приближенныхъ царя не усвоилъ въ такой степени внѣшній лоскъ западной цивилизаціи, никто не походилъ въ такой степени на европейца, какъ этотъ бывшій уличный торговецъ. Надменный и заносчивый съ тѣми, которые не хотѣли смириться передъ нимъ, онъ умѣлъ быть любезнымъ и привѣтливымъ съ низшими, съ людьми, охотно признававшими его первенство. Иностранцы, постоянно жалующіеся на грубость и высокомѣрное обращеніе съ ними русскихъ вельможъ, съ большой похвалой отзываются о вѣжливости и предупредительности князя и особенно о его опрятности—качество, очень рѣдкое тогда между русскими. И домъ у него поставленъ на болѣе европейскую ногу, чѣмъ у другихъ вельможъ, у которыхъ, несмотря на новые заимствованные съ запада кафтаны и парики, остались прежніе грубые вкусы и забавы. У него не только роскошная, но и изящная обстановка, прекрасный столъ. Недаромъ, когда нужно принять иностранца, угостить его на славу, блеснуть предъ нимъ

умѣніемъ жить, Петръ поручаетъ это своему неоцѣнимому Даниловичу.

Покончивъ на время съ бивуачной жизнью, Меншиковъ выписалъ жену и зажилъ въ своемъ новомъ великолѣпномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ съ невиданной дотолѣ роскошью. Богатства, пріобрѣтенныя имъ, благодаря щедрымъ пожалованіямъ царя, подаркамъ Августа, а еще болѣе, благодаря безцеремонному „гощенію“ въ непріятельской землѣ, достигали огромныхъ размѣровъ, такъ что при всей своей скаредности онъ могъ позволять себѣ и огромные расходы. У него свои карлы, парикмахеръ, камердинеръ-французъ, мундшенкъ, берейторъ, трубачи, гобоисты, бандуристы, шталмейстеръ, кучера, ковали, слесари, кухмейстеры, часовникъ, садовый мастеръ, огородники: всѣ изъ иностранцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ получали по тому времени значительное жалованье. Изъ русскихъ были только сапожники и псари. По сохранившимся счетамъ видно, что съ конца 1709 г. по 1711 г. князь на свое содержаніе (за исключеніемъ расходовъ на княгиню и сына) израсходовалъ слишкомъ 45 т. р. Весь 1710 г. былъ, какъ мы говорили, почти нескончаемымъ праздникомъ. Сначала праздновались старыя побѣды, а потомъ подоспѣли и новыя —взятіе Ревеля и Кексгольма. Далѣе слѣдовали празднества по случаю бракосочетанія царевны Анны Ивановны съ герцогомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Курляндскимъ, происходившаго въ домѣ князя (31 окт. 1710 г.), а вслѣдъ затѣмъ новая свадьба, на этотъ разъ шутовская, во вкусѣ Петровскихъ забавъ—свадьба двухъ карловъ.

Начавшаяся новая война съ турками положила предѣлъ этимъ пирамъ и забавамъ. Въ январѣ 1711 г. Петръ отправился въ знаменитый Прутскій походъ, оставивъ свой паradизъ на попеченіе вѣрнаго Данилыча.

Но и Меншиковъ недолго могъ почивать на лаврахъ. Еще въ томъ-же 1711 г., по внезапной кончинѣ герцога Курляндскаго, ему пришлось вступить съ войскомъ въ Курляндію. Въ 1712 г. мы видимъ его главнымъ начальникомъ русскихъ войскъ въ Помераніи, куда теперь перешла война со Шведами. Въ 1713 г. онъ находится съ войскомъ въ Голштиніи подъ командой датскаго короля, участвуетъ во взятіи крѣпости Тенингена и въ побѣдѣ, одержанной союзниками надъ шведскимъ генераломъ Стенбокомъ, беретъ Штеттинъ, который тутъ-же отдаетъ въ секвестръ королю Прусскому и двору гольштинскому. Потомъ, проведши русскую армію черезъ польскую границу до Данцига, возвращается въ Петербургъ въ февралѣ 1714 г. Съ этихъ поръ Меншиковъ уже не участвуетъ болѣе ни въ одномъ походѣ. Хотя

война со шведами еще продолжалась, но самый острый періодъ ея миновалъ; новыхъ крупныхъ предпріятій не предвидѣлось, такъ какъ соперничество и подозрительность союзниковъ не допускали Петра до особенно рѣшительныхъ дѣйствій,—оставалось, главнымъ образомъ, только удерживать пріобрѣтенныя уже провинціи до окончательнаго закрѣпленія ихъ за собой миромъ. Но съ этимъ могли справиться и другіе генералы, тогда какъ въ дѣлахъ внутренняго управленія, въ заботахъ о дальнѣйшемъ преуспѣяніи парадиза, который Петру приходилось такъ часто покидать для своихъ разъѣздовъ по Россіи и путешествій за границу, Меншиковъ былъ рѣшительно незамѣнимъ.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что даже въ военное время, находясь въ Литвѣ, Меншиковъ продолжалъ по-прежнему завѣдывать ввѣреннымъ ему краемъ, и сохранившіяся бумаги показываютъ, что онъ безъ замедленія разрѣшалъ всѣ присылаемыя ему донесенія. Но и этимъ не ограничивался кругъ дѣятельности князя. Онъ принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ и заботахъ государя; въ его рукахъ сосредоточивалось такое множество канцелярій, учрежденій всякаго рода, что опредѣлить съ точностью сферу его вліянія, указать, что именно сдѣлано имъ за указанный періодъ времени, по всей вѣроятности даже и невозможно. Этимъ именно и отличается Меншиковъ отъ другихъ сотрудниковъ Преобразователя. У каждаго изъ нихъ было свое дѣло, свой опредѣленный кругъ обязанностей, съ которымъ онъ справлялся болѣе или менѣе удачно. Меншиковъ-же, благодаря довѣрію царя, благодаря разносторонности своей богато-одаренной натуры, даже въ самое трудное военное время не былъ исключительно полководцемъ и имѣлъ большое вліяніе на всѣ внутреннія дѣла государства.

Но зато это могущество, это рѣдкое довѣріе къ нему государя, дававшее ему возможность распоряжаться съ такой самостоятельностью, дѣйствовали разнуздывающимъ образомъ на инстинкты и страсти любимца. Натура сильная, въ высшей степени даровитая, Меншиковъ, несмотря на отсутствіе всякой теоретической подготовки, съумѣлъ въ короткое время стать полезнѣйшимъ сотрудникомъ Петра. Но эти рѣдкія способности не были облагорожены нравственнымъ чувствомъ. Меншикову не хватало той высоконравственной черты, которая мирить насъ со всѣми недостатками могучей, но мало культивированной натуры Петра—именно, его безграничной любви къ отечеству, преданности идеѣ, которой онъ служилъ всю жизнь. Для Меншикова единственнымъ стимуломъ къ дѣятельности было желаніе угодить царю, отъ расположенія котораго зависѣло его благосостояніе. Его сильный умъ работалъ главнымъ образомъ изъ видовъ своекорыстныхъ. Уже въ

самомъ началѣ своей карьеры онъ обнаруживалъ, какъ мы видѣли, непомѣрное честолюбіе, а милости Петра, необыкновенная щедрость, съ которой тотъ расплачивался за каждую новую услугу своего любимца, раздували въ немъ эту черту все сильнѣе и сильнѣе. Другою преобладающей страстью Меншикова была жажда пріобрѣтенія. Для первой изъ этихъ страстей еще существовали извѣстные предѣлы. Фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь, другъ и совѣтникъ великаго государя, за которымъ наперерывъ ухаживали иностранныя правительства, осыпавшія его знаками вниманія и уваженія, Меншиковъ былъ теперь первымъ лицомъ въ государствѣ, послѣ самого царя. Бо́льшаго при Петрѣ онъ не могъ уже добиться, оставалось только удержаться на этой головокружительной высотѣ. Но для другой его страсти не было предѣловъ. Правда, съ пожалованіемъ ему втеченіе этого періода всего Петербургскаго края, малороссійскихъ мазепинскихъ имѣній и польскихъ старостъ, онъ сдѣлался первымъ богачомъ въ Россіи, но это богатство, пріобрѣтенное такъ легко и скоро, еще болѣе разожгло его аппетиты. Страсти, ничѣмъ не сдерживаемыя, какъ извѣстно, разростаются до чудовищныхъ размѣровъ, а могущество князя давало ему возможность удовлетворять свою алчность всякими, хотя бы и противозаконными средствами. И въ какія только предпріятія не пускается свѣтлѣйшій князь съ цѣлью наживы! Онъ и фабрики заводитъ, и заграничной торговлей занимается; онъ глава всевозможныхъ компаній, получившихъ монополіи на ту или другую выгодную статью торговли, на тотъ или другой доходный промыселъ—все это съ вѣдома и разрѣшенія Петра, очень довольнаго тѣмъ, что его полководецъ и министръ содѣйствуетъ личнымъ починомъ отечественной промышленности. Но и этого ему мало; онъ беретъ на имя подставныхъ лицъ, своихъ креатуръ, казенные подряды и самъ-же принимаетъ доставляемые ими продукты по болѣе высокимъ противъ существующихъ цѣнамъ; онъ притѣсняетъ другихъ купцовъ, беретъ, гдѣ только можетъ, взятки, присваиваетъ себѣ казенныя деньги. Во время пребыванія въ Польшѣ онъ обираетъ шляхтичей, конфискуя ихъ имущество въ свою пользу. Алчность его доходила до того, что онъ не постѣснялся отнять у пани Огинской всѣ ея драгоцѣнности, несмотря на то, что она была теткой одного изъ главныхъ приверженцевъ Петра. Но все это сходило ему съ рукъ, такъ какъ никто не осмѣливался жаловаться на царскаго любимца, и Петръ, такимъ образомъ, долгое время и не подозрѣвалъ о его продѣлкахъ. Онъ конечно не былъ слѣпъ къ недостаткамъ своего „герценкинда“; онъ зналъ, какъ мы видѣли, его честолюбіе, зналъ его любовь къ деньгамъ, и не только

не вмѣнялъ ему въ вину эти слабости, но и самъ всячески старался удовлетворять ихъ. Но именно поэтому онъ не могъ допустить и мысли, чтобъ человѣкъ, осыпанный его милостями, позволялъ себѣ его обманывать, чтобъ тотъ, кто оказалъ столько услугъ государству, былъ способенъ въ то-же время вредить его интересамъ.

Однако рано или поздно у Петра должны были раскрыться глаза, и это былъ тяжкій ударъ для его сердца, быть можетъ одно изъ самыхъ горькихъ разочарованій въ его жизни. Первое разоблаченіе произошло въ 1711 г. Отправляясь въ Прутскій походъ и проѣзжая черезъ Польшу, онъ узналъ о нѣкоторыхъ самоуправныхъ поступкахъ своего любимца, между прочимъ о самовольномъ завладѣніи имъ имѣніемъ Чашниками. Послѣдовалъ выговоръ, но въ очень мягкой формѣ: „Зѣло прошу васъ—писалъ онъ ему изъ похода—чтобы вы такими малыми прибытки не потеряли своей славы и кредита. Прошу васъ не оскорбиться о томъ, ибо первая брань лучше послѣдней"... Но это дружеское увѣщаніе не подѣйствовало; первая брань не оказалась послѣдней. Возвратившись изъ похода, Петръ узналъ о новыхъ незаконныхъ продѣлкахъ князя; онъ сталъ осторожнѣе, внимательнѣе приглядывался къ его поведенію, и въ началѣ 1712 г., отправляя его въ Померанію противъ Шведовъ, уже болѣе рѣзко напоминаетъ ему о томъ, чтобы онъ велъ себя честно: „Ты мнѣ представляешь плутовъ честными людьми, а честныхъ людей плутами. Говорю тебѣ въ послѣдній разъ: перемѣни поведеніе, если не хочешь большой бѣды. Теперь ты пойдешь въ Померанію—не мечтай, что ты тамъ будешь вести себя, какъ въ Польшѣ. Ты мнѣ отвѣчаешь головой при малѣйшей жалобѣ на тебя". Но и это не помогло, и хотя царь угрозы своей не исполнилъ, но отношенія между друзьями сильно испортились. А тутъ еще началось знаменитое Курбатово-Соловьевское дѣло, въ которомъ косвеннымъ образомъ оказался замѣшаннымъ и князь, и благодаря начавшимся разоблаченіямъ, стали раскрываться понемногу и другія его злоупотребленія. Обличителемъ Меншикова явился его прежній протежэ, помогавшій ему во многихъ его незаконныхъ продѣлкахъ, и скандалъ вышелъ грандіозный. Этотъ обличитель былъ знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ.

Сильное движеніе преобразовательной эпохи, новыя сферы дѣятельности и учрежденія дали возможность выдвинуться многимъ способнымъ людямъ изъ всѣхъ слоевъ общества. Особенно легко было выдвинуться, обратить на себя вниманіе царя въ области экономическихъ отношеній. Чтобъ покрывать все увеличивающіеся расходы на рѣшеніе многосложныхъ политическихъ задачъ, прихо-

дилось изыскивать все новые и новые источники доходовъ. Явилась особая должность прибыльщиковъ, людей, искавшихъ во всемъ прибыли казнѣ. Особенно прославился своей энергіей и изобрѣтательностью первый прибыльщикъ Алексѣй Курбатовъ, по предложенію котораго, между прочимъ, была введена гербовая бумага. Долгое время Курбатовъ пользовался покровительствомъ Меншикова, своего начальника, и съ своей стороны отплачивалъ ему тѣмъ, что оказывалъ ему содѣйствіе въ его коммерческихъ предпріятіяхъ. Въ своихъ донесеніяхъ Петру онъ не упускалъ случая, чтобы не превозносить мудрость и усердіе князя, называлъ его „избраннымъ отъ Бога сосудомъ, единственнымъ человѣкомъ, который безъ порока передъ царемъ". Мало того, Курбатовъ простиралъ эту преданность своему „милостивцу" до того, что отдавалъ ему часть прибыли, получаемой отъ казенныхъ операцій, доказывая, что это вполнѣ законная награда за его услуги царю, и Меншиковъ, отличавшійся не менѣе широкимъ взглядомъ на казенные доходы, охотно принималъ его приношенія и посредничество между людьми, нуждавшимися въ услугахъ фаворита и щедро платившими за эти услуги. Такъ шло дѣло довольно долгое время, по пословицѣ „рука руку моетъ", къ обоюдному удовлетворенію и выгодѣ Курбатова и князя. Но въ 1711 г. первый былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Архангельскъ, и тутъ ему пришлось столкнуться съ однимъ изъ братьевъ Соловьевыхъ, также протежэ князя и также усердно работавшими въ его пользу. Одинъ изъ Соловьевыхъ, Ѳедоръ, управлялъ имѣніемъ Меншикова, другой, Осипъ, былъ царскимъ комиссаромъ въ Голландіи, занимался продажею казенныхъ товаровъ, переводомъ денегъ изъ Россіи заграницу и т. п., а третій, Дмитрій, былъ оберъ-комиссаромъ въ Архангельскѣ. Скоро послѣ пріѣзда, Курбатову, по ходатайству князя, пришлось поступиться частью своихъ правъ въ пользу Дмитрія Соловьева, которому поручено вѣдать одному отпускъ государевыхъ товаровъ. Самолюбивый прибыльщикъ обидѣлся и послалъ доносъ на Соловьева, обвиняя его въ томъ, что онъ отправляетъ въ Голландію собственный зерновой хлѣбъ вмѣсто казеннаго и задерживаетъ сбытъ послѣдняго братомъ, чтобы повысить цѣны и выгоднѣе продать свой. Но эта жалоба косвеннымъ образомъ задѣвала Меншикова, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что Соловьевы—его креатуры. Въ то же время на самого Курбатова подана была жалоба иностранными купцами. Заварилось дѣло, пошли доносы, взаимныя обвиненія, въ которыя мало по малу втягивались самыя высокопоставленныя лица.

Курбатовское дѣло началось, какъ мы уже сказали, въ такое

время, когда довѣріе Петра къ „единственно-безпорочному слугѣ“ было уже и безъ того значительно подорвано. Несмотря на полученное предостереженіе, Меншиковъ и въ Помераніи позволялъ себѣ всякія вымогательства. Кромѣ того Петръ былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ отдалъ Штеттинъ прусскому королю и Гольштинскому герцогу, такъ какъ этимъ поступкомъ онъ чуть не поссорилъ царя съ датскимъ королемъ, который былъ противъ Гольштинскаго секвестра, и его неудовольствіе было тѣмъ сильнѣе, что, по слухамъ, Меншиковъ получилъ за эту сдѣлку большую сумму отъ гольштинскаго министра. Этой первой серьезной размолвкой между друзьями не замедлили конечно воспользоваться многочисленные враги надменнаго временщика, давно уже подстерегавшіе случай, чтобы погубить его. И вотъ въ связи съ Курбатовскими доносами на Соловьева со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы на вымогательства, хищенія и злоупотребленія самого Меншикова. Петръ узналъ такимъ образомъ, что не только въ непріятельской странѣ, но и у себя, въ ввѣренномъ его управленію краѣ, въ самомъ „парадизѣ“, его Данилычъ позволяетъ себѣ злоупотреблять царскимъ довѣріемъ. Въ первый разъ за все это время Меншиковъ почувствовалъ со всей силой, какъ шатко его положеніе. Прежнія непринужденныя отношенія къ царю прекратились, исчезъ шутливый товарищескій тонъ въ письмахъ. Холодность Петра, плохо скрываемое злорадство придворныхъ, всѣ эти зловѣщіе симптомы близкой опалы дѣйствовали подавляющимъ образомъ на зарвавшагося игрока—его здоровье, и безъ того разстроенное невоздержной жизнью, наконецъ не выдержало. Уже 3 года, какъ онъ харкалъ кровью; въ маѣ 1714 г. съ нимъ сдѣлался такой припадокъ, что врачи потеряли было всякую надежду. Однако желѣзная натура князя обманула врачей—онъ оправился, но не на радость. Враги продолжали подкапываться подъ него, и его злоупотребленія все болѣе всплывали наружу. Въ концѣ 1714 г. Петръ, пріѣхавъ къ нему на семейный праздникъ, осыпалъ его, въ присутствіи многихъ гостей, рѣзкими упреками за его поведеніе и поведеніе его креатуръ, говоря, что всѣ они обогатились въ короткое время отъ грабежей, тогда какъ казенные доходы все уменьшаются. Скоро послѣ этого было назначено строгое слѣдствіе: всѣ чиновники Ингерманландской канцеляріи, состоявшей подъ вѣдѣніемъ князя, были перехватаны и подвергнуты допросу. Слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ Василія Дмитріевича Долгорукаго открыла грандіозныя хищенія по управленію монетнымъ дворомъ, при постройкахъ, по провіантской части. Въ дѣло оказались замѣшанными очень вы-

сокопоставленныя лица—два сенатора, петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ, одинъ изъ самыхъ ловкихъ клевретовъ Меншикова, и др. Но хуже всего было то, что всѣ эти хищенія прикрывались покровительствомъ самыхъ довѣренныхъ слугъ Петра — Меншикова, Апраксина, Брюса и др. Всѣ были убѣждены, что господству ненавистнаго временщика наступилъ конецъ; говорили, что онъ по крайней мѣрѣ потеряетъ свое ингерманландское намѣстничество, которое перейдетъ къ царевичу Алексѣю, и т. п. Но, къ общему изумленію, гроза, готовая разразиться надъ головами главныхъ виновныхъ, пронеслась мимо. Память о прежнихъ заслугахъ князя спасла его отъ заслуженнаго наказанія—поплатились только его креатуры, на которыхъ онъ свалилъ всю вину, доказывая, что они, пользуясь его отсутствіемъ изъ Петербурга, дѣйствовали во всемъ безъ его вѣдома. Корсаковъ былъ публично высѣченъ кнутомъ, но самъ князь, равно какъ его неизмѣнный другъ Апраксинъ и Брюсъ отдѣлались только штрафомъ. А скоро послѣ этого мы опять видимъ его въ милости у царя. Петръ, находясь заграницей, ласково освѣдомляется о его здоровьи, присылаетъ ему изъ Данцига фунтъ табаку. Да и какъ Петру не ласкать своего Данилыча, когда тотъ при всемъ своемъ корыстолюбіи все-таки самый ревностный исполнитель его воли, самый надежный человѣкъ, на котораго онъ можетъ при отъѣздѣ оставить дѣла, будучи увѣреннымъ, что тотъ при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ не растеряется, не потеряетъ времени въ пустыхъ разговорахъ и безплодныхъ сѣтованіяхъ, а приметъ своевременно всѣ нужныя мѣры. Въ этомъ отношеніи особенно интересно столкновеніе Меншикова съ сенатомъ въ 1716 г. Меншиковъ очень недолюбливалъ это учрежденіе, какъ все и всѣхъ, стѣснявшихъ его самовластіе, и не упускалъ случая, чтобы не выставить въ дурномъ свѣтѣ его распоряженія и медлительность сенаторовъ. Въ іюлѣ 1716 г. адмиралъ Апраксинъ, находясь въ Финляндіи, прислалъ отчаянное письмо въ Петербургъ, донося сенату, что войско его погибаетъ отъ голода и что если ему сейчасъ-же не пришлютъ припасовъ, то онъ возвратится назадъ. Меншиковъ явился въ сенатъ и сталъ упрекать его въ нерадѣніи; сенаторы оправдывались тѣмъ, что въ казнѣ нѣтъ денегъ, что всѣ источники доходовъ истощены и государь не можетъ требовать отъ нихъ невозможнаго. Князь въ отвѣтъ осыпалъ ихъ самыми рѣзкими обвиненіями. Поднялся шумъ; раздраженные сановники закричали, что онъ не смѣетъ такъ говорить въ учрежденіи, представляющемъ особу и власть царскаго величества, и даже пригрозили посадить его подъ арестъ. Тогда Меншиковъ вышелъ

изъ сената и немедленно собственной властью велѣлъ взять припасовъ изъ купеческихъ магазиновъ на 200 т. руб. и нагружать ихъ на суда для отправки въ Або. Сенаторы еще болѣе осердились, стали говорить, что у князя собственные магазины съ хлѣбомъ, который онъ скупаетъ, чтобы произвести дороговизну въ городѣ и затѣмъ продать по дорогой цѣнѣ. Меншиковъ конечно отрицалъ это и приписывалъ раздраженіе сенаторовъ тому, что у каждаго изъ нихъ была доля въ хлѣбѣ, который онъ велѣлъ захватить у купцовъ. Кончилось тѣмъ, что съ обѣихъ сторонъ были посланы жалобы царю.

Спору нѣтъ, образъ дѣйствій Меншикова въ данномъ случаѣ былъ насильственный, противозаконный, но могъ-ли Петръ осудить его послѣ того, какъ выяснилось, что этимъ самоуправствомъ князь дѣйствительно спасъ войско, тогда какъ „господа сенатъ“ ограничились-бы одними разговорами. Объ этомъ-же свидѣтельствовалъ адмиралъ Апраксинъ, который, по возвращеніи въ Петербургъ, доносилъ царю, что „еслибъ здѣсь не было свѣтлѣйшаго князя, то въ дѣлахъ могли-бы быть великія помѣшательства“. И Петръ взглянулъ сквозь пальцы на проступокъ Данилыча, и хотя послѣдній не смѣлъ уже болѣе писать царю въ прежнемъ товарищескомъ тонѣ, но по отношенію къ окружающимъ онъ остался все тѣмъ-же надменнымъ и несокрушимо-могущественнымъ фаворитомъ.

Впрочемъ, Курбатово-Соловьевское дѣло еще не заглохло. До сихъ поръ Курбатовъ, попавшій самъ подъ слѣдствіе, не рѣшался прямо напасть на Меншикова—въ злоупотребленіяхъ обвинялись только клевреты послѣдняго. Но видя, что его собственное дѣло запутывается все болѣе, онъ рѣшился открыто выступить противъ князя. Ему удалось подкупить одного изъ его служителей, который выкралъ нужныя Курбатову бумаги, содержавшія прямыя улики противъ князя. Съ этими документами въ рукахъ Курбатовъ написалъ въ 1716 г. Петру. Но время было неудачно выбрано: Петръ былъ поглощенъ внѣшними дѣлами; къ этому присоединилось еще бѣгство царевича, такъ что хотя въ слѣдующемъ году Осипъ Соловьевъ и былъ арестованъ въ Амстердамѣ и отправленъ въ Россію, но въ концѣ концовъ слѣдствіе болѣе повредило Курбатову, чѣмъ Меншикову. Первый такъ и умеръ подъ судомъ (1721 г.), не дождавшись конца дѣла; Меншиковъ-же отдѣлался только денежнымъ взысканіемъ, причемъ начетъ на немъ, первоначально громадный, потомъ значительно уменьшился, такъ какъ Петръ, въ виду представленныхъ княземъ счетовъ и документовъ о сдѣланныхъ имъ въ интересахъ царя затратахъ, велѣлъ зачесть ему большія суммы.

Вообще, начиная съ 1714 г. до самой смерти Петра, Меншиковъ почти не выходитъ изъ-подъ суда. Слѣдственныя комиссіи безпрестанно открываютъ все новыя и новыя его злоупотребленія, требуютъ отъ него отчета во всѣхъ издержанныхъ суммахъ, налагаютъ на него громадные штрафы. Петръ, слушая вѣчныя жалобы на противозаконныя дѣйствія князя, выходитъ изъ себя, грозитъ расправиться съ нимъ съ такой-же неумолимой строгостью, какъ и со многими другими высокопоставленными взяточниками и казнокрадами, и не разъ знаменитая царская дубинка прогуливается по спинѣ свѣтлѣйшаго князя; не разъ враги послѣдняго, торжествуя, поднимаютъ головы, увѣренные въ его близкомъ и неминуемомъ паденіи. Иностранные послы въ донесеніяхъ своимъ правительствамъ то и дѣло пророчатъ ему скорую опалу и даже казнь. Но проходитъ нѣкоторое время, и Меншиковъ, принесши повинную, снова въ милости и снова заставляетъ трепетать своихъ противниковъ.

Чѣмъ объяснить такое долготерпѣніе царя? Почему Петръ, каравшій съ такой безпощадной строгостью менѣе важные проступки, оставлялъ почти безнаказанными злоупотребленія Меншикова, дискредитируя этимъ самымъ свое правосудіе въ другихъ случаяхъ?

Мы указывали уже на заступничество Екатерины. Дѣйствительно, въ моменты страшныхъ вспышекъ царскаго гнѣва Меншиковъ обыкновенно обращался къ своей старой пріятельницѣ, которой всегда удавалось развеселить государя и удержать его отъ немедленной расправы. Она умѣла во время напомнить царю о прежнихъ заслугахъ князя, о его испытанной преданности, о томъ, какъ трудно будетъ замѣнить его опытность и знаніе дѣлъ. Все это несомнѣнные факты, засвидѣтельствованные многими современниками. Но врядъ-ли заступничество Екатерины могло-бы спасать столько разъ неисправимаго грѣшника, еслибъ онъ не имѣлъ за себя ходатая въ сердцѣ самого Петра, въ памяти о прежнихъ заслугахъ князя, о прежней дружбѣ, о всѣхъ горестяхъ и радостяхъ, пережитыхъ вмѣстѣ. Въ какой степени прочна была привязанность Петра къ „дитяти его сердца“, несмотря на всѣ разочарованія въ немъ, лучше всего можно судить по слѣдующей сценкѣ, передаваемой Голиковымъ. Однажды царь самъ присутствовалъ въ комиссіи, занимавшейся разбирательствомъ дѣла князя. Туда-же явился Меншиковъ, чтобы дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. И вотъ грозный судья, хладнокровно присутствовавшій при допросахъ Преображенскаго приказа, былъ глубоко тронутъ при видѣ своего любимца, смиренно, съ выраженіемъ искренняго раскаянія, ставшаго у дверей. Принявъ отъ него повинную и

прочитавъ ее про себя, онъ замѣтилъ вслухъ: „Эхъ, братъ! и того-то ты написать не съумѣлъ!“ взялъ перо и... сталъ исправлять написанное...

Но не одна только старая дружба, не одна память о прошломъ побуждала Петра щадить Меншикова. Въ пользу князя говорили и чисто-практическія соображенія. „Нашъ монархъ на гору ище самъ десять тянетъ — говоритъ Посошковъ — а подъ гору милліоны тянутъ“... Но среди этихъ немногихъ, которые тянули вмѣстѣ съ Петромъ, далеко не всѣ дѣйствовали съ полною искренностью. Петръ отлично зналъ, что мало кто изъ его сотрудниковъ вполнѣ сочувствуетъ его преобразованіямъ, что при другомъ правителѣ они не менѣе усердно будутъ разрушать то, что при немъ воздвигали. Одни только новые люди, выдвинувшіеся благодаря новымъ порядкамъ и вмѣстѣ съ ними долженствовавшіе сойти со сцены, были вполнѣ надежными его приверженцами, а изъ нихъ конечно на первомъ планѣ Меншиковъ. Въ лицѣ князя, несмотря на всѣ его недостатки, Петръ имѣлъ дѣйствительно преданнаго слугу, преданнаго не только изъ чувства благодарности, но и по разсчету, такъ какъ гибель благодѣтеля неминуемо повлекла-бы за собой его собственную гибель. Задумываясь о томъ, какая участь ждетъ его начинанія послѣ его смерти, въ виду неспособности и приверженности къ старинѣ царевича Алексѣя, Петръ естественно долженъ былъ придти къ мысли о необходимости щадить человѣка, обладавшаго такой огромной опытностью, въ такой степени усвоившаго его идеи, какъ Меншиковъ. Эти соображенія получили еще большую силу, когда на мѣсто несчастнаго Алексѣя наслѣдникомъ престола объявленъ былъ маленькій Петръ Петровичъ, и въ особенности, когда со смертью послѣдняго вопросъ о преемникѣ Петра остался совершенно открытымъ.

О злоупотребленіяхъ Меншикова, о его лихоимствѣ писали очень много. Это такіе-же общеизвѣстные факты его біографіи, какъ его низкое происхожденіе и печальный конецъ, выставляемый обыкновенно, какъ „достойный плодъ его злонравія“. Но одними голыми фактами нельзя довольствоваться при произнесеніи приговора. Въ примѣненіи къ историческому лицу, необходимо еще обратить вниманіе на нравы всей эпохи, необходимо выяснить, въ какой степени при данномъ и безспорно предосудительномъ образѣ дѣйствій велико было его уклоненіе отъ того общаго уровня нравственности, какой существовалъ въ современномъ ему обществѣ.

Всякому, болѣе или менѣе знакомому съ Петровской эпохой, извѣстно, что взяточничество и казнокрадство были однимъ изъ

тѣхъ золъ, съ которыми Преобразователь боролся всю жизнь и—боролся безуспѣшно. Всѣ строгости его оказались безсильными искоренить эту глубокую застарѣлую язву стараго русскаго общества, которому понятія о служеніи государству, о благѣ цѣлаго были почти совершенно чужды. На государственныя должности смотрѣли лишь, какъ на источники доходовъ, какъ на средство увеличить благосостояніе своего семейства и своей родни. На воеводства прямо просились для того, чтобы кормиться, и надо было, чтобы это „кормленіе“ приняло ужъ очень грандіозный и беззастѣнчивый характеръ, чтобы вызвать вмѣшательство и кару правительства. Петръ съ его уже современными понятіями о государствѣ, о государственномъ служеніи, хотѣлъ сразу искоренить это застарѣлое зло. Съ свойственною ему энергіей и безпощадностью онъ сталъ преслѣдовать хищническія наклонности правительственныхъ лицъ, преобразовалъ всѣ органы правленія, весь государственный строй. Но людей нельзя перевоспитать нравственно такъ-же быстро, какъ измѣнить ихъ внѣшность. Всѣ пытки Преображенскаго приказа и тайной канцеляріи, мучительныя казни, шпіонство, поощреніе доносничества наградами не могли привить тогдашнему обществу ни гражданскаго мужества, ни чувства долга. Люди оставались все тѣми-же и вносили въ новыя формы старый духъ. Новые магистраты такъ-же кривили совѣстью, какъ и прежніе приказы; новые коменданты грабили не хуже, чѣмъ старые воеводы; приставленные-же для наблюденія за ними фискалы доносили только на тѣхъ, съ которыми не ладили, а плутни и насилія своихъ пріятелей прикрывали и даже сами участвовали въ ихъ беззаконіяхъ. Интересенъ слѣдующій анекдотъ, сообщаемый первымъ біографомъ Петра, Голиковымъ, со словъ самого Ягужинскаго. Петръ, слушая однажды въ сенатѣ дѣла о казнокрадствѣ, сильно разсердился и сказалъ генералъ-прокурору Ягужинскому: „Напиши указъ, что если кто-нибудь украдетъ настолько, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ“.—Государь, отвѣчалъ Ягужинскій, неужели вы хотите остаться императоромъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой.

Быть можетъ, такого откровеннаго признанія и не было въ дѣйствительности, но анекдотъ этотъ во всякомъ случаѣ драгоцѣненъ, какъ выраженіе сознанія современниковъ о размѣрахъ зла. Брали взятки всѣ, кто только имѣлъ возможность. Къ концу царствованія Петра не было ни одного изъ крупныхъ сановниковъ, который не побывалъ-бы подъ слѣдствіемъ, не былъ-бы уличенъ во взяточниче-

ствѣ или слишкомъ безцеремоннымъ обращеніи съ казеннымъ добромъ. Оберъ-фискалъ Нестеровъ подвергся мучительной казни; одинъ изъ гуманнѣйшихъ и знатнѣйшихъ людей того времени, сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ оказался виновнымъ въ неслыханныхъ грабительствахъ и публично казненъ. Даже такой человѣкъ, какъ Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, во многихъ случаяхъ являвшій примѣръ высокихъ гражданскихъ доблестей, не гнушался добровольныхъ приношеній просителей, даже ученый Брюсъ, повидимому имѣвшій только одну страсть—свою обсерваторію, былъ обвиняемъ въ злоупотребленіяхъ. Меншиковъ такимъ образомъ далеко не былъ исключеніемъ и если бралъ „больше и примѣтнѣе другихъ“, то лишь потому, что ему представлялось для этого больше случаевъ.

Читая о многочисленныхъ слѣдственныхъ комиссіяхъ, имѣвшихъ цѣлью изобличеніе Меншикова, о томъ, что несмотря на всѣ принесенныя имъ повинныя за нимъ постоянно оказывались все новые и новые грѣхи, невольно задаешь себѣ вопросъ: какимъ образомъ, помимо всякихъ понятій о честности и долгѣ, этотъ безспорно умный и разсчетливый человѣкъ могъ въ такой степени рисковать своимъ блестящимъ, совершенно исключительнымъ положеніемъ изъ-за благъ, которыхъ и безъ того у него было много, какъ могъ онъ позволять себѣ такое безцеремонное присвоеніе казенныхъ денегъ (казнокрадство преслѣдовалось царемъ гораздо строже, чѣмъ взяточничество), зная очень хорошо, что за нимъ слѣдятъ зоркіе глаза враговъ, которые не замедлятъ воспользоваться всякой его оплошностью, зная наконецъ нравъ своего повелителя, который въ припадкѣ гнѣва могъ когда-нибудь забыть всѣ доводы разсудка и угостить его такимъ отеческимъ увѣщаніемъ, послѣ котораго ему волей-неволей пришлось-бы прекратить навсегда свои подвиги?

Повидимому, на этотъ вопросъ есть только одно удовлетворительное объясненіе—вліяніе господствующей страсти, заставляющей человѣка удовлетворять ее всѣми возможными способами, заглушающей въ немъ всѣ доводы разсудка, даже чувство самосохраненія. Но ближайшее знакомство съ эпохой и тутъ открываетъ цѣлый рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что Меншиковъ вовсе не былъ такимъ чудовищемъ алчности, какимъ его принято изображать, и что, по пословицѣ—l'occasion fait le voleur—часть его вины падаетъ на ту обстановку, въ которой онъ грѣшилъ.

Панегиристы Петра Великаго въ числѣ его добродѣтелей указываютъ между прочимъ на необыкновенную простоту его образа жизни и привычекъ. Это опять-таки фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Лично

на себя царь тратилъ очень мало, одѣвался чрезвычайно просто, носилъ платье и бѣлье, неоднократно заштопанныя руками его „сердечнаго друга Катеринушки“. Получая жалованье въ качествѣ морского или сухопутнаго офицера, онъ говорилъ: „Эти деньги собственно мои: я ихъ заслужилъ и могу употреблять по произволу, но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно; объ нихъ я долженъ отдать отчетъ Богу“. Прекрасныя слова; но при всей своей простотѣ Петръ былъ большой охотникъ попировать. Онъ любилъ всевозможныя празднества, сопровождавшіяся грандіозными выпивками, любилъ фейерверки, маскарады и другія увеселенія, отличавшіяся подчасъ разнузданностью фантазіи и грубымъ юморомъ. По поводу каждой даже самой незначительной побѣды шли нескончаемые пиры; праздновались годовщины старыхъ побѣдъ, спуски кораблей, дни рожденія и именины придворныхъ, свадьбы, похороны, крестины—все, что угодно. Читая о безчисленныхъ банкетахъ и попойкахъ того времени, продолжавшихся иногда по нѣсколько дней подъ-рядъ, только удивляешься, откуда у этихъ людей брались время и силы для того, чтобы справиться съ лежавшими на нихъ задачами... Какъ-бы то ни было, всѣ эти забавы стоили недешево. Иностранцы изумляются однимъ расходамъ на порохъ, такъ какъ малѣйшее торжество сопровождалось безконечной пальбой. Какъ-же согласить эти огромныя затраты, эти диковинныя затѣи (вродѣ появленія флота на улицахъ Москвы) съ извѣстными намъ скромными привычками Петра, съ его скупостью при израсходованіи казенныхъ суммъ, съ его личной безпритязательностью? А очень просто. Всѣ эти пиры и зрѣлища должны были устраивать его приближенные и чаще всѣхъ, разумѣется, свѣтлѣйшій князь. Всѣ торжественные пріемы пословъ, всѣ оффиціальные банкеты и т. п. происходили сначала въ его домѣ на Петербургской сторонѣ, получившемъ поэтому названіе Посольскаго, а потомъ въ его великолѣпныхъ палатахъ на Васильевскомъ островѣ, превосходившихъ въ нѣсколько разъ не только скромный „домикъ Петра Великаго“, но и большой царскій дворецъ въ Лѣтнемъ саду. Свадьба Анны Ивановны, поразившая всѣхъ приглашенныхъ своей роскошью, происходила, какъ мы видѣли, въ домѣ князя; у него-же праздновали свадьбу карловъ. Откуда-же было взять Меншикову денегъ на постройку этихъ палатъ, на содержаніе многочисленнаго штата прислуги, на покупку картинъ, золотой и серебряной посуды и проч.? Жалованье, получаемое имъ, какъ и всѣми сановниками, было незначительное; а доходы съ обширныхъ имѣній, какъ они ни были велики, не могли покрывать его расходовъ.

Мы уже говорили, что въ періодъ съ конца 1709 г. по 1711 г. у князя лично на свое содержаніе израсходовано было свыше 45 тыс. рублей, а для того, чтобы понять, какъ велика была по тому времени эта сумма, достаточно указать, что сумма всѣхъ государственныхъ доходовъ за 1710 г. равнялась 3,051,796 р. А между тѣмъ царь не только поощрялъ эту роскошь, но даже требовалъ ея отъ своего любимца. Вассевичъ разсказываетъ, что въ 1723 г., послѣ дѣла Шафирова, когда Меншиковъ долженъ былъ лишиться части своихъ Малороссійскихъ имѣній и заплатить 200 т. штрафа, царь, пріѣхавъ къ нему въ первый разъ послѣ немилости, увидѣлъ, что стѣны его дворца оклеены грубыми обоями. На вопросъ о причинахъ такой перемѣны, князь объяснилъ, что долженъ былъ продать свои великолѣпные обои, чтобы расплатиться съ казной. „Мнѣ здѣсь не нравится —замѣтилъ императоръ, строго взглянувъ на князя—и я уѣзжаю. Но я пріѣду на первую ассамблею, которая должна быть у тебя, и если я тогда не найду твой домъ убраннымъ такъ, какъ прилично твоему сану, ты заплатишь другой штрафъ, равный первому". Онъ пріѣхалъ, нашелъ убранство, достойное князя Ижорскаго, похвалилъ все, не упомянувъ ни словомъ о прошломъ, и былъ все время въ отличнѣйшемъ настроеніи.

Фактъ этотъ самъ по себѣ достаточно краснорѣчивъ. Удивительно-ли послѣ всего сказаннаго и принимая во вниманіе общій уровень нравственности тогдашняго общества, что князь считалъ себя нѣкоторымъ образомъ даже вправѣ покупать на казенныя деньги мебель для своего дворца, содержать на казенный счетъ прислугу, лошадей и т. д., а это было однимъ изъ обвинительныхъ пунктовъ, по которымъ онъ долженъ былъ отвѣчать передъ судомъ.

У Голикова приводится много интересныхъ данныхъ о дѣйствіяхъ слѣдственныхъ комиссій, особенно по отношенію къ Меншикову. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробно остановиться на нихъ; замѣтимъ только, что князь самъ объяснялъ свои хищенія непосильными затратами „ради царскаго интереса и чести", и что Петръ, просмотрѣвъ представляемые имъ счеты и оправдательные документы, во многихъ случаяхъ признавалъ его претензіи къ казнѣ основательными и приказывалъ счесть изъ взыскиваемыхъ денегъ большія суммы. Такъ, въ 1716 г. Меншиковъ, видя, что комиссія Долгорукаго все болѣе и болѣе раскрываетъ его злоупотребленія, рѣшился принести повинную и написалъ Петру письмо, въ которомъ перечислялъ всѣ подарки, полученные имъ отъ разныхъ лицъ, отъ городовъ въ Помераніи и т. д... „И хотя оные презенты сочиняютъ сумму немалую,

но за расходами моими, которые употреблялъ я ради Вашего интереса и ради чести Вашей на содержаніе моего дому, и въ презенты и на дачу шпіонамъ и на прошитаніе больныхъ и раненыхъ драгунъ и солдатъ, едва что осталось".—„Изъ канцелярій моихъ на Москвѣ и въ походахъ, такожъ и изъ сей губерніи на мои собственныя нужды держаны деньги изъ Вашей казны,—признается онъ въ другомъ мѣстѣ—правда же, что и мои собственныя деньги въ канцеляріи браны и особливо на ваши расходы держаны"... Напримѣръ, во время войны онъ давалъ свои деньги на подкупъ иностранныхъ министровъ, ссужалъ большими суммами Августа, ссужалъ другія вѣдомства. Въ концѣ-концовъ, Меншиковъ конечно не оставался въ накладѣ и вознаграждалъ себя съ лихвой, но при такой страшной запутанности счетовъ неудивительно, что корыстолюбивый отъ природы князь то и дѣло поддавался соблазну и присвоивалъ себѣ все, что плохо лежало.

ГЛАВА V.

Дѣло царевича Алексѣя.—Роль Меншикова въ этомъ дѣлѣ.—Столкновеніе съ Шафировымъ.—Отнятіе у Меншикова военной коллегіи.—Смерть Петра Великаго и ея значеніе для Меншикова.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Дѣятельность Меншикова и его партіи.—Вступленіе на престолъ Екатерины.

Біографія Меншикова такъ близко соприкасается и даже переплетается съ біографіей Петра Великаго, что намъ нельзя не остановиться тутъ на одномъ эпизодѣ, который главнымъ образомъ конечно относится къ послѣдней, но въ которомъ и Меншиковъ игралъ нѣкоторую, хотя—прибавимъ тутъ-же—сильно преувеличиваемую роль. Мы говоримъ о дѣлѣ царевича Алексѣя.

Для государя, подобно Петру, посвятившаго всѣ свои силы служенію извѣстной идеѣ, вопросъ о томъ, способенъ-ли его предполагаемый преемникъ продолжать начатое имъ дѣло, долженъ былъ имѣть первенствующее значеніе. А между тѣмъ постепенно выяснилось, что этотъ преемникъ не только не обладаетъ желательными способностями, но и совершенно не сочувствуетъ самому дѣлу и при первой возможности не преминетъ разрушить все то, что было до-

стигнуто его предшественникомъ цѣною такихъ страшныхъ трудовъ и жертвъ. Неудавшійся сынъ грозилъ свести къ нулю всѣ результаты блестящей и безпримѣрной дѣятельности отца.

И для Меншикова вопросъ о направленіи будущаго императора былъ вопросомъ глубокой важности, вопросомъ жизни или смерти, по крайней мѣрѣ, политической. Мы уже неоднократно указывали, какъ тѣсно связана была участь любимца съ участью Петра, съ его направленіемъ. Внѣ этого направленія, съ которымъ онъ сроднился, которому оказалъ столько услугъ, первенствующая роль этого безроднаго выскочки становилась немыслимой. Мало того, въ виду общей ненависти къ временщику, самая жизнь его съ перемѣной царствованія висѣла на волоскѣ...

И вотъ человѣкъ, существованіе котораго грозило опасностью реформамъ Петра, положенію и можетъ-быть самой жизни его фаворита, устраненъ... Несчастный царевичъ, выманенный изъ своего безопаснаго убѣжища заграницей, обнадеженный обѣщаніями полнаго прощенія, умираетъ послѣ произнесенія надъ нимъ смертнаго приговора, умираетъ жертвой варварскихъ допросовъ и истязаній... Является вопросъ—какую роль игралъ Меншиковъ во всемъ этомъ дѣлѣ, въ которомъ былъ такъ сильно заинтересованъ?

Что гибель царевича была на руку князю, что онъ не пытался поколебать въ Петрѣ его страшную рѣшимость пожертвовать роднымъ сыномъ интересамъ государства, что онъ съ болѣе легкимъ сердцемъ, чѣмъ кто-либо другой изъ участниковъ комиссіи, подписалъ свое имя подъ смертнымъ приговоромъ—все это ясно само собой, вытекаетъ изъ самой сущности дѣла. Но писатели, благоговѣющіе передъ памятью Петра Великаго и стремящіеся снять съ него хоть часть отвѣтственности за это кровавое, возмущающее человѣческую натуру дѣло, стараются свалить ее на Меншикова, выставляя его (и отчасти Екатерину) главнымъ виновникомъ антагонизма между отцомъ и сыномъ, долго и систематически подготовлявшимъ послѣднюю трагическую развязку. Таково главнымъ образомъ мнѣніе Погодина, въ свое время написавшаго цѣлый обвинительный актъ противъ Меншикова и Екатерины. Но всѣ эти обвиненія не имѣютъ никакой фактической подкладки и основаны на однихъ лишь соображеніяхъ психологическаго характера, противъ которыхъ можно выставить цѣлый рядъ другихъ соображеній, на нашъ взглядъ, болѣе основательныхъ.

Мы упомянули вскользь, что въ 1703 г. Меншиковъ былъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ царевича, а наставникомъ его баронъ

Гюйсенъ, весьма образованный нѣмецъ *). Алексѣю въ то время шелъ 12-й годъ. Воспитаніе его было уже довольно запущено. Первые его учителя и воспитатели изъ русскихъ были люди малообразованные, нерасположенные къ новымъ порядкамъ; нѣмецъ Нейгебауеръ, приставленный къ нему въ 1701 г., также оказался плохимъ руководителемъ; будучи неуживчиваго нрава, онъ вѣчно ссорился съ русскими учителями, сторону которыхъ принялъ Меншиковъ, и вслѣдствіе этого былъ удаленъ. Царевичъ подъ вліяніемъ родственниковъ матери успѣлъ уже проникнуться нелюбовью къ иноземцамъ и всему новому. Но все это, при юности Алексѣя, было еще поправимо. Баронъ Гюйсенъ слылъ человѣкомъ высокаго образованія; программа воспитанія царевича, представленная имъ на одобреніе Петра, была составлена прекрасно; Алексѣй, повидимому, сталъ дѣлать большіе успѣхи. Но—къ несчастью для послѣдняго—въ началѣ 1705 г. Гюйсенъ былъ вдругъ отправленъ заграницу съ разными дипломатическими порученіями и вернулся только черезъ 4 года. Царевичъ долгое время жилъ въ Преображенскомъ, почти ничего не дѣлалъ и окончательно подпалъ прежнимъ неблагопріятнымъ вліяніямъ.

Громадная, роковая ошибка, имѣвшая самыя печальныя послѣдствія! Но дѣйствительно-ли только ошибка? Не было-ли это удаленіе отъ царевича нужнаго человѣка въ самое важное для воспитанія время сознательнымъ шагомъ, началомъ сложной интриги, закончившейся въ 1718 г. въ застѣнкахъ Преображенскаго приказа? Порученія, данныя Гюйсену, врядъ-ли были такой первостепенной важности и невозложимы ни на кого другого. Какимъ-же образомъ царь могъ пожертвовать ради нихъ такимъ важнымъ, имѣющимъ общегосударственное значеніе дѣломъ, какъ воспитаніе наслѣдника престола? Не были-ли тутъ замѣшаны интересы другихъ лицъ и не ихъ-ли вліянію слѣдуетъ приписать эту странную оплошность царя?

Таковы соображенія, изъ которыхъ исходитъ Погодинъ и на основаніи которыхъ онъ считаетъ возможнымъ обвинить Меншикова. По его мнѣнію, послѣдній-то и далъ Петру злоумышленный совѣтъ отправить Гюйсена въ чужіе края. Уже въ то время у фаворита будто-бы было тайное намѣреніе пріучить царевича къ праздности и лѣни, давая ему просторъ и свободу для препровожденія времени съ его родными, приверженцами старины, съ попами и монахами, къ которымъ онъ получилъ извѣстное расположеніе еще при матери,—и тѣмъ приготовить будущій разрывъ съ отцомъ. Это, по словамъ Погодина,

*) О назначеніи Меншикова гофмейстеромъ просилъ самъ Гюйсенъ.

доказывается и жалобами царевича, говорившаго при вѣнскомъ дворѣ, что Меншиковъ пріучалъ его къ пьянству, дурно обращался съ нимъ. „Я никогда не оскорблялъ отца, говорилъ между прочимъ Алексѣй, если-же имѣю немного ума, то это происходитъ отъ Бога и отъ Меншикова, который далъ мнѣ дурное воспитаніе, всегда меня утѣснялъ, не заставлялъ учиться и отъ юности окружилъ дурными людьми и дураками". Жаловался царевичъ и на Екатерину, обвиняя ее въ томъ, что она изъ ненасытнаго честолюбія возстановляла противъ него царя, а между тѣмъ сохранились письма, въ которыхъ онъ благодаритъ ее за неоднократное заступничество передъ отцомъ.

И такъ, по мнѣнію Погодина, у Меншикова еще въ началѣ 1705 г. былъ составленъ тщательно обдуманный планъ, клонившійся къ устраненію царевича отъ престола. Но спрашивается, что именно могло побудить Меншикова къ составленію такого плана, въ чью пользу онъ начиналъ эту опасную интригу, конецъ которой такъ трудно было предвидѣть? Въ пользу Екатерины? Но она еще такъ недавно сошлась съ Петромъ и надо было обладать сверхъ-человѣческой прозорливостью, чтобы предвидѣть въ 1705 г. бракъ русскаго царя на плѣнной иноземкѣ. Напротивъ, всякій здравомыслящій человѣкъ долженъ былъ на мѣстѣ Меншикова стараться воспитать будущаго царя въ духѣ новыхъ идей, сдѣлать изъ него человѣка, сочувствующаго стремленіямъ отца, смотрящаго его глазами на его друзей и помощниковъ. Если-же на самомъ дѣлѣ Меншиковъ въ качествѣ оберъ-гофмейстера ничего не сдѣлалъ для того, чтобы удалить царевича отъ вредныхъ вліяній, то это было вызвано тѣми-же причинами, по которымъ и Петръ такъ долго не обращалъ вниманія на воспитаніе сына: ему просто было некогда. Ужъ если постоянные разъѣзды и заботы о государственныхъ дѣлахъ мѣшали отцу слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ Преображенскомъ, то Меншикову, занятому сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Литвѣ и Польшѣ, тѣмъ болѣе было не до того: гдѣ тутъ думать о воспитаніи будущаго властелина, когда приходится вѣчно смотрѣть въ оба, напрягать всѣ усилія, чтобы угодить настоящему? Удаленіе Гюйсена было несомнѣнно громадной ошибкой, но видѣть въ этомъ обстоятельствѣ начало тонко разсчитанной макіавелевской интриги царскаго фаворита рѣшительно нѣтъ никакого основанія.

То же можно сказать и о другихъ обвиненіяхъ, направленныхъ противъ князя—именно, о его грубомъ обращеніи съ царевичемъ, о томъ, что онъ намѣренно пріучалъ послѣдняго къ пьянству. Первое основано на сообщеніи цесарскаго посла Плейера, что Менши-

ковъ дралъ царевича за волосы. Но грубыя физическія наказанія принадлежали вообще къ воспитательнымъ пріемамъ того времени. Такія-же исправительныя мѣры практиковалъ и Петръ по отношенію къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ. Еще менѣе основательно обвиненіе въ томъ, что Меншиковъ *намѣренно* пріучалъ царевича къ пьянству—уже по одному тому, что напиваться при всякой возможности безъ мѣры, до полнаго безчувствія, вовсе не считалось предосудительнымъ. Это было обычное развлеченіе того времени, обычный отдыхъ послѣ трудовъ. Ни Петру, ни его сподвижникамъ частыя и грандіозныя попойки—конечно, благодаря ихъ несокрушимому здоровью—ничуть не мѣшали заниматься дѣломъ. И юный царевичъ, собравъ около себя кружокъ друзей, съ которыми предавался пьянству, только подражалъ этимъ примѣру своего отца съ его всепьянѣйшимъ соборомъ.

Что Меншиковъ въ первое время не питалъ никакихъ злокозненныхъ замысловъ противъ царевича, не сѣялъ раздора между нимъ и отцомъ, можно видѣть и изъ того, что Петръ до смерти кронпринцессы Шарлотты былъ сравнительно доволенъ сыномъ, бралъ его съ собой въ походы, поручалъ ему разныя дѣла. Самый бракъ его съ этой принцессой, устроенный клевретомъ князя, барономъ Гюйсеномъ, говоритъ въ пользу Меншикова. Еслибы у послѣдняго, находившагося тогда (царевичъ женился въ 1711 г., а помолвка состоялась годомъ раньше) въ апогеѣ своего могущества, дѣйствительно было тайное намѣреніе отстранить Алексѣя и его потомство отъ престолонаслѣдія въ пользу дѣтей Екатерины, то онъ конечно воспользовался-бы своимъ вліяніемъ на царя и не допустилъ-бы этого брака съ сестрой германскаго императора, упрочивавшаго положеніе царевича.

Другое дѣло потомъ, когда послѣдствія небрежнаго воспитанія стали бросаться въ глаза, когда царь мало по малу и самъ пришелъ къ печальному убѣжденію, что его преемникъ не пойдетъ по его стопамъ. У такого человѣка, какъ Петръ, не привыкшаго останавливаться передъ какими-бы то ни было препятствіями, подобное сознаніе должно было рано или поздно, послѣ болѣе или менѣе тяжелой внутренней борьбы, привести къ сознательному и несокрушимому рѣшенію устранить сына. Тѣмъ легче было придти къ той-же мысли человѣку постороннему. Понятно, что Меншиковъ не сталъ отклонять царя отъ принятаго имъ рѣшенія; по всей вѣроятности, онъ даже дѣлалъ все возможное, чтобы утвердить его въ этомъ рѣшеніи. Но при тогдашнемъ положеніи князя, далеко уже не поль-

зовавшагося прежнимъ вліяніемъ и довѣріемъ, при самой щекотливости этого дѣла, его участіе въ послѣднихъ событіяхъ врядъ-ли было особенно активное. Какъ справедливо замѣчаетъ Соловьевъ, „постороннимъ людямъ, которымъ выгодно было отстраненіе Алексѣя, ненужно и опасно было пытаться укрѣплять эту мысль, ибо укрѣпленіе шло необходимо, само собой; надобно было только оставить дѣло его естественному теченію, вмѣшательствомъ можно было только повредить себѣ, ибо Петръ, по своей проницательности, могъ сейчасъ угадать, что другіе дѣлаютъ тутъ свое дѣло. Если мачиха считала выгоднымъ для себя отстраненіе пасынка, то она должна была всего болѣе стараться скрывать свои чувства и желанія предъ мужемъ и другими“... Соловьевъ высказываетъ эти соображенія по отношенію къ Екатеринѣ, но они въ такой-же точно степени примѣнимы и къ Меншикову.

Какъ бы то ни было, смерть царевича избавила князя отъ большой заботы. Отношенія его къ царю также улучшились. Въ 1719 г. онъ былъ назначенъ президентомъ новоучрежденной военной коллегіи съ чиномъ контръ-адмирала бѣлаго флага. Правда, тутъ же была назначена новая коммиссія для разслѣдованія злоупотребленій его, Апраксина и Долгорукова. Сенатъ, пользуясь отсутствіемъ государя, повелѣлъ, чтобы князь и Апраксинъ отдали свои шпаги и ждали дальнѣйшихъ приказаній. Но дѣло по обыкновенію кончилось только штрафомъ (въ 100 тысячъ рублей). Любопытно, что въ то самое время, когда Меншикова хотѣли посадить подъ стражу (его спасло только ходатайство Екатерины, просившей сенатъ дождаться пріѣзда государя), самъ Петръ, посѣтивъ устроенные Меншиковымъ Петровскіе заводы и найдя ихъ въ образцовомъ порядкѣ, написалъ князю самое задушевное благодарственное письмо.

Такъ-же мало послѣдствій имѣло для него знаменитое Почепское дѣло, по поводу котораго ему пришлось столкнуться съ другимъ заслуженнымъ дѣятелемъ того времени—вице-канцлеромъ барономъ Шафировымъ, подобно ему человѣкомъ худороднымъ, взятымъ Петромъ съ улицы. Сущность дѣла въ немногихъ словахъ такова: когда послѣ полтавской побѣды новому атаману Скоропадскому предстала необходимость одарить сподвижниковъ Петра за труды, понесенные ими при изгнаніи шведовъ изъ Малороссіи, то наиболѣе цѣнный подарокъ конечно получилъ Меншиковъ, какъ наиболѣе отличившійся въ Мазепинскомъ дѣлѣ взятіемъ Батурина. Ему были отданы двѣ гетманскія волости —Почепская и Ямпольская со всѣми принадлежащими къ нимъ крестьянскими поселеніями. Но князь этимъ не удовлетворился и сталъ

настаивать у Скоропадскаго, чтобы ему отданы были и казаки всей сотни. Удовлетворить эту просьбу значило стать въ противорѣчіе со всѣмъ складомъ народныхъ понятій, по которымъ казакъ былъ синонимомъ свободнаго человѣка, обязаннаго нести только военную службу. И тѣмъ не менѣе гетману пришлось исполнить и эту просьбу всесильнаго князя. Спустя нѣсколько времени новыя требованія со стороны послѣдняго — отдай ему и смежную съ Почепской Храповскую волость: дали ему и Храповскую. Но и этого оказалось Меншикову мало; захотѣлось ему спрямить границы Почепской волости, и онъ проситъ Скоропадскаго смѣнить ему нѣкоторыя почепскія земли на сосѣднія стародубскія, чтобы сдѣлать свою волость круглѣе. Но комиссары князя, вмѣсто замѣны, только прирѣзывали себѣ большія угодья и наносили обиды обывателямъ смежныхъ сотенъ. Одолѣваемый жалобами стародубцевъ, гетманъ принужденъ былъ наконецъ и самъ пожаловаться на князя въ Петербургъ. Петръ рѣшилъ дѣло тѣмъ, что велѣлъ отдать Меншикову только то, что подарено ему было гетманомъ послѣ Полтавской битвы, и послать комиссаровъ для новаго обмежеванія земель. Но тутъ со стороны чиновниковъ, подкупленныхъ Меншиковымъ, пошли новыя неправильности и притѣсненія для жителей. Въ сенатѣ сторону князя держалъ оберъ-прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ, а противъ него выступилъ Шафировъ. Послѣднему удалось одержать верхъ. Но при тогдашней общей легкой нравственности въ служебныхъ отношеніяхъ Шафировъ скоро самъ далъ оружіе въ руки врагамъ. Онъ позволилъ себѣ употребить свое сенаторское вліяніе для того, чтобы брату его было выдано лишнее жалованье при переходѣ изъ одной службы въ другую. Въ другое время дѣло могло-бы легко сойти съ рукъ. Но теперь Скорняковъ-Писаревъ конечно не замедлилъ воспользоваться его промахомъ и протестовалъ противъ незаконности дѣла. Въ довершеніе всего, Шафировъ, человѣкъ вспыльчивый и невоздержный на языкъ, скоро сдѣлалъ новый, еще болѣе крупный промахъ. Въ сенатѣ слушалось дѣло о почтѣ, которая находилась подъ его вѣдѣніемъ. По указу, когда разбиралось дѣло, касавшееся кого-нибудь изъ сенаторовъ, тотъ долженъ былъ на это время выйти изъ сената. Но Шафировъ, зная, что остаются его враги, не захотѣлъ выйти. Это подало поводъ къ самой неприличной и пошлой перебранкѣ между нимъ, Меншиковымъ и другими сенаторами, а по возвращеніи Петра, находившагося въ это время въ персидскомъ походѣ, Шафировъ былъ преданъ суду за ослушаніе царскаго указа, за выдачу лишняго жалованья брату и за трату государевыхъ денегъ на свои расходы во время поѣздки во Францію. Судъ приговорилъ его

къ смертной казни. Правда, приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ послѣднюю минуту, когда надъ головой несчастнаго уже взвился топоръ, Петръ, изъ уваженія къ его прежнимъ заслугамъ, помиловалъ его, замѣнивъ казнь ссылкой. Но Меншиковъ, несмотря на доказанныя злоупотребленія его по Почепскому дѣлу, опять вышелъ сухимъ изъ воды. Онъ принесъ повинную, Екатерина по обыкновенію замолвила за него словечко, и Петръ простилъ его, хотя и сказалъ при этомъ женѣ: „Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, въ грѣхѣхъ родила мать его, и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой, и если не исправится, то быть ему безъ головы“. Но тутъ какъ разъ Данилычъ заболѣлъ, и царь не утерпѣлъ и написалъ ему ласковое письмо, какъ ни въ чемъ не бывало.

Однако въ послѣдній годъ царствованія Петра положеніе князя серьезно пошатнулось. Вслѣдствіе обнаруженныхъ злоупотребленій въ военной коллегіи, Петръ отнялъ у него президентство и передалъ его другому. Это было особенно чувствительное наказаніе для самолюбиваго князя, который до сихъ поръ еще ни разу не былъ лишенъ ни одной изъ своихъ многочисленныхъ должностей. А тутъ и надъ его союзницей Екатериной, недавно только коронованной императрицей, стряслась бѣда. Послѣ извѣстной Монсовой исторіи, въ отношеніяхъ супруговъ стало замѣтно сильное охлажденіе. Вообще, императоръ, подъ вліяніемъ ухудшающагося здоровья и разочарованій во всѣхъ окружающихъ, сталъ необыкновенно раздражителенъ и, повидимому, не намѣренъ былъ болѣе щадить никого. При первомъ новомъ проступкѣ, князю бы навѣрно уже не сдобровать.

И вотъ, въ то самое время, когда долготерпѣніе императора истощилось, и черныя тучи, до сихъ поръ проносившіяся мимо баловня счастья, того и гляди должны были разразиться страшной грозой, Петръ, давно уже прихварывавшій, опасно заболѣваетъ и въ ночь съ 27 на 28 января (1725 г.) умираетъ.

* * *

Императора не стало. Великій Преобразователь Россіи, пожертвовавшій сномъ для того, чтобы обезпечить судьбу своихъ реформъ, издавшій съ этою-же цѣлью законъ, уничтожавшій прежній порядокъ престолонаслѣдія и предоставлявшій каждому монарху право назначать себѣ преемника по собственному выбору, умеръ, не успѣвъ воспользоваться этимъ правомъ. Новая страшная опасность для Меншикова. Въ глазахъ народа единственный законный наслѣдникъ престола

былъ сынъ несчастнаго царевича Алексѣя, малолѣтній Петръ Алексѣевичъ. Но допустить избраніе послѣдняго значило передать власть въ руки прежнихъ приверженцевъ Алексѣя, партіи родовитыхъ вельможъ съ Голицыными и Долгорукими во главѣ, не столько ненавидѣвшихъ реформы Петра, сколько вызванную послѣдними на сцену толпу выскочекъ и во главѣ ихъ Меншикова. Всемогущему до сихъ поръ временщику такой оборотъ дѣла грозилъ прямой неминуемой гибелью, и понятно, что вся его энергія, вся изворотливость его ума должны были обратиться на то, чтобы доставить престолъ другому претенденту—Екатеринѣ, недавно только коронованной императоромъ и этимъ какъ-бы косвеннымъ образомъ предназначенной имъ своей преемницей. правда, при дворѣ всѣмъ было извѣстно, что если у императора и было подобное намѣреніе, то послѣ Монсовой исторіи онъ во всякомъ случаѣ перемѣнилъ его, такъ какъ Екатерина находилась въ явной немилости; правда, ея не любили въ народѣ, какъ иноземку, да и самое возведеніе на престолъ женщины было явленіемъ небывалымъ на Руси. Но для Екатерины, какъ и для Меншикова, не было другого выхода—она должна была искать короны, не только изъ честолюбія, но и по чувству самосохраненія, потому что—одолѣй противная партія—ее и ея дочерей постигла-бы участь первой жены Петра: заточеніе въ монастырь. Въ этомъ отношеніи Меншиковъ не былъ одинъ, и хотя партія великаго князя и при дворѣ была болѣе многочисленна, насчитывая въ своей средѣ всѣхъ родовитыхъ людей, но зато партія Екатерины была лучше представлена качественно. На ея сторонѣ были всѣ, имѣвшіе личныя причины опасаться восшествія на престолъ сына Алексѣева. Таковы были Толстой, главный виновникъ несчастія царевича, таковы были всѣ новые худородные люди, всѣ выскочки, которымъ грозило возвращеніе къ прежней безвѣстности: Ягужинскій, Макаровъ, Девьеръ и др.; такова была партія герцога Гольштинскаго, нареченнаго жениха Анны Петровны, во главѣ которой стоялъ хитрый, изворотливый министръ герцога, Бассевичъ. Наконецъ, къ приверженцамъ Екатерины должно было принадлежать большинство членовъ синода, учрежденія, вызваннаго къ жизни Преобразователемъ, и въ особенности знаменитый Θеофанъ Прокоповичъ, подписавшій смертный приговоръ Алексѣю. Все это были люди способные, энергичные, недаромъ выдвинутые Петромъ и къ тому же воодушевленные сознаніемъ грозящей имъ опасности, тогда какъ представители противной партіи были люди не только менѣе способные, но и менѣе заинтересованные въ успѣхѣ: въ случаѣ неудачи имъ не грозила такая опасность, какая грозила главнымъ сторонникамъ Екатерины.

Таковы были двѣ партіи, существовавшія при дворѣ въ моментъ смерти Петра. Смерть эта была такъ неожиданна для всѣхъ, что никто не успѣлъ надлежащимъ образомъ приготовиться къ ней. О какихъ-либо мѣрахъ для обезпеченія великаго князя мы ничего не знаемъ. Приверженцы его, вѣроятно, надѣялись, что достаточно исчезнуть Петру и оказанному имъ давленію, чтобы естественныя симпатіи большинства вышли наружу и вызвали реакцію противъ его системы и особенно противъ иноземцевъ. Даже когда болѣзнь императора приняла безнадежный характеръ, они не рѣшались принять какія-нибудь серьезныя мѣры изъ страха, что Петръ можетъ все-таки оправиться. Гораздо выгоднѣе было положеніе Меншикова и его товарищей. На ихъ сторонѣ была сила, они занимали важнѣйшія мѣста въ государствѣ и могли дѣйствовать безъ опасеній. И дѣйствительно, въ послѣдніе дни Меншиковъ, въ сообществѣ Бассевича и Толстого, обнаруживаетъ кипучую дѣятельность. Гарнизонъ и войска, не получавшія жалованья за 16 мѣсяцевъ, были удовлетворены; казна отправлена въ крѣпость, комендантъ которой былъ креатурой князя; разосланы указы, чтобы войска, находившіяся на работахъ, возвратились къ своимъ полкамъ, подъ предлогомъ, чтобы они могли молиться за императора; въ столицѣ стража удвоена на всѣхъ постахъ и отряды пѣхоты двигались по улицамъ для предупрежденія волненія. Въ то же время старшіе офицеры обоихъ гвардейскихъ полковъ (изъ которыхъ шефомъ одного былъ самъ Меншиковъ, а другого генералъ Бутурлинъ, принадлежавшій къ той же партіи), любившихъ императора до обожанія и переносившихъ и на его супругу часть этой привязанности, и многія другія вліятельныя свѣтскія и духовныя лица были приглашены явиться во дворецъ въ ночь съ 27 на 28, чтобы сообщить имъ планъ о возведеніи на престолъ Екатерины. Послѣдняя сама вышла къ нимъ, оторвавшись отъ смертнаго одра умирающаго императора, и со слезами на глазахъ заговорила о правахъ, данныхъ ей коронованіемъ, о несчастіяхъ, могущихъ обрушиться на монархію подъ управленіемъ ребенка, увѣряя при этомъ, что не только не думаетъ лишить великаго князя короны, но сохранитъ ее для него и возвратитъ, когда небу угодно будетъ соединить ее съ супругомъ. При этомъ не были забыты обѣщанія повышеній и наградъ, а для желающихъ воспользоваться ими тотчасъ-же приготовлены векселя, драгоцѣнныя вещи и деньги. Такіе вѣскіе аргументы подѣйствовали, и всѣ клятвенно обѣщали поддержать ея права на престолъ. Послѣ этого Меншиковъ, Бассевичъ и кабинетъ-секретарь Макаровъ совѣщались еще съ часъ о томъ, что остается дѣлать. Рѣшено было не прибѣ-

гать къ насилію, а оказать только нравственное давленіе на противниковъ, чтобы избраніе императрицы имѣло характеръ свободнаго рѣшенія. Разсчитывали, что одно присутствіе войска подѣйствуетъ на собраніе устрашающимъ образомъ.

Въ ту-же ночь, въ шестомъ часу утра, императоръ скончался. Сенаторы, генералы, придворные, немедленно извѣщенные объ этомъ оставленными во дворцѣ служителями, поспѣшили собраться въ одной изъ комнатъ дворца для совѣщанія. Они входили смущенные, озабоченные, но видя, что большинство ихъ принадлежитъ къ одной партіи—къ партіи великаго князя — видимо ободрились, и лица ихъ приняли торжествующее выраженіе. Зато небольшая кучка сторонниковъ Екатерины казалась подавленной. Но вотъ дверь въ боковую комнату отворяется, и изъ нея выходитъ Бассевичъ. Не смущаясь недружелюбными взглядами вельможъ, онъ подходитъ къ Ягужинскому и сообщаетъ ему вполголоса, что важнѣйшіе сановники государства уже присягнули Екатеринѣ, что гвардія на ея сторонѣ, а государственная казна въ ея рукахъ. Просіявшій Ягужинскій спѣшитъ передать это своему тестю графу Головкину; тотъ шепнулъ другому, и въ нѣсколько минутъ извѣстіе это облетаетъ всю залу. Тогда Бассевичъ, замѣтивъ произведенное впечатлѣніе, подходитъ къ окну и дѣлаетъ какой-то знакъ головой—это условленный сигналъ, на который немедленно отвѣчаетъ барабанный бой двухъ гвардейскихъ полковъ. „Что это значитъ? — восклицаетъ князь Рѣпнинъ, президентъ военной коллегіи, — кто смѣлъ распорядиться войскомъ безъ моего вѣдома?“—Я, отвѣчаетъ Бутурлинъ, я сдѣлалъ это по волѣ императрицы, которой всякій подданный обязанъ повиноваться, не исключая и тебя!

Въ эту минуту съ гордо-снисходительнымъ видомъ выходитъ изъ внутреннихъ покоевъ князь Меншиковъ, а вслѣдъ затѣмъ и императрица, поддерживаемая герцогомъ Гольштинскимъ. Отеревъ слезы и отвѣтивъ на безмолвные холодные поклоны присутствующихъ, она говоритъ собранію, что согласно волѣ покойнаго государя, возложившаго на нее корону, она готова посвятить всѣ свои силы тяжкому труду правленія и будетъ стараться воспитать великаго князя такъ, чтобы онъ сдѣлался достойнымъ того, кого теперь всѣ оплакиваютъ. На слова эти Меншиковъ отвѣчаетъ, что столь важное объявленіе требуетъ зрѣлаго обсужденія и проситъ позволенія удалиться для этого въ особую комнату.

Что было дальше—нетрудно себѣ представить. Запуганные сторонники великаго князя о немъ и не заговаривали болѣе. Кто-то

предложилъ назначить Екатерину только регентшей на время малолѣтства Петра Алексѣевича, но грозныя восклицанія офицеровъ гвардіи, также присутствовавшихъ въ залѣ, заставили отвергнуть это предложеніе. Тутъ выступилъ ловкій Ѳеофанъ Прокоповичъ и разсказалъ, что во время пребыванія двора въ Москвѣ, наканунѣ торжественной коронаціи Екатерины, императоръ съ нѣсколькими преданными ему слугами проводилъ вечеръ у одного англійскаго негоціанта и тамъ положительно выразилъ, что возлагаетъ корону на супругу съ тѣмъ, чтобы послѣдняя могла ему наслѣдовать. „Ссылаюсь въ этомъ, заключилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, на всѣхъ тогда присутствовавшихъ и между прочимъ на великаго канцлера Головкина". Смущенный Головкинъ отвѣтилъ нерѣшительнымъ наклоненіемъ головы, а Меншиковъ поспѣшилъ воскликнуть: „Какого-же еще другого удостовѣренія намъ надо? Вотъ словесно выраженная воля и завѣщаніе нашего государя и благодѣтеля. Первѣйшіе сановники, свѣтскіе и духовные, засвидѣтельствовали намъ это. Можемъ-ли мы имъ не вѣрить?.. Вѣримъ вамъ, отцы и братья, и восклицаемъ: да здравствуетъ императрица Екатерина!" Недовольные, скрѣпя сердце, сдѣлали bonne mine au mauvais jeu и повторили его восклицаніе. Ливонская плѣнница взошла на престолъ Петра Великаго, и — звѣзда Меншикова, готовая было померкнуть, возсіяла ярче прежняго.

ГЛАВА VI.

Характеристика Екатерины. — Меншиковъ — фактическій преемникъ Петра Великаго. — Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. — Дѣятельность правительства при Екатеринѣ. — Курляндскій вопросъ. — Кандидатура Меншикова и его неудача. — Новый фазисъ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. — Меншиковъ переходитъ на сторону великаго князя Петра. — Борьба съ противниками. — Торжество Меншикова.

„Въ ночь на 28 генваря много было говорено въ пользу Екатерины, въ пользу ея мужества и способностей правительственныхъ, которыя были развиты подъ руководствомъ великаго человѣка, не имѣвшаго отъ нея тайнъ государственныхъ. Но, оставя въ сторонѣ желаніе сторонниковъ Екатерины превознести ея достоинства, мы должны замѣтить, что знаменитая ливонская плѣнница принадлежала къ числу тѣхъ людей, которые кажутся способными къ правленію,

пока не принимаютъ правленія. При Петрѣ она свѣтила не собственнымъ свѣтомъ, но заимствованнымъ отъ великаго человѣка, котораго она была спутницей; у нея доставало умѣнья держать себя на извѣстной высотѣ, обнаруживать вниманіе и сочувствіе къ происходившему около нея движенію; она была посвящена во всѣ тайны, тайны личныхъ отношеній окружающихъ людей. Ея положеніе, страхъ за будущее держали ея умственныя и нравственныя силы въ постоянномъ и сильномъ напряженіи. Но вьющееся растеніе достигало высоты, благодаря только тому великану лѣсовъ, около котораго обвивалось; великанъ сраженъ—и слабое растеніе разостлалось по землѣ. Екатерина сохранила знаніе лицъ и отношеній между ними, сохранила привычку пробираться между этими отношеніями; но у нея не было ни должнаго вниманія къ дѣламъ, особенно внутреннимъ, и ихъ подробностямъ, ни способности начинанія и направленія“...

Эта мастерская характеристика Екатерины, принадлежащая перу нашего знаменитаго историка Соловьева, сама собою опредѣляетъ положеніе, которое долженъ былъ занять Меншиковъ при новомъ правительствѣ. Подобная преемница Петра Великаго, вступившая на престолъ въ самую трудную пору для русскаго общества, понятно могла быть царицей только по имени; фактическимъ-же правителемъ неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться Меншиковъ, не только въ силу своего давнишняго вліянія на императрицу, не только въ награду за услуги, оказанныя при ея воцареніи, но и потому, что среди „птенцовъ Петровыхъ“ не было никого, кто лучше его могъ-бы справиться съ его тяжелымъ наслѣдствомъ.

Прежде всего торжество свѣтлѣйшаго князя выразилось конечно возвращеніемъ всего того, что онъ утратилъ въ послѣднее время царствованія Петра Великаго. Онъ снова назначенъ президентомъ военной коллегіи; всѣ счетныя дѣла его съ казной уничтожены, а въ іюнѣ 1726 г. исполнено давнишнее его желаніе, въ которомъ ему отказывалъ покойный императоръ: ему пожалованъ Батуринъ съ 1300 дворовъ и 2000 дворовъ, принадлежавшихъ къ Гадяцкому замку. Меншикову при его характерѣ этого конечно было мало: онъ желалъ еще быть генералиссимусомъ, но въ этой просьбѣ даже Екатерина должна была отказать ему, изъ опасенія вызвать еще большее неудовольствіе враждебной партіи, не переставшей возмущаться подавляющимъ значеніемъ выскочки. Отчасти для успокоенія недовольныхъ и былъ учрежденъ въ 1726 г. Верховный Тайный Совѣтъ, гдѣ главные сановники назначены членами съ равнымъ значеніемъ подъ предсѣдательствомъ самой императрицы, и гдѣ слѣ-

довательно никто не могъ провести ничего безъ общаго вѣдома и обсужденія. Но и въ этомъ новомъ учрежденіи Меншиковъ скоро сдѣлался полнымъ хозяиномъ. Дѣло въ томъ, что изъ остальныхъ членовъ только одинъ, именно князь Голицынъ, принадлежалъ къ старой знати и слѣдовательно не могъ составить ему серьезную оппозицію; другіе три—генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, канцлеръ графъ Головкинъ и графъ Толстой—всегда были его сторонниками и къ тому-же—особенно первые два—значительно уступали ему по уму и государственнымъ способностямъ; вице-канцлеръ Остерманъ—несомнѣнно умная и дѣльная голова, прекрасный дипломатъ и неутомимый работникъ—также не могъ быть опасенъ, какъ иностранецъ, какъ человѣкъ, не имѣвшій партіи и, повидимому, не добивавшійся исключительнаго господства. Оставался еще герцогъ гольштинскій, мужъ Анны Петровны, который скоро, къ великому неудовольствію князя, также занялъ мѣсто въ Верховномъ Совѣтѣ. Герцогъ, дѣйствительно, какъ членъ царскаго дома, оттѣснилъ Меншикова на второе мѣсто, но его вліяніе на дѣла, какъ иностранца, недавно только пріѣхавшаго въ Россію и къ тому-же не понимавшаго русскаго языка, было въ сущности незначительно, и даже при личныхъ столкновеніяхъ его съ княземъ, несмотря на расположеніе, которое Екатерина питала къ своему зятю, тотъ обыкновенно оставался побѣдителемъ.

И такъ, правленіе Екатерины было только по имени ея правленіемъ; настоящимъ правителемъ былъ Меншиковъ, правда правителемъ непопулярнымъ, принужденнымъ вѣчно быть на сторожѣ, бороться съ тайнымъ, а подчасъ и явнымъ противодѣйствіемъ враговъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже терпѣть пораженія. Но въ общемъ, по отзыву всѣхъ, его вліяніе, особенно въ дѣлахъ внутреннихъ, было безгранично. На обсужденіе совѣта поступали дѣла по его указанію и оканчивались такъ, какъ ему было угодно. Нерѣдко, чтобы предупредить всякое столкновеніе съ членами совѣта, онъ объявлялъ имъ прямо высочайшее повелѣніе, продиктованное имъ-же, такъ что, подводя итоги короткому царствованію Екатерины, мы этимъ самымъ характеризуемъ главнымъ образомъ государственную дѣятельность князя.

Въ чемъ-же выразилась эта дѣятельность?

Въ большинствѣ историческихъ трудовъ время, послѣдовавшее за кончиной Петра Великаго до воцаренія Екатерины II, изображается, какъ время весьма непривлекательное, какъ время малоспособныхъ правителей, дворцовыхъ переворотовъ, недостойныхъ фаворитовъ.

По отношенію къ царствованію Екатерины I, мы считаемъ подобный взглядъ сильно преувеличеннымъ. Указываютъ, напримѣръ, на апатію и распущенность, смѣнившія при ней прежнюю напряженную государственную дѣятельность, на то, что Россія не пользовалась уже прежнимъ уваженіемъ среди европейскихъ державъ. Все это отчасти вѣрно, но иначе и быть не могло. Дѣйствительно, Петръ Великій своими побѣдами надъ величайшимъ полководцемъ того времени вознесъ Россію на небывалую высоту, доставилъ ей почетное мѣсто въ ряду другихъ государствъ. Но могла-ли она и послѣ Петра удержаться на прежней высотѣ? Вѣдь въ сущности Россія, государство бѣдное, необразованное, едва только вкусившее отъ европейской культуры, была несравненно болѣе обширна, чѣмъ дѣйствительно сильна; главный источникъ ея силы заключался въ геніи ея государя, и когда этого источника не стало, то и политическое ея значеніе должно было уменьшится. Но перемѣна все-же не была такъ значительна, какъ ожидали на западѣ, гдѣ всѣ были убѣждены, что со смертью преобразователя все введенное имъ будетъ уничтожено, и Россія станетъ опять прежней полуазіатской Московіей. Радость, съ которой была принята при многихъ иностранныхъ дворахъ вѣсть о кончинѣ великаго монарха, оказалась преждевременной. Ожидаемой смуты не произошло. Народъ, чувствуя, что власть находится въ твердыхъ рукахъ—рукахъ прежнихъ сподвижниковъ грознаго монарха, не воспользовался его смертью, чтобы вернуться къ старинѣ. Россія разъ навсегда вошла въ сонмъ европейскихъ государствъ, приняла участіе въ общеевропейской жизни и хотя утратила нѣкоторую долю своего недавняго престижа, но съ голосомъ ея уже нельзя было не считаться. Сохраненіе внутренняго спокойствія, особено важнаго при данныхъ обстоятельствахъ, путемъ твердости и разумныхъ уступокъ—вотъ первая заслуга новаго правительства съ Меншиковымъ во главѣ.

Дѣйствительно-ли въ государственной дѣятельности наступилъ застой? Мы этого не видимъ, по крайней мѣрѣ въ первое время. Конечно, прежней напряженной дѣятельности, проникавшей во всѣ даже отдаленнѣйшіе уголки государства, теперь не замѣчается. Но и это опять-таки было неизбѣжно. Не говоря уже о томъ, что такія геніальные правители, какъ Петръ Великій, представляютъ явленіе исключительное, но послѣ той лихорадочной дѣятельности, которой предавалась Россія втеченіе $^1/_4$ столѣтія, само собою должна была наступить нѣкоторая реакція. Какъ ни важна и благотворна была эта дѣятельность для будущихъ судебъ Россіи, но въ настоящемъ она обусловливала такія грустныя явленія, съ которыми и самому

Петру—оставайся онъ въ живыхъ—пришлось-бы теперь серьезно считаться. Чрезмѣрное напряженіе силъ, котораго требовалъ отъ своихъ подданныхъ Преобразователь, привело страну въ самое тяжкое экономическое положеніе. Ея политическое могущество создалось цѣною страшнаго обѣдпѣнія. Безпрестанные наборы солдатъ, погибавшихъ массами въ походахъ, на работахъ при строеніи крѣпостей, при рытьѣ каналовъ, переселеніе десятковъ тысячъ семей на безплодное топкое побережье Финскаго залива, гдѣ люди умирали, какъ мухи, отъ прелестей климата и всякихъ лишеній, изъятіе всѣхъ выгодныхъ статей торговли изъ рукъ народа въ пользу казны, неслыханные налоги—все это породило такое всеобщее обѣднѣніе, что правительство еще за недѣлю до смерти Петра нашлось вынужденнымъ остановить на время сборъ денежныхъ и хлѣбныхъ податей, кромѣ подушнаго. Крестьяне, разоренные до тла, бѣжали массами за рубежъ Польскій или „въ Башкиры“. Казна была пуста, а брать не съ кого. При такихъ условіяхъ какія-нибудь новыя дорого стоющія предпріятія, хотя-бы и самыя полезныя, были невозможны (до внѣшнихъ займовъ у насъ еще не додумались); приходилось расплачиваться по старымъ счетамъ, и нельзя не оцѣнить, что при этой расплатѣ ничего существеннаго изъ пріобрѣтеннаго въ прежнее царствованіе не было утеряно.

Прежде всего Россія, благодаря кучкѣ стоявшихъ во главѣ ея учениковъ Преобразователя, не сошла съ намѣченнаго имъ пути. Всѣ крупныя реформы, составляющія наиболѣе важную и никѣмъ неоспариваемую заслугу Петровскаго царствованія, удерживаются и при его преемницѣ.

На первомъ планѣ—созданное Петромъ новое на европейскій образецъ войско. Войско было необходимо для Россіи, какъ всегда, такъ особенно теперь, когда нужно было поддержать ея новое значеніе. Послѣ заключенія Ништадскаго мира Петръ говорилъ: „Должно всѣмъ силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи греческой“. Завѣтъ Петра исполняется, войско составляетъ предметъ серьезныхъ попеченій правительства. Когда извѣстный Минихъ потребовалъ 15 тыс. солдатъ для окончанія Ладожскаго канала, Меншиковъ горячо возсталъ противъ этого предложенія, указывая на то, что войска погибаютъ на работахъ и что солдаты набираются съ такими издержками и заботами не для того, чтобы копать землю. Благодаря его настойчивости, предложеніе Миниха, поддерживаемое Толстымъ и Апраксинымъ, отвергнуто и рѣшено доканчивать каналъ одними вольными

людьми. Войско при Екатеринѣ находилось въ образцовомъ состояніи, и иностранныя правительства, хорошо освѣдомленныя объ этомъ черезъ своихъ представителей, поневолѣ должны были и теперь прислушиваться съ уваженіемъ къ голосу Россіи.

Побѣда, одержанная сторонниками Екатерины надъ партіей великаго князя, спасла и другое любимое дѣтище Петра—Петербургъ. Старорусская партія ненавидѣла этотъ городъ за неудобства его климата, за страшную дороговизну въ немъ всѣхъ припасовъ, которые надо было привозить издалека. Правда, отказаться отъ него, уйти въ Москву значило въ то время удалиться отъ Европы, пренебречь величайшимъ пріобрѣтеніемъ Петра—моремъ, новосозданнымъ флотомъ, новымъ значеніемъ Россіи, какъ европейской державы. Но вельможи не дорожили этими преимуществами и, какъ только Меншикова не стало, поспѣшили увезти молодого Петра II въ Москву.

И въ другихъ областяхъ продолжаются традиціи Петра Великаго. Исполнена его мысль объ учрежденіи Академіи Наукъ. Посылается въ Швецію Татищевъ для собиранія матеріаловъ по русской исторіи, Шафирову поручаютъ написать исторію Петра Великаго. Рѣшено продолжать составленіе Уложенія. Изъ коллегій и канцелярій велѣно доставлять въ типографію свѣдѣнія о „знатныхъ дѣлахъ, подлежащихъ къ вѣдѣнію народному“ и т. д.

Но еще болѣе важны заботы правительства о внутреннемъ устроеніи государства. Уже въ первыхъ засѣданіяхъ Совѣта обращено было вниманіе на экономическій кризисъ, переживаемый государствомъ; указано было на существовавшія повсюду злоупотребленія, на недостатокъ правосудія, на бѣдственное положеніе крестьянъ. Затѣмъ членамъ Совѣта поручено было составить предложенія о тѣхъ перемѣнахъ, которыя увеличили-бы благосостояніе народа. Предложенія были внесены. Правда, они не заключали въ себѣ ничего выдающагося, и вообще дѣятельность Совѣта не привела ни къ какимъ радикальнымъ преобразованіямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительство даже отступило, съ цѣлью сокращенія расходовъ и уменьшенія волокиты, отъ программы Преобразователя, напр., оно уничтожило надворные суды и подчинило городскіе магистраты по старинному губернаторамъ и воеводамъ, чѣмъ уничтожались зачатки самоуправленія, даннаго Петромъ. Но отдѣльныя мѣры, принятыя для облегченія крестьянъ, нельзя не признать вполнѣ разумными и достигающими цѣли. Облегчены подушныя подати, измѣненъ порядокъ войскаго постоя, крайне обременительный для населенія, отмѣнены многія стѣснительныя

для торговли постановленія, уничтожены откупа, сокращены штаты при канцеляріяхъ.

Такова въ общихъ чертахъ была дѣятельность правительства въ царствованіе Екатерины, и если припомнить, что царствованіе это продолжалось лишь съ небольшимъ два года, то нельзя не признать, что преемники Петра съ честью вышли изъ того затруднительнаго положенія, въ которое поставила ихъ преждевременная смерть этого колосса. Въ народѣ новыя распоряженія вызвали неописанную радость. Измученное населеніе вздохнуло свободно, и можно смѣло сказать, что короткое царствованіе Екатерины, хотя и не озаренное блескомъ побѣдъ надъ внѣшними врагами, не наполненное той кипучей дѣятельностью во всѣхъ уголкахъ государства, которая отличала славное царствованіе Петра, является все-таки полезнымъ этапомъ въ исторіи Россіи. Это былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ необходимый отдыхъ послѣ чрезмѣрныхъ, хотя и вызванныхъ необходимостью, требованій Петра Великаго и передъ жестокими безсмысленными вымогательствами Курляндскаго конюха—Бирона.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что всѣ эти труды и попытки, болѣе или менѣе удачныя, къ рѣшенію настоятельныхъ вопросовъ, поднимавшихся со всѣхъ сторонъ по смерти Преобразователя, заняли только первый и второй годъ царствованія Екатерины. Уже къ концу 1726 г. дѣятельность Совѣта становится крайне вялой, почти незамѣтной. „Россія похожа на корабль, у котораго кормчій и матросы покоятся глубокимъ сномъ“, писалъ одинъ изъ иностранныхъ пословъ своему двору. Что же случилось? Дѣло въ томъ, что на сцену опять выступилъ вопросъ о престолонаслѣдіи, и забота объ устройствѣ собственныхъ дѣлъ отодвинула для сановниковъ на задній планъ заботы о нуждахъ государства.

Вступленіе на престолъ Екатерины было, какъ мы уже указывали, не только торжествомъ, но и спасеніемъ для свѣтлѣйшаго князя. Страшная опасность, которая возникла для него со смертью Петра, благополучно миновала. Онъ вознесся еще выше, сталъ еще могущественнѣе. Но въ концѣ концовъ при всѣхъ своихъ государственныхъ заслугахъ онъ все-же былъ временщикъ, обязанный своимъ могуществомъ личнымъ отношеніямъ къ государынѣ, и мысль о томъ, что станется съ нимъ и съ его семействомъ въ случаѣ ея смерти, естественно не покидала его даже въ періодъ наибольшаго его торжества. Въ связи съ этой заботой объ обезпеченіи своего будущаго находится, безъ сомнѣнія, и вмѣшательство князя въ дѣла курляндскія.

Отношеніе Меншикова къ Курляндскому вопросу и его образъ дѣй-

ствій въ этомъ дѣлѣ лѣтомъ 1726 г. представляютъ собою весьма интересныя данныя для характеристики временщика. Къ сожалѣнію, рамки нашего очерка позволяютъ намъ только вкратцѣ коснуться этого эпизода. Мы уже говорили, что въ 1710 г. Петръ выдалъ свою племянницу Анну Ивановну за молодого герцога Курляндскаго. Но герцогъ черезъ нѣсколько недѣль умеръ, и такъ какъ послѣ него не осталось дѣтей, то герцогскій престолъ сдѣлался вакантнымъ. Необходимо замѣтить, что Курляндія съ XVI в. находилась въ ленной зависимости отъ Польши. Послѣдняя хотѣла теперь воспользоваться прекращеніемъ династіи, чтобы окончательно присоединить къ себѣ Курляндію и сдѣлать ее польской провинціей. Курляндцы съ своей стороны мечтали о полной независимости. Въ то же время составилась партія, тяготѣвшая къ Россіи. Временно вопросъ былъ рѣшенъ тѣмъ, что поляки назначили администраторомъ дядю покойнаго герцога, Фердинанда, бездѣтнаго старика, очень непопулярнаго въ Курляндіи и потому оставшагося жить въ Данцигѣ. Но въ 1726 г., въ виду преклонныхъ лѣтъ администратора, вопросъ снова выступилъ на сцену. Къ тому-же въ числѣ претендентовъ на герцогскій престолъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ могли быть и претендентами на руку вдовствующей герцогини, выступилъ человѣкъ, съумѣвшій заслужить расположеніе какъ курляндцевъ, такъ и герцогини. Это былъ знаменитый впослѣдствіи графъ Морицъ Саксонскій, побочный сынъ Августа Польскаго. Поддерживаемый тайно королемъ (въ данномъ случаѣ интересы короля и Рѣчи Посполитой расходились: послѣдняя была противъ избранія его сына, опасаясь усиленія монархической власти короля), красивый, рыцарски храбрый и галантный Морицъ явился въ Курляндію, плѣнилъ сердца дворянъ, плѣнилъ вдовствующую герцогиню и былъ единодушно избранъ на сеймѣ въ герцоги. Но торжество его было непродолжительно. У него явился могущественный соперникъ въ лицѣ князя Меншикова.

Уже въ 1711 г., проѣздомъ въ Померанію, князь сталъ хлопотать о курляндскомъ престолѣ и хотѣлъ предложить 200 тыс. руб. королю польскому, если тотъ поможетъ его предпріятію. Въ Курляндіи тогда составилась партія въ его пользу съ генераломъ Ренне во главѣ. Но при Петрѣ Меншикову трудно было ставить свои личныя выгоды подлѣ государственныхъ; теперь-же обстоятельства перемѣнились. Пользуясь своимъ вліяніемъ на императрицу, князь убѣдилъ ее открыто высказаться въ пользу его кандидатуры. Подъ его-же вліяніемъ состоялось 18-го іюня очень важное для него постановленіе Верховнаго Совѣта, о которомъ сказано въ протоколѣ засѣданія:

„Всѣ совѣтовали безъ всякаго замедленія ради отвращенія отъ выбранія въ герцоги Гессенъ-Кассельскаго и принца Морица и склоненія чиновъ курляндскихъ на выбраніе представленныхъ съ нашей стороны, отправить знатныхъ персонъ. И ея императорское величество по тому совѣту и по высокому своему разсужденію соизволила повелѣть ѣхать туда свѣтлѣйшему князю Меншикову, подъ образомъ будто ради осмотру полковъ, во осторожность отъ аглинской и датской эскадръ, обрѣтающихся въ Балтійскомъ морѣ, разсуждая, что въ потребный случай для пострастки курляндцамъ можно за Двиною тѣ полки поставить, однакожъ отнюдь никакой противности оными не показывать".

Въ заключеніе протокола сказано:

„А ежели того курляндцы не учинятъ, и свѣтлѣйшаго князя Меншикова въ герцоги не изберутъ, то представить имъ въ герцоги курляндскіе его королевскаго высочества герцога голштинскаго двоюроднаго брата, второго сына епископа Любскаго".

Но Меншиковъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Наконецъ, еслибы даже его собственная кандидатура не была принята, то онъ надѣялся обезпечить свою дочь, выдавъ ее за Голштинскаго принца послѣ выбора послѣдняго въ герцоги.

Случилось однако не такъ, какъ онъ разсчитывалъ. Посланный впередъ, съ цѣлью подготовить почву, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ дипломатовъ Петровскаго царствованія, ничего не добился. Курляндцы, успѣвшіе тѣмъ временемъ избрать Морица, объявили ему, что сеймъ разъѣхался и опредѣленія его отмѣнить нельзя. Что же касается Меншикова, то онъ все равно не можетъ быть избранъ, такъ какъ онъ не нѣмецкаго происхожденія и не лютеранинъ; принцу же голштинскому только 13 лѣтъ и слѣдовательно, до его совершеннолѣтія, Курляндіи никакой пользы отъ него быть не можетъ.

Не помогло и личное появленіе Меншикова (10 іюля) въ сопровожденіи 12 тысячнаго войска. Несмотря на полученную инструкцію, запрещавшую ему всякіе насильственные пріемы въ обращеніи съ курляндцами, князь позволилъ себѣ грозить депутатамъ, въ случаѣ ослушанія, Сибирью, а Курляндіи вторженіемъ войска. Но депутаты, оскорбленные его повелительнымъ тономъ, твердо заявили, что могутъ получать приказанія только отъ польскаго правительства. Кончилось тѣмъ, что Меншиковъ, не отваживаясь приступить на дѣлѣ къ сильнымъ мѣрамъ, которыми угрожалъ на словахъ, и получивъ приказъ императрицы вернуться въ Петербургъ (отъ 16 іюля), долженъ былъ выѣхать изъ Курляндіи безъ всякаго успѣха.

А между тѣмъ его самоуправство и насильственный образъ дѣйствій, который могъ вовлечь Россію въ войну съ Польшей, успѣли

сильно поколебать его кредитъ у императрицы. Враги его съ герцогомъ гольштинскимъ во главѣ конечно не замедлили воспользоваться его промахомъ и представить его поведеніе въ Курляндіи въ самыхъ черныхъ краскахъ. Вдобавокъ князь своимъ безцеремоннымъ обращеніемъ вооружилъ противъ себя и вдовствующую герцогиню, которая поѣхала жаловаться на него въ Петербургъ. Такимъ образомъ противъ отсутствующаго фаворита составился цѣлый заговоръ, въ которомъ приняли участіе и обѣ царевны. „Вся царская фамилія—доносилъ цесарскій посолъ Рабутинъ Карлу VI—раздражена оскорбленіемъ, нанесеннымъ Аннѣ Іоанновнѣ, и требуетъ удовлетворенія". Назначена была комиссія для разслѣдованія образа дѣйствія князя въ Курляндіи. Повидимому, дѣла его принимали опасный оборотъ. Но — Меншиковъ пріѣхалъ, свидѣлся съ императрицей и скоро—въ первыхъ-же числахъ августа—слѣдствіе было прекращено, и всѣ замыслы враговъ обращены въ прахъ.

Да оно и понятно. Тотъ-же самый курляндскій инцидентъ, выставившій въ яркомъ свѣтѣ самоуправство князя и давшій противъ него оружіе врагамъ, обнаружилъ еще ярче, въ какой степени онъ нуженъ Россіи. Благодаря его отъѣзду, выяснилось, что настоящимъ дѣльцомъ, дававшимъ ходъ всей государственной машинѣ, былъ именно онъ. „Безъ него какъ-то всѣ дѣла остановились", писалъ саксонскій резидентъ Лефортъ. Другіе вельможи въ сущности не умѣли заниматься дѣлами. Да и сами противники Меншикова, хотя-бы тотъ же герцогъ гольштинскій, затѣвая съ нимъ борьбу, имѣли въ виду лишь ослабить его могущество, подорвать довѣріе къ нему императрицы и занять его мѣсто. Но совершенно устранить князя приверженцы Екатерины не желали и не могли, какъ главную опору ихъ партіи, какъ единственный военный авторитетъ, который можно было противоставить другому фельдмаршалу, предводителю украинской арміи, князю Михаилу Михайловичу Голицыну, принадлежавшему къ лагерю великаго князя.

Какъ бы то ни было, дѣло въ Курляндіи не выгорѣло. Правда, и Морицъ Саксонскій также долженъ былъ проститься съ своими надеждами, и вообще рѣшеніе вопроса о курляндскомъ престолонаслѣдіи отложено до смерти стараго герцога, такъ что шансы на успѣхъ не всѣ еще были потеряны. Но расшатанное здоровье императрицы заставляло серьезно задумываться надъ другимъ, гораздо болѣе важнымъ вопросомъ—вопросомъ о престолонаслѣдіи въ Россіи.

Въ сущности, Меншиковъ, возведя на престолъ Екатерину, только отсрочилъ рѣшеніе страшнаго для себя вопроса. Но въ то время можно

было надѣяться, что императрица проживетъ еще долго и обстоятельства сами укажутъ спасительный выходъ. Теперь же ждать дольше становилось опасно. Въ началѣ 1727 г. состояніе здоровья Екатерины приняло угрожающій характеръ. Приходилось принять окончательное рѣшеніе. На первый взглядъ положеніе было такое-же, какъ въ 1725 г.: претендентами на престолъ являлись—съ одной стороны дочери Екатерины, за которыхъ стояли прежніе сторонники послѣдней, опасавшіеся воцаренія сына Алексѣева, съ другой стороны малолѣтній Петръ Алексѣевичъ, единственный законный наслѣдникъ престола въ глазахъ народа. Событія, правда, показали, что мнѣніемъ народнымъ можно пренебрегать, имѣя на своей сторонѣ войско. Но люди, болѣе проницательные, должны были понимать, что то, что удалось въ 1725 г., можетъ не удасться теперь. Тогда воцареніе Екатерины при малолѣтствѣ великаго князя не доказывало еще желанія совершенно отстранить его отъ престола; но неужели этотъ единственный мужской представитель династіи будетъ и теперь обойденъ въ пользу одной изъ своихъ тетокъ, въ пользу женщины? Еще въ началѣ 1726 г. умный Остерманъ предлагалъ, для примиренія интересовъ обѣихъ сторонъ, женить великаго князя на цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Это было неосуществимо, потому что народъ и церковь никогда бы не признали законнымъ бракъ между такими близкими родственниками; но мысль, внушившая Остерману этотъ проектъ, мысль о невозможности устранить отъ престола великаго князя была вѣрная, и Меншиковъ, при всей своей смѣлости, долженъ былъ невольно отступить передъ такимъ рискованнымъ шагомъ, который грозилъ поставить его въ положеніе Годунова. Въ подметныхъ письмахъ, во множествѣ появившихся въ то время, ему прямо приписывали эту роль. „Извѣстіе дѣтямъ россійскимъ о приближающейся погибели россійскому государству, какъ при Годуновѣ надъ царевичемъ Димитріемъ учинено“,—говорилось въ одномъ изъ такихъ писемъ: „понеже князь Меншиковъ истиннаго наслѣдника, внука Петра Великаго, престола уже лишилъ, а поставляютъ на царство россійское князя голштинскаго. О, горе, Россія! смотри на поступки ихъ, что мы давно проданы“... Рискъ, слѣдовательно, былъ большой, гораздо больше, чѣмъ въ 1725 г., а выгоды... выгоды казались очень проблематичными. Возвести на престолъ Анну Петровну значило трудиться въ пользу герцога гольштинскаго, значило готовить себѣ соперника въ лицѣ графа Бассевича, который теперь заискивалъ въ князѣ, но при измѣнившихся обстоятельствахъ конечно сталъ бы вести себя иначе.

Выходъ изъ этого затруднительнаго положенія представлялся одинъ

—перейти заблаговременно на сторону великаго князя, получить право на его благодарность, привязать его къ себѣ всѣми способами... Говорятъ, эта мысль была внушена Меншикову цесарскимъ посломъ Рабутинымъ, принимавшимъ къ сердцу интересы великаго князя, какъ племянника цесарева, а Рабутину, въ свою очередь, она была подсказана датскимъ посломъ, боявшимся усиленія герцога гольштинскаго, какъ врага Даніи. Какъ бы то ни было, Меншиковъ, покончивъ съ колебаніями, принялся за дѣло съ свойственной ему энергіей, и въ одно прекрасное утро (въ мартѣ 1727 г.) партія герцога и дочерей Екатерины съ ужасомъ узнала, что Меншиковъ просилъ императрицу о согласіи на бракъ его дочери съ великимъ княземъ Петромъ, и что императрица дала согласіе.

Что побудило Екатерину рѣшиться на этотъ шагъ, который долженъ былъ отнять у ея дочерей самую сильную ихъ опору, такъ какъ не могло быть сомнѣнія въ томъ, что будущій тесть великаго князя станетъ на его сторону въ вопросѣ о престолонаслѣдіи? На этотъ вопросъ отвѣтить трудно. Извѣстно, что Меншиковъ, между прочимъ, просилъ согласія императрицы на бракъ дочери съ Петромъ, въ видѣ вознагражденія за то, что она отняла у этой дочери ея прежняго жениха, польскаго выходца графа Сапѣгу, и сговорила за него свою племянницу Скавронскую. Но по всей вѣроятности императрица, все время своего царствованія прожившая въ постоянномъ страхѣ народнаго возстанія, и сама чувствовала, какъ опасно обойти законнаго наслѣдника, и, не желая подвергать этой опасности дочерей, надѣялась, что по крайней мѣрѣ упрочитъ ихъ положеніе, соединивъ съ будущимъ императоромъ человѣка, на признательность котораго имѣла право разсчитывать.

Первый провѣдалъ объ этомъ Толстой и—ужаснулся. Самый сильный и постоянный его союзникъ покидалъ его, переходилъ на сторону враговъ! Онъ бросился къ герцогу, къ цесаревнамъ, тѣ—къ матери. Но напрасно молили онѣ ее подумать о гибельныхъ послѣдствіяхъ сдѣланнаго ею шага; напрасно Толстой рисовалъ передъ ней опасность, которой она подвергаетъ своихъ дѣтей и самыхъ вѣрныхъ слугъ. Правда, Екатерина начала было колебаться, увѣряла, что бракъ великаго князя на Меншиковой не перемѣнитъ нисколько ея тайнаго для всѣхъ намѣренія относительно престолонаслѣдія. Но Меншиковъ имѣлъ вторую секретную аудіенцію, и дѣло было рѣшено окончательно.

Толстой съ товарищами однако не сложили оружія. Они надѣялись, что время еще не ушло и что въ концѣ концовъ удастся

уговорить императрицу назначить наслѣдницей Елизавету, а тамъ авось и бракъ великаго князя не состоится—вѣдь онъ еще такъ молодъ. Но времени оказалось мало. 10-го апрѣля у императрицы открылась горячка; приступить къ ней съ новыми представленіями заговорщики не рѣшались, а тутъ одинъ изъ нихъ, Девьеръ, своимъ неосторожнымъ поведеніемъ окончательно погубилъ и себя, и товарищей.

Исторія Девьера, перваго полиціймейстера Петербурга, въ высшей степени интересная сама по себѣ, по своей романтичности, ярко рисуетъ злопамятный и безпощадный нравъ свѣтлѣйшаго князя. Мы можемъ разсказать ее только въ немногихъ словахъ. Однажды, во время пребыванія въ Голландіи, Петръ Великій замѣтилъ на одномъ кораблѣ красиваго, необыкновенно ловкаго и проворнаго юнгу. Юноша оказался сыномъ крещенаго португальскаго еврея, по фамиліи Девьеръ, и съ радостью принялъ предложеніе царя поступить къ нему на службу. Сначала онъ былъ на побѣгушкахъ у Меншикова, но скоро царь взялъ его къ себѣ въ денщики, и будучи доволенъ его службой, сталъ повышать въ чинахъ. Въ 1712 г. Девьеръ обратился къ Меншикову съ предложеніемъ выдать за него свою сестру Анну Даниловну, во взаимности которой онъ былъ увѣренъ. Но надменный фаворитъ, успѣвшій уже позабыть о собственномъ, болѣе чѣмъ скромномъ происхожденіи, отнесся къ этому предложенію, какъ къ неслыханной дерзости, и отказалъ, а когда тотъ сталъ настаивать, то вмѣсто отвѣта приказалъ высѣчь навязчиваго жениха батогами. Тогда Девьеръ бросился къ государю, прося заступничества, и Петръ приказалъ обвѣнчать влюбленныхъ. Вслѣдъ затѣмъ Девьеръ былъ назначенъ оберъ-полиціймейстеромъ, а впослѣдствіи генералъ-лейтенантомъ и сенаторомъ. Но какъ Девьеръ ни возвышался, Меншиковъ все не могъ простить ему того, что онъ насильно вошелъ къ нему въ родство. Съ своей стороны Девьеръ, хотя по солидарности интересовъ и принадлежалъ къ одной съ нимъ политической партіи, платилъ ему такими-же нѣжными родственными чувствами, и посланный въ 1726 г. въ Курляндію для разбора жалобъ Анны Ивановны на князя, не сталъ щадить послѣдняго и представилъ дѣло въ пользу герцогини. Этого было достаточно, чтобы нажить ему въ князѣ смертельнаго врага. И вотъ болѣзнь императрицы дала Меншикову возможность окончательно погубить какъ ненавистнаго шурина, такъ и всѣхъ его единомышленниковъ.

16-го апр., когда болѣзнь особенно усилилась, Девьеръ, находясь во дворцѣ, имѣлъ неосторожность сказать плачущей Скаврон-

ской: „не надобно плакать“. Цесаревнѣ Аннѣ, вышедшей изъ комнаты больной, онъ сказалъ: „О чемъ печалишься? выпей рюмку вина?“, не всталъ передъ ней и смѣялся, что было конечно неприлично. Этимъ воспользовался Меншиковъ, и Девьера предали суду. Съ разспросу и пытокъ онъ оговорилъ Толстого, Ушакова, Скорнякова-Писарева, старика Бутурлина, одного изъ Нарышкиныхъ и молодого Долгорукаго. Открылось также сообщество герцога Гольштинскаго. Всѣ они, кромѣ герцога, были привлечены къ суду. Правда, все преступленіе ихъ заключалось только въ однихъ разговорахъ о томъ, что не слѣдуетъ допускать брака великаго князя на Меншиковой. Но для князя это было конечно самое непростительное государственное преступленіе, и такъ какъ императрица видимо угасала, то судъ дѣйствовалъ съ необыкновенной поспѣшностью—въ 10 дней окончилъ дѣло, а несчастная императрица за нѣсколько часовъ до смерти подписала приговоръ своимъ вѣрнымъ слугамъ, помогавшимъ возвести ее на престолъ: Девьера и Толстого, лишивъ чиновъ, чести и деревень, сослать—перваго въ Сибирь, второго въ Соловки, Скорнякова-Писарева бить кнутомъ и сослать; остальные также чувствительно наказаны. Потомъ еще прибавлено: Девьеру при ссылкѣ учинить наказаніе, бить кнутомъ.

Вечеромъ того-же дня (6 мая), императрица скончалась, оставивъ духовное завѣщаніе, по которому наслѣдникомъ престола назначался великій князь, съ тѣмъ, чтобы онъ женился на дочери Меншикова, на время-же его малолѣтства должно быть учреждено регенство изъ обѣихъ цесаревенъ, герцога и Верховнаго Тайнаго Совѣта. Кромѣ того завѣщаніе опредѣляло порядокъ престолонаслѣдія въ случаѣ смерти Петра бездѣтнымъ, назначало цесаревнамъ большія денежныя суммы и т. д.

Это завѣщаніе, какъ выяснилось потомъ, было составлено Бассевичемъ по соглашенію съ Меншиковымъ и подписано Елизаветой. Но оно соотвѣтствовало желаніямъ большинства, и слухи о его подложности никого не смущали.

Итакъ, Меншиковъ восторжествовалъ еще разъ. Страшный вопросъ, смущавшій его съ давнихъ поръ, рѣшенъ окончательно, рѣшенъ такъ удачно, такъ счастливо для него, какъ онъ и не смѣлъ мечтать. Поднимаясь все выше и выше по лѣстницѣ почестей, ведущей къ трону, бывшій пирожникъ достигъ теперь высшей ступени, какая только доступна подданному. Правитель государства, не имѣ-

ющій соперниковъ, будущій тесть императора, популярнаго въ народѣ—теперь онъ, наконецъ, въ безопасной пристани, и никакія бури ему не страшны...

Старая исторія—человѣкъ предполагаетъ... Все это торжество, все это величіе продолжались всего только 4 мѣсяца. То, чего не сдѣлали всѣ происки враговъ, чего не сдѣлали всѣ прежнія ошибки и злоупотребленія свѣтлѣйшаго князя, то сдѣлалъ капризъ 12-ти лѣтняго мальчика, сидѣвшаго на престолѣ Петра Великаго.

ГЛАВА VII.

Меншиковъ — генералиссимусъ и нареченный тесть императора. — Его самовластіе. — Интриги враговъ. — Неосторожность и безпечность Меншикова. — Болѣзнь его. — Его паденіе. — Меншиковъ въ Ранненбургѣ. — Его богатства. — Новыя обвиненія. — Подметное письмо. — Ссылка въ Березовъ. — Меншиковъ — плотникъ. — Смерть Меншикова. — Судьба его семейства.

По завѣщанію Екатерины, до совершеннолѣтія императора управлять государствомъ долженъ былъ верховный тайный совѣтъ при участіи цесаревенъ. „Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, и никто одинъ повелѣвать не можетъ“. Но это мнимое завѣщаніе должно было остаться мертвой буквой. Еще при составленіи его Меншиковъ объявилъ Бассевичу, что герцогъ долженъ будетъ уѣхать, потому что ему, какъ шведу, не довѣряютъ. Герцогъ и самъ понималъ, что теперь ему нечего разсчитывать на какую-нибудь выдающуюся роль въ Россіи, и, получивъ обѣщанный за Анной Петровной милліонъ (изъ котораго свѣтлѣйшій князь заранѣе выговорилъ себѣ „за труды“ 80 тыс. руб.), уѣхалъ въ свое герцогство. Со стороны 17-лѣтней Елизаветы Петровны, думавшей только о забавахъ, также нечего было опасаться вмѣшательства въ дѣла. Оставался одинъ верховный тайный совѣтъ, но тотъ и при Екатеринѣ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ князя. Теперь послѣдній еще менѣе сталъ церемониться съ своими коллегами. Обыкновенно въ совѣтѣ присутствовали только трое—Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ, причемъ вся ихъ дѣятельность заключалась въ томъ, чтобы подписываться подъ приказами Меншикова. Самъ онъ являлся въ совѣтъ очень рѣдко; Остерманъ, назначенный воспитателемъ юнаго императора, также—къ нимъ обо-

имъ дѣла носили на домъ для полученія ихъ мнѣнія, которое со стороны князя обыкновенно было равносильно приказу. Весьма часто въ важныхъ дѣлахъ никто и не зналъ о цѣли его оффиціальныхъ распоряженій. Вотъ случай, ярко иллюстрирующій самовластіе князя. Въ іюнѣ 1727 г. Петръ Михайловичъ Бестужевъ, управлявшій дворомъ Анны Іоанновны, указомъ верховнаго тайнаго совѣта вызванъ былъ изъ Митавы въ Петербургъ: „приказано пріѣхать немедленно". Бестужевъ прискакалъ, сломя голову. Но свѣтлѣйшій князь въ то время былъ боленъ, доступъ къ нему невозможенъ. И что-же? Никто не могъ объяснить Бестужеву, зачѣмъ его вызвали въ Петербургъ *по указу верховнаго тайнаго совѣта.*

Такимъ образомъ, единственнымъ регентомъ, управлявшимъ государствомъ съ неограниченной властью, остался Меншиковъ, и повидимому были приняты всѣ мѣры для упроченія этой власти. Чтобы не дать императору подпасть чужому вліянію, князь немедленно перевезъ его въ свой домъ на островѣ и окружилъ надежными людьми, а 25-го мая устроилъ торжественное обрученіе его съ своей старшей дочерью, 16-лѣтней княжной Марьей Александровной, которую послѣ этого стали поминать въ церквахъ великой княжной и нареченной невѣстой императора; 34 тыс. руб. ежегодно назначено было на содержаніе ея особаго двора. Еще раньше, 13 мая, Меншиковъ получилъ отъ императора давно желанное званіе генералиссимуса. Такимъ образомъ, имѣя подъ своею властью всѣ сухопутныя и морскія силы государства, подчинивъ своему вліянію юнаго государя, котораго онъ въ скоромъ времени надѣялся привязать къ себѣ неразрывными узами, Меншиковъ могъ, наконецъ, считать себя въ полной безопасности отъ всякихъ интригъ и ударовъ судьбы.

Да и откуда было явиться новой опасности? Всѣ враги, всѣ подозрительные люди удалены, сосланы, сдѣланы безвредными, а тѣ, отъ которыхъ нельзя было отдѣлаться, обласканы, осыпаны милостями и повидимому превратились въ лучшихъ друзей свѣтлѣйшаго князя. Остерманъ, единственный способный человѣкъ, который могъ-бы замѣнить Меншикова, не опасенъ; у него нѣтъ связей, знать смотритъ на него свысока, онъ не можетъ слѣдовательно разсчитывать на первую роль, не можетъ обойтись безъ опоры, а кто-же можетъ служить ему лучшей опорой, какъ не Меншиковъ, которому онъ такъ много обязанъ, который довѣрилъ ему такое важное и отвѣтственное дѣло, какъ воспитаніе императора? Ужъ на Остермана-то, очевидно, онъ можетъ разсчитывать. Знать также, повидимому, перестала относиться къ нему враждебно съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ на сторону великаго

князя. И Меншиковъ дѣлаетъ все, чтобы окончательно привязать ее къ себѣ. Голицыны и Долгорукіе получаютъ важныя должности; одинъ изъ послѣднихъ, князь Алексѣй Григорьевичъ, назначенъ гофмейстеромъ при великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ—мѣсто очень важное по тому вліянію, какое великая княжна имѣла на брата; сынъ этого Долгорукаго, молодой князь Иванъ Алексѣевичъ, пострадавшій за участіе въ кружкѣ Девьера, снова приближенъ ко двору и назначенъ гофъ-юнкеромъ императора. Это-ли не заслуживаетъ благодарности?

Меншиковъ ошибался. Люди, которыми онъ окружилъ императора, которыхъ онъ осыпалъ, по его мнѣнію, милостями, не могли быть его друзьями. Слишкомъ еще свѣжи были въ памяти его прежнія обиды, слишкомъ хорошо знали всѣ его высокомѣріе и завистливость, не допускавшія въ другихъ и тѣни самостоятельности. Да и самыя милости его, выскочки, человѣка, котораго они считали гораздо хуже себя, только раздражали. Ему льстятъ, передъ нимъ разсыпаются въ изъявленіяхъ благодарности и преданности, но его ненавидятъ по прежнему, даже больше, если это только возможно. И при первой возможности свернуть это ненавистное иго, всѣ эти новые друзья конечно не замедлятъ превратиться въ неумолимыхъ враговъ.

Эта возможность скоро явилась. Постоянная удача сдѣлала этого „баловня счастья“ безпечнымъ; безпечность была причиною цѣлаго ряда промаховъ, приведшихъ къ роковой, хотя, по всей вѣроятности, въ концѣ концовъ и неизбѣжной развязкѣ.

Этотъ умный и ловкій человѣкъ, любимецъ двухъ государей, съумѣвшій сохранить ихъ любовь и довѣріе, не смотря на всѣ свои провинности, въ какомъ-то непонятномъ ослѣпленіи совершенно не подумалъ о томъ, чтобы заслужить такую-же любовь и довѣріе со стороны новаго императора. Бывшій пирожникъ мало по малу разучился гнуть спину передъ кѣмъ-бы то ни было. Для его повелительнаго, деспотическаго нрава не было теперь никакой сдерживающей узды. Въ юномъ императорѣ Меншиковъ видѣлъ только 12 лѣтняго мальчика, которому онъ, въ качествѣ будущаго тестя, служитъ опекуномъ и отъ котораго поэтому вправѣ требовать повиновенія. Нужно отдать ему справедливость, онъ настоящимъ образомъ понялъ свои обязанности по отношенію къ императору, понялъ, что послѣднему надо долго и много учиться, чтобы стать достойнымъ преемникомъ своего великаго дѣда. Понималъ это и Остерманъ, въ лицѣ котораго князь далъ Петру прекраснаго воспитателя. Но Остерманъ

не менѣе хорошо понималъ свои собственныя выгоды. Этотъ мягкій, обходительный, всѣмъ улыбающійся человѣкъ скрывалъ подъ своею безпритязательною внѣшностью величайшее честолюбіе. Чтобы достигнуть своей цѣли, ему надо было прежде всего пріобрѣсти любовь своего питомца, а для этого достаточно было только выказывать снисходительность, не налегать съ ученіемъ и сваливать всю вину стѣснительныхъ мѣръ на свѣтлѣйшаго князя. Совершенно иначе поступалъ послѣдній. Онъ разыгрывалъ роль строгаго ментора, не потакалъ стремленію мальчика къ удовольствіямъ, требовалъ отчета во всѣхъ поступкахъ...

Первое время мальчикъ покорно подчинялся этому контролю. При жизни Петра I и Екатерины онъ находился въ тѣни; за нимъ не ухаживали придворные, не баловали его лестью. Въ Меншиковѣ онъ привыкъ видѣть человѣка, передъ которымъ всѣ преклоняются. Наконецъ, онъ былъ увѣренъ, что обязанъ ему возведеніемъ на престолъ... Но теперь положеніе его сразу и совершенно измѣнилось, и скоро онъ начинаетъ смотрѣть на вещи иными глазами. Ему такъ часто, такъ краснорѣчиво напоминаютъ, что онъ самодержавный императоръ, что онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно... Все, что угодно... Но вѣдь это злая насмѣшка... Онъ вовсе не хочетъ учиться, онъ любитъ ѣзду верхомъ, любитъ псовую охоту, а между тѣмъ во всемъ надо спрашиваться у князя и чаще всего получать отказъ. Баронъ Остерманъ, правда, также стоитъ за ученье, но онъ гораздо снисходительнѣе и, наконецъ, онъ также подчиняется требованіямъ свѣтлѣйшаго князя. И въ душѣ мальчика все сильнѣе и сильнѣе разростается недовольство строгимъ опекуномъ.

Невѣста ему также не нравится. Разсказываютъ, что бѣдная княжна, очень любившая своего перваго жениха Сапѣгу, упала въ обморокъ, когда отецъ впервые сообщилъ ей объ ожидающемъ ее счастьи. Шестнадцатилѣтняя вполнѣ развитая красавица конечно не могла питать никакого чувства къ своему мальчику-жениху. Въ его обществѣ ей было не по себѣ; она неохотно принимала участіе въ его забавахъ и казалась мальчику скучной и противной. То-ли дѣло тетя Елизавета Петровна! Та, несмотря на свои 17 лѣтъ, была ему совсѣмъ подъ пару по живости характера, по страсти къ увеселеніямъ и прогулкамъ, къ шуму и движенію. И она также не любила князя, разлучившаго ее съ сестрой. Не любила его и великая княжна Наталья Алексѣевна, имѣвшая на брата большое вліяніе.

Все это не ускользнуло отъ зоркихъ глазъ придворныхъ, и вотъ всѣ потихоньку, но систематически начинаютъ раздувать это недо-

вольство, а больше всѣхъ обласканные княземъ Долгорукіе. Петру нашептываютъ, что онъ ничѣмъ не обязанъ Меншикову, что онъ взошелъ-бы на престолъ и безъ его содѣйствія, указываютъ на безпредѣльное честолюбіе князя, напоминаютъ объ участи несчастнаго Алексѣя... Но еще сильнѣе, чѣмъ эти нашептыванія, дѣйствуетъ неосторожное поведеніе самого Меншикова.

По какому-то случаю цехъ петербургскихъ каменщиковъ поднесъ императору въ подарокъ 9 тысячъ червонцевъ, а тотъ, желая порадовать сестру, отправилъ къ ней деньги съ однимъ изъ придворныхъ. Но посланный встрѣтился съ Меншиковымъ, который, узнавъ въ чемъ дѣло, замѣтилъ: „Государь еще очень молодъ и не знаетъ, на что слѣдуетъ употреблять деньги; отнесите ихъ ко мнѣ, я увижусь съ государемъ и поговорю съ нимъ“. На другое утро великая княжна Наталья по обыкновенію пришла навѣстить брата. Узнавъ, что она не получила подарка и что его отнялъ у посланнаго Меншиковъ, Петръ пришелъ въ страшный гнѣвъ. Онъ немедленно послалъ за княземъ и съ необыкновенной запальчивостью закричалъ на него, какъ смѣлъ онъ помѣшать исполненію его приказанія? Не привыкшій къ такому обращенію, князь былъ пораженъ, какъ громомъ. Однако онъ быстро оправился и отвѣчалъ, что въ виду извѣстнаго недостатка въ деньгахъ въ государствѣ и истощенія казны, онъ намѣревался сегодня-же представить проектъ болѣе полезнаго употребленія этихъ денегъ. Но мальчика, понятно, такой отвѣтъ не успокоилъ. Топнувъ ногой, онъ вскричалъ: „Я научу тебя, что я императоръ и что мнѣ надо повиноваться!“ И съ этими словами повернулся къ князю спиной и ушелъ. Меншиковъ пошелъ за нимъ и такъ долго упрашивалъ его, что Петръ, еще не привыкшій къ подобнымъ выходкамъ, наконецъ, смягчился и простилъ его.

Но первый шагъ къ освобожденію уже сдѣланъ. Юный императоръ окончательно почувствовалъ свою силу. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати онъ будетъ слушаться человѣка, который испугался одного его окрика, съ какой стати онъ слушался его до сихъ поръ? Онъ дѣйствительно покажетъ всѣмъ, что императоръ онъ, а не этотъ выскочка.

Къ несчастью для Меншикова, послѣдній скоро послѣ этого опасно заболѣлъ. Старая болѣзнь—чахотка разыгралась съ особенной силой; у него появилось сильнѣйшее кровохарканье, лихорадка. Готовясь къ смерти, онъ написалъ императору прекрасное наставительное письмо, въ которомъ указывалъ ему на его обязанности относительно Россіи, „этой недостроенной машины“, увѣщевалъ слушаться

Остермана и министровъ: написалъ и къ членамъ верховнаго тайнаго совѣта, поручая имъ свою семью.

Меншиковъ оправился, но болѣзнь уже сдѣлала свое дѣло. Петръ, очутившись на свободѣ, окончательно вышелъ изъ-подъ его вліянія. Пользуясь этой свободой, никѣмъ не удерживаемый, онъ по цѣлымъ днямъ предавался своимъ любимымъ развлеченіямъ въ компаніи Долгорукихъ. Между тѣмъ Меншиковъ, выздоровѣвъ, опять принялся школить его, читать нотаціи. Онъ запрещаетъ царскому камердинеру расходовать деньги безъ своего разрѣшенія, не велитъ исполнять приказанія императора или сестры его безъ предварительнаго себѣ доклада. Императоръ выпрашиваетъ у него 500 червонцевъ и даритъ ихъ сестрѣ. Меншиковъ велитъ отнять ихъ у великой княжны. Такія мелкія стѣсненія особенно чувствительны: тѣмъ болѣе они обидны и невыносимы теперь, когда мальчикъ успѣлъ уже вкусить свободы.

Но Меншиковъ, повидимому, совсѣмъ не сознаетъ своей неосторожности, не замѣчаетъ надвигающейся грозы. Увѣренный въ своемъ могуществѣ, въ своемъ неотразимомъ вліяніи на императора, до сихъ поръ, несмотря на всѣ свои вспышки, наружно смирявшагося передъ нимъ, онъ спокойно и беззаботно оставляетъ его на рукахъ своихъ враговъ въ Петергофѣ, а самъ съ семействомъ уѣзжаетъ отдохнуть послѣ болѣзни въ любимый свой Ораніенбаумъ. Онъ все еще довѣряетъ хитрому Остерману, который, будучи обязанъ давать ему отчетъ въ поведеніи своего воспитанника, не забываетъ въ каждомъ письмѣ увѣрять его „высококняжескую свѣтлость“ въ своей преданности и неизмѣнномъ расположеніи императора. Послѣдній, уже наученный своими любимцами, Долгорукими и Остерманомъ, скрывать свои чувства и замыслы, приписываетъ по прежнему „любительные поклоны“.

Только 26-го августа, въ день именинъ великой княжны Натальи, Меншиковъ начинаетъ прозрѣвать опасность. Онъ видитъ, что Остерманъ обманывалъ его, обнадеживая насчетъ чувствъ императора. Какъ только князь начиналъ говорить съ нимъ, Петръ поворачивался къ нему спиной, не обращалъ никакого вниманія на его поклоны и былъ очень доволенъ, что могъ унижать его. „Смотрите, сказалъ онъ одному изъ придворныхъ, развѣ я не начинаю вразумлять его?“ На невѣсту онъ также не обращалъ никакого вниманія.

Меншиковъ внутренно бѣсится, но еще не сознаетъ, какъ велика опасность. Придворные по прежнему раболѣпствуютъ передъ нимъ, въ верховномъ тайномъ совѣтѣ его слово равняется закону; не се-

годня-завтра онъ надѣется вернуть и утраченную милость императора. Въ Ораніенбаумѣ 3-го сентября назначено освященіе новой его церкви; на это торжество приглашенъ и императоръ. Но враги боятся, чтобы между нимъ и княземъ не произошло примиренія, и въ послѣднюю минуту уговариваютъ Петра не ѣхать подъ предлогомъ нездоровья. Меншиковъ при этомъ случаѣ, какъ разсказываютъ нѣкоторые, совершаетъ новую неосторожность: во время церемоніи онъ садится на мѣсто, приготовленное для императора. Объ этомъ конечно доносится, куда слѣдуетъ, съ приличными комментаріями.

Развязка быстро приближается.

На другой день Меншиковъ пріѣзжаетъ въ Петергофъ, но ему едва удается видѣть императора; 5-го онъ совсѣмъ его не видитъ. Петръ съ утра уѣзжаетъ на охоту; великая княжна, чтобы не встрѣтиться съ ненавистнымъ княземъ, выпрыгиваетъ въ окно и отправляется за братомъ. Меншиковъ внѣ себя. Онъ набрасывается на Остермана, обвиняетъ его въ двоедушіи, обвиняетъ въ томъ, что онъ старается отвратить императора отъ православія, и угрожаетъ колесованіемъ. Остерманъ отвѣчаетъ, что онъ такъ ведетъ себя, что колесовать его не за что, но что онъ знаетъ человѣка, который дѣйствительно заслужилъ этого.

Война объявлена. Меншиковъ очнулся изъ своей безпечности, спѣшитъ въ Петербургъ и начинаетъ дѣйствовать. Надо отдѣлаться отъ Долгорукихъ, удалить Остермана. Противъ первыхъ онъ вызываетъ Голицыныхъ, которымъ конечно должно быть нежелательно возвышеніе Долгорукихъ; Остермана онъ хочетъ замѣнить прежнимъ учителемъ великаго князя, Зейкинымъ, которому раньше, по желанію Остермана, приказано было оставить Россію. Въ догонку Зейкину, не успѣвшему еще уѣхать, посланъ указъ вернуться. Но время уже упущено. Враги также отбросили прежнія предосторожности и дѣйствуютъ рѣшительно. На другой день по отъѣздѣ Меншикова въ Петербургъ, государь именнымъ указомъ объявилъ верховному тайному совѣту, что онъ намѣренъ вернуться въ столицу и жить въ Лѣтнемъ дворцѣ, который и приказано немедленно приготовить: верховному совѣту также велѣно перебраться туда. До сихъ поръ совѣтъ собирался въ домѣ Меншикова, гдѣ жилъ самъ императоръ. Переѣздъ послѣдняго являлся такимъ образомъ явнымъ знакомъ опалы. Меншиковъ, вѣроятно, узналъ объ этомъ, и въ надеждѣ видѣть государя, спѣшитъ въ совѣтъ, но прождавъ тамъ напрасно 1½ часа, возвращается домой.

До сихъ поръ высшія должностныя лица, не посвященныя въ интригу, продолжали еще толпиться въ переднихъ всемогущаго правителя. Но теперь его опала уже извѣстна всѣмъ. 7 сентября, читаемъ мы въ поденныхъ запискахъ князя *), Меншиковъ всталъ по обыкновенію въ 6-мъ часу утра, вышелъ въ орѣховую залу и просидѣлъ въ ней безъ всякаго дѣла до 9 часовъ одинъ, неодѣтый. Въ 9 часовъ поѣхалъ въ верховный тайный совѣтъ, но засѣданія не было. Въ этотъ день онъ не отдыхалъ послѣ обѣда.

Въ этихъ немногихъ строкахъ поденныхъ записокъ, по обыкновенію сухо, безъ всякихъ комментаріевъ, излагающихъ порядокъ дня свѣтлѣйшаго князя, заключается цѣлая потрясающая драма. Что долженъ былъ передумать и перечувствовать этотъ гордый вельможа, этотъ баловень счастья, привыкшій къ общему поклоненію, когда онъ сидѣлъ одинъ въ своей великолѣпной залѣ, обыкновенно переполненной раболѣпной толпой, ожидая какого-нибудь посѣтителя и въ то же время сознавая, что никого не дождется, что пѣсенка его спѣта и что ему нечего разсчитывать на преданность людей, которыми онъ самъ пользовался всегда, лишь какъ орудіями для осуществленія своихъ честолюбивыхъ плановъ. Въ такіе моменты обыкновенно переживаютъ цѣлую жизнь...

Въ тотъ-же день императоръ пріѣхалъ въ Петербургъ и ночевалъ въ Лѣтнемъ дворцѣ, а на другой день, 8 сент., къ Меншикову явился генералъ-лейтенантъ Салтыковъ и объявилъ ему арестъ, „чтобы съ двора своего никуда не ѣзжалъ“. При полученіи этого приказа, Меншиковъ лишился чувствъ, и ему пустили кровь. Жена его, вмѣстѣ съ сыномъ и сестрою, Варварой Арсеньевой, поспѣшила во дворецъ, гдѣ на колѣняхъ молила императора о помилованіи. Но Петръ не обратилъ никакого вниманія на просьбы княгини. Такъ-же напрасны были ея мольбы, обращенныя къ Елизаветѣ и Натальѣ. Даже къ Остерману бросилась было несчастная женщина. Все было кончено...

На другой день, по докладной запискѣ Остермана, верховный совѣтъ опредѣлилъ сослать Меншикова въ его нижегородскія деревни, гдѣ ему жить безвыѣздно, чиновъ и кавалеріи его лишить, а имѣнію быть при немъ. По просьбѣ князя, переданной Салтыковымъ, указъ о ссылкѣ въ тотъ-же день измѣненъ императоромъ, и мѣстомъ ссылки назначенъ городъ Раненбургъ.

* * *

*) Эти поденныя записки начинаются съ 1716 г. и продолжаются до 8 сент. 1727 г., т. е. до того дня, когда Меншиковъ былъ арестованъ.

11-го сентября, Меншиковъ, конвоируемый капитаномъ Пырскимъ съ отрядомъ въ 120 чел., отправился на мѣсто назначенія. Но выѣздъ его изъ Петербурга ничѣмъ не напоминалъ о постигшей его опалѣ. Это былъ великолѣпный поѣздъ богатаго вельможи, отправляющагося въ свои имѣнія. Впереди этого поѣзда, состоявшаго изъ 127 чел. прислуги и множества колясокъ, берлиновъ и фургоновъ съ разнымъ добромъ, ѣхали 4 кареты шестерней, въ которыхъ помѣщались самъ князь съ женой, свояченицей и дѣтьми. За бывшей невѣстой императора слѣдовалъ ея прежній штатъ: гофмейстеръ, пажъ, 4 конюха. Всѣ служители были вооружены ружьями и пистолетами. Народъ толпами собирался по пути и съ удивленіемъ глядѣлъ на великолѣпную процессію.

Это была послѣдняя дань, которую гордый временщикъ принесъ своему тщеславію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это была большая неосторожность. Враги его легко могли представить государю, что онъ смѣется надъ властью, его низвергшей, что ему недостаточно испытаннаго униженія.

И дѣйствительно, самое горькое было еще впереди. Съ каждымъ днемъ Меншикову придумываютъ новыя наказанія; нарочные одинъ за другимъ посылаются въ догонку къ Пырскому съ разнородными приказаніями—то снять съ дѣтей князя ордена, то отобрать у него царскихъ лошадей и экипажи, то лишить ордена Арсеньева, добровольно послѣдовавшаго за княжной въ должности гофмейстера, то, наконецъ, отправить Варвару Арсеньеву въ Александровскій монастырь. Эта свояченица князя особенно тревожила его враговъ. Некрасивая, горбатая, но одаренная рѣдкимъ умомъ, пріятнымъ и занимательнымъ разговоромъ, она пользовалась большимъ уваженіемъ со стороны Петра I и Екатерины. Меншиковъ охотно совѣтовался съ ней въ дѣлахъ семейныхъ и даже служебныхъ, находя въ ней полное сочувствіе своимъ честолюбивымъ планамъ. Враги постарались разлучить его съ этой совѣтчицей.

Тѣмъ не менѣе, Меншиковъ первое время по прибытіи въ Раненбургъ еще надѣялся на то, что его оставятъ тутъ въ покоѣ. Въ своемъ несчастіи онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что можетъ наконецъ отдохнуть послѣ всѣхъ тяжкихъ трудовъ, послѣ заботъ и треволненій придворной жизни, наслаждаясь своими несмѣтными богатствами. Не зная, что всѣ его письма перехватываются и отсылаются въ верховный совѣтъ, онъ то и дѣло посылалъ приказы управляющимъ своихъ многочисленныхъ имѣній, требовалъ высылки разныхъ припасовъ, указывалъ, какъ употреблять доходы.

Но эти мечты о спокойной жизни скоро разсѣялись.

Ссылка Меншикова произошла безъ всякаго суда, по одному лишь приказу 12-ти-лѣтняго императора. Враги прежде всего спѣшили выпроводить опаснаго человѣка изъ Петербурга. Теперь надо было все-таки найти оправданіе своему образу дѣйствій, надо было заклеймить его открыто, всенародно, чтобы никакой возвратъ къ прошлому не былъ возможенъ.

Въ отвѣтъ на разосланные указы о доставленіи свѣдѣній о дѣйствіяхъ опальнаго князя, посыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія. Казенныя учрежденія, частныя лица представили жалобы о захватѣ казенной собственности, денежныя претензіи.

Это дало верховному совѣту предлогъ описать всю движимость Меншикова въ петербургскихъ и московскихъ его домахъ, въ приморскихъ дачахъ, деревняхъ и заводахъ.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на подробномъ перечисленіи колоссальныхъ, чисто сказочныхъ богатствъ князя, которыя были обнаружены этой описью. Скажемъ только, что у него было конфисковано 90 тыс. душъ крестьянъ, города Ораніенбаумъ, Ямбургъ, Коморье, Раненбургъ, Почепъ и Батуринъ, 4 мил. тогдашнихъ рублей наличной монетой, капиталовъ въ лондонскомъ и амстердамскомъ банкахъ на 9 мил. р.; брилліантовъ и разныхъ драгоцѣнныхъ вещей на 1 мил.; три перемѣны, по 24 дюжины каждая, серебряныхъ тарелокъ и столовыхъ приборовъ и 105 пудовъ золотой посуды. Но это было еще не все: кромѣ имѣній въ Россіи, у князя были еще значительныя земли въ Ингріи, Ливоніи и Польшѣ, король прусскій пожаловалъ ему помѣстье Рѣчекъ, а императоръ германскій — герцогство Козельское. Что же касается домовъ, отличавшихся самой роскошной меблировкой, драгоцѣнной домашней утвари, одежды, усыпанной драгоцѣнными каменьями—то этому добру и счета не было. Одна опись вещей, взятыхъ Меншиковымъ съ собой въ Раненбургъ, продолжалась 3 дня.

Всего этого колоссальнаго богатства, нажитаго цѣною столькихъ неправдъ, пришлось князю лишиться. Ему оставлены только самыя необходимыя вещи. Но это были мелочи. Вслѣдъ за жалобами, вызвавшими конфискацію, послѣдовало обвиненіе болѣе важное. 3 ноября 1727 г. графъ Головинъ, русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, прислалъ въ совѣтъ секретную депешу, въ которой сообщалъ со словъ какого-то надежнаго пріятеля, что при покойной императрицѣ, когда союзники Швеціи угрожали намъ войной, Меншиковъ обнадеживалъ шведское правительство, что онъ не допуститъ Россію до войны, потому что власть надъ войскомъ находится въ его рукахъ, что тотъ-

же Меншиковъ при многихъ случаяхъ сообщалъ барону Цедеркрейцу, шведскому посланнику въ Петербургѣ, о положеніи дѣлъ при нашемъ дворѣ, за что получилъ отъ него 5 тысячъ червонцевъ. При этомъ Головинъ выражалъ увѣренность, что въ бумагахъ Меншикова найдутся какіе-нибудь слѣды этой преступной корреспонденціи.

Справедливо ли было это обвиненіе или нѣтъ — трудно рѣшить. Въ бумагахъ Меншикова ничего подозрительнаго, оправдывающаго это обвиненіе не было найдено. Что отвѣтилъ онъ самъ посланнымъ для допроса лицамъ—также неизвѣстно, такъ какъ ни донесенія этихъ лицъ, ни отвѣты Меншикова не сохранились при дѣлахъ совѣта. Во всякомъ случаѣ, благодаря этому обвиненію, враги получили возможность придать ссылкѣ князя совсѣмъ другой характеръ. До сихъ поръ она имѣла видъ опалы; теперь съ опальнымъ стали обращаться, какъ съ государственнымъ преступникомъ. Посланный на мѣсто Пырскаго капитанъ Мельгуновъ получилъ инструкцію держать князя подъ самымъ строгимъ присмотромъ. Его окружили крѣпкимъ карауломъ; самого князя съ женою и сыномъ заключили въ одной комнатѣ и къ дверямъ приставили часовыхъ; княжны отдѣлены въ особую комнату и также при часовомъ. Мельгунова безпокоило даже то, что княжны могутъ ходить въ спальню къ отцу и говорить съ нимъ—„и намъ въ оном не безъ сумнѣнія“, писалъ онъ въ верховный совѣтъ.

Но и теперь Меншиковъ казался еще опаснымъ тѣмъ лицамъ, которыя заняли его мѣсто. Раненбургъ, по мнѣнію Долгорукихъ, былъ слишкомъ близокъ къ Москвѣ. Подъ вліяніемъ Остермана, императоръ рѣшилъ отправить князя куда-нибудь подальше — напримѣръ, въ Вятку, Архангельскъ и т. п., пожитки его взять, а княжнѣ и другимъ дѣтямъ оставить по 10 тыс. на каждаго, да нѣсколько деревень. Но совѣтъ не торопился исполненіемъ этого приказанія; въ то время дворъ находился въ Москвѣ, всѣ заняты были предстоящей коронаціей, а между тѣмъ подвернулось одно, повидимому, ничтожное обстоятельство, которое сразу измѣнило судьбу князя. 24 марта у Спасскихъ воротъ найдено было подметное письмо въ пользу Меншикова; въ этомъ письмѣ, по словамъ современниковъ, оправдывалось поведеніе князя, восхвалялись его высокій умъ и способности и, кромѣ того, возбуждалось недовѣріе императора къ его новымъ фаворитамъ.

Этого было достаточно. Самое строгое слѣдствіе не открыло автора письма, въ которомъ подозрѣвали свояченицу князя, но тѣмъ не менѣе Варвара Арсеньева была пострижена въ монастырь, а 8 апрѣля подписанъ императоромъ указъ о ссылкѣ князя съ женой, сыномъ и дочерьми въ Березовъ.

* * *

Меншиковъ въ Сибири уже не принадлежитъ исторіи. Его историческая роль кончилась. Но для психолога этотъ послѣдній непродолжительный періодъ жизни бывшаго баловня счастья, быть можетъ, самый интересный. Если постоянная удача, могущество кружатъ многимъ головы, даютъ возможность развернуться ихъ дурнымъ инстинктамъ, то несчастье обнаруживаетъ ихъ истинную природу. Это своего рода горнило, изъ котораго натуры болѣе благородныя выходятъ очищенными, тогда какъ натуры мелкія, слабыя, погибаютъ окончательно.

На берегу р. Сосвы, близъ впаденія ея въ Обь, въ 1066 верстахъ отъ Тобольска, среди дремучихъ тайгъ и пустынныхъ тундръ, пріютился небольшой городокъ Березовъ. Трудно представить себѣ что-нибудь пустыннѣе, непривѣтливѣе этого заброшеннаго уголка. Но не одно удаленіе отъ людей служило наказаніемъ для ссылаемыхъ въ этотъ край. Климатъ Березова увеличивалъ страданія. Лѣтомъ, при 27° жара, болотистыя испаренія поднимаются надъ городомъ, воздухъ невыносимо душенъ. Зимою жестокіе морозы доходятъ иногда до 45°. Земля втеченіе 8 мѣсяцевъ окутана въ снѣжный саванъ. Ночи продолжительны и мрачны. Холодъ захватываетъ дыханіе и мгновенно превращаетъ выдыхаемый паръ въ иней, стекла въ окнахъ лопаются, стѣны домовъ щелкаютъ, земля и ледъ растрескиваются.

Въ эту-то ледяную пустыню въ августѣ 1728 г. привезли Меншикова съ дѣтьми и помѣстили въ острогъ, построенный въ 1724 г. для государственныхъ преступниковъ. Это было длинное деревянное зданіе съ узкими закругленными окнами; внутренность была раздѣлена на 4 комнаты. Одну изъ нихъ занялъ самъ Меншиковъ съ 13-лѣтнимъ сыномъ Александромъ, другую княжны Марья (16 лѣтъ) и Александра (14 лѣтъ), третью прислуга, а въ четвертой помѣщались съѣстные припасы.

Княгини Дарьи Михайловны уже не было въ живыхъ. Меншиковъ лишился своей вѣрной подруги жизни еще въ дорогѣ. Бѣдная женщина, ослѣпшая отъ слезъ, выѣхала изъ Раненбурга уже больной; ѣзда на телѣгѣ, безъ шубы, скудная арестантская пища, отсутствіе медицинской помощи привели ее къ смерти. Въ 12 верстахъ отъ Казани, 10 мая, караванъ ссыльныхъ долженъ былъ остановиться; больную внесли въ крестьянскую избу и здѣсь, окруженная солдатами, она умерла на рукахъ своего семейства.

Несчастіе произвело сильный нравственный переворотъ въ самомъ Меншиковѣ. Гордый, жестокій, алчный во времена своего величія, онъ сдѣлался теперь смиреннымъ, истинно благочестивымъ и переносилъ свое несчастіе съ замѣчательной твердостью. Жители Бе-

резова смотрѣли на него, какъ на праведника. Изъ отпускавшихся на содержаніе его денегъ (10 руб. ассигнаціями въ сутки) онъ скопилъ небольшую сумму, на которую построилъ деревянную церковь. Онъ самъ работалъ съ плотниками, своими руками копалъ землю, рубилъ бревна и устраивалъ внутреннія украшенія. Когда постройка была окончена, онъ принялъ на себя должность дьячка, пѣлъ на клиросѣ, звонилъ въ колокола, говорилъ прихожанамъ назидательныя поученія. „Благо мнѣ, Господи, говорилъ онъ безпрестанно въ молитвахъ, что смирилъ мя еси“. Возвратясь домой, онъ заставлялъ дѣтей читать священныя книги или диктовалъ имъ замѣчательныя происшествія изъ своей жизни. Къ сожалѣнію, эта драгоцѣнная рукопись до насъ не дошла.

Но при всемъ своемъ смиреніи и покорности Провидѣнію Меншиковъ не могъ не сокрушаться надъ участью дѣтей. Мысль, что онъ своими ошибками погубилъ ихъ, терзала его сердце и сокращала дни. Онъ умеръ 12 ноября 1729 г., 56 лѣтъ отъ роду, и былъ похороненъ близъ алтаря построенной имъ церкви.

Такъ кончилъ свои дни знаменитый государственный дѣятель, втеченіе четверти столѣтія оказывавшій огромное вліяніе на судьбы Россіи. Какого-бы мы ни были мнѣнія о пользѣ этой дѣятельности, но важность и значеніе ея не подлежатъ сомнѣнію. О недостаткахъ Меншикова мы достаточно говорили; указывали и на своекорыстную подкладку всѣхъ его дѣйствій; но эти недостатки были ему общи съ большинствомъ современниковъ. Соперники его, кричавшіе о его злоупотребленіяхъ и чудовищномъ властолюбіи, еще менѣе его заботились о благѣ отечества, и воспользовались его паденіемъ лишь для того, чтобы пойти по его-же стопамъ. Примѣръ его, постигшая его участь никого не отрезвили. Многочисленные временщики, наполняющіе собою слѣдующія два царствованія, такъ-же усердно взбирались по лѣстницѣ почестей и, не достигши той высоты, которой достигъ ихъ первообразъ, падали въ ту-же пропасть. Но къ чести этого временщика необходимо сказать, что между многими, послѣдовавшими его примѣру и испытавшими одинаковую съ нимъ участь, не много было людей съ такими обширными и разносторонними способностями, съ такой энергіей, какъ у любимца Петра Великаго; мало было такихъ, которые оказали-бы Россіи столько услугъ подъ руководствомъ этого государя и послѣ него, и еще меньше такихъ, которые-бы съ подобнымъ мужествомъ переносили послѣдній жестокій ударъ судьбы.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ участи семей-

ства Меншикова. Старшая его дочь, бывшая невѣста императора, ненадолго пережила отца и скончалась 28 декабря того же года. Но вторая дочь и сынъ въ 1730 г. были возвращены изъ ссылки императрицей Анной Ивановной.

Трагическая судьба этого семейства, въ особенности старшей княжны Марьи Александровны, послужила темою для многихъ романовъ и драматическихъ произведеній.

У березовскихъ жителей сохранилось слѣдующее преданіе о княжнѣ Марьѣ Александровнѣ. Въ 1728 г. вслѣдъ за Меншиковымъ пріѣхалъ въ Березовъ князь Ѳедоръ Долгорукій (какъ полагаютъ, сынъ дипломата Василія Лукича). Онъ давно уже былъ влюбленъ въ княжну и, узнавъ о ея ссылкѣ, выпросился ѣхать за границу, а самъ подъ чужимъ именемъ явился въ мѣсто заточенія своей возлюбленной. Они были тайно обвѣнчаны однимъ престарѣлымъ священникомъ. Въ лѣтнее время жители Березова часто видѣли князя Ѳедора и его жену, прогуливающихся по берегу Сосвы. Черезъ годъ послѣ этого брака княгиня Долгорукая скончалась родами двухъ близнецовъ и была похоронена въ одной могилѣ съ дѣтьми близъ Спасской церкви.

Раскопки, производившіяся въ 1825 г. тобольскимъ губернаторомъ Д. И. Бантышъ-Каменскимъ, съ цѣлью найти могилу князя Меншикова, повидимому подтверждаютъ это преданіе. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла нѣкогда Спасская церковь, найденъ былъ гробъ, а въ немъ довольно сохранившійся трупъ, повидимому женщины, съ двумя дѣтскими гробиками по сторонамъ.

Какъ бы то ни было, для романистовъ это преданіе находка. Написанный на эту тему чувствительный романъ Лафонтена въ свое время былъ переведенъ на всѣ языки.

Популярно-научныя книги.

Пессимизмъ. Сочиненіе *Джемса Селли*. Популярный обзоръ всѣхъ пессимистическихъ ученій. Пер. съ англійскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращ. изложеніи *Коллинса*. Ц. 2 руб.

Законы подражанія. *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к.

Сохраненіе здоровья. Гигіена въ прим. къ обыден. жизни. *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис. Ц. 40 к.

Гигіена женщины. Д-ра *М. Тило*. Ц. 40 к.

Гигіена семьи. *Гебера*. Пер. съ нѣм. Ц. 50 к.

Гигіена дѣтства. Д-ра *Перье*. Ц. 50 к.

Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра *Нижейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

Уходъ за больн. дѣтьми. Д-ра *Перье*. Ц. 50 к.

Уходъ за больными въ семьѣ. Д-ра *Энцлера*. Ц. 50 к.

Дѣтскій докторъ. Популярное руководство для матерей и воспитателей. *Д-ра Варіо*. Перев. съ франц. подъ редакціей проф. *Пономарева*. Со мног. рис. Ц. 1 р.

Записки желудка. Съ англійскаго. Ц. 50 к.

Усталость. Бесѣды проф. *А. Массо*. Перев. *Манасеиной*. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Д-ра Мигулы*. Съ нѣмецк. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Переводъ съ франц. Популяр. изложеніе ученія Дарвина. 2 изд. Ц. 60 к.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Популярный обзоръ его трудовъ, составленный *Гексли, Рейки, Дайеромъ* и *Романесомъ*. Съ портр. Дарвина Ц. 75 к.

Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. *А. Ланге*. Ц. 1 р. 25 к.

Фабричная гигіена. *Соятловскаго*. 153 рис. 4 р.

Ручной трудъ. Составилъ *Графинь*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Перев. съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ переплетѣ 2 р.

Разсказы о небѣ. *К. Фламмаріона*. Перев. съ французскаго. Съ 64 рис. Ц. 50 к.

Предсказаніе погоды *Г. Далле*. Переводъ съ франц. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Свѣтъ Божій. Популяр. очерки міровѣдѣнія. 6-е изд., значител. исправл., Съ 65 рис. Ц. 30 к.

Звѣздный міръ. Популярно-астрономическія бесѣды. *Предтеченскаго*. Со мн. рис. Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона*. Перев. съ франц. Съ 100 рис. 3-е изд. 80 к.

Который часъ? *И. Васильева*. Популяр. руководство для провѣрки часовъ и для устройства солнечн. часовъ. Съ 13 рис. Ц. 30 к.

Эйфелева башня. *Г. Тиссандье*. 34 рис. Ц. 50 к.

Электричество въ природѣ. *Жоржа Дари*. Съ французскаго. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде*. Перевелъ *Головъ*. Со мног. рисунками. Ц. 2 р.

Электрическіе аккумуляторы. *Э. Ренье*. Перевелъ *Головъ*. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ*. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумул. *Сэломенса*. 81 рис. Ц. 1 р. 25 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье*. 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *О. Хвольсона*. Съ 230 рис. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье*. Со множ. рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическая передача энергіи (передача силы на разстояніи). *Каппа*. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье*. Со множествомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. *Бонтона*. Со свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.

Телефонъ и его практическія примѣненія. Сочиненіе *Майера* и *Присса*. Перев. *Д. Голова*. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *Секки*. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Наука о жизни. Популярная физіологія человѣка. *В. Лункевича*. Съ 91 рисунк. Ц. 1 р.

Экстазы человѣка. *П. Мантегацца*. Переводъ съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.

Умственныя эпидеміи. *Рельяра*. Переводъ *Э. Зауера*. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. Ц. 40 к.

Психологія великихъ людей. *Жоли*. 3-е изд. 50 к.

Современные психопаты. *Кюллера*. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо*. Съ портр. автора и рисунк. 2-е изд. Ц. 1 р.

Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ. Ц. 1 р.

Физіологія души. *А. Герцена*, проф. Лованскаго университета. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.

Физіологическая психологія. *Цигена*. Перев. подъ редакціей проф. *В. Чижа*. Ц. 75 коп.

Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. *С. Сигеле*. 116 стр. Ц. 30 к.

Первобытные люди. *Дебьера*. Перев. съ франц. и дополн. *М. Энгельгардта*. Съ 84 рис. Ц. 1 р.

Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова*. Ц. 2 р. 50 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора). *А. Брэма*. Дополненіе къ его сочин. „Жизнь животныхъ". Со многими рис. Ц. 2 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя. *Иверсена*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

Хлѣбный жукъ. Съ 3 рис. Барона *Н. Корфа* Ц. 10 к.

Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго*. Съ 73-мя рис. Изд. 2-е. Цѣна 60 к.

Школьный садоводъ. *А. Болотовскаго*. Ц. 20 к.

Огородничество. Практич. наставл. для народн. учителей. *Ф. Шубелера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмединдена*. Ц. 60 к.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмединдена*. Два тома. Цѣна каждаго 50 к.

Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима*. Ц. 75 к.

Учебныя руководства и пособія.

Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* Съ 80 рис. 14-е изданіе. Ц. **20 к.**

Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ" *Ф. Павленкова.* 7-е изд. Ц. **15 к.**

Родная азбука. *Ф. Павленкова.* 10-е изд., съ 200 рис. Ц. **5 к.**

Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова.* 10-е изд., 100 рис. Ц. **1 к**

Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова.* 1) **Къ „Родному слову"** Ушинскаго (400 рис.). 2) **Къ „Азбукѣ Бунакова"** (460 рис.). 3) **Къ „Первой учебной книжкѣ"** Паульсона (430 рис.). 4) **„Общія наглядноозвуковыя прописи"** (къ другимъ азбукамъ) (644 рис.) Цѣна каждой книжки **8 к**

Церковно-славянскій букварь. *Т. Лубенца.* 2-е изд. Ц. **5 к.**

Руководство къ „Церковно-славянскому букварю". *Т. Лубенца.* Ц. **15 к.**

Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. **20 к.** „Замѣтки для учителя", обучающаго по этой книжкѣ. Ц. **10 к.**

Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Съ приложеніемъ церковно-славянской грамоты и многими рисунками. *Т. Лубенца.* Ц. **30 к.**, 2-я кн. Ц. **40 к.**

Руководство къ „Зернышку". *Т. Лубенца.* Ц. **50 к.**

Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца.* 2-е дополн. изд. Ц. **15 к.**

Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ баронъ *Н. Корфъ.* 16-е изд. съ 200 рис. и портретами. Ц. **75 к.**

Триста письменныхъ работъ. Задачи для упражненій въ письмѣ для всѣхъ 3-хъ отдѣленій начальной школы *Н. А. Корфа.* 2-е изд. Ц. **15 к.**

Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указан. грам. правилъ. *Н. А. Корфа.* Ц. **12 к.**

Руководитель для воскресныхъ школъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. **50 к.**

Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. **60 к.**

Начальная русская грамматика. *Н. Бучинскаго.* Ц. **30 к.**

Элементарная грамматика русскаго языка. *Чудинова.* Ц. **50 к.**

Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Разыграева:* 1) Элементарныя свѣд. о правопис. словъ. Ц. **50 к.** 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. **50 к.** 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. **35 к.** 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. **35 к.**

Иллюстрированная хрестоматія. *А. Тарновскаго.* Для низшихъ учебн. заведеній и младш. классовъ гимназій. Съ 80 рис. 4-е изд. Ц. **60 к.**

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. *Лубенца.* 13-е изд. (около 2000 задачъ и 3000 численныхъ примѣровъ). Ц. **40 к.** Тотъ же „Сборникъ" по частямъ: Годъ I—12 к. Годъ II—15 к. Годъ III—20 к.

Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. **30 к.**

Стѣнная таблица мѣръ. *Т. Лубенца.* Ц. **10 к.**

Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова.* Цѣна **25 к.**

Методика ариѳмет. *Житкова.* 3-е изд. Ц. **75 к**

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". *С. Житкова.* 4-е изд. Ц. **40 к.**

Общепонятная геометрія. *Потоцкаго.* Ц. **40 к.**

Практическая геометрія. *Заблоцкаго.* Съ 300 чертежами. Ц. **60 к**

Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 279 рис. въ текстѣ. Ц. **75 к**

Алгебра. *Тодгентера.* Ц. **2 р. 50 к.**

Сборникъ алгебр. задачъ. *М. Савицкаго.* Ц. **40 к.**

Курсъ начальной механики *Рыкачева.* Съ 197 рис. Ц. **1 р. 50 к.**

Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова.* 98 рис. Ц. **50 к.**

Полный курсъ физики. *А. Гано* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Чернасова.* 8-е изд. съ 1363 рисунк., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Ц. **4 р.**

Курсъ метеорологіи и климатологіи. *Д. А Лачинова.* 122 рис. и 6 карт. Ц. **2 р.**

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* Со 100 рисунк. 3-е изд. Ц. **1 р.**

Учебникъ химіи. *Альмедингена.* 96 рис. 140 задачъ. Ц. **2 р.**

Общія основы химической технологіи. *В. Селезнева.* Съ 70 рисунками. Ц. **1 р. 50 к**

Крат. курсъ ботаники. *Сѣлѣзова.* 118 рис. Ц. **50 к.**

Первыя понятія о зоологіи. *Холл Бера.* Переводъ подъ редакціей проф. *И. Мечникова.* Съ 345 рис. 2-е изд., съ портрет. автора Ц. **1 р.** Въ папкѣ **1 р. 20 к.** Въ перепл. **1 р. 50 к.**

Нач. курсъ географіи. *Корнелл.* 11-е изд., 10-ю раскращ. картъ и 82 рис. Ц. **1 р. 25 к.**

Дешевый географическій атласъ. Десять раскрашен. картъ. Ц. **30 к.**

Географія. *Плетенева.* Ц. **30 к.**

Эпизодическій всеобщій курсъ исторіи. *Кузнецова.* 2-е изданіе. Цѣна **1 р.**

Очерки новѣйшей исторіи. *Григоровича.* 6-е изд. Съ 57 портрет. Ц. **2 р.**, въ перепл. **2 р. 75 к.**

Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима.* Ц. **75 к.**

Руководство къ рисованію акварелью. *А. Лакиссана.* 120 рис. и 6 акв. Ц. **1 р. 50 к.**

Безплатно высылается всѣмъ желающимъ полный каталогъ изданій Ф. Павленкова. Обращаться письменно.

Спб. Малая Итальянская, домъ № 6. ***Ф. Ѳ. Павленкову***

Съ 1894 г. издается въ Петербургѣ Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ странъ и народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая или нѣсколько маленькихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ. Всѣ книжки нумеруются отъ первой до послѣдней. Цѣна книжекъ отъ 5 до 25 коп. До 1 сентября 1895 г. выпущено 70 книжекъ, въ составъ которыхъ вошли слѣдующія сказки:

№№ книжекъ

Сказки Андерсена.

1. Дочь болотнаго царя. Съ 15 рис., портретомъ и біографіей Андерсена (15 коп.).
2. Райскій садъ. Съ 6 рис. (8 коп.).
3. Домовой и лавочникъ. Свинья-копилка. На птичьемъ дворѣ. Красные башмачки. Съ 2 рис. (10 коп.).
4. Супъ изъ колбасной палочки. Съ 6 рис. (6 к.).
5. Оле-Лукъ-Ойе. Ленъ. Свинья. Капля воды. Съ 3 рис. (10 коп.).
6. Цвѣты маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочистъ. Съ 10 рис. (10 к.).
7. Снѣжная царица. Съ 16 рис. (15 коп.).
8. Анна-Лизбета. Съ 10 рис. (5 коп.).
9. Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. Съ 9 рис. (5 коп.).
10. На дюнахъ. Съ 8 рис. (15 коп.),
11. Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣка. Съ 3 рис. (8 коп.).
12. Бузинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Съ 9 рис. (8 коп.).
13. Колокола. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. Съ 7 рис. (6 коп.),
14. Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. Съ 10 рис. (10 коп.).
15. Камень мудрости. Съ 5 рис. (8 коп.).
16. Большой морской змѣй. Сѣчи. Съ 4 рис. (5 коп.).
17. Золотое сокровище. Блоха и профессоръ. Съ 10 рис. (6 коп.).
18. Дикіе лебеди. Съ 6 рис. (8 коп.).
19. Сынъ привратника. Съ 9 рис. (8 коп.).
20. Морская царевна. Должна-же быть разница. Съ 10 рис. (10 коп.).
21. Соловей. Жаба. Съ 11 рис. (8 коп.).
22. Попутчикъ. Съ 7 рис. (8 коп.).
23. Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со спичками. Съ 6 рис. (6 коп.).
24. Калоши счастья. Съ 7 рис. (10 коп.).
25. Она никуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. Съ 7 рис. (8 коп.).
26. Исторія одной матери. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. Съ 9 рис. (8 к.).

№№ книжекъ

27. Безобразный утенокъ. Маргаритка. С ре рядная монетка. Съ 13 рис. (8 коп.).
28. Тѣнь. Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ—все хорошо. Съ 9 рис. (10 коп.).
29. Бутылочное горлышко. Подъ ивой. Съ 13 рис. (10 коп.).
30. Дѣва льдовъ. Съ 19 рис. (18 коп.).

Сказки Гауфа.

31. Холодное сердце. Съ 10 рис., портретомъ и біографіей Гауфа (18 коп.).
33. Сказка о Калифѣ-аистѣ. Молодой англичанинъ. Съ 10 рис. (12 коп.).
32. Преданіе о золотомъ. Маленькій Мукъ. Съ 16 рис. (15 коп.).
34. Карликъ-носъ. Съ 10 рис. (12 коп.).
35. Приключеніе Сапда. Съ 11 рис. (15 коп.).
36. Принцъ-Самозванецъ. Еврей Абиеръ, который ничего не видалъ. Съ 7 рис. (10 коп.).

Сказки Густафсона.

37. Корона морского царя. Друзья короля Османа. Неумѣстная гордость. Король Карій. Съ 10 р., портретомъ и біографіей Густафсона (10 к.).
38. Пастухъ и принцесса. Цвѣты радости. Такъ водится на войнѣ. Баржа. Съ 10 рис. (10 к.).
39. Храмъ истины. Король, страдавшій бессонницей. Каменная глыба. Скороспѣлка. Попугай и жаворонокъ. Съ 12 рис. (10 коп.).
40. Парижская кукла. Бѣлка. Исторія одного дерева. Земной глобусъ пани. Съ 10 рис. (10 к.).
41. Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. Съ 9 рис. (10 коп.).

Сказки Жоржъ-Зандъ.

42. Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ 9 р., портретомъ и біографіею Жоржъ-Зандъ (18 к.).
43. Розовое облако. Съ 5 рис. (12 коп.).
44. Великанъ Іоусъ. Съ 6 рис. (15 коп.).
45. Крылья мужества. Съ 9 рис. (25 коп.).

№№ 46—70. Русскія народныя сказки. Цѣна каждаго номера—10 коп.

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ: Сказки Кармень Сильвы, сказки Лебьернсена, Братьевъ Гриммъ, Перро, и пр. и пр. При первой книжкѣ сказокъ того или другого автора въ большинствѣ случаевъ помѣщается его краткая біографія.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к.—**Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к —**Цыганы.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к.— **Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ.** Съ 2 кар., ц 2 к.—**Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт , ц. 2 к.—**Пѣсни Западныхъ славянъ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт.,ц. 2 к.—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт. ц. 3 к —**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к. — **Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Моцартъ и Сальери.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Каменный гость.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Пиръ во время чумы.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к.—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Метель** Съ. 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2.—**Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт., ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.—**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Исторія Пугачевскаго бунта.** Съ мног. карт., ц. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.—**Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт., ц. 10 к.—**Всѣ драматич. произведенія.** Съ 17 карт., ц. 20 к.—**Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт., ц. 10 к.—**Всѣ письма.** Съ 26 портретами лицъ, которымъ писалъ Пушкинъ, ц. 25 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) **Измаилъ-Бей.** Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) **Бояринъ Сруша.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) **Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) **Черкесы.** Съ 3 рис. Ц. 2 к—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) **Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) **Герой нашего времени.** Съ 23 рис. Ц. 25 к.—17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис. Ц. 12 к.—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) **Призракъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) **Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) **Княгиня Лиговская. Романъ.** Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) **Люди и страсти. Трагедія** Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) **Странный человѣкъ. Драма.** Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) **Два брата. Драма.** Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) **Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц 7 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца.* Въ 2-хъ частяхъ Ц. 1 р. 50 к. 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо.* Ц. 40 к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера.* Ц. 1 р. 50 к ; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле.* съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена.* Ц. 1 р.; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли.* 2-е изд. Ц. 1 р ; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к.; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Ц. 1 р ; 10) **Первобытные люди.** *Дебьера.* Со многими рис. Ц. 1 р.; 11) **Законы подражанія.** *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд Ц. 1 р ; 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 1 р.; 14) **Гигіена семьи** *Гебера.* Ц. 50 к.; 15) **Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка.** *Мингулы.* Съ 35 рис. Ц. 1 р ; 16) **Наука о жизни.** Попул. физіологія человѣка. *И. Лункевича,* съ 92 рис. Ц. 1 р. 17) **Электричество въ природѣ.** *Ж Дарт.* Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к. 18) **Усталость.** *Моссо.* Съ 80 рис. Ц 1 р. 25 к. 19) **Гигіена женщины.** женщина-врачъ *Тило.* 40 к.

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) **Ручной трудъ.** Составилъ *Грабинскій.* Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.—2) **Электрическіе звонки.** *Боттона.* Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ Ц. 1 р.—3) **Руководство къ рисованію акварелью.** *А. Кассана.* Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—4) и 5) **На всякій случай.** *А. Альмединген.* Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой 50 коп. 6) **Домашній опредѣлитель поддѣлокъ.** *А. Альмединген.* Ц. 60 к. 7) **Дѣтскій докторъ.** Руководство для матерей и воспитателей. Д-ра *Варіо.* Съ франц. подъ редакціей профес. *Пономарева.* Ц. 1 р. 8) **Гигіена дѣтства.** *Э. Перье.* Ц. 50 к. 9) **Уходъ за больными въ семьѣ.** *Энцлера.* Ц. 50 к. 10) **Уходъ за больными дѣтьми** *Э. Перье.* Ц. 50 к.

Для дѣтей и юношества.

Иллюстрированныя сказки Андерсена. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ 530 картинками. Перев. *Б. Порозовской.* Ц. каждаго тома 60 к., въ пап. 75 к., въ изящномъ перепл. по 3 тома—2 р. 50 к.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой* 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Ц. каждаго романа 40 к. Въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 6 ром.—3 р. 25 к.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта въ сокращенномъ перев. *Л. Шелгуновой.* 1) Веверлей 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ, 11) Певериль Пикъ, 12) Пресвитеріане, 13) Пертская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ-Львиное Сердце, 19) Обрученные, 20) Черный карликъ, 21) Приключенія Нигеля, 22) Редгантлетъ, 23) Робертъ графъ Парижскій, 24) Сенъ-Ронанскія воды, 25) Опасный замокъ и Два пастуха. Ц. каждаго романа 40 к., въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 5 романовъ вмѣстѣ 2 р. 80 к.

Сочиненія Виктора Гюго. Два тома. Сокращенный переводъ *С. А. Брагинской* Ц. 2 р 50 к.

Къ свѣту! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ *В. В. Огаркова.* Съ 29 рис. Ц 1 р. въ папкѣ 1 р. 25 к въ переплетѣ 1 р 60 к.

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова* Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Дѣтскій маскарадъ. *Н. Авбелева.* Съ 16 р. Ц. 20 к

Блуждающіе огоньки. Сборн. дѣтск. разсказовъ. *Бажиной.* Со мног. рис. Ц. 1 р. Въ пап. 1 р. 25 к. Въ пер. 1 р. 60 к.

Два проказника. Шуточный разсказъ въ стихахъ *В. Буша.* Пер. съ нѣмецк. 100 рис. 2-е изд. Ц. въ папкѣ 50 к

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова* Съ пред. И. С. Тургенева. 62 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

Черные богатыри. *Е. Конради.* Со множествомъ рис. Цѣна 2 р., въ перепл. 2 р. 75 к.

Въ добрый часъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *А. Лякидэ.* Съ рис. Ц. въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Подружка. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Бостромъ.* Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* Два тома съ 135 рис. 2-е изд. Цѣна каждаго 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рисунками. 2-е изданіе. Ц 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 107 рис. Цѣна 30 к., въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева.* Съ рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

Донъ-Кихотъ. *Сервантеса.* Сокращ. перев для юношества. Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ пап. 60 к., въ перепл. 90 к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) *Ф. Павленкова.* 10 листовъ. (на кажд. по 20 рис.). Ц. 1 р. „Объясненіе" къ нимъ: на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ каждое—Ц. 5 к.

Математич. софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5 и т. п *Обреимова.* Ц. 40 к.

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ франц. Съ 55 фигурами и таблицами. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Тройная головоломка. *В. Обреимова.* Сборникъ геометрич. игръ. Съ 300 рис. и 39 кастет. Ц. 1 р.

Образовательное путешествіе. *С. Ворисгофера* Съ 73 рис. Ц. 1 р 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

Чрезъ дебри и пустыни. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к. въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

Сказочная страна. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 75 к.

Приключенія контрабандиста. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 4-е изд. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 2 р.

Вечерніе досуги. *А. Круглова.* Съ 70 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

Научныя развлеченія *Г. Тисандье.* Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 353 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

На землѣ и подъ землей. Изъ воспоминаній всемірнаго путешественника. *В. Галузѣева.* Со мног. рис. Ц 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 16 рисунками. Ц. 50 к

Рыжій графъ Неразлучники. Дочь угольщика. *Засодимскаго.* Съ рис. Цѣна каждой книжки по 35 к

Живыя картинки. *Смирнова.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переп. 2 р.

Янки Вологодскаго уѣзда. *Круглова.* Съ 6 рисунками. Ц. 25 к.

Незабудки. *А. Круглова.* Сборн. разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

Несчастливцы. Повѣсть для дѣтей изъ жизни насѣкомыхъ. *Э. Кандеза.* Съ 56 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к. въ перепл. 2 р.

Двадцать біографій образцовыхъ русск. писателей. Сост. *В. Острогорскій.* Съ 20 портретами. Ц 50 к., въ папкѣ 75 к., въ перепл. 1 р.

Приключенія сверчка *Э. Кандеза.* Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 50 к.

Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* 3-е изд. 52 рис. Ц. 75 к., въ пап. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдетъ около 200 біографій замѣчательныхъ людей. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, объемомъ отъ 80 до 160 страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты.

Цѣна каждой книжки отдѣльно—25 к.

До 1 октября 1895 г. вышли отдѣльными книжками 170 біографій слѣдующихъ лицъ:

Протопопа Аввакума, *Аксаковыхъ*, Андерсена, Аристотеля, Бальзака, Баха, Байрона, Бентама и Беккаріа, Берне, Бэкона, *Бѣлинскаго* (2 изд.), *Карла Бэра*, Беранже, Бетховена, Бисмарка, *Богдана Хмельницкаго*, Боккачіо, Бокля, Бомарше, *Боткина*. Джіордано Бруно, Рихарда Вагнера, Леонардо да Винчи *Волкова* (основателя русскаго театра), Вольтера, *Воронцовыхъ*, Галилея, Гарвея, Гарибальди, Гаррика, Гегеля Гейне, Гете, Гладстона, *Глинки*, Говарда, *Гоголя* (2 изд.), *Гончарова*, Гракховъ, *Грибоѣдова*, Григорія VII, А Гумбольдта, Гуса, Гутенберга, Гюго (2 изд.), Дагерра и Ніэнса, Даламбера, Данте, Дарвина (2 изд.), *Даргомыжскаго*, *кн. Дашковой*, Декарта, *Демидовыхъ*, *Державина*, Дефо, Дженнера, Диккенса, *Добролюбова*, *Достоевскаго*, Жоржъ-Зандъ, *Жуковскаго*, Золя, *Иванова* (художника). *Іоанна Грознаго*, Кальвина, *Канкрина*, Канта, *Кантемира*, *Каразина* (основателя харьков. университета), *Карамзина*, Карлейля, Кеплера, Кетлэ, *Ковалевской*, Колумба, *Кольцова*, Кондорсэ, Конта, Конфуція, Коперника, *Барона Н. А. Корфа*, *Крамского*, Кромвеля, *Крылова*, Кювье (2 изд.), Лавуазье, Лапласа и Эйлера, Лейбница, *Лермонтова*, Лессепса, Лессинга, Ливингстона, Линкольна, Линнея, *Лобачевскаго*, Лойолы (2 изд.), Локка, *Ломоносова*, Ляйэлля, Макелея, Мальтуса, *Меншикова*. Мейербера, Микель-Анджело, Милля, Мильтона, Мирабо, Мицкевича, Мольера, Монтескье, Томаса Мора, Моцарта, *Никитина*, *Никона*, *Новикова*, Ньютона, Роберта Оуэна, Паскаля, Песталоцци, *Перова*, *Пирогова*, *Писарева* (2 изд.), *Писемскаго*, *Потемкина*, *Пржевальскаго*, Прудона, *Пушкина*, Рабле, Рафаэля, Рембрандта, Ришелье, Ротшильдовъ, Руссо, Сакіа-Муни (Будды), *Салтыкова*, Савонаролы, Свифта, Сенеки, *Сенковскаго*, Сервантеса, *Скобелева*, Вальтеръ-Скотта, Адама Смита, *С. Соловьева*, *Сперанскаго*, Спинозы, Стефенсона и Фультона, *Струве*, Стэнли, *Сѣрова*, Теккерея, *Льва Толстого*, Торквемады, *Тургенева*, Уатта, *Ушинскаго*, Фарадея, *Фонвизина*, Франклина, Цвингли. *Шевченко*, Шиллера, Шопенгауэра (2 изд.), Шопена, Шумана, *Щепкина*, Эдисона и Морзе, Джоржъ-Эліота, Юма, *Өедотова*.

Приготовляются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ:

Александра II, Вашингтона, Вирхова, Дидро, *Екатерины II*, Лютера, Магомета, Макіавелли, Меттерниха, Наполеона I, *Некрасова*, *Островскаго*, Пастера, *Петра Великаго*, Ренана, Сократа и Платона, *Суворова*, *Успенскаго*, Франциска-Ассизскаго, Фридриха II, Шекспира, и др.

Курсивными буквами обозначены имена русскихъ дѣятелей.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова (Спб. Лештуковъ пер., № 2).

Объявленія дозволены цензурою, С.-Петербургъ, 25 Августа 1895 года

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Д. И. ПИСАРЕВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. А. Соловьева.

Съ портретомъ Писарева, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1893.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, законовѣдѣніе и пр.

Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ). Историч. романъ *Э. Постери.* Съ итальянскаго. Цѣна 1 руб.

Голодъ. Психологич. романъ *К. Гамсуна.* Переводъ съ норвежскаго. Ц. 60 к.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ) 1 р. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публич. бесѣды Карлейля. Пер. *В. Яковенко,* Ц. 1 р. 50 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Пер. съ англ. *Каменскаго.* Ц. 50 к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicus.* Перев. *В. Рапцовъ.* Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

Литература и жизнь. *Н. Михайловскаго.* Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами.* 3-е изданіе. Ц. 1 р.

Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціальной борьбы съ экономическими язвами современнаго общества). *Бутсъ.* Ц. 1 р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рисун. Ц. 60 к. Въ папкѣ 75 к. Въ перепл. 1 р.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и таже: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин. — 2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія — 40 к. и 1 р. Для 15-томнаго (5 переплетовъ) 1 р. и 2 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 14 иллюстрацій. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". Тѣже иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ 1-мъ и 4-хъ томахъ. Цѣна одна и та же 1 рубль. Переплеты: для 1-томнаго 40 к. и 1 р., для 4-хъ т. (2 пер.) 50 к. и 1 рубль.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художествен. альбомъ *М. Малышева.* Ц. въ папкѣ 50 к.

Исторія книги на Руси. *Бахтіарова.* Цѣна 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова.* Ц. 1 р.

Наши офицер. суды. *Ф. Павленкова.* Ц. 35 к.

Очерки новѣйшей исторіи. (1815—1331 г.) *И. Григоровича.* Съ 58 порт 6-е изд. Ц. 2 р.

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. *Цынтковой.* Съ 72 портр. Ц. 3 р.

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Въ двухъ томахъ. Съ портр. автора и статьей *Н. Михайловскаго.* Ц. за оба тома 3 р., съ пер. 4 р.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Шесть томовъ. Цѣна каждаго 1 руб. Перепл. для 2 томовъ вмѣстѣ по 50 к.

Исторія новѣйшей русской литературы. (1848—1890 гг.) *А. М. Скабичевскаго.* Ц. 2 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ 2 большихъ томахъ, съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго.* Цѣна за два тома—3 р.

Сочиненія Гл. Успенскаго. Т. 3-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе очерки и литературныя характеристики. Съ порт. Цѣна за все собраніе въ 2 том. 3 р.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ 2 большихъ томахъ, съ портр. автора. Ц. 2 р. 50 к.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ *Тургенева.* Ц. 15 к.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Пер. съ 4-го нѣм. изд. *Э. Зауэра.* 3-е изд. Ц. 1 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца.* Ц. 75 к.

Больная любовь. Гигіеническій романъ. *П. Мантегацца.* Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Проф. *Гольцендорфа.* Ц. 75 к.

Очерки самоуправленія — земскаго, городского и сельскаго. *С. Приклонскаго.* Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. *И. Тимощенкова.* Ц. 1 р. 50 к.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки. *А. Бахтіарова.* Цѣна 1 р.

Бесѣды о законахъ и порядкахъ. *Т. Горяинской,* подъ ред. *Я. Абрамова.* Цѣна 15 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ. Составилъ *Фармаковскій.* Цѣна 1 р. 25 к.

Въ небесахъ. Астрономическій романъ. *К. Фламмаріона.* Съ рисун. 2-е изд. Ц. 85 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к.—**Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Цыганы.** Съ 3 карт., 3 к.—**Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к.—**Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ.** Съ 2 кар., ц. 2 к. **Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт., ц 2 к.—**Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к.—**Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Моцартъ и Сальери.**—Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Каменный гость.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Пиръ во время чумы.** Съ 2 к., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к.—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к. — **Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт., ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.—**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка.** Съ 11 карт., ц. 20 к. — **Исторія Пугачевскаго бунта.** Съ мног. карт., ц. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.—**Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт., ц. 10 к.—**Всѣ драмат. произведенія.** Съ 17 карт., ц. 20 к.—**Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт., ц. 10 к.—**Всѣ письма.** Съ 26 портретами, ц. 25 к.

Д. И. Писаревъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Д. И. ПИСАРЕВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. А. Соловьева.

Съ портретомъ Писарева, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1893.

Популярно-научныя книги.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращ. изложеніи. *Коллинса*. Перев. съ англійскаго *П. Мокіевскаго*. Ц. 2 руб.

Законы подражанія. *Тарда*. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

По волнамъ безконечности. Астроном. фантазіи *К. Фламмаріона*. Перев. съ франц. *В. Ранцева*. 350 стр., съ портр. автора. Ц. 80 к.

Пессимизмъ. *Дж. Сёлли*. Популяр. обзоръ всѣхъ пессимист. ученій. Пер. съ англ. подъ редак. и съ предисл. *В. Яковенко*. Ц. 1 р. 50 к.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмединген*а. Ц. 60 к.

На всякій случай! Совѣты по домоводству. *А. Альмединген*а. Цѣна 50 к.

На всякій случай! *Ею-же*. Ч. 2-я. Ц. 50 к.

Гигіена женщины. *М. Тило*. Ц. 40 к.

Гигіена семьи. *Гёбера*. Ц. 50 к.

Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

Гигіена дѣтства. Д-ра *Перье*. Перев. съ фр. *Русаковой*, пересмотр. д-ромъ А. И. Добровольскимъ. Ц. 50 к.

Уходъ за больными дѣтьми. Д-ра *Э. Перье*. Перев. съ франц. *Э. Русаковой*, пересмотрѣнный д-ромъ А. И. Добровольскимъ Ц. 50 к.

Уходъ за больными въ семьѣ. Д-ра *Эпцлера*. Прев. съ нѣм. *Русаковой*, пересмотр. д-ромъ А. И. Добровольскимъ. Ц. 50 к.

Сохраненіе здоровья. Гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдима*. Ц. 40 к.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Д-ра *Мигулы*. Перев. съ нѣмецкаго съ 25 рис. Ц. 1 руб.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брема*. Дополн. къ его сочин. „Жизнь животн.“. Со многими рис. Ц. 2 р.

Первобытные люди. *Дебьера*. Переводъ съ франц. и дополнилъ *М. Энгельгардтъ*. Съ 84 рисунками. Ц. 1 р.

Фабричная гигіена. *В. В. Свѣтловскаго*. 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.

Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. *А. Ланге*. Ц. 1 р. 25 к.

Трудъ и капиталъ. Первонач. свѣдѣнія по политической экономіи. Перев. съ польск. *Свидерскаго*. Ц. 20 к.

Огородничество. Практическія наставленія. *Ф. Шубелера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Который часъ? *И. Вавилова*. Популярное руководство для повѣрки часовъ безъ помощи часовщика и для устройства солнечныхъ часовъ. Съ 13 рис. Книжка эта одобрена Академіей Наукъ. Ц. 30 к.

Записки желудка. Съ англійскаго. Ц. 50 к.

Міръ грезъ. Д-ра *Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Ручной трудъ. Составилъ *Графингеръ*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Перев. съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ переплетѣ 2 р.

Усталость. Популярно-науч. бесѣды профес. *Мосго*. Перев. съ итальян. *М. Манасеиной*. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Экстазы человѣка. *П. Мантегацца*. Переводъ съ 5-го итальянск. изданія. Ц. 1 р. 50 к.

Физіологическая психологія. *Дитена*. Пер. съ нѣм., подъ редакціей профес. *Чижа*. Съ 21 рис. Ц. 75 к.

Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрическіе очерки. Д-ра *Рейнара*. Переводъ съ франц. *Эл. Зауэра*. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія. 6-е изд., съ 65 рис. Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона*. Съ 100 рис. Ц. 1 р.

Разсказы о небѣ. *К. Фламмаріона*. Перев. съ фр. *Е. Предтеченскаго*. Съ 64 рис. Ц. 50 к.

Телефонъ и его практическія примѣненія. *Майера и Прииса*. Перев. съ нѣм. и англ. *Д. Голова*. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Электричество въ природѣ. *Дж. Дари*. Пер. съ фр. *Д. Голова*. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическіе элементы. Соч. *Hiode*. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

Электрическіе аккумуляторы. *Ренье*. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ*. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумуляторами. *Сэломонса*. Пер. съ 6-го англ. изд. *Д. Голова*. Практич. руковод. для любит. 81 рис. и 2 діагр. разсчета діам. проводовъ. Ц. 1 р. 25 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *Л. Гано и М. Маневрье*. Пер. *Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова*. 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона*. Съ 230 рис. Ц. 2 р.

Главнѣйш. приложенія электричества. *Э. Госталле*. Съ 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическая передача энергіи (передача силы на разстояніе). Сост. *Кинга*. Съ рис. въ текстѣ. Перев. *Д. Голова*. Ц. 1 р. 60 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госталье*. Со множествомъ рисунк. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. *Боттона*. Съ кратк. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ. 114 рис. Перев. съ англ. *Д. Голова*. Ц. 1 р.

Психологія великихъ людей. Проф. *Жолли*. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Соціальн. жизнь животныхъ. *Эспинаса*. Пер. съ франц. *Ф. Павленкова*. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-изучи. философіи. *А. Секки*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова*. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 50 к.

Современные психопаты. Д-ра *Л. Кюллера*. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальность и помѣшательство. *П. Ломброзо*. Съ портр. автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Инверсенъ*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

Эйфелева башня. Состав. *Г. Тиссандье*. Съ 34 рисунк. Ц. 50 к.

Хлѣбный жукъ. Чтенія для народа. Съ 8 рис. Бар. *Н. Корфа*. Ц. 10 к.

Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго*. Съ 73 рис. 2-е изд. Ц. 60 к.

Школьный садоводъ. *Л. Волотовскаго*. Цѣна 20 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Отъ автора. 4

I. Дѣтство.—Семья Писаревыхъ.—Знаменское.—Воспитаніе.—Вліяніе матери.—Знаменскій владѣтельный принцъ.—Отношеніе Писарева къ матери и его собственный взглядъ на полученное имъ воспитаніе. 5

II. Гимназическіе годы.—Писаревъ въ Петербургѣ.—Votre fils tendre et respectueux. Enfant d'une bonne maison.—Взглядъ Писарева на гимназическое образованіе.—Любовь. 15

III. «Университетская наука».—Мытарства въ области филологіи и исторіи.—Кружокъ.—Дружба съ Трескинымъ.—Частая наука.—Начало кризиса.—Семейный раздоръ. 22

IV. Начало литературной дѣятельности.—«Разсвѣтъ» Кремлина.—Писаревъ нашелъ себя.—Научныя потуги.—Кризисъ приближается. . 38

V. Неудачи любви.—Въ психіатрической больницѣ.—Dementia melancolica. 46

VI. Выздоровленіе.—Восторги любви.—Начало сотрудничества въ «Русскомъ Словѣ».—Г. Е. Благосвѣтловъ.—О вліяніи Благосвѣтлова на Писарева.—«Уличные типы».—«Идеализмъ Платона».—Кандидатъ университета.—Воинствующій эгоизмъ. 62

VII. «Схоластика XIX вѣка».—Умственный демократизмъ.—Быстрые успѣхи.—Новая глава романа.—Трагическій эпизодъ. 79

VIII. Въ крѣпости.—Письма къ матери. 86

IX. Міросозерцаніе Писарева.—Эмансипація личности.—Утилитаризмъ.—«Реалисты».—Принципъ экономіи силъ.—Любовь, трудъ, знаніе.—Разладъ съ «Современникомъ».—Отношеніе Писарева къ народу.—Педагогическіе взгляды Писарева. 95

X. На свободѣ.—Разрывъ съ Благосвѣтловымъ—Новая любовь.—Изъ воспоминаній о Писаревѣ А. М. Скабичевскаго.—Слава.—Переходъ въ «Отечественныя Записки».—Смерть Писарева. . . 128

XI. ЗАКЛЮЧЕНІЕ. 143

ОТЪ АВТОРА.

Всей отвѣтственности за достоинства или недостатки предлагаемой вниманію читателя біографіи Д. И. Писарева — авторъ ея никоимъ образомъ взять на себя не можетъ. Біографическій очеркъ явился, такъ сказать, результатомъ коллективнаго труда, причемъ бо́льшая часть свѣдѣній о дѣтствѣ и юности Д. И. Писарева заимствованы изъ воспоминаній о немъ его сестры В. И. Писаревой, къ сожалѣнію еще не напечатанныхъ. Для исторіи умственнаго развитія Писарева самымъ цѣннымъ документомъ — не считая разумѣется сочиненій — явились его собственныя письма къ матери, ея-же рукой переписанныя въ 13 толстыхъ тетрадей. Эти письма очень многочисленны и отличаются полной откровенностью и обиліемъ подробностей. Писаревъ не скрывалъ никогда отъ матери ни одного движенія своего сердца, ни одной мысли. Необходимо еще упомянуть и о личныхъ разсказахъ тѣхъ, кто зналъ Д. И. Писарева и по прошествіи 25 лѣтъ сохранилъ о немъ самое теплое, а иногда и восторженное воспоминаніе.

Авторъ.

I.

Дѣтство.—Семья Писаревыхъ.—Знаменское.—Воспитаніе.—Вліяніе матери.—Знаменскій владѣтельный принцъ.—Отношеніе Писарева къ матери и его собственный взглядъ на полученное имъ воспитаніе.

Первые годы жизни Д. И. Писарева переносятъ насъ на границу Орловской и Тульской губерніи, въ родовое имѣніе Писаревыхъ—Знаменское.

Знаменское рѣшительно ничѣмъ не отличалось отъ другихъ помѣщичьихъ усадьбъ того времени. Административнымъ и духовнымъ центромъ его являлся старый каменный домъ въ три этажа, съ мастерскими въ нижнемъ, жилыми комнатами въ среднемъ и совершенно заброшеннымъ верхнимъ этажомъ, наводившимъ на дѣтей таинственный страхъ. Внутри—огромная передняя, вѣчно биткомъ набитая степенными, взрослыми лакеями, на лицахъ которыхъ тѣмъ ярче запечатлѣно высокое сознаніе собственнаго достоинства, чѣмъ дольше они протянули лямку; за передней—огромная зала въ 6 оконъ, съ необъятнымъ биліардомъ посрединѣ, огромными старинными часами въ углу и тяжелыми, неуклюжими, домашняго издѣлія стульями вдоль стѣнъ; изъ одного ряда оконъ открывается видъ на рѣку и прудъ. Дальше—гостиная, большая, глубокая, всегда, даже въ самые жаркіе дни, прохладная и хмурая отъ отсутствія солнца. Двери гостиной выходили прямо на балконъ съ встхими деревянными перилами и широкими лѣстницами, спускавшимися по обѣ стороны въ садъ, носившій скромное названіе палисадника, по сравненію съ двумя другими, еще бо́льшими садами. За гостиной помѣщалась дѣтская, свѣтлая, веселая, большая комната окнами на юго-востокъ, весь день залитая солнцемъ; подъ окнами разстилался просторный барскій дворъ со службами, разступавшимися по обѣ стороны, чтобы дать мѣсто вымощенной камнемъ дорожкѣ къ бѣлой

каменной церкви. А вотъ и двѣ старыя развѣсистыя ели, вѣчно темныя, черно-зеленыя, вѣчно кивавшія своими мохнатыми вершинами, таинственно шептавшимися о чемъ-то. Длинный корридоръ отдѣлялъ дѣтскую отъ дѣвичьей и спальной—большой темной комнаты. съ окнами, круглый день заставленными черными ручными ставнями. Постоянно раскрытыя двери вели изъ спальной въ образную.

Таково было родовое гнѣздо Писаревыхъ. Высокій, трехъэтажный каменный домъ, стоявшій на пригоркѣ, окруженный многочисленными службами, садами — съ скромной маленькой церковью передъ собой—властно царилъ надъ подчиненными ему владѣніями. Все въ домѣ было старое, помѣщичье, помнившее еще XVIII вѣкъ,—старыми были и покосившаяся крыша, и обросшіе мхомъ камни фундамента, и дворянскія идеи, твердо засѣвшія въ головахъ обладателей этого помѣщичьяго гнѣзда.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ немъ дружно и братски жила большая семья Писаревыхъ—нѣсколько сестеръ и братьевъ вмѣстѣ. Текла ихъ жизнь весело, шумно и привольно; безъ тяжелыхъ думъ и душевныхъ потрясеній, безъ гнетущей мысли о завтрашнемъ днѣ и изнуряющаго труда изъ-за куска насущнаго хлѣба, держались они мудраго правила—«довлѣетъ дневи злоба его», и заглядывать впередъ не любили. Да и зачѣмъ? И впереди ждало ихъ то-же самое. Привольное и сытное житье, такъ какъ блаженнымъ временамъ крѣпостничества въ то время не предвидѣлось ещe и конца.

Семья Писаревыхъ жила такъ-же, какъ жили въ то время всѣ дворянскія семьи средней руки; знаменскій домъ, особенно со времени женитьбы отца Дмитрія Ивановича, былъ, что называется, открытымъ, и въ него съѣзжалось множество гостей, все больше изъ мѣстной провинціальной аристократіи; а когда сюда-же переселилась тетка Писарева, бойкая, красивая и умная, молодая вдова, къ этому обществу примкнула и молодежь какого-то коннаго полка, стоявшаго поблизости въ уѣздномъ городѣ Задонскѣ. Писаревы были радушны, гостепріимны и хлѣбосолы на широкую ногу. Они были дворянами чистой крови, и это отражалось не только на внѣшнемъ обиходѣ ихъ жизни, но и на всемъ складѣ міросозерцанія. Было въ этомъ міросозерцаніи и хорошее, и дурное, какъ всегда въ Россіи, помѣсь культурнаго съ азіатскимъ, французскаго языка съ крѣпкимъ національнымъ словомъ и шампанскаго съ водкой. Отличались Писаревы

и безалаберностью, и широкимъ барскимъ великодушіемъ, полнымъ пренебреженіемъ къ деньгамъ и мелочнымъ разсчетамъ, отличались и рыцарски вѣжливымъ отношеніемъ къженщинамъ. Амуры и адюльтеры разумѣется играли не малую роль въ ихъ жизни, но всякая нескромность въ этомъ случаѣ, всякій малѣйшій оттѣнокъ хвастовства и фатовства считались чуть-ли не уголовными преступленіями. Къ чести Писаревыхъ надо однако сказать, что, несмотря на въѣвшееся въ ихъ плоть и кровь крѣпостничество, они были достаточно «аристократами» въ лучшемъ смыслѣ этого слова, чтобы не обижать своихъ холопокъ и хамокъ и не заводить себѣ гаремовъ, что̀ по тому времени было исключеніемъ. Съ этими чертами характера мирно уживались барское самодурство, какая-то удаль и дикое молодечество. Навязать себѣ на шею уголовное дѣло такъ себѣ, здорово живешь, чтобы потѣшить свою удалую голову, избить до полусмерти духовное лицо за то, что оно не свернуло съ дороги съ подобающей поспѣшностью,—все это было ни-по-чемъ. Но за такія безобразія господа хорошо платили, почему и именовались «хорошими».

Какъ истые баре, Писаревы держали себя въ высокомѣрномъ отдаленіи отъ сермяжной толпы своихъ подданныхъ и жили рядомъ съ ними, совершенно чуждые ихъ быту и нуждамъ. Люди они были не жестокіе, а положительно добрые, но между тѣмъ на ихъ душѣ лежитъ не одна дикая выходка самодурнаго произвола. Заставить напр. ключницу, почтенную женщину, принадлежавшую къ дворовой аристократіи, цѣлый день катать пустыя бочки изъ одного подвала въ другой за то, что она осмѣлилась не въ ту-же минуту явиться на барскій призывъ и отозваться, что занята установкой кадокъ въ погребѣ; послать человѣка пѣшкомъ, верстъ за 15, за ту великую провинность, что онъ забылъ на постояломъ дворѣ бариновъ чубукъ, или велѣть тому-же человѣку за какую-нибудь ошибку или просто неловкость дать самому себѣ опредѣленное количество пощечинъ—это все такіе эпизоды, имя которымъ легіонъ.

Въ такой-то чисто барской, помѣщичьей обстановкѣ и родился 2-го октября 1840 года Дм. Ив. Писаревъ.

Его воспитаніемъ первые годы исключительно занялась мать. Что̀ это было за воспитаніе, представить себѣ не трудно. Мать Писарева—добрая, прекрасной и чистой души женщина, получила образованіе такое-же, какое получали въ то время всѣ барышни достаточныхъ дворянскихъ семействъ. Умѣнье говорить и даже думать

по-французски, un peu de musique, слабое знаніе нѣмецкаго языка, немножко исторіи и географіи—вотъ и все образованіе. Къ этому надо прибавить хорошія манеры и нѣсколько отдаленное знакомство съ русскимъ языкомъ и литературой.

Принявшись за воспитаніе сына, мать Писарева разумѣется не имѣла никакой педагогической подготовки. Дурно или хорошо, эту подготовку должна была замѣнить страстная материнская любовь, страстное желаніе сдѣлать изъ сына *хорошаго* человѣка. Но хорошій человѣкъ—понятіе относительное. Въ сороковые годы оно означало благовоспитаннаго джентльмэна, умѣющаго держать себя въ обществѣ, великолѣпно говорящаго по-французски и по-нѣмецки, знающагомузыку—словомъ, приличнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Изъ Писарева долженъ былъ получиться «jeune homme correcte et bien élevé»—каковой и получился на самомъ дѣлѣ.

Мать принялась за дѣло съ большою торопливостью, происходившей вѣроятно отъ сознанія собственной неумѣлости, отъ робости передъ такимъ большимъ дѣломъ, какъ воспитаніе возлюбленнаго сына. 4-хъ лѣтъ отъ роду Писаревъ уже бѣгло читалъ по-русски, а по-французски говорилъ, какъ маленькій парижанинъ. Въ такихъ успѣхахъ повинны столько-же громадныя способности ребенка, его удивительная память—сколько и старательность, приложенная матерью въ дѣлѣ воспитанія. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что Писаревъ учился цѣлый день. Мать такъ дорожила каждой минутой, такъ была полна желанія научить ребенка всему, что́ знала сама, что даже время прогулокъ не пропадало непроизводительно; не было и тутъ отдыха дѣтской мысли: все время отдавалось упражненіямъ во французскомъ языкѣ: сначала мать придумывала цѣлые длинные разговоры, цѣлыя длинныя исторійки на русскомъ языкѣ, употребляя въ нихъ заученныя ребенкомъ слова, а онъ переводилъ ихъ на французскій. Маленькому Писареву это занятіе очень понравилось, и въ скоромъ времени онъ и самъ сталъ выдумывать разговоры, изящно отдѣлывая и округляя свои фразы; особенное-же удовольствіе ему доставляло то, когда въ прогулкѣ принималъ участіе кто-нибудь изъ взрослыхъ, взапуски съ нимъ придумывавшихъ примѣры на слова, и тогда ребенокъ выбивался изъ силъ выказать все свое «мастерство словесныхъ дѣлъ».

На физическое развитіе обращалось вниманія очень мало. Писарева разумѣется держали въ теплѣ и холѣ, хорошо кормили, но

изъ-за французскихъ діалоговъ совершенно забывали о необходимости для мальчика побѣгать и порѣзвиться. Какъ неопытная воспитательница, мать шла по линіи наименьшаго сопротивленія, обративъ все свое вниманіе на изощреніе тѣхъ способностей, которыя и такъ даны были въ избыткѣ Писареву самой природой, т. е. памяти и воображенія. Но она и не думала, что рыхлаго, мало подвижнаго, слишкомъ «умственнаго» мальчика надо прежде всего пріучить къ движенію и воспитать въ немъ физическое и нравственное мужество. Нужно было тормошить, но не умъ — самъ по себѣ въ высшей степени подвижный, а весь организмъ, которому жизнь предназначала столько труда, лишеній и страданія. Но этого не было.

Писаревъ выросъ одинъ, постоянно окруженный взрослыми, которые то баловали его, то наказывали, то испытывали надъ нимъ различныя системы воспитанія, но товарищества онъ не зналъ до самой своей юности. А между тѣмъ и у него проявлялась потребность въ сверстникахъ, съ которыми онъ могъ-бы порѣзвиться и быть можетъ даже подраться немного—въ предѣлахъ, дозволимыхъ à un enfant d'une bonne maison. Разскажу по этому поводу комическій эпизодъ. Матери однажды пришла фантазія потѣшить сына, исполнивъ его завѣтную мечту—имѣть возлѣ себя товарища, и вотъ его сестру Вѣру одѣли въ его-же собственное платье, сдѣлали ей косой проборъ и представили въ качествѣ новаго брата Васи. Писаревъ пришелъ въ восторгъ отъ этой новости, хотя превосходно видѣлъ, что никакого новаго лица нѣтъ, а есть только переодѣванье, но дѣвочка вошла въ свою роль и стала болѣе мальчикомъ, чѣмъ онъ самъ, и обнаружила такое буйство, что ее снова пришлось обратить въ сестру Вѣрочку. Мистификація продолжалась однако дня три, и, когда дѣвочка появилась опять въ своемъ платьицѣ, Писаревъ залился горькими слезами и долго не могъ утѣшиться отъ своей разбитой мечты. «Какъ только я подумаю, что Вѣрочка ужъ больше не мальчикъ», восклицалъ онъ ежеминутно, а за этимъ восклицаніемъ слѣдовалъ новый потокъ горячихъ дѣтскихъ слезъ.

Выростал на діалогахъ и всевозможныхъ «экзерциціяхъ», вѣчно окруженный взрослыми, безъ товарищей и рѣзвыхъ игръ, Писаревъ былъ ребенкомъ очень вялымъ, физически дряхлымъ, серьезнымъ не по лѣтамъ и до смѣшного трусливымъ, зато почтительности и чисто пассивнаго повиновенія въ немъ было столько, что ихъ смѣло можно было сократить въ нѣсколько разъ. Вотъ еще нѣсколько эпи-

зодовъ, достаточно ярко характеризующихъ будущаго нигилиста и сокрушителя вѣрованій.

Писаревъ постоянно нюнилъ. Достаточно было самаго незначительнаго повода, чтобы изъ его глазъ полился обильный потокъ слезъ. Онъ плакалъ, когда его «обижала» маленькая сестра, плакалъ, когда кто нибудь не соглашался признать его любимой куклы—какого-то безносаго гусара—великолѣпной, плакалъ каждый день, достаточно краснорѣчиво доказывая этимъ свою болѣзненную чувствительность. Эта-же чувствительность, какъ результатъ физической дряблости, обусловливала и смѣшную, совершенно безпричинную трусость. Такъ напр., онъ до смерти боялся маленькой рыженькой собаченки «Дурочки», безвреднѣйшаго существа въ мірѣ, которое отличалось однако ярымъ задоромъ. Лежитъ бывало «Дурочка» на своемъ мѣстѣ, на мягкомъ креслѣ,—входитъ маленькій Писаревъ въ комнату, долго вглядывается въ собаку, и замѣтивъ, что та спитъ, крадется на цыпочкахъ, чтобы не разбудить своего врага; но одинъ неосторожный шагъ—собаченка просыпается и съ тѣмъ бо́льшимъ задоромъ ластъ и кидается на ребенка, чѣмъ тише тотъ старается пройти; мальчикъ плачетъ и кричитъ отъ испуга. Въ такихъ случаяхъ въ ходъ событій вмѣшивался обыкновенно отецъ. Считая воспитаніе дѣломъ женскимъ, онъ предоставилъ его исключительно женѣ, сохраняя однако за собою верховный надзоръ. Этотъ верховный надзоръ ограничивался впрочемъ преимущественно наказаніями, и зачастую въ старинномъ барскомъ домѣ раздавался умоляющій голосъ маленькаго Писарева: «Папа, сѣки, сѣки, только не больно!» Сѣкли главнымъ образомъ за плаксивость, такъ какъ по части почтительности и повиновенія Писаревъ смѣло могъ быть поставленъ въ примѣръ всѣмъ своимъ сверстникамъ. Читаетъ онъ напр. исторійку изъ дѣтской книги подъ заглавіемъ «L'enfant raisonneur», гдѣ разсказывается объ испорченномъ мальчикѣ, который на всѣ приказанія взрослыхъ отвѣчалъ вопросами, зачѣмъ да почему? и—о ужасъ!—позволялъ себѣ вдаваться въ самыя неподходящія разсужденія. Писаревъ, пораженный уже самымъ заглавіемъ, окончательно всталъ втупикъ и долго приставалъ къ матери съ распросами: «Mais, maman, est-ce qu'il y a de tels enfants, est-ce qu' on peut ne pas obéir, quand maman et papa ordonnent quelque chose?» *) До ка-

*) Но, мама, развѣ есть такія дѣти, развѣ можно не слушаться, когда папа или мама что нибудь приказываютъ?

кихъ вообще геркулесовыхъ столбовъ доходило его послушаніе, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Ребенку было не болѣе 4-хъ лѣтъ въ то время, когда мать повезла его въ гости къ какимъ-то родственникамъ. Мальчика стали ласкать и первымъ дѣломъ дали кусочекъ конфеты и ложку варенья въ ротъ. Что было тутъ дѣлать? Матери въ комнатѣ не случилось, а съѣсть что-нибудь сладкое безъ ея позволенія Писаревъ считалъ совершенно невозможнымъ, но съ другой стороны лакомство предлагала «ma tante» и выказать явное непослушаніе такому крупному авторитету тоже не приходилось; Писаревъ избралъ средній путь—взялъ, что̀ давали, но продержалъ варенье во рту до прихода матери, не рѣшившись проглотить его иначе, какъ съ разрѣшенія начальства.

Много подобныхъ эпизодовъ изъ дѣтскихъ и отроческихъ лѣтъ Писарева разсказываютъ его близкіе, но мы не будемъ на нихъ останавливаться, хотя отмѣтить эту черту воспитанія не только не мѣшаетъ, но и прямо необходимо.

Въ воспитаніи этомъ однако, несмотря на всѣ его странности, несмотря на то, что велось оно наугадъ и лишало ребенка всей его самостоятельности, было не мало и хорошаго. Прежде всего изъ Писарева сдѣлали, какъ выражается его сестра, воплощенную правду и искренность. Отъ матери у него не было ничего завѣтнаго, не было той мысли и чувства, которыми, разъ сознавши ихъ, онъ не спѣшилъ бы подѣлиться съ нею съ полной откровенностью.

Впрочемъ эта сообщительность проявлялась не относительно только одной матери, но съ нею онъ охотнѣе всего дѣлился своими впечатлѣніями. Правдивость его—все равно какъ послушаніе—доходила до крайнихъ предѣловъ возможнаго: онъ не только самъ никогда не лгалъ словами или дѣйствіями, но его глубоко возмущала всякая неправда въ другихъ, если онъ успѣвалъ замѣтить ее. Встрѣчаясь съ какой-нибудь иногда самой незначительной ложью, онъ широко раскрывалъ глаза и спрашивалъ: «Mais comment donc, maman, mais est-ce que cela est possible?..» (Но какъ же, мама? Развѣ это возможно?) Очень строгъ былъ онъ и къ самому себѣ. Однажды—ему было только девять лѣтъ—его повезли говѣть въ монастырь. Къ исповѣди онъ готовился съ величайшимъ благоговѣніемъ, былъ сосредоточенъ и молчаливъ цѣлый день, боясь впасть въ какой-либо грѣхъ. Онъ ужасно боялся забыть какой-нибудь изъ своихъ «дурныхъ поступковъ», припоминалъ съ матерью все, что̀ казалось ему

нехорошимъ, но—каковъ-же былъ его ужасъ, когда, вернувшись отъ священника, онъ вспомнилъ, что на душѣ его остался тяжкій грѣхъ: забылъ сказать, что два раза солгалъ,—разъ пропустивши въ нѣмецкой книгѣ, которую читалъ, нѣсколько скучныхъ страницъ, воспользовавшись тѣмъ счастливымъ обстоятельствомъ, что гувернантка его Эмилія Францовна сладко задремала, въ другой—скрывши, что сломалъ игрушку, которую спустилъ украдкой подъ полъ между щелями половицъ. Забывчивость, которая показалась ему ложью, такъ долго мучила мальчика, что матери лишь съ трудомъ удалось успокоить его.—Эта черта характера Писарева осталась у него на всю жизнь.

Не менѣе важно и то, что воспитаніе развило въ немъ значительную дозу самоувѣренности. Это—недостатокъ, скажутъ пожалуй строгіе моралисты. Это—достоинство, скажу я, и достоинство, которое нужно цѣнить на вѣсъ золота, такъ какъ чего-же стоитъ человѣкъ, который сомнѣвается въ каждомъ чувствѣ своемъ, въ каждой мысли, въ каждомъ впечатлѣніи? Ровно ничего онъ не стоитъ. Разумѣется, нельзя доводить такой точки зрѣнія до крайности; но вѣдь это предполагается всегда, разъ говорятъ о свойствахъ человѣческой души. Вѣра въ себя необходима для дѣятельности, иначе все будетъ вываливаться изъ рукъ, и ни одна мысль не дойдетъ до конца, испуганная своей собственной смѣлостью. Запасшись этимъ прекраснымъ качествомъ, Писаревъ избѣгъ многихъ страданій и сберегъ много силъ. Не пришлось ему восклицать съ мучительной злобой въ душѣ:

Ахъ ты, страсть роковая, безплодная,
Отвяжись, не тумань головы;
Осмѣетъ насъ красавица модная:
Вкругъ нея увиваются львы—

въ области мысли онъ самъ былъ львомъ.

Приведу однако нѣсколько фактовъ. «Единственный сынъ наслѣдникъ» — Писаревъ въ дѣтствѣ сосредоточивалъ на себѣ все вниманіе и заботы взрослыхъ: любовались имъ многочисленные дяди, не менѣе многочисленныя тетки и всякіе родственники и родственницы, наѣзжавшіе гостить въ просторный знаменскій домъ, баловала и любила его безъ памяти старуха-бабушка, обожала прислуга, боготворила съ какимъ-то страстнымъ увлеченіемъ, съ ревнивою исключительностью совершенно влюбленная въ него мать. Писаревъ былъ центральнымъ свѣтиломъ знаменскаго міра, и пріѣзжій, коротко знакомый съ порядками въ домѣ, могъ легко заключить по

выраженію лица выбѣгавшихъ ему на встрѣчу слугъ, здоровъ или боленъ малютка. Ребенокъ и самъ такъ привыкъ видѣть, что каждое его слово, каждое его движеніе замѣчается, что недостатокъ вниманія къ нему задѣвалъ его за живое и оскорблялъ дѣтское самолюбіе. Пріѣхалъ разъ въ Знаменское гость изъ церемонныхъ, кажется елецкій предводитель дворянства; Писарева въ гостиной не было, онъ вошелъ въ комнату, когда уже завязался живой разговоръ между гостями и хозяевами, и крайне удивился, что его появленіе не произвело обыкновеннаго впечатлѣнія: никто не обратился къ нему съ привѣтствіемъ, его даже не замѣтили, хотя, по настоянію пожилой няни Ѳеоны, онъ не преминулъ шаркнуть ножкой и произнести «бонжуръ»,—а—еще бо́льшая обида!—онъ мнилъ себя еще болѣе интереснымъ, потому что облачился въ только что сшитый сюртучекъ и штанишки и охорашивался съ большимъ самодовольствомъ. И каково же было его разочарованіе: вошелъ, поклонился—и никого не поразилъ... Сѣлъ онъ за свой столикъ, поигралъ нѣсколько минутъ, но видно обида заговорила сильнѣе: не вытерпѣлъ, подошелъ къ гостю и пресерьезно спросилъ: «отчего вы меня не замѣчаете и не разговариваете? Всѣ всегда говорятъ со мной!»...

Писаревъ твердо былъ убѣжденъ, что всѣ—особенно мать—къ каждому его слову, къ каждому чувству отнесутся внимательно и любовно. Онъ никогда не слыхалъ этихъ глупыхъ: «отстань, мнѣ некогда», «выростешь—узнаешь» и т. д. Его дѣтская исключительная даже любознательность удовлетворялась по мѣрѣ своего появленія. Онъ видѣлъ, что всѣ находятъ величайшее удовольствіе въ его обществѣ—это льстило его самолюбію, это заставляло цѣнить себя.

Въ общемъ — счастливое дѣтство. Писаревъ жилъ въ теплѣ и холѣ, средь ласки и любви. Онъ долго не видалъ тѣхъ мрачныхъ и суровыхъ сторонъ дѣйствительности, которыя испортили дѣтство и юность другихъ нашихъ публицистовъ и писателей. Хотя вскорѣ состояніе Писаревыхъ пошатнулось, но до нищеты было еще далеко, и Писаревъ вышелъ въ жизнь точно изъ теплицы,—изящный, гордый, самоувѣренный...

*
* *

Въ эти дѣтскіе, а впослѣдствіи и юношескіе годы отношенія къ матери, какъ видитъ читатель, стоятъ на первомъ планѣ. Мать пріучила Писарева къ полной и безусловной откровенности, она

любила его съ тою страстностью, тѣмъ увлеченіемъ, которыя требовали, чтобы сынъ принадлежалъ ей цѣликомъ, безраздѣльно, чтобы онъ дѣлился съ нею каждымъ своимъ помысломъ. Такая любовь недалека отъ ревности и того особеннаго вида деспотизма, которому лучшее названіе—материнскій. И мать впослѣдствіи дѣйствительно ревновала Писарева ко всякой женщинѣ, которая становилась между ними,—впослѣдствіи-же она глубоко страдала отъ каждаго самостоятельнаго вѣрованія и каждой самостоятельной мысли, появлявшихся въ головѣ сына. Ей хотѣлось, чтобы Писаревъ на всю жизнь остался тѣмъ милымъ, покорнымъ мальчикомъ, какимъ онъ былъ въ дѣтствѣ, чтобы лишь возлѣ нея изливалъ онъ свои страданія и лишь съ ней одной дѣлилъ всѣ радости. Это—извѣстная ошибка излишней любви,—ошибка, вызывающая столько мукъ и разочарованій въ семейной жизни. Мы увидимъ ихъ послѣ, но мнѣ-бы хотѣлось уже въ настоящую минуту подготовить къ нимъ читателя и указать на ихъ грустную необходимость.

«Многія черты моего характера—писалъ впослѣдствіи Писаревъ своей матери—огорчали другихъ людей, но не потому, что эти черты наносили имъ большой убытокъ, а потому, что они желали, чтобы я былъ не такой человѣкъ, а другой. Эти люди были неправы, и къ числу ихъ принадлежала и ты. Неправы они были потому, что хотѣли невозможнаго. Каковъ есть человѣкъ, таковъ и есть, и другимъ онъ не будетъ и быть не можетъ. Пока ты желала передѣлать меня, я стоялъ въ оборонительномъ положеніи, потому что мнѣ, какъ и всякому другому человѣку, чрезвычайно дорога неприкосновенность и самостоятельность характера. Человѣкъ защищаетъ ее, какъ свою жизнь, совершенно инстинктивно, когда даже не понимаетъ, что такое самостоятельность и неприкосновенность. На этомъ основаніи вѣчная борьба между воспитателями и дѣтьми. Воспитатели обыкновенно хотятъ сдѣлать слишкомъ много, и это имъ не удается, и въ эту ошибку впадаютъ именно самые усердные и умные воспитатели, къ числу которыхъ принадлежишь и ты. Ошибка это впрочемъ не приноситъ нисколько вреда; жаль только, что воспитателю она доставляетъ много хлопотъ и даже огорченій, она ведетъ обыкновенно къ тому, что между воспитателемъ и воспитанникомъ, переходящимъ уже въ мужской возрастъ, поселяется на время холодность и натянутость отношеній. Но какъ только воспитатель мирится съ характеромъ воспитанника, какъ съ существующимъ фактомъ, тотчасъ-же исчезаетъ всякая холодность и начинается прежнее дружелюбіе. Вотъ самый простой очеркъ нашихъ отношеній съ тобой; вотъ почему между нами было что-то неладно и вотъ почему мы теперь большіе друзья съ тобой и съ каждымъ годомъ будемъ дружиться все сильнѣе.» (1863 г.).

II.

Гимназическіе годы.—Писаревъ въ Петербургѣ.—Votre fils tendre et respectueux. Enfant d'une bonne maison.—Взглядъ Писарева на гимназическое образованіе.—Любовь.

Когда Писареву минуло 11 лѣтъ, было рѣшено на семейномъ совѣтѣ везти его въ Петербургъ, въ гимназію. Тяжело было матери разставаться съ своимъ ненаглядным сокровищемъ, неразлучнымъ съ ней съ самаго дня рожденія, но его польза стояла на первомъ планѣ, а отецъ замѣтилъ со свойственной ему добродушной рѣзкостью выраженій: не свиней же ему съ кнутомъ пасти въ деревнѣ. Доставить мальчика въ Петербургъ и сдать его съ рукъ на руки лучшему другу и родственницѣ г-жи Писаревой взялся одинъ изъ дядей Дм. Ив., братъ его отца, который отъ души любилъ мальчика, гордился его успѣхами и возлагалъ огромныя надежды на его будущую карьеру, предсказывал родителямъ, что онъ будетъ министромъ или посланникомъ. Трудно сказать, съ какой стороны и въ какомъ отношеніи Писаревъ могъ подавать поводъ родителямъ и близкимъ людямъ прочить его въ дипломаты, только для «хрустальной коробочки» мечтали именно объ этой карьерѣ.

Зная маленькія средства родителей Писарева, одинъ изъ его богатыхъ дядей вызвался платить за него въ гимназію и впослѣдствіи въ университетъ съ тѣмъ, что современемъ, когда молодой человѣкъ станетъ на ноги и выйдетъ на дорогу, онъ возвратитъ ему истраченное. Это обязательство выполнялось свято до тѣхъ поръ, пока Д. И. Писаревъ, этотъ образецъ повиновенія и всяческихъ добродѣтелей, насажденныхъ въ его сердцѣ домашнимъ воспитаніемъ, оказался отщепенцемъ и разрушилъ розовыя надежды на карьеру, объявивъ категорически, что хочетъ жениться на Раисѣ, *не хочетъ* быть ни министромъ, ни дипломатомъ, а лишь сотрудникомъ журналовъ...

6-го декабря 51-го года Писаревъ выѣхалъ изъ родного гнѣзда, напутствуемый слезами, наставленіями, горячими молитвами и тетрадками французскихъ и нѣмецкихъ словъ, которыя ему вмѣнялось въ непремѣннѣйшую обязанность повторять, чтобы не забыть языки.

Разставаясь съ роднымъ гнѣздомъ, Писаревъ горько плакалъ.

Мы подошли къ гимназическимъ годамъ. Enfant d'une bonne

maison, enfant bien élevé, votre fils tendre et respectueux—словомъ, тотъ самый Писаревъ, котораго мы видѣли подъ кровлею родительскаго дома, не сходитъ со сцены еще нѣсколько лѣтъ. Весь гимназическій курсъ не вызвалъ въ немъ ни одной новой мысли, ни одного новаго душевнаго движенія. Таково мнѣніе самого Писарева, съ такимъ неподражаемымъ юморомъ высказанное имъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Итакъ, я—студентъ. Позади меня въ близкомъ прошедшемъ лежитъ побѣжденная груда личныхъ враговъ моихъ, груда тѣхъ учебниковъ, которыхъ сумма въ совокупности называется гимназическимъ курсомъ. Надъ этой хаотической грудой поверженныхъ и безсильныхъ противниковъ, какъ символъ примиренія и прощенія, сіяетъ кроткимъ и умилительнымъ блескомъ первая серебряная медаль съ изображеніемъ богини мудрости и съ многозначительной надписью «преуспѣвающему». Внѣшніе результаты моего пребыванія въ гимназіи оказываются блистательными; внутреннія результаты поражаютъ неприготовленнаго наблюдателя обиліемъ и разнообразіемъ собранныхъ свѣдѣній: логарифмы и конусы, усѣченныя пирамиды и неусѣченные параллелипеды перекрещиваются съ гекзаметрами Одиссеи и аскленіадовскими размѣрами Горація; рычаги всѣхъ трехъ родовъ, ареометры, динамометры, гальваническія баттареи приходятъ въ столкновеніе съ Навуходоносоромъ, Митридатомъ, Готфридомъ Бульонскимъ и нескончаемыми рядами цифръ, составляющихъ неизбѣжное хронологическое украшеніе слишкомъ извѣстныхъ историческихъ учебниковъ гг. Смарагдова, Зуева и Устрялова. А города, а рѣки, а горныя вершины, а германскій союзъ, а неправильные греческіе глаголы, а удѣльная система, а генеалогія Ивана Калиты! И при всемъ томъ мнѣ только 16 лѣтъ, и я все это превозмогъ и превозмогъ единственно только по милости той драгоцѣнной способности, которою обильно одарены гимназисты. Той же самой способностью одарены вѣроятно и въ той-же степени кадеты и семинаристы, лицеисты и правовѣды, да и вообще все обучающееся юношество нашего отечества. Эта благодатная сила не что иное, какъ колоссальная сила забвенія. Юношество понимаетъ, что эта магическая сила представляетъ для него единственное средство спасенія; только при помощи ея оно, выдержавши свои многочисленные экзамены, навсегда очищаетъ свою голову отъ переполняющихъ и засоряющихъ ее ингредіентовъ».

Это случилось и съ самимъ Писаревымъ. Быстро пришлось ему выбросить изъ головы всѣ синусы и косинусы, всѣхъ Навуходоносоровъ и Аннибаловъ, и если онъ нѣсколько рѣзко отзывается о гимназическомъ курсѣ, то, какъ ниже увидитъ читатель, онъ имѣлъ на то свои основательныя причины. Прежде всего отмѣчаетъ онъ чисто механическую систему усвоенія и говоритъ:

«Во время учебнаго года гимназистъ удерживаетъ заразъ въ своей головѣ только тотъ маленькій кусочекъ каждой учебной книги, который учитель въ ближайшій классъ можетъ потребовать къ осмотру; въ одно время въ его мозгу живутъ независимо другъ отъ друга кусочки разныхъ предметовъ; такъ какъ ни одинъ предметъ не вмѣщается въ мозгу въ своей цѣлости, то эти кусочки живутъ и шевелятся сами по себѣ безъ всякой связи съ цѣлымъ, такъ точно, какъ живутъ и шевелятся сами по себѣ куски разрѣзаннаго земляного червя. Когда наступаетъ пора экзаменовъ, тактика немедленно перемѣняется: эйнъ, цвей, дрей, куски разрѣзаннаго червяка сбѣгаются и срастаются въ надлежащемъ порядкѣ. Начинается церемоніальный маршъ червяковъ черезъ мозги гимназистовъ; по порядку, назначенному въ расписаніи экзаменовъ, проходятъ предметы одинъ за другимъ, и самъ гимназистъ испытываетъ рядъ изумительнѣйшихъ превращеній: сегодня онъ Архимедъ, черезъ три дня Цицеронъ, черезъ недѣлю—Гомеръ».

Быть Архимедомъ, Цицерономъ, а черезъ недѣлю Гомеромъ—вещь разумѣется «пріятная во всѣхъ отношеніяхъ», но каковы свойства такого Архимеда? Для опредѣленія ихъ Писаревъ предлагаетъ «вѣрное средство»:

«Положимъ—говоритъ онъ—что сегодня, 21-го мая, экзаменъ изъ географіи происходитъ блистательно. Проходитъ два дня, 24-го числа тѣ же воспитанники приходятъ экзаменоваться изъ латинскаго языка. Пусть тогда объявятъ юношамъ, что экзамена изъ латинскаго языка не будетъ, а повторится уже выдержанный экзаменъ изъ географіи. Вы посмотрите, что это будетъ. По рядамъ распространится панническій страхъ; будущіе друзья науки увидятъ ясно, что они попали въ засаду; начнется такое избіеніе младенцевъ, какого не было со времени неистоваго царя Ирода; кто 21-го мая получилъ 5 балловъ, примирится на трехъ, а кто довольствовался тремя баллами, тотъ не скажетъ ни одного путнаго слова»...

Если Писаревъ отзывается такъ рѣзко, если во всемъ гимназическомъ курсѣ онъ не хочетъ видѣть рѣшительно ничего хорошаго, то виновато быть можетъ въ этомъ то обстоятельство, что во время писанія статьи знаменитому публицисту былъ такъ-же смѣшонъ гимназическій курсъ, какъ и онъ самъ, его собственная личность въ періодъ гимназическихъ годовъ. Кѣмъ и чѣмъ былъ онъ тогда? «Enfant bien élevé», «enfant d'une bonne maison»—ни больше, ни меньше. Онъ самъ откровенно сознается въ этомъ:

«Наша учащаяся молодежь распадается на двѣ рѣзко обозначенныя категоріи: направо идутъ овцы, неспособныя краснѣть; налѣво—козлища, весьма способныя краснѣть, пылать и лѣзиться. Первыя спокойно и радостно тупѣютъ, вторыя злятся и кусаютъ ногти. Изъ первыхъ выходятъ примѣрные чиновники, изъ вторыхъ—широкія натуры, а иногда и даровитые дѣятели... Я принадлежалъ въ гимна-

зіи къ разряду овецъ; я не злился и не умничалъ, уроки зубрилъ твердо, на экзаменѣ отвѣчалъ краснорѣчиво и почтительно и въ награду за всѣ эти несомнѣнныя достоинства былъ признанъ преуспѣвающимъ... Хотя я и до сихъ поръ не сообщилъ фактическихъ подробностей о моемъ *развитіи*, но я осмѣливаюсь думать, что изъ всего того, что я наговорилъ, проницательный читатель уже составилъ себѣ приблизительное и притомъ довольно вѣрное понятіе о томъ, что я смыслилъ при поступленіи моемъ въ университетъ; скажу я ему еще, что любимымъ занятіемъ моимъ было раскрашиваніе картинокъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, а любимымъ чтеніемъ—романы Купера и особенно очаровательнаго Дюма. Пробовалъ я читать исторію Англіи Маколея, но чтеніе и подвигалось туго, и казалось мнѣ подвигомъ, требующимъ сильнаго напряженія умственныхъ силъ... На критическія статьи журналовъ я смотрѣлъ, какъ на кодексъ гіероглифическихъ надписей, прилагавшихся къ книжкѣ исключительно по заведенной привычкѣ, для вида и для счета листовъ; я былъ твердо убѣжденъ, что этихъ статей никто понимать не можетъ и что природѣ человѣка совершенно несвойственно находить въ чтеніи ихъ малѣйшее удовольствіе. И долженъ признаться, что въ отношеніи къ нѣкоторымъ журналамъ я даже до сего дня не исцѣлился отъ этого спасительнаго заблужденія... Началъ я также, будучи ученикомъ седьмого класса, читать „Холодный Домъ“, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ романовъ Диккенса, и не дочиталъ: длинно такъ и много лицъ, и ничего не сообразишь, и шутитъ такъ, что ничего не поймешь; такъ на томъ и оставилъ, порѣшивъ, что «Les trois mousquetaires» не въ примѣръ занимательнѣе. Ну, а русскіе писатели—Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ? Читатель, мнѣ стыдно за моихъ домашнихъ воспитателей, стыдно и за себя—зачѣмъ я ихъ слушалъ. Русскихъ писателей я зналъ только по именамъ. «Евгеній Онѣгинъ» и «Герой нашего времени» считались произведеніями безнравственными, а Гоголь—писателемъ сальнымъ и въ приличномъ обществѣ совершенно неумѣстнымъ. Тургеневъ допускался, но конечно я понималъ его такъ-же хорошо, какъ понималъ геометрію, Маколея и Диккенса. «Записки Охотника» ласкали какъ-то мой слухъ, но остановиться и задуматься надъ впечатлѣніемъ было для меня немыслимо. Словомъ, я шелъ путемъ самаго благовоспитаннаго юноши.»

Писаревъ вѣрно нарисовалъ свой портретъ: во время гимназическаго курса онъ выдавался лишь своими блестящими способностями и удивительной покорностью: изъ него смѣло можно было веревки вить, до того почтительно привыкъ онъ относиться ко всякому авторитету или, прямо говоря,—начальству. Его заставляли изучать латинскую грамматику—онъ изучалъ ее, заставляли маршировать—онъ маршировалъ. Память и способность дѣлали ученье очень легкимъ и помогали получать пятерки на каждомъ шагу. Писаревъ этими пятерками очень гордился и чуть-ли не о каждой

изъ нихъ сообщилъ въ письмахъ своей матери. Возлѣ этихъ пятерокъ сосредоточивалось за этотъ періодъ все его тщеславіе: онъ носился съ ними, какъ носится ребенокъ съ своими игрушками, и—кто-бы могъ предвидѣть, что придетъ день, и почтительный ученикъ 7-го класса, не понимающій даже Диккенса, станетъ во главѣ освободительнаго движенія русской мысли?..

На письмахъ Писарева за это время (1850—56) останавливаться не приходится. Если въ нихъ и есть что-нибудь замѣчательнаго, то никакъ не содержаніе, а лишь форма. Положительно можно залюбоваться, какъ 14—15-ти-лѣтній мальчикъ изящно отдѣлываетъ каждую свою фразу, съ какой легкостью и плавностью разсказываетъ онъ о видѣнномъ и слышанномъ, какъ умѣло обращается онъ съ словомъ—русскимъ или французскимъ безразлично, отыскивая всегда самое подходящее. Пишетъ и говоритъ онъ повидимому съ большимъ удовольствіемъ, ему совсѣмъ не надо принуждать себя: перо само бѣжитъ по бумагѣ, само знаетъ, что надо написать. Замѣтимъ еще, что за это время Писаревъ все чаще обращается къ русскому языку, сплошныхъ «французскихъ» писемъ уже нѣтъ. Форма, повторяю, блестящая, но содержаніе совершенно отсутствуетъ. Все оно сводится къ маленькимъ эпизодамъ гимназической жизни. Чтобы показать всю поразительную невинность 15 и 16-ти лѣтняго Д. И. Писарева, приведу изъ кипы писемъ, относящихся къ 55-му и 56-му годамъ, нѣсколько отрывковъ:

«Depuis plus d'une semaine je suis sujet fidèle d'Alexandre II, car Lundi dernier j'ai prêté serment de fidelité à notre Empereur, à l'église du gymnase. Cela m'a donné un petit sentiment d'orgueil que moi aussi je suis en âge de faire un acte aussi sérieux et de contracter un engagement aussi solennel.» *)

Это трогательно и даже торжественно! Въ слѣдующемъ письмѣ Писаревъ сообщаетъ своему отцу новость, которая очень заинтересовала его самого: «Военнымъ перемѣнили форму; вмѣсто мундировъ дали имъ казакины, полы короткія въ 7 вершковъ, воротникъ у нихъ будетъ разрѣзной. Я уже видѣлъ Вонляревскаго въ

*) «Уже болѣе недѣли, какъ я—вѣрноподданный Александра II-го, потому что прошлый понедѣльникъ принималъ присягу на вѣрность нашему императору въ гимназической церкви. Это вызвало во мнѣ маленькое чувство гордости, такъ какъ я увидѣлъ, что меня считаютъ достаточно взрослымъ, чтобъ совершать такіе серьозные акты и принимать на себя такія торжественныя обязательства.»

этой формѣ; это очень красиво. Генераламъ же новая форма: вмѣсто лосинъ и ботфортъ у нихъ красные брюки съ золотыми лампасами, а на каскѣ султанъ изъ перьевъ вмѣсто волосъ». Дальше Писаревъ переходитъ къ своимъ собственнымъ дѣламъ. «Будете-ли вы катать яйца въ этомъ году?—спрашиваетъ онъ родителей.—Вѣрно будете! И вы также? Неправда-ли, mon chèr oncle? Желалъ бы я провести съ вами эту недѣлю. То-то веселье-то... Я страшно люблю катать яйца... Вчера мы уже нѣсколько разъ катали»...

Передъ вами, словомъ, настоящій ребенокъ, несмотря на свои 16 лѣтъ.

Подобныхъ цитатъ изъ писемъ Писарева можно бы сдѣлать десятки, но я не вижу въ этомъ особенной надобности. Читатель понялъ, надѣюсь, съ какимъ благовоспитаннымъ мальчикомъ имѣетъ онъ дѣло. Мальчикъ изучаетъ латинскую грамматику, мальчикъ маршируетъ, онъ очень доволенъ собой и всѣмъ окружающимъ. Живется ему какъ нельзя болѣе спокойно: въ домѣ родственниковъ относятся къ нему внимательно и ласково, мать издали въ каждомъ письмѣ шлетъ ему свое благословеніе.

Каждое лѣто на каникулы Писаревъ уѣзжалъ къ себѣ домой, въ Грунецъ *). Его тянетъ туда, тянетъ не только привязанность къ матери, не только желаніе погулять и порѣзвиться на свѣжемъ воздухѣ, но и любовь къ кузинѣ Раисѣ. За всѣми перипетіями этой любви, начавшейся еще въ дѣтствѣ, тлѣвшей въ періодъ гимназическихъ годовъ подъ грудой благонамѣренности и вокабулъ всѣхъ языковъ—и ярко разгорѣвшейся въ юности,—намъ придется слѣдить довольно внимательно. Можно прямо утверждать, что эта любовь сыграла въ жизни Писарева громадную роль и была, если можно такъ выразиться, опредѣляющимъ моментомъ въ развитіи его міросозерцанія. Она первая заставила его сдѣлать громадную брешь въ почтительности и привычкѣ во всемъ полагаться на старшихъ; первая поставила Писарева, его личное чувство, его личную страсть въ противодѣйствіе съ окружающей обстановкой и всевозможными авторитетами—отца, матери, дяди. Опираясь на свою любовь и дѣйствуя во имя своего «я», Писаревъ впервые, и притомъ самымъ рѣзкимъ, положительнымъ образомъ, формулировалъ свою теорію эгоизма и право каждаго на самостоятельное счастье, которому дру-

*) Послѣ продажи Знаменскаго Писаревы перебрались въ другое свое имѣніе—Грунецъ.

гіе могутъ сочувствовать или не сочувствовать, но вмѣшиваться въ него, предъявлять ему свои требованія—не смѣютъ. Повторяю, если не придавать значенія этой любви къ Раисѣ, то метаморфоза Писарева изъ овцы въ существо съ рѣзко опредѣленной и ярко выраженной индивидуальностью навсегда должна остаться въ большей или меньшей степени непонятной. Не *все* любовь разумѣется, но во многомъ повинна и она.

Намъ придется вернуться ненадолго къ дѣтскимъ годамъ Писарева. Ему только что минуло 9 лѣтъ, когда на семейномъ совѣтѣ было рѣшено, что отецъ и мать возьмутъ къ себѣ въ домъ на воспитаніе девятилѣтнюю кузину его Раису, у которой нѣсколько времени тому назадъ умерла мать. Черезъ нѣсколько дней дѣти были неразлучны, и маленькій Писаревъ пришелъ въ восторгъ, когда ему объявили, что Раиса поѣдетъ съ нимъ и его родителями въ Грунецъ и будетъ тамъ жить и учиться вмѣстѣ съ нимъ.

«Между двоюроднымъ братомъ и сестрой,—разсказываетъ В. И. Писарева,—въ скоромъ времени сложились странныя отношенія, совершенно впрочемъ логично вытекавшія изъ характеровъ того и другого и изъ тѣхъ логичныхъ особенностей, которыя развила въ нихъ жизнь и воспитаніе. Раиса увидѣла рано лицомъ къ лицу жизнь со всѣми ея сѣрыми, неприглядными сторонами. Съ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ судьба бросала ее въ дома разныхъ родственниковъ, изъ которыхъ каждый продѣлывалъ съ ней „кто во что горазда“—такъ, одни подвергали ее воспитательнымъ экспериментамъ собственнаго изобрѣтенія, между тѣмъ какъ другіе предоставляли ребенка на произволъ судьбы, ни въ чемъ ему не перечили и имѣли въ виду только физическое воспитаніе... Поэтому Раиса умѣла понимать людей, съ которыми ее сталкивала судьба, сразу, налету, съ поразительной быстротой взгляда схватывать сущность обстановки, въ которую попадала, и, не взявши ни одной фальшивой ноты, сразу-же приладиваться къ ней. И это несмотря на 9-ти-лѣтній возрастъ. Спеціально женскіе инстинкты были въ ней сильно развиты: она желала нравиться, была кокетлива, и воображеніе ея было сильно развито чтеніемъ всевозможныхъ, для дѣтскаго возраста неподходящихъ, романовъ.»

Такова дама сердца маленькаго Писарева. Какъ рыцарь и кавалеръ, онъ оказался очень настойчивымъ въ своемъ ухаживаньи, нѣсколько впрочемъ неуклюжъ, и быстро пріобрѣлъ симпатіи кузины. Онъ учился вмѣстѣ съ ней, и хотя для Раисы едва-ли былъ особенно пріятенъ переходъ отъ полной свободы къ весьма выдержанному образу жизни, а отъ чтенія всевозможныхъ и даже прямо невозможныхъ романовъ къ изученію вокабулъ французскихъ и нѣмецкихъ и ко всякаго рода развивающимъ и укрѣпляющимъ па-

мять діалогамъ, но она примирилась съ своей участью и недурно устроилась возлѣ своего навѣки преданнаго ей рыцаря, котораго разумѣется совершенно забрала въ свои хорошенькія, маленькія ручки. Тотъ помогалъ ей въ урокахъ, объяснялъ по мѣрѣ силъ, что ей было непонятно, никогда при этомъ не задѣвая ея самолюбія.

Такъ началась любовь, трагическое окончаніе которой намъ скоро придется увидѣть.

III.

«Университетская наука».—Мытарства въ области филологіи и исторіи.—Кружокъ.—Дружба съ Трескинымъ.—Чистая наука.—Начало кризиса.—Семейный раздоръ.

Шестнадцатилѣтній розовый юноша Писаревъ въ 1856 г. поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ филологомъ. Для избранія филологіи, какъ спеціальности, были многія основательныя причины. Описавъ свое невинное и близкое къ блаженству состояніе духа за періодъ прохожденія гимназическаго курса, Писаревъ продолжаетъ: «Что-то манило меня въ университетъ; въ словахъ: «студентъ, профессоръ, аудиторія, лекція» заключалась для меня какая-то необъяснимая прелесть; что-то свободное, молодое, умное чуялось мнѣ въ студенческой жизни; мнѣ хотѣлось не кутежей, не шалостей, а *какихъ-то* неиспытанныхъ ощущеній, *какой-то* дѣятельности, *какихъ-то* стремленій, которымъ я не могъ дать тогда ни имени, ни опредѣленія, но на которыя непремѣнно разсчитывалъ наткнуться въ стѣнахъ университета...»

Отъ шестнадцатилѣтняго мальчика разумѣется нельзя было и ожидать чего-нибудь болѣе опредѣленнаго, къ тому-же возлѣ него не было никого, кто-бы растолковалъ ему, что̀ надо дѣлать. Самъ-же онъ, любя невѣдомый университетскій міръ въ совокупности, не чувствовалъ никакого особеннаго влеченія къ тому или другому кругу наукъ. Поэтому Писаревъ, полюбовавшись на синеву воротника и на блескъ золоченаго эфеса шпаги, выбралъ факультетъ прямо наугадъ.

«По математическому—рѣшилъ онъ—не пойду, потому что математику ненавижу и въ жизни своей не возьму больше ни одного математическаго сочиненія въ руки; по естественному тоже не пойду,

потому что и тамъ есть кусочекъ математики, да и физика почти то-же самое, что математика; юридическій факультетъ сухъ (это рѣшеніе можетъ показаться довольно отважнымъ, тѣмъ болѣе, что я тогда еще въ глаза не видалъ ни одного юридическаго сочиненія,—но я уже замѣтилъ прежде, что мы мыслимъ аформзмами, такъ случилось и со мною); въ камеральномъ факультетѣ нѣтъ никакой основательности. (Вотъ вамъ еще аформзмъ, который ничуть не хуже предыдущаго). Управившись такимъ образомъ съ четырьмя факультетами, я увидалъ, что передо мной остаются въ ожиданіи только два: историко-филологическій и восточный... Развѣ на восточный? Поѣхать при посольствѣ въ Персію или Турцію... жениться на азіатской красавицѣ?.. Это впрочемъ пустяки... А вотъ что: вѣдь на восточномъ придется осиливать нѣсколько грамматикъ, которыя, пожалуй, будутъ похуже греческой... Ну и Богъ съ нимъ! Значитъ—на филологическій».

На томъ Писаревъ и закончилъ свои размышленія.

Въ атмосферѣ филологическаго факультета онъ быстро проникся научнымъ духомъ. Въ началѣ впрочемъ онъ чувствовалъ себя очень неловко въ обществѣ своихъ-же товарищей студентовъ. Тутъ онъ впервые услышалъ такія вещи, которыя заставили его задуматься. Говорили объ исторической критикѣ, объ объективномъ творчествѣ, объ основѣ миѳовъ, объ отраженіи идей въ языкѣ, о гриммовскомъ методѣ, о міросозерцаніи народныхъ пѣсенъ; ухитрялись даже спорить и, къ ужасу Писарева, разсуждали о тѣхъ критическихъ и ученыхъ статьяхъ въ журналахъ, которыя были ему недоступны, какъ полярные льды. «Я—разсказываетъ Писаревъ—только моргалъ глазами и даже не пытался скрыть того, какъ глубоко удручаетъ меня сознаніе моего внутренняго *безгласія*.»

Итакъ надо было учиться, чтобы понять эти мудреные термины, эти таинственные вопросы. Но *какъ* учиться? Прежде чѣмъ окончательно выступить на свою дорогу, Писареву пришлось претерпѣть чуть-ли не сорокъ мытарствъ, о наиважнѣйшихъ изъ которыхъ мы упомянемъ:

Мытарство 1-е. Сблизившись съ студентами, проф. Креозотовъ предложилъ имъ однажды предпринять общую работу. Мечтавшій о строго-научной дѣятельности, Писаревъ навострилъ уши. Предложеніе Креозотова состояло въ томъ, чтобы общими силами перевести съ греческаго географическое сочиненіе Страбона. Предложеніе было принято, и каждый желающій получилъ по пяти печатныхъ листовъ довольно мелкаго греческаго текста. «Я—говоритъ Писаревъ—ревностно началъ переводить и потому могу объ-

яснить читателю, что̀ эта была за работа. Представьте себѣ, что какой-нибудь господинъ раскрылъ передъ вами атласъ, взялъ въ руки указку и, водя ею взадъ и впередъ по картѣ, разсказываетъ вамъ, что вотъ это мысъ А, а въ двухъ верстахъ отъ него заливъ В... и все въ томъ-же родѣ. И такихъ прогулокъ по атласу набирается листовъ до сорока, а мнѣ предстояло перевести 5,—т. е. 80 страницъ. Читатель понимаетъ конечно, какъ сильно такая работа могла обогатить умъ и какъ важно было для русской публики получить изданіе Страбона въ русскомъ переводѣ... Дѣло, какъ и слѣдовало ожидать, расклеилось. Креозотовъ собралъ растерзанныя части своего Страбона».

Мытарство 2-е. Изученіе кельтической поэзіи. Впрочемъ о судьбѣ этого изученія мы ровно ничего не знаемъ; самъ Писаревъ лишь вскользь упоминаетъ о немъ въ письмѣ къ матери отъ 1857 г., и, надо думать, кельтическую поэзію постигла участь перевода Страбона.

Мытарство 3-е. Еще не раздѣлавшись съ Страбономъ, Писаревъ вздумалъ обратиться къ тому-же Креозотову за совѣтомъ по части строго-научныхъ занятій. Краснѣя отъ волненія, онъ «покаялся» ему, что желаетъ спеціально заняться исторіей и убѣдительно просилъ его объяснить, какъ надо поступать въ такомъ затруднительномъ случаѣ. Выслушавъ исповѣдь юноши, Креозотовъ немедленно посовѣтовалъ ему читать энциклопедію Эрша и Грубера и кромѣ того источники древней исторіи—Геродота, Фукидида и пр. Но, увы!—злой рокъ преслѣдовалъ Писарева. Взявши въ библіотекѣ первый томъ энциклопедіи, онъ увидѣлъ, что даже буква А далеко не исчерпывается этимъ томомъ, который однако оттягивалъ ему руки. Разсчитавъ, что Эрша и Грубера пришлось-бы читать лѣтъ десять,—Писаревъ предпочелъ не тревожить больше ни одного изъ фоліантовъ. Такъ-же поступилъ онъ и съ Геродотомъ.

А между тѣмъ научный духъ не укрощался. Было задѣто и самолюбіе. Трое или четверо изъ близкихъ товарищей Писарева уже отмежевали себѣ ту или другую науку для спеціальныхъ занятій; другіе говорили, что выборъ ихъ еще не установился, но что вотъ они читаютъ то-то и то-то и при этомъ размышляютъ такъ-то и такъ-то. Письма Писарева отъ 57-го года полны мечтами о магистерскомъ экзаменѣ, о каѳедрѣ. Очевидно, эта мечта не даетъ ему ни минуты покоя. Онъ даже подбадриваетъ себя и говоритъ: «я на-

хожусь въ самомъ блаженномъ настроеніи духа: утромъ штудирую Гегеля, вечеромъ читаю Геродота. Наконецъ-то познакомился я съ настоящей наукой!..»

До настоящей науки было однако далеко. Пока онъ аккуратно посѣщаетъ и записываетъ лекціи. Особенно интересовали его лекціи профессора Телицына *), читавшаго теорію языка и исторію древней русской словесности.

«Въ этихъ лекціяхъ,—говоритъ Писаревъ,—было дѣйствительно много хорошаго. Телицыну было лѣтъ тридцать съ небольшимъ: онъ любилъ студентовъ и искалъ между ними популярности; лекціи свои онъ составлялъ съ большой старательностью и всегда заканчивалъ ихъ какой-нибудь фіоритурою, которая неминуемо должна была поднять въ душѣ студентовъ цѣлую бурю добрыхъ и возвышенныхъ чувствъ... Я увлекался въ одно и то-же время и чувствомъ массы, и своею личною потребностью найти себѣ учителя, за которымъ я могъ бы слѣдовать съ вѣрою и любовью. Мысли о занятіяхъ исторіей замерли во мнѣ, благодаря совѣтамъ Креозотова. Въ этихъ мысляхъ никогда не было ничего серьознаго, и я думалъ приняться за исторію только потому, что исторія самая яркая наука нашего факультета; она первая бросается въ глаза, и я схватился за нее, какъ ребенокъ хватается за пламя свѣчи... Теперь-же, когда я всѣмъ сердцемъ возлюбилъ Телицына, теперь, когда онъ гальванизировалъ меня и товарищей моихъ лукавыми хвостиками своихъ лекцій, теперь, когда въ душѣ моей зародилась неудержимое желаніе посвятить себя—чему, зачѣмъ?—ну все равно — чему-бы-то ни было, а только посвятить себя,—наука, истина, свѣтъ, дѣятельность, прогрессъ, развитіе такъ и кувыркались у меня въ головѣ, и это кувырканье казалось мнѣ ужасно плодотворнымъ, хотя изъ него ничего не выходило да и выйти ничего не могло. «Хочу служить наукѣ, хочу быть полезнымъ, возьмите мою жизнь и сдѣлайте изъ нея что-нибудь полезное для науки. Восторгу было много, смыслу мало»...

Мытарство 4-е. Послѣдняя лекція Телицына передъ святками 1856 г. была ознаменована многознаменательнымъ событіемъ. Обожаемый профессоръ сказалъ своимъ слушателямъ, что для пользы науки и для назиданія студентовъ слѣдуетъ перевести нѣсколько умныхъ изслѣдованій и разсужденій. На долю Писарева досталась «зловѣщая брошюра Штейнталя»... Онъ мысленно перекрестился и протянулъ къ ней руку. Брошюра трактовала о «языкознаніи Вильгельма Гумбольдта и философіи Гегеля», и когда Писаревъ приступилъ къ чтенію, то у него съ первыхъ-же строкъ закружилась голова. Онъ не понималъ ни одной фразы и, видя себя

*) Проф. Сухомлинова.

окончательно погибшимъ, рѣшился не читать, а прямо переводить, причемъ, къ его собственному изумленію и «независимо отъ его воли», являлся какой-то общій смыслъ, точно такъ-же, какъ въ чтеніи чичиковскаго Петрушки изъ отдѣльныхъ буквъ всегда составлялось какое-нибудь слово, которое иногда и чортъ знаетъ, что́ значило.

Писаревъ довелъ работу до конца, но конецъ мытарствъ былъ еще очень далекъ. Однажды тотъ-же Телицынъ сообщилъ ему, что недавно вышла въ свѣтъ подробная біографія В. Гумбольдта, написанная Гаймомъ, и что было-бы хорошо, если-бы онъ по этой книгѣ написалъ статью. Писаревъ взялся и за это, и знаете сколько времени, притомъ самаго упорнаго труда, потратилъ онъ на біографію В. Гумбольдта, которая, очевидно, была совершенно ненужна ему—цѣлыхъ 16 мѣсяцевъ!..

Легко было почувствовать послѣ такихъ мытарствъ и испытаній самое искреннее отвращеніе ко всякаго рода принудительной работѣ, тѣмъ болѣе, что эта работа была дѣйствительно принудительная, такъ какъ самъ Писаревъ, совершенно недоумѣвая, что ему дѣлать и какъ осуществить свои восторженныя мечты,—подчинялся каждому совѣту съ тою почтительностью, тѣмъ-же отсутствіемъ скептицизма, которыя характеризуютъ его дѣтскіе и гимназическіе годы.

Но всему есть предѣлъ.

«Еще двѣ-три такія побѣды—говорилъ Пирръ—и мнѣ придется бѣжать изъ Италіи» .. «Еще двѣ-три такихъ работы—и мнѣ придется сойти съ ума»—могъ сказать Писаревъ.

*
* *

Дѣйствуя на перекоръ своей природѣ и проводя цѣлые мѣсяцы за тяжелой и утомительной работой, Писаревъ очевидно долженъ былъ находиться подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ. Это и было на самомъ дѣлѣ. Съ одной стороны впечатлѣнія дѣтства внушали ему мысль о необходимости безпрекословнаго повиновенія старшимъ, съ другой—краснорѣчивыя фіоритуры Телицына оказывали свое непремѣнное воздѣйствіе на юную душу, но все-же на первый планъ надо поставить вліяніе товарищескаго кружка и особенно студента Трескина. «Мы,—разсказываетъ Писаревъ о членахъ своего кружка,—называли себя людьми мысли, хотя конечно не имѣли ни малѣйшаго права называть себя такъ. Новые студенты могли назы-

вать Добролюбова своимъ учителемъ, но мы относились къ Добролюбову и «Современнику» вообще съ высокомѣріемъ, свойственнымъ нашей кастѣ. Мы ихъ не читали и гордились этимъ, говоря, что и читать не стоитъ...»

Словомъ, передъ нами кружокъ изъ 8-ми жрецовъ чистой науки. Писаревъ примкнулъ къ нему въ зиму 57 года, т. е. на второмъ уже курсѣ, и всѣмъ своимъ существомъ отдался его жизни и интересамъ. Изъ всѣхъ 8-ми онъ былъ самый младшій и годами, и жизнью; всякому болѣе или менѣе приходилось сталкиваться съ суровыми сторонами дѣйствительности, и только Писаревъ вошелъ въ кружокъ розовымъ птенцомъ прямо изъ-подъ крыла мамаши и тетки. Смѣлыя, восторженныя, хотя весьма неопредѣленныя рѣчи новыхъ товарищей, ихъ юный, весьма незрѣлый скептицизмъ, не выходившій изъ сферы религіозныхъ вопросовъ, сначала ошеломили Писарева, но вскорѣ увлекли его неотразимымъ обаяніемъ чего-то молодого, живого, свѣжаго,—чего онъ ждалъ когда-то въ своихъ гимназическихъ мечтаніяхъ о таинственной студенческой жизни.

И дѣйствительно, нельзя не отдать справедливости кружку, съ которымъ Писарева свели обстоятельства; всѣ его члены, какъ на подборъ, были люди честные, чистые и даже—въ большей или меньшей степени—даровитые. Но, не смотря на всѣ эти благопріятныя условія, этотъ кружокъ, при всѣхъ своихъ свѣтлыхъ сторонахъ, принесъ долю вреда каждому изъ своихъ членовъ. Молодежь не только тѣсно сомкнулась между собой, но и замкнулась въ узкую жизнь своего кружка, совершенно оторвавшись отъ окружающей общей жизни и глядя даже на нее съ нѣкоторымъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Это были—или только воображали, что были—вдохновенные поэты, рожденные не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ... Съ вдохновеннымъ видомъ, сверкающими глазами и пылающимъ лицомъ молодые люди произносили пламенныя рѣчи о томъ, что надо посвятить свою жизнь наукѣ, надо отдаться всецѣло чистому знанію, надо отказаться во имя святого призванія отъ всѣхъ житейскихъ благъ и наслажденій—словомъ, молодые жрецы науки жаждали зарыться въ фоліанты, поселиться на различныхъ петербургскихъ чердакахъ и предаться священнодѣйствію. На знамени кружка крупными буквами было написано:

«Подвижничество!»

Это подвижничество было столько-же дѣломъ, сколько настро-

еніемъ, преимущественно даже послѣднимъ. Оно-то между прочимъ и заставило посвятить Писарева цѣлыхъ 16 мѣсяцевъ безплодной для него работѣ надъ біографіей В. Гумбольдта.

Ближе всего Писаревъ сошелся съ своимъ товарищемъ Трескинымъ. О послѣднемъ намъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Дружба обоихъ студентовъ была основана, кромѣ чисто личнаго, непосредственнаго влеченія, на томъ, что каждый изъ нихъ, хотя и по своему, переживалъ тотъ-же нравственный кризисъ. Болѣзненный, нервно раздражительный, страстно порывистый Трескинъ поддавался свѣтлому обаянію смѣлой и самоувѣренной личности своего товарища. Онъ вносилъ въ свои отношенія къ нему, особенно въ медовые мѣсяцы дружбы, нѣсколько даже сантиментальный характеръ: онъ былъ просто влюбленъ въ Писарева, примѣнялъ къ нему теоріи о различныхъ магнетическихъ токахъ, увѣрялъ, что, даже не глядя въ его сторону, чувствуетъ его приближеніе и т. д. Иногда его нѣжность доходила до смѣшного, онъ ничего не ѣлъ лакомаго, не подѣлившись съ другомъ, причемъ послѣдній трунилъ надъ нимъ и увѣрялъ, что они разыгрываютъ между собой сцены, достойныя Пульхеріи Ивановны и Афанасія Ивановича. Это—несмотря на коренное различіе характеровъ. Писаревъ — *скрытая вольтіанца*, Трескинъ—подвижникъ, хотя и не въ широкомъ масштабѣ.

Трескинъ былъ воплощеніемъ мрачнаго, сосредоточеннаго страданія; несмотря на скептицизмъ въ области религіи, онъ по натурѣ былъ мистикомъ; всякое свое отрицаніе онъ бралъ съ боя, страдая до холоднаго пота и нервной дрожи, часто пугаясь своихъ собственныхъ мыслей, какъ дѣти пугаются своихъ собственныхъ голосовъ въ темной комнатѣ. Каждый смѣлый шагъ въ области мысли немедленно-же вызывалъ въ немъ реакцію въ противуположную сторону, и онъ часто дѣлился съ другомъ своими сомнѣніями, говоря:

— А имѣемъ-ли мы право касаться такихъ вопросовъ, не излишняя-ли это дерзость съ нашей стороны?

Трескинъ бросался на колѣна передъ павшими алтарями со слезами раскаянія на глазахъ, съ глубокой болью въ сердцѣ; онъ отрывалъ отъ себя прошлое съ кровью и мучительными страданіями, потому что невозможно было остановить разъ начавшуюся работу ума. Въ нравственныхъ вопросахъ онъ былъ неумолимо строгъ къ самому себѣ и другимъ; малѣйшая фальшь, малѣйшее уклоненіе отъ какого-то мечтательнаго, невозможно высокаго идеала приводили его въ

негодованіе, и Писаревъ часто, шутя, называлъ его *цензоромъ нравовъ*.

Очевидно, что съ такимъ человѣкомъ Писаревъ могъ быть дружень лишь до поры до времени, лишь до поры до времени могъ онъ быть дружень и со всѣмъ кружкомъ. Птенецъ окрылялся очень быстро, а индивидуальность скрытой вольницы тянула совсѣмъ не въ сторону сидѣнія и плаканья на рѣкахъ вавилонскихъ.

Тогда начинался разгаръ 60-хъ годовъ.

Мнѣ думается, что гораздо легче охарактеризовать эту эпоху, чѣмъ прагматически объяснить ее. Попробуйте перечислить причины, вызвавшія это массовое увлеченіе, переродившія старыхъ, одухотворившія молодыхъ. Повидимому эти причины ясны и на виду у всѣхъ. Вліяніе севастопольской кампаніи, раскрывшей наши недостатки, новыя вѣянія, шедшія съ высоты престола, новыя вѣянія, шедшія съ Запада. Быть можетъ, нетрудно однимъ перечисленіемъ причинъ занять цѣлый томъ, включить сюда-же появленіе замѣчательныхъ личностей, какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ. Картина получится красивая, стройная, но можно-ли, положа руку на сердце, поручиться, что она полна? Новыя изслѣдованія несомнѣнно приведутъ къ открытію новыхъ причинъ и т. д., какъ это случилось напр. въ исторіи великой революціи, причинъ которой старательные историки насчитали несообразное множество.

Необходимо, какъ кажется, допустить, что, вслѣдствіе непзвѣстныхъ или по крайней мѣрѣ мало извѣстныхъ (по своей отдаленности отъ исторической эволюціи) обстоятельствъ, одна эпоха, одно поколѣніе выходитъ нѣсколько непохожимъ на другое, какъ непохожи другъ на друга и два лица, двѣ горы, два озера и даже два камня. Разумѣется à la longue каждое подобіе и сходство имѣетъ свои законныя основанія—но дѣло не въ основаніяхъ, а вотъ въ чемъ: дайте двумъ различнымъ поколѣніямъ тѣ-же самыя внѣшнія условія жизни, и вы увидите, что каждое изъ нихъ поведетъ свое дѣло по своему. Мы въ 60-ые годы совершили-бы нѣсколько другое, чѣмъ наши отцы.

Бываютъ эпохи, когда общество состоитъ изъ личностей особенно пластичныхъ, особенно воспріимчивыхъ, налету схватывающихъ новыя вѣянія; бываютъ эпохи гораздо болѣе тяжелыя и скучныя—личности нелегки на подъемъ и глухи ко всему, что не но-

ситъ на себѣ печати старины. Значеніе внѣшнихъ условій ничуть отъ этого не умаляется, такъ какъ степени воспріимчивости и глухоты могутъ быть очень различны.

60-ые годы были движеніемъ массовымъ, движеніемъ, охватившимъ значительную часть общества и проникшимъ въ такіе уголки, что просто приходится диву даваться, какъ это такъ могло произойти. Другой разъ недостаточно десяти томовъ капитальнѣйшаго научнаго изслѣдованія, чтобы убѣдить въ чемъ-нибудь человѣка, тогда было довольно одного слова, одного намека. Почему? Для этого была подготовлена почва? Но отвѣтить такъ,—значитъ ровно ничего не отвѣтить.

Пластичность и воспріимчивость людей 60-хъ годовъ рѣзко бросаются въ глаза, какъ только начинаешь знакомиться съ бо́льшимъ числомъ біографій людей того времени. Мысли и убѣжденія хватались тогда на лету съ такой-же нетерпѣливой страстностью, такой-же удивительной торопливостью, какъ это было, скажемъ, въ иныя эпохи французской или нѣмецкой исторіи. Эта «физіологическая» сторона историческихъ явленій разработана такъ мало, что гораздо легче указать на нее, чѣмъ разъяснить. А между тѣмъ странно было-бы отрицать ея значеніе, еще страннѣе отрицать самый фактъ ея существованія.

Сенсимонисты дѣлили исторію на эпохи критическія и органическія. Имъ возражали на это: каждая эпоха организуетъ, каждая критикуетъ. Возраженіе основательное. По отчасти правы и сенсимонисты, и для этого стоитъ только измѣнить ихъ формулу и сказать: одна эпоха преимущественно критикуетъ, другая преимущественно организуетъ.

Почему?

Едва-ли хотя одинъ историкъ возьмется въ настоящее время подробно и полно отвѣтить на этотъ вопросъ. Когда въ исторію начинаютъ врываться такія явленія, какъ подражаніе, внушеніе, наслѣдственность,—то разъяснять историческія событія становится дѣломъ куда нелегкимъ.

Поэтому, когда мнѣ говорятъ, что 60-ые годы вызваны тѣмъ-то и тѣмъ-то, я согласенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ-бы не хотѣлось вычеркивать особой пластичности и воспріимчивости того поколѣнія.

С. В. Ковалевская въ своихъ въ высшей степени любопытныхъ литературныхъ воспоминаніяхъ разсказываетъ о томъ переполохѣ,

который произошелъ въ ихъ уѣздѣ при первомъ-же заревѣ 60-хъ годовъ.

«Жили—читаемъ мы—себѣ жители Палибина мирно и тихо: росли и старились, ссорились и мирились другъ съ другомъ; ради препровожденія времени спорили по поводу той или другой журнальной статьи или другого научнаго открытія, вполнѣ убѣжденные однако, что всѣ эти вопросы принадлежатъ чуждому, удаленному отъ нихъ міру и никогда непосредственнаго соприкосновенія съ ихъ обыденной жизнью имѣть не будутъ. И вдругъ, откуда ни возьмись совсѣмъ рядомъ съ ними объявились признаки какого то страннаго броженія, которое несомнѣнно подступало все ближе и ближе и грозило подточиться подъ самый строй ихъ тихой, патріархальной жизни. И не только съ одной какой нибудь стороны грозила опасность; она шла какъ будто разомъ, отовсюду. Можно сказать, что въ этотъ промежутокъ времени, отъ начала 60-хъ до начала 70-хъ годовъ, всѣ интеллигентные слои русскаго общества были заняты только однимъ вопросомъ: семейнымъ разладомъ между старыми и молодыми. О какой дворянской семьѣ не спросишь въ то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились съ дѣтьми. И не изъ за какихъ нибудь вещественныхъ, матеріальныхъ причинъ возникали ссоры, а единственно изъ за вопросовъ чисто теоретическаго, абстрактнаго характера. «Не сошлись убѣжденіями!»—вотъ только и всего, но этого «только» вполнѣ достаточно, чтобы заставить дѣтей побросать родителей, а родителей—отречься отъ дѣтей. «Дѣтьми», особенно дѣвушками, овладѣла въ то время словно эпидемія какая-то—убѣгать изъ родительскаго дома. Въ нашемъ непосредственномъ сосѣдствѣ пока еще Богъ миловалъ, все обстояло благополучно; но изъ другихъ мѣстъ уже приходили слухи: то у того, то у другого помѣщика убѣжала дочь, которая за-границу—учиться, которая въ Петербургъ—къ «нигилистамъ.»

Самъ Писаревъ разсказываетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее:

«Уже въ 1858 и 1859 гг. студенты, поступившіе въ университетъ, не были похожи на насъ, студентовъ III и IV курсовъ. Поступая въ университетъ, мы были робки, склонны къ благоговѣнію, расположены смотрѣть на лекціи и слова профессоровъ, какъ на пищу духовную и какъ на манну небесную. Новые студенты, напротивъ того, были смѣлы и развязны и оперялись чрезвычайно быстро, такъ что черезъ какіе-нибудь два мѣсяца послѣ поступленія они оказывались хозяевами университета и сами поднимали въ студенческихъ кружкахъ дѣльные вопросы и серьезные споры. Они затѣвали концерты въ пользу бѣдныхъ студентовъ, приглашали профессоровъ читать публичныя лекціи для той-же благотворительной цѣли; они устроили студенческую библіотеку; а мы, старые студенты, считавшіе себя цвѣтомъ университета и солью русской земли, мы остались въ сторонѣ, изобразили на лицахъ своихъ иронію и стали повторять стихъ Грибоѣдова: «шумите вы и только.» Но скоро оказалось, что иронія наша никуда не годится, потому что новые студенты распоряжаются умно и успѣшно; оказалось, что движеніе и мысль пошли мимо насъ, и что мы отстали и превращаемся въ книжниковъ и фарисеевъ.»

А вѣдь всего на всего прошло 2 года!... Но, подхваченные массовымъ одушевленіемъ,—люди формировались очень быстро, иногда даже неожиданно для самихъ себя.

Нечего поэтому удивляться той быстротѣ и рѣзкости переворота, который произошелъ въ благовоспитанномъ Писаревѣ. Это, повторяю, было вполнѣ въ духѣ эпохи. Но этотъ переворотъ все-же

имѣлъ свои переходныя ступени и явился, такъ сказать, равнодѣйствующей цѣлаго ряда причинъ.

Я уже упоминалъ о томъ, что университетская жизнь не могла не отразить на себѣ вѣянія времени. Съ молодежью заговорили другимъ языкомъ; лекціи профессоровъ оживились; съ каѳедры раздавались слова, которыя привели-бы въ неописанный ужасъ блюстителей порядка въ предшествующую эпоху; студентамъ были разрѣшены сходки; завѣдываніе кассой было передано въ ихъ распоряженіе; университетской молодежи было, словомъ, дано нѣчто вродѣ внутренняго самоуправленія, разумѣется весьма узкаго, но все-же преисполнившаго студентовъ гордостью и восторгомъ; между профессорами и учащейся молодежью стали завязываться простыя, почти товарищескія отношенія.

Эти новшества разстраивали кружокъ. Съ каждымъ днемъ ряды ученой партіи рѣдѣли, отчасти потому, что ученые кончали курсъ и поступали на службу въ разные департаменты, гдѣ они очень быстро затушевывались подъ общій топъ чиновничества, отчасти и потому, что нѣкоторые ученые перебѣгали на сторону новыхъ студентовъ и дѣлались сами антагонистами университетской учености. Университетъ сближался съ жизнью лучшей части общества. Съ нею-же сближался и Писаревъ.

Между тѣмъ какъ восторженный и фанатическій Трескинъ все больше предавался созерцанію вѣчнаго идеала и, возлюбивши всѣмъ юнымъ сердцемъ своимъ знаніе вообще и исторію среднихъ вѣковъ въ особенности, мечталъ обручиться съ своей мистической невѣстой—наукой и водвориться вмѣстѣ съ ней на чердакѣ вдали отъ шума городскихъ улицъ и соблазновъ міра, Писаревъ съ особеннымъ наслажденіемъ отдался университетской жизни съ ея шумомъ и гамомъ, ея сходками и удовольствіями.

На сходкахъ онъ говорилъ больше всѣхъ, кричалъ громче всѣхъ, и все это съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что казалось готовъ былъ душу положить за дорогое товарищество. Во время скандаловъ съ профессорами не было человѣка болѣе рьянаго, чѣмъ онъ.

Быстро идеалъ чистой науки померкъ въ глазахъ Писарева. Вдыхая въ себя полной грудью окружавшую его атмосферу, онъ проникался ея настроеніемъ, а это настроеніе было совсѣмъ не научное, но чисто публицистическое. Повсюду являлись новшества и на практикѣ, разумѣется, каждому изъ новаторовъ приходилось столкнуться прежде всего съ семьей. Семья, основываясь на старыхъ традиціяхъ, считала себя вправѣ предъявлять вскормленному и вспоенному ею юношѣ свои требованія. Но удовлетворить имъ въ виду новыхъ вѣяній становилось все труднѣе. Прежде изъ рукъ семьи, которая кормила, поила, холила и дисциплинировала, личность прямо и непосредственно переходила въ руки государства, которое дисциплинировало, кормило, поило, но холило мало. Это былъ ея заколдованный кругъ. Теперь появилось «общество», «общественныя задачи,» общественные идеалы». Можно прямо сказать, что 60-е годы открыли въ Россіи *общество*, каковаго раньше на сценѣ не было, развѣ въ случайныя экстренныя минуты затруднительнаго состоянія отечества.

Большинству изъ дѣятелей 60-хъ годовъ пришлось, повторяю, столкнуться съ семьей. Писаревъ не только не избѣгъ общей участи, но и претерпѣлъ ее до конца.

Слыша объ университетскихъ подвигахъ своего благовоспитаннаго племянника, дядя и тетка Писарева покачивали головами и были смущены тѣмъ болѣе, что ничего подобнаго они никогда не

ожидали и ожидать не могли. Дядя сталъ дѣлать замѣчанія, которыя—увы!—приводили къ совершенно противнымъ имѣвшимся въ виду результатамъ.—и наконецъ махнулъ рукой, объявивши, что Dmitry a mal tourné et devint un Saint-Juste en miniature *). Писаревъ-же продолжалъ свое дѣло, сталъ показываться все рѣже и рѣже въ гостинной своихъ родственниковъ, гдѣ *теперь* онъ уже задыхался отъ царившей тамъ благочестивой и томительной скуки, и вмѣсто гостинной бѣжалъ куда нибудь къ товарищу отводить душу или на сходку. Особенно огорчила старика-дядю слѣдующая выходка племянника: въ семьѣ было принято служить всенощную наканунѣ именинъ главы дома, но какъ разъ въ этотъ день была назначена сходка, и Писаревъ, несмотря на всѣ уговоры, категорически заявилъ, что на церковной службѣ онъ не будетъ. Это переполнило чашу,—и по безмолвному соглашенію было рѣшено разъѣхаться, чтобы не встрѣчаться больше въ жизни.

Рѣзкость и вызывающій тонъ такихъ поступковъ непріятнымъ образомъ поразятъ быть можетъ мягкую душу благонамѣреннаго читателя, и лично самому мнѣ ни рѣзкость, ни вызывающій тонъ никогда не нравились. Но что дѣлать: чѣмъ туже стянуты пеленки, тѣмъ болѣе энергичныя движенія нужны, чтобы расправить члены. А пеленки, въ которыхъ обрѣтался Писаревъ до 18-ти лѣтъ, были затянуты туго, очень туго.

Гораздо болѣе серьезныя столкновенія ожидали его у себя дома, въ Грунцѣ. Обновившись, съ своей обычной рѣзкостью и прямолинейностью онъ высказалъ это своей матери. Та съ малолѣтства сжилась съ убѣжденіемъ, что въ Бога и родителей надо вѣрить

*) Дмитрій пошелъ по плохой дорогѣ и сталъ маленькимъ Сенъ-Жюстомъ.

свято, а послѣднимъ сверхъ того повиноваться безпрекословно. Въ сынѣ своемъ старалась она воплотить свой идеалъ человѣка, казалось, добилась своей цѣли, и вдругъ совершенно неожиданно все это разлетѣлось въ прахъ. Писаревъ рѣзко и прямо объявилъ ей, что хочетъ жить и любить сознательно, что для человѣческаго достоинства ихъ обоихъ одинаково оскорбительно положеніе кумира и колѣнопреклоненнаго правовѣрнаго. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и когда изъ области отвлеченностей перешли къ вопросамъ практической жизни, Писаревъ на вопросъ матери—послушался-ли бы онъ ея и женился-ли бы противъ ея воли, объявилъ, что для него любимая женщина стоитъ выше всего въ мірѣ, что своей любви и своего счастья онъ не станетъ ломать ни для кого, и закончилъ рѣчь, высказавши, что онъ твердо рѣшился жениться на Раисѣ, хотя знаетъ, что родители этого не хотятъ.

Das ist Standpunkt *), какъ говорятъ нѣмцы.

Дѣтская влюбленность Писарева успѣла за это время обратиться въ любовь и сосредоточила возлѣ себя всѣ его помыслы и вожделѣнія. Съ самаго дня отъѣзда въ гимназію онъ писалъ Раисѣ свои откровенныя, хорошія письма; пріѣзжая домой на каникулы, онъ столько-же радовался свиданію съ матерью, сколько свиданію съ той, образъ которой наполнялъ его дѣтскія и юношескія грезы.

Но тутъ-же на первыхъ порахъ онъ попадаетъ въ положеніе Ромео и видитъ цѣлый заговоръ, направленный противъ его счастья, противъ всего его будущаго. Жизни безъ Раисы онъ въ то время представить себѣ не могъ. А между тѣмъ семья и всѣ старыя па-

*) Это главное.

тріархальныя традиціи сыновней покорности и безусловной власти родительской заявили ему, что такъ не будетъ и что такъ быть не должно.

Любовь къ Рапсѣ и противодѣйствіе этой любви и дали, по моему мнѣнію, плоть и кровь тѣмъ отвлеченнымъ, теоретическимъ воззрѣніямъ, которыя усвоилъ онъ себѣ за это время, подчиняясь общему настроенію.

Съ какой точки зрѣнія могъ онъ защищать противъ матери, противъ семьи, противъ всего въ мірѣ наконецъ—свою любовь?

Этой точкой зрѣнія должно было явиться нравственное достоинство личности, ея право на собственное счастье...

Вглядываясь пристальнѣе въ умственное движеніе 60-хъ годовъ, мы видимъ, что общій его характеръ былъ по преимуществу протестующій. Протестъ естественно направлялся противъ тѣхъ основъ или вѣрнѣе тормазовъ, которыя дѣлали неподвижнымъ строй прежняго времени. Основами этими были патріархальность семьи и общественнаго режима. Объ эти дѣйствующія силы съ своей дисциплиной, съ своимъ настойчивымъ стремленіемъ подчинить себѣ мысль, волю и трудъ человѣка, съ своимъ безусловнымъ «veto» и столь-же безусловнымъ *да будетъ* давили личность тяжестью своей вѣковой старины и авторитета. Онѣ отлились въ опредѣленныя, рѣзко очерченныя формы, перенесся передряги и неудачи; выразившись съ такой полнотой, съ какой возможно только выразиться, онѣ окаменѣли, и стояли какъ сфинксы,—неподвижные и неизмѣнные. Эти сфинксы, какъ въ извѣстномъ греческомъ мнѣ, могли уступить свое мѣсто и посторониться, чтобы очистить дорогу новшествамъ и молодой жизни, лишь въ томъ случаѣ, когда найдено будетъ слово, разрѣшающее ихъ вѣковую загадку. Исторія знаетъ такое слово и на сотни ладовъ постоянно повторяетъ его. Это слово — человѣкъ, личность.

Эмансипація личности—вѣчный лозунгъ всякаго прогрессивнаго движенія; такой-же лозунгъ былъ и у 60-хъ годовъ.

Правда, та-же эпоха, эмансипировавъ личность, поспѣшила подчинить ее новому авторитету—авторитету общества, но начало потока—тамъ-же, гдѣ вообще начинаются историческіе потоки.

Воспринявши идею эмансипаціи личности въ ея отвлеченной, теоретической формѣ, Писаревъ сразу-же въ обстоятельствахъ личной своей жизни нашелъ ей практическое примѣненіе. Любовь къ

Расѣ—какъ фонъ, женитьба на ней—какъ идеалъ, дали его взглядамъ и стремленіямъ ту плоть и нервы, которые впослѣдствіи съ такимъ блескомъ выразились въ его пропагандѣ личнаго счастья.

Этимъ онъ защищалъ самого себя, самое дорогое, что́ было въ его жизни,—тѣмъ гуще и ярче были краски, тѣмъ пластичнѣе образы.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ мучительно все это было! Протестующія начала, прежній патріархальный строй, прежнія семейныя традиціи, настойчивыя, требовательныя, угрожающія даже, являлись и передъ 18-ти-лѣтнимъ Писаревымъ не въ образѣ признанныхъ враговъ, а въ образѣ любимой матери, которая не могла и не смѣла бороться, а могла лишь кротко упрекать со слезами на глазахъ, съ безконечной грустью въ чертахъ дорогого лица! Тяжела ты, шапка Мономаха, а еще тяжелѣе жестокая необходимость ломать счастье близкаго человѣка во имя безусловныхъ правъ своей нравственной личности...

Началась семейная трагедія со всѣми ея тяжелыми, неизбѣжными послѣдствіями. Въ мирную, любовную жизнь Писаревыхъ впервые вторглись невеселые мотивы. Отцы и дѣти, какъ въ большинствѣ тогдашнихъ русскихъ семействъ, стояли другъ противъ друга, не понимая другъ друга, обмѣниваясь то недоумѣвающими, то враждебными взглядами...

Но намъ необходимо вернуться нѣсколько назадъ и разсказать о томъ, какъ началась литературная дѣятельность Д. И. Писарева.

IV.

Начало литературной дѣятельности.—„Разсвѣтъ“ Кремпина.—Писаревъ нашелъ себя.—Научныя потуги.—Кризисъ приближается.

«Въ началѣ зимы 58-го года,—разсказываетъ Писаревъ,—мнѣ удалось найти работу въ одномъ журналѣ для дѣвицъ («Разсвѣтъ» Кремпина), начинавшемъ свое существованіе въ началѣ 59-го. Мнѣ было поручено вести въ этомъ журналѣ библіографическій отдѣлъ, т. е. указывать юнымъ читательницамъ на тѣ книги и журнальныя статьи, которыя могутъ обогатить ихъ умъ, не вредя чистотѣ и непорочности ихъ сердца. Направленіе журнала было сладкое, но приличное, и отъ изданій г-жи Шишмовой онъ отличался значительно. Мы даже за эмансипацію женщины стояли, стараясь конечно не огорчать та-

ками сужденіями почтенныхъ родителей. Добродѣтель мы любили особенно горячо и объ ней говорили уже совершенно смѣло, такъ какъ добродѣтель—предметъ одинаково пріятный и для дѣтей, и для родителей.

«Сначала я взглянулъ на свою новую работу преимущественно съ денежной точки зрѣнія: мои библіографическія замѣтки оплачивались по 30 р. с. за печатный листъ и доставляли мнѣ ежемѣсячно отъ 60 до 70 р. с. Для студента, бѣгавшаго въ публичную библіотеку, чтобы не издержать 5 рублей на книгу, это была цѣлая Калифорнія, я и ухватился за эту работу обѣими руками, чтобы удержать ее за собой. Редакторъ мой конечно замѣтилъ это, остался очень доволенъ моими стараніями, и мѣсяца черезъ два послѣ нашего знакомства мы уже были увѣрены, что не разстанемся безъ особенной необходимости, потому что оба чувствовали, насколько мы полезны другъ другу. Нечувствительно забралась ко мнѣ въ голову мысль, что эта работа можетъ поддерживать меня и послѣ выхода изъ университета. Стало быть, думалъ я, если даже я не отыщу себѣ прочной спеціальности, бѣда не такъ велика, жить можно; чѣмъ яснѣй вырисовывалась для меня эта утѣшительная перспектива, тѣмъ сильнѣе я дорожилъ моей журнальной работой. Редакторъ поговаривалъ даже о томъ, что, когда я выйду изъ университета, онъ попроситъ меня быть его помощникомъ по редакціи. При мысли о такомъ повышеніи и благополучіи, я чувствовалъ даже головокруженіе и отвѣчалъ, опуская глаза, что всегда готовъ служить нашему общему дѣлу. Между тѣмъ работа начинала дѣйствовать на меня не съ одной денежной стороны: я привязывался къ ней искренне и сильно. Я писалъ свои жиденькія и невинныя статейки съ такимъ увлеченіемъ, съ какимъ мнѣ никогда не случалось работать надъ біографіей Гумбольдта. Мнѣ было пріятно всматриваться и вдумываться въ чтеніе книгъ и журнальныхъ статей, потому что я видѣлъ передъ собой близкую и вполнѣ доступную цѣль этого всматриванья и вдумыванья. Мнѣ было пріятно развивать на бумагѣ мои мысли и взгляды, потому что они были дѣйствительно мои, и я вполнѣ понималъ, что я пишу; я всей душой сочувствовалъ тому, что я старался объяснить или доказать. Я не производилъ ничего новаго и оригинальнаго, но для меня это было и ново, и оригинально.

«Для составленія моихъ библіографическихъ обзоровъ мнѣ приходилось читать много разнообразныхъ книгъ и статей, и мнѣ нравилось не только размышленіе и писаніе, но и пестрое чтеніе само по себѣ. Вся эта масса книгъ и статей составляла самый разнообразный сбродъ, но и во всемъ этомъ сбродѣ чувствовалось то обаятельное вѣяніе жизни, безъ котораго не можетъ существовать самый мрачный изъ современныхъ журналовъ. Мнѣ пришлось прочитать много историческихъ статей Маколея, Прескотта и Мотлея, много педагогическихъ разсужденій, нѣсколько книгъ по естественнымъ наукамъ. Наконецъ въ 1859 году мнѣ пришлось говорить довольно подробно въ нашемъ журналѣ объ *Обломовѣ* и *Дворянскомъ гнѣздѣ*.

Словомъ, библіографія моя насильно вытащила меня изъ закупоренной кельи на свѣжій воздухъ, и этотъ переходъ доставилъ мнѣ грѣховное удовольствіе, котораго я не могъ скрыть ни отъ самого себя, ни отъ другихъ.»

Итакъ, Писаревъ нашелъ себя.

Достаточно, думается намъ, прочесть любую статью Писарева, помѣщенную въ любомъ изъ десяти томовъ его сочиненій, чтобы убѣдиться, что передъ вами настоящій, доподлинный журналистъ. «Поэты родятся», но «родятся» и журналисты. Само собою разумѣется, что путемъ усиленнаго труда, путемъ утомительной настойчивости можно выработать изъ себя все, что угодно—скрипача, романиста, скульптора—нельзя выработать въ себѣ лишь одной способности, безъ которой нѣтъ и не можетъ быть искусства, т. е. творчество. Можно сдѣлаться кѣмъ угодно, нельзя лишь сдѣлаться поэтомъ. Для этого нужны спеціальныя дарованія, а ихъ дастъ лишь «природа-мать»...

Все равно какъ музыканту нуженъ исключительный слухъ, художнику—зрѣніе, способное различать оттѣнки и переливы самыхъ близкихъ другъ другу цвѣтовъ, архитектору—чувство симметріи, такъ и журналистъ не можетъ обойтись безъ спеціальныхъ дарованій.

Такихъ дарованій у Писарева было въ избыткѣ, и несомнѣнно, что, выступая въ журналѣ Кремпина, онъ нашелъ наконецъ свою настоящую дорогу.

Уже въ немъ-ребенкѣ можно было ясно различить силу и способность выраженія; едва начиная лепетать, онъ «любилъ уже закруглять и отдѣлывать свои фразы». 7-ми лѣтъ онъ припялся за писаніе своего чудовищнаго «Романьола», просиживая цѣлые дни за этимъ безконечнымъ произведеніемъ своей фантазіи. Все это его собственное, природное, неотъемлемое. А та страсть, съ которой онъ всегда защищалъ свои мнѣнія, та постоянная готовность спорить до слезъ, какой онъ отличался уже въ тѣ годы, когда у другихъ едва начинаетъ пробуждаться умъ? Вѣра въ свою мысль, потребность развивать ее, еще высшая потребность распространять эту мысль и привлекать на ея сторону, а иногда просто порабощать ей другихъ—вотъ качество, безъ котораго журналистъ—простой поденщикъ и ремесленникъ.

Въ мысли журналиста—истиннаго разумѣется—есть всегда

что-то деспотическое, прямолинейное. Мысль эта дѣйствуетъ столько-же на умъ, сколько на чувство и волю, заставляетъ себя любить и ненавидѣть. «Она всегда нравственна» въ научномъ смыслѣ слова, т. е. прямо или косвенно ведетъ къ поступкамъ. Въ ней необходимъ практическій, дѣйствующій элементъ, иначе она не можетъ быть силой.

Несмотря на всѣ свои попытки стать во что-бы то ни стало человѣкомъ науки, Писаревъ, потрать онъ на это даже не два, а цѣлыхъ 22 года, едва-ли бы добился своей цѣли. Его мысли не хватало ни спокойствія, ни медлительной настойчивости; слишкомъ горячая и страстная, она неслась безъ удержу, перепрыгивая черезъ препятствія, въ упоеніи отъ своей собственной красоты, силы и граціи. Она всегда клонилась къ тому-же къ оправданію и обвиненію, такъ какъ мысль эта была дѣйствующая, а не созерцательная. Вопросъ: *что дѣлать? что выйдетъ изъ этого?*—былъ для нея важнѣйшимъ.

Легкость и быстрота мысли, способность сразу овладѣвать сущностью предмета, отсутствіе той умственной настойчивости, которая обращаетъ столько-же вниманія на мелочи и подробности, какъ и на главное, т. е. настойчивости, создавшей Дарвина, Бэкона, мѣшали Писареву стать человѣкомъ науки.

Другъ его Трескинъ постоянно преслѣдовалъ его за недостатокъ усидчивости въ трудѣ и упорства въ работѣ. Для Писарева достаточно было малѣйшаго толчка, самаго слабаго, едва брошеннаго намека, и онъ развивалъ мысль дальше, доводилъ ее до послѣднихъ логическихъ предѣловъ и излагалъ ее въ самой блестящей формѣ. Какъ истинный журналистъ, онъ былъ виртуозомъ изложенія.

Данныя природы влекли его къ журналистикѣ, случай и обстоятельства времени позволили ему рано — быть можетъ даже слишкомъ рано — «открыть самого себя».

Но—такова несчастная судьба Писарева: стоило ему только въ въ чемъ бы то ни было послушаться голоса своей природы и пойти за нимъ, какъ немедленно-же въ томъ или другомъ видѣ возставалъ противъ него призракъ долга съ цѣлымъ запасомъ жалкихъ или угрожающихъ словъ. Онъ любитъ Раису и хочетъ жениться на ней, лишь въ этомъ одномъ полагая счастье свое,—семья не соглашается, семья протестуетъ, семья устраиваетъ всевозможныя препятствія.

Ему надоѣла наука, по крайней мѣрѣ та глупая наука, которой

онъ по неопытности своей занимался цѣлыхъ два года. На лекціяхъ и при видѣ филологическихъ сочиненій онъ начинаетъ ощущать новую тяготу. Мысль его неудовлетворена, а между тѣмъ она—молодая, настойчивая, пытливая—ищетъ живой дѣятельности, которая развивала бы ее и, давая ей необходимый просторъ, вела-бы къ правдѣ и свѣту. Кажется это найдено. Журнальная работа и связанное съ ней пестрое чтеніе приходятся Писареву по душѣ. Онъ горячо увлекается новымъ занятіемъ, инстинктивно предчувствуя въ немъ дѣло всей своей жизни...

И что-же?

Призракъ долга опять возстаетъ противъ него, и притомъ еще разъ въ самой непріятной формѣ.

«Товарищи мои (т. е. жрецы науки),—разсказываетъ онъ,—стали внушительно качать головами, говоря, что конечно журнальной работой заниматься позволительно для пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ, но что увлекаться ею не слѣдуетъ, потому что она отводитъ человѣка отъ науки и повергаетъ его въ пустословіе и пагубный диллетантизмъ. Мнѣ указывали съ соболѣзнованіемъ на поучительный примѣръ Добролюбова, который, видите-ли вы, могъ-бы быть дѣльнымъ ученымъ, а вмѣсто того сдѣлался пустымъ журналистомъ и увлекся суетою «Современника». Я съ своей стороны старался увѣрить всѣхъ въ моей невинности, открещивался отъ примѣра Добролюбова и говорилъ, что никогда не пойду по такому предосудительному пути. Остатокъ прошедшаго, мертвый догматъ все еще висѣлъ надъ моей головой, и я употреблялъ послѣднія усилія, чтобы поддержать мою угасавшую вѣру въ величіе и святость филологіи.»

Особенно энергично набросился на него излюбленный другъ и товарищъ Трескинъ. Тотъ, не разобравшій сначала, въ чемъ дѣло и къ какимъ результатамъ можетъ привести Писарева сотрудничество въ «Разсвѣтѣ», и взглянувшій на это занятіе довольно благосклонно, замѣтилъ, что вещи идутъ не совсѣмъ такъ, какъ онъ думалъ, и принялся менторствовать. Онъ сталъ говорить другу жалкія слова, вродѣ того, что Писаревъ продалъ душу дьяволу, что онъ гоняется за грошами и пренебрегаетъ изъ-за презрѣнной прозы своимъ великимъ истиннымъ призваніемъ, что изъ него можетъ выработаться такой-же пустословъ, какъ Добролюбовъ, словомъ, сталъ совѣтовать или совершенно бросить «Разсвѣтъ», или отказаться отъ критическаго отдѣла и, чтобы не потерять заработка, взяться за переводы, которые не могли занимать столько времени, да и не отвлекали-бы мысль отъ серьозныхъ занятій.

Писаревъ раздражался этими совѣтами и увѣщаніями: съ одной стороны ему было больно и тяжело видѣть въ своемъ другѣ полное несочувствіе тому, что такъ сильно увлекло и занимало его, придавая новый смыслъ его умственной дѣятельности, съ другой—онъ глубоко возмущался педантизмомъ Трескина и его полнѣйшимъ непониманіемъ тѣхъ нравственныхъ мотивовъ, которые руководили имъ самимъ. Особенно оскорблялъ его упрекъ въ пристрастіи къ презрѣнному металлу. Писаревъ былъ всегда безсребренникомъ, хотя нѣкоторыя лица, съ которыми ему приходилось имѣть денежныя дѣла, быть можетъ считали его инымъ, когда онъ безцеремоннѣйшимъ образомъ уличалъ ихъ въ попыткѣ сбарышничать и заставлялъ выплачивать себѣ все до послѣдней копѣйки. Грошовые разсчеты и практическія соображенія всегда отходили у него на задній планъ, а сотрудничество въ «Разсвѣтѣ» было ему мило совершенно независимо отъ матеріальныхъ соображеній.

Но Трескинъ стоялъ на своемъ, ежедневно пилилъ Писарева, ярко рисовалъ ему идеалъ суроваго нравственнаго аскетизма и, встрѣчая противодѣйствіе, патетически восклицалъ:

— Ты погибъ!..

Видя наконецъ, что Писарева нельзя отвлечь отъ литературной работы, Трескинъ сталъ настаивать, чтобы онъ извлекъ изъ нея хотя-бы косвенную пользу, посвятивши се систематической популяризаціи какой-нибудь спеціальности.

— Да нѣтъ ея у меня, этой спеціальности, пойми-же ты наконецъ, милый,—тоскливо восклицалъ Писаревъ, тѣмъ болѣе раздражаясь, что отсутствіе этой самой спеціальности все-таки грызло его въ глубинѣ души и составляло его больное мѣсто...

Тогда Трескинъ перемѣнилъ тактику и съ видомъ глубочайшей научной добросовѣстности и неменьшаго научнаго безпристрастія сталъ обсуживать всякую статью, выходившую изъ-подъ пера Писарева, который прежде, чѣмъ отправлять свой трудъ въ печать, читалъ его другу, иногда горячо спорилъ съ нимъ, но все-же отдавался ему на судъ, хотя статей по его указаніямъ не передѣлывалъ.

Судъ происходилъ такимъ образомъ. Писаревъ прочитывалъ какую-нибудь фразу, обыкновенно афоризмъ или парадоксъ, которые съ такой поразительной легкостью выходили изъ-подъ его пера. Трескинъ, поправляя очки, скромно вопрошалъ:

— А на чемъ это основано?

Начинался споръ.

— А ты читалъ то-то и то-то?—продолжалъ Трескинъ, и такъ какъ Писаревъ обыкновенно не читалъ, то этого было достаточно, чтобы упрекнуть его въ легкомыслiи и пристрастiи къ словоизверженiю.

Это была своего рода инквизиція, ежедневная и ежеминутная. Самъ Писаревъ не могъ не сознавать, что доля правды есть въ словахъ его друга, что на самомъ дѣлѣ онъ знаетъ слишкомъ мало — да и что особенно можно знать въ 18 лѣтъ? но когда эта доля правды преподносилась ему въ видѣ однихъ упрековъ и укоровъ, мучительно дѣйствовавшихъ на самолюбiе, преподносилась къ тому-же лучшимъ его другомъ и товарищемъ, — онъ раздражался и мучился.

Упрекъ въ научной неосновательности приходилось слышать каждому изъ нашихъ журналистовъ. Упрекали въ этомъ Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова, упрекали и Писарева. Даже Н. К. Михайловскій, несомнѣнно самый «научный» изъ нашихъ публицистовъ, не разъ подвергался той-же участи, т. е. тѣмъ-же упрекамъ.

Происходитъ это, мнѣ думается, отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ отъ нежеланія разграничить область науки и журналистики, а во-вторыхъ отъ той легкости, съ какою можно критиковать журнальную статью, ставши на «научную точку зрѣнія».

Журналистика близка къ наукѣ, и несомнѣнно, чѣмъ ближе она къ ней, чѣмъ больше принимаетъ она во вниманiе научное движенiе—тѣмъ лучше. Но все-же области и методы ихъ совершенно различны. При томъ состоянiи, въ какомъ обрѣталось лѣтъ 30—50 тому назадъ, а пожалуй и теперь еще обрѣтается—русское общество, наука можетъ оказывать вліянiе на самую незначительную часть его, на весьма незначительный кружокъ избранныхъ. Но тормошить необходимо, необходимо будить мысль и расширять кругозоръ читателя. Журналистъ достигаетъ этого столько-же аргументацiей, сколько и обаянiемъ своего изложенiя и своей личности. Выводъ науки, всегда отвлеченный, всегда слишкомъ общiй, онъ обязанъ приспособить къ данному состоянiю общества, къ размѣрамъ его пониманiя, къ практическимъ задачамъ, предстоящимъ ему, иначе голосъ его будетъ голосомъ вопiющаго въ пустынѣ, а его статья — горохомъ въ стѣну. Наука, далекая отъ практическихъ задачъ жизни, можетъ подвигаться впередъ своимъ медленнымъ, торжественнымъ шагомъ, нисколько не смущая себя мыслью, что требованiя ея осуществятся быть можетъ черезъ 1,200,000 лѣтъ; но не пока-

жется-ли смѣшнымъ тотъ публицистъ, который пишетъ въ глубокомъ убѣжденіи, что все сказанное имъ неосуществимо, а если осуществимо, то никакъ не на землѣ, а гдѣ-нибудь на Марсѣ или Венерѣ? Въ такомъ случаѣ пусть онъ лучше интегрируетъ уравненія и приноситъ посильную пользу въ области чистой математики.

Публицисту такъ-же необходима вѣра, любовь, ненависть и вообще вся субъективная сторона человѣческаго мышленія, какъ и аргументація. Онъ ведетъ человѣка къ дѣятельности, пунктъ его аттаки столько-же воля, сколько и разумъ, почему синтезъ методовъ субъективнаго и объективнаго для него необходимъ.

Мало того. Онъ постоянно затрогиваетъ общественные вопросы. Какъ въ этомъ случаѣ можетъ онъ стоять исключительно на научной почвѣ? Гдѣ такая наука—соціологія? Есть только попытки, но вѣдь исторія не ждетъ, пока явится Дарвинъ соціологіи, и можетъ за это время накуралесить такъ, что потомъ и не расхлебать заваренной ею каши. Публицисту волей-неволей приходится подчасъ удовлетворяться неполными или неточными свѣдѣніями, предвосхищать выводъ, опираясь на свою любовь или ненависть, вмѣсто того, чтобы ждать работъ статистики, историческихъ изслѣдованій и Дарвиновъ—соціологіи. Въ этомъ есть своя неудобная сторона, но есть и хорошая. Русской публицистикѣ удавалось не разъ дѣлать серьозныя научныя открытія, предугадывать, хотя способъ доказательства и методъ изслѣдованія смѣло могутъ отшатнуть отъ себя всякаго научнаго педанта. Укажу на ограниченія теоріи Маркса, сдѣланныя Н. К. Михайловскимъ, а также на соціологическія работы послѣдняго.

Мы всегда оправдаемъ публицистику, если станемъ на ту очевидную точку зрѣнія, что люди руководятся въ своей дѣятельности столько-же убѣжденіями, сколько мнѣніями. Мнѣніе—субъективно, источникъ его не въ научномъ анализѣ, не въ работѣ научной мысли, а въ «настроеніи» — какъ результатѣ цѣлой совокупности неясныхъ для самого обладателя этого настроенія причинъ. Наука мнѣній не имѣетъ, а имѣетъ выводы и гипотезы; публицистика не можетъ ни игнорировать мнѣнія, ни обойтись безъ нихъ. Конечно, чѣмъ научнѣе ея мнѣнія, чѣмъ ближе они къ дѣйствительному положенію вещей и ихъ законамъ,—тѣмъ пріятнѣе, но все-же никогда не должны мы забывать великаго значенія субъективизма.

Упрекать Писарева за недостаточную научную подготовку во

время работы въ «Разсвѣтѣ» слѣдовало, но лишь при одномъ условіи, т. е. отдавая въ то-же время полную справедливость его несомнѣнному публицистическому дарованію. Послѣднее — такая рѣдкость, такое громадное пріобрѣтеніе для общества, что чѣмъ бережнѣе къ нему относиться, тѣмъ лучше. А вмѣсто этого онъ слышалъ:

— Это легкомысленно, это не обосновано. Ты того-то и того-то не прочелъ.

И онъ страдалъ отъ такого непониманія, страдалъ отъ роковой необходимости разрывать сердечныя связи со всѣмъ близкимъ, идя своей собственной дорогой.

V.

Неудачи любви.—Въ психіатрической больницѣ. —Dementia melancolica.

Нравственный кризисъ между тѣмъ приближался къ своему трагическому окончанію. Но ни самъ Писаревъ, ни кто другой этого не ожидали.

Настали каникулы 59-го года. Писаревъ ожидалъ ихъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ; никогда быть можетъ онъ такъ лихорадочно не рвался въ свой возлюбленный Грунецъ, какъ теперь. Кромѣ матери, которую онъ искренне любилъ, несмотря на происшедшій между ними въ предыдущемъ году разладъ, кромѣ семьи и всей дорогой ему родной обстановки, онъ ожидалъ увидѣть въ деревнѣ кузину. Объ этомъ свиданіи было говорено еще зимой въ письмахъ, оно было обѣщано ему матерью, которая, придя къ убѣжденію, что сына удержать нельзя и что, если онъ не будетъ видѣть Раису въ Груцѣ, онъ устроитъ это дѣло какъ-нибудь иначе, — рѣшилась сама стать во главѣ теченія. Но—увы—Писаревъ пріѣхалъ въ Грунецъ, а кузины не было: старый родственникъ, у котораго она гостила, глубоко убѣжденный, что l'amour—c'est une maladie*), объявилъ, что по мѣрѣ силъ не дастъ другимъ возможности дѣлать глупости, и не пустилъ Раису къ Писаревымъ.

Съ житейской точки зрѣнія все это было очень умно и благо-

---

*) Любовь—это болѣзнь.

разумно. Ну, можно-ли въ самомъ дѣлѣ 19-тп-лѣтнему юношѣ-студенту и къ тому-же журналисту (а вѣдь журналисты и теперь еще въ глазахъ благоразумныхъ людей—народъ неосновательный, попросту пропалыги) думать о семьѣ и пр.?

Первый вопросъ Писарева по пріѣздѣ въ деревню былъ: — «А гдѣ-же Раиса?» — «Гоститъ у дядп, отвѣчали ему, и онъ ея не пустилъ».

Это «не пустилъ» раздражило Писарева до бѣшенства. Итакъ— спрашивалъ онъ себя — противъ меня цѣлый заговоръ... Старыя брюзги и ворчуны вмѣшиваются въ мою судьбу и устраиваютъ ее по собственному усмотрѣнію. Посмотримъ...

Какъ у всякой даровитой, глубоко-самоувѣренной натуры, къ тому-же натуры съ такой рѣзко выраженной индивидуальностью— препятствія только вызвали со стороны Писарева страстное желаніе борьбы и побѣды... Но онъ не зналъ еще, *какъ* бороться, и страдалъ невыносимо. «Мнѣ—разсказываетъ В. П. Писарева—часто случалось заставать брата невзначай въ саду или тѣнистой бесѣдкѣ лежащимъ на травѣ или коврѣ съ раскрытой книгой въ рукахъ, между тѣмъ какъ глаза его были устремлены вдаль съ выраженіемъ упорной и тревожной мысли. Онъ не любилъ, чтобы его заставали въ такія минуты тяжелаго раздумья, въ немъ при этомъ просыпалась какая-то гордая, суровая стыдливость, и онъ старался завести рѣчь о какомъ-нибудь совершенно безразличномъ предметѣ, меньше всего интересовавшемъ его въ данную минуту.»

Было дѣйствительно, надъ чѣмъ призадуматься. *Я* хочу быть счастливымъ, *я* могу быть счастливымъ. Какое-же дѣло *другимъ* до меня? Развѣ *я* мѣшаю имъ? Да наконецъ если это и такъ, какое право имѣютъ они мѣшать мнѣ?..

Эти вопросы не могли не вызвать злобы и раздраженія, такъ какъ отъ пассивной покорности Писаревъ давно уже отказался.

Но слѣдовалъ и еще цѣлый рядъ вопросовъ. Кто эти другіе? Во имя чего они впутываются не въ свое дѣло?

Эти другіе—семья, эти другіе—старый брюзга дядя, любящая мать, искренности которой Писаревъ въ данномъ случаѣ не совсѣмъ довѣрялъ, полагая, что и она не безвинна въ отсутствіи Раисы, отецъ, — словомъ тѣ люди, которые воспитали его по извѣстному образцу, въ извѣстныхъ понятіяхъ и желали сдѣлать изъ него человѣка такого-то образца.

Раздражаться противъ личностей было возможно, но Писаревъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы впить ихъ. Вся злоба по необходимости должна была обрушиться на понятія, которыя и «самихъ-то людей не дѣлаютъ счастливыми, и другимъ мѣшаютъ устраивать свою судьбу».

Дѣло доходило до окончательной ломки всего воспринятаго, заученнаго, внушеннаго.

«Лѣто 59-го года—разсказываетъ Писаревъ—было для меня временемъ умственнаго кризиса. Всѣ понятія, лежавшія въ моемъ умѣ съ самаго дѣтства, всѣ готовыя сужденія, казавшіяся мнѣ неприкосновенною основою всего существующаго въ моей собственной личности, всѣ гипотезы, имѣющія такое тираническое вліяніе на мысли и поступки большей части людей,—все это заколыхалось и какъ-то, помимо моей воли, стало обнаруживать мнѣ свою несостоятельность. Пока я безъ опредѣленной цѣли читалъ памятники и изслѣдованія, до тѣхъ поръ всѣ эти несообразности оставались нетронутыми и считались такими истинами, которыя ясны, какъ день, незыблемы, какъ гранитная стѣна, и величественнѣе Монблана или Казбека. Но когда пришлось читать и обдумывать все прочитанное съ практическою цѣлью, тогда мысль получила такой толчекъ, котораго дѣйствія и послѣдствія я не могъ ни предвидѣть, ни разсчитать. Пробудившееся стремленіе анализировать и всматриваться не можетъ быть по нашей волѣ опять погружено въ сонъ. Каждый человѣкъ, дѣйствительно мыслившій когда-нибудь въ своей жизни, знаетъ очень хорошо, что не онъ распоряжается своею мыслью, а что напротивъ того сама мысль предписываетъ ему свои законы и совершаетъ свои отправленія такъ-же независимо отъ воли, какъ независимо отъ этой воли совершается біеніе сердца и пищеварительная дѣятельность желудка. Человѣкъ боится подойти къ тѣмъ гипотезамъ, которыя величественнѣе Казбека и Монблана, а мысль не боится и подходитъ, и ощупываетъ эти гипотезы, и вдругъ докладываетъ, что это пустяки. Человѣкъ приходитъ въ ужасъ, но ужасъ оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ мыслью; мысль осмѣиваетъ и прогоняетъ ужасъ, и человѣку остается только качать головой, стоя на развалинахъ своего міросозерцанія. Наконецъ и качаніе головой прекращается, и тогда начинается новая умственная жизнь, въ которой мысль пользуется неограниченнымъ могуществомъ и не встрѣчаетъ себѣ нигдѣ ни отпора, ни сопротивленія. Въ этомъ царствѣ мысли живется тепло и весело, но періодъ перехода тяжелъ и мучителенъ. Умственный ростъ сопровождается болѣзнями, какъ и ростъ физическій. У меня напряженіе ума во время переходной борьбы было такъ болѣзненно сильно, что оно повело за собой потрясеніе всего организма».

Писаревъ ничего не говоритъ о своей сердечной драмѣ. Но читатель не долженъ забывать о ней...

Чтобы не поддаться одному чувству, къ тому-же чувству грусти

Писаревъ боролся, сколько хватало силъ, и искалъ утѣшенія въ работѣ. Въ «Разсвѣтъ» ежемѣсячно посылалось условленное число листовъ, время отдыха было занято чтеніемъ вслухъ въ семьѣ, а для чтенія, чтобы и тутъ время не пропадало непроизводительно для журналистики, выбиралось то, что могло служить матеріаломъ для критическихъ статей. Привезенные съ собой, въ чаяніи пробужденія научнаго духа, почтенные томы шлецеровскаго «Нестора» мирно покоились въ углу. Трескинъ правда укоризненно вздыхалъ и покашивался на заброшенные томы лѣтописца, но къ счастью проповѣдническій жаръ его нѣсколько охладѣлъ, потому что онъ самъ былъ занятъ денежной работой для того-же кремлинскаго «Разсвѣта». Онъ переводилъ разсказы изъ времепъ Меровинговъ и буквально страдалъ муками раздумья надъ каждой строчкой, перечеркивалъ, переписывалъ, улавливалъ «духъ подлинника» съ такой основательностью, какъ будто «ловилъ блохъ», словомъ трудился надъ переводомъ вѣроятно больше, чѣмъ самъ Тьерри надъ подлинникомъ. Призываемый ежеминутно на совѣтъ Писаревъ только пожималъ плечами и приводилъ пословицу: «assez de zèle, pas trop en faut» *).

Какъ ни увлекала работа Писарева, забыть своей грусти онъ не могъ. Онъ тосковалъ, раздражался безъ причины, искалъ одиночества.

Мать наконецъ не выдержала и сама отправилась за Раисой.

Ожидая ея возвращенія, Писаревъ провелъ нѣсколько дней въ мучительно тревожномъ настроеніи духа. «Пріѣдетъ или не пріѣдетъ?» Онъ не могъ найти себѣ мѣста. Работа не клеилась, онъ начиналъ статью за статьей, рвалъ исписанные листы, бросался отъ одного дѣла къ другому...

Мать вернулась, но Раисы не было. Вмѣсто себя она прислала письмо. Прочтя его, Писаревъ упалъ на диванъ, закрылъ лицо руками и судорожно зарыдалъ, какъ маленькій ребенокъ.

Въ письмѣ Раиса говорила про непзмѣнность своей братской дружбы, про глубокое желаніе ему счастья и блага, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказывалась наотрѣзъ быть его женой, «такъ какъ она любила другого»...

— Ну, что-же,—заговорилъ наконецъ Писаревъ послѣ долгаго молчанія, во время котораго онъ какъ будто разсматривалъ свою

*) Довольно прилежанія, немного и надо его.

рану...—Съ любовью, стало быть, дѣло покончено, но вѣдь не одна она въ жизни, жить ею одной и предаваться отчаянію, когда она погибла, недостойно мыслящаго человѣка и мужчины. Остается умственная дѣятельность, наука, трудъ—вотъ чему надо отдаться, вотъ средство вылечиться отъ горя... Придетъ современемъ новая любовь — хорошо, а нѣтъ — и безъ нея проживу одними умственными наслажденіями...

Но пока это были слова, слова.

Изъ близкихъ къ Писареву людей одинъ только Трескинъ почти радовался въ глубинѣ души тому, что сама судьба насильственно обрывала романъ друга. Проповѣдническій жаръ вспыхнулъ съ новой силой, и Трескинъ сталъ усердно приглашать Писарева окунуться съ головой въ обновляющія волны знанія и врачевать раны больной души вѣчно живыми источниками науки. Писаревъ замѣчательно умно отвѣчалъ ему:

— Я, милый, съ тобой не миндальничаю, не разыгрываю романа восторженной дружбы, а между тѣмъ я люблю тебя сильнѣе, чѣмъ ты меня, потому что ты мнѣ дорогъ самъ по себѣ, какой ты есть, ни больше, ни меньше. А изъ меня ты хочешь сдѣлать что-то такое и любишь во мнѣ произведеніе собственнаго творчества. И я убѣжденъ, что ты, какъ раздраженный художникъ, разобьешь непокорный кусокъ мрамора въ тотъ день, какъ убѣдишься, что я пойду не по твоей, а по своей дорогѣ.

Такъ тянулось лѣто. Кромѣ тихой грусти, ставшей въ послѣднее время преобладающимъ душевнымъ состояніемъ Писарева, въ немъ, какъ результатъ всего пережитаго и передуманнаго, стало сказываться какое-то умственное и нравственное утомленіе, какое-то «не по-себѣ», которое онъ старался всѣми силами преодолѣть и шутя приписывалъ слишкомъ долгому пребыванію на лонѣ природы. Онъ увѣрялъ самого себя, что облѣнился на лѣтней квартирѣ, какъ Аннибалъ на зимней, что стоитъ только встряхнуться и взять себя въ руки, какъ все пойдетъ по старому. Онъ задумывалъ написать зимой кандидатскую диссертацію, но тяжелое душевное настроеніе тревожило его самого. Прежняя рабочая энергія была будто парализована, писанье шло вяло, въ статьяхъ, которыя писались всегда прямо на бѣло и блистали аккуратной чистотой, все чаще и чаще стали появляться «трагическія» помарки.

Онъ вышелъ изъ колеи.

Однако судьбѣ, руководившей романомъ его жизни, вздумалось еще разъ — и даже не послѣдній — дать ему надежду. Возвращаясь изъ Грунца въ Петербургъ, онъ заѣхалъ къ своему «счастливому сопернику» — тому самому Гарднеру, котораго любила Раиса. Къ своему удивленію, вмѣсто «счастливаго соперника» онъ встрѣтилъ больное, разбитое жизнью существо, за которымъ ему самому въ короткое время свиданія пришлось ухаживать, какъ за хилымъ и хворымъ ребенкомъ...

Въ первомъ-же письмѣ къ матери Писаревъ сообщилъ ей о томъ, что выяснило ему свиданіе съ Гарднеромъ, и просилъ передать все это кузинѣ съ возможно большими предосторожностями, просилъ приласкать ее въ минуту тяжелаго горя и помочь ей перенести грустное испытаніе. Онъ прибавлялъ, что его рѣшеніе относительно кузины и собственной судьбы остается неизмѣннымъ, но что повторять ей теперь свое предложеніе онъ счелъ бы неуваженіемъ къ ея несчастной, сломленной въ самомъ стебелькѣ любви.

Итакъ, не все еще было потеряно, и Писаревъ съ обновленными силами вернулся въ Петербургъ. Здѣсь Кремпинъ встрѣтилъ его съ изысканной любезностью, товарищи — ласково, и Писаревъ ожилъ. Это сразу-же отразилось на его письмахъ. Разсказавши матери о томъ, что ему удалось даже подружиться съ возлюбленнымъ кузины, онъ прибавляетъ: «Я говорю теперь чистосердечно, что желаю пока одного: чтобы Раиса не умерла и чтобы сгоряча не дала себѣ обѣта дѣвственности. А тамъ — будетъ-ли она моею женою, или женою другого — лишь-бы была счастлива. Себѣ-то я всегда найду утѣшеніе въ области мысли. Теперь я могу себѣ представить только одно несчастье, которое сломило-бы меня: сумасшествіе съ свѣтлыми проблесками сознанія. Все остальное: потеря близкихъ людей, потеря состоянія, глазъ, рукъ, измѣна любимой женщины, — все это дѣло поправимое, отъ всего этого можно и должно утѣшиться».

И въ этихъ строкахъ повторяется тотъ-же самый мотивъ, то-же самое желаніе отдать всю свою жизнь умственному труду. Наслажденіе мысли — вотъ къ чему должны свестись всѣ радости бытія. Но пока, повторяю, Писаревъ только мечталъ объ этомъ, и самое оживленіе духа было только вспышкой передъ полнымъ мракомъ, куда онъ скоро погрузился.

«Осенью 59-го года, — разсказываетъ онъ, — я пріѣхалъ съ каникулъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Опрокинувъ въ умѣ

своемъ всякіе Казбеки и Монбланы, я представлялся самому себѣ какимъ-то титаномъ, Прометеемъ, похитившимъ священный огонь: я ожидалъ, что совершу чудеса въ области мысли. Мнѣ случилось какъ-то въ обществѣ товарищей говорить о міросозерцаніи древнихъ грековъ, и я сказалъ, что греческая судьба, по всей вѣроятности, не что иное, какъ незвѣстные законы природы. Эта мысль моя, находившаяся въ самой интимной связи съ общимъ ходомъ моихъ платоническихъ идей, чрезвычайно понравилась мнѣ и даже поразила меня какимъ-то благоговѣніемъ. Я вдругъ рѣшился провѣрить и доказать эту мысль и даже превратить ея развитіе въ кандидатскую диссертацію. Я принялся за Гомера съ тѣмъ неистовымъ рвеніемъ, которое всегда руководило моими любимыми занятіями. Мѣсяца два я работалъ неутомимо, прочелъ восемь пѣсенъ Иліады въ подлинникѣ и кромѣ того сдѣлалъ множество выписокъ изъ нѣмецкихъ изслѣдованій, трактовавшихъ о томъ-же предметѣ. Товарищи мои смотрѣли на мои труды съ недоумѣніемъ и иногда дѣлали мнѣ выговоры за то, что я оставилъ славяно-русскія древности и такъ внезапно, очертя голову, бросился въ совершенно неизвѣстную мнѣ область науки. Но я объявилъ себя Прометеемъ и уже не обращалъ вниманія ни на какіе дружескіе совѣты. Вдругъ за пароксизмомъ восторженной и кипучей дѣятельности послѣдовалъ пароксизмъ утомленія и апатіи...»

И правда — слишкомъ даже достаточно вынесъ Писаревъ для одного человѣка. Борьба съ предразсудками, радужными иллюзіями и ребяческимъ міросозерцаніемъ была кончена, побѣжденные враги утратили свой грозный характеръ, они будто просили пощады, и побѣдитель остановился въ тяжеломъ раздумьѣ среди развалинъ своего прежняго счастья. Началась мучительная повѣрка итоговъ, возникъ грозный вопросъ, гдѣ-же то нравственное достояніе, которымъ предстоитъ жить. Разрушенное старое оставляло по себѣ пустоту, отъ которой становилось тоскливо и холодно на душѣ.

У Писарева былъ выработанъ краеугольный камень міросозерцанія. Это его «я», свободная человѣческая личность, стремящаяся къ развитію и находящая въ немъ наслажденіе. Но въ данную минуту это сильное, гордое писаревское «я» чувствовало себя утомленнымъ, разбитымъ. Характеризуя свое душевное состояніе, Писаревъ приводилъ стихи Майкова:

Кругомъ—угрюмый видъ природы.
И звѣздъ иныхъ огнемъ
Небесъ таинственные своды
Осыпаны кругомъ.

Къ нимъ такъ и манитъ взоръ мой хладный,
Но ихъ спокойный видъ,
Ихъ блескъ унылый безотрадно
Мнѣ сердце леденитъ.

За все, чѣмъ прежде сердце жило,
Чѣмъ билось, — я дрожу
И въ даль туманную уныло,
Оставя руль, гляжу...

И не садится ангелъ бѣлый
Къ рулю въ мой утлый челнъ,
Какъ въ оны дни, когда такъ смѣло
Онъ велъ его средь волнъ..."

Въ Писаревѣ появились уже первые ясные признаки умственнаго разстройства. Всѣмъ и каждому говорилъ онъ, что онъ призванъ совершить великій переворотъ въ области искусствъ и науки. Его диссертація о судьбѣ оказалась мыльнымъ пузыремъ, онъ немедленно принялся за романъ все съ той-же мыслью открыть новые пути... Товарищи, не понимая, что съ нимъ дѣлается, и видя передъ собой какое-то гипертрофированное самомнѣніе, отшатнулись отъ него. Среди этихъ грустныхъ обстоятельствъ онъ, какъ больной, испуганный одиночествомъ ребенокъ, бросился въ объятія матери. Онъ писалъ ей грустныя письма, откровенно разсказывалъ все, что происходило въ немъ и вокругъ него, просилъ прощенія за свое недовѣріе, такъ измучившее ее лѣтомъ, просилъ забыть все прошлое и не отталкивать его.

Вотъ два отрывка изъ писемъ этого времени.

«Ради Бога, мама, прочти это письмо... Если тебѣ сколько-нибудь дорого знать состояніе моей души, выслушай меня спокойно и вѣрь искренности моихъ словъ, хотя-бы они показались тебѣ странными. Уже въ Грунцѣ, послѣ извѣстія, полученнаго отъ Раисы, я рѣшилъ сосредоточить въ себѣ самомъ всѣ источники моего счастья, *съ этого времени я началъ строить себѣ цѣлую теорію эгоизма*, любовался на эту теорію и считалъ ее неразрушимою. Эта теорія доставила мнѣ такое самодовольствіе, самонадѣянность и смѣлость, которыя при первой-же встрѣчѣ очень непріятно поразили всѣхъ моихъ товарищей. Развитіе моей теоріи поразило ихъ еще болѣе, но я тогда не обратилъ на это никакого вниманія. Въ порывѣ самонадѣянности я взялся за вопросъ, взятый изъ науки мнѣ совершенно чуждой, и потратилъ на чтеніе по этому предмету 2 мѣсяца. Подъ вліяніемъ той-же самонадѣянности я думалъ, что съ меня въ жизни довольно одного себя: будутъ привязанности, друзья, любовь, думалъ я, — хорошо, не будутъ — и безъ нихъ обойдусь и буду жить одной

мыслью, въ вѣчность которой я твердо вѣрилъ, хотя и говорилъ, что оставляю это подъ сомнѣніемъ. Слѣдуя такой уродливой теоріи, я довольно равнодушно смотрѣлъ на тѣ привязанности, которыя уже успѣлъ пріобрѣсти въ жизни; я говорилъ и думалъ, что ежели-бы умерли даже самые дорогіе мнѣ люди, я и тогда-бы не страдалъ и старался-бы тотчасъ-же утѣшиться и забыть. При такомъ настроеніи было писано письмо, которое сообщилъ тебѣ Ан. Д., но съ тѣхъ поръ, какъ оно написано, во мнѣ много измѣнилось. Я сталъ сомнѣваться и наконецъ совсѣмъ отвергнулъ вѣчность собственной личности, и потому жизнь, какъ я себѣ ее вообразилъ, показалась мнѣ сухою, безцвѣтною, холодною. Мнѣ нужны теперь привязанности, нужны случаи, въ которыхъ могли-бы развернуться чувства и преданность, нужно теплое, разумное самопожертвованіе, надъ которымъ я такъ жестоко смѣялся нѣсколько дней тому назадъ... Я нахожусь теперь въ какомъ-то мучительномъ, тревожномъ состояніи, котораго причинъ не умѣю объяснить вполнѣ и котораго исхода еще не знаю.» Письмо заканчивается стономъ: «мама, прости меня, мама, люби меня!»

Вотъ другой отрывокъ:

«Ради Бога, мама, прости меня, напиши ко мнѣ. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени тяжело чувствовать себя одинокимъ, отчужденнымъ отъ тѣхъ людей, которыхъ любишь очень сильно и передъ которыми глубоко виноватъ. Ты-бы пожалѣла обо мнѣ, другъ мой мама, если-бы знала, какъ я жестоко наказанъ за свою самонадѣянность, за свой грубый эгоизмъ. Я себѣ самъ противенъ, потому что вижу, что когда мнѣ везетъ, я поднимаю голову, когда является несчастіе, я падаю духомъ и прошу утѣшенія у всѣхъ, кто меня окружаетъ. Такъ случилось теперь. Пока ты была нѣжна со мною, я не понималъ и не цѣнилъ тебя, увлекаясь разными личными видами и планами, которымъ вѣроятно никогда не сбыться... Теперь, когда ты рѣшительно отказалась отъ меня, отталкиваешь меня, мнѣ дѣлается такъ страшно и больно. Я начиналъ къ тебѣ четыре письма и ни одного не рѣшился отправить: въ каждомъ изъ нихъ слишкомъ мрачно выставлялись мои опасенія за себя и мой взглядъ на будущее...»

«*Теперь, когда ты рѣшительно отказалась отъ меня, когда ты отталкиваешь меня*». Мать никогда отъ Писарева не отказывалась, никогда его не отталкивала. Но въ эту тяжелую пору въ немъ возникло болѣзненное недовѣріе, мучительная подозрительность, совершенно несвойственныя его характеру. *Нѣкотораго* охлажденія къ себѣ товарищей Писаревъ дѣйствительно не могъ не замѣтить, но онъ преувеличивалъ его. Онъ былъ убѣжденъ, что всѣ окружающіе обвиняютъ его въ какомъ-то гнусномъ преступленіи, что его щадятъ и потому не высказываютъ, въ чемъ именно дѣло, а только съ презрѣніемъ отворачиваются отъ него, не давая ему

даже возможности оправдаться. Онъ ловилъ съ изумительной, болѣзненной зоркостью и наблюдательностью каждую мелочь, не имѣвшую въ сущности никакого значенія, принималъ ее къ свѣдѣнію и истолковывалъ съ своей точки зрѣнія, какъ новое подтвержденіе своей господствующей мысли всеобщемъ къ нему презрѣніи и всеобщей къ нему враждѣ»...

Ходятъ наприм. друзья (Писаревъ и Трескинъ) въ сумеркахъ взадъ и впередъ по тѣсной, низкой чердачной комнатѣ, служившей имъ и рабочимъ кабинетомъ, и спальней, и пріемной — Трескинъ, чтобы не сталкиваться лбами въ потемкахъ, разумѣется сворачиваетъ въ сторону... Писаревъ садится на диванъ и томительно задумывается: «да, теперь ужъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ чувствуетъ ко мнѣ непобѣдимое отвращеніе и не хочетъ даже встрѣчаться со мной на одной половинцѣ»...

Вскорѣ Писарева посадили въ карету и отвезли въ психіатрическую больницу, гдѣ онъ и пробылъ 4 мѣсяца.

Если я такъ подробно остановился на кризисѣ, который пришлось пережить Писареву, то для этого у меня были свои основательныя причины.

Мнѣ хотѣлось прежде всего показать, что каждое свое убѣжденіе Писаревъ бралъ съ боя, грудью, искупая его цѣпою невыносимыхъ душевныхъ страданій, которыя довели его даже до помѣшательства. Слѣдовательно, приличіе—хотя-бы только приличіе—требуетъ, чтобы съ прозваніями «верхоглядъ», «холодный эгоистъ» и пр., которыми награждали Писарева его противники, было покончено. Это, вонервыхъ. А во-вторыхъ, если еще и теперь самый талантъ Писарева, его литературное краснорѣчіе, его вдохновеные пріемы борьбы, его на смерть бьющіе быстрые полемическіе удары поражаютъ своею свѣжестью и правдивостью — то разгадку этого ищите въ глубинѣ перенесенныхъ нашимъ критикомъ страданій.

. . . . . .

Указывать недостатки—можно и должно, но какъ назвать тѣ выходки, противъ Писарева которыя то-и-дѣло попадаются на страницахъ такихъ изданій, какъ «Гражданинъ» или «Сѣверный Вѣст-

никъ»?. Критикъ этого послѣдняго г. Волынскій увѣрялъ, наприм., своихъ читателей, что все написанное послѣ Бѣлинскаго, за самыми ничтожными исключеніями, представляетъ «какой-то странный бредъ публицистическихъ недоразумѣній какую-то скверную *растлѣвающую* путаницу понятій и словъ», — что Добролюбовъ и Писаревъ были люди съ «*ограниченнымъ* публицистическимъ дарованіемъ», — что они «напрягали свои *дѣтскія* силенки» и, въ концѣ концовъ. что они были «буржуазными критиками»! Насчетъ растлѣнія литературнаго скажемъ ниже, пока-же замѣтимъ, что говорить такія пошлости подъ-стать лишь людямъ попстипѣ невѣжественнымъ и создающимъ свою литературную карьеру нелитературными путями. Не знаю, принадлежитъ-ли къ нимъ г. Волынскій, но вотъ фактъ, надъ которымъ не мѣшаетъ призадуматься. Приведенныя выдержки написаны г. Волынскимъ въ 1893 г., а въ 1891-мъ тотъ-же г. Волынскій писалъ о Писаревѣ: «Писаревъ былъ послѣднимъ изъ нашихъ выдающихся критиковъ, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что онъ обладалъ огромнымъ критическимъ даромъ. Блестящая полемическая импровизація, быстрая и живая діалектика, умѣнье докапываться до глубочайшихъ основъ всякаго литературнаго явленія—все это дѣлаетъ произведенія Писарева чрезвычайно литературными и поучительными... Такимъ языкомъ, съ такою силою, съ такими патетическими оборотами мысли пишутъ только люди перваго литературнаго ранга».

Чѣмъ объяснить такой переворотъ во взглядахъ г. Волынскаго не знаю, но одна газета предательски утверждаетъ, что въ 91 г. у «Сѣвернаго Вѣстника» была одна редакція, а въ 93-емъ—другая. При прежней редакціи г. Волынскій находилъ, что Писаревъ человѣкъ перваго ранга, при новой,—что у того-же Писарева «ограниченное публицистическое дарованіе».

Г. Волынскій типичный образецъ людей, нападающихъ на Писарева. Его можно было-бы оставить въ покоѣ, въ чаяніи, что у «Сѣвернаго Вѣстника» когда-нибудь окажется еще новая редакція, по мнѣніе, что Писаревъ содѣйствовалъ растлѣнію литературы настолько нелѣпо, что мы остановимся на немъ внимательнѣе. Писаревъ не могъ растлить литературы по той простой причинѣ, что это былъ правдивый человѣкъ. Все сказанное имъ—сказано изъ глубины

души, а это чего-нибудь да стоитъ. Можете не соглашаться съ нимъ, можете опровергать его — но не забывайте только, что въ лицѣ Писарева говоритъ съ вами сама дѣйствительность, сама искренность.

Въ этомъ дивная красота его сочиненій.

Если онъ ошибался, то лишь какъ человѣкъ, ищущій истины. Такая ошибка заслуживаетъ полнаго уваженія. Но есть-ли въ его десяти томахъ хотя одна фраза, которая не была-бы выстрадана и куплена цѣною душевныхъ мукъ,—есть-ли тамъ фраза, вызванная постороннимъ соображеніями, словомъ — проданная фраза? Надъ этимъ стоитъ подумать.

Искренность и правда—вотъ основа и украшеніе всякаго таланта. Гдѣ иначе можетъ онъ найти свою непреодолимую силу, свое очарованіе, свою красоту, какъ не въ этой искренности? Въ ней есть обаяніе, и чувствовать ее можетъ всякій, кто не испорченъ въ самомъ корнѣ своемъ.

Въ дѣтствѣ Писарева звали «хрустальной коробочкой». Онъ не умѣлъ скрывать ничего, что было у него на душѣ, не умѣлъ утаивать ни мысли, ни чувства. Такимъ остался онъ на всю жизнь, такимъ является онъ намъ въ своихъ статьяхъ. Это правдивый, въ высшемъ смыслѣ этого слова, писатель, который даже ради благородныхъ цѣлей не согласился-бы покривить душой. Говорю, что думаю, говорю то, что выстрадано мной, что пріобрѣтено мною собственными усиліями, что пережито мною. Таковъ его девизъ. Въ его міросозерцаніи, по моему, нѣтъ ничего отвлеченнаго, нѣтъ ничего такого, что пахло-бы книгой или постороннимъ вліяніемъ. Всѣ его теоріи не больше и не меньше, какъ продуктъ тѣхъ жизненныхъ вліяній и столкновеній, которыя ему пришлось испытать. Въ нихъ какъ нельзя болѣе полно отразились его натура, характеръ, счастье и неудачи его бытія. Его статьи въ этомъ смыслѣ могутъ считаться лирическими, потому что въ нихъ все субъективно до послѣдней степени, и за каждой фразой вы легко можете различить какое-нибудь жизненное столкновеніе.

Мнѣ думается, что въ этомъ-то и заключаются главная красота и очарованіе произведеній Писарева. Что болѣе цѣнно, какъ не возможность проникнуть въ глубину души другого, тѣмъ болѣе большого человѣка,—узнать, какъ онъ страдалъ и любилъ, какъ вѣ-

рилъ и сомнѣвался, и при томъ знать, что каждое сказанное слово сказано изъ-за неотразимой потребности излить всю душу свою?

Общеніе съ искренней натурой дѣлаетъ насъ самихъ чище и нравственнѣе. Карлейль увѣрялъ, что говорить правду—это такое счастье, которое выпадаетъ на долю очень и очень немногихъ избранныхъ натуръ.

Мы на ложь обречены:
Роковымъ узломъ отъ вѣка
Въ слабомъ сердцѣ человѣка
Правда съ ложью сплетены.

Мы—это громадное большинство человѣчества,—большинство, которое къ тому-же возрастаетъ съ быстротой, способной привести въ ужасъ. Мы лжемъ на каждомъ шагу изъ вѣжливости и приличія, изъ-за страха, изъ-за выгоды, изъ-за самолюбія, лжемъ поразительно много и часто. Въ этомъ случаѣ мы настоящіе виртуозы: мы даже способны обманывать самихъ себя, и иллюзія играетъ въ нашей жизни гораздо бо́льшую роль, чѣмъ дѣйствительность. Въ этомъ-то и горе наше, что мы никакъ не можемъ быть тѣмъ, чѣмъ мы есть на самомъ дѣлѣ, и всегда стараемся казаться. Изъ сотни людей 99 не съумѣютъ разсказать своей жизни, не прикрасивши, не обѣливши самихъ себя, не очернивши другихъ. Таковъ уже роковой узелъ. Какъ это ни грустно, но необходимо имѣть «талантъ правды», а, какъ всякій талантъ, это—большая рѣдкость.

У Писарева онъ былъ въ высшей степени. Если въ его статьяхъ есть ошибки противъ логики, противъ науки, то нѣтъ зато ошибокъ противъ того жизненнаго опыта, который выпалъ на его долю, нѣтъ ошибокъ, вызванныхъ сторонними соображеніями. Онъ говоритъ вамъ, что умственныя наслажденія выше всего, и на самомъ дѣлѣ для него это было такъ, и, только благодаря этимъ умственнымъ наслажденіямъ, ему удалось *сравнительно* спокойно перенести пять лѣтъ одиночнаго заключенія. Въ его теоріи эгоизма вы видите ясное отраженіе его рѣзко выраженной индивидуальности и той борьбы, которую ему пришлось вынести, защищая свою любовь. Пылкость и страстность его натуры и вмѣстѣ съ тѣмъ ея художественная полнота создали пылкій и страстный и вмѣстѣ съ тѣмъ художественный стиль.

Словомъ, можно положиться на каждую фразу, вышедшую изъ-подъ пера Писарева. Онъ всегда говорилъ правду, его мысль при-

росла къ дѣйствительности, а его критическія статьи—исторія его души. Ниже мы увидимъ, сколько *объективной* истины заключалось въ его *субъективной* правдѣ. Пока-же довольно сказаннаго, и вотъ почему довольно.

Когда, въ какую эпоху и кого могли развратить и растлить правда и искренность? Всякій порокъ, всякій грѣхъ сводятся въ конечномъ анализѣ ко *лжи*. Таково искреннее мое убѣжденіе, не мое впрочемъ, а людей неизмѣримо большихъ меня. Недаромъ въ писаніи дьяволъ, т. е. источникъ всякаго грѣха, названъ «отцомъ лжи»: «егда глаголетъ *лжу*, отъ своихъ глаголетъ, яко ложь есть и отецъ лжи». «God is truth—проповѣдывалъ Карлейль,—but Satan is not truth...»*) Неискренность и продажность—вотъ грѣхи современной мысли, но вѣдь неискренность и продажность ничего общаго съ правдой не имѣютъ... Правдивая и искренняя мысль Писарева никогда не шла ни на какой компромиссъ, ни на какую уступку. Смотря на десять томовъ своихъ сочиненій, онъ смѣло могъ сказать, что ни разу не покривилъ душой и «que je bois de mon verre»**). У него было глубоко развито чувство самоуваженія, которое не позволило бы ему говорить съ чужого голоса, еще больше были развиты та смѣлость и гибкость мысли, которыя характеризуютъ дѣйствительно талантливую натуру. Онъ вѣрилъ въ себя, потому что инстинктъ подсказывалъ ему, что можно вѣрить, потому что мысли его исходили изъ первоисточника, т. е. изъ жизненнаго опыта.

Теперь насъ стараются увѣрить, что Писаревъ растлилъ литературу. Растлить—слово понятное. Это значитъ внести въ святая святыхъ, т. е. въ область мысли,—духъ продажности, наживы, мелочнаго тщеславія. Растлить—значитъ лгать и пріучать ко лжи.

О! гг. Волынскіе! О, «Сѣверный Вѣстникъ»!.. Жаль только то, что вѣдаете вы, что творите, и вѣдаете, на кого поднимаете вы руку, а еще болѣе жаль, что въ ничтожествѣ окружающаго находите силу свою.

Вотъ въ чемъ горе...

Полагаю, что правдивость Писарева какъ таланта, та свобода и смѣлость, даже задорная (иногда) смѣлость, съ какою онъ выска-

---

*) Богъ—правда, а сатана—неправда.

**) Я пью изъ моего стакана.

зывалъ свои убѣжденія, имѣла еще и немалое философское значеніе. Вѣдь талантъ, желающій сохранить свою силу до конца во всей его свѣжести и неприкосновенности, не можетъ быть *ничьимъ* рабомъ, ни успѣха, ни золота, ни даже партійныхъ разсчетовъ, какъ бы широки они ни были. Духъ покровительства—его исконный врагъ, съ которымъ онъ безъ устали борется на протяженіи всей европейской исторіи. Всякій, я думаю, помнитъ прекрасныя страницы, посвященныя Боклемъ духу покровительства во Франціи. Прослѣдивъ за всѣми отраслями умственнаго труда, Бокль неопровержимыми фактами доказываетъ, что вѣкъ Людовика XIV былъ не золотымъ вѣкомъ литературы, науки и искусства, а, напротивъ, вѣкомъ ихъ упадка: то былъ вѣкъ нищеты, нетерпимости и притѣсненій, то былъ вѣкъ рабства, позора и бездарности. Причина этого заключалась въ правительственномъ покровительствѣ, въ желаніи подчинить науку, искусство и литературу правительственнымъ цѣлямъ. Никогда писатели не были вознаграждаемы съ большей щедростью, чѣмъ при Людовикѣ XIV, и никогда они не были такъ низки духомъ, такъ раболѣпны, такъ положительно неспособны къ выполненію своего великаго призванія апостоловъ знаній и проповѣдниковъ истины. Для того, чтобы пріобрѣсти расположеніе короля, даже самые знаменитые писатели жертвовали независимостью духа. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было измельчаніе и раболѣпіе духа, а затѣмъ униженіе страны, что именно и случилось съ Франціей Людовика XIV...

Драма талантовъ (въ этомъ случаѣ трудно было-бы подыскать другое слово), разыгравшаяся въ царствованіе короля-солнца, почти никогда не снимается съ репертуара всеобщей исторіи. Не повторяется-ли она ежеминутно и въ наши дни? Одни таланты впадаютъ въ лицемѣріе и нетерпимость, связанные интересами партіи, къ которой они принадлежатъ. Но это зло искупается еще, хотябы отчасти, той пользой, которую можетъ принести талантъ, разъ партія, къ которой онъ принадлежитъ, преслѣдуетъ гуманныя цѣли. Гораздо большее, ничѣмъ невознаградимое несчастіе заключается въ томъ, что талантъ, работающій теперь въ области искусства, науки, литературы является какъ-бы подкупленнымъ съ первыхъже шаговъ своей литературной или художественной дѣятельности, Деньги, захвативъ всѣ блага міра, завладѣли и областью искусства. На кого работаетъ журналистъ, художникъ, скульпторъ,

музыкантъ, для кого пишутся кантаты и симфоніи, для кого рисуются картины и высѣкаются статуи изъ мрамора?—Въ громадномъ большинствѣ случаевъ только для тѣхъ, кто можетъ платить. Одна литература, благодаря дешевизнѣ типографскаго дѣла, старается приподнять кое гдѣ лежащее въ грязи и униженіи знамя гуманности и свободы духа. Почти все остальное принуждено холопствовать и приспособляться, и развѣ это приспособленіе не драма,—все равно какъ бы не происходило оно, со скрежетомъ-ли зубовнымъ, или весельемъ изничтожившагося въ житейской борьбѣ сердца?

Истинное назначеніе таланта заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобы приспособляться, и какъ разъ наоборотъ въ томъ, чтобы приспособлять. Талантъ—сила, организующая по преимуществу. Онъ одинъ выступаетъ на сцену съ своей ясно сознанной, идущей отъ глубины души и жизненнаго опыта, идеей. Грандіозная смѣлость и вѣра въ самого себя нужны для этого. Невыносимо трудно возвыситься надъ массой, и не только трудно, а просто страшно. Всякое можетъ случиться. Поймутъ-ли тебя или нѣтъ? Оцѣнятъ-ли тебя и захотятъ-ли оцѣнить? Правъ-ли ты самъ? Кричать съ толпой, опираться на Мецената выгоднѣе и безопаснѣе. Различныя бѣды въ видѣ ненависти враговъ и отступничества друзей, проклятія близкихъ грозятъ смѣлому человѣку за его новшества. Для борьбы со всѣмъ этимъ нуженъ запасъ большихъ силъ. Къ счастью для таланта, смѣлость и искренность оказываютъ притягивающее, чарующее впечатлѣніе на людей. На его сторону становятся—поздно ли, рано—всѣ тѣ, что смутно сознавали высказанное имъ, кто въ его словахъ, его картинѣ, его звукахъ нашелъ воплощеніе своихъ затаенныхъ стремленій. Но «все-же въ потѣ лица своего будете родить новую мысль и высказывать новое слово, въ потѣ лица и страданіяхъ сердца».

Мы видѣли, что Писареву пришлось пожертвовать семейнымъ спокойствіемъ и привязанностью товарищей, чтобы заработать право идти своей дорогой. Принципъ вынесенной имъ житейской борьбы онъ перенесъ и въ литературу: ничто и никогда не могло заставить его поступиться своею мыслью, разъ онъ считалъ ее истинной. Ей онъ готовъ былъ принести въ жертву и свои личныя привязанности, и даже интересы той партіи, которой въ душѣ онъ не могъ не сочувствовать. Истина выше всего и дороже всего, *какой бы она ни была*. Пусть даже она жестока, обидна—но она должна быть вы-

сказана, а тамъ—что будетъ. Своими лучшими статьями онъ не столько училъ публику, сколько пріучалъ ее думать и анализировать. Онъ являлся всегда передъ нею во всей цѣльности и непосредственности своей натуры, не скрывая ни одного изгиба своей мысли, ни одного оттѣнка своего настроенія. Онъ мечталъ не о томъ, чтобы имѣть около себя толпу преданныхъ, готовыхъ идти куда прикажете рабовъ, а людей, сознательно стремящихся къ той цѣли, которая имъ въ жизни дороже всего.

Мнѣ кажется, что это единственное условіе, при которомъ могутъ существовать *истинная* литература и *истинное* искусство. Ихъ «растлѣніе» начинается лишь съ того момента, когда ложь въ томъ или другомъ видѣ, вызванная какими бы то ни было посторонними соображеніями, вторгается въ ихъ область. Талантъ свободенъ, когда онъ безусловно откровененъ, полнота его свободы—полнота искренности. Разъ онъ служитъ чему-бы то ни было (хорошему или дурному—безразлично) и во имя этого служенія налагаетъ на себя какія-бы то ни было стѣсненія и обязательства, онъ теряетъ лучшее, что въ немъ есть. Наибольшее, что онъ можетъ сдѣлать—это выразить самого себя и свою сущность, *каковы бы ни были они.*

«*Лишь безусловная свобода порождаетъ истину*». Таковъ философскій принципъ дѣятельности Писарева.

VI.

Выздоровленіе. — Восторги любви. — Начало сотрудничества въ «Русскомъ Словѣ». — Г. Е. Благосвѣтловъ. — О вліяніи Благосвѣтлова на Писарева. — «Уличные типы». — «Идеализмъ Платона». — Кандидатъ университета. — Воинствующій эгоизмъ.

Фантасмагорія длилась четыре мѣсяца. Писаревъ, какъ больной, страдавшій dementia melancolica, пользовался довольно значительной свободой въ стѣнахъ лечебницы, за нимъ мало слѣдили, хотя послѣ двухъ попытокъ самоубійства изолировали его, т. е. подвергли чему-то вродѣ одиночнаго заключенія, что довело его до скрытаго озлобленія и отчаянія и еще болѣе утвердило въ рѣшеніи

бѣжать во что-бы то ни стало *). Воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, онъ дѣйствительно убѣжалъ изъ больницы, выпрыгнувъ черезъ окно.

Онъ вернулся въ семью Трескина, гдѣ жилъ послѣ разрыва съ дядей, и тутъ немедленно же было рѣшено отвезти его въ Грунецъ на лоно природы. Самъ старикъ Трескинъ, горячо любившій Писарева, сопровождалъ его въ деревню.

Вотъ, кстати замѣтимъ, еще новое доказательство безусловной искренности натуры Писарева и того очарованія, которое онъ производилъ на окружающихъ своей правдивой смѣлостью. Старикъ Трескинъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ могиканъ отживавшаго поколѣнія. Онъ былъ изъ тѣхъ цѣльныхъ, желѣзныхъ характеровъ, которые почти вывелись въ нашемъ дрябломъ поколѣніи, страдающемъ и блѣдностью мысли, и вялостью воли. Онъ обладалъ серьознымъ, самостоятельно пріобрѣтеннымъ научнымъ образованіемъ, страстной любознательностью, неисчезнувшей даже въ глубокой старости, любовью къ чтенію и колоссальной памятью. Одной изъ преобладающихъ чертъ его натуры была суровая, щепетильная честность, благодаря которой онъ не разъ наживалъ себѣ враговъ и возстановлялъ противъ себя сильныхъ міра сего. Закончивши свою служебную карьеру и засѣвши въ своей квартирѣ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, старикъ могъ съ гордостью сказать себѣ и дѣтямъ, что ни разу не покривилъ душою и не склонялъ своей гордой головы передъ неправдой. Все въ немъ было сильно и крупно, все порывисто и неожиданно; самодуръ и деспотъ въ семьѣ, гнувшій на колѣна все ему подвластное, заставлявшій трепетать каждаго, кто подходилъ къ нему—словомъ честный «николаевецъ»—онъ однако былъ способенъ и на нѣжность, и на великодушіе. Писаревъ какъ-то приглянулся ему. Старикъ увидѣлъ въ немъ ту-же цѣльность и прямоту натуры, ту-же готовность рѣзать правду, не обращая вниманія на сторонніе соображенія. Среди безгласной, вѣчно испуганной семьи Писаревъ одинъ смѣло возвышалъ голосъ, не

---

*) Писаревъ страдалъ dementia melancolica. Сущность его болѣзни сводилась къ мрачному состоянію души, вызвавшему двѣ попытки самоубійства, къ абсолютной подозрительности и потерѣ сознанія времени. Четыре мѣсяца казались ему однимъ безконечно долгимъ днемъ. Но все окружавшее его онъ понималъ какъ нельзя лучше.

уступалъ старику ни шагу, грызся съ нимъ зубъ за зубъ и спорилъ совершенно какъ съ равнымъ. Первое время старикъ съ непривычки свирѣпо сдвигалъ брови и сверкалъ глазами, выслушивая возраженія, но молодая искренность Писарева одолѣла, и «лютый звѣрь укротился»...

Возвращаюсь къ разсказу. Воскресшаго изъ мертвыхъ Писарева встрѣтили въ деревнѣ съ распростертыми объятіями, и здѣсь, среди ласки и вниманія, на подножномъ корму больная душа быстро поправлялась. Все старое проснулось съ новой и большей силой, какъ послѣ грозы,—проснулась любовь къ кузинѣ, проснулась страстная потребность труда.

Обновленная душа жаждала красоты и наслажденія. Этотъ періодъ времени былъ для него моментомъ самаго страстнаго увлеченія эстетикой: онъ зачитывался вдохновенными статьями Бѣлинскаго, нѣмецкими эстетиками и проникся особенно нѣжной любовью къ А. Майкову, въ которомъ особенно цѣнилъ проповѣдь гармоническаго наслажденія жизнью. Передъ нами чистый эпикурецъ, желавшій дышать полной грудью и умѣвшій дышать ею.

Онъ переводилъ «Мессіаду» Клопштока, но уже и въ это время любимымъ его поэтомъ былъ Гейне,—привязанность, навсегда сохранившаяся у Писарева. «Атта Троль» переведена имъ.

Какъ бы желая подавить его избыткомъ счастья, и судьба въ это-же блаженное время 60-го года написала цѣлую идиллическую главу его романа. Кузина наконецъ милостиво согласилась принять его предложеніе, и Писаревъ былъ твердо убѣжденъ, что наконецъ-то онъ будетъ полнымъ обладателемъ своего сокровища.

Кузину онъ любилъ до обожанія, со всѣмъ пыломъ первой страсти, восторгался каждымъ ея движеніемъ, видѣлъ откровеніе въ каждомъ ея словѣ, а ея маленькій, только что появившійся, разсказецъ провозгласилъ переломъ искусства и эпохой въ русской литературѣ.

Немудрено, что будущее рисовалось въ самомъ радужномъ освѣщеніи. Твердо убѣжденный, что всѣ его переводы купятся на вѣсъ золота, онъ не видѣлъ никакихъ матеріальныхъ препятствій къ женитьбѣ тотчасъ-же по окончаніи курса, т. е. осенью 61-го года. Далѣе, разсчитывая зарабатывать вмѣстѣ съ будущей женой литературнымъ трудомъ много... очень много, онъ видѣлъ уже себя богатымъ человѣкомъ, мечталъ выкупить милое Знаменское, гдѣ родился,

проводить въ немъ лѣто, какъ въ увеселительномъ замкѣ, выстроивши тамъ предварительно новый, изящный домъ, для котораго Рафаэль даже рисовала планы, а зимой—жить въ Петербургѣ, окруживши себя всевозможнымъ комфортомъ и самыми утонченными эстетическими наслажденіями. Онъ мечталъ сгруппировать въ своемъ салонѣ цвѣтъ умственной аристократіи, мечталъ видѣть центромъ, душой этого избраннаго кружка, свѣтиломъ первой величины—свою жену, которая разумѣется займетъ первое мѣсто въ литературѣ... Гражданская струна смолкла въ немъ совершенно, заглушенная ликованіями интеллигентнаго эстетика.

Послѣ здороваго лѣтняго отдыха Писаревъ задумалъ серьозно заняться литературой. «Разсвѣтъ», заканчивавшій въ скромной безвѣстности свое литературное поприще, оказывался сферой слишкомъ тѣсной для развившагося и окрѣпшаго молодого дарованія. Писаревъ обратился къ Е. Туръ, издававшей въ то время «Русскую Рѣчь», прочелъ ей нѣсколько отрывковъ изъ своего разбора произведеній Марка Вовчка и сообщилъ сущность своего литературнаго и гражданскаго міросозерцанія. Талантливая писательница и умная женщина съумѣла оцѣнить яркое дарованіе и сильный, живой умъ Писарева, но сотрудничество его отклонила, найдя, что «юноша» слишкомъ увлекается культомъ красоты и чистаго искусства въ своемъ наивномъ эгоизмѣ и не признаетъ, кромѣ личныхъ, никакихъ другихъ интересовъ въ окружающей жизни. На прощаніе она предсказала ему скорый умственный переворотъ и плодотворную дѣятельность. Впослѣдствіи Писаревъ съ улыбкой вспоминалъ свое свиданіе съ Туръ, — пока-же неудача нисколько не смутила его. Онъ крѣпко вѣрилъ въ свои силы и, имѣя въ карманѣ свои переводы, а въ сердцѣ сознаніе, что кузина любитъ его, отважно и бодро смотрѣлъ впередъ.

Духъ времени и голосъ природы потянули его къ журналистикѣ. Припомнимъ, что дѣлалось тогда въ этой области.

Еще никогда не бывало въ Россіи такой массы листковъ, газетъ и журналовъ, какая явилась въ 1856—58 гг. Изданія появлялись, какъ грибы, хотя точнѣе было-бы сказать, какъ водяные пузыри въ дождь, потому что какъ много ихъ появлялось, такъ-же много и исчезало. Одними объявленіями объ изданіяхъ можно было-бы оклеить башню московскаго Ивана Великаго. Изданія были всевозможныхъ

фасоновъ, размѣровъ и направленій, большія и малыя, дешевыя и дорогія, серьозныя и юмористическія, литературныя и научныя, политическія и вовсе неполитическія. Появлялись даже летучіе, уличные листки. Вся печать съ оффиціальной доходила до 250 изданій.

Главными мѣстами изданій, какъ и главными очагами русской мысли, были Москва и Петербургъ. Петербургскія изданія слѣдилось преимущественно за интересами дня, за тѣмъ, что дѣлалось въ русскомъ мірѣ, за вопросами, которые намѣчались и разрѣшались. Петербургская печать была передовымъ и главнымъ боевымъ полкомъ. Она стремилась руководить и не однимъ общественнымъ мнѣніемъ и ставила иногда вопросы, если и не опережавшіе правительственную мысль, то пытавшіеся расчистить ей путь и дѣйствительно расчищавшіе его. Москва больше теоретизировала и углублялась въ основы русскаго духа. Какъ только явилась большая свобода и повѣяло духомъ перемѣнъ, Москва принялась издавать славянофильскіе и полуславянофильскіе органы, объявила войну исторіи Запада и Петру Великому (конечно вмѣстѣ съ Петербургомъ), и въ поддержку «Русской Бесѣдѣ» Кошелева явился «Парусъ» Ив. Аксакова. Но также Москва создала и солидный органъ на западно-европейской подкладкѣ, «Русскій Вѣстникъ», основанный въ 1856 г. въ умѣренно либеральномъ направленіи и сразу завоевавшій популярность интересомъ и дѣльностью содержанія. Въ Москвѣ-же издавался тогда критическій органъ «Московское Обозрѣніе», въ которомъ участвовали только безымянные сотрудники, поставившіе себѣ задачей полную свободу и независимость отъ авторитетовъ. Но умственный центръ былъ не въ сердцѣ Россіи, а въ ея головѣ—въ Петербургѣ, гдѣ началъ издаваться и занялъ первое мѣсто между журналами «Современникъ». За *Современникомъ* стояли *Отечественныя Записки* и *Библіотека для чтенія*. Петербургъ не уступилъ Москвѣ, а превозошелъ ее обиліемъ и разнообразіемъ новыхъ органовъ. Въ Петербургѣ явился *Экономическій Указатель*, проповѣдывавшій свободу торговли, неограниченную конкурренцію и личную земельную собственность; *Искра*, юмористическій и сатирическій журналъ, основанный В. Курочкинымъ съ цѣлой компаніей поэтовъ и юмористовъ; *Русскій Дневникъ* Павла Мельникова, а въ 1858 г. *Русское Слово* графа Кушелева.

Такое оживленіе журналистики совершенно понятно и естественно.

Начать хотя-бы съ того, что фактически господствовала почти полная свобода печати. Свобода эта защищалась не столько закономъ, сколько общественнымъ мнѣніемъ, а такая защита не изъ дурныхъ. И само правительство, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, ровно ничего противъ нея не имѣло: напротивъ даже — къ журналистикѣ оно отнеслось съ большимъ, совершенно непонятнымъ по нынѣшнимъ временамъ вниманіемъ. Почему такъ было — мы знаемъ. Извѣстно, что Императоръ Николай I-й всю жизнь думалъ объ освобожденіи крестьянъ, но не могъ рѣшиться на это дѣло, не встрѣчая сочувствія въ приближенныхъ. Но все-же секретные крестьянскіе комитеты засѣдали одинъ за другимъ и какъ-бы по наслѣдству перешли въ новое царствованіе. Однако-же въ первомъ секретномъ комитетѣ при Александрѣ II-мъ баронъ Корфъ высказалъ мнѣніе, что полувѣковыя попытки къ освобожденію крестьянъ изъ крѣпостного состоянія оттого не имѣли успѣха, что соображенія истекала сверху, а не снизу, и что посему слѣдуетъ предоставить опытности и добрымъ чувствамъ дворянства выразить свое мнѣніе. Но не такое было время, чтобы ограничиться однимъ дворянствомъ. Разъ дѣло изъ секретнаго превратилось въ явное, оно не замедлило стать общимъ. Правительство совѣтовалось съ обществомъ, а органомъ этого послѣдняго была журналистика.

Быстро — потому между прочимъ что находилась въ умѣлыхъ рукахъ — пріобрѣла она такое положеніе, о которомъ прежде и слыхомъ не слыхали. Все равно какъ общество торопилось жить, такъ торопилась работать и журналистика. Общество сознавало, что нахлынула новая волна, и спѣшило пересмотрѣть всѣ безъ исключенія старые устои своей жизни, и надо согласиться, что нельзя было не спѣшить. Вѣдь эти старые устои всѣ цѣликомъ опирались на крѣпостное право, на даровой мужицкій трудъ. И вдругъ крѣпостное право исчезаетъ, унесенное какъ-бы горнымъ потокомъ. Уничтожить крѣпостное право значило прорвать плотину. Естественно, что должна была обновиться вся жизнь съ головы до пятокъ, естественно, что вопросы о переустройствѣ возникали, какъ грибы. Писать книги, обобщать взгляды, систематизировать мнѣнія было, повторяю, некогда, и журналистика пріобрѣла первенствующее положеніе въ дѣятельности русской интеллигенціи. По своему практическому характеру она подходила такъ сказать вплотную къ жизни, наскоро давала общія точки зрѣнія и общіе принципы, не

выпуская изъ виду фактовъ дѣйствительности. Журналъ сталъ истинною осью русской интеллигентной мысли.

Живую натуру не могло не потянуть въ эту сферу, полную одушевленія и кипучей работы. Не могли не соблазнять роль и положеніе журналиста. Позволю себѣ напомнить слѣдующія любопытныя строки изъ воспоминаній И. В. Шелгунова.

«Тогда, правда, и время было такое, что на пиру русской природы первое мѣсто принадлежало литератору. Никогда, ни раньше, ни послѣ, литераторъ не занималъ у насъ въ Россіи такого почетнаго мѣста. Когда на литературныхъ вечерахъ (они начались тогда впервые) являлся на эстрадѣ писатель, пользовавшійся симпатіями публики, стонъ стоялъ отъ криковъ, восторга и аплодисментовъ и стучанья стульями и каблуками. Это былъ не энтузіазмъ, а какое-то бѣснованіе, но совершенно вѣрно выражавшее то воодушевленіе, которое вызывалъ писатель въ публикѣ. И, дѣйствительно, между тѣмъ временемъ, когда можно было разсказывать (и всѣ вѣрили), что Пушкина высѣкли за какое-то стихотвореніе, и 60-ми годами легла уже цѣлая пропасть. Теперь писатель всталъ сразу на какую-то недосягаемую высоту. Въ умственную пору, когда, по общему мнѣнію, Пушкина можно было высѣчь, писатель не имѣлъ корней въ обществѣ и по своимъ интересамъ былъ для общества недосягаемъ. Поэтъ и беллетристъ услаждали тогда лишь праздный досугъ, доставляли занимательное чтеніе, а вкусы и требованія были еще настолько неразвиты, что извѣстной части *образованной* публики трагедіи Баркова были понятнѣе и выше *Полтавы* Пушкина. Въ шестидесятыхъ годахъ, точно чудомъ какимъ-то, создался внезапно совсѣмъ новый, небывалый читатель съ общественными чувствами, общественными мыслями и интересами, желавшій думать объ общественныхъ дѣлахъ, желавшій научиться тому, что онъ хотѣлъ знать. Когда можно было высѣчь Пушкина, у насъ была только литература (Сенковскій увѣрялъ, что у насъ была тогда не литература, а только книжная торговля), теперь-же явилась печать, т. е. литература общественно-воспитательная, литература, поучающая и учащая, а писатель, какъ творецъ этой литературы, сталъ общественнымъ учителемъ, воспитателемъ и пророкомъ, открывавшимъ горизонты будущаго, указывавшимъ идеалы и цѣли стремленіямъ. Отношенія между читателемъ и писателемъ установились теперь вполнѣ практическія, осязательныя, такъ сказать земныя, утили-

тарный; писатель пересталъ только развлекать праздный досугъ, онъ сталъ наставникомъ и учителемъ общественнаго строительства».

Словомъ «когда *весь* успѣхъ реформъ зависѣлъ отъ общественнаго развитія, нельзя было не ставить высоко тѣхъ, кто творилъ это развитіе».

Роль писателя была настолько живая и привлекательная, что было-бы странно, если-бы талантъ не соблазнился ею.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Писаревъ прежде всего отправился въ редакцію «Русскаго Слова»—день знаменательный не только для него самого, но и для нашей литературы.

«Русское Слово» издавалось тогда Кушелевымъ. Кушелевъ былъ графъ, милліонеръ и чистокровный аристократъ. Зачѣмъ собственно понадобилось ему имѣть свой органъ—неизвѣстно, развѣ что время было такое и къ печатному слову даже титулованныя особы чувствовали нѣкоторое пристрастіе. Впрочемъ самъ Кушелевъ почти ничего не писалъ, а въ дѣла редакціи вмѣшивался такъ-же мало, какъ въ управленіе собственными многочисленными помѣстьями. Познакомившись въ Парижѣ съ Благосвѣтловымъ, онъ попросилъ его взять на себя руководство журналомъ, на что Благосвѣтловъ и согласился. Мало по малу всѣ дѣла сосредоточились въ его рукахъ, а Кушелевъ въ концѣ концовъ подарилъ ему «Русское Слово» въ вѣчное и потомственное владѣніе. Что за человѣкъ былъ Благосвѣтловъ? Намъ не мѣшаетъ сейчасъ-же отвѣтить на этотъ вопросъ, чтобы опредѣлить, какое вліяніе онъ имѣлъ или могъ имѣть на Писарева.

Разные люди смотрятъ на Благосвѣтлова различно. Иные склонны видѣть въ немъ исключительно гешефтмахера, человѣка мало-литературнаго, но умѣвшаго эксплоатировать въ свою пользу и общественное настроеніе того времени, и силы своихъ сотрудниковъ, главнымъ образомъ Писарева и Шелгунова. Другіе напротивъ вѣрятъ, что Благосвѣтловъ былъ человѣкъ искренній и что въ «Русскомъ Словѣ» ему принадлежала крупная роль, какъ организатору и вдохновителю. У меня лично нѣтъ причины распинаться за Благосвѣтлова, ни ставить надъ нимъ крестъ, почему и буду говорить совершенно спокойно.

Литературнаго таланта у редактора «Русскаго Слова» неза-

мѣтно. Два тома его сочиненій вялы и скучны, да и вообще Благосвѣтловъ писалъ плохо и не любилъ писать. Его работа была совершенно другая. Искренно-ли любилъ онъ свой журналъ, или видѣлъ въ немъ средство вѣрной наживы—вопросъ трудный: надо полагать—и то, и другое, но во всякомъ случаѣ онъ отдавалъ ему все свое время. Онъ добровольно возложилъ на себя крестъ корректора, редактора, предпринимателя и несъ его съ какимъ-то самопожертвованіемъ. Въ редакціи онъ просиживалъ дни и почи, возился съ сотрудниками, цензорами, типографіей, вмѣшивался въ каждую мелочь и внѣ своего журнала не признавалъ ничего. Онъ читалъ только для «Русскаго Слова», писалъ только для него и изъ 24-хъ часовъ отдавалъ ему 18.

Какъ редакторъ, онъ обладалъ однимъ несомнѣннымъ достоинствомъ: онъ былъ одаренъ чутьемъ людей, умѣлъ сразу узнавать характеръ человѣка, сразу опредѣлять, полезенъ-ли онъ, или безполезенъ для дѣла, умѣлъ группировать вокругъ себя нужныя силы и привязывать ихъ къ журналу. Успѣхъ въ его глазахъ оправдывалъ если не все, то многое, и стоило только ему замѣтить, что тотъ или другой изъ сотрудниковъ начинаетъ пользоваться вниманіемъ и сочувствіемъ публики, какъ онъ съ большимъ тактомъ немедленно-же выдвигалъ его на видное мѣсто и предоставлялъ полную свободу. Но зато неудача была грѣхомъ въ его глазахъ, и въ этомъ случаѣ, т. е. въ отношеніи къ неудачнику, сразу-же проявлялась вся сухость и даже мелочность его натуры.

Изъ идей основательно воспринята была Благосвѣтловымъ, строго говоря, единственная, именно эмансипація личности. Онъ—долго жилъ за-границей, былъ довольно основательно образованъ, и эта эмансипація представлялась ему панацеей всѣхъ золъ. Она краеугольный камень его міросозерцанія. Онъ пропагандировалъ ее усердно и постоянно готовъ былъ довести до крайности все ея содержаніе. Въ этомъ случаѣ онъ оказывалъ на многихъ изъ своихъ сотрудниковъ вліяніе, надо думать, значительное—только не на Писарева, потому что Писаревъ самъ жизнью своей «заработалъ» ту-же идею...

Разсказываютъ, что редакторская работа Благосвѣтлова происходила обыкновенно по ночамъ, среди полной тишины и одиночества кабинета. Благосвѣтловъ запирался на ключъ и начиналъ «править». Правилъ онъ всегда въ спеціальномъ направленіи. Надо за-

мѣтить, что человѣкъ сухой, замкнутый, онъ никогда не имѣлъ близкихъ людей возлѣ себя, даже отъ семьи своей онъ держался вдалекѣ. Это одиночество невольное, тяжелое раздражало и мучило его тѣмъ сильнѣе, что онъ понималъ полную невозможность для себя стать другимъ и зажить другою жизнью. И вотъ вся злоба, накопившаяся втеченіи дня, мѣсяца, цѣлыхъ годовъ, выливалась въ этомъ «правленіи». Вставлять «словечки», злостные афоризмы, прибавлять яду — Благосвѣтловъ былъ большой мастеръ, а тогда было такое время, что ядъ правился.

Способность къ усидчивому, кропотливому труду, неослабная, настойчивая энергія, чутье въ выбираніи нужныхъ людей, немалый запасъ редакторскаго такта и словечки—вотъ кажется все хорошее, что было у Благосвѣтлова. А дальше—хорошаго мало.

Знающіе люди увѣряютъ, что въ его натурѣ было что-то аляповатое, грубое, глубоко-мѣщанское. Ни граціи, ни изящества, ни даже сердечности. Это отражалось столько-же въ отношеніяхъ къ людямъ, сколько въ покроѣ его платья, въ обстановкѣ его квартиры, въ тысячѣ другихъ мелкихъ подробностей его жизни. Разбогатѣвши, онъ задумалъ убрать свой домъ на широкую ногу, не пожалѣлъ денегъ на мебель, посуду и прочее, и все это вышло у него какъ-то по купечески, безъ всякой красоты и изящества. Такое-же «купеческое» было у него самодовольствіе, такъ-же рѣзко хвасталъ онъ своимъ «капиталомъ», нисколько не понимая, что человѣкъ, передъ которымъ онъ хвастаетъ, можетъ не только не интересоваться этимъ, но и прямо обидѣться. По купечески разсчитывался Благосвѣтловъ и съ своими сотрудниками, любилъ недоплачивать и даже не изъ жадности, а изъ какого-то страннаго охотнорядскаго принципа, и вообще платилъ ужасно мало. Цвѣтъ и красота «Русскаго Слова»—Писаревъ получалъ всего по 50 рублей съ листа, причемъ, надо замѣтить, по крайней мѣрѣ одинъ изъ 3 написанныхъ имъ листовъ не шелъ по цензурнымъ условіямъ, а Благосвѣтловъ платилъ лишь за напечатанное. По своей деликатности, Писаревъ денежныхъ разговоровъ не поднималъ, и, по полному отсутствію деликатности, Благосвѣтловъ все время продолжалъ платить по 50 р. с., отговариваясь тѣмъ, что Писаревъ работаетъ «очень легко», что «въ крѣпости расходовъ мало» и т. д.

Теперь, если мы примемъ во вниманіе, что Писаревъ сталъ работать въ «Русскомъ Словѣ» почти въ одно время съ Благосвѣтло-

вымъ, что идея эмансипаціи личности была полностью разработана въ его головѣ, что по части словечекъ и злостныхъ афоризмовъ онъ не ощущалъ ни малѣйшей надобности, то къ чему-же спрашивается сводится вліяніе Благосвѣтлова? Къ очень и очень немногому, если только къ чему-нибудь, хоть, какъ увидимъ ниже, самъ Писаревъ въ письмѣ по адресу «Современника» это вліяніе признавалъ и даже отводилъ ему большую роль въ исторіи своего умственнаго развитія. Но это дѣлалось преимущественно изъ вѣжливости и для показанія солидарности. Для меня-же несомнѣнно, что на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ Благосвѣтловъ пытался разыгрывать роль ментора, очень можетъ быть, что онъ заставилъ Писарева серьозно призадуматься надъ формулой чистаго искусства, но все-же не такой былъ Писаревъ человѣкъ, чтобы говорить съ чужого голоса. Любая мысль должна была предварительно войти въ его плоть и кровь, органически слиться со всѣмъ его міросозерцаніемъ, и тогда только онъ принимался за ея пропаганду.

Дальнѣйшее изложеніе подтвердитъ справедливость высказаннаго взгляда.

Благосвѣтловъ, отличавшійся пріятной манерой «водить» наклевывавшихся новыхъ сотрудниковъ и сильно возставлявшій противъ себя этимъ пріемомъ всѣхъ, кому только приходилось имѣть съ нимъ дѣло, принялъ Писарева довольно свысока и взглянулъ на него тѣмъ болѣе покровительственно, что юноша сообщилъ ему не безъ гордости о своемъ сотрудничествѣ въ «Разсвѣтѣ». Но Писаревъ былъ не робкаго десятка и, нисколько не смутившись олимпійскимъ пріемомъ, отдалъ Благосвѣтлову «Атта Троль», заломивши при этомъ несообразную цѣну, совершенно развязно просилъ назначить день, когда онъ можетъ прійти за отвѣтомъ. Благосвѣтловъ сталъ тянуть и довелъ наконецъ Писарева до того, что тотъ потребовалъ или категорическаго отвѣта, или рукопись. Дѣло однако благополучно уладилось, и «Атта Троль», проданный за 280 рублей, появился въ «Русскомъ Словѣ» за 1860 г. зимою.

Благосвѣтлову можно отдать ту справедливость, что онъ учуялъ Писарева и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ предложилъ ему постоянное сотрудничество, сначала впрочемъ въ отдѣлѣ библіографіи. Но очень скоро Писаревъ выступилъ статьями «Уличные типы» и «Идеализмъ Платона».

Когда читаешь ту и другую, просто не вѣрится, что онѣ напи-

саны 20-ти-лѣтнимъ литераторомъ. Писаревъ удивительно владѣетъ своимъ перомъ и мыслью, не разбрасывается, каждый вопросъ разбираетъ до конца. Стиль сдержанный, но свободный, въ немъ чувствуется затаенная страстность, которой Писаревъ не считаетъ пока возможнымъ давать простора. Его литературная физіономія уже опредѣлилась. Казалось-бы здѣсь, въ этихъ первыхъ статьяхъ, можно было-бы ожидать и громкихъ фразъ, и отсутствія выдержки. Ничуть не бывало. Онъ «разноситъ» Голицынскаго, но разноситъ, какъ джентльмэнъ, безъ ругани, безъ брани и рѣзкихъ выходокъ—какъ настоящій маэстро, съ полнымъ достоинствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Голицынскаго ничего не остается. Содержаніе «Уличныхъ типовъ» не особенно оригинально, но въ статьѣ «Идеализмъ Платона» уже высказаны задушевныя мысли. Позволю себѣ привести слѣдующій отрывокъ (стр. 64—65):

«Мы позволяемъ нашему ближнему имѣть свой вкусъ по отношенію къ закускѣ и флерту, но бѣда ему, если онъ выразитъ самостоятельное мнѣніе о нравственности, и еще большая бѣда... если онъ проведетъ свои идеи въ жизнь даже въ своемъ домашнемъ быту. Если взвѣсить дѣло простымъ здравымъ смысломъ, то мы имѣемъ право требовать отъ нашего сосѣда лишь того, чтобы онъ не вредилъ нашей особѣ матеріальнымъ насиліемъ, чтобы онъ не присвоивалъ ея себѣ мошенническими продѣлками.»

Затѣмъ идетъ излюбленная эмансипація «я»...

«Я,—пишетъ Писаревъ,—не поставлю впередъ никакой цѣли, я не знаю, къ какимъ результатамъ я приду, и меня вовсе не занимаетъ вопросъ, что я сдѣлаю въ жизни; меня занимаетъ самый процессъ дѣланія; я вижу, что я никому не мѣшаю своей дѣятельностью, и на этомъ основаніи считаю себя правымъ передъ собою и цѣлымъ міромъ; я работаю и стараюсь облегчить себѣ трудъ или (что то-же самое) вынести изъ каждаго своего усилія возможно большее количество наслажденій; это, по моему мнѣнію, альфа и омега всякой разумной человѣческой дѣятельности.»

Необходимо прежде всего эмансипировать свою личность, т. е. найти свое «я», свое призваніе.

Эмансипировать свою личность не такъ просто и легко, какъ кажется; въ насъ много умственныхъ предубѣжденій, много нравственной робости, мѣшающей намъ свободно желать, мыслить и дѣйствовать, мы сами добровольно стѣсняемъ себя собственнымъ вліяніемъ на свою личность; чтобы избѣгнуть такого вліянія, чтобы жить своимъ умомъ въ свое удовольствіе, надо значительное коли-

чество естественной или выработанной силы, а чтобы выработать эту силу, надо можетъ быть пройти цѣлый курсъ нравственной гигіены, который кончится не тѣмъ, что человѣкъ приблизится къ идеалу, а тѣмъ, что онъ сдѣлается личностью, получитъ разумное право и сознаетъ блаженную необходимость быть собой.

Сообщенные мною факты изъ жизни Писарева могутъ, какъ кажется, служить достаточнымъ комментаріемъ къ приведеннымъ строкамъ.

Итакъ: «рефлексъ развитія вызываетъ аффектъ наслажденія» — это и есть основаніе личной нравственности. А общественная? «Не мѣшайте другимъ слѣдовать по тому же блаженному пути, не мѣшайте никому развиваться и достигнуть своей умственной и нравственной самостоятельности»...

*
* *

Университетскій курсъ между тѣмъ приближался къ концу.

«Я—разсказываетъ Писаревъ—почти не ходилъ на лекціи, но работалъ сильно. Послѣ пріѣзда съ каникулъ я рѣшился писать диссертацію на медаль, на историческую тему, заданную Ироніанскимъ *). Предпріятіе было дерзкое. Тема была задана въ началѣ февраля, въ то время, какъ я еще отрицалъ солнце и луну; кто писалъ на эту тему, тотъ принялся за работу тотчасъ-же послѣ объявленія задачи, а я началъ изучать предметъ диссертаціи въ началѣ октября, между тѣмъ какъ всѣ сочиненія должны быть представлены никакъ не позже первыхъ чиселъ января. Мѣсяцъ былъ употребленъ на чтеніе и выписки, а въ ноябрѣ я принялся писать. Дѣло пошло быстро и успѣшно, отчасти на живую нитку, кое-гдѣ на авось, съ широкими взглядами и рискованными обобщеніями. Я писалъ безъ черновой, потому что переписывать было-бы некогда, и старался обработать предметъ такъ, чтобы произведеніе мое могло быть помѣщено въ какомъ нибудь журналѣ. Къ началу января я кончилъ свой трудъ и замѣтилъ не безъ удовольствія, что въ немъ по крайней мѣрѣ 15 печатныхъ листовъ. Впрочемъ недостатокъ времени помѣшалъ мнѣ развить нѣкоторыя мысли, которыя были уже совсѣмъ выработаны въ моемъ умѣ; дѣлать было нечего: я махнулъ на нихъ рукою, написалъ на своей диссертаціи эпиграфъ «еже писахъ, писахъ» и предоставилъ ее, куда слѣдуетъ.»

«Еже писахъ» оказалось однако произведеніемъ настолько блестящимъ и талантливымъ, что Писареву присудили серебряную медаль, но многіе изъ профессоровъ требовали для него золотой. Но

*) Объ Аполлоніи Тіанскомъ. Ироніанскій—профессоръ Благовѣщенскій.

золотая досталась его конкуренту Утину «за обстоятельность и основательность». Писаревъ съ спокойнымъ сердцемъ удовлетворился и серебряной, тѣмъ болѣе, что работа была зачтена ему за диссертацію. Чтобы закончить съ «Аполлоніемъ Тіанскимъ», скажемъ, что редакція «Русскаго Слова» открыла для него страницы своего журнала и выплатила Писареву что-то рублей 600.

Итакъ, весной 61 года университетскій курсъ былъ законченъ, и притомъ не формально законченъ, но и по существу. Писаревъ махнулъ рукою на свои юношескія мечты о профессурѣ, о чистой наукѣ и весь съ головой погрузился въ журналистику. Съ этихъ поръ и надолго журналистика—его пища духовная, смыслъ и красота его умственнаго бытія. Связь со старыми товарищами оборвалась ..

«Русское Слово»,—разсказываетъ онъ,—было преисполнено суеты и гордости, и благонравные товарищи мои, состоявшіе уже на дѣйствительной службѣ, бросили на меня прощальный взглядъ полный укора и сожалѣнія, когда увидѣли, что я беззаботно и весело пошелъ по скользкому пути журналиста. На статьи мои они смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ, меня самого они рѣшительно и откровенно исключили изъ своего круга. О читатель, и это неправдоподобно, но и это правда. Они считали меня ренегатомъ, маленькимъ Брамбеусомъ, недостойнымъ сыномъ университетской науки, обратившимся противъ родной матери, и, надо сказать правду, они не ошибались въ этомъ отношеніи. Могъ-ли же я ожидать послѣ этого себѣ помилованія? Вижу и понимаю, что мои товарищи, бывшіе филологи—люди честные и умные, вполнѣ достойные уваженія и сочувствія, но вижу также, что мнѣ съ ними уже не сойтись. Имъ предстоятъ двѣ дороги, и ни на одной изъ этихъ дорогъ я не встрѣчусь уже съ ними. Они могутъ продолжать съ успѣхомъ свою службу въ разныхъ департаментахъ и сдѣлаться черезъ нѣсколько лѣтъ просвѣщенными администраторами; или они могутъ осуществить свою университетскую мечту—сдѣлаться свѣтилами общественной науки. Очевидно, что журналистъ, исполненный суеты и гордости, ни администраторомъ, ни свѣтиломъ быть не можетъ; очевидно даже, что онъ и знакомства водить не можетъ ни съ администраторами, ни со свѣтилами, потому что они имъ совсѣмъ не пара, стоятъ они на разныхъ плоскостяхъ, живутъ въ разныхъ мірахъ, смотрятъ на вещи съ различныхъ точекъ зрѣнія и приходятъ разными путями къ противоположнымъ выводамъ и ре-

зультатамъ. Стало быть мнѣ остается только, вспоминая о моихъ добрыхъ и честныхъ товарищахъ, послать имъ на этихъ страницахъ послѣднее дружеское прости и увѣрить, что я съ своей стороны всегда готовъ и радъ съ ними сойтись и что въ то-же время я не вижу къ тому ни возможности теперь, ни надежды—въ будущемъ.»

Слѣдовательно: alea est jacta. Университетскій Рубиконъ перейденъ и впереди сознательно и радостно избранный скользкій путь журналиста. Разумѣется разрывъ съ товарищами, особенно съ Трескинымъ, не могъ не доставить Писареву многихъ тяжелыхъ минутъ, и сколько горечи въ этихъ шутливыхъ словахъ: «литераторъ не можетъ даже знакомства вести съ администраторами и свѣтилами», тѣмъ болѣе, что Трескинъ дѣйствительно грубо отказался вести знакомство съ Писаревымъ послѣ первыхъ же статей послѣдняго въ «Русскомъ Словѣ»,—но все же Писаревъ былъ бодръ и радостенъ духомъ: будущее улыбалось ему.

Даже амурная канитель съ кузиной шла довольно благопріятно, но такъ какъ новаго въ этой канители пока еще ничего не случилось, то гораздо любопытнѣе остановиться на одномъ изъ писемъ Писарева къ матери, гдѣ онъ оправдываетъ свою возлюбленную отъ упрековъ въ безнравственности.

«Раиса живетъ у Ан. Д., потому что нигдѣ она не можетъ жить до такой степени свободно и сообразно съ своими желаніями и наклонностями. Она окружена мужчинами—это правда, но она любитъ общество мужчинъ гораздо больше общества женщинъ, потому что, при теперешнемъ состояніи общества, умныхъ и развитыхъ мужчинъ гораздо больше, чѣмъ умныхъ и развитыхъ женщинъ. У Раисы каждый день бываютъ Гарднеръ и Хрущовъ; я нахожу это совершенно законнымъ во 1-хъ потому, что вижу, что Раиса пріятно проводитъ съ ними время, во 2-хъ потому, что мнѣ самому съ ними весело. Что касается до qu'en dira-t-on, то я никогда не сдѣлаю ни шагу, чтобы измѣнить объ себѣ мнѣніе свѣта въ ту или другую сторону, за исключеніемъ того случая, когда это мнѣніе можетъ принести мнѣ какія-нибудь существенныя выгоды и наслажденія. Могу тебѣ поклясться, что между этими людьми у Раисы нѣтъ любовника, а если бы и былъ таковой, то ни ея отецъ, ни ты, ни я не имѣемъ права вмѣшиваться въ ея дѣла. Selon mes convictions la femme est libre d'ésprit et de corps et elle peut disposer de sa personne sans en rendre compte même à son mari. Si une femme, qui pouvait jouir de la vie, ne l'a pas fait, il n'y a pas de vertu la dedans, une telle conduite est un resultat d'une masse des préjugés qui gènent et qui produisent des empechements inutils et imaginaires. La vie est belle et il faut en jouir, c'est sous ce point de vue que je la considère et que

je trouve bon et juste, que chacun règle sa conduite sur cette belle maxime» *).

Взглядамъ на женщину, изложеннымъ въ этомъ письмѣ, Писаревъ остался вѣренъ всю свою жизнь. Это—та же эмансипація личности.

Характерна между прочимъ фраза: «жизнь прекрасна, нужно ею наслаждаться, и я нахожу справедливымъ, чтобы каждый руководился въ своемъ поведеніи этимъ прекраснымъ правиломъ». Ясно, что и въ статьяхъ, и въ письмахъ, и въ разговорахъ Писаревъ проводилъ это время тѣже взгляды эпикурейскаго эгоизма. Онъ чувствовалъ себя молодымъ, бодрымъ, полнымъ силъ, вся жизнь сосредоточилась для него въ одной его собственной личности, и онъ знать не хотѣлъ ни долга, ни обязательствъ, ни «расплаты»... Откровенно писалъ онъ матери:

«Было-бы конечно изящнѣе съ моей стороны, если-бы вмѣсто того, чтобы разбрасывать деньги, я ими помогалъ семейству, какъ это дѣлаетъ напр. Трескинъ. Но у меня нѣтъ этого влеченія; чѣмъ больше я вглядываюсь въ себя, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ томъ, что, кромѣ Раисы, я никого не люблю. Всѣ остальные люди, ты, Вѣрочка, папа, Благосвѣтловъ, Жуковскій, доставляютъ мнѣ больше или меньше удовольствія, и я сообразно съ этимъ люблю съ ними бывать».

Въ эгоизмѣ Писарева за этотъ періодъ есть что-то молодое, вызывающее, воинствующее. Онъ нѣсколько даже парадируетъ имъ. «Для меня — пишетъ онъ другой разъ — каждый человѣкъ существуетъ на столько, на сколько онъ приноситъ мнѣ удовольствія.

*) Согласно съ моими убѣжденіями женщина свободна духомъ и тѣломъ и можетъ распоряжаться собой по усмотрѣнію, не отдавая отчета никому, даже своему мужу. Если женщина, которая могла-бы наслаждаться жизнью, не наслаждается ей, то въ этомъ нѣтъ добродѣтели. Такое поведеніе является результатомъ массы предразсудковъ, которые стѣсняютъ и производятъ безполезныя и воображаемыя затрудненія. Жизнь прекрасна, и надо пользоваться ею. Съ такой точки зрѣнія смотрю я на нее и нахожу справедливымъ, чтобы каждый руководился тѣмъ-же великолѣпнымъ принципомъ.

Это не теорія, это не фраза, это самая откровенная исповѣдь. Какъ я перестаю видѣть человѣка, такъ онъ перестаетъ существовать для меня на время разлуки».

Писаревъ часто говорилъ о томъ, что онъ живетъ лишь настоящимъ, и оттого счастливъ и бодръ всегда, а свою теорію эгоизма высказываетъ матери съ жесткой даже откровенностью. Такая его натура была, что онъ ни во имя чего, ни ради чего кривить душой не соглашался, а говорилъ по настроенію.

Настроеніе же было воинствующее, эпикурейское. Но уже и въ это время оно начинало расширяться и принимать въ себя новые элементы, за развитіемъ которыхъ мы будемъ слѣдить съ особенной тщательностью. Съ этой точки зрѣнія любопытно хотя бы вкратцѣ познакомиться съ его статьей «Схоластика XIX-го вѣка»... Въ общихъ чертахъ я напомню ее читателю.

Но пока одно маленькое замѣчаніе. Эгоизмъ Писарева столько разъ вызывалъ благородное негодованіе, что это наконецъ надоѣло, почему я и питаю надежду, что читатель благоразумно воздержится отъ него и прочтетъ нижеслѣдующія страницы, гдѣ тотъ же эгоизмъ является передъ нами совершенно въ другомъ видѣ. Однако изъ пѣсни слова не выкинешь, не выкинешь и изъ исторіи умственнаго развитія Писарева цѣлаго періода, когда онъ, слѣдуя настроенію—нѣсколько теоретическому во всякомъ случаѣ,—является передъ нами въ образѣ эпикурейца, которому дѣйствительно самъ чортъ не братъ. Какъ идея эмансипаціи личности и абсолютной ея свободы запала въ душу Писарева—мы знаемъ, но онъ не просто развивалъ ее, онъ утрировалъ ее, доводя до абсурда. Многое повинно въ этой утрировкѣ... Повинны прежде всего тѣ пеленки, въ которыхъ держали его въ годы дѣтства и юности, и чѣмъ туже

были затянуты эти пеленки. тѣмъ энергичнѣе должны были быть тѣлодвиженія человѣка, освободившагося отъ нихъ; повышны 20 лѣтъ и инстинктивное сознаніе собственной могучей силы, твердо вѣровавшей, что она горы съ мѣста сдвинетъ; появился аналитическій складъ ума, доводившій каждое положеніе до послѣднихъ результатовъ, хотя бы эти результаты заканчивались глухимъ переулкомъ.

VII.

«Схоластика XIX вѣка». — Умственный демократизмъ. — Быстрые успѣхи. — Новая глава романа. — Трагическій эпизодъ.

Дебюты Писарева въ «Русскомъ Словѣ» были удачны. Но особенно много разговоровъ, толковъ и споровъ возбудила его статья «Схоластика XIX вѣка» (мартъ 61 г.). Надо впрочемъ замѣтить, что самъ Писаревъ отнесился впослѣдствіи очень пренебрежительно къ своей «Схоластикѣ».

«Мою схоластику,—говоритъ онъ въ письмѣ къ матери,—я въ 61 г. писалъ положительно по слухамъ. о нашей литературѣ и критикѣ я не имѣлъ почти никакого понятія, и удивляюсь теперь только двумъ вещамъ: во-первыхъ, какъ я не навралъ тамъ еще больше чепухи, и во-вторыхъ, какъ тѣ серьезные люди, которые писали объ этой статьѣ, не разобрали, на какихъ жидкихъ основаніяхъ она построена». (1864).

Писаревъ нѣсколько преувеличиваетъ дѣло. Что онъ въ то время

не зналъ ни литературы, ни критики — это несомнѣнно, но въ «Схоластикѣ» — зародышъ его будущихъ «Реалистовъ» и вообще самыхъ яркихъ его статей. Кстати надо замѣтить, что эта-же «Схоластика» дала ему вполнѣ опредѣленное мѣсто въ журналистикѣ.

Прежде всего Писаревъ говоритъ объ обязанностяхъ литературы: «литература во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ должна бить въ одну точку: она должна всѣми своими силами эмансипировать человѣческую личность отъ тѣхъ разнообразныхъ стѣсненій, которыя налагаютъ на нее робость собственной мысли, предразсудки касты, авторитетъ преданія, стремленія къ общему идеалу и весь тотъ отжившій хламъ, который мѣшаетъ живому человѣку свободно дышать и развиваться во всѣ стороны».

Но вмѣсто этого — несмотря на то, что передъ литературой стоитъ такое важное, живое дѣло, какъ эмансипація личности—она занимается собственными кружковыми интересами, посвящаетъ публику въ нисколько не интересныя ей литературныя распри, а къ вопросамъ жизни, науки, искусства подходитъ какъ-то робко, съ оглядкой. Надо быть не только ближе къ дѣйствительности, но и питаться ею, волноваться ею, изучать ее и освѣщать ее. Но «жизнь идетъ мимо литературы, а журнальныя теоріи одна за другою сдаются въ архивъ и умираютъ». Современная-же критика грѣшитъ именно тѣмъ, что она задается теоріями и изобрѣтаетъ жизнь вмѣсто того, чтобы приглядываться и прислушиваться къ звукамъ окружающей дѣйствительности.

И для кого существуетъ литература? Для незначительнаго кружка избранныхъ, такъ какъ гг. литераторы не желаютъ спуститься до той жаждущей умственной пищи части общества, которая стоитъ на рубежѣ двухъ элементовъ—народа и интеллигенціи, и «какъ будто призваны быть передатчиками и проводниками идей и знаній сверху внизъ». Словомъ, средніе и низшіе слои интеллигенціи игнорируются журналистикой. Какъ-же подойти къ нимъ, какъ-же сблизиться съ ними? Для этого прежде всего надо стоять на почвѣ практической дѣятельности, на почвѣ факта, надо почаще прибѣгать къ здравому смыслу вмѣсто отвлеченныхъ и книжныхъ теорій.

«Не будемъ—продолжаетъ Писаревъ—обманывать самихъ себя, вѣдь мы должны писать для общества, слѣдовательно должны заниматься тѣмъ, что всѣмъ доступно и всѣмъ должно принести пользу. Какой-нибудь общественный скандалъ въ данную минуту интересуетъ публику гораздо больше, нежели рѣшеніе вопроса о томъ, существуютъ-ли у насъ западники или славянофилы; по поводу этого общественнаго скандала вы можете развить нѣсколько свѣтлыхъ идей и заронить въ вашихъ читателяхъ кое-какіе задатки развитія и движенія впередъ. Спрашивается, по какому-же побужденію вы не воспользуетесь этимъ случаемъ? Потому, скажете вы, что не желаете уронить достоинство идеи, не желаете вмѣшаться въ толпу крикуновъ, свистуновъ и пр. Что за щепетильность, что за отвлеченность, что за брезгливость, что за фешенебельное и въ то-же время педантическое презрѣніе къ идеямъ, которыя волнуютъ окружающихъ васъ людей!..»

А между тѣмъ литература *должна* и можетъ совершить великое дѣло — помочь своимъ читателямъ выработать міросозерцаніе, дѣйствующее и практическое. Для этого надо спуститься съ высоты теоріи, такъ какъ «народъ хитрѣе сталъ и ни на какую штуку не ловится... Умъ нашъ требуетъ фактовъ, доказательствъ, фраза насъ не отуманитъ, и въ самомъ блестящемъ и стройномъ созданіи фантазіи мы подмѣтимъ слабость основанія и произвольность выводовъ».

Что-же это за практическое, дѣйствующее міросозерцаніе, которое необходимо, чтобы каждый былъ работникомъ?

«Если-бы всѣ въ строгомъ смыслѣ слова были эгоистами по убѣжденіямъ, т. е. заботились только о себѣ и повиновались бы одному влеченію чувства, то, право, тогда привольнѣе было-бы жить на бѣломъ свѣтѣ, нежели теперь, когда о васъ заботятся чуть не съ колыбели сотни людей, которыхъ вы почти не знаете и которые не знаютъ васъ, какъ личность, а какъ единицу, какъ члена мѣстнаго общества, какъ недѣлимое, носящее то или другое фамильное прозвище.»

Итакъ, прежде всего надо эмансипировать свою личность отъ идеи долга и обязанности и свободно отдаться влеченію своей натуры, которое прежде всего хочетъ личнаго счастья и наслажденія. Не надо ставить себѣ цѣли жизни съ точки зрѣнія какого-нибудь общаго, отвлеченнаго идеала...

«Если—говоритъ Писаревъ—вы поставите себѣ цѣль жизни, несовмѣстную съ вашими наклонностями, тогда вы испортите себѣ свою жизнь; вы потратите всю энергію на борьбу съ собой; если не побѣдите себя, то останетесь недовольны; если побѣдите себя, тогда вы сдѣлаетесь автоматомъ, чисто разсудочнымъ, сухимъ и вялымъ человѣкомъ. Старайтесь жить полною жизнью, не дрессируйте и не ломайте себя, не давите оригинальности и самобытности въ угоду

заведенному порядку и вкусу толпы—и, живя такимъ образомъ, не спрашивайте о цѣли. Цѣль сама найдется, и жизнь рѣшитъ вопросы прежде, нежели вы ихъ предложите».

Влеченіе и наклонность должны явиться опредѣляющими факторами дѣятельности. И хотя Писаревъ прекрасно понималъ, что эмансипація личности и уваженіе къ ея самостоятельности являются послѣднимъ продуктомъ позднѣйшей цивилизаціи,—все-же литература должна бить въ эту точку, оставивъ свое преклоненіе передъ «фокусами и подвигами самопожертвованія»... Иначе, «оставаясь для насъ незамѣтнымъ», это умственное и нравственное рабство медленнымъ ядомъ отравляетъ нашу жизнь. Мы умышленно раздваиваемъ свое существо, наблюдаемъ за собой, какъ за опаснымъ врагомъ, хитримъ передъ собою и ловимъ себя въ хитрости, боремся съ собою, побѣждаемъ себя, находимъ въ себѣ животные инстинкты и ополчаемся на нихъ силою мысли; вся эта глупая комедія кончается тѣмъ, что передъ смертью мы, подобно римскому императору Августу, можемъ спросить у окружающихъ людей: «хорошо-ли я сыгралъ свою роль?» Нечего сказать! Пріятное и достойное препровожденіе времени. Поневолѣ вспомнишь слова Нестора: «никто-же ихъ не бише, сами ся мучаху».

Затѣмъ Писаревъ, посвящая нѣсколько злыхъ страницъ гг. спиритуалистамъ, идеалистамъ и супранатуралистамъ, рѣшительно заявляетъ, что не хочетъ видѣть въ жизни «ни цѣли, ни идеала, а лишь одинъ процессъ, который человѣкъ можетъ приспособить себѣ и наслаждаться имъ», и наконецъ еще разъ энергично высказываетъ свою задушевную мысль о необходимости и возможности *демократизировать* науку, искусство и литературу, избавить ихъ отъ теоретичности и идеализма и, сдѣлавъ ихъ доступными для каждой эмансипированной или желающей эмансипироваться личности, тѣмъ самымъ дать ей прочный фундаментъ для дѣятельности.

«Отвлеченности (т. е. идеализмъ, спиритуализмъ, супранатурализмъ и пр.) могутъ быть интересны и понятны только для ненормально развитого, очень незначительнаго меньшинства. Поэтому ополчаться всѣми силами противъ отвлеченности въ наукѣ мы имѣемъ полное право по двумъ причинамъ; во-первыхъ, во имя цѣлостности человѣческой личности, во-вторыхъ, во имя того здороваго принципа, который, постепенно проникая въ общественное сознаніе, нечувствительно сглаживаетъ грани сословій и разбиваетъ кастическую замкнутость и исключительность. Умственный аристократизмъ—явленіе опасное именно потому, что онъ дѣйствуетъ незамѣтно и не высказывается въ рѣзкихъ формахъ. Монополія знаній и гуманнаго раз-

витія представляетъ конечно одну изъ самыхъ вредныхъ монополій. Что за наука, которая по самой сущности своей недоступна массѣ. Что за искусство, котораго произведеніями могутъ наслаждаться только немногіе спеціалисты. Вѣдь надо-же помнить, что не люди существуютъ для науки и искусства, а что наука и искусство вытекли изъ естественной потребности человѣка наслаждаться жизнью и украшать ее всевозможными средствами. Если наука и искусство мѣшаютъ жить, если они разъединяютъ людей, если они кладутъ основаніе кастамъ, такъ и Богъ съ ними, мы ихъ знать не хотимъ; но эта не правда: истинная наука ведетъ къ осязательному знанію, а то, что осязательно, что можно ощупать руками и разсмотрѣть глазами, то пойметъ и десятилѣтній ребенокъ, и простой мужикъ, и свѣтскій человѣкъ, и ученый спеціалистъ».

Что-же, въ сущности, за вещь такая схоластика XIX вѣка? Схоластика XIX в. это прежде всего идея долга и обязанности, которая надѣваетъ на личность нравственныя путы, это тѣ теоріи, которыя отвлекаютъ личность отъ дѣйствительнаго, очевиднаго, практическаго, заставляютъ ее бояться самой себя, голоса своей натуры, своихъ наклонностей и мѣшаютъ ей, «приспособивъ къ себѣ процессъ бытія, наслаждаться имъ»... Невозможность очевиднаго проявленія исключаетъ дѣйствительность существованія. Таковъ философскій принципъ, выдвинутый Писаревымъ въ центрѣ статьи.

Но въ ней есть и болѣе существенная часть, т. е. всѣ тѣ страницы, которыя посвящены требованію демократизировать науку, искусство и литературу. По этому поводу Писаревъ дѣлаетъ глубокое замѣчаніе, что все *схоластическое гнѣздится въ кружковщинѣ*. Вынесите науку, литературу, искусство на свѣжій воздухъ, постарайтесь сдѣлать ихъ очевидными и доступными для массы, для всѣхъ, а не только для спеціалистовъ или преподавателей какой-нибудь ученой или литературной касты, и вы увидите, какъ много ненужнаго отпадетъ при этомъ, и все оплодотворится дѣйствительными потребностями насущной жизни.

Если есть «умственный аристократизмъ», то міросозерцаніе, изложенное въ «Схоластикѣ XIX в.», можетъ быть названо «*умственнымъ демократизмомъ*». Я говорю: «умственнымъ», потому что эволюцію ума, развитіе критической мысли, прогрессъ науки Писаревъ всегда ставилъ въ голову историческаго развитія. Въ этомъ случаѣ онъ смѣло можетъ быть названъ ученикомъ Бокля и Конта, но ученикомъ-демократомъ, для котораго столько-же важенъ прогрессъ науки, сколько распространеніе этого прогресса въ массѣ.

Проницательный читатель понимаетъ кромѣ того, какъ теорія

пользы легко можетъ вырасти на этой почвѣ убѣжденнаго демократизма. Но объ этомъ ниже. Пока—нѣсколько фактовъ изъ жизни Писарева.

Успѣхъ статей Писарева въ «Русскомъ Словѣ» былъ настолько очевиденъ, что въ скоромъ времени Благосвѣтловъ сдѣлалъ его своимъ помощникомъ.

«Конечно—писалъ впослѣдствіи Писаревъ матери про эту эпоху своей жизни—у меня не было тогда ни малѣйшей практической опытности, и я толковалъ о жизни, какъ совершенный ребенокъ, но я чувствовалъ въ себѣ присутствіе такихъ силъ и такой энергіи, которыя непремѣнно должны были очень быстро выдвинуть меня впередъ. И развѣ это чувство обмануло меня? Развѣ я теперь помѣнялся-бы своимъ положеніемъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ товарищей? Уже въ концѣ 61-го года, когда литературная карьера моя продолжалась всего нѣсколько мѣсяцевъ, мнѣ говорили очень опытные люди, что такого другого литературнаго дебюта они не запомнятъ. Да я и самъ это видѣлъ. Въ ноябрѣ 61-го года я получилъ приглашеніе работать для *Современника* и отказался—зане возлюбилъ *Русское Слово*», гдѣ Писарева ласкали и холили, устраивали для него преферансъ по маленькой и окружали всякой заботливостью.

Но зато «романъ» шелъ совершенно неблагополучно. Раиса, какъ и слѣдовало ожидать, влюбилась въ какое-то «умственное ничтожество, но зато въ человѣка «avec une verve animale» — и рѣшилась отдать ему руку и сердце. Писаревъ не выдержалъ и, спустившись съ высоты своей теоріи, утверждавшей, что каждый имѣетъ право располагать собою по собственному усмотрѣнію,— хотѣлъ драться на дуэли, подрался просто и «навѣрное застрѣлился-бы, не люби я такъ свою собственную особу», какъ вспоминалъ онъ впослѣдствіи.

Finita la comedia! — и на самомъ дѣлѣ отношенія Раисы къ Писареву напоминаютъ собою комедію. Она просто на просто испытывала на немъ власть своей «ewig Weibliche», а можетъ быть просто держала про запасъ, рѣшительно не обращая вниманія на то, что человѣкъ положительно на стѣну лѣзетъ.

Писаревъ самъ впослѣдствіи объяснялъ неудачу своей любви тѣмъ, что онъ слишкомъ много умствовалъ и занимался пропагандой теорій, когда «умѣстнѣе было засверкать глазами, схватить въ объятія и поступить «по мущински». Но какъ-бы то ни было, такъ

долго лелѣянная мечта его жизни была разбита, и онъ съ еще большей охотой окунулся съ головой въ свою литературу и ту разсѣянную жизни, которую велъ уже довольно давно, со времени сотрудничества своего въ «Русскомъ Словѣ».

Любопытна между прочимъ послѣдняя попытка Писарева отстоять свою любовь и во что-бы то ни стало завоевать себѣ любимую женщину. Онъ предложилъ Раисѣ, чтобы она вышла за него замужъ и затѣмъ тотчасъ, послѣ обряда вѣнчанія, прямо изъ церкви ѣхала съ Г. за-границу или куда угодно. Предлагая эту развязку, онъ прекрасно сознавалъ, что ему отвѣтятъ негодованіемъ или насмѣшкой, но ему самому этотъ исходъ казался самымъ простымъ и естественнымъ; ставши законнымъ мужемъ, онъ давалъ возможность любимой женщинѣ вернуться къ нему на законномъ основаніи, когда чаша страсти была-бы выпита до дна... Разумѣется, на такой компромиссъ никто не пошелъ.

Но гроза надвигалась и съ другой стороны.

Весною 62-го года рѣшено было пріостановить временно «Русское Слово» и «Современникъ».

Писаревъ писалъ по этому поводу матери:

«Кажется, закрытіе обоихъ журналовъ продолжится до Новаго года; въ этомъ интервалѣ я не намѣренъ писать въ другихъ журналахъ, потому что всѣ они дрянь, поэтому я думаю ѣхать въ Грунецъ и жить тамъ, покуда не откроется «Современникъ» или «Русское Слово», или что-нибудь имъ подобное, Il faut savoir accepter avec dignité une defaite politique».

Эта записка—послѣдняя, писанная Писаревымъ съ воли, дальше пойдутъ его письма изъ крѣпости.

Попалъ онъ въ крѣпость слѣдующимъ образомъ. Живя въ мезоновскихъ номерахъ, Писаревъ познакомился со студентомъ Балло-

домъ. Молодые люди не были близки между собой, знакомство ихъ было, что называется, «шапочное» и очень скоро прекратилось. Въ апрѣлѣ 62-го года появилась надѣлавшая много шуму брошюра барона Шедоферотти, разбиравшая письмо Герцена къ русскому посланнику въ Лондонѣ. Писаревъ тотчасъ-же по выходѣ брошюры въ свѣтъ написалъ ея разборъ, очень несочувственный и рѣзкій, но все-же въ тонѣ, который допускался тогда въ печати, и разсчитывалъ помѣстить свою статью въ майской книжкѣ «Русскаго Слова», но цензоръ рѣшительно заявилъ, что статья, какъ-бы ее не передѣлывали, невозможна. Случилось между тѣмъ, что Баллодъ, зайдя къ Писареву и узнавъ объ участи рецензіи, предложилъ ее пустить въ ходъ на тайномъ станкѣ. Писаревъ однако сказалъ, что «это» не стоитъ, на чемъ пока и остановилось дѣло. Но когда «Русское Слово» запретили и Баллодъ возобновилъ свои просьбы, Писаревъ написалъ другую статью о томъ-же предметѣ, статью возможную только въ подпольной печати. Она-то и стоила Писареву почти пяти лѣтъ одиночнаго заключенія въ крѣпости, такъ какъ черезъ нѣсколько-же дней Баллодъ былъ арестованъ, а затѣмъ по найденнымъ слѣдамъ—и Писаревъ.

VIII.

Въ крѣпости. — Письма къ матери.

Во время пяти-лѣтняго заключенія въ крѣпости развернулись всѣ лучшія стороны писаревской души и таланта. Какъ это ни изумительно, однако таковъ фактъ, что лучшія статьи написаны здѣсь, что здѣсь ни на минуту не прекращалась работа мощнаго духа,

Перечтите такія статьи, какъ «Наша университетская наука», «Реалисты», «Романъ кисейной барышни», «Промахи незрѣлой мысли» — гдѣ-же тутъ хотя-бы тѣнь вполнѣ закоснаго уныпія и тоски? Нравственное мужество 22-хъ-лѣтняго литератора не было ни на іоту сломлено страшнымъ испытаніемъ. Работа ума, кипучая, напряженная, торжествующая, продолжалась безъ перерыва, міросозерцаніе развивалось въ томъ направленіи, которое было указано предшествовавшей жизнью. Прибавьте ко всему этому то, что цѣлыхъ два года Писаревъ совершенно не зналъ, что съ нимъ сдѣлаютъ: отправятъ-ли его въ ссылку, или оставятъ на мѣстѣ. Но и эта неопредѣленность положенія — самая мучительная изъ всѣхъ пытокъ — не сломила его. Онъ засѣлъ за работу въ тотъ день, какъ захлопнулись за нимъ двери каземата, и съ той-же работой, съ такими-же планами вышелъ изъ крѣпости. Написанныя имъ за эти годы статьи, проходя всевозможныя цензурныя мытарства, печатались въ «Русскомъ Словѣ».

Кромѣ умственной энергіи и нравственнаго мужества, письма его къ матери за это время дышатъ особенной любовью и нѣжностью. Тонъ ихъ обыкновенно шутливый, но сколько ласковой почтительности, сколько сердечной мягкости въ этой грудѣ исписанныхъ мелкимъ бисернымъ почеркомъ листовъ почтовой бумаги! Не мать утѣшаетъ его, онъ утѣшаетъ мать, рисуетъ ей постоянно перспективу будущей совмѣстной, счастливой жизни, то и дѣло спрашиваетъ о ея здоровьѣ, слѣдитъ за занятіями и развитіемъ двухъ младшихъ своихъ сестеръ и, нисколько не отказываясь отъ прежнихъ своихъ взглядовъ, находитъ въ себѣ столько душевной теплоты и мягкости, что облекаетъ ихъ въ самую привлекательную, исполненную глубокаго чувства и серьознаго убѣжденія, форму.

Такъ — тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Булатъ оказался лучшаго качества, ибо какъ иначе объяснить, что мысль Писарева среди четырехъ стѣнъ каземата не утеряла даже своей яркости и художественности? Не было ни внѣшнихъ впечатлѣній, не было слышно даже голоса человѣческаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ-за могилъ, впродолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ, раздавалась полная силы и мужества рѣчь, облетавшая всю Россію и встрѣчавшаяся вездѣ съ восторгомъ,—рѣчь, призывавшая людей къ живой работѣ и живому наслажденію.

Но тонъ писаревскихъ писемъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ, почему и привожу отрывки:

«На счетъ моего здоровья, ты (т. е. мать) съ Вѣрочкою можете быть совершенно спокойны. Я чувствую себя хорошо, сегодня ровно двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ я въ крѣпости, а между тѣмъ меланхолія, которой ты такъ боялась, не показывается.»

Писаревъ вообще въ каждомъ письмѣ увѣряетъ родныхъ, что ему хорошо, «очень даже хорошо». Приведенный отрывокъ написанъ 17-го іюля 62-го года, а вотъ изъ письма отъ 15-го сентября 63-го года.

«Жизнь моя, которую такъ разнообразили впродолженіи 4-хъ мѣсяцевъ свиданія съ вами, опять покатилась своимъ ровнымъ теченіемъ, опять я ничего не ожидаю, живу себѣ съ минуты на минуту и опять замѣчаю, что время идетъ особенно скоро, и опять радуюсь, потому что дни опять такъ быстро уходятъ за днями. Къ уединенію и къ моему правильному образу жизни я такъ привыкъ, что мнѣ и въ голову не приходитъ, что-бы этими вещами можно было тяготиться. Я не думаю, чтобы я, подобно Шильонскому узнику, вздохнулъ когда-нибудь о моей тюрьмѣ, но я совершенно увѣренъ въ томъ, что всегда буду вспоминать о времени моего заключенія съ самою добродушною улыбкой. Мнѣ даже иногда становится смѣшно смотрѣть на себя: какой я кроткій агнецъ и какъ я со всѣмъ примиряюсь, и какъ я всѣмъ остаюсь доволенъ!—Со стороны смотрѣть, должно быть, еще смѣшнѣе, но мнѣ, отъ кротости моей, очень хорошо; эта кротость похожа на пуховикъ, который предохраняетъ меня отъ боли при каждомъ паденіи. Вотъ ты читаешь теперь мое письмо, другъ мой, мама, и пожимаешь плечами, а Вѣрочка читаетъ и сердится на меня и говоритъ: какъ это ему (т. е. мнѣ) не надоѣстъ все разбирать и хвалить себя и все съ одной и той-же стороны. А что дѣлаетъ и говоритъ въ это время папаша? Впрочемъ папашу я такъ давно не видалъ, что даже приблизительно не могу себѣ представить, какое впечатлѣніе производитъ на него моя болтовня. Но вы ею не раздражайтесь.»

Писаревъ старается даже увѣрить себя и другихъ, что пребываніе въ крѣпости ничего кромѣ пользы ему не приноситъ и принести не можетъ.

«Оглядываясь назадъ на прошедшій годъ, двадцать третій годъ моей жизни, я вижу, что онъ проведенъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ напр. двадцать второй. Правда, что въ моемъ положеніи мудрено дѣлать какія-бы то ни было глупости, но такъ или иначе, по той или другой причинѣ, а все-таки этотъ годъ прошелъ безъ глупостей, чего никакъ нельзя сказать о его предшественникѣ. Если-бы я былъ на свободѣ, то могу себѣ представить, сколько-бы я надѣлалъ карточныхъ долговъ, сколько-бы я тратилъ силъ на безпорядочныя

удовольствія. Теперь всѣ силы, которыя потратились-бы въ этомъ году, оказываются сбереженными, а это увеличиваетъ тотъ капиталъ, съ котораго придется брать проценты втеченіи всей остальной жизни. Я очень расточителенъ въ отношеніи къ деньгамъ, потому что деньги составляютъ для меня только проценты, но я очень скупъ на капиталъ; т. е. нельзя сказать, чтобы я иногда не пускалъ на вѣтеръ кусочекъ капитала, но повѣришь-ли, мнѣ всегда было жалко и очень тяжело послѣ того, какъ я поступалъ такимъ образомъ. Какъ только проведу безсонную ночь за картами, такъ и начинаю смотрѣть на себя въ зеркало и соболѣзновать о томъ, что лицо осунулось, глаза потускнѣли, значитъ частица силъ израсходована. Ты, какъ человѣкъ благоразумный, спросишь конечно, зачѣмъ-же было глупости дѣлать? На это отвѣчать нечего: слабъ человѣкъ и ни въ чемъ не знаетъ мѣры. Поэтому-то я и радъ, что обстоятельства взялись пріучать меня къ правильному образу жизни и сберегутъ для меня на будущее тѣ силы, которыя я, живя на всей своей волѣ, непремѣнно разбросалъ-бы по сторонамъ, и жалѣлъ-бы, и плакалъ-бы, а все-таки бросалъ. Буду-ли я поступать благоразумнѣе впослѣдствіи?—мнѣ кажется «да»! У меня во многихъ отношеніяхъ расширились и прояснились понятія, а это не можетъ оставаться безъ вліянія на весь образъ дѣйствій. Во-первыхъ, я самъ по себѣ возмужалъ, а во-вторыхъ, долговременное уединеніе подѣйствовало на меня очень хорошо. Уединеніемъ лечатъ нѣкоторые виды сумасшествія, въ томъ числѣ и меланхолію, но уединеніе бываетъ полезно не для однихъ сумасшедшихъ; отъ него выигрываютъ часто люди совершенно здравомыслящіе. Становишься спокойнѣе, выучиваешься сосредоточивать свои мысли и вслѣдствіе этого начинаешь думать успѣшнѣе прежняго. Соображая всѣ эти обстоятельства, я нахожу, что мой 23-й годъ жизни проведенъ какъ нельзя лучше: онъ могъ-бы быть проведенъ пріятнѣе — это правда, но пріятныя ощущенія въ прошедшемъ такъ-же интересны, какъ хорошій обѣдъ, съѣденный недѣлю тому назадъ. Мало-ли что было, да прошло. Прошедшее интересно для меня настолько, насколько оно оставляетъ что-нибудь для настоящаго и будущаго, т. е. насколько оно увеличиваетъ капиталъ, съ котораго мы беремъ проценты. А въ этомъ отношеніи послѣдній годъ сдѣлалъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ, и потому я имъ совершенно доволенъ. Къ начинающемуся году (24-му) моей жизни я подхожу съ особеннымъ любопытствомъ, гдѣ и какимъ образомъ придется провести его. Вопросъ этотъ не лишенъ занимательности, но могу сказать, положа руку на сердце, что задаю его себѣ безъ малѣйшаго волненія. Къ живому любопытству не примѣшиваются ни мечтательныя надежды, ни мрачныя опасенія, нѣтъ и такого равнодушія, которое было-бы похоже на апатію. Просто любопытно слѣдить за событіями собственной жизни... Иногда кажется, что романъ растянутъ и что событія слишкомъ медленно развиваются, но такъ какъ знаешь, что нетерпѣніе ни къ чему не ведетъ, то очень скоро миришься съ этимъ. Все это время я чувствовалъ себя такъ хорошо, что продолжается и теперь, такъ что

даже осень не раздражаетъ меня, несмотря на то, что я терпѣть не могу этого времени года»...

Въ этомъ-же письмѣ есть кое-что о Рансѣ:

«Кстати — получаешь-ли ты извѣстія о Рансѣ? Если получаешь, сообщи мнѣ, что знаешь о ней, а если не получаешь, то пожалуйста постарайся получить. Меня очень интересуетъ все, что касается до нея... Я думаю о ней часто, иногда съ досадою, иногда съ грустью, иногда съ добрымъ чувствомъ и съ сильнымъ желаніемъ увидѣть ее... Когда я говорю о своей грусти, то ты при этомъ должна имѣть въ виду, что для меня всякая грусть несравненно легче насморка и вообще моя грусть похожа на то чувство, которое въ другихъ людяхъ возбуждается какимъ-нибудь трогательнымъ романомъ. Но какъ-бы то ни было, мнѣ-бы хотѣлось знать, что съ нею дѣлается, и ты, другъ мой maman, сдѣлаешь мнѣ большое одолженіе если сообщишь что-нибудь о ней».

Обыкновенный припѣвъ, которымъ заканчиваетъ Писаревъ свои письма, таковъ: «Что мнѣ дѣлается! — по обыкновенію здоровъ и счастливъ».

Жажда жизни, дѣятельности не умолкаетъ въ немъ ни на минуту. То и дѣло строитъ онъ планы будущаго, т. е. будущихъ работъ. Подъ работой-же для себя онъ разумѣетъ понятно прежде всего литературу.

«Для меня,—пишетъ онъ,—журналистъ есть высшій идеалъ человѣка и благороднѣйшее существо. Я, какъ хорошій ремесленникъ, горжусь своимъ ремесломъ точно такъ-же, какъ имъ гордится въ Германіи каждый сапожникъ и булочникъ. Впрочемъ, если обстоятельства заставятъ отправиться въ мѣста отдаленнѣйшія и бросить журналистику, то и тутъ плакать нечего: куда-бы меня ни отправили, вѣдь дороги всюду есть, а средства на проѣздъ для тебя и Вѣрочки можно будетъ найти. Вѣдь я не безрукій и не безголовый человѣкъ. Работа найдется, а если будетъ работа, то средства будутъ. Неужели я только и способенъ быть, что литераторомъ? Въ случаѣ надобности, съумѣю быть и конторщикомъ, и домашнимъ учителемъ. Но, разумѣется, это лишь въ случаѣ безусловной крайности.»

«Журналистика—пишетъ онъ отъ 24 дек. 64 г.—мое призваніе. Это я твердо знаю. Написать въ мѣсяцъ отъ 4 до 5 печатныхъ листовъ я могу незамѣтно и уже нисколько не угруждая себя; форма выраженія дается мнѣ теперь еще легче, чѣмъ прежде, но только я становлюсь строже и требовательнѣе къ себѣ въ отношеніи мысли, больше обдумываю, стараюсь яснѣе отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что пишу».

Съ особеннымъ наслажденіемъ строитъ Писаревъ планы своихъ будущихъ литературныхъ работъ.

«Мой взглядъ на вещи,—говоритъ онъ—и тотъ планъ, по которому я намѣренъ современемъ построить мою жизнь и дѣятельность, вы-

ясняются для меня съ каждымъ днемъ явственнѣе и отчетливѣе. Если мнѣ удастся выйти опять на ровную дорогу, т. е. жить въ Петербургѣ и писать въ журналѣ, то я навѣрное буду самымъ послѣдовательнымъ изъ русскихъ писателей и доведу свою идею до такихъ ясныхъ и осязательныхъ результатовъ, до какихъ еще никто не доводилъ раньше меня».

«Всѣ наши хорошіе писатели имѣли значительную слабость къ общимъ разсужденіямъ и высшимъ взглядамъ, и у меня есть эта слабость, хотя я еще и не считаю себя хорошимъ писателемъ; но я понимаю, несмотря на эту слабость, что общія разсужденія и высшіе взгляды составляютъ совершенно безполезную роскошь и мертвый капиталъ для такого общества, которому недостаетъ самыхъ простыхъ и элементарныхъ знаній. Поэтому обществу надо давать эти необходимыя знанія, т. е. знакомить публику съ лучшими представителями европейской науки. Мнѣ эти задачи во всѣхъ отношеніяхъ по душѣ и по силамъ. Во-первыхъ, я пишу, какъ тебѣ извѣстно, чрезвычайно быстро; во-вторыхъ, я пишу весело и занимательно; въ-третьихъ, я усвоиваю себѣ очень легко чужія мысли, такъ что могу передавать ихъ совершенно понятнымъ образомъ; и, наконецъ, въ-четвертыхъ, я одержимъ страстною охотою читать. Всѣ эти свойства до сихъ поръ все еще растутъ и развиваются во мнѣ, такъ что каждая новая статья моя выходитъ живѣе и пишется легче, чѣмъ предыдущія. При такихъ условіяхъ, я, ни мало не утомляя себя, могу писать по 50 листовъ въ годъ, т. е. по 800 страницъ. Стоитъ только выбирать тщательно сюжетъ статей, и такимъ образомъ публика ежегодно будетъ получать цѣлую массу знаній по самымъ разнороднымъ предметамъ. Припомни теперь, сколько пользы принесъ Бѣлинскій, и сообрази, что Бѣлинскій ограничивается почти исключительно областью литературной критики; кромѣ того Бѣлинскій былъ человѣкъ больной и раздражительный, что непремѣнно мѣшало ясности и послѣдовательности работы. Принявши все это въ разсчетъ, ты поймешь, сколько настоящей пользы могу принести я при моемъ порядочномъ здоровьѣ, при моей способности писать, не раздражаясь, при моей ненависти къ фразамъ и при моемъ постоянномъ стремленіи доказывать и объяснять, придерживаясь метода опытныхъ наукъ...»

«Умственный» демократизмъ Писарева очевидно развивался. Мало того—онъ нашелъ себѣ великое основаніе въ чувствѣ любви къ ближнему:

«Теперь къ моему характеру—пишетъ онъ 17 янв. 1865 года—присоединилась еще одна черта, которой въ немъ прежде не существовало. *Я началъ любить людей вообще, а прежде, и даже очень недавно, мнѣ до нихъ не было никакого дѣла.* Прежде я писалъ отчасти ради денегъ, отчасти для того, чтобы доставить себѣ удовольствіе; мнѣ пріятно было излагать мои мысли, и больше я ни о чемъ не думалъ и не хотѣлъ думать. А теперь мнѣ представляется часто, что мою статью читаетъ гдѣ-нибудь въ глуши очень молодой чело-

вѣкъ, который еще меньше моего жилъ на свѣтѣ и очень мало знаетъ, а между тѣмъ желалъ-бы что-нибудь узнать. И вотъ, когда мнѣ представляется такой читатель, то мною овладѣваетъ самое горячее желаніе сдѣлать ему какъ можно больше пользы, наговорить ему какъ можно больше хорошихъ вещей, надавать ему всякихъ основательныхъ знаній и главное возбудить въ немъ охоту къ дѣльнымъ занятіямъ.

«Это навѣрное отражается и въ изложеніи моихъ статей, и въ выборѣ ихъ сюжетовъ, и это придаетъ процессу работы особенную прелесть для меня самого. Работа перестаетъ быть дѣломъ одной мысли и начинаетъ удовлетворять потребности чувства»...

Послѣ этихъ теплыхъ, истинно-писательскихъ словъ Писаревъ возвращается къ своей мечтѣ быть распространителемъ дѣльныхъ знаній среди публики. Онъ самъ для этого хочетъ учиться и учиться:

«Я съ самаго начала такъ повелъ свою жизнь, что мнѣ неудобно приниматься теперь самому за микроскопы и за анатомическій ножъ, но я перечитаю все, что есть замѣчательнаго по естествознанію, и, какъ диллетантъ, принесу много пользы распространеніемъ дѣльныхъ свѣдѣній посредствомъ журнальныхъ статей».

Этому идеалу тихой труженической жизни Писаревъ подыскиваетъ такую-же тихую семейную обстановку:

«Литературныя занятія—пишетъ онъ матери—въ настоящее время не только могутъ прокормить человѣка, но даже могутъ составить ему обезпеченное состояніе. А я нахожусь въ особенно выгодномъ положеніи, потому что я первый содѣйствовалъ успѣху „Русскаго Слова“ въ то время, когда еще этотъ журналъ былъ совершенно неизвѣстенъ. Издатель его въ твоемъ присутствіи предлагалъ взять меня въ долю, какъ только журналъ будетъ приносить барышъ *)... Все это я говорю для того, чтобы ты не осмѣлилась думать, что я, женившись, не буду въ состояніи осуществить нашихъ общихъ и самыхъ задушевныхъ мечтаній о глубокой комнатѣ и о томъ большомъ креслѣ (напротивъ письменнаго стола), на которомъ будетъ сидѣть мамаша со свойственною ей важностью на лицѣ, съ разными спицами и вязаньями въ рукахъ и постоянною улыбкою на губахъ. Глубокая комната, большое кресло и всѣ аксессуары составляютъ самое основаніе моихъ плановъ о женитьбѣ. Это только одна изъ принадлежностей, какая можетъ быть и не быть, смотря по обстоятельствамъ. Но мнѣ кажется, что женитьба составляетъ для меня чистый разсчетъ, это вѣрное средство совершенно остепениться, сидѣть дома, много работать и отдыхать такъ, чтобы отдыхъ дѣйствительно освѣжалъ голову, вмѣсто того, чтобы еще болѣе отуманивать ее... Я не желалъ-бы во второй разъ сдѣлать любовь къ женщинѣ высшимъ интересомъ моей жизни, но я думаю, что этого боль-

*) Одно изъ bon-mots Благосвѣтлова, которому Писаревъ по своей наивности вѣрилъ.

ше со мною и не случится. Но я знаю, что я способенъ быть очень хорошимъ мужемъ, т. е. я буду постоянно любить и уважать ту женщину, какая согласится быть моею женой и съумѣетъ хоть немного понять и полюбить меня. Ты знаешь, что я не требователенъ въ отношеніи къ моимъ друзьямъ и что со мной почти невозможно поссориться. Представь себѣ эти свойства моего характера въ семейной жизни и ты увидишь, что будущая жена моя будетъ очень счастливою женщиною. Если-бы даже она стала требовать отъ меня безусловной супружеской вѣрности, то и съ этой стороны я-бы вполнѣ удовлетворилъ ее, а по той простой причинѣ, что мнѣ нѣкогда было-бы измѣнять...»

Надо замѣтить, что, сидя въ крѣпости, Писаревъ вообще довольно старательно обсуждалъ матримоніальные проэкты. Тишина и уныніе каземата много способствовали этому обстоятельству. У насъ сохранилось даже нѣсколько писемъ его къ нѣкоей Лидіи Осиповнѣ, дѣвушкѣ, Писареву совершенно незнакомой, о которой онъ зналъ лишь изъ писемъ сестры и матери. Съ своей обычной поразительной наивностью Писаревъ предлагаетъ Лидіи Осиповнѣ руку и сердце, такъ сказать, заочно и покорнѣйше проситъ подождать его освобожденія. Ничего особенно страннаго въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ, такъ какъ казематъ несомнѣнно развилъ въ Писаревѣ нѣкоторую мечтательность, и мысль его сосредоточилась возлѣ бѣлокурой головки Лидіи Осиповны, тѣмъ болѣе, что мать и сестра въ каждомъ письмѣ своемъ напоминали ему о ней. Но эти мечты разлетѣлись, какъ дымъ, послѣ того какъ Раиса, вернувшаяся въ Петербургъ, пожелала свидѣться съ своимъ «хроническимъ женихомъ». Старая страсть вспыхнула, и при томъ въ такой необузданной формѣ, что Раиса испугалась—хотя она была дамой нетрусливаго десятка—и поспѣшила заявить, что какъ прежде, такъ и теперь, никакой надежды нѣтъ. Писаревъ отвѣчалъ ей на это письмомъ—однимъ изъ тѣхъ писемъ, въ которыхъ онъ съ такою яркостью умѣлъ характеризовать свое настроеніе.

«Mia cara! Въ твоемъ послѣднемъ письмѣ ты очень остроумно сражаешься съ вѣтряными мельницами; никакого хроническаго жениха тебѣ не предстоитъ, и, чтобы совершенно успокоить тебя, даю тебѣ конституціонную хартію нашихъ будущихъ отношеній. Когда я буду вполнѣ располагать своими поступками, тогда я предложу тебѣ письменно вопросъ: «желаешь ли ты меня видѣть или нѣтъ?» и если ты не отвѣтишь мнѣ просто и ясно, что «желаю», то и не увидишь меня. Если намъ придется увидѣться, то разумѣется о любви съ моей стороны не будетъ и слова до тѣхъ поръ, пока ты сама этого не пожелаешь. На безбрачіе я себя не обрекаю, но намѣренъ жениться только тогда, когда совершенно ошалѣю отъ любви

къ какому-нибудь субъекту, но теперь мнѣ этими пустяками заниматься некогда, во 1-хъ, потому что я—казенная собственность, во 2-хъ, потому что намъ даютъ карательную цензуру, которая наполняетъ теперь всѣ мои помыслы. Вообще-же я думаю, что жизнь велика и что много чудныхъ перловъ скрыто въ ея глубинѣ. Пользоваться этими перлами я вовсе не прочь, но отыскивать ихъ не намѣренъ, потому что надо работать, а не шелопайствовать. Когда-же нѣкій перлъ самъ влѣзетъ мнѣ въ руки, я его не выпущу. Довольны-ли вы этимъ, злобствующая лэди Макбетъ и свирѣпая разрушительница вѣтряныхъ мельницъ? Если довольны, то не смѣйте говорить, что я добиваюсь пріятельскихъ отношеній съ вами. Я другъ вашего дѣтства и потому добиваться какихъ-то пріятельскихъ отношеній мнѣ совсѣмъ не къ лицу. Кромѣ того я ничего не намѣренъ отъ тебя добиваться. Довольно я поползалъ передъ тобой на колѣняхъ; наконецъ-то мнѣ это глупое занятіе надоѣло и съ этой минуты я поднимаюсь на ноги и выпрямляюсь во весь ростъ. Любить я тебя вѣроятно буду всегда, но добиваться—баста. Что дашь—спасибо, а просить не желаю... До свиданья»...

И это письмо дышетъ той-же энергіей и бодростью убѣжденнаго работника. Но разумѣется минуты унынія находили и на Писарева, хотя онъ лишь вскользь и какъ-то неохотно упоминаетъ о нихъ.

«Я—пишетъ онъ—человѣкъ полный жизни; мнѣ необходимо, чтобы жизнь затрогивала меня съ разныхъ сторонъ, а между тѣмъ жизнь моя полтора года тому назадъ остановилась и замерзла въ одномъ положеніи. Сначала самая остановка эта, самый застой жизни былъ для меня новымъ и очень сильнымъ впечатлѣніемъ, но теперь я уже извлекъ изъ этого новаго положенія все, что можно было извлечь. Я развился и окрѣпъ въ моемъ уединеніи, и теперь я чувствую, что мнѣ было-бы очень полезно и пріятно перейти въ какую нибудь новую сферу жизни. Я залежался на одномъ мѣстѣ и потому буду чрезвычайно радъ, когда меня куда нибудь сдвинутъ. Куда—я объ этомъ не спрашиваю. Я ко всему съумѣю привыкнуть и всегда найду возможность быть спокойнымъ и довольнымъ.»

18 ноября 1866 г. Писаревъ былъ освобожденъ, просидѣвши въ крѣпости 4 года 4 мѣсяца и 15 дней. Ко времени пребыванія Писарева въ крѣпости относится небольшое воспоминаніе Н. Шелгунова, которымъ я и позволю себѣ закончить эту главу: «Въ 1863 г. разсказываетъ Н. Шелгуновъ, когда я находился въ алексѣевскомъ равелинѣ, я узналъ отъ Палисадова (бывшаго тогда протоіереемъ Петропавловскаго собора), что Писаревъ находится тоже въ заключеніи. И къ Писареву, и ко мнѣ отецъ Палисадовъ проявлялъ большое вниманіе и часто къ намъ заходилъ. Писаревъ не довѣрялъ Палисадову и приписывалъ его посѣщенія причинамъ, которыхъ нельзя было-бы оправдать, если-бы Писаревъ не ошибался. Пали-

садовъ былъ въ этомъ отношеніи внѣ всякихъ подозрѣній и держалъ себя умно, съ тактомъ и осторожно. По крайней мѣрѣ такимъ я его помню. Отъ Палисадова я зналъ, что Писаревъ находился постоянно въ сильно возбужденномъ состояніи. Былъ даже такой случай. Раздражившись на Палисадова, Писаревъ выгналъ его изъ своей камеры и бросилъ за нимъ по корридору книгой. Палисадовъ отзывался о Писаревѣ съ глубокимъ уваженіемъ и сочувствіемъ и видимо старался облегчить ему его одиночество» за что ему, разумѣется, большое спасибо.

IX.

Міросозерцаніе Писарева. — Эмансипація личности. — Утилитаризмъ. — «Реалисты». — Принципъ экономіи силъ. — Любовь, трудъ, знаніе. — Разладъ съ «Современникомъ». — Отношеніе Писарева къ народу. — Педагогическіе взгляды Писарева.

Выступая сотрудникомъ «Русскаго Слова», Писаревъ былъ твердо убѣжденъ лишь въ одномъ догматѣ будущаго своего міросозерцанія. Этимъ догматомъ была эмансипація личности путемъ настойчивой работы ума и критической мысли. Несмотря ни на что, ни на семейныя связи, ни на общественные приличія и обычаи, ни на предразсудки, которые быть можетъ и даже навѣрное дороги ей, какъ воспоминанія дѣтства, какъ совѣтъ и убѣжденія близкихъ людей, личность должна выработать свою собственную свободу и самостоятельность, свою физіономію и смѣло предстать съ нею передъ лицомъ всего міра. На что-же можетъ опереться эта эмансипированная личность? Такъ или иначе ей придется утерять многое, что прежде поддерживало ее,—утерять наивность своихъ вѣрованій, такъ содѣйствующихъ спокойствію духа, утерять привязанность и выйти изъ теплаго дома традицій, приличій, повиновенія—на бурю и непогоду самостоятельной жизни. Для такого подвига нуженъ стимулъ, нуженъ мотивъ достаточно сильный, чтобы предпочесть свободу и одиночество, борьбу и усилія уютной обстановкѣ родительскаго и прародительскаго дома. Гдѣ-же найти этотъ стимулъ? Писаревъ отвѣчаетъ на это очень обстоятельно:

Въ работѣ критической мысли.

Въ наслажденіи самостоятельности.

Въ наслажденіи развитія.

«Всѣ ищутъ счастья, но истинное счастье человѣкъ можетъ найти лишь тогда, когда станетъ самимъ собой, когда найдетъ возможность свободно проявлять свои мысли и чувства и опредѣлитъ влеченія своей природы».

Стимуломъ является счастье, наслажденіе. Но *какое* счастье, *какое* наслажденіе? На этотъ пунктъ писаревской доктрины до сихъ поръ не достаточно обращали вниманія. Правда, философски онъ не разработалъ его и, какъ въ большей части случаевъ, говорилъ отъ себя, опираясь на собственный личный опытъ. Разумѣется онъ началъ съ самаго элементарнаго и энергично включалъ въ область наслажденія все, что доставляетъ человѣку пріятныя эмоціи, все что неотразимо влечетъ его къ себѣ, все, чѣмъ обладаніе доставляетъ физическое или нравственное удовлетвореніе. «Fais ce que voudras» — говорилъ онъ въ сущности и лишь въ свободѣ другихъ видѣлъ ограниченіе личности. Замѣтимъ кстати, что въ этомъ періодѣ наиболѣе истиннымъ опредѣленіемъ государства онъ считалъ «охранительное учрежденіе, избавляющее отдѣльную личность отъ оскорбленій и нападокъ со стороны внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ».

«Будь самимъ собою», живи въ собственное свое удовольствіе и не обращай вниманія на то, что говоритъ о тебѣ общество.

«Тѣ условія,—пишетъ Писаревъ,—при которыхъ живетъ масса нашего общества, такъ неестественны и нелѣпы, что человѣкъ, желающій прожить дѣльно и пріятно, долженъ совершенно оторваться отъ нихъ. Это возможно, такъ какъ если вы однажды навсегда рѣшитесь махнуть рукой на пресловутое общественное мнѣніе, какое слагается у насъ изъ очень неблаговидныхъ матеріаловъ, то васъ право скоро оставятъ въ покоѣ; сначала потолкуютъ, подивятся, или даже ужаснутся, но потомъ, видя, что вы не обращаете вниманія и что эксцентричности ваши идутъ своимъ чередомъ, публика перестанетъ вами заниматься»...

Передъ личностью открываются завлекательныя перспективы, она можетъ любить, вѣрить, ненавидѣть, страдать и наслаждаться не съ чужого голоса, не съ точки зрѣнія общепринятаго и общепризнаннаго, а опираясь на истинный источникъ всякой радости и счастья—на влеченія собственной натуры. Осуществится, скажемъ мы отъ себя, тотъ идеалъ, о которомъ когда-то мечтали Эпикуръ, Рабле, Фурье, Морелли, изъ жизни исчезнетъ идея и обязательства, такъ какъ нѣтъ истины въ нихъ, такъ какъ, ломая себя, подчиняя свое влеченіе внѣшнему началу, человѣкъ по необходимости

лжетъ передъ великимъ судьей — своей природой, своей неотразимой потребностью свободно любить, свободно вѣрить.

«Человѣкъ, говоритъ Писаревъ, дѣйствительно уважающій человѣческую личность, долженъ уважать ее въ своемъ ребенкѣ, начиная съ той минуты, когда ребенокъ почувствуетъ свое «я» и отдѣлитъ себя отъ окружающаго міра. Все воспитаніе должно измѣниться подъ вліяніемъ этой идеи; когда она глубоко проникнетъ въ сознаніе каждаго взрослаго недѣлимаго, всякое принужденіе, всякое насиліе воли ребенка, всякая ломка его характера сдѣлаются невозможными, мы поймемъ тогда, что формировать характеръ ребенка — нелѣпая претензія; мы поймемъ, что дѣло воспитателя заботиться о матеріальной безопасности ребенка и доставлять его мысли матеріалы для переработки; кто старается сдѣлать больше, тотъ посягаетъ на чужую свободу и воздвигаетъ на чужой землѣ зданіе, которое хозяинъ непремѣнно разрушитъ, какъ только вступитъ во владѣніе. Когда мы поймемъ все это? не знаю»...

Тотъ-же вопросъ Писаревъ смѣло могъ-бы повторить и въ настоящее время. Цѣнность ярко выраженной индивидуальности понимаютъ отдѣльныя единицы; громадное-же большинство торопится слиться съ массовымъ началомъ и дурно-ли хорошо провести жизнь подъ его прикрытіемъ. Оставляя въ сторонѣ причины мы можемъ признать, что однимъ изъ самыхъ яркихъ явленій въ жизни личности нашихъ дней является боязнь самой себѣ, иногда совершенно основательный, а подчасъ и совершенно ребяческій страхъ передъ своей мыслью, своей вѣрой и убѣжденіемъ, даже любовью. Обращусь для подкрѣпленія своего взгляда къ Глѣбу Успенскаго. Всякій знаетъ, что этотъ талантливый писатель далеко не въ восторгѣ отъ современности и постоянно жалуется на нее. Онъ жалуется на многое, но среди его жалобъ особенно рѣзко и настойчиво звучитъ одна — это жалоба на обездушеніе, на обезличенія, какъ на главнѣйшій результатъ воздѣйствія нашей жизни на человѣка. Въ какихъ комическихъ по формѣ и грустныхъ по существу проявляется порою у героевъ Успенскаго желанія быть *собою*, хоть что нибудь сдѣлать по своему, хоть чѣмъ нибудь да проявить *себя*. Припомните напр. мѣщанина, убѣжавшаго на берегъ рѣки отъ самодурства «мамыки». «Мѣщанинъ снялъ сапогъ, сталъ его разсматривать, стучать по немъ кулакомъ и бормотать: «что-же... Ничего! Возьму вотъ сыму... сапогъ...д-да! а потомъ надѣну... Ничего? И другой сыму... И над-дѣну... И преотлично! Плевать мнѣ на»... Бѣдняга утѣшается своей свободой въ дѣлѣ надѣванія и сыманія сапога, а любви своей не съумѣлъ и не смѣлъ отстоять! Припомните лѣтяя того-же Успенскаго къ которому, еще совсѣмъ мальчику, шло столько бородатаго народа, по-

тому, что у мальчика было что-то *свое* за душой... Но вотъ мѣсто гдѣ Успенскій словами старика изъ «Заячьей совѣсти» особенно полно высказываетъ свои мысли: «Сердца въ людяхъ нѣтъ—сказалъ старикъ—вотъ нынѣшнее поколѣніе. Можетъ-ли онъ быть гнѣвенъ или можетъ быть онъ добръ?.. Нѣту!.. Плюнь ему въ рожу—у него рука не осмѣлится на оплеуху... Попадѣйся на него—не выручитъ»... Но хорошо-ли по крайней мѣрѣ самому этому обездушенному герою современности?—можетъ-ли онъ по крайней мѣрѣ для себя разсчитывать на здоровую человѣческую жизнь? «Нѣтъ, ангелъ мой, продолжаетъ тотъ-же старикъ, не получишь ты развлеченія настоящаго, потому что сердце твое неправильное; направленіе то въ немъ заячье... Оно говоритъ: «жалѣй»—а ты боишься,—оно говоритъ: «не стерпи, возопи»—а ты опять боишься, ну и стало-быть неопрятно у тебя на сердцѣ то... И идетъ по землѣ не жизнь а такъ гнилье грибное.

Впрочемъ, увеличивать цитаты изъ Успенскаго безполезно; ежеминутно возвращается онъ къ своей излюбленной мысли ежеминутно скорбитъ, что человѣка-то въ жизни нѣтъ. Таже тоска о человѣкѣ—сущность поэзіи Гаршина, источникъ негодованія Щедрина. И вѣдь на самомъ дѣлѣ есть о чемъ тосковать, изъ за чего негодовать. Съ заячьей душой, съ болзнью самого себя, своего чувства и мысли не уйдетъ далеко никто. Его наука — разъ онъ человѣкъ науки—не двинется за цитаты изъ первоисточниковъ и установленіе хронологическихъ датъ;—его искусство ограничится «реалистическимъ» изображеніемъ телеграфныхъ столбовъ, его любовь изчезнетъ и расплывется въ страхѣ передъ семьей и семейными заботами, его дружба не выдержитъ ни одного испытанія—да и способенъ-ли онъ еще на настоящую любовь и дружбу, вмѣсто которыхъ давно уже изобрѣтено столько развратныхъ фальсификацій... Человѣкомъ будь! училъ Писаревъ... Какъ сдѣлаться имъ?—спрашиваемъ мы...

Итакъ, прежде всего передъ нами: 1) *Идея эмансипаціи личности.*

Переходимъ къ другой: 2) *Идея утилитаризма*, за которую, кстати замѣтить, Писареву достается теперь больше, чѣмъ за что нибудь другое. Откуда появилась она у него?

«Вѣдь если-бы,—говоритъ А. М. Скабичевскій,—Писаревъ захотѣлъ проводить свою теорію до конца и быть послѣдовательнымъ ей, то онъ долженъ-бы оправдать и чистое искусство, у научное педантство, противъ которыхъ въ то время самъ ратовалъ... Это будетъ

показывать только, что у одного одни естественныя влеченія, у другого—другія, у третьяго—третьи»...

Разумѣется, такъ оно и должно-бы случиться, но Писаревъ очень скоро сталъ самымъ горячимъ и убѣжденнымъ пропагандистомъ идеи пользы. Первое время онъ хваталъ даже черезъ край въ этомъ отношеніи, въ чемъ и отдаемъ ему полную справедливость. Многое, очень многое потянуло Писарева къ «пользѣ», т. е. самой презрѣнной пользѣ, которая, по мнѣнію одного современнаго молодого писателя, «омрачила столько умовъ». Омрачился ею и Писаревъ. Прежде всего, надо замѣтить, что, начавши работать въ «Русскомъ Словѣ», онъ попалъ въ компанію искреннихъ утилитаріанцевъ, какъ напр. Зайцева, Соколова и т. д. Plus royalistes que le roi, эти господа носились съ «пользой», какъ съ писаной торбой, ежеминутно утрируя вполнѣ вѣрную идею Милля. Но Писаревъ пошелъ и въ этомъ случаѣ своей дорогой, и если утилитаріанцы «Русскаго Слова» оказывали на него вліяніе, то развѣ на первыхъ порахъ. Затѣмъ онъ несомнѣнно ознакомился за это время съ произведеніями Добролюбова и Чернышевскаго, которыхъ раньше онъ зналъ только по наслышкѣ. Уже во второй половинѣ своей статьи «Схоластика XIX вѣка» Писаревъ очень почтительно отзывается о Чернышевскомъ, а впослѣдствіи написалъ о его произведеніяхъ двѣ глубоко сочувственныя статьи: «Мыслящій пролетаріатъ» и «Разрушеніе эстетики».

Мнѣ кажется, что и самая журнальная работа должна была приблизить Писарева къ точкѣ зрѣнія «общеполезнаго», хотя на первыхъ порахъ онъ и открещивался отъ нея, если не въ статьяхъ, то по крайней мѣрѣ въ разговорахъ и письмахъ. Еще въ 61 и 62-мъ годахъ Писаревъ откровенно изъяснялъ, что гражданскіе подвиги и идея добра, «пользы» его рѣшительно не вдохновляютъ. Почему?—по той простой причинѣ, что гражданскіе подвиги и служеніе идеѣ добра, разъ нѣтъ къ тому спеціальнаго влеченія природы, являются своего рода рабствомъ, по меньшей мѣрѣ крѣпостнымъ состояніемъ.

Но Писаревъ принялся за постоянное сотрудничество и видѣлъ, что статьи его пользуются успѣхомъ. Какъ-же смотрѣть на литературную дѣятельность и на назначеніе литературы? Вотъ этотъ вопросъ долженъ былъ встать передъ его яснымъ и проницательнымъ умомъ во всей своей наготѣ и откровенности. Другое дѣло, будь у него чисто художественный талантъ, онъ бы могъ еще спрятаться за

ширмы «творчества», «божественнаго глагола» и т. д. Но публицисту это сдѣлать совсѣмъ не легко. Натура-же прямо толкала Писарева на публицистическую дѣятельность. Одинъ, два опыта въ области беллетристики прекрасно доказали ему, что тутъ даже г-жа Попова — увы! уже забытая писательница душераздирательныхъ, преисполненныхъ гражданскою скорбью и «эмансипаціей женщинъ» повѣстей, — куда выше его, такъ какъ она все-же умѣла связать начало съ концомъ, запутать и распутать интригу и хотя и суздальскими штрихами, но все-же рисовала характеры. А Писаревъ этого не умѣлъ. Начатая имъ незадолго до поступленія въ больницу Штейна повѣсть благополучно прекратилась на третьей главѣ, такъ какъ Писаревъ никакъ не могъ выбраться изъ отвлеченныхъ разсужденій и «заставить своихъ персонажей ходить, сидѣть, цѣловаться». Умъ его былъ слишкомъ аналитическій, воображеніе— слишкомъ слабое. Публицистическая критика—вотъ его настоящее призваніе, но, спрашивается, что-же это за публицистъ, который-бы такъ или иначе, въ той или другой формѣ не держался идеи общественной пользы? Это что-то совершенно особенное, не сообразное, вродѣ художника, отрицающаго цвѣта и краски, или музыканта, не признающаго тона. «Литература полезна»—это Писаревъ твердо зналъ и твердо вѣрилъ, но разумѣется это ужъ его дѣло рѣшать, какъ и въ какомъ смыслѣ она можетъ быть полезной *).

Невозможно наконецъ предположить, чтобы такая чуткая и впечатлительная натура, какъ Писаревъ, проходила мимо очевидныхъ явленій своего времени съ равнодушіемъ глухо-нѣмого или заядлаго теоретика. Его упрекаютъ даже за излишнюю чуткость, и какъ-же могъ онъ не воспринять идеи общественной пользы, которая въ то время такимъ широкимъ потокомъ разлилась и по западной Европѣ, и у насъ! Время было горячее, особенно въ 61-мъ году, основа старо-русскаго быта, т. е. крѣпостное право, была наконецъ уничтожена. Случилось и еще нѣчто: русскимъ людямъ дали право свободно мыслить и разсуждать, съ большей или меньшей степенью свободы оцѣнивать достоинства и недостатки патріархальнаго быта, закабаленія женщинъ и т. д. Мысль встрепенулась, записали безчисленныя перья и стали перебирать всѣ стороны нашей

*) О назначеніи литературы Писаревъ высказался уже въ статьѣ „Схоластика“ и пр. См. выше.

жизни. Послѣ того какъ пало крѣпостное право, если не все то многое казалось возможнымъ, осуществимымъ, и настроеніе общества—по крайней мѣрѣ лучшихъ представителей—было глубоко-практическое, дѣйствующее.

Людей 60-хъ годовъ Шелгуновъ называетъ *идеалистами земли*. Этимъ онъ хочетъ сказать, что они горячо и страстно вѣрили, но вѣра ихъ не уходила за предѣлы небеснаго свода, а вращалась исключительно возлѣ человѣческаго счастья здѣсь на землѣ. Какъ-бы устроить человѣку хорошее и спокойное существованіе, какъ-бы обезпечить его мысль, достоинство, свободу отъ какихъ-бы то ни было случайностей, какъ-бы дать ему свободное время, чтобы онъ успѣвалъ и поучиться, и подумать... Люди увлекались этими вопросами, тратили на ихъ разрѣшеніе всѣ силы своихъ недюжинныхъ талантовъ...

Повторяю, идея общественной пользы—сама по себѣ обязательная для публициста—висѣла въ воздухѣ и проникала ту атмосферу, въ которой жилъ и дышалъ Писаревъ.

Совершенно естественно, что, какъ литераторъ и критикъ, онъ прежде всего приложилъ ее къ литературѣ и художественнымъ произведеніямъ. Отъ литературы онъ требовалъ, чтобы она, оставивъ высоты теорій и отвлеченности, спустилась на землю и приялась за просвѣщеніе публики общепонятнымъ языкомъ и на фактическомъ основаніи. Отъ художественнаго произведенія онъ требовалъ цѣннаго содержанія, которое могло-бы расширить кругозоръ читателя. Онъ—одно время по крайней мѣрѣ—вдавался въ крайность и доходилъ до отрицанія формы. Впрочемъ вотъ его подлинныя слова изъ статьи «Разрушеніе эстетики»:

«Содержаніе, достойное вниманія мыслящаго человѣка, одно только въ состояніи избавить искусство отъ упрека, будто-бы оно — пустая забава». Цитируя эти слова Чернышевскаго, Писаревъ прибавляетъ отъ себя: «Что такое мыслящій человѣкъ? Что именно достойно вниманія мыслящаго человѣка? Эти вопросы опять-таки должны рѣшаться каждымъ отдѣльнымъ критикомъ. А между тѣмъ отъ рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приговоръ критика надъ художественнымъ произведеніемъ. Рѣшивши, что содержаніе неинтересно или, другими словами, недостойно вниманія мыслящаго человѣка, критикъ, основываясь на подлинныхъ словахъ автора «Эстетическихъ отношеній», имѣетъ полное право посмотрѣть на данное произведеніе съ презрѣніемъ или сострадательной улыбкой. Положимъ теперь, что одинъ критикъ посмотритъ на художе-

ственное произведеніе съ презрѣніемъ, а другой—съ восхищеніемъ. Столкнувшись такимъ образомъ въ своихъ сужденіяхъ, они затѣваютъ споръ. Одинъ говоритъ: содержаніе неинтересно и недостойно вниманія мыслящаго человѣка; другой говоритъ: интересно и достойно. Само собою понятно, что споръ между этими двумя критиками будетъ происходить совсѣмъ не на эстетической почвѣ, они будутъ спорить между собой о томъ, что такое мыслящій человѣкъ, что долженъ этотъ человѣкъ находить достойнымъ своего вниманія, какъ долженъ онъ смотрѣть на природу и общественную жизнь. Объ искусствѣ между ними не будетъ сказано *ни слова*, потому что смыслъ всего спора будетъ заключаться *въ содержаніи*, а не въ формѣ художественнаго произведенія.»

Крайности, до которыхъ Писаревъ одно время своей дѣятельности доводилъ эти взгляды, общеизвѣстны; слѣдовательно останавливаться на нихъ нечего. Гораздо любопытнѣе взглянуть на тотъ *синтезъ*, который онъ далъ двумъ краеугольнымъ идеямъ своего міросозерцанія, т. е. эмансипаціи личности и общественной пользы.

*
* *

Статья Писарева «Нерѣшенный вопросъ» или «Реалисты», испытавшая на себѣ во время печатанія въ журналѣ нѣчто вродѣ «геологическаго переворота», представляетъ настоящее profession de foi—исповѣданіе вѣры. Она очень объемиста, около 150 страницъ убористой печати, въ смыслѣ же страстности и блеска изложенія можетъ быть причислена къ лучшимъ литературнымъ произведеніямъ публицистики. Съ содержаніемъ «Реалистовъ» намъ необходимо ознакомиться возможно подробнѣе, что впрочемъ совсѣмъ не скучно.

«Мнѣ кажется,—говоритъ Писаревъ,—что въ русскомъ обществѣ начинаетъ вырабатываться въ настоящее время совершенно самостоятельное направленіе мысли. Я не думаю, чтобы это направленіе было совершенно ново и вполнѣ оригинально, но самостоятельность его заключается въ томъ, что оно находится въ самой неразрывной связи съ дѣйствительными потребностями нашего общества». Прежде было иначе: отцы и дѣды забавлялись мартинизмомъ, масонствомъ и вольтерьянствомъ, мыслительная работа была нужна имъ отъ скуки, для ради препровожденія времени, но «мы теперь знаемъ, что́ дѣлаемъ, и можемъ дать себѣ отчетъ, почему мы беремъ именно это, а не другое». У насъ есть дѣйствительныя потребности: «во-первыхъ мы бѣдны, а во-вторыхъ—глупы». Глупость и бѣдность не какія-нибудь мечтательныя бѣдствія, а бѣдствія реальныя, и, чтобы побѣдить ихъ, надо притянуть къ живой, полезной дѣятель-

ности всѣ силы русскаго общества. Гдѣ же и въ чемъ она, эта живая, полезная дѣятельность? «Во-первыхъ извѣстно, что значительная часть продуктовъ труда переходитъ изъ рукъ рабочаго населенія въ руки непроизводящихъ потребителей. Увеличить количество продуктовъ, остающихся въ рукахъ рабочаго, значитъ уменьшить его нищету и дать ему средства къ дальнѣйшему развитію... Во-вторыхъ можно дѣйствовать на непроизводящихъ потребителей, но конечно надо дѣйствовать на нихъ не моральной болтовней, а живыми идеями, и поэтому надо обращаться только къ тѣмъ личностямъ, которыя желаютъ взяться за полезный и увлекательный трудъ, но не знаютъ, какъ приступить къ дѣлу и къ чему приспособить свои силы. Тѣ люди, которые по своему положенію могутъ и по своему личному характеру желаютъ работать умомъ, должны расходовать свои силы съ крайней осмотрительностью и разсчетливостью, т. е. они должны браться только за тѣ работы, которыя могутъ принести обществу дѣйствительную пользу. Такая *экономія умственныхъ силъ* необходима вездѣ и всегда, потому что человѣчество еще нигдѣ и никогда не было настолько богато дѣятельными умственными силами, чтобы позволять себѣ въ расходованіи этихъ силъ малѣйшую расточительность. Между тѣмъ расточительность всегда и вездѣ была страшная, и оттого результаты до сихъ поръ всегда получались самые жалкіе. У насъ расточительность также очень велика, хотя и расточать то намъ нечего. У насъ до сихъ поръ всего какой нибудь двугривенный умственнаго капитала, но мы, по нашему извѣстному молодечеству, и этотъ несчастный двугривенный ставимъ ребромъ и расходуемъ безобразно. Намъ строгая экономія еще необходимѣе, чѣмъ другимъ, дѣйствительно образованнымъ, народамъ, потому что мы, въ сравненіи съ ними,—нищіе. Но, чтобы соблюдать такую экономію, надо прежде всего уяснить и себѣ до послѣдней степени ясности, что̀ полезно обществу и что̀ безполезно. Экономія же умственныхъ силъ и есть не что иное, какъ строгій и послѣдовательный реализмъ».

Какъ же, спрашивается, экономизировать свои силы? Нужно-ли для этого обратиться въ аскета и столпника, у котораго только одна мысль, одно настроеніе? Вся-ли личность принадлежитъ обществу, или же, завися отъ общества, будучи обязанной передъ нимъ, она все же имѣетъ право на самостоятельную жизнь, хотя бы часть этой жизни? «Мы — говоритъ Писаревъ — люди обыкновенные, и если

бы захотѣли выбросить изъ своей жизни чисто личное наслажденіе, то сдѣлали бы себя мучениками и кромѣ того повредили бы даже общему дѣлу; мы бы надорвались, мы бы отняли у себя возможность принести и ту малую долю пользы, которая соотвѣтствуетъ размѣрамъ нашихъ силъ; поэтому намъ не слѣдуетъ надуваться, потому что до вола мы все-таки не дорастемъ, а если лопнемъ, то вмѣсто экономіи окажется чистый убытокъ. Когда вы отдыхаете и наслаждаетесь, тогда никто не имѣетъ права посылать васъ на работу; общее дѣло человѣчества подвигается впередъ не барщинною работою, и сгопять на этотъ трудъ лѣнивыхъ или утомленныхъ людей— значитъ изображать суетливую муху, помогавшую лошадямъ втаскивать въ гору тяжелый рыдванъ... Когда вы отдыхаете, вы принадлежите самому себѣ; когда вы работаете, вы принадлежите обществу... Если же вы никогда не хотите принадлежать обществу, если ваша работа не имѣетъ никакого значенія для него, тогда вы можете быть вполнѣ увѣрены, что вы совсѣмъ никогда не работаете и что вы проводите всю вашу жизнь подобно мотыльку, порхающему съ цвѣтка на цвѣтокъ. Мартышкинъ трудъ не есть работа».

Мнѣ думается, что физіономія писаревскихъ реалистовъ выяснилась здѣсь очень рѣзко. Дальше мы увидимъ ихъ отношеніе къ искусству, наукѣ, женщинамъ. Пока же остановимся на сказанномъ и поближе всмотримся въ дѣло. Оно этого заслуживаетъ.

Прежде всего несомнѣнно и очевидно, что если Писаревъ и утилитаристъ, то совершенно въ другомъ смыслѣ, въ какомъ считаемъ мы утилитаристомъ Милля. Это различіе необходимо имѣть въ виду. Милль требовалъ отъ нравственной личности общеполезной дѣятельности и, строго говоря, былъ склоненъ не обращать ни малѣйшаго вниманія на тѣ мотивы и побужденія, которые заставляютъ человѣка совершать общеполезную работу. Спасти утопающаго полезно и необходимо, по кому какое дѣло, во имя какихъ собственно соображеній бросился я въ рѣку? Быть можетъ меня охватила любовь къ ближнему, быть можетъ тутъ замѣшалось мое честолюбіе, и, какъ рыцарь, совершавшій геройскій поступокъ, я думалъ въ это время о своей дамѣ; а можетъ быть меня прельстила награда совсѣмъ уже матеріальная? Какой бы ни былъ мотивъ, я совершилъ нравственное дѣло, а сумма такихъ нравственныхъ дѣлъ дастъ мнѣ право назваться нравственною личностью, хотя быть можетъ въ глубинѣ души я нѣчто совсѣмъ другое. Словомъ, для утилитарной морали важенъ самый фактъ совершенія полезнаго дѣла.

Писаревъ пошелъ гораздо дальше, и пошелъ онъ дальше по той простой причинѣ, что рѣзко и энергично вышелъ изъ рамокъ морали и сталъ на другую, болѣе широкую точку зрѣнія.

Слова: «полезный поступокъ»—отличаются большой неопредѣленностью. Есть поступки болѣе полезные, менѣе полезные и даже совсѣмъ безполезные, которые однако принято считать полезными. Всякій вѣдь знаетъ, что существуетъ и мартышкинъ трудъ. И «можно сказать, что бо́льшая часть мартышкина труда производится въ каждомъ человѣческомъ обществѣ по чистому недоразумѣнію. Трудящаяся личность въ большей части случаевъ добросовѣстно и искренне убѣждена въ томъ, что она трудится для человѣка и общества; это обаятельное убѣжденіе придастъ ей бодрость и вдохновляетъ ее во время труда; если вы поколебете въ ней это убѣжденіе, у нея опустятся руки и для нея настанетъ очень тягостная минута разочарованія и уныпія; но за этою минутою явится сильное стремленіе къ настоящей пользѣ и крутой поворотъ къ какой нибудь другой дѣятельности, достойной мыслящаго человѣка и добросовѣстнаго гражданина. Въ результатѣ получится такимъ образомъ экономія умственныхъ силъ, и эта экономія будетъ гораздо болѣе значительна, чѣмъ это можетъ показаться читателю съ перваго взгляда».

Въ этой-то экономіи силъ и заключается, по моему, глубокое различіе Писарева отъ утилитаріанской морали во вкусѣ Милля. Представьте себѣ, что гдѣ-нибудь считается общеполезнымъ дѣломъ толочь воду въ ступѣ. Гражданинъ ничтоже сумняшеся предастся этому прекрасному занятію и даже съ большимъ усердіемъ. Утилитаристъ, увидя такого гражданина, скажетъ ему: «вы нравственны и добродѣтельны, хотя нѣсколько глупы вѣроятно», и пожметъ ему руку. Писаревскій реалистъ отъ такого гражданина отвернется съ презрѣніемъ. Почему? По той простой причинѣ, что мало совершать общеполезное дѣло, а необходимо, чтобы общеполезное дѣло освѣщалось *критической* мыслью.

Пойдемъ однако дальше.

До мотива моральнаго акта утилитаристу, какъ мы видѣли, рѣшительно дѣла нѣтъ. Но реалисту дѣло есть. Прежде всего на сцену выступаетъ критическая мысль, которая уже сама по себѣ, говоря человѣку о томъ, что́ дѣйствительно полезно и что́ полезно лишь призрачно, — можетъ играть роль мотива. Но одного умственнаго

побужденія недостаточно; нужно нѣчто еще большее. Это большее выражается въ требованіи, чтобы «трудъ былъ живымъ наслажденіемъ для личности».

Надо замѣтить впрочемъ, что критической мысли и умственному обязательству Писаревъ придавалъ всегда громадное, почти первенствующее значеніе. Онъ думалъ, что человѣкъ, ясно понявшій, что такой-то путь правиленъ, не можетъ идти по другому. Въ этомъ онъ ошибался, но ошибался въ хорошую сторону, такъ какъ въ идеалѣ разумѣется такъ и должно быть, такъ и будетъ.

Однако онъ глубоко уважалъ природу человѣка, взятую во всей ея физіологической и психической полнотѣ. Онъ ненавидѣлъ всякую ломку, былъ противъ всякаго принужденія. Ломка и принужденія должны исходить изъ одного источника—ума, сознательнаго убѣжденія, и только. Поэтому мы постараемся убѣдить сейчасъ же читателя, что реалистическое міросозерцаніе Писарева укладывается въ двухъ слѣдующихъ формулахъ:

1) Обязанность критической мысли—опредѣлить, что́ дѣйствительно общеполезно и что́ полезно лишь въ смыслѣ мартышкина труда.

2) Обязанность мыслящаго человѣка совершать общеполезную работу, слѣдуя влеченію своей натуры, провѣренному и руководимому критической мыслью.

Писаревъ не только признаетъ права индивидуальности, но и относится къ нимъ съ величайшимъ уваженіемъ. Онъ требуетъ лишь того, чтобы индивидуальность была мыслящая и искренняя.

Соединяй пріятное съ полезнымъ.

Полезное Писаревъ понимаетъ въ смыслѣ общеполезнаго, пріятное—въ смыслѣ того, что соотвѣтствуетъ влеченію человѣческой природы, въ чемъ находитъ свое выраженіе ея творческая индивидуальность.

Быть можетъ это покажется страннымъ читателю, но все-же Писаревъ всего полнѣе свой взглядъ высказалъ въ отношеніи къ искусству. Позволю себѣ привести слѣдующія блестящія мѣста изъ его статей:

«Послѣдовательный реализмъ—говоритъ онъ—безусловно презираетъ все, что́ не приноситъ существенной пользы; но слово «польза» мы принимаемъ совсѣмъ не въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ навязываютъ намъ наши литературные антагонисты. Мы вовсе не говоримъ поэту «шей сапоги», или историку—«пеки пироги», но мы

требуемъ непремѣнно, чтобы поэтъ, какъ поэтъ, и историкъ, какъ историкъ, приносили каждый въ своей спеціальности дѣйствительную пользу. Мы хотимъ, чтобы созданія поэта ясно и ярко рисовали передъ нами тѣ стороны общественной жизни, которыя необходимо знать для того, чтобы основательно размышлять и дѣйствовать. Мы хотимъ, чтобы изслѣдованіе историка раскрывало намъ настоящія причины процвѣтанія и успѣха отжившихъ цивилизацій. Мы читаемъ книги единственно для того, чтобы посредствомъ чтенія расширять пробѣлы нашего личнаго опыта. Если книга въ этомъ отношеніи не даетъ намъ ровно ничего, ни одного новаго факта, ни одного оригинальнаго взгляда, ни одной самостоятельной идеи, если она ничѣмъ не шевелитъ и не оживляетъ нашей мысли, то мы называемъ такую книгу пустою и дрянною книгою, не обращая вниманія на то, писана-ли она прозою, или стихами, и автору такой книги мы всегда съ искреннимъ доброжелательствомъ готовы посовѣтовать, чтобы онъ принялся шить сапоги или печь кулебяки.»

Словомъ, будь поэтомъ, историкомъ, журналистомъ, пирожникомъ или сапожникомъ, только будь на своемъ мѣстѣ. Поэзія и исторія общеполезны, но горе тому, кто безъ права, обусловленнаго его дарованіями, его наклонностями, силой его мысли и наблюдательности, берется за это общеполезное дѣло. Въ такомъ случаѣ уже «горе ему, приносящему вредъ».

Помнитъ ли затѣмъ читатель слѣдующую блестящую характеристику поэта? Въ этой-же характеристикѣ заключается отвѣтъ на вопросъ, какъ можетъ быть поэтъ полезенъ.

„Самородки, подобные Борису и Кольцову,—пишетъ Писаревъ,—остаются навсегда блестящими, но безплодными явленіями. Истинный, полезный поэтъ долженъ знать и понимать все, что въ данную минуту интересуетъ самыхъ умныхъ и самыхъ просвѣщенныхъ людей его вѣка и его народа. Понимая вполнѣ глубокій смыслъ каждой пульсаціи общественной жизни, поэтъ, какъ человѣкъ страстный и впечатлительный, непремѣнно долженъ всѣми силами своего существа любить то, что кажется ему добрымъ, истиннымъ и прекраснымъ, и ненавидѣть святою и великою ненавистью ту огромную массу мелкихъ и дрянныхъ глупостей, которая мѣшаетъ идеямъ истины, добра и красоты облечься въ плоть и кровь и превратиться въ живую дѣйствительность. Эта любовь, неразрывно связанная съ этою ненавистью, составляетъ и непремѣнно должна составлять для истиннаго поэта душу его души, единственный и священнѣйшій символъ всего его существованія и всей его дѣятельности. «Я пишу не чернилами, какъ другіе,—говоритъ Бёрне:—я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ». Такъ, и только такъ долженъ писать каждый писатель. Кто пишетъ иначе, тотъ долженъ шить сапоги и печь кулебяки. Поэтъ, самый страстный и впечатлительный изъ всѣхъ ли-

сателей, конечно не можетъ составлять исключенія изъ этого правила. А чтобы дѣйствительно писать кровью сердца и сокомъ нервовъ, необходимо безпредѣльно и глубоко-сознательно любить и ненавидѣть, и чтобы эта любовь и ненависть были дѣйствительно чисты отъ всякихъ примѣсей личной корысти и мелкаго тщеславія, необходимо много передумать и многое узнать. А когда все это сдѣлано, когда поэтъ охватилъ своимъ сильнымъ умомъ весь великій смыслъ человѣческой жизни, человѣческой борьбы и человѣческаго горя, когда онъ вдумался въ причины, когда онъ уловилъ крѣпкую связь между отдѣльными явленіями, когда понялъ, что надо и что можно дѣлать, въ какомъ направленіи и какими пружинами слѣдуетъ дѣйствовать на умы читающихъ людей, тогда безсознательное и безцѣльное творчество дѣлается для него безусловно невозможнымъ. Общая цѣль его жизни и дѣятельности не даетъ ему ни минуты покоя; эта цѣль манитъ и тянетъ его къ себѣ; онъ счастливъ, когда видитъ ее передъ собой яснѣе и ближе; онъ приходитъ въ восхищеніе, когда видитъ, что другіе люди понимаютъ его пожирающую страсть и сами съ трепетомъ томительной надежды смотрятъ вдаль, на ту-же великую цѣль; онъ страдаетъ и злится, когда цѣль исчезаетъ въ туманѣ человѣческихъ глупостей и когда окружающіе его люди бродятъ ощупью, сбивая другъ друга съ прямого пути. Человѣкъ, прикоснувшійся рукою къ древу познанія добра и зла, никогда не съумѣетъ и, что всего важнѣе, никогда не захочетъ возвратиться въ растительное состояніе первобытной невинности. Кто понялъ и почувствовалъ до самой глубины взволнованной души различіе между истиной и заблужденіемъ, тотъ вольно или невольно въ каждое изъ своихъ созданій будетъ вкладывать идеи, чувства и стремленія вѣчной борьбы за правду. Итакъ, по моему мнѣнію, истинный поэтъ, принимаясь за перо, отдаетъ себѣ строгій и ясный отчетъ въ томъ, къ какой общей цѣли будетъ направлено его новое созданіе, какое впечатлѣніе оно должно будетъ произвести на умы читателей, какую святую истину оно докажетъ имъ своими яркими картинами, какое вредное заблужденіе оно подроетъ подъ самый корень. Поэтъ — великій боецъ мысли, безстрашный и безукоризненный «рыцарь духа», какъ говоритъ Гейне, или же поэтъ — ничтожный паразитъ, потѣшающій другихъ ничтожныхъ паразитовъ мелкими фокусами безплоднаго фиглярства. Середины нѣтъ. Поэтъ—титанъ, потрясающій горы, или поэтъ—козявка, копающаяся въ цвѣточной пыли. И это не фраза, это строгая психологическая истина.»

Чѣмъ-то могучимъ и страстнымъ вѣетъ отъ этой патетической тирады, и какими забытыми представляются эти слова при современныхъ литературныхъ нравахъ! Писатели безъ мелкой корысти, безъ мелкаго тщеславія—гдѣ вы? Гдѣ вы, стоящіе на высотѣ интересовъ самыхъ лучшихъ, умныхъ и просвѣщенныхъ людей эпохи? Забитые въ уголъ, влачатъ они, эти писатели, мизерное существованіе, слушая торжествующіе возгласы современнаго прохвоста.

Однако, оставляя въ сторонѣ паѳосъ, возвратимся на минуту къ писаревскому реализму.

Сердце его заключается, какъ мы видѣли, въ *экономіи умственныхъ силъ*. Экономія эта обусловливается прежде всего критической мыслью, избирающей дѣйствительно полезную работу, и затѣмъ натурой.

Поэты родятся—такова мысль Писарева. Безъ заложеннаго природой обойтись нельзя. Наука, образованіе воспитываютъ и преобразуютъ природныя дарованія, безъ науки и образованія они—блестящіе метеоры—и только. Надо стремиться къ общеполезному, но какую область этого общеполезнаго вы изберете — зависитъ отъ внутреннихъ качествъ вашего духа и натуры.

По моему убѣжденію, такое признаніе индивидуальности, какъ опредѣляющаго фактора, является опять-таки безусловно необходимымъ, съ точки зрѣнія экономіи силъ. И, проповѣдуя такую теорію, Писаревъ сходится съ лучшими умами человѣчества.

У меня нѣтъ мѣста и времени, чтобы слѣдить дальше за реалистами Писарева. Надѣюсь однако, что сущность этой новой породы людей понята читателемъ. Реалистъ — это мыслящій работникъ, съ любовью занимающійся трудомъ; реалистъ, построивши свою жизнь на идеѣ общественной пользы и разумнаго труда, относится презрительно и враждебно ко всему, что разъединяетъ человѣческіе интересы, и ко всему, что отвлекаетъ человѣка отъ общеполезной дѣятельности. Какой-же трудъ общеполезенъ, гдѣ та почва, работая на которой можно на самомъ дѣлѣ преслѣдовать общечеловѣческіе интересы? Это прежде всего почва *науки*, знанія. И эта наука должна какъ можно шире разлиться въ массѣ, стать основаніемъ всякаго труда.

«Трагическія недоразумѣнія между наукой и жизнью будутъ повторяться до тѣхъ поръ, пока не прекратится гибельный разрывъ между трудомъ мозга и трудомъ мускуловъ. Пока наука не перестанетъ быть барскою роскошью, пока она не сдѣлается насущнымъ хлѣбомъ каждаго здороваго человѣка, пока она не проникнетъ въ голову ремесленника, фабричнаго работника и простого мужика — до тѣхъ поръ бѣдность и безнравственность трудящейся массы будутъ постоянно усиливаться, несмотря ни на проповѣди моралистовъ, ни на подаянія филантроповъ, ни на выкладки экономистовъ, ни на теоріи соціалистовъ. Есть въ человѣчествѣ только одно зло — невѣжество, противъ этого зла есть только одно лекарство—наука, но это

лекарство надо принимать не гомеопатическими дозами, а сорокаведерными бочками. Слабый пріемъ этого лекарства увеличиваетъ страданія больного организма. Сильный пріемъ ведетъ за собою радикальное исцѣленіе. Но трусость человѣка такъ велика, что спасительное лекарство считается ядовитымъ».

Нельзя не залюбоваться этимъ блестящимъ изложеніемъ принциповъ умственнаго демократизма. Все человѣчество является передъ нами ассоціаціей мыслящихъ и знающихъ работниковъ. Принципъ общечеловѣческой солидарности установленъ на прочныхъ основаніяхъ. Но пусть подумаетъ читатель, какія личности могутъ быть солидарны между собой? Тѣ-ли, которыя представляютъ привилегіи рода или интересы собственности. Нѣтъ, такія по необходимости разъединены и между собой, и съ другими. Возьмите феодала и крѣпостного цензиторія. Толкуйте имъ объ общечеловѣческой солидарности, сколько вамъ заблагоразсудится, и всѣ ваши проповѣди окажутся стѣннымъ горохомъ, въ чемъ довольно наглядно и постоянно убѣждалась католическая церковь въ первую половину среднихъ вѣковъ. Возьмите капиталиста и рабочаго. Несмотря на всѣ синдикаты, которые устраиваются и тамъ, и здѣсь, солидарность между ними все-же проблематична, разъ въ ихъ взаимныя отношенія не вмѣшивается принудительное начало въ лицѣ государства. Даже два капиталиста лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть солидарны между собою, и если сегодня они дѣйствуютъ за одно, то кто-же поручится, что они не будутъ завтра врагами на рынкѣ? Слѣдовательно, разъ рѣчь идетъ объ общечеловѣческой солидарности, надо твердо знать, къ кому собственно обращаться съ такою проповѣдью. Писаревъ понималъ это и, прежде чѣмъ заговорить о солидарности, опредѣлялъ, какъ онъ понимаетъ личность. Личность выражается для него въ *трудѣ*, и только въ немъ одномъ. У ней нѣтъ портретовъ предковъ, она не можетъ похвастать подвигами своихъ праотцевъ, у ней нѣтъ внѣшней силы—денегъ напримѣръ—на которую она могла-бы опираться и игнорировать «законъ природы». Реалистъ — это мыслящій работникъ *и только*, трудъ — нервъ и основа его жизни, интересы реалиста и личности—это интересы труда.

Въ этой-то области проповѣдь общечеловѣческой солидарности возможна и необходима.

Разногласіе Писарева съ «Современникомъ»:

Однажды Писаревъ заявилъ, что онъ совершенно расходится съ

Добролюбовымъ по вопросу о типѣ Катерины въ «Грозѣ» Островскаго (статья «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ») и написалъ статью «Мотивы русской драмы», въ которой, какъ ему казалось, онъ перерѣшилъ вопросъ на лучшихъ и болѣе новыхъ основаніяхъ. Это произвело въ литературѣ скандалъ; многіе изъ почитателей Добролюбова шокировались такимъ поступкомъ Писарева, осыпали насмѣшками и порицаніями его якобы-желаніе во что-бы то ни стало встать выше Добролюбова и приписали это желаніе единственно самолюбію молодого писателя, слишкомъ очарованнаго быстротой своего успѣха. Желанія встать выше Добролюбова у Писарева, насколько мнѣ это извѣстно, никогда не было; напротивъ даже, онъ относился къ своему предшественнику съ полнымъ уваженіемъ, но что онъ обязанъ былъ разойтись съ нимъ на томъ или другомъ пунктѣ—это несомнѣнно. Это—двѣ различныя натуры, созданныя разной семейной и общественной обстановкой.

«Разница между мной и Добролюбовымъ—писалъ Писаревъ въ 1864 г. *)—объясняется въ двухъ словахъ. Добролюбовъ былъ энтузіастъ и считалъ нѣкоторую долю энтузіазма необходимой для каждаго честнаго человѣка, а я глубоко ненавижу и презираю всякій энтузіазмъ; онъ противенъ всей моей природѣ, и я считаю его всегда вредною нелѣпостью. *Добролюбовъ думалъ, что жизнь можетъ обновляться порывами чувства, а я убѣжденъ, что она обновляется только работою мысли.* Добролюбовъ почти не имѣлъ понятія о естественныхъ наукахъ, а я считаю ихъ краеугольнымъ камнемъ здороваго умственнаго развитія и всякаго человѣческаго прогресса.»

Различіе проведено съ большой рѣзкостью и опредѣленностью, но очевидно, что Писаревъ немного клевещетъ на самого себя. Что же, какъ не энтузіазмъ, находитъ читатель во всѣхъ его статьяхъ, и если энтузіазмъ—это вѣра, дѣлающая «желаемое» очевиднымъ, необходимымъ и «какъ-бы существующимъ», то вѣдь такой молодой, здоровой, полной бодрости и увлеченія вѣры Писареву не занимать стать. Но онъ правъ, когда говоритъ, что всегда ставилъ на первый планъ работу ума и мысли, и что естественныя науки являлись съ его точки зрѣнія краеугольнымъ камнемъ здороваго развитія. Мы уже знаемъ его мечту перечитать все выдающееся по естествознанію, и другую его мечту—ознакомить россійскую публику съ европейской наукой въ цѣломъ рядѣ живыхъ популярныхъ статей.

*) Письмо къ матери изъ крѣпости. Тетрадь № 12.

Обновленіе жизни было для него такъ-же желательно, такъ-же нравственно необходимо, какъ и для Добролюбова, но это обновленіе онъ искалъ въ широкомъ развитіи просвѣщенія, въ освобожденіи души скорѣе, чѣмъ въ освобожденіи тѣла. Онъ—искренній послѣдователь Конта и Бокля, раціоналистовъ XVIII вѣка, съ которыми его сближала страстная вѣра въ силу разума и критической мысли.

Какую эволюцію—умственную-ли, нравственную или экономическую—поставить на первый планъ, это вопросъ далеко еще не выясненный въ философіи исторіи. Мнѣніе Писарева можно защищать очень энергично, mutatis, разумѣется—mutandis—напр. его излишнее обожаніе естественныхъ наукъ и математики. Но вотъ въ чемъ дѣло—зачѣмъ какую-нибудь отдѣльную эволюцію ставить впередъ, въ голову, считать ее фундаментомъ, а все остальное надстройками? Нужно быть очень плохимъ историкомъ, чтобы не видѣть, какъ всѣ отдѣльныя эволюціи переплетаются между собой, вліяютъ ежеминутно другъ на друга и создаютъ такую сложную паутину, что сказать: я нашелъ первоисточникъ и начало круга, право слишкомъ смѣло. Несомнѣнно однако, что каждая эпоха имѣетъ свой основной узелъ—иногда религіозный, иногда экономическій. Самые-же энергичные историческіе взрывы и перевороты создаются всегда совпаденіемъ умственной и экономической эволюціи.

«Лучъ свѣта» для Писарева означаетъ умную, критически развитую личность.

«Облегчая жизнь себѣ и другимъ,—говоритъ онъ (т. I, стр. 222),—умный и развитой человѣкъ не ограничивается этимъ; онъ кромѣ того, въ большей или меньшей степени, сознательно или невольно, перерабатываетъ эту жизнь и приготовляетъ переходъ къ лучшимъ условіямъ существованія. Умная и развитая личность, сама того не замѣчая, дѣйствуетъ на все, что къ ней прикасается; ея мысли, ея занятія, ея обращеніе, ея спокойная твердость—все это шевелитъ вокругъ нея стоячую воду рутины; кто уже не въ силахъ развиваться, тотъ по крайней мѣрѣ уважаетъ въ умной и развитой личности хорошаго человѣка, а людямъ очень полезно уважать то, что дѣйствительно заслуживаетъ уваженія; но кто молодъ, кто способенъ полюбить идею, кто ищетъ возможности развернуть силы своего свѣжаго ума, тотъ, сблизившись съ умною и развитою личностью, можетъ быть начнетъ новую жизнь, полную обаятельнаго труда и неистощимаго наслажденія. Если предполагаемая свѣтлая личность дастъ такимъ образомъ обществу двухъ-трехъ молодыхъ работниковъ, если она внушитъ двумъ-тремъ старикамъ невольное уваженіе къ

тому, что они прежде осмѣивали и притѣсняли,—то неужели вы скажете, что такая личность ровно ничего не сдѣлала для перехода къ лучшимъ идеямъ и къ болѣе сноснымъ условіямъ жизни? Мнѣ кажется, что она сдѣлала въ малыхъ размѣрахъ то, что дѣлаютъ въ большихъ размѣрахъ величайшія историческія личности. Разница между ними заключается только въ количествѣ силъ, и потому оцѣнивать ихъ дѣятельность можно и должно посредствомъ одинаковыхъ пріемовъ. Такъ вотъ какіе должны быть лучи свѣта—не Катеринѣ чета.»

Все это очень основательно, но не всегда и вездѣ примѣнимо. Видя источникъ русской драмы главнымъ образомъ въ столкновеніи понятій, въ стремленіи общества закрѣпостить духовную личность и свободу человѣка, Писаревъ, съ своей точки зрѣнія, предлагалъ совершенно раціональное средство — критику и науку. И разумѣется полнота человѣческаго прогресса можетъ воплотиться лишь въ тѣхъ личностяхъ, о которыхъ мечталъ Писаревъ. Объ этомъ никто не станетъ съ нимъ спорить, не сталъ-бы спорить и самъ Добролюбовъ, но относительно *процесса* перехода къ лучшимъ идеямъ и болѣе сноснымъ условіямъ жизни — смѣло можно держаться совершенно другихъ взглядовъ. *Все*, что создаетъ условія для развитія гармонической, интеллигентной личности, — все это прекрасно, но это *все*—не только умственное развитіе, не только наука, не только естествознаніе...

Все это—общеизвѣстныя истины, настаивать на которыхъ нѣтъ никакой надобности. Но неужели Писаревъ не понималъ ихъ? Уже одно его уваженіе къ естественнымъ наукамъ должно было-бы внушать ему, что «прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растеній» является равнодѣйствующей всей суммы жизненныхъ условій. Невозможно даже допустить, чтобы Писаревъ не замѣтилъ слона тамъ, гдѣ даже люди, неизмѣримо меньшіе его, этого слона ясно видятъ.

Разгадка такой странности заключается, какъ кажется, въ томъ, что Писаревъ слишкомъ увлекся своей спеціальной задачей — размноженіемъ интеллигентныхъ людей по лицу родной земли. Эту задачу критикъ «Русскаго Слова» исполнилъ мастерски, со всѣмъ блескомъ таланта, но, какъ онъ вѣрно замѣтилъ: «существуетъ еще зло — пролетаріатъ, со всѣми своими ужасными послѣдствіями. Отысканіе средства, долженствующаго устранить это зло, принадлежитъ еще будущему времени». Писаревъ слишкомъ скоро успокоился на этомъ будущемъ времени, и зло пролетаріата интере-

совало его гораздо меньше, чѣмъ зло невѣжества, догматизма, приличій и обычаевъ. А это невѣжество, этотъ догматизмъ, эти приличія и обычаи и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность освободиться отъ нихъ—гнѣздятся главнымъ образомъ въ среднемъ кругу. Къ нему-то Писаревъ и обращался прежде всего съ своей проповѣдью.

Я хочу, чтобы поняли меня полностью. Я говорю, что, слѣдуя своему влеченію и запасшись лишь извѣстными взглядами, извѣстными интересами, Писаревъ добровольно ограничилъ свою задачу. Поэтому онъ безусловно правъ, когда говоритъ передъ своей аудиторіей, т. е. людьми, имѣющими физическую и нравственную возможность учиться, развиваться и пр., онъ рисуетъ идеалъ интеллигентнаго человѣка—въ сущности этотъ идеалъ вѣренъ—но какъ только Писаревъ выходитъ за предѣлъ своей спеціальности, какъ въ «Мотивахъ русской драмы» или второй части своихъ «Реалистовъ», онъ по необходимости заблуждается. Проповѣдь критики, науки и проч. совершенно непримѣнима къ тѣмъ областямъ жизни, гдѣ всѣ заботы сводятся къ заботамъ о хлѣбѣ насущномъ. Въ эти области Писаревъ заглядывалъ слишкомъ рѣдко, но что-же мѣшало ему заглянуть туда впослѣдствіи? И онъ увидѣлъ-бы ясно, что бываютъ такія положенія, гдѣ нѣтъ мѣста для протеста мысли, а лишь — чувства, натуры.

Какъ раціоналистъ, какъ боецъ противъ предразсудковъ, какъ воплощенная жажда интеллигентной, разумной жизни, какъ проповѣдникъ великаго значенія критической работы,—Писаревъ занялъ свое мѣсто въ исторіи литературы. Всѣ жалобы на него сводятся къ тому, что у него нѣтъ того-то и того-то. Да, нѣтъ. Но развѣ можно забывать изъ-за этого то, что̀ есть. А вѣдь многое есть, очень даже многое.

Пойдемъ однако дальше. Писаревъ разошелся съ «Современникомъ» и по вопросу о Базаровѣ. «Современникъ» въ очень рѣзкой статьѣ г. Антоновича заявилъ, что такихъ уродовъ, какъ Базаровъ, нѣтъ и быть не можетъ, и что Тургеневъ клевещетъ на молодежь. Писаревъ-же полагалъ, что Базаровы существуютъ, что Базаровы полезны, и полезны именно, какъ критическія личности. Въ концѣ концовъ Базаровъ сталъ для него воплощеніемъ интеллигентнаго типа. Писарева подкупали и «рѣзаніе лягушекъ», и рѣзкая откровенность базаровской натуры, ея могучая самостоятельность, ея воинствующая самобытность. Онъ увидѣлъ здѣсь полную

гармонію слова и дѣла, увидѣлъ мысль, смѣлую, независимую, воплощенную не въ манексѣ, а въ живомъ человѣкѣ. Это—самое главное.

«*Увлечься* идеею—пишетъ онъ—не трудно, *подчиниться* идеѣ способенъ человѣкъ очень ограниченныхъ способностей, но такой человѣкъ не принесетъ идеѣ никакой пользы и самъ не выжметъ изъ этой идеи никакихъ плодотворныхъ результатовъ; чтобы переработать идею, напротивъ того необходимъ живой мозгъ; только тотъ, кто переработалъ идею, способенъ сдѣлаться дѣятелемъ или измѣнить условія своей собственной жизни подъ вліяніемъ воспринятой имъ идеи, т. е. только такой человѣкъ способенъ служить идеѣ и извлекать изъ нея для себя осязательную пользу. Подчиняются идеямъ многіе, овладѣваютъ ими избранныя личности—оттого-то въ тѣхъ слояхъ нашего общества, которые называютъ себя образованными, господствуютъ идеи, но эти идеи не живутъ; идея только тогда и живетъ, когда человѣкъ вырабатываетъ ее силами собственнаго мозга; какъ только она перешла *въ категорическій законъ, которому всѣ подчиняются, тогда она застыла, умерла и начинаетъ разлагаться.*»

Въ этихъ немногихъ словахъ—сущность писаревской души, источникъ его истины и заблужденій и даже полемики съ «Современникомъ». Базаровъ показался ему человѣкомъ, переработавшимъ идею, человѣкомъ вѣчнаго движенія впередъ, извлекшимъ изъ идеи «осязательную пользу». Оттого-то онъ такъ увлекся имъ.

Суть всего этого очень проста. Главный источникъ счастья, смыслъ и красота существованія—это работа мысли, это постоянное развитіе. Можно-ли поэтому обратить идею въ категорическій законъ, несомнѣнный, неопровержимый, какъ догматъ? Нѣтъ, нельзя, ибо въ такомъ случаѣ исчезнетъ смыслъ жизни.

Писаревъ-же, слѣдя за «Современникомъ», видѣлъ, что у этого журнала есть именно стремленіе къ догматизму, къ тому, чтобы человѣкъ запасся мыслями, заучилъ ихъ и сообразно поступалъ. Это шло въ разрѣзъ съ коренными его симпатіями, и, какъ представитель смѣлой свободы мысли, великой и привлекательной, онъ не могъ не вооружаться и вооружался съ своей обычной страстностью и прямолинейностью. Свобода мысли и критики была для него слишкомъ *святою* вещью, чтобы подчинять ее чему-бы то ни было.

Этимъ можно объяснить его разрушительныя рецензіи противъ начиненныхъ всевозможными благородными мыслями романовъ Станицкаго, его полныя—почти гейневской—злобы выходки противъ либераловъ. Не либерализмъ казнитъ онъ — онъ самъ на его сто-

ронѣ,—онъ казнитъ либеральную фаршировку, либеральный, или какой-тамъ *догматизмъ*.

«Послѣднее десятилѣтіе нашей литературы—говоритъ онъ напр.—было посвящено акклиматизированію европейскаго либерализма на обширныхъ и холодныхъ равнинахъ Россіи или—другими словами—прививанію гражданскихъ доблестей и гуманныхъ идей къ дѣвственнымъ умамъ и сердцамъ нашихъ возлюбленныхъ соотечественниковъ. Успѣхъ гуманизирующихъ операцій превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Во всѣхъ нашихъ городахъ и во всѣхъ нашихъ селахъ уже томятся, изнываютъ, лепечутъ, граціозничаютъ и скандальничаютъ тысячи тщедушныхъ субъектовъ, въ которыхъ всѣ почтенные европейскіе либералы отъ графа Росселя до Юліана Шмидта будутъ принуждены признать своихъ младшихъ братьевъ, еще робкихъ и неопытныхъ, но уже способныхъ выводить тоненькимъ дискантомъ нѣкоторыя модуляціи общелиберальнаго мяуканья... Главная обязанность либерала состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы всѣмъ выраженіемъ своей физіономіи, всѣми своими словами и всѣмъ внѣшнимъ видомъ своихъ поступковъ заявлять постоянно и ежеминутно свою пламенную и безграничную преданность великимъ идеямъ и интересамъ, которые возбуждаютъ въ немъ почти такія-же чувства, какія персидская ромашка возбуждаетъ въ клопѣ. Кто изъ либераловъ неумнѣе, тотъ продѣлываетъ всѣ эти артикулы совершенно сознательно, зная, кого онъ надуваетъ; кто попроще—и такихъ несравненно больше—тотъ либеральничаетъ чистосердечно, не замѣчая въ своей особѣ и своей доктринѣ никакихъ внутреннихъ противорѣчій, разсуждая по наслышкѣ, поступая по привычкѣ и съ дѣтскою безпечностью смотря на то, что слова и поступки совершенно уничтожаютъ другъ друга и что знамя великихъ идей водружается надъ кучей сора... Можете-ли вообразить себѣ смиренную корову, украшенную хорошимъ кавалерійскимъ сѣдломъ. Я полагаю, что эта корова представила бы намъ зрѣлище довольно комическое, но въ то-же время и печальное; затянутая подпруга сильно угнетала-бы ея коровью натуру и приводила-бы ее въ такое крайнее смущеніе, которое конечно выражалось-бы во всей ея коровьей наружности. Глядя на такую обиженную корову, каждый добродушный человѣкъ долженъ-бы сжалиться надъ ея несчастіемъ и снять съ ея спины совершенно несвойственное ей украшеніе. Но представьте себѣ для усиленія комизма и уничтоженія плачевности, что въ осѣдланную корову вселился бѣсъ гордости и самодовольства, представьте себѣ, что она, жестоко подтянутая подпругою, желаетъ изумить и очаровать васъ тонкостью своей коровьей таліи и легкостью своей коровьей походки; представьте себѣ, что она подражаетъ манерамъ кровнаго англійскаго скакуна, старается принять молодцоватый видъ и бравурную осанку, раздуваетъ ноздри, поднимаетъ хвостъ коломъ и пробуетъ пуститься съ правой ноги галопомъ. Представьте себѣ такую картину, и вы получите нѣкоторое слабое понятіе о томъ неистощимомъ комизмѣ, которымъ переполнены всѣ слова, движенія и поступки добродѣтельнаго либерала...»

Разумѣется эти строки не могутъ относиться къ «Современнику», но и въ немъ Писаревъ видѣлъ стремленіе къ догматизму, къ пропагандѣ безусловно истинной доктрины, къ созданію дѣятелей не путемъ критики, а путемъ проповѣди принятаго ученія *).

Критика была у него впереди всего.

Намъ понятно—чтобы возвратиться къ прерванному—почему «Современникъ» набросился на Базарова. Что дѣлаетъ послѣдній? «Лягушекъ рѣжетъ». Достаточно-ли этого? Съ излишней страстностью Писаревъ заявилъ, что достаточно, достаточно имѣть критически выработанное міросозерцаніе и... и, занимаясь естествознаніемъ, осмѣивать идеи и чувства лириковъ, романтиковъ, эстетиковъ, педантовъ, фразеровъ...

Маловато!

Писаревъ согласенъ и съ этимъ.

«Началъ я—говоритъ онъ—съ общечеловѣческой солидарности, а кончилъ тѣмъ практическимъ заключеніемъ, что можно только *потихоньку* осмѣивать наши мелкія глупости и *медленно* учиться вмѣстѣ съ нашею лѣнивою публикою самымъ элементарнымъ истинамъ науки. Какое мизерное заключеніе! Гора родила мышь, подумаетъ читатель, и я никакъ не осмѣлюсь ему противорѣчить. Я уже говорилъ въ первой части этой статьи, что мы бѣдны и глупы; теперь намъ пришлось убѣдиться въ томъ, что наша бѣдность и глупость доходятъ дѣйствительно до самыхъ почтенныхъ размѣровъ, до такихъ размѣровъ, что глупость мѣшаетъ намъ принимать необходимое лекарство, а бѣдность мѣшаетъ намъ пріобрѣсти себѣ за разъ достаточную дозу этого лекарства. Вслѣдствіе этого и приходится употреблять это лекарство самыми незначительными дозами и самымъ поверхностнымъ образомъ. Великая и плодотворная идея (построеніе жизни на началахъ разума и науки) должна пристроиться къ самому мелкому практическому примѣненію, и только при этомъ условіи она можетъ съ грѣхомъ пополамъ проникнуть въ сознаніе лучшаго меньшинства нашей читающей публики.»

Вотъ тирада, противъ которой долженъ былъ возстать «Современникъ», и дѣйствительно возсталъ.

Итакъ, различіе между Писаревымъ и «Современникомъ» сводится къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Писаревъ стоялъ на точкѣ зрѣнія умственной эволюціи, «Современникъ»—на почвѣ политико-экономической.

*) См. напр. статью Писарева „Кукольная трагедія съ букетомъ гражданской скорби“.

2) Писаревъ думалъ, что наступленіе лучшаго времени можетъ быть вызвано прежде всего распространеніемъ знаній и работой критической мысли. «Современникъ» считалъ это недостаточнымъ.

3) Писаревъ громадную роль въ жизни отводилъ отдѣльнымъ интеллигентнымъ личностямъ. «Современникъ» — общественнымъ условіямъ.

4) Писаревъ защищалъ прежде всего *свободу мысли*. «Современникъ»—извѣстную доктрину.

По вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, Писаревъ не только не отказывался отъ лучшихъ стремленій своихъ противниковъ, но и былъ прямо на ихъ сторонѣ.

Дѣло въ томъ, что принципіальнаго разногласія между *Словомъ* и *Современникомъ* не было. Оба журнала дѣлали то-же дѣло, подступая къ нему съ разныхъ концовъ. «Русское Слово» создалось той-же логичностью общественнаго мышленія. Оно явилось уже въ такое время, когда острый моментъ всѣхъ вопросовъ миновалъ. Освобожденіе крестьянъ (худо или хорошо) теперь уже свершилось, а остальныя реформы, послѣдовавшія за освобожденіемъ, конечно не могли заполнить всей журналистики или составить ея исключительный интересъ. О судебной реформѣ, о земствѣ было достаточно двухъ-трехъ статей. Что-же за тѣмъ могло составить содержаніе ежедневной печати и журналистики, въ чемъ могли заключаться интересы общества, что ему было нужно, о чемъ оно думало или хотѣло думать? Внутренняя политика въ своихъ дальнѣйшихъ вопросахъ стояла внѣ компетенціи общества и журналистики и до обсужденія не допускалась. А между тѣмъ освобожденіе и новый судъ, а потомъ и земскія учрежденія открывали очень широкій просторъ для новыхъ вопросовъ и идей, непосредственно съ ними связанныхъ, и какъ-бы на время заслоненныхъ такимъ грандіознымъ дѣломъ, какъ освобожденіе. Этимъ новымъ очереднымъ вопросомъ было выясненіе личности, ея положенія, ея развитія, и вообще ея внутренняго значенія, содержанія и отношенія къ обществу и общему прогрессу. До сихъ поръ, думая о реформахъ и перемѣнахъ въ учрежденіяхъ, какъ-бы забывалось, что ихъ на своихъ плечахъ должна вынести личность, говорили только о новыхъ мѣхахъ, до времени умалчивая о винѣ.

«Личность, какъ личность, говоритъ Шелгуновъ, не составляла задачи «Современника», и задача эта досталась на долю той послѣ-

дующей журналистики, для которой реформы и ближайшіе, связанные съ ними, вопросы являлись уже чѣмъ-то прошлымъ. Для этой части журналистики настоящее заключалось въ вопросѣ о личности, которой теперь, какъ кажется, и наступила очередь занять главное вниманіе общества. Любопытно, что въ то-же время, когда Писаревъ выступилъ съ разрѣшеніемъ личныхъ вопросовъ въ «Русскомъ Словѣ», появился романъ «Что дѣлать?», спеціально посвященный вопросу о личномъ счастьи и лучшемъ личномъ устройствѣ жизни. Очевидно, что въ новомъ движеніи мысли была логическая связь съ предыдущимъ движеніемъ. «Русское Слово», взявшее на себя отвѣты на запросы личности, вовсе не являлось чѣмъ-то обособленнымъ. Оно было лишь другой стороной медали, первую сторону которой представлялъ «Современникъ». Если «Современникъ» говорилъ преимущественно о новыхъ мѣхахъ, то «Русское Слово» говорило о новомъ винѣ, которое должно ихъ наполнить. Но какъ «Современникъ», разрѣшая экономическіе, общественные и политическіе вопросы, не обходилъ вопросовъ бытовыхъ и личныхъ, такъ и «Русское Слово», разрабатывая личные вопросы, не обходило и всѣхъ остальныхъ. Такимъ образомъ «Современникъ» примыкалъ своими бытовыми и личными вопросами къ «Русскому Слову», а «Русское Слово» статьями политическаго, общественнаго и экономическаго содержанія примыкало къ «Современнику». Оба журнала, несмотря на то, что хронологически шли одинъ за другимъ, принадлежали къ одному періоду движенія общественной мысли и являлись первыми піонерами въ области тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ сообщало имъ спеціальный цвѣтъ и характеръ, создало каждому законченную и опредѣленную физіономію. Область «Современника» были учрежденія и порядки, областью «Русскаго Слова» — интеллигентная личность».

Отношеніе Писарева къ народу. Народомъ Писаревъ занимался сравнительно очень мало. Очевидно, что не народъ привлекалъ главное его вниманіе, а тѣ люди, «которые хотятъ знать и учиться, но не знаютъ, какъ взяться за дѣло». Имъ-то писалъ онъ: «мнѣ хочется сообщить какъ можно больше хорошихъ идей и дать имъ какъ можно больше реальныхъ свѣдѣній». Читатель, я думаю, и самъ понимаетъ, что по своей «умственной» натурѣ, по трезвому направленію своей мысли народникомъ въ общепринятомъ смыслѣ слова Писаревъ не могъ быть никогда. Народничество пред-

полагаетъ сердечную любовь къ мужику, непремѣнную вѣру въ хорошія качества его натуры, его доброту и нравственность. Обстоятельства жизни Писарева сложились такъ, что онъ всегда стоялъ вдали отъ народа и видѣлъ его или изъ окна знаменскаго дома, или на страницахъ повѣстей и романовъ. Поэтому никакихъ нѣжныхъ чувствъ онъ питать къ нему не могъ. Но, какъ прогрессистъ и либералъ, онъ, разумѣется, не могъ находить ничего хорошаго во тьмѣ и невѣжествѣ, въ какихъ пребываетъ русскій народъ. Онъ хотѣлъ для него знанія, хорошихъ книгъ, хорошихъ школъ, онъ не относился равнодушно къ тому великому событію, которое совершилось у него на глазахъ — къ уничтоженію крѣпостного права, но не видно, чтобы это обстоятельство потрясло его до глубины души: онъ былъ тогда слишкомъ молодъ.

«Мужика надо любить...». Этой формулы Писаревъ принять не могъ уже по той простой причинѣ, что въ спасительную силу любви онъ не вѣрилъ. А что въ мужикѣ надо уважать его человѣческое достоинство и *слѣдовательно* давать ему возможность развиваться, идти впередъ—въ этомъ Писаревъ не сомнѣвался. Достоинство человѣка и выражалось главнымъ образомъ для него въ стремленіи къ развитію и совершенствованію...

Вотъ, если не ошибаюсь, то мѣсто, въ которомъ Писаревъ особенно полно высказался по вопросу объ «обязанностяхъ интеллигенціи передъ народомъ».

«Наконецъ-то—пишетъ онъ—общество начинаетъ сознавать, что на немъ лежитъ обязанность дѣлиться съ народомъ знаніями и идеями... Необходимость народнаго образованія вошла въ общественное сознаніе, но между теоретическимъ и практическимъ рѣшеніемъ вопроса лежитъ цѣлая бездна. Давно-ли въ нашихъ журналахъ разсуждали и спорили о томъ, нужна-ли народу грамотность. Вопросъ этотъ рѣшенъ утвердительно, но самая возможность подобнаго спора, самая необходимость доказывать аксіому служитъ осязательнымъ примѣромъ того, какъ ново и непривычно для насъ дѣло народнаго образованія. И это не удивительно. Потребность умственнаго прогресса была отодвинута въ нашей жизни на задній планъ, и мы, вмѣсто истиннаго образованія, довольствовались одними внѣшними условіями его; мы не видѣли, или лучше, не хотѣли видѣть, что позади насъ есть милліоны другихъ людей, которые *имѣютъ одинаковое право на человѣческую жизнь, образованіе и соціальное усовершенствованіе.* Теперь мы сознаемъ, что безъ этихъ милліоновъ людей мы не далеко уйдемъ съ своей привозной цивилизаціей и съ своимъ просвѣщеніемъ, взятымъ на прокатъ. Такимъ образомъ ве-

лікой задачей нашего времени является умственная эмансипація массъ, черезъ которую предвидится имъ исходъ къ лучшему положенію, не только ихъ самихъ, но и всего общества. Школой нашего воспитанія является весь народъ, а воспитателемъ его образованное меньшинство. Въ теоріи мы знаемъ, что надо дѣлать... Но если нельзя браться кое-какъ съ налету за воспитаніе ребенка, то тѣмъ болѣе нельзя съ кое-какими теоретическими свѣдѣніями приступать къ народу. Въ первомъ случаѣ мы рискуемъ приготовить обществу дурного гражданина, можетъ быть несчастную жертву порока, во второмъ—мы принимаемъ на себя тяжелую отвѣтственность за всю націю»...

Надо однако знать народъ, чтобы можно было съ успѣхомъ воспитывать его. «Народъ ближе стоитъ къ природѣ и смотритъ на окружающій его міръ яснѣе, чѣмъ мы, потому что взглядъ его не омраченъ предубѣжденіями и ложными понятіями нашей жизни... Но потому-то намъ и трудно наблюдать и анализировать народную жизнь; мы обыкновенно подступаемъ къ ней съ предвзятыми идеями и даемъ свой собственный произвольный смыслъ дѣйствительнымъ явленіямъ. Мѣшаетъ изученію народной жизни и то совершенно законное недовѣріе, которое питаетъ мужикъ ко всякому, кто носитъ не народное платье. И какъ будетъ онъ вѣрить? Мы для него до сихъ поръ ровно ничего не сдѣлали, мы его трудами жили втеченіи столѣтій, и онъ это помнитъ той самой памятью, которая до сихъ поръ хранитъ въ народной пѣснѣ воспоминанія о Дунаѣ-рѣкѣ и о Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ. И мы должны признаться, что при настоящемъ положеніи дѣла изученіе народности только что начинается. Исторія разлучила насъ съ народомъ гораздо раньше Петра».

Приходится пожалѣть, что Писаревъ, увлекшись своей пропагандой среди людей средняго состоянія и тратя всѣ свои громадныя силы на созданіе *истинной* интеллигенціи, совершенно не занимался вопросомъ о народѣ. Въ приведенныхъ выше мысляхъ оригинальнаго, правда, нѣтъ ничего, но меня напр. положительно подкупаетъ реализмъ и трезвость направленія. Ни народничества, ни мистицизма, ни того обычнаго страха, съ какимъ интеллигентъ подступаетъ обыкновенно къ сѣрой массѣ, боясь разочароваться въ томъ, что вся она состоитъ изъ сермяжныхъ ангеловъ. Надо учить народъ, но чтобы учить — нужно знать, кого учишь, «надо знать своего воспитанника вдоль и поперекъ». А чему учить? Очевидно тому-же, что и намъ самимъ полезно для трудовой и счастливой жизни, т. е. надо учить реальному, давать пригодныя къ жизни

свѣдѣнія, а не обучать «добродѣтели» и ужъ отнюдь не учиться добродѣтели, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изъ моихъ современниковъ. Всѣ посылки у Писарева имѣются, выводовъ онъ сдѣлать не успѣлъ...

Педагогическія воззрѣнія Писарева. Наши педагоги имѣютъ привычку или совсѣмъ ничего не читать, или-же зачитывать до дыръ разныя нѣмецкія или вообще иностранныя брошюрки, а на то, что у насъ подъ руками, они лишь изрѣдка обращаютъ свое благосклонное вниманіе. Педагогу прежде всего необходимо знать дѣтскую душу,—что сдѣлано у насъ для изученія дѣтскихъ типовъ, съ такою яркостью выведенныхъ въ произведеніяхъ Достоевскаго, Толстого, Помяловскаго? Есть-ли у насъ хоть одна статья, хоть одна маленькая замѣтка о педагогическихъ воззрѣніяхъ Писарева? А между тѣмъ ими-бы стоило позаняться, что я и разсчитываю сдѣлать въ другомъ мѣстѣ. Пока-же нѣсколько общихъ соображеній.

Теорія Писарева нѣсколько односторонняя, разъ ее приходится прилагать къ вопросамъ общественнымъ, безусловно справедлива въ области педагогики. Писаревъ самъ инстинктивно сознавалъ это и посвятилъ школѣ и воспитанію цѣлый рядъ блестящихъ статей. Вотъ онѣ:

1) «Наша университетская наука».
2) «Школа и жизнь».
3) «Мысли Вирхова о воспитаніи женщинъ».
4) «Погибшіе и погибающіе».
5) «Педагогическіе софизмы».

Кромѣ того Писаревъ постоянно затрогиваетъ мимоходомъ тѣ-же самые вопросы въ различныхъ своихъ статьяхъ. И хотя-бы кто нибудь изъ нашихъ педагоговъ обмолвился и вспомнилъ дни своей юности, когда онъ зачитывался Писаревымъ, впитывая въ себя «ядъ» и нектаръ свободной жизни.

О педагогическихъ воззрѣніяхъ Писарева можно написать цѣлое и очень полезное изслѣдованіе. Къ сожалѣнію, моя біографія и такъ уже разрослась: нужно беречь мѣсто.

Всѣ излюбленныя идеи Писарева—духовная самостоятельность личности, уваженіе передъ индивидуальностью, экономія силъ, реализмъ свѣдѣній,—всѣ онѣ должны найти, и рано или поздно найдутъ, свое мѣсто въ будущихъ педагогическихъ системахъ. Здѣсь

для нихъ полный просторъ, здѣсь имъ не придется сталкиваться ни съ «системой экономическихъ противорѣчій», ни съ политическими программами. Писаревъ въ полномъ смыслѣ слова можетъ быть названъ педагогомъ-теоретикомъ, ибо что-же онъ дѣлалъ, какъ не *училъ* тому, *какъ* надо учиться, развивать свой умъ, совершенствовать свою личность, а черезъ нее общественный строй.

Воспитаніе должно развить и образовать характеръ человѣка, пріучить его умъ къ самостоятельной работѣ, его чувство—къ вѣрѣ въ самого себя, къ уваженію чужого достоинства, должно снабдить его суммой полезныхъ и необходимыхъ свѣдѣній и тѣмъ мужествомъ, которое позволяетъ человѣку бодро выносить неудачи жизни и становиться на ноги даже послѣ сильныхъ ударовъ судьбы.

«Надо прежде всего беречь въ ребенкѣ его самого, надо уважать въ немъ то, что не можетъ быть пріобрѣтено никакими усиліями и не можетъ быть куплено ни на какія деньги,—словомъ, его личность, его оригинальность, данную ему отъ природы. *Человѣкъ, дѣйствительно уважающій человѣческую личность, долженъ уважать ее въ своемъ ребенкѣ.* Все воспитаніе должно измѣниться подъ вліяніемъ этой идеи». Такъ учитъ Писаревъ. И это какъ нельзя болѣе справедливо. Не проходитъ-ли черезъ всю нашу воспитательную систему уродливое стремленіе обезличить человѣка съ минуты его перваго лепета вплоть до полученія всевозможныхъ аттестатовъ? Чисто механическая система усвоенія, отсутствіе живого интереса и нравственной связи между учащими и учащимися—вотъ то мертвящее всякое благое начинаніе зло, съ которымъ на первыхъ-же порахъ приходится встрѣчаться каждому, кто мало-мальски углублялся въ изученіе педагогики.

Читатель уже знаетъ воззрѣнія Писарева на этотъ счетъ. Онъ припомнитъ въ этомъ мѣстѣ его убійственную характеристику гимназическаго курса, припомнитъ письмо къ матери, гдѣ, объясняя свой разладъ съ нею, Писаревъ говоритъ, что причина такого разлада кроется въ «воспитательномъ деспотизмѣ», въ пренебреженіи внутреннимъ *я* воспитанника и въ желаніи сдѣлать изъ него нѣчто на свой собственный образецъ. А природа? Вѣдь она-же вкладываетъ въ человѣка его силы, его влеченія и страсти. Воспитаніе должно лишь регулировать ихъ, должно подавлять дурное, развивая умъ, но «формировать характеръ—нелѣпая претензія».

Отсутствіе уваженія къ природѣ, къ естественнымъ наклон-

ностямъ и даже потребностямъ организма можно встрѣтить на каждомъ шагу. Припомните, съ какой страстностью Писаревъ защищалъ *здоровье* учащихся дѣтей. «Пусть—говоритъ онъ—школа поглощаетъ время воспитанниковъ, не давая имъ за это время прямо полезныхъ знаній, но пусть она по крайней мѣрѣ *не посягаетъ на ихъ здоровье*». Хотя-бы это! Но «когда мы смотримъ на слабаго, блѣднаго и притупленнаго юношу, мы имѣемъ полное право сказать съ законной гордостью: вотъ дѣло рукъ нашихъ. Мы заставляли его учиться, когда ему хотѣлось спать, мы заставляли его сидѣть на мѣстѣ, когда ему хотѣлось бѣгать, мы держали его въ четырехъ стѣнахъ, когда ему необходимо было дышать свѣжимъ воздухомъ, мы мужественно боролись со всѣми естественными стремленіями этого строптиваго организма и, какъ видите, мы достигли того, что этотъ организмъ, утратилъ всю свою строптивость и въ настоящую минуту не стремится рѣшительно ни къ чему».

Послѣднее время мы какъ-то особенно усердно трепали вопросъ о переутомленіи учащихся. Рѣшусь напомнить, что этотъ вопросъ ровно 30 лѣтъ тому назадъ былъ поднятъ и великолѣпно разработанъ Писаревымъ. Итакъ—физическое здоровье, какъ основа состоятельной личности,—это необходимый minimum и вмѣстѣ съ тѣмъ краеугольный камень. Тотъ-же принципъ смѣло можетъ быть приложенъ и къ области воспитанія умственнаго. Взваливать на ребенка слишкомъ много—это величайшее зло.

«Я твердо увѣренъ,—пишетъ Писаревъ,—что ни гимназія, ни университетъ, ни какое либо другое учебное заведеніе не могутъ и никогда не будутъ въ состояніи выпускать въ свѣтъ совершенно образованныхъ людей, то есть такихъ людей, которымъ незачѣмъ было бы трудиться больше надъ собственнымъ развитіемъ и пріобрѣтать новыя знанія собственными усиліями». «Когда школа хочетъ замѣнить человѣку самообразованіе, тогда она берется совсѣмъ не за свое дѣло и, стараясь сдѣлать для учащагося юношества черезъ чуръ много, не дѣлаетъ даже того, что составляетъ ея прямую и естественную обязанность. Самообразованіе составляетъ необходимую и въ высшей степени законную фазу человѣческаго развитія. Школа должна стремиться не къ тому, чтобы избавить человѣка отъ трудовъ самообразованія, а къ тому, чтобы сдѣлать эти труды возможными и плодотворными. Школа должна возбудить въ человѣкѣ любознательность, и во-вторыхъ развернуть и укрѣпить силы его ума настолько, чтобы человѣкъ, выходя изъ школы въ жизнь, могъ, безъ посторонихъ руководителей, искать и находить разумное удовлетвореніе своей любознательности».

Этого достаточно, чтобы ознакомиться съ сущностью воззрѣній Писарева на воспитаніе. Мы видѣли лишь фундаментъ, но все зданіе слишкомъ обширно, чтобы я могъ обрисовать его читателю...

Писаревъ, какъ критикъ.

Слава Писарева основывается на его критическихъ статьяхъ. И на самомъ дѣлѣ трудно представить себѣ болѣе увлекательное чтеніе. Пылкое и вмѣстѣ съ тѣмъ полное юмора изложеніе, слогъ близкій къ разговорному и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно изящный, художественная полнота, съ которой развивается мысль безъ этихъ непріятныхъ скачковъ и постоянныхъ отступленій за нѣсколько верстъ въ сторону—дѣлаютъ любую статью Писарева и доступной для всѣхъ, и интересной для всѣхъ. Среди своихъ поклонниковъ Писаревъ считалъ не мало гимназистовъ и дѣвушекъ. Передаютъ даже комическую формулу, съ какой когда-то мужья 60-хъ годовъ обращались къ своимъ супругамъ шестидесятницамъ: «матушка, или хозяйствомъ заниматься, или Писарева читать»—затѣмъ слѣдовали свирѣпые взгляды на недожаренное жаркое или переваренный картофель. Все это говоритъ совсѣмъ не о томъ, что Писаревъ высказывалъ маленькія мысли, а лишь объ его литературномъ искусствѣ, объ удивительномъ мастерствѣ словесныхъ дѣлъ и той завлекательности, которую онъ умѣлъ придавать самымъ сухимъ матеріямъ. Изящество и легкость его статей ничуть не мѣшаютъ серьезности ихъ содержанія, и пожалуй даже наоборотъ: талантъ Писарева какъ-бы разгорался, встрѣчая себѣ препятствія, и достигалъ своего кульминаціоннаго пункта тамъ, гдѣ трудность разбираемаго вопроса была наибольшая.

Это о формѣ статей Писарева. Публицистическая сторона ихъ цѣликомъ вращается возлѣ одной драмы русской жизни, которую онъ подмѣтилъ съ первыхъ-же шаговъ своей литературной дѣятельности. Разъяснять эту драму, раскрывать передъ читателемъ всю ея полную непригляднаго мрака глубину—онъ считалъ своей главной обязанностью и не забывалъ о ней ни на минуту, лишь только перо попадало въ его руку. Читатель знаетъ эту драму. Ея сущность сводится къ тому слишкомъ обычному явленію, какъ невѣжество и предразсудки засасываютъ свободную человѣческую личность. Страшная драма—кончается-ли она смертью героя, или тѣмъ, какъ, постепенно привыкнувъ къ своему халату и туфлямъ, человѣкъ осоловѣлыми глазами смотритъ на міръ Божій, не воспринимая изъ него ни

мысли, ни добраго чувства, ни стремленія къ живой дѣятельности, а лишь неотразимый позывъ къ зѣвотѣ. «Безличность, безгласность, умственная лѣнь и вслѣдствіе этого умственное безсиліе—вотъ,—говоритъ Писаревъ,—болѣзни, которыми страдаетъ наше общество, наша критика; вотъ что часто мѣшаетъ развитію молодого ума, вотъ что заставляетъ людей сильныхъ, ставшихъ выше этого мѣщанскаго уровня, страдать и задыхаться въ тяжелой атмосферѣ рутинныхъ понятій, готовыхъ фразъ и безсознательныхъ поступковъ». Произведенія Писемскаго, Тургенева, Гончарова служили Писареву обильнѣйшимъ матеріаломъ для иллюстраціи «драмы». Въ «Тюфякѣ» напр. три молодыя личности, не обиженныя природою, измучиваются, вянутъ и гибнутъ. Въ этихъ личностяхъ нѣтъ ничего особеннаго ни въ хорошую, ни въ дурную сторону; онѣ не геніи и не уроды; одаренные достаточной долей ума и практическаго смысла, онѣ могли бы прожить себѣ въ свое удовольствіе, вырастить съ полдюжины дѣтей и умереть спокойно, оставивъ по себѣ пріятное воспоминаніе въ сердцахъ благодарнаго потомства: т. е. своихъ дѣтей и внучатъ. Выходитъ совсѣмъ не то, что слѣдовало ожидать. Одинъ изъ трехъ—Павелъ Бешметевъ—спивается съ кругу и умираетъ въ молодыхъ лѣтахъ. Другая—жена Бешметева—проводитъ молодость въ грубыхъ семейныхъ сценахъ и остается вдовою тогда, когда уже не знаетъ, что дѣлать съ своею свободою, третья—сестра Бешметева—посвящаетъ жизнь свою служенію обязанности, живетъ для своихъ дѣтей, терпитъ дурака мужа, полу-Поздрева, полу-Манилова, и медленно хилѣетъ, потому что съ одной обязанностью не проживешь жизни.

«И это жизнь!—восклицаетъ Писаревъ,—стоитъ-ли заботиться о своемъ пропитаніи, поддерживать свое здоровье, беречься простуды только для того, чтобы видѣть, какъ день смѣняется ночью, какъ чередуются времена года, какъ подрастаютъ одни люди и старѣются другіе. Если жизнь не даетъ ни живого наслажденія, ни занимательнаго труда, то зачѣмъ-же жить? Зачѣмъ пользоваться самосознаніемъ, когда самъ не находишь для него цѣли и приложенія?»..

За этой-то драмой гибели человѣческой личности «въ тяжелой атмосферѣ рутинныхъ понятій, готовыхъ фразъ и безсознательныхъ поступковъ»—Писаревъ слѣдилъ, повторяю, съ особеннымъ напряженнымъ вниманіемъ. Писемскій, какъ человѣкъ особенно близкій къ дѣйствительности, исключительно не терпѣвшій какой-бы то ни было идеализаціи, пользуется большой его симпатіей, и онъ частенько

возвращается къ его романамъ, черпая въ нихъ то, чего ему не хватало по недостатку личнаго опыта. У Писемскаго онъ нашелъ своихъ *внучатъ дитей*, «для которыхъ послѣднее произнесенное слово служитъ закономъ и для которыхъ противъ безсознательнаго крика большинства нѣтъ апелляціи»,—своихъ карликовъ. Но такія статьи, какъ «Погибшіе и Погибающіе», вводятъ насъ уже въ область темнаго царства, гдѣ горе не отъ одной уже рутинности понятій.

Самостоятельной теоріи искусства Писаревъ не создалъ; впрочемъ онъ мало и занимался имъ. Въ литературномъ произведеніи былъ важенъ для него прежде всего тотъ матеріалъ, который оно заключаетъ въ себѣ. Матеріалъ ничтоженъ или лживъ,—Писаревъ мечетъ громы и молніи; правдивъ, важенъ,—Писаревъ пользуется имъ для проведенія своихъ излюбленныхъ идей. Выдуманнаго онъ терпѣть не можетъ, но отсюда совершенно не слѣдуетъ, чтобы онъ требовалъ отъ художника быть фотографическимъ аппаратомъ и только. Какъ въ каждомъ человѣкѣ Писаревъ цѣнилъ больше и прежде всего свободно и смѣло-выраженную индивидуальность, такъ и въ художникѣ. «Поэтъ долженъ воплощать въ себѣ лучшія стремленія своего вѣка, долженъ страдать страданьемъ міра и радоваться его радостью. Онъ пишетъ кровью своего сердца. А чтобы дѣйствительно писать кровью сердца, необходимо безпредѣльно и глубокосознательно любить и ненавидѣть, и чтобы эта любовь и ненависть были дѣйствительно чисты отъ всякихъ примѣсей личной корысти и мелкаго тщеславія, необходимо много передумать и многое узнать». Любовь и ненависть на прочномъ фундаментѣ личнаго опыта и знанія—вотъ что больше всего цѣнится Писаревымъ въ поэтическомъ произведеніи. Дѣйствующая, боевая точка зрѣнія на жизнь, воодушевлявшая его постоянно, перенесена въ область искусства. Одинаково смотрѣлъ онъ и на критику: онъ требовалъ, чтобы критикъ *выражалъ себя*, боролся и проповѣдывалъ во имя своей любви и ненависти. Легко себѣ представить, какъ отнесся-бы онъ къ нашей безличной, вегетаріанской литературѣ, читая произведенія которой, не знаешь, что собственно приходится тебѣ дѣлать: соломку-ли жевать, или перелистывать страницы, гдѣ робость мысли, шатаніе чувства бросаются въ глаза прежде всего.

X.

На свободѣ.—Разрывъ съ Благосвѣтловымъ.—Новая любовь.—Изъ воспоминаній о Писаревѣ А. М. Скабичевскаго.—Слава.—Переходъ въ «Отечественныя Записки».—Смерть Писарева.

Выйдя изъ крѣпости, Писаревъ поселился вмѣстѣ съ матерью и сестрами въ маленькой и скромной квартирѣ на Петербургской сторонѣ. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, измученнымъ; въ немъ пробуждалась страстная потребность полнаго умственнаго отдыха. Но надо было писать, чтобы жить. Эти послѣдніе годы ему приходилось зачастую насиловать себя, берясь за перо, и опъ то и дѣло жалуется на какую-то апатію, на бездѣйственность. Хорошій человѣкъ на мѣстѣ Благосвѣтлова, понимая, что сдѣлалъ Писаревъ для «Русскаго Слова» и что-бы онъ могъ сдѣлать въ будущемъ, отдохнувши, какъ слѣдуетъ,—помогъ бы ему въ этомъ. Но не такимъ былъ Благосвѣтловъ. Здѣсь-то, въ эпизодѣ разлада, а затѣмъ и разрыва съ Писаревымъ, проявилась, какъ нельзя лучше, вся мелочность и буржуйство его натуры. Поводъ, послужившій къ разладу, былъ ничтоженъ, причины-же лежали, какъ кажется, глубже. Попробуемъ разобраться въ этомъ эпизодѣ. Строго говоря, какъ ни амикошонствовалъ Благосвѣтловъ съ Писаревымъ, искренно опъ къ нему никогда не относился. Трудно повѣрить, а между тѣмъ Писареву во время зенита его славы приходилось писать Благосвѣтлову изъ крѣпости такія напр. письма:

«Григорій Евлампиичъ. Твое послѣднее письмо страдаетъ крайней неопредѣленностью выраженій, и потому я прошу тебя дополнить его нѣкоторыми комментаріями. Ты пишешь: «на будущее-же время ты можешь предлагать «Русскому Слову» какія угодно условія, а я буду принимать или отвергать ихъ, смотря по нравственной деликатности нашихъ отношеній и по моей возможности, но *прошу меня уволить одинъ разъ и навсегда отъ всякихъ полицейскихъ ревизій*». Я съ своей стороны никакихъ новыхъ условій предлагать «Русскому Слову» не намѣренъ; старыя-же наши условія состоятъ въ томъ, что я получаю 50 р. за печатный листъ и кромѣ того *четвертую долю* барышей, когда они окажутся въ наличности. Если ты этими существующими условіями недоволенъ, то это уже твое дѣло предлагать мнѣ новыя условія и мое дѣло принимать или не принимать ихъ. Поэтому прошу тебя или формулировать новыя условія, или объявить мнѣ, что мы остаемся при старыхъ. Я полагаю,

что наши отношенія основывались до сихъ поръ и должны основываться не на нравственной деликатности, а на нашей взаимной выгодѣ. Мнѣ выгодно работать за извѣстную плату въ извѣстномъ журналѣ, а издателю выгодно печатать мои работы, нравственная деликатность тутъ ни при чемъ. Что-же касается до твоей просьбы отъ увольненія тебя отъ полицейскихъ ревизій, то я безъ малѣйшаго труда могу ее исполнить, по той простой причинѣ, что я до настоящей минуты подобныхъ ревизій не производилъ. Если-же ты подразумѣваешь, что я подсылалъ въ твою квартиру полисмэновъ и личностей искусныхъ въ подсматриваніи, то мнѣ остается только пожалѣть о томъ, что ты разбрасываешь въ частной перепискѣ такія полемическія драгоцѣнности, которыя слѣдуетъ прибережать для печати.—Что никто не можетъ удерживать меня въ «Русскомъ Словѣ», это я прекрасно знаю и безъ твоихъ поясненій, но что я не имѣю ни малѣйшаго желанія отходить отъ такого журнала, которому впродолженіи четырехъ лѣтъ были посвящены всѣ мои умственныя силы и который отчасти обязанъ своимъ успѣхомъ моимъ работамъ, это, я думаю, ты понимаешь очень хорошо и безъ моихъ объясненій. Отойти теперь отъ «Русскаго Слова» значило-бы отказаться отъ жатвы съ того поля, которое я вспахалъ и засѣялъ вмѣстѣ съ тобою и другими нашими сотрудниками. Если твоя нравственная деликатность не возмущается подобными предложеніями, то я думаю, что на такой нравственной деликатности мудрено строить какія-бы то ни было прочныя отношенія.

«Поэтому я и предлагаю тебѣ для фундамента этихъ отношеній, вмѣсто нравственной деликатности, взаимную выгоду, что совершенно согласно съ нашею общею теоріей послѣдовательной утилитарности и систематическаго эгоизма. — Наше объясненіе, происходившее 4-го августа, произвело между нами нѣкоторую холодность; если-бы отношенія наши были основаны на нравственной деликатности, то эта возрастающая холодность легко могла-бы привести за собою разрывъ, что, во всякомъ случаѣ, было бы съ нашей стороны непростительною глупостью и даже нарушеніемъ нашихъ общественныхъ обязанностей. Но такъ какъ намъ обоимъ не выгодно расходиться, то я надѣюсь, что мы не разойдемся. Любить другъ-друга мы, можетъ быть, совсѣмъ не будемъ, но это взаимное любленіе ни на что не нужно. Ты попрежнему будешь отыскивать и доставлять мнѣ какъ можно больше хорошихъ книгъ, для того, чтобы я писалъ въ твой журналъ занимательныя статьи; а я попрежнему буду писать какъ можно лучше, для того, чтобы пріобрѣтать себѣ деньги и извѣстность.

«Такъ какъ я не желалъ бы тратить время на дипломатическую переписку, то я и прошу тебя, если ты не имѣешь особенныхъ возраженій противъ моего сотрудничества въ «Русскомъ Словѣ», озаботиться о скорѣйшемъ доставленіи мнѣ матеріаловъ для статьи «О нашихъ литературныхъ правахъ». Я полагаю, по зрѣломъ размышленіи, что вмѣсто статей о Контѣ и Боклѣ лучше-бы было дать рядъ статей о Шекспирѣ; во-первыхъ эти послѣднія были-бы удобнѣе въ

цензурномъ отношеніи, а во-вторыхъ ихъ можно помѣстить во второй отдѣлъ, который такимъ образомъ окажется обезпеченнымъ почти на всю осень. На этотъ счетъ я желалъ-бы получить немедленный отвѣтъ. Статья «Школа и жизнь» отправлена; само собою разумѣется, что эту статью я кончу даже въ томъ случаѣ, если ты признаешь нужнымъ отказать мнѣ отъ «Русскаго Слова». Ты спрашиваешь у меня, не дамъ-ли я тебѣ 5 тысячъ взаймы. На этотъ вопросъ я отвѣчу тебѣ: не дамъ. Затѣмъ имѣю честь быть. 7-го августа 1865 г.»

О какомъ такомъ полицейскомъ надзорѣ говоритъ Благосвѣтловъ, понять довольно трудно, такъ какъ его письма, вызвавшаго отвѣтъ Писарева, не сохранилось. Основываясь однако на другихъ документахъ, имѣющихся у меня подъ рукой, я съ большой увѣренностью утверждаю, что о полицейскомъ надзорѣ Благосвѣтловъ заговорилъ вотъ почему: однажды — незадолго до разбираемаго эпизода—Писаревъ какъ-то мимоходомъ и безъ всякой задней мысли спросилъ въ письмѣ у Благосвѣтлова: «правда-ли, что у «Русскаго Слова» всего 1700 подписчиковъ? Неужели такъ мало? Если правда, то надо стараться во всю!» Этотъ вопросъ и показался Благосвѣтлову «полицейскимъ надзоромъ», такъ какъ, по его-же собственному объщанію, Писаревъ долженъ былъ получать четвертую часть чистаго дохода.

Такъ это или иначе—не знаю, несомнѣнно однако, что два послѣдніе года жизни Писарева Благосвѣтловъ держалъ себя по отношенію къ нему нѣсколько «неудобно». Направо и налѣво говорилъ онъ, что Писаревъ исписался, что ждать отъ него больше нечего, что теперь это уже не статьи, а компиляціи и пр. Мало того, онъ очевидно подыскивалъ себѣ новыхъ сотрудниковъ.

Писаревъ такой политики не могъ не замѣтить и, придравшись къ какому-то самому незначительному поводу, разорвалъ съ своимъ «патрономъ», очень повидимому удовлетвореннымъ тѣмъ, что ему уже не надо будетъ выплачивать четвертой части доходовъ,—и принялся за переводы и компиляціи, пока не нашелъ наконецъ себѣ новаго мѣста въ «Отечественныхъ Запискахъ».

По этому поводу Писаревъ писалъ П. Шелгунову:

«Николай Васильевичъ! Я передъ вами виноватъ безъ оправданія. Вызвавшись, въ разговорѣ съ Л. П., заботиться объ интересахъ вашей умственной жизни, я до сихъ поръ не только не указалъ вамъ ни одной книги и не сказалъ вамъ ни одного дѣльнаго слова, но и вообще не отвѣтилъ толкомъ ни на одно изъ вашихъ писемъ. Теперь я пишу къ вамъ, чтобы сообщить извѣстіе, которое, по всей вѣроят-

пости, будетъ вамъ очень непріятно, и можетъ быть значительно уронитъ меня въ вашихъ глазахъ. Я разошелся съ тѣмъ журналомъ, въ которомъ мы съ вами работали, и должень вамъ признаться, что разошелся не изъ принциповъ и даже не изъ-за денегъ, а просто изъ-за личныхъ неудовольствій съ Григоріемъ Евлампіевичемъ (Благосвѣтловымъ). Онъ поступилъ невѣжливо съ одною изъ моихъ родственницъ, отказался извиниться, когда я этого потребовалъ отъ него, и тутъ же замѣтилъ мнѣ, что если отношенія мои къ журналу могутъ поколебаться отъ каждой мелочи, то этими отношеніями нечего и дорожить. У меня уже заранѣе было рѣшено, что если Г. Е. не извинится, я покончу съ нимъ всякія отношенія. Когда я увидѣлъ изъ его словъ, что онъ считаетъ себя за олицетвореніе журнала и смотритъ на своихъ главныхъ сотрудниковъ, какъ на наемныхъ работниковъ, которыхъ въ одну минуту можно замѣнить новымъ комплектомъ поденщиковъ, то я немедленно разсчитался съ нимъ, принявши мѣры къ обезпеченію того долга, который остался на мнѣ. Эта исторія произошла въ послѣднихъ числахъ мая. Такъ какъ я не имѣю возможности содержать въ Петербургѣ цѣлое семейство, то моя мать и младшая сестра въ началѣ іюня уѣхали въ деревню, а я остался, ищу себѣ переводной работы и веду студенческую жизнь. Теперешній адресъ мой: На Малой Таврической, домъ № 23, кв. № 2. Вы можетъ быть скажете, Николай Васильевичъ, что изъ любви къ идеѣ мнѣ слѣдовало бы уступить и уклониться отъ разрыва. Можетъ быть, это дѣйствительно было бы болѣе достойно серьезнаго общественнаго дѣятеля. Но признаюсь вамъ, что я на это не способенъ».

Какъ-бы то ни было, разрывъ произошелъ. Писаревъ, создавшій «Русское Слово», придавшій ему физіономію, безъ которой оно не имѣло-бы ни малѣйшаго права на самостоятельное существованіе, долженъ былъ оставить свой собственный журналъ. Это любопытный фактъ въ исторіи нашей литературы, къ сожалѣнію не единственный. Вѣдь за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ то-же самое случилось съ Бѣлинскимъ. Любопытно, что оба эпизода даже въ мелочахъ похожи другъ на друга. Все равно какъ Благосвѣтловъ направо и налѣво распускалъ слухи, что Писаревъ выдохся и готовъ былъ похоронить его живымъ, такъ точно поступалъ и Краевскій въ отношеніи къ Бѣлинскому. Все равно какъ «Отечественныя Записки» 40-хъ годовъ были созданы Бѣлинскимъ, такъ и «Русское Слово» было создано Писаревымъ. Тому и другому, и Бѣлинскому, и Писареву пришлось испытать всю «черную» неблагодарность со стороны предпринимателей, составившихъ уже себѣ состояніе ихъ трудами и вдохновеніемъ. Какъ литературные работники, они, несмотря на талантъ, несмотря на привязанность и восторги публики, оказались безсильны въ борьбѣ съ издательскимъ капризомъ и

мошной. Капризъ и мошна побѣдили: высосавъ изъ Писарева и Бѣлинскаго лучшіе соки, Краевскій и Благосвѣтловъ выбросили ихъ чуть не на мостовую. Какъ угодно, а это недурная иллюстрація къ нашей литературной организаціи.

«Но что-же, скажетъ читатель, оставивъ одинъ журналъ, всегда можно найти другой: Бѣлинскій переселился въ *Современникъ*, Писаревъ въ *Отечественныя Записки*...»

Подобное разсужденіе доказываетъ полное незнакомство съ психологіей журналиста. Какъ морякъ привязывается къ своему кораблю и находитъ его самымъ красивымъ изъ всѣхъ, какъ каждый изъ насъ привязывается къ своему дому, земледѣлецъ къ своей пашнѣ и своему хозяйству — такъ и журналистъ къ своему журналу. Лишь работая въ немъ, чувствуетъ онъ полноту свободы. У него уже есть своя публика, свои поклонники, которые привыкли къ нему, понимаютъ его съ полуслова, извинятъ ему оплошность, лучше другихъ оцѣнятъ его достоинства. Въ своемъ журналѣ ему уже не приходится тратить силъ на приспособленіе: въ новомъ мѣстѣ это необходимо. Не всегда къ тому-же бываетъ легкимъ дѣломъ отыскать новое мѣсто. Такъ и случилось съ Писаревымъ.

Оставивъ «Дѣло», онъ очутился не у дѣлъ. Всякій заурядный писатель нашелъ-бы себѣ мѣсто въ какомъ-нибудь изъ второстепенныхъ журналовъ, но Писареву нужно было занимать или первое мѣсто, или никакого; первое-же мѣсто было возможно для него лишь въ «Дѣлѣ», единственномъ по направленію журналѣ, въ которомъ Писаревъ могъ-бы найти себѣ полный просторъ. Отказываясь-же отъ «Дѣла», приходилось отказываться и отъ журналистики и какъ разъ въ такое время, когда она походила на утлый челнъ, получившій пробоину. «Современникъ» «Русское Слово» были закрыты окончательно, остались только «Отечественныя Записки», «Литературная Библіотека», «Библіотека для чтенія», «Женскій Вѣстникъ», «Русскій Вѣстникъ», въ которыхъ для писателей «Современника» и «Русскаго Слова» мѣста быть не могло. «Дѣло», едва возникшее на развалинахъ «Русскаго Слова», не могло одно спасти утлаго челна, готоваго, казалось, совсѣмъ погибнуть. Но нужно сказать къ чести «Дѣла», что оно энергично боролось за собственное существованіе и подавало признаки сильной живучести. Мѣсто «Современника» пока еще не было занято, но и въ его сотрудникахъ сказывалась живая струйка, и во всякомъ слу-

чаѣ люди вѣрили, надѣялись, и пожалуй и знали, что пробоина въ утломъ челнѣ будетъ задѣлана и челнъ не утонетъ.

Вотъ къ этому-то времени, Писаревъ, въ ноябрѣ 1867 г., опять писалъ Шелгунову:

«Николай Васильевичъ! Я все лѣто собирался написать къ вамъ, а осенью уже пересталъ собираться и подумалъ, что должно быть не напишу никогда. Вчера я получилъ ваше письмо и сегодня отвѣчаю на него. Вы желаете знать подробности о положеніи нашей журналистики. Я самъ стою теперь въ сторонѣ отъ нея. Съ «Дѣломъ» я разошелся въ концѣ мая вслѣдствіе личныхъ неудовольствій, и съ тѣхъ поръ не сходился съ нимъ. Получая книжки «Дѣла» и видя мое имя въ каждой изъ нихъ, вы могли думать, что мы помирились. Но этого нѣтъ и вѣроятно не будетъ. Въ «Дѣлѣ» печаталась и печатается до сихъ поръ моя большая историческая работа, которая была отдана туда за долго до нашего разрыва, и которую я не считалъ себя въ правѣ брать назадъ, тѣмъ болѣе, что начало ея было уже отпечатано. Я не участвую ни въ «Дѣлѣ», ни въ какомъ-бы то ни было другомъ журналѣ. Что-же у насъ теперь кромѣ «Дѣла» есть въ журналистикѣ? «Отечественныя Записки» —извѣстный вамъ разлагающійся трупъ, въ которомъ скоро и червямъ нечего будетъ ѣсть. «Всемірный Трудъ», въ которомъ роль перваго критика играетъ Николай Соловьевъ; «Литературная Библіотека» или вѣрнѣе собраніе литературныхъ инсинуацій и абсурдовъ; «Женскій Вѣстникъ», котораго издательница ведетъ постоянно до сорока процессовъ въ мировыхъ судахъ по поводу отжиливанья денегъ.

Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня;
Нѣтъ, не дряхлому востоку
Покорить меня!

«И конечно не этимъ журналамъ заманить меня. Есть дѣйствительно слухи о томъ, что затѣвается новый журналъ, въ которомъ будутъ участвовать нѣкоторые изъ прежнихъ сотрудниковъ «Современника». Но эти слухи много разъ проносились и оказывались ложными или, по крайней мѣрѣ, преждевременными. Какъ-бы то ни было, но до сихъ поръ я не получилъ никакого приглашенія участвовать въ этомъ ожидаемомъ журналѣ. И вѣроятно я его не получу. Партія «Современника» меня не любитъ и нѣсколько разъ доказывала печатно, что я очень глупъ. Искренно-ли было это мнѣ-

ніе—не знаю, но во всякомъ случаѣ сомнѣваюсь, чтобы Антоновичъ и Жуковскій захотѣли работать со мною въ одномъ журналѣ»...

Писаревъ не жалуется. Онъ находитъ еще въ себѣ силу шутить. Но пусть хотя бы на основаніи общечеловѣческой психологіи, читатель постарается проникнуть въ его душу. Одна жестокая необходимость, оставивши первое мѣсто въ журналистикѣ и возможность постояннаго общенія съ читателемъ, заниматься переводами ради куска хлѣба—можетъ сломить всякаго. Писаревъ похожъ на рыбу, выброшенную на берегъ. Удружилъ ему «его Благосвѣтліе», какъ онъ звалъ своего патрона, удружилъ и остался, какъ нельзя болѣе, довольнъ собою...

* * *

О послѣднихъ-же годахъ жизни Писарева интересные факты сообщаетъ А. М. Скабичевскій.

«Изрѣдка я навѣщалъ Писарева послѣ освобожденія его изъ крѣпости. Онъ повезъ меня даже къ Благосвѣтлову съ цѣлью пристроить къ «Русскому Слову». Я провелъ у Благосвѣтлова цѣлый вечеръ, созерцая, какъ Писаревъ со своимъ патрономъ и — не помню—еще съ какими-то двумя партнерами игралъ въ преферансъ и проигралъ нѣсколько рублей. Я и прежде былъ предубѣжденъ противъ Благосвѣтлова, — слышалъ, какъ онъ скаредно расплачивается съ сотрудниками и относится къ нимъ довольно грубо и пренебрежительно и какъ эксплоатируетъ Писарева, пользуясь скромностью его потребностей и безсребренностью. Лично онъ произвелъ на меня въ свою очередь отталкивающее впечатлѣніе: и во всей фигурѣ его, и въ разговорахъ, и въ самой обстановкѣ комнатъ, способѣ игры, скудномъ ужинѣ, какимъ закончился вечеръ,—было что-то грубоватое, аляповатое, собакевичевское, и вмѣстѣ съ тѣмъ прижимистое, скаредное...

«Онъ пригласилъ меня писать рецензіи о новыхъ книгахъ и компилятивныя статьи въ «Русскомъ Словѣ»; я отвѣтилъ согласіемъ, но не спѣшилъ приступить къ дѣлу, а затѣмъ вскорѣ былъ приглашенъ Некрасовымъ въ «Современникъ» и предпочелъ его «Русскому Слову».

«Послѣ каракозовскаго выстрѣла началось смутное время, аресты, прекращеніе журналовъ и пр. Въ этотъ годъ я очень рѣдко видѣлся съ Писаревымъ; не помню, былъ ли у него хоть разъ осенью и зимою 1866 года. Но весною 1867 года я какъ-то забрелъ къ нему

утромъ и засталъ его въ состояніи сильной хандры и раздражительности. Онъ жаловался, что ничего у него не пишется: напишетъ страницу и сейчасъ же разорветъ.

«— А все причиной моя несчастная любовь!—воскликнулъ онъ съ той прозрачной откровенностью, какою всегда отличался:—такъ ужъ вѣрно суждено мнѣ въ жизни—влюбляться въ своихъ кузинъ и каждый разъ безуспѣшно... А я чувствую, что строчки не напишу, пока не добьюсь торжества своей любви.

«Вскорѣ послѣ этого визита онъ переѣхалъ съ Петербургской стороны къ Маріи Александровнѣ Марковичъ, — и мнѣ ни разу болѣе не пришлось быть у него. Въ томъ же 1867 году онъ разошелся съ Благосвѣтловымъ и былъ приглашенъ Некрасовымъ въ «Отечественныя Записки».

«Сторонники «Русскаго Слова», превратившагося въ 1867 году въ «Дѣло», говорили, что, перейдя въ «Отечественныя Записки», Писаревъ совсѣмъ пересталъ быть прежнимъ Писаревымъ, увялъ и обезцвѣтился. Но это было одно пустое злорѣчіе. Если и въ самомъ дѣлѣ послѣдніе три года жизни Писарева не ознаменовались никакимъ яркимъ проявленіемъ его таланта, то какія бы обстоятельства ни были причиною этого, во всякомъ случаѣ переходъ въ «Отечественныя Записки» былъ тутъ не причемъ. Сильно сомнѣваюсь я, чтобы Благосвѣтловъ могъ имѣть на Писарева какое бы то ни было вдохновляющее вліяніе, а что платилъ онъ ему за статьи, составлявшія главную силу и украшеніе «Русскаго Слова», возмутительно мало и скаредно, этого никто не оспоритъ. «Отечественныя Записки», обѣщая Писареву не въ примѣръ большее матеріальное обезпеченіе, въ то же время предоставляли полный просторъ для его пера. Онъ могъ быть спокоенъ, что каждая статья его, что бы онъ ни написалъ, будетъ съ радостью принята.

«Но правда и то, что, несмотря на все это, Писареву все-таки въ «Отеч. Запискахъ» было не по себѣ, и это очень понятно. Въ «Русскомъ Словѣ» его хотя и обсчитывали, но за нимъ все-таки ухаживали, устраивали нарочно для него карточные вечера по маленькой, смотрѣли на него снизу вверхъ, и онъ рядомъ съ прочими сотрудниками чувствовалъ себя великаномъ среди пигмеевъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» передъ такими престарѣлыми уже корифеями, какъ Некрасовъ, Салтыковъ, Елисѣевъ,—Писаревъ чувствовалъ себя хотя и талантливымъ, но все-таки молодымъ. Поэтому онъ никогда почти не бывалъ въ редакціи «Отечественныхъ

Записокъ». Только два раза видѣлъ я его въ квартирѣ Некрасова: разъ это было на первомъ обѣдѣ, который далъ Некрасовъ своимъ сотрудникамъ по выходѣ первой книжки «Отечественныхъ Записокъ» подъ новой редакціей въ 1868 году. Писаревъ сидѣлъ на этомъ обѣдѣ рядомъ со мною, молчаливый, сосредоточенный, нѣсколько даже растерянный среди людей мало ему знакомыхъ, между которыми къ тому же были такія личности, какъ Салтыковъ, къ которымъ онъ такъ недавно еще относился съ самыми безпощадными сарказмами въ разгарѣ своей полемики съ «Современникомъ».

«Въ другой разъ я встрѣтилъ Писарева въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» въ одинъ изъ понедѣльниковъ, когда члены редакціи и сотрудники собирались обыкновенно отъ двухъ до четырехъ часовъ, весною въ апрѣлѣ или маѣ 1868 года. Онъ влетѣлъ въ редакцію на этотъ разъ такой веселый и оживленный, какимъ я его давно не видѣлъ.—«Должно быть—подумалъ я невольно—онъ дождался праздника своей любви!»—Пришелъ онъ съ цѣлью проститься передъ своимъ отъѣздомъ на лѣто въ Дуббельнъ на морскія купанья. Восторженное расположеніе духа его, «сіяніе», какъ онъ самъ выражался о подобныхъ моментахъ своей жизни, еще болѣе просіяло, когда вошла въ редакцію совершенно незнакомая ему дѣвушка съ большимъ поясньмъ фотографическимъ портретомъ его и, узнавши подлинникъ, подошла къ нему съ робкою просьбою подписаться подъ портретомъ, что Писаревъ тотчасъ же конечно охотно исполнилъ. Самолюбіе его естественно было польщено этимъ проявленіемъ популярности его, тѣмъ болѣе, что оно произошло въ глазахъ людей, передъ которыми Писареву особенно должно было быть пріятно заявить свою популярность. Въ этомъ отношеніи, надо правду сказать, поклонница его не могла избрать болѣе счастливаго момента для того дѣла, съ которымъ явилась къ Писареву. Кто она? жива-ли? и если жива, гдѣ она? Помнитъ-ли этотъ эпизодъ въ своей жизни? Во всякомъ случаѣ большое ей спасибо за то, что она доставила лишнее свѣтлое мгновеніе человѣку, который вполнѣ заслужилъ такого почета, какой она ему оказала.

«Думалъ-ли я въ то время, что вижу Писарева въ послѣдній разъ? Въ то-же лѣто его не стало. Онъ, какъ извѣстно, утонулъ, купаясь въ морѣ, въ Дуббельнѣ, гдѣ проводилъ лѣто. Замѣчателенъ въ этомъ отношеніи тяготѣвшій надъ нимъ фатумъ: три раза въ своей жизни онъ подвергался опасности утонуть. Въ первый разъ онъ едва не

утонулъ въ дѣтствѣ, купаясь въ рѣчкѣ, въ деревнѣ на своей родинѣ, его вытащилъ уже полумертваго мужикъ. Во второй разъ онъ подвергся опасности утонуть, будучи въ первомъ курсѣ университета. Извѣстно, что въ университетъ онъ поступилъ очень рано—пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. И вотъ такой студентъ-отрокъ однажды весною, незадолго до вскрытія рѣкъ, шелъ черезъ Неву и вздумалось ему испробовать прочность льда, затянувшаго тонкимъ слоемъ тѣ продольныя полыньи, какія весною устраиваются для предстоящей разводки мостовъ. Онъ ступилъ обѣими ногами въ полынью, и тотчасъ же провалился по-горло. И опять таки явился на помощь спасительный мужикъ, шедшій сзади, и вытащилъ барина за воротникъ пальто.

«На третій разъ въ Дуббельнѣ спасительнаго мужика не оказалось. Замѣчательно, что въ то время, какъ другіе тонутъ, оттого что не умѣютъ плавать, Писаревъ напротивъ того обязанъ своею смертію именно тому, что былъ слишкомъ хорошій и отважный пловецъ. Вотъ какъ произошла печальная катастрофа, какъ мнѣ передавали потомъ близкіе люди Писарева, жившіе съ нимъ въ Дуббельнѣ. Купальное мѣсто, гдѣ бралъ морскія ванны Писаревъ, было расположено такъ, что съ берега на нѣкоторое разстояніе было мелко; затѣмъ слѣдовалъ глубокій фарватеръ. За нимъ—мель; далѣе—опять глубокое мѣсто, опять мель. Будучи хорошимъ пловцомъ, Писаревъ такимъ образомъ переплывалъ два или три фарватера, отдыхая на каждой промежуточной мели. Такъ случилось и на этотъ разъ: судя по тому, гдѣ было найдено его тѣло, можно заключить, что онъ благополучно переплылъ два глубокія мѣста, а въ третьемъ утонулъ,—вслѣдствіе-ли нервнаго удара или судорогъ осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Онъ пошелъ купаться одинъ; мѣсто, гдѣ онъ купался, было пустынное, и въ то-же время онъ такъ далеко уплылъ, что никто не замѣтилъ, когда онъ погрузился въ воду. Лишь продолжительное отсутствіе его возбудило тревогу въ близкихъ; начались поиски, причемъ тѣло его было найдено и вынуто изъ воды рыбаками по прошествіи многихъ часовъ послѣ несчастія. Это былъ вполнѣ уже бездыханный трупъ, и о спасеніи жизни утонувшаго нечего было и думать.

«Таинственная смерть Писарева не замедлила возбудить массу нелѣпѣйшихъ слуховъ и сплетенъ въ литературныхъ кружкахъ. Такъ напримѣръ, и до сихъ поръ многіе подозрѣваютъ, что Писа-

ревъ сознательно наложилъ на себя руки, умышленно утопился. Но это подозрѣніе лишено всякихъ основаній. Правда, что послѣ психической болѣзни въ студенческіе годы, отъ которой Писаревъ лечился въ больницѣ Штейна, у него оставались на всю жизнь нѣкоторые признаки психической ненормальности. Онъ вполнѣ оправдывалъ въ этомъ отношеніи теорію Ломброзо, что геніи и талантливые люди по самой природѣ своей — люди психически больные. Но ненормальности эти имѣли самый невинный характеръ, выражаясь лишь въ минутныхъ странностяхъ и чудачествахъ всякаго рода. То напримѣръ вдругъ ни съ того ни съ чего, бросивъ спѣшную работу, увлекался онъ ребяческимъ занятіемъ раскрашиванья красками политипажей въ книгахъ; то, отправляясь лѣтомъ въ деревню, заказывалъ портному лѣтнюю пару изъ ситца яркихъ колеровъ, изъ какихъ деревенскія бабы шьютъ сарафаны. По выходѣ изъ крѣпости Писаревъ пришелъ въ крайне возбужденное состояніе, выразившееся рядомъ совершенно несообразныхъ поступковъ: за обѣдомъ напримѣръ въ одномъ домѣ, кажется у Благосвѣтлова, онъ смѣшалъ на одну тарелку всѣ кушанья и ѣлъ эту мѣшанину, началъ вдругъ раздѣваться въ обществѣ и т. п. Но это скоро прошло, и Писаревъ, быстро освоившись съ свободою, вошелъ въ свою колею. Но при всѣхъ этихъ чудачествахъ никогда не былъ онъ подверженъ мрачной меланхоліи, пессимизму, отчаянію. Въ общемъ настроеніе духа его было всегда полно жизнерадостнаго сознанія своихъ богатыхъ силъ, таланта и популярности. Сіялъ онъ, уѣзжая въ Дуббельнъ «для поправленія расшатанныхъ первовъ», какъ онъ объяснялъ выборъ дачной мѣстности, сіялъ и въ день смерти. По крайней мѣрѣ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, какія я имѣю, отправлялся купаться, онъ былъ особенно веселъ, оживленъ и доволенъ собою и всѣмъ окружавшимъ его, однимъ словомъ пилъ съ наслажденіемъ полную чашу жизни».

Онъ умеръ 4-го іюля 1868 года.

Писарева схоронили на Волковомъ кладбищѣ. Благосвѣтловъ въ день похоронъ писалъ Н. В. Шелгунову: «Сегодня похоронили Писарева. Свинцовый гробъ его (около 40 пудовъ) несли до самой могилы, верстъ пять, молодые люди и даже молодыя дамы помогали. Человѣкъ двѣсти шло за гробомъ, и я радовался, что кружокъ умныхъ и честныхъ людей понемногу растетъ. При похоронахъ Добролюбова, несмотря на то, что онѣ были въ ноябрѣ, т. е. при полномъ

сборѣ людей, понимающихъ его, я видѣлъ не болѣе 50-ти человѣкъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ мною надъ могилой Писарева, двѣ дамы, заливаясь слезами, бросились на его могилу и стали цѣловать ее. Я дальше не могъ говорить и самъ заплакалъ».

Тутъ-же, на могилѣ, во время похоронъ была открыта подписка, но не на памятникъ, а для стипендіи имени Писарева. «И безъ памятника не потеряется его могила, — писалъ Благосвѣтловъ, — а это все, что нужно. Собрано было на могилѣ рублей 700, и авось цифра достигнетъ того итога, какой нуженъ хоть для уплаты двухъ матрикулъ двумъ бѣднымъ студентамъ».

«Какая удивительная судьба,—прибавляетъ отъ себя Н. В. Шелгуновъ.—Въ 1860—61 гг. (будучи 20-ти лѣтъ) Писаревъ, едва выступившій въ журналистику, сразу обращаетъ на себя вниманіе, слѣдующіе затѣмъ 4 года онъ проводитъ въ заключеніи и создаетъ себѣ громкую извѣстность и широкое вліяніе; обезсиленный излишне-напряженной первой жизнью. Писаревъ выходитъ на свободу съ надорванными силами, а черезъ $1^1/_2$ года друзья и почитатели уже плачутъ надъ его могилой. Едва-ли есть другой примѣръ такъ быстро и ярко изгорѣвшей человѣческой жизни, лишенной всего того, что люди обыкновенно зовутъ счастьемъ. У Писарева не было личной жизни, и въ обыденномъ, и въ необыденномъ смыслѣ; сначала онъ къ чему-то готовился, потомъ напряженно думалъ, потомъ, охваченный нахлынувшими впечатлѣніями, которыхъ онъ былъ лишенъ впродолженіи 4-хъ лѣтъ, потерялъ равновѣсіе и внезапно умеръ. И это чувство жизни, оставшееся неудовлетвореннымъ и постоянно напоминавшее о себѣ, служитъ разгадкою характера Писарева и характера его думъ и размышленій. Онъ кажется и въ самомъ дѣлѣ считалъ себя глубокимъ эгоистомъ и по убѣжденію, и по природѣ. Какъ-же поступалъ этотъ глубокій эгоистъ и на что истратилъ онъ свою жизнь? Всю эту жизнь, всѣ свои силы, Писаревъ истратилъ, проповѣдуя, несмотря ни на что и въ безвыходномъ уединеніи, свою честную идею, къ которой онъ шелъ прямо, не оглядываясь ни назадъ, ни впередъ, къ своей цѣли. На могилѣ другого такого-же эгоиста Добролюбова Некрасовъ сказалъ: «Бѣдное дѣтство въ домѣ бѣднаго сельскаго священника, бѣдное, полуголодное ученье; потомъ 4 года лихорадочнаго неутомимаго труда и наконецъ годъ за-границей, проведенный въ предчувствіяхъ смерти—вотъ и вся біографія Добролюбова».

Писарева похоронили противъ Добролюбова черезъ дорожку. Три героя мысли — Бѣлинскій, Добролюбовъ и Писаревъ спятъ рядомъ вѣчнымъ сномъ!...

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ роли Писарева въ исторіи русскаго просвѣщенія, позволю себѣ дать его характеристику, *какъ личности.*

По приложенному портрету читатель видитъ, что онъ обладалъ красивымъ, умнымъ и благороднымъ лицомъ. Его манеры, нѣсколько развязныя въ студенческіе годы, стали впослѣдствіи сдержанными, такъ что своей внѣшностью онъ въ полномъ смыслѣ этого слова напоминалъ джентльмэна. Шелгуновъ, встрѣтивъ его въ 1861 г., разсказываетъ о своей встрѣчѣ слѣдующее: «Разъ утромъ я зашелъ къ Благосвѣтлову. Въ первой комнатѣ у конторки стоялъ щеголевато одѣтый, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, почти юноша, съ открытымъ, яснымъ лицомъ, большимъ хорошо очерченнымъ умнымъ лбомъ и съ большими умными, красивыми глазами. Юноша держалъ себя нѣсколько прямо, точно его что-то поднимало, и во всей его фигурѣ чувствовалась боевая готовность. Это былъ Писаревъ. Благосвѣтловъ назвалъ насъ по фамиліи, мы пожали другъ другу руки и перекинулись какими-то незначительными фразами». Этотъ красиво нарисованный Шелгуновымъ портретъ Писарева можетъ дать читателю наилучшее представленіе о его внѣшности. Самоувѣренная, спокойная гордость сознающаго свою силу таланта выражалась въ его лицѣ, во всей его фигурѣ. «Его что-то приподнимало»—говоритъ Шелгуновъ, и мы легко понимаемъ, что этимъ «что-то» была юность и неизвѣданная еще глубина волнующихся силъ. Наружность Писарева, какъ и его слогъ, отличались того-же уравновѣшенною страстностью и тою-же смѣлою самоувѣренностью бойца, безъ всякой торопливости и нервности — этихъ вѣрныхъ признаковъ мелкихъ душъ и робкихъ характеровъ.

Казалось-бы, что человѣкъ, обладающій такой наружностью и такимъ блестящимъ талантомъ, какъ Писаревъ, долженъ былъ пользоваться большимъ успѣхомъ среди женщинъ. Однако исторія его несчастной любви доказываетъ, что дѣло обстояло совершенно иначе. Онъ возбуждалъ лишь платоническіе восторги и привязанности. Какъ Тургеневъ, онъ былъ «однолюбцемъ»; страсть къ одному существу всецѣло овладѣвала имъ и поглощала его. Ничего донъ-жуанскаго не

было въ его натурѣ, чтобы ни говорилъ онъ о своемъ эпикуреизмѣ. Женщины увлекались не имъ, а его талантомъ, ореоломъ его славы, доходили въ своемъ увлеченіи до колѣнопреклоненія. Съ ихъ стороны это была привлекательная дань умственной силѣ, тѣмъ болѣе привлекательная, что она основана на чистыхъ стремленіяхъ души.

Отношенія Писарева къ кузинѣ и матери показываютъ, что онъ былъ способенъ на привязанность безъ измѣны и уклоненія. Мать онъ любилъ горячо, страстно, въ тяжелыя минуты жизни онъ обращался къ ней съ письмами и признаніями, глубиной своего чувства напоминающими признанія Некрасова. Одинаково сердечно относился онъ всегда и къ своему отцу, и къ своимъ сестрамъ. Онъ внимательно слѣдилъ за развитіемъ послѣднихъ, помогая имъ, гдѣ могъ, своими совѣтами, книгами, деньгами.

Честолюбіе не мучило его, но онъ зналъ себѣ цѣну и требовалъ ея признанія. Быстрый, имѣющій мало подобныхъ себѣ въ исторіи литературы успѣхъ не вскружилъ ему головы, а напротивъ, какъ здоровому человѣку, придалъ еще больше силъ, еще больше желанія работать на томъ поприщѣ, гдѣ его сразу встрѣтили съ изумленіемъ и восторгомъ, злобою, негодованіемъ и завистью. Въ немъ была чудная черта мужества жизни, не дававшая ему впадать въ уныніе. Онъ сильно и бодро смотрѣлъ въ глаза будущему, готовый на все, удачи и неудачи, радости и испытанія. Перечтите его письма изъ крѣпости, припомните его гордыя слова послѣ прекращенія «Русскаго Слова». Только неномѣрная работа подточила его силы и мужество, но не неудачи. Годъ или два полнаго отдыха, вотъ все, что ему нужно было, чтобы засвѣтить попрежнему, но увы—не въ наше торгашеское время можно отдохнуть, и сколько силъ, сколько талантовъ упало измученными среди дороги, сколько плетутся по ней, утерявъ бодрость и вѣру отъ простаго переутомленія...

Обычныя явленія нашей русской душевной жизни, извѣстныя подъ именемъ «больная совѣсть», «больной умъ», «больная душа», не были, къ счастью, знакомы Писареву. Живя въ душной атмосферѣ, привыкшіе вдыхать всякую копоть и всякій чадъ, иные выработали совершенно особенное мѣрило для людей. Они цѣнятъ и такихъ, кто совершенно подавленъ жизнью, кто утерялъ всякую смѣлость и бодрость душевную, кто не смѣетъ признать своего права на личное счастье, кто ушелъ въ уголъ и страдаетъ тамъ, униженный и приг-

пстенный. Отчасти они правы. Но для жизни безкопечно дороже другіе—бодрые и смѣлые, готовые на борьбу и побѣду, съ сильно развитымъ чувствомъ своего достоинства, своихъ неотъемлемыхъ правъ на свѣжій воздухъ, на широкое, человѣческое существованіе.

Къ такимъ принадлежалъ Д. И. Писаревъ. Онъ не казнился неоплатнымъ долгомъ передъ народомъ, не давалъ гнетущимъ впечатлѣніямъ жизни давить себя. Не закрывая на нихъ глаза, онъ въ то-же время не боялся ихъ.

Жилъ онъ всегда очень скромно, то въ меблированной комнаткѣ, то въ мазановскихъ нумерахъ, то въ кропечныхъ квартиркахъ. Получая 1500—2000 въ годъ (всего!), онъ и не могъ жить иначе и былъ доволенъ. Семья, книги, работа — вотъ его идеалъ. Знакомыхъ у него было немного, и вообще онъ не легко сходился съ людьми, но рѣдкимъ качествомъ — способностью пріобрѣтать друзей и оставаться имъ вѣрнымъ,—онъ обладалъ въ большой степени. Онъ былъ сердечной натурой, несмотря на свою строгость въ отношеніи къ людямъ.

Вотъ все, что мнѣ хотѣлось сказать о личности Писарева. Надѣюсь, біографія его доказала читателю, что онъ былъ не только большимъ писателемъ, но и большимъ человѣкомъ. Правдивость и мужество—рѣдкія качества, какъ самородныя глыбы золота—служили лучшимъ украшеніемъ его характера. Но правдивость и мужество создаютъ большихъ людей. Ни то ни другое не доступно маленькимъ, робкимъ смертнымъ.

XI.

Заключеніе.

Формальпо трудъ мой законченъ. Я разсказалъ читателю, какъ родился, жилъ и работалъ Писаревъ и какъ трагически умеръ онъ. Но мнѣ хочется прибавить еще нѣсколько страницъ къ своему «очерку» и опредѣлить мѣсто Писарева въ исторіи умственнаго развитія Россіи. Я постараюсь доказать, что мѣсто это большое и что въ критическихъ статьяхъ Писарева развита очень любопытная и поучительная основа философско-исторической системы. Но сначала, въ какомъ отношеніи стоялъ Д. И. Писаревъ къ своему времени, т. е. къ 60-мъ годамъ, и что это за годы?

Между сороковыми и шестидесятыми годами—разница вообще очень существенная. Въ настоящую минуту напримѣръ мы гораздо ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ. Шестидесятые годы мы не прочь даже развѣнчивать, и наши современные гимназисты ясно представляютъ себѣ «всѣ ихъ крайности и увлеченія». Указываютъ на криминальные проступки: развѣнчаніе Пушкина и Лермонтова, ожесточенные нападки на Тургенева, утверждаютъ даже, что тогда сапоги предпочитались Шекспиру, что́ впрочемъ несправедливо. Но главная бѣда шестидесятыхъ годовъ — это преклоненіе передъ пользой. «Польза, польза, — патетически восклицаетъ г. Мережковскій.—Чей свѣтлый умъ не помрачало это слово въ нашъ вѣкъ?» И свѣтлые умы шестидесятыхъ годовъ находились въ помраченіи отъ этого ужаснаго призрака. Что у нихъ за идеалы? «Искусство должно служить жизни», «человѣкъ обязанъ стремиться къ общему благу» — Боже мой, скука какая! Какъ все это мелко, утилитарно, какъ малъ размахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какая ожесточенная, узкая нетерпимость. «Современникъ» громитъ Тургенева, онъ же чуть не

съ пѣной у рта набрасывается на Писарева; Писаревъ въ лоскъ отдѣлываетъ Щедрина, каждый мѣсяцъ раздается вызывающій свистъ. Словомъ—что-то ужасное, ни съ чѣмъ не сообразное. Разсмотрѣть же за всѣмъ этимъ ужаснымъ и несообразнымъ живое человѣческое начало, глубокую вѣру, хотѣвшую горы сдвинуть съ мѣста,—не легко. Нападать гораздо легче, тѣмъ болѣе, что угловатостей у шестидесятниковъ — сколько угодно.

Люди сороковыхъ годовъ первые почувствовали, что они чужды этой начинавшейся повизнѣ. Тургеневъ разсорился съ «Современникомъ», Григоровичъ оставилъ литературу, «обожаемому» 20 лѣтъ тому назадъ Пушкину былъ брошенъ гордый вызовъ. Даже Лермонтовъ, повторяю, не уцѣлѣлъ, въ чемъ были повинны впрочемъ не шестидесятые годы, а Зайцевъ, состоявшій при Писаревѣ въ качествѣ адъютанта и ежеминутно готовый доводить до абсурда его точку зрѣнія. Теперь причина этого разрыва между двумя поколѣніями для насъ ясна. Попробуемъ формулировать ее.

Сороковые годы отличались немалой отвлеченностью. Гегель былъ объявленъ царемъ мысли. Къ нему обращались всѣ мыслящіе и чувствующіе люди за рѣшеніемъ всѣхъ своихъ сомнѣній, какъ къ новому дельфійскому оракулу, и вопрошали его: «что есть истина?». Къ сочиненіямъ Гегеля подходили «со страхомъ и вѣрою», какъ выразился Огаревъ, и готовы были «стоять предъ нимъ на колѣняхъ», какъ говоритъ Грановскій. «Есть вопросы, — писалъ послѣдній,— на которые человѣкъ не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Ихъ не рѣшаетъ и Гегель, но все, что доступно теперь знанію человѣка, и самое знаніе у него чудесно объяснено». Изученіе философіи Шеллинга и Гегеля превратилось въ настоящій культъ. Философскія системы не только передумывались, но и переживались. Ничтожныя книжонки о Гегелѣ «исправно выписывались и зачитывались до дыръ, до пятенъ въ нѣсколько дней». Увлеченіе доходило до смѣшного: «всякое простое чувство возводилось въ категоріи», все опредѣлялось по субстанціямъ, гуляли не для того, чтобы освѣжиться и отдохнуть, а чтобы «отдаться пантеистическому чувству единства съ космосомъ». Все это любопытно и поучительно. Гегеліанская закваска не могла исчезнуть очень долго, и опять-таки тѣ-же шестидесятые годы въ извѣстной статьѣ г. Антоновича не только попытались развѣнчать Гегеля, но и обратить его въ ничто. Въ искусствѣ сороковыхъ

годовъ Гегель также былъ учителемъ. Съ его точки зрѣнія, цѣль искусства — воспроизводить прекрасное, проявлять гармонію. Таково его единственное назначеніе. Всякая другая цѣль: очищеніе, нравственное совершенствованіе, поучительность,—только подробности, аксессуары или слѣдствія. Созерцаніе красоты вызываетъ въ насъ тихое и чистое наслажденіе, несовмѣстимое съ грубыми удовольствіями чувственнаго характера: оно поднимаетъ душу надъ обычною сферою ея помысловъ, предрасполагаетъ ее къ благороднымъ рѣшеніямъ и великодушнымъ поступкамъ путемъ тѣснаго сродства, существующаго между чувствами и идеями добра, красоты и истины. Это и было исповѣданіемъ вѣры людей 40 годовъ, оттого-то Бѣлинскій и написалъ между прочимъ цѣлый томъ о Пушкинѣ, а Анненковъ проспдѣлъ нѣсколько лѣтъ надъ изданіемъ сочиненій поэта. Гдѣ, на самомъ дѣлѣ, такъ проявилась гармонія, гдѣ такъ воспроизводилось прекрасное, какъ не у Пушкина? Ему поклонялись, его «обожали», читали и комментировали, и впервые поняли его.

Искусство, творчество — вотъ высшее въ жизни. Только здѣсь человѣкъ лучше всего, полнѣе всего, безъ всякой зависимости проявляетъ самого себя и получаетъ наслажденіе, равнаго которому нѣтъ на землѣ. Григоровичъ трогательно высказалъ этотъ взглядъ въ заключительныхъ словахъ своихъ воспоминаній. Разумѣется, это не мѣшало людямъ сороковыхъ годовъ быть гуманистами, въ нихъ жило сознаніе человѣческаго достоинства, и они возмущались, видя это достоинство затоптаннымъ въ грязь. Но еще больше, чѣмъ возмущенія, было радости, высокой, несоизмѣримой ни съ чѣмъ радости творчества, созерцанія красоты, проявленія гармоніи.

Это одна сторона сороковыхъ годовъ. Была въ нихъ и другая, развившаяся и опредѣлившаяся лишь въ шестидесятые. Я говорю о демократической струнѣ, о жалости ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ, о желаніи счастья человѣку, какимъ бы онъ ни былъ въ настоящую минуту. Оказалось, что созерцать красоту и проявлять гармонію по крайней мѣрѣ недостаточно. Вѣдь у того же пророка Гегеля есть прямо обидныя слова. Напр.: «нечего — говоритъ онъ — проливать слезы и жаловаться, что хорошимъ и нравственнымъ людямъ часто и даже большей частью плохо живется, тогда какъ дурнымъ и злымъ хорошо». Позвольте, какъ такъ нечего плакать? Нѣтъ, тутъ есть отъ чего плакать, надо не только

красоту созерцать, не только проявлять гармонію, но и думать о томъ, во имя того работать, чтобы «хорошимъ и нравственнымъ людямъ» на самомъ дѣлѣ хорошо жилось. «Мы — говорила демократическая партія сороковыхъ годовъ — ровно ничего не имѣемъ противъ красоты и гармоніи. Мы обожаемъ ихъ и поклоняемся имъ, только что-же прикажете дѣлать съ униженными и оскорбленными?» Бѣлинскій глубоко задумался надъ этимъ и съ своей обычной страстностью написалъ слѣдующія строки: «Мнѣ говорятъ: «развивай всѣ сокровища своего духа, для свободнаго самонаслажденія духомъ; плачь, дабы утѣшиться, скорби, дабы возрадоваться; стремясь къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣстницы развитія, а сиоткнешься — падай, чортъ съ тобой, таковскій и былъ, с... с...! Благодарю покорно, Егоръ Ѳедоровичъ Гегель, кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ удалось влѣзть на высшую ступень развитія, — я и тамъ попросилъ бы васъ отдать отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр., и пр., иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастья и даромъ, если не буду спокоенъ насчетъ каждаго изъ моихъ собратій по крови».

Это прямо пророческія слова. Бѣлинскій какъ нельзя лучше угадалъ то направленіе, по которому пойдетъ мысль русская. И она поклонится философскому колпаку, и она будетъ имѣть честь донести, «что если дисгармонія — условіе гармоніи, то ужъ конечно не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи».

Сороковые годы выработали идеалъ человѣка, научно и эстетически развитой культурной личности, стоящей на высшей ступени развитія. Это было настолько ново въ Россіи, что мудрено было не увлечься такимъ идеаломъ. И имъ увлекались, больше даже — его боготворили. Надо, необходимо надо возвыситься надъ мерзкой и пошлой дѣйствительностью, надо умѣть находить красоту во всемъ, и въ сіяніи солнца, и въ жизни мужика. Только тотъ, кто достигъ высшей ступени развитія, кто позналъ наслажденія творчества — можетъ съ полнымъ достоинствомъ носить названіе человѣка. Есть одна таинственная, притягательная область—

область искусства, въ которой, отдаваясь порывамъ вдохновенія, талантъ можетъ постигнуть всю красоту, всю гармонію жизни.

Но тутъ-же началась и реакція. Человѣкъ — человѣкомъ, но гдѣ-же гражданинъ? Русская мысль сороковыхъ годовъ слишкомъ мало думала о гражданствѣ. Обиженный жизнью, окружающимъ его формализмомъ, жестокостью, человѣкъ инстинктивно искалъ какого-нибудь примиренія съ дѣйствительностью и находилъ его въ творчествѣ, искусствѣ... Но звучала уже въ эти богатые годы другая струна:

Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ...

Этой струнѣ не всѣ сочувствовали, не всѣ, прямо говоря, поняли ее. Слишкомъ трудно было отказаться отъ принятыхъ взглядовъ; съ этими взглядами связано такъ много дивныхъ воспоминаній, имъ же люди были обязаны «долей истиннаго счастья ... На сцену выступили люди «весьма даровитые», но «холодные и замкнутые». Опираясь на-тѣ же сороковые годы, на ихъ демократизмъ, на ихъ увлеченіе Жоржъ Зандомъ, на ихъ стремленіе осуществить свою мысль въ дѣйствительности,—они выдвинули на сцену прежде всего гражданскіе мотивы и идею нравственнаго долга человѣка передъ обществомъ. Это было нѣсколько скучно. Прежніе кумиры легко не могли найти себѣ мѣста и часто даже не находили его. Совершенно естественно почему. Въ сороковыхъ годахъ мирно уживались два направленія: эстетическое и гуманитарное. Лучшіе представители сороковыхъ годовъ (какъ Тургеневъ, Григоровичъ и т. д.) соединяли въ себѣ то и другое. Они столько же взывали къ состраданію и уваженію къ униженному и оскорбленному, сколько заботились и о красотѣ формы. Они были классиками искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ людьми, глубоко сочувствовавшими страданіямъ Антона Горемыки.

Но настала пора, и «общегуманитарныя» воззрѣнія пришлось перевести на практическій языкъ. Какъ же, спросили себя, устроить дѣло такъ, чтобы Антонъ Горемыка не только возбуждалъ сочувствіе и состраданіе людей, достигшихъ высшихъ ступеней развитія, но и вообще «былъ бы счастливъ?» Законно-ли, чтобы человѣкъ, описывая страданія Горемыки, чувствовалъ высочайшее художественное наслажденіе и «испытывалъ истинное счастье»?..

Тутъ, какъ хотите, что-то такое есть.

Подвергнувъ «что-то такое» тщательному анализу, нашли, что люди сороковыхъ годовъ, воспитанные на Гегелѣ и его эстетикѣ, на общегуманитарныхъ воззрѣніяхъ, на доктринѣ, которая хотя и соглашалась признавать зло существующаго, но постоянно старалась примирить его во имя дивной красоты и общей гармоніи мірозданія,—были больше людьми, чѣмъ гражданами, имѣющими ясное и опредѣленное представленіе о тѣхъ путяхъ, которыми можетъ процвѣтать и развиваться, и совершенствоваться дорогое отечество. Надо было найти эти пути. Расколъ неминуемо долженъ былъ явиться, и люди сороковыхъ годовъ временно или навсегда устранили себя отъ литературной дѣятельности.

Но этотъ расколъ не заключалъ въ себѣ ничего принципіальнаго; излюбленныя идеи 40-хъ годовъ получили лишь спеціальную окраску. Дѣятели 60-хъ годовъ ведутъ свое литературное происхожденіе отъ дѣятелей 40-хъ, но они выдвинули на первый планъ лѣвую сторону, выдвинули поклонъ Бѣлинскаго философскому колпаку и музу Некрасова. Ихъ первой задачей было разрѣшить вопросы общественнаго благополучія.

Недоразумѣніе должно было произойти. Вмѣсто «неистоваго Виссаріона»—Бѣлинскаго, готоваго своимъ всеобъемлющимъ геніемъ постигать и красоту Пушкина и требовать отчета за жертвы инквизиціи,—въ роли руководителя явился двадцатилѣтній Добролюбовъ, для котораго всякій «гражданиномъ быть обязанъ».

Въ сферѣ понятій «человѣкъ и гражданинъ», «художникъ и общественный дѣятель» и сосредоточился, повторяю, расколъ между сороковыми и шестидесятыми годами. Одни больше выдвигали на сцену перваго, т. е. человѣка, другіе—гражданина.

*
* *

Этимъ сопоставленіемъ 40-хъ и 60-хъ годовъ я хотѣлъ показать читателю, что послѣдніе совсѣмъ не были какими-то разбойниками, произвольно и насильно вторгнувшимися въ мирную русскую жизнь, а напротивъ—представляли изъ себя логически необходимый шагъ въ развитіи дорогого отечества. То-же сопоставленіе показало намъ, что спеціальной чертой мысли 60-хъ годовъ были гражданственность и практичность. Если жизнь не хороша, то надо эту нехорошую жизнь хорошей сдѣлать. Таковъ принципъ, выросшій на почвѣ уваженія къ человѣческому достоинству. Во имя этого

достоинства дѣятели 60-хъ годовъ желали, чтобы человѣкъ и уменъ, и пригожъ былъ, чтобы ходилъ онъ чистенькій, да умытый, а не валялся, какъ свинья, въ помояхъ, чтобы красная дѣвушка его любила, и вообще, чтобы всякая пріятность въ жизни окружала его.

Итакъ, толчокъ къ реформированію жизни, данный съ высоты престола, имѣлъ подъ собой вполнѣ подготовленную почву. Страстная вѣра въ возможность переустроить бытіе и приспособить его къ счастью человѣческому—вотъ оно основное и первенствующее настроеніе 60-хъ годовъ. Тогда говорили и вѣрили, что совершенствовать жизнь можетъ и долженъ каждый, что вообще непристойно сидѣть на печи и ѣсть калачи, когда бытіе совершенствомъ не отличается.

Отсюда — практическій, утилитарный характеръ мысли того времени, «этотъ идеализмъ земли», какъ выражается Шелгуновъ. «Идеализмъ»—потому что люди вѣрили, «земли»—потому что земное счастье человѣка было ихъ основной заботой.

Общественное возбужденіе было громадно. Происходила всеобщая эмансипація—мужика, дѣтей, гражданина. Всѣ считали себя призванными рѣшать, а если не рѣшать, то по крайней мѣрѣ обсуждать. Обсуждали съ точки зрѣнія человѣческаго счастья и достоинства.

Какъ всегда, Европа много помогала движенію. Она давала уже выработанныя и прекрасно доказанныя политико-экономическія и философско-историческія формулы. Она вселяла вѣру въ науку и въ возможность построить человѣческую жизнь на незыблемыхъ научныхъ основаніяхъ. Надо было учиться и учить. Къ этому сводилось все.

Человѣкъ всѣми возможными и доступными для него способами *долженъ* стремиться къ развитію и совершенствованію.

Развитая личность, выходя въ жизнь, должна стараться привести ее въ сообразность съ разумомъ и наукой.

Вотъ программа 60-хъ годовъ.

*
* *

Послѣ сказаннаго выше найти мѣсто Писареву нетрудно. Смотря на жизнь, онъ прежде всего былъ пораженъ ея невѣжествомъ и ея бѣдностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ его одушевляла страстная вѣра въ возможность и необходимость перестроить неприглядное бытіе на основахъ науки и знанія.

Несомнѣнно, что онъ воспринялъ полностью традиціи 40-хъ годовъ и, вѣруя въ способность личности безконечно развиваться и совершенствоваться, продолжалъ дѣло Бѣлинскаго, Герцена и др. Особенно рѣзко бросается въ глаза связь статей Писарева и Бѣлинскаго: многія мѣста въ тѣхъ и другихъ какъ бы вышли изъ подъ того-же пера.

Припомните, какъ отстаивалъ Бѣлинскій личную свободу и самостоятельность.

Современники то и дѣло обвиняли его за то, что онъ не признаетъ никакихъ литературныхъ авторитетовъ и осмѣливается по поводу каждаго разбираемаго имъ автора свое сужденіе имѣть. Обвиненіе совершенно справедливое, но мы разумѣется поставимъ его въ заслугу великому критику. Это «свое сужденіе» и создало его славу, оно—его право на безсмертіе. Литературный авторитетъ такъ-же вреденъ, какъ и всякій другой, разъ человѣкъ подчиняется ему не сознательно, а лишь изъ робости мысли и чувства, словомъ—съ чужого голоса. Личность всякаго человѣка должна быть свободна, каждый можетъ думать и чувствовать по своему. Этому училъ Бѣлинскій. Разумѣется, что эмансипація личности не ограничивалась у него областью литературы и критики. Вооруженный тѣмъ-же принципомъ, онъ смѣло подходилъ къ вопросамъ любви, семейной и государственной жизни. «Нашъ романтизмъ—говоритъ онъ—хлопочетъ не о томъ, однажды или дважды должно и можно любить въ жизни, но о томъ, чтобы не разбить другого предавшагося вамъ сердца и не быть причиной несчастія его жизни. Одинъ такъ, другой иначе; тотъ—одинъ разъ въ жизни, этотъ—десять разъ; оба равно правы, лишь-бы только на совѣсти котораго-нибудь изъ нихъ не легло ничье несчастье.» Истинная любовь должна быть свободна, и человѣку нечего взваливать на себя какихъ-бы то ни было обязательствъ въ дѣлѣ чувства. «Нѣтъ болѣе чувства—пишетъ Бѣлинскій—и вѣрность теряетъ свой смыслъ.» То-же и насчетъ власти родительской: «если бы отецъ нашего времени сталъ отнимать у сына ложе его жизни на основаніи собственныхъ корыстныхъ разсчетовъ,—всѣ бы увидѣли, что отецъ любитъ себя, а не сына, и тѣмъ самымъ уничтожаетъ свои права надъ нимъ: ибо, если нѣтъ любви, связывающей отца съ дѣтьми, то у дѣтей нѣтъ отца.»

Не такое было время, чтобы Бѣлинскій могъ высказываться

свободно, но все-же его симпатіи и антипатіи намъ извѣстны очень хорошо. Что привлекало когда-то въ его статьяхъ, что продолжаетъ привлекать въ нихъ и въ настоящее время? Очевидно одно: уваженіе къ человѣку, настойчивое требованіе простора для мысли и чувства. Не даромъ-же Писаревъ съ такой почтительностью относился къ Бѣлинскому: онъ продолжалъ его дѣло.

Идея эмансипаціи личности разрушила крѣпостное право, создала реформы 60-хъ годовъ и внесла много свѣту въ темную область старинныхъ семейныхъ условій. Для русской жизни она была откровеніемъ и продолжаетъ быть имъ до настоящаго времени. Какъ пропагандировалъ ее Писаревъ—мы знаемъ.

Слѣдуя духу времени, онъ придалъ ей рѣзкую гражданско-утилитарную окраску. Этой стороной своего міросозерцанія онъ вплотную приросъ къ 60-мъ годамъ и несомнѣнно является однимъ изъ самыхъ яркихъ и талантливыхъ представителей «идеализма земли». Онъ цѣнилъ все, что улучшаетъ бытіе человѣка здѣсь на землѣ, но одинъ вопросъ постоянно смущалъ—и при томъ совершенно основательно смущалъ его мысль: можно-ли вливать новое вино въ старые мѣха?

Какой прахъ можетъ выйти изъ всѣхъ реформъ и благихъ начинаній, разъ самые люди ничтожны? Что подѣлаете вы съ карликами и господами, приспособленными лишь къ мартышкину труду? Только то обновленіе прочно, которое воспринято критически-мыслящими умами. Исторія послѣднихъ 30-ти лѣтъ доказала, что Писаревъ правъ. Оттого-то онъ и сосредоточилъ всѣ свои усилія на созданіи интеллигентныхъ людей, мысль которыхъ являлась-бы основой хорошей человѣческой жизни. Оттого-то онъ такъ страстно проповѣдывалъ критику и науку. Остановимся на минуту на терминѣ *интеллигентный человѣкъ*. Это приведетъ насъ къ философско-историческимъ взглядамъ Писарева.

Интеллигентнымъ человѣкомъ Писаревъ называлъ того, у кого въ головѣ есть своя самостоятельная мысль. Дѣло не въ образованіи, не въ знаніи и не въ дипломахъ, а дѣло въ томъ, чтобы человѣкъ въ своей собственной жизни, по мѣрѣ силъ и способностей, повторилъ умственный опытъ человѣчества, насколько это конечно возможно.

Каждую формулу необходимо понимать въ предѣлахъ, указуемыхъ благоразумiемъ. Если говорятъ, что надо повторить опытъ че-

ловѣчества, то это совсѣмъ не значитъ, что слѣдуетъ каждому начинать съ состоянія троглодита, изобрѣсти самому панталоны и куртки, пройдя предварительно черезъ стадію звѣриныхъ шкуръ, потомъ—огонь, потомъ—начальство, ибо «нѣтъ зла хуже беззаконія»—и т. д. вплоть до философіи Канта и Спенсера включительно. Это совсѣмъ пустяки. Панталоны и куртки изобрѣтены и довольно уже давно, Кантъ и Спенсеръ свою философію написали и изобрѣтать изобрѣтенныя вещи значитъ совсѣмъ напрасно тратить время. Но начать съ того, что въ самомъ способѣ воспріятія выработаннаго уже матеріала есть большая разница. Можно воспринимать такъ, какъ галчата поступаютъ: раскроютъ рты, мамаша имъ туда положитъ насѣкомое, они проглотятъ, переварятъ и выбросятъ. Такъ когда-то барышни дѣлали, да и тѣ теперь въ этомъ разочаровались. Можно воспринимать иначе: съ полнымъ уваженіемъ къ авторитету и вмѣстѣ съ тѣмъ съ полнымъ желаніемъ сохранить свою самостоятельность.

Это законно и даже необходимо. Знаменитое декартовское «doute absolue» еще и теперь не утеряло своего громаднаго значенія для развитія, и я думаю никогда его не утеряетъ. Нельзя конечно во всемъ сомнѣваться и ко всему относиться недовѣрчиво. Это мотовство и самомнѣніе. Когда вамъ говорятъ: «дважды два—четыре», что тутъ спорить?

Писаревъ постоянно твердилъ, что дорога самостоятельнаго мышленія съ должной дозой скептицизма и критицизма—вотъ единственно, что вырабатываетъ интеллигентныхъ людей, а не ходячія формулы. Формулы могутъ быть очень симпатичны, но люди, воплощающіе ихъ, могутъ тѣмъ не менѣе ни къ чорту не годиться. Они очень скучны—это во-первыхъ; очень подозрительны—это во-вторыхъ. Да, подозрительны. Вѣдь если они съ такой легкостью восприняли сегодня одну формулу, то кто-же поручится, что завтра они не воспримутъ съ одинаковой легкостью другой формулы, прямо противоположной первой? Вѣдь процессъ: раскрыть ротъ, проглотить и переварить—отъ этого не мѣняется.

Выработавъ себя путемъ самостоятельнаго мышленія, интеллигентный человѣкъ отличается поэтому двумя качествами: чувствительностью къ личному опыту—*во-первыхъ*; вѣротерпимостью—*во-вторыхъ*.

Можно образовать попугая и сдѣлать обезьяну очень прилично

образованной молодой особой. Но попугай всю свою попугайскую жизнь будетъ твердить одно: «дуракъ попка», а обезьяна—повторять рядъ извѣстныхъ тѣлодвиженій. Это-то и грустно, что и среди людей передкость тѣ-же самыя попугайство и обезьянничанье.

Люди, у которыхъ прекрасно развита шишка двуперстія, къ личному опыту, да и не только къ личному, а и вообще ни къ какому опыту не чувствительны. Имъ хоть колъ на головѣ теши, а они знай свое повторяютъ: «Іесусъ» да «Іесусъ». Не помню, какому-то типичному аббату среднихъ вѣковъ ученикъ сообщилъ свое астрономическое открытіе, что «на солнцѣ есть пятна».

— Другъ мой,—отвѣчалъ типичный аббатъ:—я всю жизнь внимательно читалъ Аристотеля и никакихъ пятенъ на солнцѣ у него не показано. Совѣтую и тебѣ перечесть внимательно творенія мудреца.

Въ данномъ случаѣ очевидно, что между двуперстіемъ и твореніями мудреца рѣшительно никакой разницы нѣтъ. Но это-то двуперстіе и уничтожаетъ всю красоту, всю полезность интеллигентной дѣятельности. Писаревъ ни въ чемъ другомъ ея красоты не видѣлъ, какъ именно въ оригинальности, въ самостоятельности, а когда передо мной, вмѣсто этихъ прекрасныхъ качествъ, штампъ, то, признаться, ничего кромѣ скуки и самаго искренняго позыва къ зѣвотѣ—никто и ощутить не можетъ.

Тутъ очевидно не о томъ рѣчь идетъ, чтобы каждый интеллигентъ свое «новое слово» сказалъ. Это слишкомъ ужъ жирно, да и не интересно, ибо embarras de richesse то-же самое, что embarras de misère. Слишкомъ много новыхъ словъ—вещь безполезная, да и невозможная.

Дѣло въ томъ лишь, что каждая старая мысль, разъ она воспринята самостоятельно мыслящимъ человѣкомъ, обращается въ мысль новую. Безъ субъективнаго оттѣнка—когда конечно дѣло идетъ не о научныхъ истинахъ—обойтись нельзя. А этотъ субъективизмъ, это его разнообразіе и расширятъ познаніе жизни, затрагивая такія стороны, которыя раньше какъ-бы и не заключались въ самой формулѣ. Вѣдь музыканты знаютъ, что та-же самая вещь въ исполненіи Шопена, Листа и Рубинштейна звучитъ нѣсколько иначе. Разумѣется, что она остается сама собой, но оттѣнокъ, тонъ ея другіе. У Листа больше мужества, энергіи, выразительности, у Шопена—задумчивости и грусти, у Рубинштейна—вдумчивости и пониманія.

Все это то-же самое, только «то, да не то». А разъ мы въ искусствѣ цѣнимъ виртуоза даровитаго, талантливаго, геніальнаго, то какъ не цѣнить его въ области мысли? И пусть такими именами, какъ Листъ, Шопенъ, Рубинштейнъ, никто не пугается. Чувствующій и самостоятельный человѣкъ можетъ проявиться и непремѣнно проявится въ самой маленькой сферѣ, а не только при полномъ залѣ разношерстной публики.

Но откуда-же этотъ субъективизмъ, этотъ оттѣнокъ? Откуда?— Очевидно изъ личнаго опыта. Оттого-то дѣйствительно интеллигентный человѣкъ чувствителенъ къ нему.

Затѣмъ—вѣротерпимость. Конечно и фанатизмъ имѣетъ свои разумныя основанія, опираясь на духъ времени и пр., но въ интеллигентной жизни онъ, строго говоря, нетерпимъ. Нѣтъ ему мѣста и быть не должно. Разъ красота интеллигентной жизни въ ея индивидуальности, въ ея оттѣнкахъ, то очевидно, что фанатизму и двуперстію дѣлать нечего. Они все стремятся подъ ранжиръ поставить, для нихъ ижица въ словѣ такъ-же важна, какъ и самая идея въ дѣлѣ.

Въ концѣ концовъ, какъ уже это понялъ проницательный читатель, все сводится къ вопросамъ: критицизмъ или догматизмъ? Люди или бараны? Панургово стадо, излагающее своимъ блеяніемъ извѣстнаго рода катехизисъ, или-же общество интеллигентовъ, самостоятельно мыслящихъ и самостоятельно чувствующихъ, пріученныхъ къ этой самостоятельности школой, жизнью, отношеніемъ къ нимъ тѣхъ, кто по всей справедливости стоитъ наверху, и собственными занятіями?

«Увлечься идеею не трудно, подчиниться идеѣ способенъ человѣкъ очень ограниченныхъ способностей, но такой человѣкъ не принесетъ идеѣ никакой пользы и самъ не выжметъ изъ этой идеи никакихъ плодотворныхъ результатовъ. Чтобы переработать идею, напротивъ того необходимъ живой мозгъ: только тотъ, кто переработалъ идею, способенъ сдѣлаться дѣятелемъ или измѣнить условія своей собственной жизни подъ вліяніемъ воспринятой имъ идеи, т. е. только такой человѣкъ способенъ служить идеѣ и извлекать изъ нея для самого себя осязательную пользу. Подчиняются идеямъ многіе, овладѣваютъ ими избранныя личности; оттого въ тѣхъ слояхъ нашего общества, которые называютъ себя образованными, господ-

ствуютъ идеи, но эти идеи не живутъ; идея только тогда и живетъ, когда человѣкъ вырабатываетъ ее силами собственнаго мозга; какъ только она перешла въ категорическій законъ, которому всѣ подчиняются, такъ она застыла, умерла и начинаетъ разлагаться»...

Въ этихъ словахъ Писарева какъ нельзя лучше изложена разница между человѣкомъ интеллигентнымъ, въ которомъ идея *живетъ*, и человѣкомъ образованнымъ, въ которомъ она лишь *пребываетъ*.

Интеллигентныхъ людей характеризуетъ творческая способность, творческая самостоятельность. Степень этой способности можетъ быть очень различна, но, малая или великая, она должна быть и при лучшихъ условіяхъ можетъ быть у большинства.

Такъ смотрѣлъ Писаревъ на интеллигентныхъ людей. Они—соль земли, инициаторы всего хорошаго, ихъ критическая мысль—залогъ прогресса и устойчивости этого прогресса.

Слѣдовательно, чтобы пересоздать жизнь, надо прежде всего эмансипировать личность и открыть ей дорогу, какъ къ развитію, такъ и проявленію самой себя.

*
* *

Совершенно понятно, почему идея эмансипаціи личности такъ страстно пропагандировалась русской журналистикой съ самой минуты ея сознательнаго пробужденія и проходитъ красною нитью черезъ сочиненія лучшихъ нашихъ критиковъ и публицистовъ. На Западѣ личность сознала себя уже въ XVI вѣкѣ и потребовала къ себѣ вниманія и уваженія, хотя-бы въ области религіозныхъ вѣрованій. Карлейль увѣряетъ, что новую исторію надо начинать со словъ Лютера: «hier stehe ich und anders kann ich nicht. Gott helfe mir», т. е. «я настаиваю на томъ, что *это* истина, иначе думать и вѣрить я не могу. Богъ да поможетъ мнѣ». Лютеръ сказалъ, что онъ имѣетъ право толковать священное писаніе, какъ *онъ* его понимаетъ, и вѣрить сообразно съ *своимъ* разумомъ. Французская революція признала личность, какъ политическую единицу, и лишь особенныя обстоятельства ограничили понятіе личности принадлежностью къ одному классу собственниковъ—буржуа. Въ буржуазной-же средѣ личность достигла и экономической независимости, но опять это была не простая человѣческая личность, а собственница. Какъ бы то ни было, втеченіи XIX вѣка Европа добилась правовой эмансипаціи личности и могла всѣ усилія свои сосредоточить

на томъ, чтобы дать праву реальность, т. е. обезпечить его въ экономическомъ отношеніи.

У насъ по этой части все шло шиворотъ на выворотъ. Мы учились у Запада, жадно прислушивались къ тому, что проповѣдуется съ берлинскихъ каѳедръ и парижскихъ трибунъ, читали Жоржъ Занда, Блана и пр., а между тѣмъ государственная жизнь покоилась на крѣпостномъ правѣ, т. е. на полнѣйшемъ отрицаніи личности, семья—на идеяхъ Домостроя, отрицавшихъ личность жены и дѣтей передъ воплощеніемъ патріархальнаго права, т. е. отцомъ. Это противорѣчіе сразу бросалось въ глаза и въ 40-хъ и 60-хъ годахъ не менѣе ярко, чѣмъ въ 20-хъ, или даже въ предыдущемъ столѣтіи.

Въ экономическомъ отношеніи крѣпостная Россія была сравнительно обезпечена и не безъ основанія вѣрила, что служитъ житницей Европы, способной уморить послѣднюю съ голоду, разъ та поведетъ себя нехорошо. Поэтому думать о вопросахъ экономическихъ было преждевременно, пока крѣпостная личность не получитъ права гражданства.

Бѣлинскій уже очень серьозно занимается этимъ вопросомъ, еще больше вниманія удѣлятъ ему Герценъ. Наступаютъ наконецъ 60-е годы. Вино подастся новое, но мѣха остаются прежними. Эти мѣха—крѣпостная личность, крѣпостная, хотя не юридически уже, но фактически, благодаря своей дикости, невѣжеству, умственной робости.

Отчаяннымъ натискомъ и геройскимъ приступомъ 60-е года заняли много позицій, гдѣ очень самодовольно и въ кажущейся безопасности сидѣли устои прежней жизни. Если ихъ можно было и притомъ сравнительно легко выкурить изъ кодекса законовъ, то выкурить ихъ изъ понятій оказалось куда труднѣе—прямо не подъ силу никому. Писаревъ посвятилъ этому всю свою молодую жизнь, всю страсть своей горячей натуры, весь свой громадный талантъ, и мнѣ думается, что онъ шелъ вѣрной дорогой, дополняя «Современникъ». «Отношенія между мужемъ и женою, между отцомъ и сыномъ, матерью и дочерью, воспитателемъ и воспитанникомъ—все это,—говорилъ онъ,—должно быть обсуживаемо и разсматриваемо съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. И это обсужденіе не должно привести къ составленію *законовъ* семейной жизни. Боже упаси! Догматизмъ вреденъ въ такихъ отношеніяхъ, въ которыхъ не должно быть ничего условнаго, въ которыхъ понятіе обязанности должно уступить

мѣсто свободному влеченію и непосредственному чувству. Выражать свои мысли и убѣжденія объ условіяхъ домашней жизни должно не для того, чтобы навязать эти мысли современному обществу, а для того, чтобы натолкнуть его на мысль о необходимости подвергнуть тщательному и смѣлому пересмотру существующія формы, освященныя вѣками и потому подернувшіяся вѣковою плѣсенью».

Русская исторія постоянно грѣшила какимъ-то вполнѣ систематическимъ отрицаніемъ личности. Въ этомъ повинны столько-же монгольское иго, сколько и Петръ Великій. Человѣка на сценѣ не было никогда, развѣ въ легендарный періодъ, когда соловьи-разбойники прятались по лѣсамъ муромскимъ и брынскимъ. Люди, создавшіе русское просвѣщеніе, какъ нельзя лучше понимали это, и эмансипація личности—первъ прогрессивной русской мысли.

У Бѣлинскаго она является, какъ нравственный постулатъ, какъ требованіе гуманнаго человѣка; Герценъ подыскалъ ей болѣе широкія основанія. Въ нѣкоторомъ отношеніи Писаревъ пошелъ еще дальше и самой идеѣ придалъ новую, спеціальную окраску.

Прежде всего онъ становится на почву выгоды и экономіи силъ, оставляя такимъ образомъ шаткіе подмостки добра и зла. Онъ не говоритъ, какъ Бѣлинскій, «уважайте достоинство человѣка, личности, чтобы быть добродѣтельнымъ», а, обращаясь къ здравому смыслу и разсудку своихъ читателей, старается доказать имъ, что счастье можетъ быть достигнуто только при этомъ условіи. И это не личное, маленькое счастье, а напротивъ—широкое, общечеловѣческое счастье. Ему жаль, и притомъ совершенно основательно жаль, тѣхъ иногда недюжинныхъ силъ, которыя разбрасываются на служеніе обычаямъ и приличіямъ, въ погонѣ за различными иллюзіями, и той работѣ, которая совершенно не отвѣчаетъ влеченію ихъ природы. И такая постановка вопроса совсѣмъ не пустяшная, а какъ разъ наоборотъ. Одинаково смотрѣли на дѣло и Сократъ, и Платонъ, и всѣ, кто умѣлъ трезво взглянуть на человѣческую и общественную жизнь «Познай самого себя», училъ здравый, глубоко практическій геній Греціи. Что собственно означаетъ это познаніе самого себя? Оно означаетъ, что обязанность каждаго, какъ человѣка и гражданина, заключается прежде всего въ томъ, чтобы взвѣсить свои силы, тщательно и безъ всякаго самообольщенія опредѣлить ихъ размѣры и найти для нихъ такую точку приложенія, когда онѣ могли-бы обезпечить наибольшую пользу для общества, наибольшее счастье для самой личности.

Таковъ истинный смыслъ эмансипаціи личности, какъ понималъ ее Писаревъ. Личность свободно опредѣляетъ свои силы и свое влеченіе и свободно работаетъ на избранномъ поприщѣ. Въ результатѣ—прежде всего экономія силъ.

Это существеннѣйшій пунктъ.

Было когда-то въ модѣ восторгаться мудростью природы и писать на тему о томъ, какъ все прекрасно устроено въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Наконецъ наука пришла къ той простой мысли, что хотя природа и совершенствуется по части приспособленія, но дѣлаетъ это съ безумной расточительностью. Лотце уподобляетъ природу охотнику, который, желая убить одного зайца, пускаетъ во всѣ стороны 10,000 выстрѣловъ, въ чаяніи, что авось который-нибудь зарядъ и попадетъ, куда нужно. А не попадетъ—что за бѣда?

Нельзя не согласиться, что до сей поры эволюція и развитіе общества мало чѣмъ отличались отъ эволюціи и развитія природы. Та-же безумная расточительность, тѣ-же 10,000 выстрѣловъ по одному несчастному зайцу прежде всего бросаются въ глаза. Не могу удержаться, чтобы не привести словъ одного изъ самыхъ осторожныхъ англійскихъ мыслителей Ф. Гальтона, сказанныхъ имъ по этому поводу:

«Процессъ эволюціи происходилъ, повидимому, до сей поры такъ, что мы, разсуждая съ нашей человѣческой точки зрѣнія, не можемъ не признать въ немъ большой и напрасной траты силъ и жизней и не видѣть въ немъ полнаго пренебреженія къ страданіямъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Разсматриваемый съ нашимъ критеріумомъ милосердія и разума,—причемъ критеріумъ этотъ заключается въ томъ, чтобы цѣль достигалась безъ напрасной траты времени и силъ, безъ ненужнаго страданія—процессъ эволюціи происходилъ на этой землѣ безъ участія въ немъ разума и справедливости и исключительно по рутинѣ такъ называемыхъ «законовъ» установленныхъ и ставшихъ необходимыми неизвѣстно какимъ образомъ».

Этими словами Гальтонъ прекрасно опредѣляетъ позицію новаго научнаго движенія. Путемъ безконечно долгой и упорной работы мысли человѣкъ отдѣлилъ себя отъ природы и увѣровалъ, что онъ можетъ и долженъ устроить свое благополучіе, пользуясь собственными силами и средствами. Слѣдовательно онъ призналъ, что его дорога къ счастью другая, чѣмъ у природы-матери, если у послѣдней

вообще есть какая-нибудь дорога. И новое научное движеніе старается эволюцію общества отдѣлить отъ эволюціи природы. Въ чемъ-же могутъ они разойтись? Мнѣ кажется, лишь въ двухъ пунктахъ:

1) въ экономизированіи силъ и

2) въ уваженіи личности, какъ таковой.

Экономія силъ для природы—вещь совершенно постороннія. Также постороннее для нея уваженіе къ личности, индивидууму. Къ нимъ она относится съ обиднымъ даже пренебреженіемъ и жертвуетъ милліонами, не чувствуя при этомъ ни малѣйшаго угрызенія совѣсти. Всякій знаетъ, я думаю, какая это въ сущности жестокая. съ нашей, человѣческой точки зрѣнія, вещь—естественный подборъ, Гибнутъ десятки и сотни, чтобы дать возможность выжить одному.

Говорить читателю, что дѣятельность Писарева заключалась главнымъ образомъ въ пропагандѣ этихъ двухъ великихъ идей новой науки, т. е. экономіи силъ и признанія за каждымъ права на полноту существованія,—излишне. Но надо замѣтить, что онъ—русскій человѣкъ, слѣдовательно—мотъ. Онъ забылъ на свои философско-историческіе взгляды налѣпить соотвѣтствующіе ярлыки, забылъ указать въ нужномъ мѣстѣ, что это его мысль, что раньше до него этого никто не говорилъ..

Причина, какъ видитъ читатель, совершенно основательная, чтобы пользовались его идеями, не указывая источника. Но еще бо́льшая бѣда, что, какъ журналистъ, Писаревъ не успѣлъ придать своимъ взглядамъ научный характеръ и систематически изложить ихъ въ двухъ или сколько тамъ томахъ съ соотвѣтствующими ссылками на первоисточники.

Конечно, нѣтъ ничего пріятнѣе и важнѣе, какъ если какая нибудь идея является передъ нами во всеоружіи своихъ доказательствъ и тѣхъ фактовъ, на какихъ она основана. Не менѣе важна и систематическая форма изложенія, имѣющая громадное воспитательное значеніе. Но что будешь дѣлать? Не удалось Бѣлинскому написать своей «Исторіи литературы», а пришлось разбросать ее на протяженіе XII томовъ; не удалось и Писареву разработать свою идею «до такихъ ясныхъ и осязательныхъ результатовъ, до какихъ еще никто не доводилъ раньше меня», какъ выражается онъ въ письмѣ къ матери (стр. 88). Онъ ограничился журнальными статьями, по необходимости отрывочными, по необходимости обремененными мас-

сой посторонняго текущаго матеріала. Но все-же очевидно, что онъ больше чѣмъ кто-нибудь изъ русскихъ писателей сдѣлалъ для того, чтобы закрѣпить за русскимъ самосознаніемъ великую и плодотворную идею объ *исторической силѣ эмансипированной, критической личности.*

* * *

Итакъ, проповѣдуя экономію силъ и эмансипацію личности, т. е. возможность для личности слѣдовать своей мысли, своему влеченію, своей природѣ, Писаревъ этимъ самымъ является представителемъ той философско-исторической школы, которая не хочетъ объединять эволюцію общества съ эволюціей природы и выдвигаетъ счастье и развитіе личности—какъ критеріумъ прогресса. Правда, у него нѣтъ должной терминологіи,—основательная причина, почему его мыслями такъ часто пользовались безъ указанія источника. Зато очень часто жаловались, что онъ недостаточно занимается экономіей и политикой. А между тѣмъ очевидно, что и онъ самъ смотрѣлъ на распространеніе интеллигентовъ и критически мыслящихъ работниковъ лишь какъ на средство. А цѣль? Вотъ его подлинныя слова:

«Конечная же цѣль всего нашего мышленія и всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка состоитъ все-таки въ томъ чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ; внѣ этого вопроса нѣтъ ничего, о чемъ-бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать».

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ И. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

ДВА ПРОКАЗНИКА Шуточный разсказъ въ стихахъ. В. Буша. Переводъ съ 25 нѣмецк. изданія. Около 100 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ! Дѣтскіе разсказы. А. Лякидэ. Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ — 1 р., въ переплетѣ—1 р. 25 к

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. А. Бранчанинова. Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. 2 р., въ пап. 2 р 50 к., въ перел. 3 р.

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. Е. Конради. Съ 58 рисунк. Ц. 2 р. Въ перепл.—2 р. 75 к.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. П. Засодимскаго. Два тома съ 136 рис., цѣна кажд. въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ перепл.—2 р.

ХОРОШІЕ ЛЮДИ. В. Острогорскаго. 45 рис. Въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРІИ. А. Арсеньева. Съ рис., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ПОСЛУШАЕМЪ! Разсказы. А. Ольдэ. 28 рис. Въ папкѣ 1 р. Въ пер 1 р. 50 к.

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. П. Авбелева. Съ 16 рис. Цѣна 20 к.

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 200 рисунковъ на 10 листахъ Ц. 1 р. „Объясненіе" къ нимъ 5 к.

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. В. Обременкова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Ц. 1 р.

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ В. Обременковъ. 2-е изд. Ц. 40 к

ИСКРЫ БОЖІЙ. Біографическіе очерки А. Островинской. Цѣна 1 р. 25 к

20 БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ. Составилъ В. Острогорскій. Съ 20 портретами. 2 изд. Ц. 50 к

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Ц. 1 р. 25 к., въ пап.—1 р 50 к., въ перел.—1 р. 75 к.

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. Ламе-Флёри. Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой. 1) Веверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ и др. Цѣна каждаго романа 40 к., въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 5 романовъ. Ц. 2 р. 80 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИККЕНСА въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Никльби, 9) Крошка Дорритъ, 10) Два города Цѣна каждаго романа—40 к. Въ папкѣ 50 к.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. С. Ворисгофера. Съ 73 рис. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер.—2 р. 50 к.

ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ пап.—2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. С. Ворисгофера. Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перел. 2 р. 75 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. С. Ворисгофера. Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ. Г. Тисандье. Переводъ подъ ред. Ф. Павленкова. Съ 55 рис. Ц. 2 р. Въ пер. 2 р. 50 к.

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Тисандье. Пер. подъ редакціей Ф. Павленкова. 353 рис. Ц. 2 р., въ перел.—2 р. 75 к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Люкаса. Съ франц. Ц. 1 р.

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. А. Круглова. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл.—2 р.

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. П. Засодимскаго. Съ рисун. Ц. каждой книжки по 35 к.

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. А. Смирнова. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ переплетѣ—2 р

ЯЩКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА. А. Круглова. Съ 6 рис. Ц. 25 к.

НЕЗАБУДКИ. А. Круглова. Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рис Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ перепл.—2 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА Э. Кандеза. 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ—2 р. 25 к., въ переплетѣ—2 р. 50 к.

ВСЯКОМУ ГВОЗДЮ СВОЕ МѢСТО. А. Круглова. Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ. Сборникъ дѣтск. разсказовъ. Бажиной. Со многими рисунками. Ц. 1 р. Въ папкѣ—1 р. 25 к. Въ переплетѣ—1 р. 60 к.

РОБИНЗОНЪ. Его жизнь и приключенія. Гейбнера. Пер. съ нѣм. Съ 107 рис. Ц. 30 к. Въ папкѣ 40 к., въ перепл.—60 к.

Съ осени 1890 г. издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ: **Андерсенъ, Аристотель, Байронъ,** Бальзакъ, Бахъ, **Беккаріа и Бентамъ, Бёрне.** Клодъ Бернаръ, **Беконъ, Беранже,** Бетховенъ, **Боккачіо, Бомарше,** Бисмаркъ, Бокль, **Дж. Бруно, Рих. Вагнеръ,** Вашингтонъ, Виклефъ, Впрхонъ, **Леонардо да Винчи,** Вольта и Гальвани, Вольтеръ, Гайдпъ, **Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гарринъ,** Граккп, **Гегель, Гейне, Гете, Гладстонъ,** Гогартъ, **Говардъ, Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Ніэпсъ,** Даламберъ, **Данте, Дарвинъ, Дефо,** Декартъ, Демосфенъ, **Дженнеръ, Диккенсъ,** Дидро, Жоржъ-Зандъ, **Кальвинъ, Кантъ, Карлейль, Кеплеръ,** Контъ, Амосъ-Коменскій, **Колумбъ,** Кондорсе, **Конфуцій, Коперникъ,** Кромвель, Кукъ, **Кювье Лавуазье, Лаплассъ и Эйлеръ,** Лессепсъ, **Лессингъ, Лейбницъ, Ливингстонъ,** Либихъ, **Линкольнъ, Линней, Лойола, Локкъ,** Лопе де Вега, Лютеръ, **Ляйелль,** Магелланъ, Магометъ, Макіавелли, Маколей, Меттерпихъ, **Мейерберъ, Микель-Анджело, Милль,** Мирабо, **Мицкевичъ, Мольеръ, Монтескье,** Мольтке, Мильтонъ, **Томасъ Моръ, Моцартъ,** Т. Мюнцеръ, Наполеонъ I, **Ньютонъ, Оуэнъ,** Пастеръ, **Паскаль, Песталоцци,** Платонъ, **Прудонъ, Рабле, Рафаэль,** Ренанъ, Рембрандтъ, Рикардо, **Ришелье,** Ротшильды, Руссо, **Савонарола, Саніа-Муни (Будда),** Сервантесъ, **Свифтъ, В. Скоттъ, А. Смитъ,** Сократъ, **Стефенсонъ и Фультонъ, Стэнли,** Спенсеръ, Спиноза, **Теккерей,** Тацитъ и Ювеналъ, **Торквемада, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ,** Францискъ-Ассизскій, Фридрихъ II, **Цвингли,** Цицеронъ, **Шекспиръ, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Эдисонъ и Морзе, Джорджъ-Эліотъ,** Юмъ и др.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковъ, Александръ II, **Богданъ Хмельницкій, Боткинъ,** Бутлеровъ, **Бѣлинскій, Карлъ Бэръ, Волковъ** (основатель русскаго театра), **Воронцовы,** Гончаровъ, **Гоголь, Грибоѣдовъ, Глинка,** Грановскій, **кн. Дашкова,** Даргомыжскій, **Державинъ,** Добролюбовъ, **Демидовы, Достоевскій,** Екатерина II, Жуковскій, Ивановъ, **Іоаннъ Грозный, Каниріянъ, Кантемиръ,** Карамзинъ, С. В. Ковалевская, **Каразинъ** (основатель харьк. университета), Баронъ Н. А. Корфъ, Н. И. Костомаровъ, **Кольцовъ, Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ,** Лобачевскій, **Ломоносовъ,** Менделѣевъ, Меншиковъ, Некрасовъ, **Нинитинъ, Нинонъ, Новиковъ,** Островскій, **Перовъ,** Петръ Великій, **Пироговъ,** Писемскій, **Писаревъ,** Н. Полевой, **Потемкинъ,** Посошковъ, **Пржевальскій, Пушкинъ,** Радищевъ, **Салтыковъ, Сенковскій,** С. Соловьевъ, Скобелевъ, **Сперанскій, Струве,** Станкевичъ, Суворовъ, **Сѣровъ,** Л. Толстой, Тургеневъ, Успенскій, **Ушинскій, Фонвизинъ, Щепкинъ,** А. Н. Энгельгардтъ, **Ѳедотовъ** и др.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка,** въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются географическія карты, снимки съ картинъ и ноты.

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которыхъ вышли до 1 октября 1893 г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова, (Спб., Лештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25 коп.**

Объявл. дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 20 Сентября 1893 года.

L li 6 J

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Р. МАЛЬТУСЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. В. Водовозова.

Съ портретомъ Мальтуса, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Гедапомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

Большая Подъяческая, № 39.

1895

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, публицистика и законовѣдѣніе.

Исторія цивилизаціи въ Англіи. Г. Т. Бокля. Переводъ *Буйницкаго*. Съ портретомъ автора и вступит. статьей *Е. А. Соловьева*. Ц. 2 руб.

Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Французская литература: *Г. Брандеса*. Перев. съ нѣм. *Эд. Зауэра*. Съ 12 портретами и вступительной статьей *Е. А. Соловьева*. Ц. 2 р.

Сочиненія Виктора Гюго. Два тома. Съ портретомъ автора и вступительной статьей *А. М. Скабичевскаго*. Ц. 2 р. 50 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ портретомъ автора и вступит. статьей *Е. А. Соловьева* Ц. каждаго тома 1 руб.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.—До 1-го апрѣля 1895 г. вышли восемь томовъ: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ. 3) Холодный домъ и Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррить и Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ. 6) Записки Пикквикскаго клуба и Тяжелыя времена, 7) Николай Никльби. Три святочныхъ разсказа. 8) Мартинъ Чезльвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленъ. Томъ 9 печатается.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. За переплеты: для 1-тома. изд.—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (въ 5 пер.) 1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова Полное собраніе въ 1-мъ и 4-хъ томахъ. Съ портретомъ, біографіей, написанной *А. М. Скабичевскимъ*, и 115 рисунками. Ц. 1 томнаго и 4 томнаго изданія одна и та-же 1 р. За переплеты: для 1 томнаго 40 к. и 1 руб. Для 4 томнаго—80 к. и 1 руб.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. 8 томовъ. Ц. каждаго—1 р. Пер. для 2 томовъ вмѣстѣ по 75 к.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3 изд., въ 2 том. Съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго*. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. Рѣшетникова. Въ двухъ томахъ. съ портр. автора и статьей *М. Протопопова*. Ц. за все собраніе—2 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Съ портретомъ автора. 2-е изд., въ 2 томахъ. Ц. 3 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 44 иллюстраціи съ подписями, портретомъ и снимкомъ съ почерка. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ—1 р. 25 к.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художеств. альбомъ *М. Е. Малышева*. Цѣна въ папкѣ 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. *Том. Карлейля*. Перев. *В. Яковенко*. Ц. 1 р. 50 к.

По волнамъ безконечности. Астрономическая фантазія *К. Фламмаріона*. 2-е изд. Ц. 80 к.

Конецъ міра. Астрономическій романъ. *К. Фламмаріона*. Съ краткой біографіей автора и 4-мя его портретами. Ц. 60 к.

Въ небесахъ *(Uranie)*. Астрономическій романъ *К. Фламмаріона*. Съ 89 рис. 2-е изд. Ц. 75 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера*. Перев. съ англ. *Каменскаго*. Ц. 50 к.

Исторія французской революціи. *И. Карно*. 2-е изд. Ц. 1 р.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicus'a*. Перевелъ *В. Рапцовъ*. Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соц. романъ *Э. Беллами*. 3-е изд., дополн. научно-предсказательнымъ очеркомъ Раше: „Куда мы идемъ?". Ц. 1 р.

Въ трущобахъ Англіи. Соціал. борьба съ экономич. язвами современ. общества. *Бутса*. Ц. 1 р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина*. Роскошное изд. Съ 188 рисунками Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер 1 р.

Голодъ. Ром. *К. Гамсуна*. Съ норвежск. Ц. 60 к.

Забота. Ром. *Зудермана*. Съ 14 нѣм. изд. Ц. 60 к.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони*. Съ 16 рис. Ц. 50 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. *А. Деткова*. Книга для домашняго чтенія Съ 72 портр. Ц. 3 р.

Исторія новѣйшей русск. литературы (1848—1892 гг.). *А. М. Скабичевскаго*, 2-е изд. Ц. 2 р.

Очерки исторіи русской цензуры. *А. Скабичевскаго*. Ц. 2 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца*. 2-е изд. Ц. 75 к.

Въ раздумьи. Очерки и разсказы изъ жизни русской интеллигенціи. *Е. А. Соловьева*. Ц. 75 к.

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусства. *Макса Нордау*. Большой томъ, 585 столб. Ц. 1 р 50 к.

Исторія культуры. *Липперта*. Пер. съ нѣмецкаго, съ 85 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Матери великихъ людей. *Блока*. Переводъ *З. Горской*. Со многими рисунками и портретами. Ц. 60 к.

Долой оружіе! Анти-военный романъ *Б. Зутнеръ*. Компактное изданіе. Цѣна 80 к.

Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ.) Романъ *Э. Постеръ*. Ц. 1 р.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портр. И. С. Тургенева. Ц. 15 к.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ. *Н. К. Михайловскаго* Ц 1 р.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау*. Перев. съ нѣмец. *Э. Зауэра*. 3-е изд. Ц. 1 р.

Больная любовь. Гигіеническ. романъ *Мантегацца*. Ц. 60 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа*. Ц. 75 к.

Очерки самоуправленія (земскаго, городского и сельскаго). *С. Приклонскаго*. Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки *И. Тимощенкова*. Ц. 1 р.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки *А. Бахтіарова*. Ц. 1 р. 50 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ. Общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ *В. Фармаковскій*. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія книги на Руси. *А. Бахтіарова*. Со многими рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова*. 2-е изд. Ц. 1 р.

По градамъ и весямъ. Ром. изъ исторіи нашего времени. *Волховцина* (П. Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.

Мальтусъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Р. МАЛЬТУСЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. В. Водовозова

Съ портретомъ Мальтуса, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕН. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА

Больш. Подъяч., № 39

1895

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Сентября 1895 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе 5

ГЛАВА I. Отецъ и родина Мальтуса. — Первые воспитатели.— Кэмбриджъ.—Начало литературной дѣятельности.—«Опытъ о народонаселеніи», его успѣхъ.—Путешествія.—Годы учительства. — Друзья, литературные противники. — Характеръ Мальтуса и отзывы окружавшихъ его 9

ГЛАВА II. Основные экономическіе взгляды Мальтуса: опредѣленіе экономическихъ понятій; богатство и производительный трудъ; мѣрило цѣнности; рента, заработная плата и прибыль. — Отношеніе Мальтуса къ рабочему классу.—Значеніе рынковъ и вопросъ о промышленныхъ кризисахъ. - Заблужденія и заслуги Мальтуса, какъ экономиста 25

ГЛАВА III. Вопросъ о народонаселеніи въ древности: древнѣйшія законодательства, Спарта. Аттика, Римъ, ученія Платона и Аристотеля.— Христіанство.—Народонаселеніе въ XVI—XVIII вв.; реформація, меркантилизмъ, взгляды писателей XVII—XVIII вв.—Переворотъ, произведенный Мальтусомъ.—Основныя теоретическія положенія «Опыта о народонаселеніи» . 35

ГЛАВА IV. Что составляетъ сущность мальтусова ученія? — Доказательства этой «сущности» и бездоказательность прогрессій. — Историческій очеркъ развитія населенія въ различныхъ странахъ. — Прогрессъ заключается въ преобладаніи предупредительныхъ препятствій. — Ростъ населенія въ Америкѣ. - Абстрактность геометрической прогрессіи. — Различныя вліянія, испытываемыя ростомъ населенія. . . 52

ГЛАВА V. Возраженія Мальтуса противъ ученій Кондорсэ, Годвина и Оуэна. — Его отношеніе къ переселеніямъ и къ законамъ о бѣдныхъ. — Сравненіе земледѣльческихъ странъ съ промышленными. — Желательный экономическій строй.— Предѣлъ увеличенія народонаселенія. — Практическіе выводы, сдѣланные Мальтусомъ изъ своего ученія. — Заключительное признаніе 66

VI. ЗАКЛЮЧЕНІЕ. Разнообразіе мнѣній, высказываемыхъ о Мальтусѣ. —Необходимость разсматривать всѣ его сочиненія въ цѣломъ.—Основныя черты единства во взглядахъ Мальтуса.— Спеціально-экономическія заслуги.—Истинное и ложное въ ученіи Мальтуса о народонаселеніи.—Его публицистическіе и научные элементы. 79

---

*

ВАЖНѢИШІЕ ИСТОЧНИКИ.

1. *Malthus.* An Essay on the Principle of Population or a view on its past and present effects on Human Happiness. With a Biography and critical Analysis by Bittany. London. 1890.

2. *Malthus.* Principles of Political Economy considered with a view to their practical application. London.. 1820.

3. *Malthus.* An Inquiry into the Nature and Progress of Rent and the principles by wich it is regulated.

4. Definitions in Political Economy. By T. R. Malthus.

5. Oeuvres de Malthus Collection des principaux économistes de Guillaumin et C°. 2 vol. Paris. 1845—1846.

6. *J. Bonar.* Malthus and his work. London. 1885.

7. Letters of Ricardo to Malthus. Edited by J. Bonar.

8. *Мальтусъ.* Опытъ о законѣ народонаселенія. Перев. Бибикова со вступительной статьей переводчика. С.-Пб. 1868. 2 т.

9. *Godwin.* Political Justice A Reprint of the Essay on Property. Edited by H. Salt with introductory note. London. 1890.

10. *W. Godwin.* Recherches sur la Population et sur la Faculté d'accrassement de l'espèce humaine contenant une réfutation des doctrines de m. Malthus. Traduit par F. S. Constancio.

11. *Garnier.* Du principe de population Paris. 1857.

12. *Smissen.* La Population, les causes de ses progrès et les obstacles qui en arrêtent l'essor. Bruxelles. 1893.

13. *Kautsky.* Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft. Wien. 1880.

14. *Soetbeer.* Die Stellung der Socialisten zur Malthus'schen Bevölkerungslehre. Berlin. 1886.

15. *Rümelin.* Reden und Aufsätzen. Freiburg. 1875.

16. *Rümelin* Die Bevölkerungslehre. Статья въ «Handwörterbuch der Polit. Oekonomie», herausgegeben von Schönberg.

17. *Elster.* Bevölkerungslehre. Статья въ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften«, herausgegeben von Conrad, Elster, Lexis und Loening. 2-ter B

18. *Rescher.* System der Volkswirthschaft. I. B., 5 Buch. 1890.

19. *A. Wagner.* Lehr- und Handbuch der Polit. Oekonomie. I. Band, II-er Halbband, Leipzig. 1893.

20. *Mohl.* Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften.

21. Julius *Kahtz.* Die geschichtliche Entwickelung der National-Oekonomie und ihrer Literatur. Wien. 1860. Zweite Abtheilung.

22. *Ингрэмъ.* Исторія политической экономіи.

23. Евг. *Дюрингъ.* Курсъ національной и соціальной экономіи.

24. *Dühring.* Kritische Geschichte der National-Oekonomie und des Socialismus. 1879.

25. Джонъ Стюартъ *Миллъ.* Основанія политической экономіи. Русскій перев. съ примѣчаніями и дополненіями Чернышевскаго.

26. Сочиненія Давида *Рикардо.* Пер. Н. Зибера. С.-Пб. 1882

27. «Энциклопедическій Словарь» Гарбеля и К°.

28. С. Н. *Южаковъ.* Соціологическіе этюды. С.-Пб. 1891.

ВВЕДЕНІЕ.

Книги и люди имѣютъ свою судьбу. И какъ подчасъ жестока, какъ трагична бываетъ эта судьба!.. Ученый экономистъ, трудолюбивый изслѣдователь, провозвѣстникъ нѣсколькихъ истинъ, которыми можетъ гордиться наука, Мальтусъ для большой массы читающей публики служитъ не то какимъ-то пугаломъ, не то мишенью для насмѣшекъ. Съ именемъ его въ обществѣ тѣсно связано представленіе... объ абортивныхъ средствахъ. Во Франціи можно часто встрѣтить кличку «мальтузіанка» въ примѣненіи къ жуирующей дамѣ высшаго круга, не желающей себя обременять потомствомъ. Что же, и въ самомъ дѣлѣ Мальтусъ давалъ рецепты противъ невольныхъ послѣдствій жуированія, и въ самомъ дѣлѣ его главной заботой было открыть предупредительное средство противъ дѣторожденія? Ничуть не бывало, ни одного слова объ этомъ мы не находимъ въ сочиненіяхъ Мальтуса. Но въ такомъ случаѣ какое-же отношеніе находятъ такъ называемые «мальтузіанцы» и «мальтузіанки» къ автору «Опыта о народонаселеніи»? Точно такое-же, какъ «дарвинистъ» Поль Астье (изъ драмы Додэ) къ знаменитому англійскому біологу или «детерминистъ», герой романа Бурже «Ученикъ»,—къ философу-историку Тэну...

Нравственные принципы и правила поведенія люди не вычитываютъ изъ книгъ, они ихъ составляютъ сами, подъ вліяніемъ столкновеній съ дѣйствительной жизнью. Но у насъ есть потребность приклеивать къ убѣжденіямъ ярлыки, давать людямъ извѣстныя клички. И вотъ эти-то ярлыки, эти клички мы и заимствуемъ изъ «умныхъ книжекъ», заимствуемъ иногда неудачно, заимствуемъ изъ книгъ, которыхъ даже не читали, просто лишь по наслышкѣ .. Отсюда получаются удивительные курьезы: Дарвинъ оказывается отвѣтственнымъ за парижскихъ искателей приключеній, Тэнъ—за психопатовъ, Мальтусъ—за дамъ полусвѣта!

Однако, кромѣ такихъ *насильственныхъ*, навязанныхъ Мальтусу учениковъ, у него есть ученики и вполнѣ добровольные, компрометирующіе его не менѣе первыхъ. Такіе «ученики» имѣютъ одну,

всѣмъ имъ свойственную черту: имъ нѣтъ дѣла до научныхъ основъ ученія Мальтуса, они берутъ только его практическіе выводы, и то не всѣ, а лишь нѣкоторые, пригоняютъ ихъ такъ или иначе къ собственному міросозерцанію и затѣмъ изготовленную такимъ образомъ однобокую, фальшивую доктрину приписываютъ автору «Опыта о народонаселеніи». Въ Англіи и во Франціи существуетъ два разныхъ преобладающихъ типа мальтузіанцевъ. На родинѣ Мальтуса, уже послѣ его смерти, образовался цѣлый кружокъ лицъ, объединенныхъ той идеей, что, такъ какъ естественный приростъ населенія грозитъ человѣчеству страшными бѣдствіями, обязанность каждаго—по возможности воздерживаться отъ произведенія на свѣтъ большого потомства. Требованіе это находится еще въ извѣстномъ согласіи съ ученіемъ, развитымъ въ «Опытѣ о народонаселеніи», но наши мальтузіанцы идутъ далѣе самого Мальтуса. Такъ какъ, говорятъ они, главное заключается въ томъ, чтобъ населеніе не слишкомъ размножалось,—въ сущности довольно безразлично, какими средствами достигается эта важная цѣль. И они придумали цѣлый рядъ средствъ,—такихъ, о которыхъ въ сочиненіяхъ общаго характера не принято даже говорить. *Нравственное* воздержаніе Мальтуса превратилось у его учениковъ въ *безнравственное*...

Преобладающій типъ французскихъ послѣдователей Мальтуса имѣетъ своеобразный оттѣнокъ. Въ то время, какъ мальтузіанцы въ Англіи говорили о «нравственномъ долгѣ *каждаго*», объ обязанностяхъ «индивида передъ обществомъ», мальтузіанцы во Франціи нѣсколько съузили кругъ лицъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, обязательно обрекать себя на воздержаніе. Людямъ богатымъ стѣсняться нечего, но бѣднымъ... Жениться, когда не можешь содержать семью, развѣ это не возмутительно?!! Вотъ въ этомъ-то, въ невоздержности, въ беззаботности, съ которой бѣдняки обзаводятся семьями,—и заключается, по мнѣнію нѣкоторыхъ французскихъ экономистовъ, причина ихъ особенной нищеты, причина того, что они не могутъ подняться на высшую ступень общественной лѣстницы. Недаромъ и самое слово—пролетарій, происходя отъ латинскаго слова proles, означаетъ столько-же «бѣдный», сколько и «наклонный къ размноженію», «плодливый». И такъ, заключаютъ наши мальтузіанцы, вся нищета въ современномъ намъ строѣ происходитъ отъ чрезмѣрнаго размноженія низшихъ классовъ; весь соціальный вопросъ заключается въ томъ, какъ бы привить пролетаріямъ привычки къ самообузданію и аскети-

ческое отношеніе къ любви и къ браку. Едва-ли нужно говорить о всей жестокости такого совершенно своеобразнаго экономическаго *матеріализма*, согласно которому только деньгами покупается право на любовь и семейное счастье...

Опредѣлить съ полной точностью ту долю вреда, которую принесли Мальтусу въ общественномъ мнѣніи французскіе и англійскіе его ученики, конечно невозможно, но мы склонны думать, что болѣе половины тѣхъ постоянныхъ нареканій въ *жестокости* и *безнравственности*, которыя всегда въ такомъ изобиліи расточаются по адресу Мальтуса, обязаны своимъ происхожденіемъ не «Опыту о народонаселеніи», а уже позднѣйшимъ вольнымъ его толкованіямъ и комментаріямъ. Обвинять Мальтуса въ безнравственности—значитъ обнаруживать прямо свое незнакомство съ «Опытомъ о народонаселеніи». Быть можетъ высшая мораль, мораль будущаго, дѣйствительно не вполнѣ согласуется съ нравственными принципами англійскаго мыслителя, но та ходячая, будничная мораль, съ точки зрѣнія которой Мальтуса забрасывали грязью, «Опытомъ о народонаселеніи» рѣшительно не можетъ почитаться затронутой. Болѣе основанія имѣютъ объясненія въ жестокости, хотя и тутъ, повторяемъ, надо отдѣлить взгляды самого Мальтуса отъ всѣхъ позднѣйшихъ наслоеній и приклеекъ его учениковъ. Ученіе Мальтуса безотрадно, но надо показать, что оно ложно, иначе чѣмъ же виновать изслѣдователь, вскрывающій язвы общественной жизни? развѣ ему, а не самой жизни обязанъ онъ своимъ существованіемъ? Выводы, которые Мальтусъ дѣлаетъ изъ своихъ теоретическихъ посылокъ, подчасъ дѣйствительно жестоки, но надо показать, что выводы эти сдѣланы неправильно, иначе какое значеніе могутъ имѣть всѣ наши жалобы?

Вотъ тѣ соображенія, по которымъ, знакомя читателей съ Мальтусомъ, мы совершенно отрѣшились отъ той ходячей *моральной* оцѣнки, которая, по нашему мнѣнію, только вредитъ пониманію высказанныхъ этимъ экономистомъ идей. Вообще мы старались возможно полнѣе и возможно ближе къ подлиннику изложить взгляды Мальтуса,—писателя, всѣмъ извѣстнаго по имени, но мало кому извѣстнаго по его сочиненіямъ. Чтобы изобразить міровоззрѣніе Мальтуса во всей его полнотѣ, мы считали необходимымъ, не ограничиваясь обозрѣніемъ одного «Опыта о народонаселеніи», обратиться и къ другимъ, мало извѣстнымъ его сочиненіямъ («Основанія политической экономіи», «Опредѣ-

ленія въ политической экономіи», «Природа и возрастаніе ренты»). Такимъ образомъ ученію Мальтуса о народонаселеніи мы предпослали изложеніе его общихъ экономическихъ взглядовъ, весьма любопытныхъ самихъ по себѣ и въ то же время находящихся въ полной гармоніи и уясняющихъ намъ ту доктрину, изображенію которой посвященъ и «Опытъ о народонаселеніи». Быть можетъ для иныхъ, незнакомыхъ съ политической экономіей читателей эта глава (вторая), гдѣ мы трактуемъ о взглядахъ Мальтуса на прибыль, ренту и заработную плату, гдѣ говорится объ опредѣленіяхъ экономическихъ понятій и излагается его ученіе о фондѣ заработной платы, о кризисахъ и т. под., покажется черезчуръ спеціальной и трудной, хотя мы и сдѣлали все отъ насъ зависящее, чтобы придать изложенію наиболѣе популярный характеръ. Въ такомъ случаѣ читатели пускай пропустятъ всю обще-экономическую главу и обратятся прямо къ нетребующему никакой спеціальной подготовки народонаселенческому ученію Мальтуса. Тутъ они найдутъ сначала историческій обзоръ тѣхъ взглядовъ на народонаселеніе, которые господствовали до Мальтуса, въ древности, въ средніе вѣка и въ наше время. Такой обзоръ считаемъ мы вполнѣ необходимымъ для уясненія того значенія, которое «Опытъ о народонаселеніи» получилъ въ наукѣ и въ жизни. Не утруждая читателей разборомъ всѣхъ замѣчаній, предъявленныхъ многочисленными критиками «Опыта», мы постарались лишь доказать, въ какой степени аргументы противниковъ Мальтуса колеблятъ его ученіе. По нашему критическому очерку читатели, надѣемся, будутъ имѣть возможность судить, что́ именно изъ этого ученія сдѣлалось уже достояніемъ прошлаго и что́, пережившъ критику исторіи, осталось непоколебимымъ вплоть до настоящаго времени.

Мы льстимъ себя надеждой, что, каковы бы ни были недостатки нашей работы, читатели изъ нея познакомятся не съ тѣмъ мнимымъ, фантастическимъ Мальтусомъ, который такъ часто служилъ мишенью для нападокъ и для насмѣшекъ якобы читающей публики, который вызывалъ столь неосновательныя объясненія въ безнравственности и столь преувеличенныя жалобы по поводу своей жестокости, но съ Мальтусомъ настоящимъ, реальнымъ, съ великимъ экономистомъ, обогатившимъ науку весьма замѣчательными изслѣдованіями и прямо, можно сказать, создавшимъ ученіе о народонаселеніи, до того времени не существовавшее и сохранившееся въ своихъ основныхъ чертахъ неизмѣннымъ даже до нашихъ дней.

ГЛАВА I.

Отецъ и родина Мальтуса.—Первые воспитатели.—Кэмбриджъ.—Начало литературной дѣятельности.—«Опытъ о народонаселеніи», его успѣхъ.—Путешествія.—Годы учительства.—Друзья, литературные противники.—Характеръ Мальтуса и отзывы окружавшихъ его.

Задача біографа Мальтуса не изъ особенно благодарныхъ. Не то, чтобы жизнь и характеръ автора знаменитаго «Опыта о народонаселеніи» не представляли никакого интереса для современниковъ, не то, чтобы наши свѣдѣнія о немъ были ужъ слишкомъ скудны (хотя они дѣйствительно не отличаются большой полнотой), но дѣло въ томъ, что трудно представить себѣ жизнь болѣе однообразную и въ такой степени лишенную движенія и внѣшнихъ событій, какъ та, которую велъ Мальтусъ. Кабинетный ученый, священникъ и профессоръ, онъ съ ранней молодости и до конца своихъ дней занимался однимъ и тѣмъ-же: учился и училъ другихъ. Всѣ его интересы, всѣ помыслы и наслажденія сводились къ этому главному пункту; единственными внѣшними вѣхами его внутренней жизни являются для насъ его работы. Пусть же читатель не удивляется, что въ книжкѣ, посвященной біографіи Мальтуса, онъ найдетъ сравнительно мало чисто біографическаго элемента и, наоборотъ, такъ много объ его сочиненіяхъ. Иначе мы не съумѣли бы оцѣнить по заслугамъ значеніе человѣка, котораго творенія принадлежатъ всему міру, а жизнь—небольшому кругу юныхъ учениковъ и друзей.

О предкахъ Мальтуса свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что одинъ изъ нихъ, Франсисъ, а другіе говорятъ Томасъ Мальтусъ, издалъ въ 1629 году на французскомъ и на англійскомъ языкахъ сочиненіе: «Фейерверки, фортьфикація и ариѳметика». Это намъ даетъ поводъ отмѣтить въ семьѣ литературныя традиціи, поддержанныя отцомъ Мальтуса и переданныя сыну какъ бы по наслѣдству. Къ характеристикѣ отца и сводится въ сущности все, что́ мы знаемъ о родителяхъ Мальтуса. Что же касается матери,

то о ней біографы хранятъ упорное молчаніе; она повидимому сходитъ рано въ могилу, не оказавши на сына никакого замѣтнаго вліянія. Скажемъ здѣсь кстати, что воспитаніе Мальтуса было ввѣрено однѣмъ мужскимъ рукамъ, вліяніе женскаго элемента не коснулось его ни въ раннемъ дѣтствѣ, ни позднѣе. Первымъ и главнымъ воспитателемъ Мальтуса, сыгравшимъ не малую (хотя и довольно странную) роль въ его жизни, былъ безъ сомнѣнія его отецъ; на его типичной, любопытной фигурѣ намъ слѣдуетъ остановиться здѣсь немного дольше.

Даніель Мальтусъ родился въ 1730 г. Свое образованіе онъ получилъ въ Королевскомъ колледжѣ въ Оксфордѣ, который оставилъ въ 1747 г., не пріобрѣтя ни диплома, ни степеней. Это произошло не по недостатку средствъ, какъ полагали сначала иные біографы, потому что онъ былъ человѣкомъ состоятельнымъ, и не вслѣдствіе его религіознаго свободомыслія, потому что при матрикуляціи онъ подписалъ требуемое заявленіе о своей принадлежности къ государственной церкви,— причина этого лежала въ томъ, что онъ совершенно не дорожилъ никакими внѣшними отличіями. Оставивъ университетъ, онъ не оставилъ дѣло своего образованія; окруженный друзьями изъ литературнаго міра, Даніель Мальтусъ много читалъ, а затѣмъ и самъ сталъ пробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Какъ хорошему знатоку французской и нѣмецкой литературы, ему долгое время приписывался англійскій переводъ «Поля и Виржини» и «Страданій молодого Вертера». Однако новѣйшій біографъ Мальтуса, Бонаръ, опровергаетъ это и говоритъ, что онъ писалъ оригинальныя статьи, имѣвшія большой успѣхъ въ свое время, но неизвѣстныя намъ теперь вслѣдствіе ихъ анонимности. Большой поклонникъ гуманной, освободительной философіи XVIII в., Даніель Мальтусъ былъ лично знакомъ съ нѣкоторыми изъ своихъ знаменитыхъ современниковъ, между прочимъ съ Юмомъ и Руссо; послѣдній даже сдѣлалъ его своимъ душеприказчикомъ.

Женившись, Мальтусъ-отецъ поселился въ Суррейскомъ графствѣ, близъ Доркинга, гдѣ находилось его небольшое имѣніе въ мѣстечкѣ Рукери. Здѣсь и родился сначала старшій его сынъ, Сайденгэмъ, а затѣмъ 14 февраля 1766 г. младшій, Томасъ Робертъ. впослѣдствіи авторъ «Опыта о народонаселеніи». Обстановка, въ которой выросъ мальчикъ, была вполнѣ благопріятна для его развитія. Онъ не зналъ бѣдности и лишеній, но въ то же время не былъ избалованъ и большимъ богатствомъ; дѣтство Ро-

берта протекало въ деревнѣ, на лонѣ природы, въ живописнѣйшей мѣстности, въ домѣ обыкновеннаго англійскаго помѣщика средней руки. Окружающіе любили отца Мальтуса, какъ умнаго, любезнаго человѣка, составлявшаго украшеніе прихода, но въ то же время нѣсколько эксцентричнаго, довольствовавшагося обществомъ дѣтей и немногихъ знакомыхъ. Все свое время Даніель Мальтусъ проводилъ или въ своемъ кабинетѣ за книгами, или занимаясь ботаникой и изучая природу. Въ длинные зимніе вечера онъ любилъ сидѣть у камина, мечтая о грядущихъ вѣкахъ и о будущемъ счастьи всего человѣчества. Въ домѣ тогда было тихо и чинно, всякій сидѣлъ за какимъ-нибудь дѣломъ, а съ улицъ доносился только шумъ вѣтра да однообразное карканье грачей...

Въ такихъ условіяхъ и при такомъ отцѣ маленькій Робертъ долженъ былъ рано обнаружить наклонность къ книжнымъ занятіямъ и къ размышленіямъ. Онъ не былъ однако ребенкомъ тихимъ, лимфатическимъ, наклоннымъ къ сидячей жизни, какими обыкновенно бывали примѣрныя, ученыя дѣти. Напротивъ, обладая хорошимъ здоровьемъ и веселымъ открытымъ характеромъ, Робертъ любилъ общество и игры, въ которыхъ вмѣстѣ съ его братомъ участвовалъ иногда и Мальтусъ-отецъ. Послѣдній предоставлялъ своимъ дѣтямъ много свободы, и это вытекало у него изъ его общихъ философскихъ и педагогическихъ взглядовъ. Поклонникъ Руссо и всякой «естественности», насквозь проникнутый идеями «Эмиля», Даніель Мальтусъ полагалъ, что извѣстнаго рода laissez faire—лучшая система воспитанія. Къ обычному воспитанію въ общественныхъ заведеніяхъ онъ чувствовалъ большое недовѣріе, вынесенное имъ вѣроятно изъ собственнаго опыта, и потому старался дать сыновьямъ образованіе домашнее, самъ направляя ихъ занятія и удовлетворяя ихъ умственной пытливости. Многое однако онъ предоставлялъ ихъ самодѣятельности, возлагая большія надежды на внѣшнія условія и естественную любознательность дѣтей.

Въ Робертѣ обнаружились скоро особенныя способности. Тогда, не полагаясь на однѣ свои силы, отецъ рѣшилъ поискать ему воспитателя. Онъ вѣрилъ, что дѣти отличаются всѣми тѣми достоинствами и недостатками, какіе были свойственны ихъ родителямъ въ ихъ годы, и потому полагалъ, что для его сына всего полезнѣе будутъ тѣ самые люди, которые оказали и на него въ свое время хорошее вліяніе. Разсуждая такимъ образомъ, Мальтусъ-отецъ остановился на одномъ изъ своихъ старинныхъ зна-

комыхъ, мистерѣ Ричардѣ Грэвсѣ, и въ 1776 г. отправилъ къ нему своего младшаго сына обучаться латинскому языку и хорошимъ манерамъ. Воспитатель десятилѣтняго Роберта или «Донъ-Роберто», какъ его здѣсь стали называть, былъ человѣкомъ старымъ, весьма образованнымъ и авторомъ «Духовнаго Донъ-Кихота», этой очень извѣстной въ свое время, но нѣсколько грубой сатиры противъ религіозныхъ распрей вообще и противъ двухъ англійскихъ теологовъ въ частности. Не имѣя педагогическаго призванія, Грэвсъ повидимому не особенно много вниманія удѣлялъ своимъ воспитанникамъ, которыхъ у него было нѣсколько, а потому не удивительно, что они занимались больше междуусобною бранью, нежели латинскимъ языкомъ; хорошія манеры при этомъ прививались тоже не очень усердно. Отецъ Мальтуса былъ вѣроятно не особенно доволенъ педагогическими пріемами своего стараго друга, потому что счелъ нужнымъ взять сына отъ мистера Грэвса и передать его въ другія руки.

Новымъ воспитателемъ Роберта былъ человѣкъ весьма замѣчательный и довольно извѣстный въ тогдашнемъ англійскомъ обществѣ: Жильбертъ Уэкфильдъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ непокорныхъ священниковъ, которые отказались принять «39 статей», формулировавшихъ впервые при Елизаветѣ основные догматы англійской церкви. Примкнувши къ диссидентамъ, Уэкфильдъ сдѣлался профессоромъ въ Варрингтонской академіи, основанной для того, чтобы давать «либеральное образованіе» дѣтямъ его единовѣрцевъ; сюда же посылали своихъ сыновей и тѣ изъ вѣрныхъ господствующей церкви англичанъ, которые, подобно Даніелю Мальтусу, сами придерживаясь свободныхъ взглядовъ въ вопросахъ религіи, желали и своихъ сыновей воспитывать въ томъ же духѣ. Уэкфильдъ однако былъ очень далекъ отъ дѣйствительнаго религіознаго свободомыслія; отвергнувъ «39 статей», онъ сдѣлался фанатикомъ диссидентства. Описывая своего учителя лѣтъ 20 спустя, Мальтусъ рисуетъ его намъ, какъ человѣка стойкаго и идеально честнаго, неспособнаго идти ни на какіе компромиссы и совершенно безкорыстнаго, въ обществѣ скромнаго и любезнаго, но неумѣреннаго и заносчиваго въ публичныхъ диспутахъ религіознаго характера. Неумѣренностью и грубостью отличалась и его литературная полемика съ Пэномъ, извѣстнымъ представителемъ англійскаго раціонализма, авторомъ сочиненій «Вѣкъ разума» и «Права человѣка». Это не мѣшало Уэкфильду придерживаться очень правильныхъ и трезвыхъ взглядовъ на

воспитаніе. «Величайшая услуга, которую можетъ принести воспитатель молодому человѣку, говаривалъ онъ, это научить его пользоваться своими собственными силами и вести къ знанію постепенно, такъ, чтобы тотъ видѣлъ путь, которымъ онъ идетъ, и наслаждался сознаніемъ своихъ способностей и своихъ успѣховъ. Иначе могутъ выйти только куклы и полузнайки».

Если дѣтямъ умственно слабымъ и неспособнымъ подобная система могла оказаться не по плечу, то Мальтусу зато она принесла много пользы. Его независимый и смѣлый умъ, воспитанный деревенской свободой и безсистемными, случайными занятіями у мистера Грэвса, обогатился теперь при умѣломъ содѣйствіи Уэкфильда значительнымъ запасомъ знаній. Правду сказать, судьба удивительно благопріятствовала развитію мальчика. Сами по себѣ оба главные его воспитатели, Уэкфильдъ, сектантъ и религіозный фанатикъ, и Мальтусъ-отецъ, немного фантастическій послѣдователь французской философіи, не представляли собою примѣровъ для подражанія и были далеки отъ идеала спокойнаго, лишеннаго всякой предвзятости исканія истины. Но кромѣ нѣкотораго фанатизма, ихъ сближало еще глубокое отвращеніе ко всякому духовному гнету надъ несозрѣвшимъ умомъ ихъ воспитанника. Въ этомъ отношеніи они избѣжали ошибки многихъ хорошихъ, честныхъ, но близорукихъ родителей, полагающихъ задачу воспитанія не въ томъ, чтобы только развить способности и дать познанія ребенку, но чтобы еще привить ему опредѣленныя убѣжденія и заставить смотрѣть на вещи извѣстными глазами. Поэтому въ то время какъ подобные эксперименты кончаются обыкновенно неудачно, или гибельно отзываясь на умственныхъ силахъ воспитываемыхъ, или поселяя раздоръ между ними и воспитателями, въ данномъ случаѣ получилось совершенно иное: юноша Робертъ обогатился не сухимъ, мертвымъ знаніемъ, но богатымъ матеріаломъ для собственныхъ размышленій; онъ научился относиться критически ко всему окружающему и въ то же время сохранилъ глубокое уваженіе къ своимъ воспитателямъ, съ которыми онъ уже тогда расходился въ нѣкоторыхъ взглядахъ.

Изъ рукъ мистера Уэкфильда молодой Мальтусъ перешелъ въ іезуитскую коллегію въ Кэмбриджѣ. Сказавшееся въ этомъ шагѣ рѣшеніе избрать духовную профессію біографы Мальтуса объясняютъ отчасти вліяніемъ Уэкфильда, окончившаго свое образованіе именно въ этомъ заведеніи и устроившаго въ немъ своего воспитанника, отчасти желаніемъ самого юноши пріобрѣсти обезпечен-

ное матеріальное положеніе, въ которомъ Мальтусъ нуждался, потому что, какъ младшій сынъ, онъ не наслѣдовалъ въ имуществѣ отца, перешедшемъ сполна его брату. Надо думать, что на его рѣшеніе не безъ вліянія осталась и хорошая постановка преподаванія въ іезуитской коллегіи. Поступивъ туда въ 1785 г., Мальтусъ съ жаромъ принимается за занятія. Подобно своему отцу, совершенно равнодушный къ наградамъ и одобреніямъ учителей, онъ руководится только своею неутомимою жаждою занятія и своимъ особеннымъ пристрастіемъ въ то время къ языкамъ, къ исторіи и къ изящной литературѣ; не ища ихъ, онъ удостаивается однако наградъ за декламацію, за латинскій и греческій языкъ. Но всего ярче обнаружились въ коллегіи математическія способности Мальтуса, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ его преподавателей, Френдъ, авторъ политическаго трактата «Миръ и союзъ».

Сдавая окончательные экзамены въ коллегіи, Мальтусъ предполагалъ предаться затѣмъ втеченіи двухъ-трехъ лѣтъ научнымъ занятіямъ по имъ самимъ составленному плану. Онъ пишетъ объ этомъ отцу, а тотъ, боясь увидѣть въ сынѣ свою собственную слабость къ черезчуръ отвлеченнымъ умозрѣніямъ, предостерегаетъ его отъ увлеченія математикой и абстрактными знаніями; онъ совѣтуетъ Роберту заняться прикладными науками, чтобы сдѣлаться землемѣромъ, механикомъ или мореплавателемъ. Тотъ возражаетъ на это, что прикладныя науки отъ него не уйдутъ, а что въ ближайшіе два года онъ желалъ бы съ позволенія отца заняться «основными принципами»; впослѣдствіи же онъ обѣщаетъ быть скромнымъ натуралистомъ и ознакомиться съ «приложеніями». Все его письмо проникнуто глубокой почтительностью къ отцу, съ которымъ вообще у него были прекрасныя отношенія, несмотря на приключавшіяся отъ времени до времени стычки по отдѣльнымъ вопросамъ. Отецъ около этого времени описываетъ намъ Роберта, какъ пріятнаго собесѣдника, человѣка симпатичнаго, великодушнаго и веселаго. Возвращаясь на каникулы домой, онъ дѣлался тамъ любимцемъ всѣхъ окружающихъ и вносилъ утѣшеніе и радость въ отшельническую жизнь старика Мальтуса.

Послѣ 8—9 лѣтнихъ вмѣсто 2-хъ лѣтнихъ, какъ онъ предполагалъ сначала, усиленныхъ занятій, главнымъ образомъ гуманными науками и общественными вопросами, въ 1797 г. Мальтусъ получаетъ степень магистра. Въ томъ же году онъ дѣлается адъюнктъ-профессоромъ въ коллегіи, а затѣмъ занимаетъ мѣсто священника около Альбёри. Къ этому времени относится и начало

его литературной дѣятельности. Первымъ сочиненіемъ Мальтуса былъ политическій трактатъ подъ названіемъ «Кризисъ», заключавшій въ себѣ рѣзкую критику дѣйствій стоявшаго тогда у власти Питта; однако, по совѣту отца, памфлетъ этотъ остался въ авторскомъ портфелѣ. Здѣсь мы находимъ уже зачатки будущаго ученія о народонаселеніи или, вѣрнѣе, зарожденіе основныхъ положеній «Опыта о народонаселеніи», рѣшительный толчекъ къ созданію котораго дали сочиненія Годвина и споры, возбужденные ими между отцомъ и сыномъ.

Вильямъ Годвинъ, писатель въ свое время весьма извѣстный и уважаемый, принадлежалъ, казалось, къ одному поколѣнію съ Мальтусомъ-отцомъ, хотя и былъ на 25 лѣтъ его моложе, такъ они во многихъ отношеніяхъ были близки другъ другу по духу. Подобно Даніелю Мальтусу, онъ былъ большимъ поклонникомъ французской философіи и великой революціи. Подобно Даніелю Мальтусу, онъ вѣрилъ въ способность человѣческой породы къ безграничному совершенствованію и въ наступленіе золотого вѣка для всего человѣчества. Главное сочиненіе Годвина — «Политическая справедливость», какъ видно и по самому заглавію, не имѣетъ ничего общаго съ политической экономіей. Здѣсь авторъ развиваетъ свои взгляды на государство, существованіе котораго онъ считаетъ несовмѣстимымъ съ благомъ отдѣльныхъ гражданъ, и выставляетъ идеальный строй полнаго равенства и свободы. Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Годвинъ подходитъ ближе къ собственно экономическимъ вопросамъ; онъ обрушивается на частную собственность, въ которой видитъ корень всяческаго зла, укоряетъ экономистовъ за то, что они слишкомъ мало вниманія удѣляютъ вопросамъ распредѣленія, занимаясь почти исключительно однимъ производствомъ, и высказываетъ то убѣжденіе, что при свободномъ строѣ люди будутъ меньше трудиться и больше наслаждаться жизнью. Такимъ образомъ онъ возвращается снова къ политической реформѣ, которую считаетъ первымъ необходимымъ шагомъ къ болѣе справедливому общественному строю.

Сочиненія Годвина были весьма популярны въ англійскомъ обществѣ; ихъ много читали, критиковали и комментировали. Его идеи находили себѣ горячихъ приверженцевъ, къ числу которыхъ принадлежалъ между прочимъ и Мальтусъ-отецъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, когда молодой Мальтусъ, получивъ степень магистра и мѣсто адъюнктъ-профессора при коллегіи, пріѣхалъ въ 1797 году въ родительскій домъ на каникулы, между

нямъ и его отцомъ стали возникать разговоры по поводу тѣхъ идей, которыя были пущены въ обращеніе Годвиномъ. Даніель Мальтусъ ихъ горячо отстаивалъ, а Робертъ нападалъ, видя въ нихъ ни на чемъ не основанныя, легкомысленныя мечтанія. Отецъ и сынъ какъ бы помѣнялись ролями: сынъ ядовито посмѣивался надъ «незрѣлыми мечтами» отца, отецъ же могъ упрекнуть своего сына въ консерватизмѣ и старчествѣ. Принципіальная, глубокая розпь между этими двумя дѣйствительно столь различными людьми была очевидной, и старику Мальтусу нужно было имѣть терпѣніе Іова, чтобы благодушно сносить, когда его сынъ съ чисто юношеской запальчивостью бросалъ свои камешки въ его огородъ. Но тутъ-то и сказалось все рѣдкое благородство характера Мальтуса-отца, его глубокое уваженіе и полная терпимость къ чужимъ убѣжденіямъ, какъ бы они ни расходились съ его собственными. Безконечные споры и коренныя разногласія не испортили личныхъ отношеній сына съ отцомъ до самой смерти послѣдняго (1800 г.) они не переставали любить и уважать другъ друга.

Оспаривая взгляды Годвина и доказывая неосуществимость его системы полнаго равенства, Мальтусъ указывалъ главнымъ образомъ на одну страсть человѣка, ниспровергающую, по его мнѣнію, всѣ идеальныя построенія: страсть эта—половое влеченіе, стремленіе къ воспроизведенію себѣ подобныхъ. Чѣмъ лучше тѣ матеріальныя условія, въ которыхъ находится человѣкъ, тѣмъ сильнѣе проявляется въ немъ эта страсть, или, иначе говоря, гдѣ только матеріальныя условія это позволяютъ, тамъ сейчасъ же появляется на свѣтъ новый членъ общества. Такимъ образомъ увеличивающееся населеніе, создавая новые рты, постоянно и неизбѣжно понижаетъ уровень благосостоянія всего народа. Только нищета и преступленія сдерживаютъ ростъ населенія на уровнѣ имѣющихся запасовъ пищи, при уничтоженіи же этихъ препятствій въ идеальномъ строѣ Годвина должны тотчасъ же обнаружиться всѣ бѣдствія перенаселенія. Неразумно, значитъ, укорять правительство за нищету народныхъ массъ и неправильно видѣть въ политической реформѣ спасеніе отъ того зла, которое порождено неустранимыми законами природы. Въ поискахъ за возраженіями противъ Годвина Мальтусъ такимъ образомъ впервые ясно формулировалъ себѣ свой взглядъ на вопросъ о народонаселеніи, а разъ формулировавши, рѣшилъ его опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Такъ возникъ его «Опытъ о законѣ народонаселенія», создавшій автору всемірную и неувядаемую славу.

Появившееся въ 1798 г. безъ имени автора первое изданіе «Опыта» отличалось многими несовершенствами, не помѣшавшими ему однако имѣть большой успѣхъ у публики. Написанное съ полемическими цѣлями и безъ достаточной спеціальной подготовки автора, сочиненіе Мальтуса было переполнено риторическими украшеніями и въ то-же время нуждалось въ фактическомъ обоснованіи; если, не смотря на всѣ свои недостатки, оно произвело фуроръ при своемъ появленіи, то это объяснялось главнымъ образомъ двумя причинами. Во-первыхъ, книга касалась жгучихъ вопросовъ минуты и во-вторыхъ, давала на нихъ вѣрный или невѣрный, но во всякомъ случаѣ рѣшительный и оригинальный отвѣтъ. Чтобы понять значеніе «Опыта о народонаселеніи», надо вспомнить эпоху, когда онъ появился. То былъ конецъ XVIII вѣка, ознаменовавшагося въ Англіи многими великими изобрѣтеніями въ области техники и механики, открытіемъ залежей угля и желѣза на островѣ и необыкновеннымъ развитіемъ національной промышленности. Непосредственнымъ результатомъ этого послѣдняго было разрушеніе старыхъ экономическихъ устоевъ, разрушеніе цеховъ и корпорацій, дававшихъ своимъ членамъ извѣстное покровительство и обезпеченный заработокъ. Нужды новой промышленности потребовали отмѣны стѣснительныхъ предписаній законодательства, до того времени бравшаго подъ свою защиту учениковъ и подмастерьевъ: тѣ-же нужды привлекли въ промышленные центры массы рабочихъ рукъ, оторванныхъ отъ земледѣлія или освободившихся вслѣдствіе упадка ремеслъ. Вслѣдъ за непродолжительной эпохой высокой заработной платы наступило противоположное движеніе паденія цѣнъ на трудъ. Къ этому присоединился неурожай 1795 г.; продукты первой необходимости вздорожали въ небывалыхъ размѣрахъ, народъ голодалъ и не скрывалъ своего неудовольствія, а въ Лондонѣ толпы рабочихъ останавливали на улицѣ карету короля, крича: «хлѣба, дайте намъ хлѣба!». Общество было обезпокоено, ища исхода изъ затруднительнаго положенія. Питтъ предлагалъ реформу законовъ о бѣдныхъ, другіе говорили о невѣжествѣ простого народа, третьи предлагали устроить рабочіе союзы, четвертые требовали субсидій семейнымъ рабочимъ, нѣкоторые наконецъ всю вину сваливали на свободу торговли. И вотъ въ такое-то время всеобщаго возбужденія умовъ появляется книга, устанавливающая порядокъ въ хаосѣ противорѣчивыхъ сужденій и съ полной твердостью указывающая на дѣйствительную причину

всѣхъ бѣдствій. «Перенаселеніе»—это было новое слово, новый лозунгъ, за который многіе сейчасъ же ухватились съ тѣмъ большей радостью, что для иныхъ онъ могъ служить отличнымъ оправданіемъ ихъ эгоизма. Не оказалось впрочемъ недостатка и въ возраженіяхъ, подчасъ даже очень рѣзкихъ, но критика содѣйствовала только тому, что «Опытъ о народонаселеніи» получилъ сразу громадную извѣстность.

Самъ Мальтусъ однако-же не почилъ на лаврахъ такъ неожиданно и такъ сравнительно легко доставшейся ему славы. Друзья указывали ему на недостатки его «Опыта», да онъ ихъ и самъ хорошо видѣлъ. Онъ сознавалъ, что только діалектически опровергъ взгляды Годвина и что совершенно недостаточно подмѣнить одни абстракціи другими. Мальтусу было совершенно ясно, что его мысли нуждаются въ доказательствахъ и въ фактическомъ обоснованіи; поэтому онъ усердно занялся ближайшимъ изученіемъ того вопроса, который ему приходилось рѣшать въ своемъ «Опытѣ» сначала безъ достаточныхъ знаній. Но положеніе вопроса о народонаселеніи въ то время было таково, что Мальтусъ имѣлъ передъ собою лишь самую бѣдную литературу и, главное, самое ограниченное количество точныхъ, провѣренныхъ фактовъ. Статистики, какъ науки, тогда еще не было; приводившіяся главнымъ образомъ нѣмецкими учеными статистическія данныя отличались неполнотой и случайностью, причемъ ими пользовались тенденціозно и неумѣло. Мальтусу, когда онъ взялся за подробную разработку вопроса о народонаселеніи, приходилось самому и собирать факты, и обобщать ихъ, и полагать основанія научнымъ статистическимъ изслѣдованіямъ, и давать точные отвѣты на жгучіе вопросы современности. Онъ скоро увидѣлъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ путешествіямъ, какъ къ единственному возможному средству собрать недостающія свѣдѣнія и собственными наблюденіями пополнить существующій пробѣлъ.

Въ 1799 г. мы видимъ его путешествующимъ въ компаніи съ Оттеромъ, впослѣдствіи епископомъ и біографомъ Мальтуса, Кларкомъ, извѣстнымъ англійскимъ путешественникомъ и др., по Германіи, Швеціи, Норвегіи, Финляндіи и отчасти по Россіи, т. е. по всѣмъ тѣмъ странамъ, которыя были доступны для посѣщеній иностранцевъ въ то смутное время. Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ Аміенскаго мира, Мальтусъ посѣщаетъ еще Францію и Швейцарію. По возвращеніи изъ перваго путешествія онъ пишетъ и издаетъ

(анонимно) небольшой трактатъ о причинахъ дороговизны товаровъ; по возвращеніи же изъ второго путешествія онъ выпускаетъ второе, переработанное и дополненное, изданіе «Опыта о народонаселеніи». Переработкѣ подверглась какъ внѣшняя форма изложенія, такъ и нѣкоторыя основныя положенія самаго ученія. По совѣту друзей и слѣдуя указаніямъ критиковъ, Мальтусъ исключилъ изъ своей книги нѣкоторыя болѣе рѣзкія мѣста и придалъ изложенію болѣе дѣловитый характеръ, пожертвовавъ многими риторическими украшеніями: цѣлый рядъ новыхъ главъ, иллюстрирующихъ вопросъ о народонаселеніи примѣрами тѣхъ странъ, которыя авторъ объѣздилъ при своихъ путешествіяхъ, увеличилъ первоначальный размѣръ его сочиненія больше, чѣмъ вдвое.

Главное измѣненіе по существу состояло въ томъ, что нищету и преступленія онъ не считаетъ теперь уже единственными препятствіями чрезмѣрному возрастанію народонаселенія, но присовокупляетъ къ нимъ нравственное воздержаніе или сознательный отказъ отъ дѣторожденія. Сообразно такому добавленію, являющемуся какъ-бы уступкой Годвину, который тоже возлагалъ большія надежды на подавленіе разумомъ страстей,—и нарисованная Мальтусомъ картина будущаго съ его неизбѣжнымъ зломъ перенаселенія должна была утратить много въ своей мрачности. Къ сожалѣнію такая важная поправка въ ученіи нисколько не отразилась на конечныхъ выводахъ автора и потому внесла нѣкоторую дисгармонію въ прежде столь стройное зданіе его системы; на это было тотчасъ указано его критиками, которыхъ оказалось теперь больше и которые ко второму изданію отнеслись строже, чѣмъ къ первому.

Черезъ два года послѣ выхода въ свѣтъ второго изданія «Опыта о народонаселеніи», т. е. въ 1805 г., Мальтусъ былъ назначенъ профессоромъ исторіи и политической экономіи въ училище Остъ-Индской компаніи, а незадолго передъ тѣмъ, зная уже о своемъ назначеніи, онъ женился на нѣкоей миссъ Гарріетъ Экерзаль. Кто сколько-нибудь знакомъ съ ученіемъ Мальтуса, тотъ знаетъ конечно, что онъ отнюдь не былъ противникомъ брака вообще, а потому и въ его женитьбѣ, состоявшейся, когда Мальтусъ получилъ опредѣленное, обезпеченное положеніе въ обществѣ, не усмотритъ безъ всякаго сомнѣнія никакого противорѣчія съ его ученіемъ. Но въ томъ-то и дѣло, что противники Мальтуса не всегда

находили нужнымъ знакомиться съ его «Опытомъ о народонаселеніи», и потому могли ставить ему въ вину его бракъ, заключенный въ дѣйствительности согласно всѣмъ, выставленнымъ имъ самимъ, теоретическимъ требованіямъ. Французскій экономистъ Шербюлье пошелъ еще дальше и приписалъ Мальтусу одиннадцать дочерей, въ многолюдномъ обществѣ которыхъ тотъ будто-бы ходилъ въ гости къ своимъ знакомымъ (какъ это правдоподобно!). Кауцкій, скептически относящійся къ апокрифическому разсказу Шербюлье, не упускаетъ однако же случая съострить, что по всей вѣроятности дочери Мальтуса пали жертвой перенаселенія. Въ дѣйствительности авторъ «Опыта о народонаселеніи» имѣлъ только троихъ дѣтей, сына и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна умерла въ раннемъ дѣтствѣ, другая же жива кажется и до сихъ поръ.

Учебное заведеніе, въ которомъ Мальтусъ былъ назначенъ профессоромъ и гдѣ онъ до самой своей смерти не только читалъ лекціи, но и исполнялъ обязанности священника, основано было для того, чтобы давать образованіе молодымъ людямъ, посылаемымъ въ Индію въ качествѣ агентовъ компаніи. Ни подборъ воспитанниковъ, ни постановка образованія въ училищѣ не могли считаться вполнѣ удовлетворительными. Спеціальныя цѣли заведенія давали себя чувствовать и на общихъ предметахъ, которые преподавались примѣнительно къ обстоятельствамъ: такъ напримѣръ, при передачѣ началъ политической экономіи особенное вниманіе по требованію программы должно было быть обращаемо на «разъясненіе политическихъ и коммерческихъ отношеній, существующихъ между Индіей и Великобританіей». Что же касается воспитанниковъ, то они отличались нѣсколько буйнымъ характеромъ, и потому драки въ училищѣ были не въ рѣдкость. Повидимому дѣло не обходилось и безъ рукопашныхъ схватокъ съ профессорами, потому что одинъ изъ нихъ пишетъ слѣдующее при вѣсти о назначеніи въ училище новаго преподавателя: «его положеніе здѣсь будетъ очень хорошо, если не считать побоевъ и контузій. Но онъ можетъ требовать себѣ вознагражденія за убытки или ежегодной пенсіи, если побои студентовъ сдѣлаютъ его неспособнымъ къ продолженію занятій. Не будетъ ли полезно совѣтовать профессорамъ изучать употребленіе пращи — balearis-habena —? Это бы доставило имъ большое преимущество передъ студентами».

Самъ Мальтусъ однако не только не выражаетъ никакого неудовольствія на училище, но даже беретъ его подъ свою защиту,

въ виду усиленныхъ нападокъ. Онъ жалуется только на одно—на крайнюю зависимость, въ которую профессора поставлены отъ директоровъ; буйство студентовъ онъ считаетъ явленіемъ вполнѣ устранимымъ, если профессорамъ будетъ предоставлена дисциплинарная власть. Что касается спеціально его предмета, то онъ вполнѣ доволенъ успѣхами учениковъ и, судя по своему опыту, полагаетъ возможнымъ сдѣлать преподаваніе политической экономіи настолько популярнымъ и доступнымъ, чтобы ее можно было ввести въ курсъ народныхъ училищъ. Впрочемъ, по свидѣтельству его біографа, Бонара, лекціи Мальтуса хотя и приближались по своему стилю скорѣе къ первому, чѣмъ къ послѣдующимъ изданіямъ его «Опыта», тѣмъ не менѣе, благодаря нѣкоторой своей сухости, не могли очаровывать слушателей, тѣмъ болѣе, что Мальтусъ обладалъ весьма крупнымъ для оратора недостаткомъ (заячьей губой), дѣлавшимъ его произношеніе не особенно внятнымъ.

Но, какъ уже мы сказали, самъ Мальтусъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ. Почти полныхъ 30 лѣтъ его учительства проходятъ въ невозмутимомъ покоѣ, среди живописной деревенской обстановки (училище помѣщалось за городомъ) и непрерывныхъ научныхъ занятій. Жизнь его за все это время отличается полнымъ отсутствіемъ внѣшнихъ событій, но зато самой усиленной работой ума. Изъ фактовъ внѣшней жизни мы здѣсь отмѣтимъ только посѣщеніе Мальтусомъ знаменитаго Нью-Ланаркскаго предпріятія Оуэна, да его участіе сначала въ Королевскомъ научномъ обществѣ, а затѣмъ вмѣстѣ съ Джемсомъ Миллемъ, Гротомъ и Рикардо въ основанномъ Тукомъ экономическомъ клубѣ. Здѣсь кстати будетъ отмѣтить многолѣтнюю (съ 1810 по 1834 г.) дружбу Мальтуса съ Рикардо,—дружбу, основанную на общности ихъ научныхъ занятій и не страдавшую нисколько отъ ихъ теоретическихъ разногласій. Результатомъ ея является изданная Бонаромъ обширная переписка, въ которой мы находимъ много любопытнаго матеріала для характеристики экономическихъ взглядовъ обоихъ друзей, но ничего такого, что бы намъ рисовало ихъ личныя отношенія, характеры и образъ жизни. Дружба Рикардо съ Мальтусомъ была чисто абстрактнаго свойства, напоминая собою сочиненія перваго.

За все это время литературная дѣятельность Мальтуса отличается большой продуктивностью. Съ 1805 г. онъ издаетъ одинъ за другимъ нѣсколько новыхъ изданій своего «Опыта», каждый

разъ дополняя, передѣлывая и полемизируя въ приложеніяхъ съ своими противниками. Въ 1814—1815 г. онъ пишетъ «Замѣчанія на хлѣбные законы», особое «мнѣніе» по вопросу объ ограниченіи ввоза и весьма важное сочиненіе «Природа и возрастаніе ренты». 1820 г. отмѣченъ крупной теоретической работой Мальтуса—«Политическая экономія», къ которой черезъ два года онъ присовокупляетъ трактатъ «Мѣрило цѣнности». Мы опускаемъ нѣсколько мелкихъ статей, чтобы отмѣтить и до сихъ поръ сохранившій свое значеніе трудъ «Опредѣленія экономическихъ понятій». Приготовляя ко второму изданію свою «Политическую экономію» и въ самомъ разгарѣ работы, Мальтусъ неожиданно умеръ 29 декабря 1834 года.

На автора «Опыта о народонаселеніи» такъ часто взводятъ упреки въ безправственности и жестокости, его ученіе и до сихъ поръ такъ охотно обсуждается съ чисто нравственной точки зрѣнія, что мы считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько свидѣтельствъ, рисующихъ характеръ и нравственную личность Мальтуса, предоставляя себѣ впослѣдствіи произвести оцѣнку и самаго его ученія. Первое, что здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, это полное безкорыстіе Мальтуса. Онъ сознательно уклонился отъ высокой духовной карьеры, которая могла бы дать ему и деньги, и почетъ, и удовольствовался скромной ролью учителя въ второразрядномъ учебномъ заведеніи, 30 лѣтъ занимая одно мѣсто и не ища никакихъ повышеній. Говорятъ, будто его «Опытъ» имѣлъ въ виду не интересы науки, а интересы партіи, которой Мальтусъ желалъ дать своей книгой оружіе въ руки. Это невѣрно. По своимъ убѣжденіямъ причисляемый къ вигамъ (либераламъ), Мальтусъ въ дѣйствительности стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ политическихъ партій. Онъ ничѣмъ не выражаетъ своего удовольствія, когда партія виговъ торжествуетъ и оказывается у власти, онъ не предпринимаетъ ничего, чтобы его могло сдѣлать вліятельнымъ человѣкомъ въ политическомъ мірѣ. Его «Опытъ» такимъ образомъ надо разсматривать совершенно объективно, какъ въ общемъ совершенно объективно въ интересахъ истины онъ и писался Мальтусомъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ своей «Политической экономіи» Мальтусъ не проявлялъ никакой тенденціозности и что его идеи не послужили оружіемъ въ рукахъ буржуазныхъ защитниковъ существующаго экономическаго порядка. Но это еще не дѣлаетъ автора «Опыта» человѣкомъ въ полномъ

смыслѣ партійнымъ и въ сущности нисколько не отличаетъ его отъ всѣхъ современныхъ ему экономистовъ: Рикардо, Сэя и другихъ.

Незлобивость, невозмутимость и полное душевное равновѣсіе— вотъ что составляетъ истинную основу характера Мальтуса. Миссъ Гарріетъ Мартино, хорошо знавшая его въ послѣдніе годы, пишетъ о немъ слѣдующее: «Человѣка болѣе простодушнаго, добродѣтельнаго и благожелательнаго, чѣмъ Мальтусъ, нельзя было найти во всей Англіи». Не смотря на то, что онъ подвергался въ литературѣ совершенно необузданнымъ нападкамъ, «я видѣла въ немъ одного изъ самыхъ веселыхъ и невозмутимыхъ людей въ обществѣ. Я однажды спросила Мальтуса, развѣ онъ не страдалъ въ душѣ отъ клеветъ, которыми его преслѣдовали? «Только въ самомъ началѣ», сказалъ онъ мнѣ.—Я удивляюсь, что это не заставляетъ васъ быть каждую минуту на сторожѣ.—«Послѣ первыхъ двухъ недѣль—никогда», былъ отвѣтъ». Такими же чертами, хотъ и въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, рисуетъ Мальтуса его товарищъ по путешествіямъ Оттеръ: «Его жизнь была болѣе чѣмъ чья либо другая постояннымъ проявленіемъ просвѣщеннаго благоволенія, довольства и мира; онъ представлялъ собою типъ чистѣйшаго и лучшаго философа, просвѣтленнаго христіанскими чувствами и проникнутаго христіанскимъ милосердіемъ. Характеръ его былъ такъ спокоенъ и кротокъ, его терпимость къ другимъ была такъ широка и такъ возвышенна, его желанія такъ умѣрены и его власть надъ своими страстями такъ велика, что авторъ настоящей статьи, знавшій его самымъ близкимъ образомъ около 50 лѣтъ, рѣдко когда его видѣлъ взволнованнымъ и положительно никогда не видалъ разгнѣваннымъ, надменнымъ или унылымъ». Мелкой обидчивости, тщеславія и самомнѣнія Мальтусъ былъ совершенно лишенъ.

«Онъ былъ очень чувствителенъ,—говоритъ его французскій біографъ Шарль Контъ,—къ одобренію людей просвѣщенныхъ и умныхъ; онъ придавалъ большую цѣну общественному мнѣнію; но незаслуженныя оскорбленія не волновали его, настолько онъ былъ убѣжденъ въ правотѣ своихъ взглядовъ и въ чистотѣ своихъ намѣреній». Оттеръ, миссъ Мартино, Сидней Смитъ, Гарнеръ, всѣ люди, знавшіе Мальтуса, отзываются о немъ единогласно въ духѣ глубокаго уваженія и почтительности. Особенно замѣчателенъ отзывъ мистера Макинтоша: «Я зналъ *немного* Смита, *хорошо* Рикардо и *близко* Мальтуса. Мнѣ кажется, кое-что значитъ, что

эти три величайшихъ мастера были вмѣстѣ съ тѣмъ и тремя лучшими людьми, которыхъ только я зналъ».

Мы полагаемъ, что не съумѣемъ лучше закончить біографію Мальтуса, какъ воспроизведя цѣликомъ слѣдующую трогательную, полную глубокаго чувства и справедливой благодарности надпись, сдѣланную его друзьями на его могильной плитѣ:

ПАМЯТИ

ТОМАСА РОБЕРТА МАЛЬТУСА,

хорошо извѣстнаго всему образованному міру своими прекрасными трудами по соціальнымъ вопро амъ пол. экоиом., и въ особенности своимъ «Опытомъ о народонаселеніи»; одного изъ лучшихъ людей и честнѣйшихъ философовъ всѣхъ временъ и народовъ, природными достоинствами своего ума поднявшагося выше кривотолковъ невѣжды и презрѣнія людей великихъ; онъ прожилъ счастливую и невозмутимую жизнь, посвященную искапію и распространенію истины, поддерживаемый глубокимъ и крѣпкимъ сознаніемъ пользы своихъ трудовъ, довольствуясь одобреніемъ людей хорошихъ и мудрыхъ. Его писанія будутъ прочнымъ свидѣтельствомъ широты и справедливости его взглядовъ. Неоспоримая честность его убѣжденій, его природная справедливость и чистота, привлекательность его характера, учтивость его манеръ, нѣжность сердца, благосклонность и благочестіе— оставили самую дорогую память о немъ у его семьи и друзей.

ГЛАВА II.

Основные экономическіе взгляды Мальтуса: опредѣленія экономическихъ понятій; богатство и производительный трудъ; мѣрило цѣнности; рента, заработная плата и прибыль. — Отношеніе Мальтуса къ рабочему классу. —Значеніе рынковъ и вопросъ о промышленныхъ кризисахъ. – Заблужденія и заслуги Мальтуса, какъ экономиста.

Когда въ 1820 г. Мальтусъ выступилъ со своей «Политической экономіей», экономическая наука обладала уже многими капитальными сочиненіями. Не говоря объ осново-положительномъ трудѣ Адама Смита, достаточно будетъ упомянуть здѣсь о работахъ физіократовъ, объ «Основаніяхъ политической экономіи» Рикардо и о многочисленныхъ писаніяхъ Сэя. Интересъ къ политической экономіи въ обществѣ былъ уже достаточно пробужденъ всѣми этими сочиненіями, и новые труды того же рода встрѣчали повсюду внимательный и сочувственный пріемъ. Но вмѣстѣ съ ростаніемъ экономической литературы росли и разногласія между отдѣльными мыслителями; оспариванію подвергались самыя основныя положенія политической экономіи, даже въ опредѣленіяхъ экономическихъ понятій единодушія не было. Возникли школы, теченія, направленія—и молодой наукѣ, едва успѣвшей выдѣлиться изъ всей совокупности философскихъ и нравственныхъ знаній, грозило, казалось, запутаться въ безчисленныхъ противорѣчіяхъ и потерять весь свой авторитетъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Зрѣлище этой раздробленности, этихъ несогласій и внутреннихъ противорѣчій побудило Мальтуса заняться пересмотромъ основныхъ положеній политической экономіи и подвести итогъ полученнымъ до него результатамъ. Цѣль этого пересмотра была чисто практическаго свойства: устранить подчасъ вполнѣ схоластическіе споры и установить возможное единство въ основныхъ вопросахъ.

Главной причиной разногласій между отдѣльными экономистами Мальтусъ считалъ пагубное, по его мнѣнію, стремленіе къ *упрощенію* сложныхъ общественныхъ явленій, желаніе свести все къ

дѣйствію одной какой-нибудь причины и проистекающее отсюда сознательное игнорированіе всѣхъ другихъ факторовъ. Политическая экономія не математика, говорилъ онъ, и та искусственная простота, которую стараются придать ея выводамъ, служитъ только въ ущербъ ей, отдаляя ее отъ дѣйствительной жизни... Первая задача всякой философіи—это объяснить вещи, какъ онѣ есть, а не какъ онѣ могутъ представиться нашему воображенію... И пусть ни соображенія временнаго удобства, ни опасеніе нарушить стройность общаго правила не побуждаютъ насъ никогда сходить съ прямой дороги къ истинѣ или скрывать такіе факты, которые могутъ не согласоваться съ нашими общими положеніями».

Преслѣдуя практическую цѣль объединенія науки и установленія основныхъ ея принциповъ, Мальтусъ не могъ не остановиться на томъ, что всего наглядиѣе раздѣляло экономистовъ,—на опредѣленіяхъ. Имъ посвятилъ онъ особое сочиненіе «Объ опредѣленіяхъ въ политической экономіи»,—сочиненіе, которое и въ настоящее время въ своей критической части сохранило большой интересъ для спеціалистовъ. Мы извлечемъ отсюда только тѣ основныя правила, которыми Мальтусъ руководствуется, разбирая чужія опредѣленія и формулируя свои. Вотъ эти, столь же практичныя, сколько и осторожныя, правила, слишкомъ элементарныя на первый взглядъ и тѣмъ не менѣе нерѣдко нарушаемыя изслѣдователемъ. *Первое правило*: «Когда употребляются термины, постоянно встрѣчающіеся въ разговорной рѣчи просвѣщенныхъ людей, надо стараться ихъ опредѣлять и употреблять, сохраняя тотъ смыслъ, который имъ чаще всего придается». *Второе*: «Когда термины не имѣютъ санкціи общеупотребительности, лучшимъ авторитетомъ являются наиболѣе видные представители науки, въ особенности если среди нихъ есть одинъ, котораго по общему отзыву считаютъ ея основателемъ» (намекъ на А. Смита). Этимъ правиломъ, какъ поясняетъ Мальтусъ, онъ хочетъ предостеречь только противъ чрезмѣрнаго увлеченія созданіемъ новыхъ опредѣленій. Когда же въ новомъ опредѣленіи чувствуется дѣйствительно необходимость, его надо дать, руководствуясь *третьимъ правиломъ*: «Предложенное измѣненіе должно совершенно устранять всѣ неудобства стараго термина, не вызывая съ своей стороны такихъ же или еще бо́льшихъ неудобствъ». Нужно еще (*четвертое*), «чтобы новыя опредѣленія согласовались съ тѣми, которыя положены въ основу науки, и чтобы одинаковые термины сохраняли всегда одинъ смыслъ».

Политическая экономія—это, по взгляду Адама Смита, наука о богатствѣ народовъ, о природѣ и причинахъ его. Что же такое самое богатство? спрашиваетъ себя Мальтусъ. Различные экономисты понимаютъ это выраженіе неодинаково: одни очень узко, другіе чрезвычайно широко. Физіократы напр. обозначали имъ преимущественно только продукты земледѣлія, тогда какъ Сэй вводилъ въ понятіе богатства, кромѣ всякаго рода внѣшнихъ благъ, также и умственную дѣятельность человѣка, разныя личныя услуги, «самыя благородныя добродѣтели и самые рѣдкіе таланты». Оба эти пониманія Мальтусъ признавалъ крайностью: согласно первому, богатыя промышленныя страны придется называть бѣдными; что же касается второго, то оно, по его мнѣнію, вноситъ совершенную путаницу во всѣ наши понятія: богатый человѣкъ и добродѣтельный человѣкъ—развѣ это одно и то-же? Возможность накопленія и сбереженія, отсутствующая въ личныхъ услугахъ, кажется ему существеннымъ признакомъ богатства. Согласно такому взгляду, богатой страной мы назовемъ ту, которая сравнительно съ размѣрами своей территоріи будетъ обладать бо́льшимъ количествомъ полезныхъ для ея населенія матеріальныхъ предметовъ.

Отъ того, какъ понимать богатство, зависитъ, что̀ называть производительнымъ трудомъ. Физіократы вполнѣ логично считаютъ таковымъ только трудъ земледѣльческій, тогда какъ Сэй не отказываетъ въ этомъ названіи ни дѣятельности государственнаго человѣка, ни работѣ домашней прислуги. Мальтусъ въ полномъ согласіи съ даннымъ имъ опредѣленіемъ богатства признаетъ только тотъ трудъ производительнымъ, который направленъ на произведеніе матеріальныхъ предметовъ. Трудъ учителя, государственнаго человѣка или прислуги не является поэтому по его взгляду трудомъ производительнымъ, но въ то же время Мальтусъ не хочетъ его называть и непроизводительнымъ, чтобы не прилагать никакого неодобрительнаго эпитета къ той формѣ дѣятельности, которая, не доставляя никакихъ матеріальныхъ предметовъ, тѣмъ не менѣе очень полезна, даже необходима для государства. Онъ изобрѣтаетъ для нея особое названіе и всякій трудъ, не являющійся въ его смыслѣ производительнымъ, окрещиваетъ кличкой «личныхъ услугъ». Трудъ производительный создаетъ капиталъ или ту «часть матеріальнаго богатства страны, которая сберегается и служитъ для производства и для распредѣленія богатства»; трудъ непроизводительный поглощаетъ доходъ съ этого капитала и производитъ

пріятныя и полезныя вещи нематеріальнаго свойства. Такъ какъ одинъ трудъ содержится на счетъ другого, то благосостояніе народа зависитъ отъ правильнаго соотношенія между ними; непроизводительный трудъ не долженъ получать слишкомъ большой доли національнаго богатства, чтобы не помѣшать накопленію капиталовъ. Страна, большая часть населенія которой состоитъ изъ солдатъ, прислуги и чиновниковъ, богатой быть не можетъ.

Прежде чѣмъ слѣдовать дальше за Мальтусомъ, мнѣ кажется необходимымъ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній по поводу вышеизложеннаго. Вопросъ о томъ или иномъ пониманіи слова «богатство» не можетъ считаться оставленнымъ и въ современной политической экономіи. Если узкій взглядъ физіократовъ не встрѣчаетъ уже больше поддержки, зато широкое опредѣленіе Сэя съ извѣстными ограниченіями принимается нѣкоторыми изъ современныхъ экономистовъ. Въ виду того, что къ ихъ числу принадлежатъ даже такіе авторитетные люди, какъ Адольфъ Вагнеръ, не безполезно будетъ подчеркнуть въ высшей степени трезвый взглядъ Мальтуса на богатство, какъ на сумму однихъ матеріальныхъ предметовъ. Что же касается Мальтусова опредѣленія капитала, то его надо признать вполнѣ устарѣлымъ и слишкомъ неточнымъ даже для своего времени.

Изъ всѣхъ экономическихъ понятій въ дѣйствительной жизни мы всего чаще встрѣчаемся съ *цѣною*. Цѣна есть денежное выраженіе мѣновой цѣнности предмета, а мѣновая цѣнность, говоря словами М., представляетъ собою «отношеніе одного предмета къ другому или къ нѣсколькимъ другимъ, способнымъ быть обмѣненными». Отношеніе это опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. Колебаніями въ спросѣ и предложеніи объясняются *всѣ* измѣненія, происходящія въ цѣнахъ товаровъ; другихъ причинъ, вліяющихъ на эти измѣненія, по мнѣнію Мальтусъ не существуетъ. Такимъ образомъ издержки производства при опредѣленіи цѣны товаровъ играютъ лишь второстепенную роль.

Мальтусу хочется доказать, что трудъ, употребленный на производство даннаго предмета, не можетъ служить мѣриломъ его цѣнности; по его мнѣнію, мѣриломъ является то количество труда, которое можно купить даннымъ предметомъ. Это какъ разъ обратное тому, что утверждаетъ Рикардо въ своихъ «Началахъ политической экономіи». Первое основное положеніе этой книги гласитъ: «цѣнность предмета или количество всякаго другого

предмета, за которое онъ обмѣнивается, зависитъ отъ сравнительнаго количества труда, необходимаго на его производство, а не отъ бо́льшаго или меньшаго вознагражденія, получаемаго за этотъ трудъ».

Если бы вся современная политическая экономія не доказала полной справедливости разсужденій Рикардо, одной полемики его съ Мальтусомъ, было бы достаточно, чтобъ усомниться въ правотѣ послѣдняго. Но трудовая теорія цѣнности, развитая и обоснованная Марксомъ, получила теперь всеобщее признаніе, и взгляды Мальтуса въ этой области можно считать окончательно сданными въ архивъ.

Ошибочная отправная точка зрѣнія въ вопросѣ о цѣнности заставила Мальтуса невѣрно подойти и къ изслѣдованію издержекъ производства, но она нисколько не помѣшала ему въ анализѣ отдѣльныхъ составныхъ частей этихъ издержекъ установить нѣсколько правильныхъ, впослѣдствіи вполнѣ подтвердившихся положеній. Къ вопросу объ издержкахъ онъ переходитъ слѣдующимъ, вполнѣ искусственнымъ образомъ: «Хотя въ моментъ обмѣна двухъ предметовъ на эту сдѣлку не оказываетъ вліянія никакое другое обстоятельство, кромѣ отношенія спроса къ предложенію, тѣмъ не менѣе, такъ какъ всѣ предметы нашихъ желаній получаются усиліями человѣка, понятно, что снабженіе ими обусловлено во-первыхъ суммой, ловкостью и направленіемъ этихъ усилій, во-вторыхъ — поддержкой, которую можно извлечь изъ продуктовъ предшествующаго труда, и въ третьихъ — изобиліемъ или скудостью сырыхъ матеріаловъ и необходимаго пропитанія для рабочихъ». Таковы, по мнѣнію Мальтуса, три основныя категоріи издержекъ производства, необходимыя для правильнаго удовлетворенія существующаго спроса, по общепринятому взгляду же являющіяся просто главными факторами въ образованіи цѣны товаровъ. На экономическомъ языкѣ категоріи эти именуются *заработной платой*, *прибылью* и *рентой*.

Анализъ ренты, ея особенностей и причинъ составляетъ главную заслугу Мальтуса въ теоріи полит. экоп., а потому мы съ него и начнемъ. Теорія ренты связывается обыкновенно съ именемъ Рикардо, который между тѣмъ въ предисловіи къ своей книгѣ самъ отклоняетъ отъ себя эту честь и заявляетъ прямо: «въ 1815 г. Мальтусъ въ своемъ «Изслѣдованіи о природѣ и возрастаніи ренты» и Уэстъ въ «Опытѣ о приложеніи капитала къ земледѣлію»

представили міру почти въ одно и то же время истинное ученіе о рентѣ». Конечно заслуга Рикардо, разработавшаго это ученіе съ такой простотой и наглядностью, что оно сдѣлалось съ тѣхъ поръ самымъ лучшимъ достояніемъ экономической науки, заслуга не малая, но для историка, интересующагося преемственностью идей, болѣе раннее изслѣдованіе Мальтуса должно представить и большій интересъ. Для пониманія же научныхъ заслугъ и экономическихъ взглядовъ Мальтуса изслѣдованіе это имѣетъ особенную важность.

Въ то время какъ А. Смитъ главной причиной ренты считалъ монопольный характеръ поземельной собственности, Мальтусъ рѣшительно отрицаетъ такую тѣсную связь между рентой и монополіей. Искусственныя мѣры правительства и монополія землевладѣльцевъ сыграли дѣйствительно свою роль въ исторіи ренты, ускоривъ ея возрастаніе, но самый фактъ существованія ренты имѣетъ болѣе глубокую причину, коренящуюся въ различномъ плодородіи отдѣльныхъ земельныхъ участковъ. Цѣна продуктовъ земледѣлія опредѣляется расходами по ихъ добыванію на наименѣе плодородныхъ участкахъ, которые потому даютъ своимъ собственникамъ минимальную выгоду, не превышающую средняго дохода съ капитала въ данной странѣ и въ данное время. Естественныя выгоды большаго плодородія всѣхъ остальныхъ участковъ и доставляютъ то, что подъ названіемъ ренты землевладѣлецъ кладетъ себѣ въ карманъ. Поэтому, если приложенный къ землѣ низшаго качества капиталъ даетъ 30 на 100, въ другихъ же случаяхъ 40 и 50 на 100, то ренту будутъ составлять именно эти излишки, равные 10 и 20. Дѣло нисколько не измѣнится отъ того, что землей будетъ обладать большее или меньшее количество лицъ; если даже земля станетъ общей собственностью и тогда всетаки рента не исчезнетъ.

Главная, основная причина ренты, по Мальтусу, лежитъ въ особенномъ свойствѣ земли доставлять земледѣльцу больше продуктовъ, чѣмъ сколько нужно ему для собственнаго потребленія. Это-то свойство и позволяетъ землевладѣльцу получать ренту съ земли, которую обрабатываетъ арендаторъ. Вторая причина заключается въ томъ, что продукты первой необходимости всегда находятъ сбытъ, даже при особенномъ изобиліи, потому что они сами себѣ создаютъ спросъ, давая толчекъ къ возрастанію населенія. Въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда, какъ это бы-

ваетъ въ новыхъ колоніяхъ, ростъ населенія не поспѣваетъ за массой добываемыхъ продуктовъ и они остаются непотребленными,—не бываетъ и ренты. Послѣдняя причина ренты лежитъ въ сравнительной рѣдкости плодородныхъ участковъ; свою роль играетъ здѣсь несомнѣнно и монополія.

Теорія ренты Мальтуса съ нѣкоторыми поправками, внесенными Рикардо, въ ея существенныхъ чертахъ должна считаться правильной и въ настоящее время.

Не меньшей оригинальностью, но зато меньшею основательностью отличаются взгляды Мальтуса на прибыль и заработную плату. Прибыль онъ опредѣляетъ, какъ «разницу между цѣнностью необходимыхъ для производства предмета затратъ и цѣнностью произведеннаго предмета». Высота прибыли зависитъ отъ тѣхъ причинъ, которыя вліяютъ на величину этой разницы. Въ земледѣліи главной изъ такихъ причинъ является плодородіе почвы или количество получаемыхъ отъ земли продуктовъ. Но съ ростомъ населенія и съ увеличеніемъ конкуренціи капиталовъ люди принуждены обращаться все къ худшимъ и худшимъ земельнымъ участкамъ. Рента безостановочно растетъ, а та часть продуктовъ, которая идетъ на удовлетвореніе капиталистовъ съ рабочими, все падаетъ. При этомъ потребности рабочихъ, а слѣд. и заработная плата имѣютъ свой минимумъ, ниже котораго онѣ не могутъ упасть, но такъ какъ доля рабочихъ и капиталистовъ, не останавливаясь, продолжаетъ уменьшаться,—это отражается уже на прибыли, которая и подвергается усиленному сокращенію. До сихъ поръ Мальтусъ разсуждаетъ въ полномъ согласіи съ Рикардо, забывая только прибавить, какъ это дѣлаетъ послѣдній, что введеніе новыхъ машинъ и улучшеніе техники, сокращая издержки производства, задерживаютъ паденіе прибыли.

Но, продолжаетъ свои разсужденія Мальтусъ, возвышеніе ренты не составляетъ единственной причины, вліяющей на величину прибыли. Послѣднее зависитъ также отъ цѣнности производимыхъ товаровъ: если подъ вліяніемъ бо́льшаго предложенія цѣна продуктовъ падаетъ, падаетъ и величина прибыли, если же, наоборотъ, вслѣдствіе уменьшившагося предложенія, цѣна растетъ, растетъ и прибыль. Всѣ эти колебанія, по мнѣнію Мальтуса порождаются въ сущности конкуренціей капиталовъ; большее или меньшее изобиліе ихъ опредѣляетъ ту долю, за которую собственникъ капитала соглашается обращать его въ производство. Вліяніе конкуренціи капиталовъ на размѣръ прибыли такъ велико въ глазахъ Мальтуса,

что опо можетъ даже парализовать дѣйствіе первой причины, возрастанія ренты.

Разсуждая такимъ образомъ, Мальтусъ исходитъ изъ своего основного положенія, что цѣны товаровъ опредѣляются спросомъ и предложеніемъ. Но вотъ именно это-то положеніе, какъ мы видѣли выше, и не можетъ быть признано правильнымъ. Естественной заработной платой Мальтусъ называетъ ту, которая «необходима при данномъ состояніи общества, чтобы всегда было достаточное для удовлетворенія существующаго спроса количество рабочихъ». Ту же мыслъ Рикардо выразилъ слѣдующимъ образомъ: «естественная цѣна труда есть та, которая необходима для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію и къ продолженію своего рода, какъ безъ возрастанія, такъ и безъ уменьшенія». Подъ вліяніемъ спроса и продолженія рыночная цѣна труда можетъ нѣсколько уклоняться отъ естественной, но она всегда сообразуется съ ней, т. е. держится приблизительно на уровнѣ необходимыхъ потребностей рабочаго. Потребности эти однако въ различныхъ странахъ и въ разныя эпохи отнюдь не одинаковы. Рикардо и Мальтусъ, согласны въ томъ, что низкій уровень ихъ нежелателенъ. «Друзья человѣчества должны желать, говоритъ первый, чтобы рабочіе классы повсюду имѣли потребность въ удобствахъ и въ наслажденіяхъ, и чтобы они были поощряемы къ доставленію ихъ себѣ всѣми законами и средствами». Мальтусъ выражается на этотъ счетъ еще рѣшительнѣе: «еслибы страна не имѣла другого средства для обогащенія, кромѣ сокращенія заработной платы, мнѣ бы пришлось воскликнуть: «пусть лучше погибнутъ такія богатства!» Онъ выражаетъ обратное положеніе, что-бы существующая заработная плата, крайне недостаточная по его мнѣнію. повысилась; такое повышеніе, какъ ему кажется, не послужитъ къ ущербу капиталистовъ.

Положеніе, при которомъ только необходимѣйшія потребности получаютъ удовлетвореніе, не можетъ быть названо особенно идеальнымъ. Какъ же можно улучшить судьбу рабочихъ? Единственное средство—это разъяснять имъ ихъ положеніе и благопріятствовать распространенію среди нихъ привычки къ предусмотрительности. «Съ такой привычкой, говоритъ Мальтусъ, этотъ многочисленный классъ могъ бы быть *почти такъ же счастливъ*, какъ два другіе» (капиталистовъ и землевладѣльцевъ). Что же касается вмѣшательства государства въ сферу экономическихъ отношеній ради улучшенія судьбы рабочихъ, то этого Мальтусъ совершенно не одобряетъ. Вообще практическія пожеланія Мальтуса не отли-

чаются въ этомъ случаѣ прогрессивнымъ характеромъ (исключеніемъ можетъ служить лишь его сочувствіе къ законодательной охранѣ дѣтскаго и женскаго труда), потому что они всегда сталкиваются съ его непоколебимой вѣрой въ незыблемость существующаго порядка. Нельзя того же сказать о политическихъ взглядахъ Мальтуса, какъ это видно изъ слѣдующаго разсужденія. «Изъ всѣхъ причинъ, содѣйствующихъ распространенію среди народныхъ массъ привычекъ предусмотрительности, —читаемъ мы въ его «Политической экономіи»,—самой существенной является безъ сомнѣнія гражданская свобода. Невозможно, чтобы народъ составлялъ планы на будущее, если онъ неувѣренъ, что его похвальныя и честныя усилія достигнутъ цѣли и что пріобрѣтаемая имъ собственность будетъ за нимъ обезпечена справедливыми, внушающими всѣмъ уваженіе и примѣняемыми безъ всякаго пристрастія законами. Но опытъ показалъ, что безъ свободы политической не можетъ быть прочна и свобода гражданская. Поэтому политическая свобода оказывается почти столь же необходимой».

Чтобы закончить обозрѣніе главныхъ пунктовъ экономическаго міровоззрѣнія Мальтуса, намъ остается упомянуть, что его надо считать отцомъ ученія о фондѣ заработной платы, этой столь популярной въ свое время и совершенно отвергнутой нынѣ теоремы. Сущность ея состоитъ въ томъ, что въ каждой странѣ будто бы существуетъ опредѣленный капиталъ, который служитъ для содержанія и вознагражденія рабочихъ и который не можетъ быть произвольно уменьшаемъ или увеличиваемъ. Намеки на эту теорію встрѣчаются уже у А. Смита, не видѣвшаго однако въ суммахъ, яко бы предназначенныхъ для вознагражденія рабочихъ, ничего неизмѣннаго, нерастяжимаго. Мальтусъ же говоритъ прямо, что «фондъ, служащій для содержанія труда, не увеличивается неизбѣжно съ ростомъ богатствъ и очень рѣдко возрастаетъ пропорціонально послѣднимъ».

Если изъ предшествующихъ страницъ читатель узналъ больше о заблужденіяхъ Мальтусъ, чѣмъ объ выдвинутыхъ имъ истинахъ, пусть не объясняетъ онъ этого тѣмъ, что такихъ истинъ слишкомъ мало въ «Основахъ пол. экон.», или что мы ихъ не захотѣли увидѣть. Напротивъ, мы подчеркнули трезвый взглядъ автора «Политической экономіи» на сущность богатства, мы изложили его ученіе о рентѣ, которое считаемъ весьма важнымъ вкладомъ въ экономическую науку. Если затѣмъ мы останавливались также на заблужденіяхъ и слабыхъ сторонахъ Мальтуса, то къ этому насъ обя-

зывалъ самый характеръ его заблужденій - такихъ напримѣръ какъ ученіе о фондѣ заработной платы, «*желѣзный законъ*» заработной платы *) и др.—и ихъ крупная роль въ исторіи политической экономіи. Ошибки великихъ людей имѣютъ особое свойство быть иногда не менѣе поучительными, чѣмъ многія истины.

---

*) «Желѣзнымъ закономъ» заработной платы со времени Лассаля, воспринявшаго въ этомъ случаѣ взгляды Рикардо и Мальтуса, называютъ ученіе, согласно которому заработная плата имѣетъ тенденцію держаться на уровнѣ необходимыхъ потребностей рабочихъ. Въ сочиненіяхъ Мальтуса ученіе это было впервые формулировано и обосновано.

ГЛАВА III.

Вопросъ о народонаселеніи въ древности: древнѣйшія законодательства, Спарта, Аттика, Римъ, ученія Платона и Аристотеля. — Христіанство.—Народонаселеніе въ XVI—XVIII вв., реформація, меркантилизмъ, взгляды писателей XVII—XVIII вв. —Переворотъ, произведенный Мальтусомъ. — Основныя теоретическія положенія «Опыта о народонаселеніи».

Чтобы вполнѣ понять какъ ту научную важность, которую имѣетъ «Опытъ о народонаселеніи», такъ и то непосредственное впечатлѣніе, которое Мальтусъ произвелъ своей книгой на современниковъ, намъ нужно обратиться сначала къ исторіи различныхъ взглядовъ на народонаселеніе, господствовавшихъ въ прежнія времена. Пересмотрѣвъ, хотя бы вкратцѣ, соотвѣтствующія ученія писателей древности, среднихъ вѣковъ и просвѣтительной эпохи, мы ясно представимъ себѣ, что новаго по данному вопросу внесъ «Опытъ о народонаселеніи», а также, почему этому сочиненію посчастливилось привлечь къ себѣ всеобщее вниманіе и получить такую громкую извѣстность. Мы начнемъ съ самой глубокой древности, насколько намъ это позволяютъ скудныя свѣдѣнія, сообщаемыя древними авторами.

Въ описаніяхъ путешественниковъ и этнографовъ часто приходится читать о той исключительной плодовитости, которой будто бы отличаются низшія расы. Обширныя семьи дикарей охотно противопоставляются при этомъ современной, цивилизованной семьѣ, не заключающей въ себѣ обыкновенно болѣе 4—5 членовъ. Хотя весьма быстрое размноженіе некультурныхъ народовъ наблюдалось дѣйствительно неоднократно, тѣмъ не менѣе въ той общей формѣ, въ какой высказывается это наблюденіе, оно не можетъ считаться фактомъ, столько прочно установленнымъ, какъ другой фактъ—значительной смертности среди тѣхъ же некультурныхъ племенъ. Близко стоя къ природѣ и находясь отъ нея въ особенно сильной зависимости, дикія племена

не мало страдаютъ отъ всякихъ стихійныхъ бѣдствій, непогоды, засухи, неурожая; имъ достается труднѣе нашего побѣда надъ дикими звѣрями, а особенно много крови и силъ тратится ими въ борьбѣ другъ съ другомъ изъ за обладанія скотомъ или пастбищемъ. Та убыль въ ихъ рядахъ, которая причиняется повальными болѣзнями, особенно губительными среди дикарей, борьбой съ природой и неустанными междоусобными войнами, должна пополняться естественнымъ приростомъ населенія. Что бы намъ ни говорили о быстротѣ этого роста, но, видно, убыль народонаселенія бывала такъ велика, что путемъ естественнаго размноженія она восполнялась чрезчуръ медленно, потому что законодательства, религія и обычаи древности находятъ нужнымъ всячески покровительствовать и содѣйствовать возможно большему размноженію народонаселенія.

Такимъ образомъ въ Персіи, какъ передаетъ Геродотъ, цари назначали особыя денежныя награды тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые имѣли больше дѣтей. Въ Іудеѣ считалось позорнымъ не имѣть потомства, и потому отъ участія въ управленіи отстранялись евнухи и люди бездѣтные. Индійскій законъ не допускалъ къ свидѣтельству на судѣ женатаго, но бездѣтнаго человѣка.

Китайцы съ особеннымъ уваженіемъ относились къ тѣмъ, кто имѣлъ большое потомство, видя въ послѣднемъ благословеніе Божіе. Такого рода взглядъ былъ свойствененъ не имъ однимъ, но многимъ патріархальнымъ народамъ. Въ Греціи и въ Римѣ мы встрѣчаемся также съ особеннымъ покровительствомъ браку и размноженію. Нѣкоторые изслѣдователи (подобно Фюстель-де-Куланжу) объясняютъ его религіозными причинами и семейнымъ культомъ умершихъ, требующимъ непрерывнаго продолженія рода; большинство же ученыхъ склоняется къ тому, чтобы видѣть въ этомъ покровительствѣ проявленіе государственной заботливости и верховенства древняго государства надъ личностью и семьей.

Дѣйствительно, знакомясь съ законодательствомъ Спарты, убѣждаешься въ томъ, что интересы семьи представлены имъ очень плохо, зато суверенитетъ государства, иногда даже въ ущербъ семейной автономіи, выдвинутъ съ поразительной рѣзкостью. Семья разсматривается законами Ликурга не какъ воспитательница молодого поколѣнія и не какъ себѣ самой довлѣющая единица, но какъ оффиціальное учрежденіе въ общемъ ин-

тресѣ, имѣющее цѣлью снабжать государство достаточнымъ количествомъ здоровыхъ и сильныхъ гражданъ. Сообразно такому взгляду, законъ предписываетъ каждому спартанцу въ опредѣленномъ возрастѣ вступать въ *определенный* бракъ; правительство могло преслѣдовать гражданъ за нарушеніе этого постановленія и привлекать къ суду какъ за черезчуръ поздній, такъ и за дурной, не соотвѣтствующій видамъ государства бракъ. Такъ какъ при этомъ спартанскія женщины не отличались плодовитостью и семьи въ Спартѣ были обыкновенно немноголюдны, существовалъ, по словамъ Аристотеля, обычай награждать деньгами отцовъ, имѣвшихъ по 3—4 взрослыхъ сына.

Въ Аѳинахъ, гдѣ личность свободныхъ гражданъ менѣе подавлялась государственной опекой, нежели въ Спартѣ, гдѣ и семья повидимому пользовалась большей степенью независимости, законы о бракѣ отличались сравнительной мягкостью. И здѣсь тѣмъ не менѣе государство всегда могло принудить любого гражданина ко вступленію въ супружество и дѣйствительно иногда оказывало такое давленіе преимущественно на дѣвушекъ, когда онѣ являлись единственными продолжательницами рода. Страхъ уменьшенія народонаселенія сказывается во всей Греціи, и вѣроятно не безъ основанія. Недаромъ жалуется Плутархъ: «оракулы замолкли; мѣстности, гдѣ они вѣщали, опустѣли; во всей Греціи едва-ли наберется 3,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе». Недаромъ говоритъ и Страбонъ: «я не стану описывать Эпира и смежныхъ съ нимъ мѣстностей, потому что они обратились въ пустыню. Обезлюденіе, начавшееся уже съ давнихъ поръ, съ каждымъ днемъ подвигается дальше, такъ что римскіе солдаты располагаются на постой въ пустыхъ домахъ».

Суверенитетъ (верховенство) государства даже въ чисто семейныхъ и личныхъ дѣлахъ былъ въ Римѣ такъ же силенъ, какъ и въ Греціи. Поэтому и здѣсь вопросъ о бракѣ почитается вопросомъ общественнымъ и разрѣшается свыше. Одна изъ обязанностей цензоровъ состояла въ томъ, чтобы содѣйствовать размноженію населенія; съ этой цѣлью они всѣми средствами побуждали молодыхъ людей къ браку, а старыхъ холостяковъ наказывали увеличеніемъ налоговъ. Покровительству размноженія нисколько не противорѣчитъ извѣстный фактъ умерщвленія больныхъ и слабыхъ дѣтей: практиковалось это исключительно въ видахъ улучшенія расы и опять же въ интересахъ государства. Особенно рѣшительныя мѣры понужденія принимаются послѣ 164 г. до Р. Х., когда

съ одной стороны обнаружившается убыль населенія, съ другой — среди римлянъ начинаетъ проявляться отвращеніе къ браку. Послѣ нѣсколькихъ соотвѣтственныхъ постановленій римскихъ цензоровъ Цезарь издаетъ законъ, которымъ право на полученіе земли въ Кампаніи предоставляется лишь отцамъ трехъ или болѣе дѣтей. Всего рѣшительнѣе на этотъ путь законодательнаго побужденія къ браку вступаетъ Августъ, что объясняется особенно сильнымъ перасположеніемъ его современниковъ и соотечественниковъ къ семейной жизни и проистекающимъ отсюда уменьшеніемъ числа свободныхъ гражданъ. Здѣсь не мѣсто подробно излагать изданные Августомъ законы; достаточно будетъ замѣтить, къ чему они сводились: изъ всѣхъ кандидатовъ на общественныя должности предпочтеніе давалось отнынѣ тѣмъ, которые имѣли больше дѣтей; бездѣтные граждане не получали наслѣдствъ, оставленныхъ по завѣщанію; овдовѣвшіе супруги обязывались вступать въ новый бракъ; обрученные лишались права откладывать свадьбу дольше двухъ лѣтъ и т. п.

Всѣ эти строгія мѣры, принятыя въ видахъ увеличенія народонаселенія, не имѣли однако желаемаго дѣйствія: свободное римское населеніе не только не росло, но по временамъ даже уменьшалось, и это происходило по двумъ причинамъ: непрерывныя войны сокращали численность населенія непосредственно, а рабство, столь мало благопріятное развитію народонаселенія во всѣхъ направленіяхъ, подтачивало и разрушало римское общество косвеннымъ образомъ. Справедливо поэтому замѣчаніе Мальтуса: «Еслибы изъ страны удалили половину рабовъ и римскій народъ вслѣдствіе этого могъ бы приложить свои силы къ искусствамъ и земледѣлію, число гражданъ быстро возросло бы и такого рода поощреніе оказалось бы дѣйствительнѣе для роста народонаселенія, чѣмъ всѣ законодательныя мѣры».

Тогдашняя дѣйствительность, какъ это всегда бываетъ, нашла свое отраженіе и въ современныхъ ей ученіяхъ: взгляды Платона и Аристотеля по вопросу о народонаселеніи представляютъ собою не что иное, какъ возведеніе въ принципъ нѣсколько облагороженной народонаселенческой политики греческаго государства. Въ томъ идеальномъ строѣ, о которомъ мечталъ Платонъ, бракъ строго регламентированъ: верховная власть назначаетъ, кто съ кѣмъ долженъ вступать въ супружество, и какое именно число браковъ должно быть заключаемо въ данномъ году. Только здоровымъ дѣтямъ государство позволяетъ

продолжать свое существованіе, остальные же покидаются въ пустынныхъ мѣстахъ и обрекаются на смерть. Въ этомъ Платонъ видитъ отличное средство не только для улучшенія расы, но и противъ возможнаго избытка населенія. Хотя Аристотель, въ противность Платону, подчеркиваетъ внутренній смыслъ семейной жизни и пишетъ даже нѣчто вродѣ диорамба семьѣ, на которую смотритъ не только съ государственной, но и съ моральной точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе и онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы государство не оставляло безъ своего вмѣшательства брачныя отношенія гражданъ. Онъ предлагаетъ установить законодательнымъ путемъ нормальный возрастъ для вступленія въ бракъ, перейдя который и состоящіе уже въ бракѣ супруги должны расходиться; онъ предлагаетъ даже, чтобы государство играло въ нѣкоторомъ родѣ роль свахи, отыскивая и намѣчая невѣстамъ жениховъ, и обратно. Словомъ, отеческая *опека государства*, вмѣшивающаяся въ общественномъ интересѣ даже въ интимныя дѣла гражданъ, опека, составляющая отличительную черту всей классической древности, находитъ себѣ полное оправданіе и даже дальнѣйшее развитіе въ сочиненіяхъ Аристотеля и Платона.

Со вступленіемъ на арену общественной жизни христіанства во взглядахъ на семью, на бракъ и на роль государства въ вопросѣ о народонаселеніи происходитъ полный переворотъ. Бракъ объявляется отнынѣ дѣломъ личнымъ, не подлежащимъ государственной регламентаціи; вступленіе въ супружескій союзъ признается вопросомъ совѣсти, причемъ прежнему одобренію семейнаго начала противопоставляется нынѣ идеалъ аскетическаго обузданія плоти; что же касается роста народонаселенія, то, по взглядамъ христіанскихъ теологовъ, оно регулируется не человѣческими, а божескими законами. Государственная точка зрѣнія смѣняется личио-религіозной, искусственное покровительство увеличенія народонаселенія — полнѣйшимъ невмѣшательствомъ въ эту область. Между тѣмъ параллельно съ распространеніемъ христіанства идетъ своимъ чередомъ обезлюденіе Италіи, завѣщанное ей древнимъ міромъ.

Если прежнія средства борьбы съ этимъ зломъ оказались, какъ мы только что видѣли, неудовлетворительными, то распространившійся теперь индифферентизмъ еще менѣе, разумѣется, могъ остановить надвигавшееся бѣдствіе. Недостатокъ населенія чувствовался повсюду: отъ него страдало земледѣліе, отъ него гра-

ницы государства оказывались беззащитными при натискѣ варваровъ. Государство видимо погибало, а граждане шли спасать свою душу въ монастыри (въ Египтѣ, по разсчету Руфина, число монаховъ равнялось числу всѣхъ остальныхъ гражданъ).

Эпоха возрожденія и реформаціи, эпоха протеста по преимуществу, а въ вопросѣ, насъ интересующемъ, знаменуетъ собою реакцію противъ аскетическихъ строгостей первобытнаго христіанства. Въ то время какъ церковные реформаторы, и во главѣ ихъ Лютеръ, возстаютъ противъ идеала безбрачія, прямо противорѣчащаго, по ихъ мнѣнію, категорической заповѣди Бога: «плодитесь и множьтесь», и вредно отражающагося на правахъ, въ обществѣ между тѣмъ, подъ вліяніемъ реставраціи древней, языческой литературы и памятниковъ древняго искусства, замѣчается особенно сильное стремленіе освободиться отъ ига монастырской морали, замѣнить умерщвленіе плоти открытой ея реабилитаціей. Такой поворотъ въ общественномъ мнѣніи подготовилъ собою извѣстное направленіе позднѣйшей государственной политики. Но главной причиной и этого поворота въ общественномъ мнѣніи, и измѣненія государственной политики въ болѣе благопріятную для народонаселенія сторону были, разумѣется, факты дѣйствительной жизни: чрезвычайная смертность и слабый ростъ населенія, характеризующіе собою эпоху среднихъ вѣковъ. Повальныя болѣзни, негигіеничность всего строя жизни и кровопролитныя войны значительно обезлюдили съ теченіемъ времени многія прежде цвѣтущія страны Европы. Изъ чувства самосохраненія, изъ чувства страха передъ будущимъ и передъ сосѣдями общество и государство на зарѣ новаго времени вдругъ отшатнулись отъ строгой, аскетической морали и проявили склонность впасть въ противоположную крайность, лишь бы избавиться отъ дѣйствительно страшнаго бѣдствія — обезлюденія всей Европы.

Когда промышленная дезорганизація, составляющая отличительную черту первой половины среднихъ вѣковъ, должна была уступить свое мѣсто сначала цеховому устройству, а потомъ постепенно болѣе крупной формѣ промышленности, и когда параллельная ей политическая разобщенность, послѣдствіе феодальной системы, смѣнилась централизованнымъ государствомъ,—вопросъ о народонаселеніи успѣлъ уже совершенно освободиться отъ нравственно-религіозной цензуры. Онъ снова, какъ въ классическомъ мірѣ, сталъ разсматриваться съ общественно-государственной точки зрѣнія, и то разрѣшеніе, которое онъ теперь получилъ,

свидѣтельствуетъ объ особенной важности, придававшейся ему государственными людьми XVII—XVIII вѣковъ. Для нихъ вопросъ о народонаселеніи былъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о богатствѣ: богатой они считали такую страну, которая имѣла больше драгоцѣнныхъ металловъ, но драгоцѣнные металлы получались главнымъ образомъ благодаря внѣшней торговлѣ, въ обмѣнъ на произведенія туземной промышленности; нужно было, значитъ, стремиться къ возможно большему развитію отечественной промышленности, а это признавалось возможнымъ лишь при условіи увеличенія числа людей, занятыхъ производствомъ, при условіи размноженія населенія вообще. Практическій выводъ отсюда: надо всячески поощрять ростъ населенія, выводъ, получившій дѣйствительно свое осуществленіе въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ того времени.

Мы видѣли, какъ понимало эту задачу греческое государство: оно просто *приказывало* гражданамъ вступать въ бракъ и строго преслѣдовало за нарушеніе своего приказанія. Римскіе императоры дѣйствовали мягче: они соблазняли преимуществами и привилегіями, которыми награждали людей семейныхъ, и пугали перспективой различныхъ неудобствъ, связанныхъ съ холостымъ состояніемъ. По этому послѣднему пути и пошло государство XVII—XVIII вѣковъ, выработавшее цѣлую сложную систему поощреній и каръ все въ тѣхъ же видахъ — увеличенія народонаселенія. Примѣры такого рода поощреній мы найдемъ въ испанскомъ указѣ отъ 1623 года и въ знаменитомъ эдиктѣ Людовика XIV, которыми людямъ, женившимся до 25 лѣтъ, а также отцамъ десятерыхъ дѣтей давались значительныя льготы въ платежѣ податей и повинностей. Въ Испаніи кромѣ того правительство стремилось побудить къ браку непосредственными денежными преміями. Сюда же относится указъ Фридриха Великаго (1747 г.), сокращавшій срокъ траура для вдовъ и вдовцевъ. Параллельно съ вступленіемъ въ бракъ поощрялось, какъ это видно на примѣрѣ эдикта Людовика XIV, и дѣторожденіе: еще въ самомъ концѣ XVIII вѣка, въ 1796 году, т. е. за два года до появленія сочиненія Мальтуса, англійскій парламентъ разсматривалъ предложеніе Питта, чтобы государство брало на себя часть издержекъ по воспитанію дѣтей изъ особенно многолюдныхъ семействъ. Что же касается тѣхъ каръ, которыя, налагаясь на холостяковъ, должны были отрицательнымъ образомъ служить той же цѣли, какъ и поощренія, то онѣ, хотя и менѣе разнообразны, чѣмъ

послѣдпія, но не менѣе часты. Во многихъ странахъ извѣстныя должности поручались только людямъ семейнымъ; затѣмъ безбрачіе служило препятствіемъ для поступленія въ цехи ремесленниковъ,—препятствіемъ, правда, устранимымъ, но сопряженнымъ съ расходами: наконецъ имущество холостяковъ, послѣ ихъ смерти, поступало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр. въ Брауншвейгѣ) государству, если у покойнаго не оказывалось ближайшихъ родственниковъ.

Кромѣ перечисленныхъ прямыхъ поощреній и каръ, государство XVII—XVIII вѣковъ принимало цѣлый рядъ другихъ мѣръ, долженствовавшихъ косвеннымъ образомъ служить также увеличенію народонаселенія. Изъ такихъ мѣръ отмѣтимъ здѣсь лишь поощреніе иммиграціи, затрудненіе выселеній и снисходительное отношеніе къ незаконнымъ рожденіямъ. Послѣднее сказалось особенно ярко въ циркулярахъ Фридриха Великаго, освободившаго отъ церковнаго покаянія женщинъ, забеременѣвшихъ внѣ брака, и запретившаго, подъ страхомъ наказанія, стыдить или упрекать ихъ за это. Для незаконнорожденныхъ около того же времени начинаютъ создаваться воспитательные дома. Такимъ образомъ, въ погонѣ за увеличеніемъ народонаселенія, государство не задумывается даже вступить въ извѣстный антагонизмъ съ церковью и какъ бы санкціонировать съ своей стороны то, что̀ послѣдней всегда строго преслѣдовалось. И это понятно: ни одно положеніе государственной науки и политики не казалось въ XVIII вѣкѣ столь прочно установленнымъ, какъ слѣдующее: чѣмъ больше людей, тѣмъ больше ремесленниковъ и торговцевъ, тѣмъ, значитъ, государство *богаче*; чѣмъ больше людей, тѣмъ больше солдатъ, а слѣдовательно тѣмъ государство *сильнѣе*.

Развитіемъ этихъ двухъ положеній въ XVII и затѣмъ въ XVIII вѣкѣ занималась вся тогдашняя государственная наука въ лицѣ ея лучшихъ представителей. Писатели XVII вѣка выдвинули вопросъ о народонаселеніи и дали первое научное обоснованіе народонаселенческой политикѣ государства. При своемъ возникновеніи ученіе это явилось реакціей противъ безчеловѣчной политики средневѣковыхъ феодаловъ, дорожившихъ больше скотомъ, нежели подданными, и не берегшихъ въ своихъ безчисленныхъ войнахъ человѣческой крови. Имъ надо было показать всю неразсчетливость ихъ политики, весь вредъ кровопролитныхъ войнъ и всю важность народонаселенія для государства. Это и было сдѣлано писателями XVIII вѣка.

Иное значеніе имѣло то же ученіе въ XVIII вѣкѣ, когда государства уже повсюду вступили на путь искусственнаго поощренія народонаселенія и когда поэтому слѣпая поддержка науки приводила лишь къ одному результату: она оставляла безъ всякой провѣрки и критики весьма односторонюю государственную политику, заботившуюся о численности населенія и упускавшую изъ виду его благосостояніе. Главнѣйшими представителями такого направленія государственной науки въ XVIII вѣкѣ были: Зюссмильхъ, Юсти и Зонненфельсъ. Писателями этими развивался не только тотъ взглядъ, что численность населенія крайне важна для государства, но еще и другой, котораго оптимизмъ нельзя не признать довольно вреднымъ,—взглядъ, что населеніе само создастъ для себя пропитаніе, и потому не нуждается ни въ какихъ заботахъ о себѣ со стороны государства.

«Такъ какъ въ странѣ никогда не можетъ быть слишкомъ много жителей, — пишетъ Юсти, — то нужно заботиться прежде всего о томъ, чтобы по возможности усиливать ростъ населенія».

Зонненфельсъ мотивируетъ такое требованіе слѣдующимъ образомъ: «чѣмъ больше народная масса, тѣмъ сильнѣе можетъ быть то сопротивленіе, на которомъ покоится внѣшняя безопасность,—таково основное положеніе *политики*; чѣмъ больше народная масса, на чье содѣйствіе можно разсчитывать, тѣмъ меньше опасности грозитъ изнутри, – таково основное положеніе *полиціи* (искусства управленія); чѣмъ больше людей, тѣмъ больше потребностей, тѣмъ многочисленнѣе въ странѣ внутреннія источники пропитанія; чѣмъ больше рабочихъ рукъ, тѣмъ лучше идетъ земледѣліе, тѣмъ больше матеріала для обмѣна,—таково основное положеніе *науки о торговлѣ*; чѣмъ больше гражданъ, тѣмъ больше получаетъ государство на свои расходы, хотя для каждаго облагаемаго меньше, — таково основное положеніе *финансовой науки*». Особенно рѣзко выраженъ былъ взглядъ всей этой школы Теодоромъ Шмальцемъ въ слѣдующихъ словахъ: «Часто писателями выражается опасеніе, какъ бы количество населенія въ странѣ не было черезчуръ велико, такъ что послѣдняя не въ состояніи была бы его прокормить. Но такое опасеніе глупо и неосновательно, потому что природа неистощима, потому что именно большое количество населенія оживляетъ обмѣнъ, потому что люди живутъ одни другими. *Чѣмъ населеннѣе страна, тѣмъ она богаче*».

Таковъ былъ господствующій взглядъ. Нельзя сказать, чтобы даже въ XVIII вѣкѣ онъ не находилъ себѣ никакихъ возраженій или поправокъ. Уже физіократы и энциклопедисты, но всего больше въ своемъ «Духѣ законовъ» Монтескьё указывали на зависимость роста народонаселенія отъ увеличенія средствъ пропитанія. Еще важнѣе для насъ взгляды итальянца Джамаріа Ортеса (1713—1790 гг.), высказанные имъ въ сочиненіи, самое заглавіе котораго обращаетъ на себя особенное вниманіе: «Размышленія о народонаселеніи въ его отношеніи къ національной экономіи». По его мнѣнію, численность населенія опредѣляется плодородіемъ почвы. По вопросу о ростѣ населенія онъ высказываетъ, предупреждая Мальтуса, то мнѣніе, что оно совершается по геометрической прогрессіи. Среди животныхъ существуетъ стремленіе къ такому быстрому размноженію, но природа задерживаетъ его «силой», у людей сдерживающимъ началомъ является «разумъ» — ragione. Въ извѣстныхъ случаяхъ поэтому безбрачіе столь-же необходимо, какъ и бракъ. Часть Мальтусова ученія тутъ уже ясно формулирована.

На англійской почвѣ изслѣдователи указываютъ и болѣе раннихъ предшественниковъ Мальтуса, чѣмъ Ортесъ. Чтобы не удлинять нашего историческаго очерка, мы отвѣтимъ только на вопросъ; въ какомъ отношеніи находятся эти труды къ «Опыту о народонаселеніи?» Самъ Мальтусъ въ предисловіи ко второму изданію своей книги разсказываетъ—и это вполнѣ подтверждается сличеніемъ обоихъ изданій,—что названныя сочиненія попались ему въ руки только тогда, когда онъ захотѣлъ лучше обосновать и разработать высказанный имъ въ первомъ изданіи «Опыта» взглядъ на причины и слѣдствія возрастанія народонаселенія. Къ основнымъ положеніямъ своего «Опыта» онъ пришелъ совершенно самостоятельно. Подготовляя къ печати второе изданіе и стараясь подкрѣпить свои мнѣнія авторитетомъ другихъ писателей, Мальтусъ тутъ только убѣждается, что «по этому вопросу сдѣлано было гораздо больше, чѣмъ онъ воображалъ». Сочиненія Монтескьё, Франклина и др. доставляютъ ему матеріалъ, подтверждающій его первыя обобщенія, и Мальтусъ вводитъ его въ свою книгу, увеличивающуюся, благодаря этому, больше, чѣмъ вдвое.

Отсюда можно убѣдиться, какъ неосновательно мнѣніе тѣхъ изъ критиковъ Мальтуса, которые видятъ въ немъ простого компилятора.

Дѣйствительно въ буквальномъ смыслѣ не Мальтусомъ открытъ

былъ такъ-называемый законъ народонаселенія, не ему принадлежитъ также первая мысль о геометрической прогрессіи. Мы видѣли, что о зависимости роста населенія отъ количества необходимаго пропитанія писали до Мальтуса и въ Англіи, и на континентѣ. Но мы сказали также, что господствующимъ втеченіи всего XVIII вѣка являлось противоположное мнѣніе, по которому—были бы люди, а пропитаніе для нихъ найдется, откуда выводилось практическое требованіе искусственнаго покровительства увеличенію народонаселенія. Появляется книга Мальтуса—и положеніе дѣлъ рѣзко мѣняется. Тотъ взглядъ, который до сихъ поръ считался почти парадоксальнымъ и высказывался въ сущности очень немногими — становится отнынѣ господствующимъ; противоположное же мнѣніе, недавно общепринятое, почти совершенно сходитъ со сцены, сохраняясь лишь въ небольшомъ числѣ сочиненій экономистовъ-оптимистовъ. Чѣмъ же объяснить этотъ переворотъ въ умахъ, произведенный Мальтусъ? Ужели только тѣмъ, что Мальтусъ перенесъ вопросъ на политическую и практическую почву? Этимъ можно было бы объяснить внѣшній успѣхъ его «Опыта», по никоимъ образомъ не его крупную историческую роль, не то значеніе, которое онъ получилъ въ исторіи науки. Нѣтъ, Мальтусу и ему одному обязаны мы тѣмъ ученіемъ, которое и до сихъ поръ въ своихъ существенныхъ чертахъ, какъ это мы увидимъ ниже, не можетъ почитаться опровергнутымъ. Мальтусъ и никто другой формулировалъ ясно причину возрастанія и сокращенія народонаселенія, съ именемъ Мальтуса поэтому вполнѣ справедливо и связывается все это ученіе. Но говорить такъ, не значитъ-ли игнорировать упомянутыхъ выше предшественниковъ Мальтуса? Нисколько.

Ошибочно думаютъ тѣ, которые полагаютъ, что научныя открытія дѣлаются случайно, благодаря счастливому сочетанію внѣшнихъ обстоятельствъ или особенной одаренности одного человѣка. Ужели въ самомъ дѣлѣ законъ тяготѣнія остался бы для насъ неизвѣстнымъ, еслибы яблоко не упало предъ глазами Ньютона? Подобный взглядъ давно пора оставить, онъ опровергнутъ всей современной наукой. Научныя открытія подготовляются временемъ и вызываются нуждами общества. Законъ тяготѣнія долженъ былъ быть открытымъ, и еслибы этого не сдѣлалъ Ньютонъ, другой кто-нибудь заступилъ бы его мѣсто. Извѣстны случаи, когда величайшія открытія дѣлались нѣсколькими учеными одновременно и совершенно независимо другъ отъ друга; напомнимъ только объ Уоллесѣ и Дарвинѣ, напомнилъ о Родбертусѣ и Марксѣ.

Не говоритъ ли это ясно въ пользу того, что научныя открытія отнюдь не случайнаго происхожденія, что, какъ и все въ природѣ, они обусловлены, закономѣрны и являются продуктомъ необходимости? Въ такомъ случаѣ неосновательно быть можетъ приписывать честь изобрѣтеній отдѣльнымъ людямъ, и сами мы совершенно напрасно сказали выше о заслугѣ Мальтуса? Сдѣлать подобный выводъ все равно, что сказать: необходимость извѣстнаго факта говоритъ противъ его существованія. Происхожденіе видовъ открыто Дарвиномъ, законъ тяготѣнія установленъ Ньютономъ, трудовая теорія цѣнности обоснована Марксомъ, ученіе о народонаселеніи формулировано Мальтусомъ,—все это факты, и мы не имѣемъ права ихъ отвергать; напротивъ, мы скажемъ, что Дарвину, Ньютону, Марксу и Мальтусу обязаны мы этими пріобрѣтеніями науки. Такое признаніе не обязываетъ насъ однако же въ нѣкоторомъ родѣ обоготворять названныхъ изслѣдователей и благословлять судьбу за то, что они явились, такъ какъ, молъ, въ противномъ случаѣ мы находились бы во тьмѣ. Человѣчество получаетъ нужныя ему открытія, какъ кредиторъ свой долгъ по векселю. Вексельное обязательство путемъ бланковыхъ надписей можетъ переходить отъ одного лица къ другому, должникомъ дѣлается то А, то Б, то В; для кредитора это безразлично—онъ получитъ свое. Такъ-же и человѣчество.

Въ какой степени Мальтусъ былъ оригиналенъ, это лучше всего покажетъ изложеніе основныхъ принциповъ его системы. Сличеніе ея съ приведенными выше соображеніями предшественниковъ Мальтуса убѣдитъ каждаго непредубѣжденнаго читателя, что первая относится ко вторымъ, какъ во всѣхъ частяхъ согласованная машина къ кучѣ неприспособленныхъ колесъ и рычаговъ. Ограничиваясь въ настоящей главѣ изложеніемъ только теоретическихъ основъ ученія о народонаселеніи и отлагая до слѣдующихъ главъ приведенныя Мальтусомъ доказательства и сдѣланные имъ практическіе выводы, мы постараемся за то въ этомъ изложеніи быть какъ можно болѣе точными.

«Предметъ настоящаго *Опыта*,—говоритъ Мальтусъ въ первой главѣ своей книги,—составляетъ изслѣдованіе одного явленія, тѣсно связаннаго съ природой человѣка,—явленія, дававшаго себя знать постоянно и могущественно съ самаго возникновенія человѣческаго общества, но едва отмѣченнаго писателями, которые занимались вопросами, имѣвшими ближайшее къ нему отношеніе. Факты, обнаруживавшіе наличность этого явленія, неоднократно

признавались и излагались, но совершенно опускались изъ виду ихъ естественныя и необходимыя послѣдствія, хотя по всей вѣроятности именно среди этихъ послѣдствій можно помѣстить значительную часть пороковъ и нищеты и то неравное распредѣленіе даровъ природы, исправленіе котораго составляло во всѣ времена постоянную заботу просвѣщенныхъ филантроповъ. Явленіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, заключается въ постоянномъ стремленіи всѣхъ живыхъ существъ размножаться въ бо́льшомъ количествѣ, чѣмъ то, для котораго существуютъ запасы пищи».

Такая тенденція обнаруживается во всемъ органическомъ мірѣ: растенія и животныя покоряются ей такъ же, какъ и человѣкъ. Но въ то время, какъ первыя размножаются безсознательно и непроизвольно, задерживаемыя исключительно недостаткомъ мѣста и пищи, человѣкъ руководится разумомъ и останавливается въ своемъ размноженіи заботой о необходимомъ пропитаніи. Когда страсти заглушаютъ голосъ разсудка, а инстинктъ дѣлается сильнѣе предусмотрительности,—соотвѣтствіе между запасами пищи и количествомъ населенія нарушается и послѣднее подвергается бѣдствіямъ голода. Въ той или иной формѣ препятствія къ размноженію населенія всегда существовали и существуютъ, а потому въ чистомъ видѣ воспроизводительную тенденцію человѣка намъ никогда не приходится наблюдать. Есть страны однако, гдѣ эти препятствія не такъ сильны: въ Сѣверной Америкѣ напр. необходимыхъ средствъ пропитанія больше, а нравы населенія чище, чѣмъ въ Европѣ, и здѣсь было замѣчено, что населеніе удваивается менѣе, чѣмъ въ 25 лѣтъ. Слѣдовательно, при полномъ отсутствіи всякихъ препятствій къ размноженію, срокъ удваиванія можетъ быть еще короче.

Но не такъ легко увеличиваются запасы пищи. Земля имѣетъ свои предѣлы. Когда всѣ плодородные участки уже заняты и обрабатываются, увеличенія средствъ пропитанія можно ждать лишь отъ улучшенія способовъ обработки и отъ техническихъ усовершенствованій. Эти улучшенія однако не могутъ производиться съ неослабнымъ успѣхомъ; напротивъ, въ то время, какъ народонаселеніе будетъ все увеличиваться и увеличиваться, въ увеличеніи средствъ пропитанія будетъ обнаруживаться нѣкоторая заминка. «Возьмемъ въ примѣръ Англію и Шотландію, говоритъ Мальтусъ: въ этихъ странахъ существуютъ еще невоздѣланныя земли и пріемы земледѣльческой техники внимательно изучаются». Если мы предположимъ, что при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ ко-

личество произведеній почвы удвоится въ первыя 25 лѣтъ, — мы выйдемъ вѣроятно за предѣлы возможнаго. Сдѣлать такое же предположеніе для второй четверти вѣка рѣшительно невозможно: оно противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о свойствахъ земли. «Каждому, кто, хоть немного, знакомъ съ агрономіей, хорошо извѣстно, что, по мѣрѣ расширенія обработки, ежегодное возрастаніе средней производительности земли постепенно и правильно уменьшается». Но допустимъ, что количество умножившихся произведеній почвы осталось то же, что слѣдовательно послѣ вторыхъ 25 лѣтъ получилось на *столько* же больше пищи, какъ и послѣ первыхъ. Дальше, по мнѣнію Мальтуса, самое горячее воображеніе не можетъ идти. Допустимъ, что такому возрастанію подчиняются произведенія почвы всегда. Что же получится? Если населеніе Великобританіи состоитъ въ данное время, положимъ, изъ 11.000.000 и пищи оказывается въ странѣ ровно столько, сколько нужно для этихъ 11.000.000, черезъ 25 лѣтъ населеніе возрастетъ до 22 000.000, а вмѣстѣ съ нимъ удвоится и количество пищи, которой слѣдовательно опять же будетъ достаточно для наличнаго населенія. Но вотъ населеніе снова удваивается и дѣлается равнымъ 44.000.000, между тѣмъ какъ количество пищи не удваивается, но увеличивается на прежнее количество и потому его оказывается достаточнымъ лишь на 33.000.000. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше становится несоотвѣтствіе между наличнымъ населеніемъ и количествомъ имѣющейся для него пищи. Тогда наступаетъ голодъ и среди населенія, не находящаго себѣ пропитанія, обнаруживается усиленная смертность.

Изъ приведеннаго примѣра видно, что населеніе растетъ въ геометрической прогрессіи, тогда какъ пища въ лучшемъ случаѣ только—въ ариѳметической. Ростъ перваго можно обозначить такимъ рядомъ цифръ: 1, 2, 4, 8, 16, 32..., а ростъ второго—такимъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6... Отсюда позволительно заключить, что для благодепствія рода человѣческаго, для сохраненія равновѣсія между народонаселеніемъ и необходимыми средствами пропитанія нужно, чтобы естественное размноженіе людей встрѣчало всегда извѣстныя препятствія и задержки. Къ счастью, оно ихъ дѣйствительно встрѣчаетъ. Существующія препятствія Мальтусъ раздѣляетъ на двѣ категоріи: препятствія *предупредительныя* и *разрушительныя*. Первыя вытекаютъ изъ способности людей взвѣшивать свои поступки и управлять своими инстинктами. Забота о пропитаніи удерживаетъ многихъ отъ слишкомъ ранняго вступленія въ

бракъ; такого рода воздержаніе Мальтусъ называетъ *нравственнымъ*—moral restraint,—если только оно не приводитъ къ разврату. Подобное предупредительное препятствіе Мальтусъ считаетъ весьма похвальнымъ коррективомъ къ закону народонаселенія, но, къ сожалѣнію не на столько сильнымъ, чтобы сдѣлать излишнимъ дѣйствіе препятствій разрушительныхъ. «Разрушительныя препятствія, говоритъ онъ, весьма разнообразны; сюда относятся всѣ явленія, проистекающія изъ порока или страданій и сокращающія продолжительность человѣческой жизни. Подъ эту рубрику можно подвести всѣ вредныя для здоровья занятія, тяжелый трудъ, вліяніе дурного времени года, крайнюю бѣдность, даваемое дѣтямъ дурное пропитаніе, жизнь въ большихъ городахъ, излишества всякаго рода; затѣмъ идутъ вереницей: повальныя болѣзни и эпидеміи, войны, чума и голодъ».

Хотя всѣ перечисленныя бѣдствія, дѣйствуя болѣе или менѣе постоянно, значительно сокращаютъ населеніе земного шара, тѣмъ не менѣе повсюду замѣчается стремленіе людей размножиться быстрѣе, чѣмъ увеличивается количество необходимой для ихъ существованія пищи, и потому ни одна страна не можетъ себя считать вполнѣ гарантированной противъ бѣдствій *перенаселенія*. Однако можно сказать, что это зло само себя врачуетъ. Когда число работниковъ, предлагающихъ свои руки, превыситъ имѣющійся на нихъ спросъ, заработная плата падетъ; въ то же время недостатокъ пищи увеличитъ стоимость послѣдней. Обѣ эти причины затруднятъ содержаніе большихъ семействъ и станутъ удерживать бѣдныхъ людей отъ вступленія въ бракъ, результатомъ чего явится остановка въ увеличеніи народонаселенія. Въ то же время необходимость больше трудиться для полученія вздорожавшихъ продуктовъ дастъ толчокъ земледѣлію и увеличитъ количество пищи. Тогда прекратится несоотвѣтствіе между количествомъ населенія и количествомъ средствъ существованія, но прекратится ненадолго: получивши возможность развиваться быстрѣе, народонаселеніе рано или поздно превыситъ средства существованія, и тогда снова почувствуется необходимость въ препятствіяхъ предупредительныхъ и разрушительныхъ. Такимъ образомъ въ естественномъ приростѣ народонаселенія замѣчаются постоянно отливы и приливы, обусловливаемые количествомъ имѣющихся на лицо средствъ пропитанія.

Колебанія эти, по мнѣнію Мальтуса, не замѣчались изслѣдователями занимавшимися наблюденіями преимущественно надъ выс-

шими классами и оставлявшими безъ вниманія классы низшіе, на которыхъ между тѣмъ легче всего можно прослѣдить вліяніе матеріальныхъ условій. Мальтусъ жалуется дальше на несовершенство науки, на неразработанность статистики, не дающей полныхъ отвѣтовъ на вопросы объ отношеніи числа браковъ къ числу способныхъ къ браку людей, о разницѣ въ смертности между богатыми и бѣдными, о колебаніяхъ заработной платы, объ измѣненіяхъ въ благосостояніи народа, о точномъ количествѣ умершихъ, родившихся и вступившихъ въ бракъ. «Правдивая исторія человѣчества, способная отвѣтить и на такіе частные вопросы, выяснила бы, какъ дѣйствуютъ на населеніе постоянныя препятствія, и доказала бы вѣроятно существованіе отмѣченныхъ выше ретроградныхъ и прогрессивныхъ движеній».

Въ качествѣ выводовъ изъ первыхъ двухъ главъ своего «Опыта», Мальтусъ устанавливаетъ три слѣдующихъ основныхъ положенія, которыя мы можемъ считать краеугольными камнями всего его ученія:

1. Народонаселеніе строго ограничено средствами существованія.

2. Народонаселеніе всегда увеличивается, когда увеличиваются средства существованія, если только оно не будетъ остановлено какой нибудь могущественной встрѣчной причиной.

3. Всѣ препятствія, которыя, ограничивая силу размноженія, держатъ населеніе на уровнѣ средствъ существованія, сводятся въ концѣ концовъ къ нравственному воздержанію, пороку и несчастіямъ.

Вотъ тѣ три главныхъ тезиса, которыми Мальтусъ самъ резюмируетъ свое ученіе. Если мы ихъ сравнимъ съ основными положеніями господствовавшей въ XVIII вѣкѣ доктрины, то сейчасъ же увидимъ всю рѣзкость переворота, произведеннаго Мальтусомъ въ положеніи вопроса о народонаселеніи. Побольше людей,—а средства пропитанія найдутся, говорили до Мальтуса; побольше средствъ пропитанія, а люди явятся,—сказалъ Мальтусъ и за нимъ то же стали повторять почти всѣ ученые XIX столѣтія. Изъ такихъ столь различныхъ теоретическихъ положеній вытекаетъ и разное отношеніе къ государственной политикѣ: пусть государство поощряетъ народонаселеніе—требовали въ XVIII вѣкѣ; всѣ этого рода поощренія безполезны и даже вредны,—скажетъ намъ Мальтусъ. Такимъ образомъ вопросъ о народонаселеніи изъемлется Мальтусомъ

изъ сферы государственнаго воздѣйствія, изъ сферы политики, и дѣлается впервые объектомъ строго научнаго изслѣдованія. Ростъ народонаселенія перестаетъ быть чѣмъ-то болѣе или менѣе случайнымъ, подверженнымъ всѣмъ превратностямъ политической жизни; онъ признается отнынѣ явленіемъ закономѣрнымъ и находящямся въ строгой зависимости отъ природы и матеріальныхъ условій. Изслѣдованіе причинъ заступаетъ мѣсто безплодныхъ экспериментовъ надъ неизбѣжными слѣдствіями. Наука вступаетъ въ свои права и вѣяніе XIX вѣка чувствуется уже въ книгѣ Мальтуса...

Неудивительно, что въ мірѣ профессіональныхъ ученыхъ и государственныхъ людей новая, смѣлая доктрина произвела сначала впечатлѣніе динамитнаго взрыва, а для всего общества явилась какъ-бы откровеніемъ по такому вопросу, о которомъ простымъ языкомъ и въ совершенно доступной формѣ еще никто не говорилъ съ непосвященными. Но ученіе Мальтуса вышло изъ его головы не въ качествѣ хорошо вооруженной богини; въ первомъ изданіи его «Опытъ» былъ бойкимъ теоретическимъ памфлетомъ, весьма плохо обставленнымъ съ фактической стороны и вполнѣ заслуживавшимъ упрека въ поверхностности. Успѣхъ перваго изданія побудилъ Мальтуса заняться глубже вопросомъ о народонаселеніи и тогда-то создается та книга, которую мы будемъ имѣть въ виду въ дальнѣйшемъ изложеніи, знакомя читателей съ доказательствами, приведенными Мальтусомъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній, и съ выводами, сдѣланными имъ изъ его основныхъ положеній.

ГЛАВА IV.

Что составляетъ сущность мальтусова ученія?—Доказательства этой «сущности» и бездоказательность прогрессій.—Историческій очеркъ развитія населенія въ различныхъ странахъ.—Прогрессъ заключается въ преобладаніи предупредительныхъ препятствій.—Ростъ населенія въ Америкѣ.—Абстрактность геометрической прогрессіи.—Различныя вліянія, испытываемыя ростомъ населенія.

Въ одномъ изъ примѣчаній ко второму изданію своего «Опыта» Мальтусъ говоритъ, что одинъ изъ выставленныхъ имъ законовъ: «необходимыя для людей средства пропитанія растутъ въ ариѳметической прогрессіи»—сталъ для него очевиднымъ, а потому и не требующимъ доказательствъ, лишь только былъ имъ формулированъ; другой же: «родъ человѣческій размножается въ геометрической прогрессіи, выведенъ изъ наблюденія надъ ростомъ населенія въ Америкѣ». При такой постановкѣ дѣла къ чему же сводятся доказательства Мальтуса? Во-первыхъ, къ указанію на писателей, высказывавшихъ однородные съ нимъ взгляды, и во-вторыхъ, къ анализу данныхъ, добытыхъ путемъ переписей. О предшественникахъ Мальтуса мы говорили выше и здѣсь не будемъ къ нимъ возвращаться, потому что для нашей настоящей цѣли это не дастъ ничего: степень популярности извѣстной мысли ничего не говоритъ ни за, ни противъ ея основательности. То, въ сущности весьма немногое, что̀ сообщается Мальтусомъ о ростѣ населенія въ Америкѣ, мы, разумѣется, изложимъ въ своемъ мѣстѣ съ подробностью, подобающей этому главному доказательству одного изъ двухъ мальтусовыхъ «законовъ». Но раньше намъ кажется болѣе удобнымъ заняться тѣмъ, что̀ составляетъ въ сущности главное содержаніе «Опыта». Что же это такое?

Самъ Мальтусъ говоритъ, что его книга посвящена изслѣдованію «вліянія на человѣческое общество» двухъ только что названныхъ законовъ. Еслибы это было дѣйствительно такъ, еслибы «Опытъ о народонаселеніи» посвященъ былъ только изученію вліянія двухъ произвольно формулированныхъ и совершенно не

доказанныхъ законовъ, каковыми являются въ сущности столь дорогія для самого Мальтуса, а нынѣ вполнѣ отвергнутыя наукою прогрессіи,—значеніе его было бы ничтожно, и не только намъ не пришлось бы писать нашей книжки, но излишня была бы и вся громадная литература о Мальтусѣ. Такъ и взглянули на дѣло нѣкоторые изъ старыхъ критиковъ Мальтуса. Но едва-ли позволительно въ настоящее время сводить все ученіе Мальтуса къ этимъ пресловутымъ прогрессіямъ. Вѣдь въ сущности этого не дѣлалъ и самъ Мальтусъ. Пусть читатель припомнитъ тѣ три приведенные выше конечные вывода, которыми авторъ «Опыта о народонаселеніи» самъ резюмируетъ свое ученіе. Вотъ они: 1) населеніе ограничивается средствами существованія, 2) народонаселеніе увеличивается, когда увеличиваются средства существованія, и 3) Препятствія, задерживающія размноженіе и такимъ образомъ поддерживающія соотвѣтствіе между средствами пропитанія и населеніемъ, сводятся къ нравственному воздержанію, пороку и несчастью. Ни въ одной изъ трехъ формулъ не говорится о прогрессіяхъ, а между тѣмъ въ нихъ именно, въ этихъ трехъ формулахъ,—вся сущность ученія Мальтуса, сущность, которая, какъ это мы постараемся доказать ниже, съ извѣстными поправками и дополненіями должна быть признана истиной и въ настоящее время, когда отъ прогрессій, можно сказать, не осталось уже почти ничего. Доказательству этой-то истины и посвящена вся книга Мальтуса. Послѣ такихъ разъясненій читатель не удивится, что мы обратимся сначала, не къ примѣру Америки, этому единственному и притомъ мнимому доказательству пресловутой геометрической прогрессіи, а къ тому, что должно служить, хотя быть можетъ въ достаточной степени и не служитъ, доказательствомъ трехъ только что приведенныхъ основныхъ положеній всего ученія.

Населеніе всегда находится на уровнѣ наличныхъ средствъ существованія; нравственное воздержаніе, порокъ и разнаго рода несчастія удерживаютъ его на этомъ уровнѣ; съ увеличеніемъ средствъ существованія увеличивается и народонаселеніе. Таковы три основныхъ обобщенія, которыя, по мнѣнію Мальтуса, позволяетъ сдѣлать исторія всего человѣчества. Обратимся сначала къ народамъ, находящимся на первой стадіи развитія общественности.

Въ противность тому, что охотно писалось въ XVIII вѣкѣ, «естественное состояніе», въ которомъ находились и нынѣ находятся дикари, оказывается далеко не завиднымъ. Пользуясь со-

чинепіями лучшихъ историковъ и наиболѣе авторитетныхъ путешественниковъ, Мальтусъ рисуетъ намъ печальную картину этого естественнаго состоянія. Уже одинъ внѣшній видъ дикарей свидѣтельствуетъ часто о томъ, какъ тяжело имъ приходится; такъ напр., туземцы Ван-Дименовой земли и Андаманскихъ острововъ не превышаютъ ростомъ 5 футовъ, имѣютъ отвислый животъ, высоко поднятыя плечи, огромную голову, конечности тонкія и слабыя. «Внѣшній видъ ихъ свидѣтельствуетъ о степени ихъ развитія и о самой ужасной смѣси звѣрства и несчастія. Многихъ изъ нихъ путешественники находили на берегу въ страшныхъ мукахъ голода и въ послѣдней стадіи самаго жалкаго существованія». Большинство этихъ племенъ размножилось въ такой степени, что они чувствуютъ сильнѣйшій недостатокъ въ пищѣ. Чтобы утолить голодъ, дикари прибѣгаютъ ко всѣмъ родамъ пищи и ко всяческимъ суррогатамъ ея. Такъ напр., про жителей Флориды одинъ испанскій путешественникъ разсказываетъ, что они питаются корнями нѣкоторыхъ растеній, а иногда вынуждены прибѣгать къ паукамъ, къ муравьинымъ яйцамъ, къ червямъ, ящерицамъ, змѣямъ, порой даже къ особому сорту жирной глины. Они откладываютъ и сохраняютъ кости, толкутъ ихъ и тоже употребляютъ въ пищу. Разсказывающій это путешественникъ прибавляетъ: «Я увѣренъ, что еслибы ихъ земля изобиловала камнями, то они глотали бы и ихъ».

Когда запасы пищи и всѣхъ суррогатовъ ея окончательно истощаются, наступаютъ голодъ, болѣзни,—и не находящее себѣ пропитанія населеніе вымираетъ. Ограниченность продовольствія и постоянная близость той крайней границы, за которой уже обнаруживается избытокъ населенія, приводятъ къ тому, что среди дикарей особенно сильно проявляютъ свои дѣйствія всякаго рода препятствія естественному росту населенія, — препятствія, какъ разрушительныя, такъ и предупредительныя. Въ числѣ первыхъ самымъ главнымъ являются войны, имѣющія среди дикарей особенно истребительный характеръ. Послѣдніе сражаются, по словамъ Мальтуса, «не для одержанія побѣды, а для уничтоженія непріятеля». Ирокезцы выражаютъ это словами, составляющими у нихъ обычную форму призыва къ войнѣ: «пойдемъ, съѣдимъ это племя!». Людоѣдство въ буквальномъ смыслѣ составляетъ естественное продолженіе подобныхъ войнъ, хотя быть можетъ, оговаривается Мальтусъ, оно встрѣчается въ дѣйствительности и рѣже, чѣмъ объ этомъ принято думать со словъ миссіонеровъ.

Что войны порождаются не чѣмъ инымъ, какъ чисто экономическими причинами, — это кажется Мальтусу несомнѣннымъ. Живя преимущественно охотою, дикари вынуждены обращаться къ истребленію другъ друга, какъ только количество совмѣстно ими истребляемой дичи замѣтно сокращается. Войны въ свою очередь, порождаютъ чисто военную нравственность. «Напасть на непріятеля съ равными силами считается дѣломъ безумнымъ. Погибель въ битвѣ признается безславіемъ, позорящимъ репутацію воина, ибо она подвергаетъ его упреку въ торопливости и неосмотрительности. Зато терпѣливо выжидать свою жертву, выбрать минуту, когда она считаетъ себя въ безопасности или не можетъ оказать сопротивленія, броситься на нее подъ защитой темной ночи, поджечь жилище врага, избить его безоружныхъ и беззащитныхъ обитателей,—вотъ славные подвиги, о которыхъ каждое племя сохраняетъ благодарное воспоминаніе».

Послѣ истребленія на войнѣ главнымъ разрушительнымъ препятствіемъ къ размноженію дикарей является естественная смертность, если тутъ только можно говорить о чемъ-нибудь «естественномъ». По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, продолжительность жизни вообще гораздо короче у дикарей, чѣмъ у цивилизованныхъ народовъ; повальныя болѣзни, въ особенности чума, всего чаще свирѣпствуютъ среди первыхъ. Усиленная смертность среди дикарей объясняется тяжелой борьбой за добываніе пищи, плохимъ питаніемъ, плохими жилищами, нечистоплотностью дикарей и тѣми излишествами, которыя они себѣ позволяютъ въ рѣдкія минуты благополучія.

Несмотря на столь широкое дѣйствіе препятствій разрушительныхъ, предупредительныя препятствія среди дикарей оказываютъ тоже извѣстное вліяніе на замедленіе въ приростѣ населенія. Несмотря на то, что сила племени зависитъ отъ его численности, и потому прямой разсчетъ заставляетъ повидимому всячески содѣйствовать размноженію, тѣмъ не менѣе весь образъ жизни, всѣ обычаи дикарей имѣютъ прямо противоположное дѣйствіе. Упомянемъ о многоженствѣ, распространенномъ среди нѣкоторыхъ племенъ и обрекающемъ извѣстное количество мужчинъ, за недостаткомъ женщинъ, на неизбѣжное безбрачіе, объ обычаѣ продолжительнаго кормленія грудью, препятствующемъ женщинамъ имѣть дѣтей очень часто, о придавленности женщинъ и дурномъ обращеніи съ ними, сокращающемъ ихъ способность къ произведенію дѣтей, наконецъ о практикующемся среди многихъ племенъ умерщ-

вленіи младенцевъ, въ особенности женскаго пола. Въ мѣстностяхъ, изобилующихъ пищей и потому допускающихъ большее размноженіе, указанные обычаи замѣняются прямо противоположными. Такъ напр., въ то время какъ на островѣ Формозѣ не позволяется, чтобы женщина была матерью до 35 лѣтняго возраста, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Азіи обычай предписываетъ дѣвушкамъ вступать въ бракъ не позже 19 лѣтъ и т. п. Отсюда видно, что нѣкоторыя нравственныя убѣжденія народа имѣютъ своимъ прямымъ источникомъ его экономическое положеніе.

«И такъ,—говоря словами Мальтуса,—даже изъ той неполной картины, какая представлена нами, можно сдѣлать то заключеніе, что, несмотря на столько разрушительныхъ (и предупредительныхъ) препятствій, населеніе различныхъ дикихъ племенъ, за весьма немногими исключеніями, находится на уровнѣ тѣхъ средствъ существованія, какія, при данномъ состояніи промышленности, могутъ быть добыты этими племенами». Въ тѣхъ же случаяхъ, когда такое соотвѣтствіе нарушается и обнаруживается избытокъ населенія, на сцену выступаетъ воздержаніе (на этой стадіи развитія всего рѣже), порокъ и несчастія.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться съ такой же подробностью на состояніи народонаселенія въ древней Греціи и въ Римѣ, гдѣ Мальтусъ усматриваетъ дѣйствіе тѣхъ же предупредительныхъ и разрушительныхъ препятствій. Онъ очень подчеркиваетъ, что Платонъ уже имѣлъ нѣкоторое представленіе о возможности перенаселенія и что всѣ греческіе философы требовали государственнаго вмѣшательства въ семейныя дѣла; однако онъ не прибавляетъ при этомъ, что государственное вмѣшательство по ихъ мысли было нужно для покровительства размноженію, а не для борьбы съ нимъ. Затѣмъ Мальтусъ настаиваетъ на распространенности въ Греціи дѣтоубійства, на позднихъ бракахъ и на кровопролитныхъ войнахъ. Характерны его замѣчанія о воспитаніи въ Спартѣ: «нелѣпая система спартанской дисциплины, говоритъ онъ,—и то противоестественное подавленіе всѣхъ личныхъ чувствъ ради общественныхъ, которое вызывало иногда въ наше время столь неразумный восторгъ, могли практиковаться только у народа, подверженнаго всѣмъ трудностямъ и лишеніямъ непрерывныхъ войнъ, и только въ состояніи постояннаго страха передъ превратностями судьбы. Вмѣсто того чтобы доказывать патріотизмъ и силу характера спартанцевъ, явленія эти, по моему мнѣнію, служатъ лучшимъ

свидѣтельствомъ того, что Спарта и вообще вся тогдашняя Грецiя находились въ самомъ жалкомъ и варварскомъ состоянiи. Какъ всякiе товары, такого рода добродѣтели культивируются, когда на нихъ есть большой спросъ. Если равнодушiе къ страданiямъ и самыя крайнiя патрiотическiя жертвы требуются больше всего другого,—это служитъ плохимъ доказательствомъ благосостоянiя народа и обезпеченности государства».

Минуя древнiй Римъ, мы перейдемъ теперь прямо къ эпохѣ паденiя Римской имперiи, - паденiя, подготовленнаго, по мнѣнiю Мальтуса, концентрацiей поземельной собственности и рабствомъ. Однако непосредственной причиной этого паденiя было, какъ извѣстно, нашествiе варваровъ, о которомъ мы и находимъ въ «Опытѣ» нѣсколько любопытныхъ замѣчанiй. Переселенiя вообще въ глазахъ Мальтуса составляютъ не что иное, какъ слѣдствiе болѣе быстраго размноженiя человѣка по сравненiю съ имѣющимися у него средствами пропитанiя. Примѣръ Авраама и Лота можетъ служить къ этому иллюстрацiей: когда ихъ стадамъ стало тѣсно на общей землѣ, Авраамъ сказалъ Лоту: «Развѣ передъ тобою не открыта вся страна? Если ты пойдешь налѣво, я пойду направо, а если ты пойдешь направо, я пойду налѣво». Такъ, ища пастбищъ, двигались пастушескiя племена, населяя дотолѣ необитаемыя страны. Сравнительная легкость, съ которой вначалѣ можно было всегда найти кормъ для скота, порождала у кочевыхъ народовъ большую безпечность въ дѣлѣ размноженiя, ничѣмъ не сдерживаемаго и потому особенно быстраго. Переселенiя стимулировали размноженiе, а размноженiе дѣлало необходимыми переселенiя; кромѣ того переселенiя и сопряженныя съ ними кровавыя стычки съ туземцами пробуждаютъ въ кочевыхъ народахъ духъ алчности и склонность къ насилiю. Кочующiя орды становятся бичемъ для мирнаго земледѣльческаго населенiя. Самый образъ жизни и способъ пропитанiя у кочевыхъ народовъ доставляютъ поводъ къ безконечнымъ распрямъ. Всякое посягательство на ту обширную территорiю, которая служитъ пастбищемъ для скота цѣлаго племени, приводитъ къ кровопролитнымъ столкновенiямъ. Но войны приводятъ за собою разрушенiе жилищъ, вытравленiе пастбищъ и уничтоженiе — изъ мести — вражескаго скота. Такимъ образомъ «недостатокъ въ средствахъ существованiя породилъ склонность къ грабежу, а привычка къ грабежу умножила средства существованiя». Въ погонѣ за новыми источ-

никами пропитанія кочевники дѣлаютъ нашествія на болѣе культурные народы.

Паденіе Римской имперіи было лишь однимъ изъ эпизодовъ въ исторіи великаго переселенія народовъ. Долгое время кочевые народы сѣверной Европы сдерживались силой римскаго оружія и славой римской доблести. Ослабленіе военной силы Римской имперіи открыло доступъ для варваровъ, и они хлынули въ Италію безчисленными полчищами. Франки, аллеманы, готы, вандалы, гепиды и бургунды, «стѣсненные въ собственныхъ предѣлахъ», одни за другими потянулись на югъ и Римъ не выдержалъ ихъ напора. Голодъ и чума, составляющіе обыкновенно слѣдствіе кровопролитныхъ войнъ, опустошали всю Европу. Эта трагическая судьба, эти безпредѣльныя и неизобразимыя страданія прекраснѣйшей въ мірѣ страны, всѣ эти катастрофы и великія событія, поражающія наше воображеніе, могутъ быть объяснены, по словамъ Мальтусъ, одной только весьма простой причиной,—преобладаніемъ населенія надъ средствами существованія и усиленнымъ размноженіемъ сѣверныхъ народовъ. Для доказательства своей мысли онъ описываетъ жизнь и нравы германцевъ. Эти варвары, если вѣрить историкамъ, отличались большими семейными добродѣтелями; они запрещали подкидывать или умерщвлять новорожденныхъ и почитали за счастье имѣть большое количество дѣтей. Что у германцевъ объяснялось чистотой ихъ нравовъ, то у скандинавовъ проистекало изъ ихъ безпечности, порожденной привычкой къ грабежу и къ легкой наживѣ. Результатъ въ обоихъ случаяхъ получался одинъ—усиленное размноженіе. Излишнее населеніе въ странахъ, обитавшихся германцами и скандинавами, принуждено было идти искать счастья на сторонѣ. Такъ, путемъ выселеній, путемъ междоусобныхъ войнъ и всяческихъ несчастій въ борьбѣ съ суровой природой, населеніе сѣверной Европы держалось на уровнѣ имѣющихся въ ней средствъ пропитанія.

О препятствіяхъ, встрѣчавшихся въ средніе вѣка населеніемъ центральной Европы, мы находимъ въ «Опытѣ» Мэльтуса лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній. Пробѣлъ этотъ восполненъ однимъ изъ послѣдователей нашего автора, извѣстнымъ историкомъ Дрэперомъ, представившимъ въ своей книгѣ «Исторія отношеній между религіей и наукой» довольно яркую картину тѣхъ условій, при которыхъ въ средніе вѣка жило и развивалось населеніе Европы. Вотъ главныя черты этой картины, дополняющей, какъ нельзя лучше, историческій обзоръ Мальтуса. «Поверхность континента покрыта

была тогда большей частью непроходимыми лѣсами; тамъ и сямъ стояли монастыри и города. Въ низменностяхъ и по теченію рѣкъ были болота, простиравшіяся иногда на сотни миль и испускавшія свои ядовитые міазмы, которые распространяли лихорадки. Въ Парижѣ и въ Лондонѣ дома были деревянные, вымазанные глиной, крытые соломой или тростникомъ. Въ нихъ не было оконъ и, до изобрѣтенія лѣсопиленъ, въ немногихъ домахъ существовали деревянные полы... Печныхъ трубъ не было. Въ такихъ жилищахъ едва-ли была какая защита отъ непогоды. О водосточныхъ канавахъ не заботились: гніющіе остатки и мусоръ просто выкидывались за дверь. Опрятность была совершенно неизвѣстна: высокіе сановники, какъ напр архіепископъ Кентерберрійскій, кишѣли насѣкомыми. Пища состояла изъ грубыхъ растительныхъ продуктовъ, какъ горохъ или даже древесная кора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поселяне не знали хлѣба. Удивительно-ли послѣ этого, восклицаетъ нашъ историкъ, что во время голода 1030 года жарилось и продавалось человѣческое мясо, или что въ голодный 1258 годъ въ Лондонѣ умерло съ голоду 15,000 человѣкъ?» Болѣзней тогда не лечили, а прибѣгали къ разнымъ суевѣрнымъ средствамъ. Эпидеміи, подобно стихійнымъ бѣдствіямъ, старались устранить молитвами. Неудивительно, что заразныя болѣзни распространялись съ поразительной быстротой, и напр. сифилисомъ, завезеннымъ въ Европу спутниками Колумба, переболѣло въ свое время все населеніе южной Европы, отъ святого отца Льва X до уличнаго нищаго. Неудивительно, что населеніе вообще при всѣхъ этихъ условіяхъ росло крайне медленно, а въ исключительные моменты даже прямо сокращалось, и что правительства всѣхъ европейскихъ государствъ почувствовали наконецъ себя вынужденными прибѣгнуть къ разнымъ искусственнымъ, поощрительнымъ мѣрамъ.

Здѣсь нѣтъ возможности, да въ сущности нѣтъ и надобности, перебирать, какъ это дѣлаетъ Мальтусъ, всѣ страны Европы, чтобъ показать, какого рода препятствія задерживаютъ въ нихъ ростъ населенія и какъ немыслимо увеличеніе народонаселенія безъ увеличенія средствъ существованія. Намъ пора обратиться къ тому примѣру, которымъ нашъ авторъ иллюстрируетъ свою «геометрическую прогрессію».

Замѣчено, говоритъ Мальтусъ, что новыя колоніи, гдѣ первое время піонеры не чувствуютъ недостатка ни въ мѣстѣ, ни въ продовольствіи, отличаются всегда особенно быстрымъ ростомъ своего населенія. Самыя неблагопріятныя политическія условія оказы-

ваются не въ силахъ сломить эту тенденцію. Всѣмъ извѣстно напр., какъ плохо управлялись испанскія колоніи въ Мексикѣ и Перу. «Тирапія, суевѣрія и всѣ пороки метрополіи прибыли къ нимъ вслѣдъ за колонистами. Онѣ обременялись огромными налогами, торговля ихъ стѣснялась произвольными постановленіями, губернаторы грабили ихъ столько же въ свою собственную пользу, сколько и въ пользу правительства. И тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ стѣсненія, населеніе колоніи быстро росло». Вліяніе выгодныхъ экономическихъ условій пересиливало неблагопріятное дѣйствіе условій политическихъ.

Въ сѣв. провинціяхъ Америки, говоритъ Мальтусъ, населеніе регулярно удваивалось, самое большее — каждыя 25 лѣтъ. Въ Нью-Джерсеѣ періодъ удвоенія не превышалъ 22 лѣтъ, въ Родъ-Исландѣ онъ былъ еще короче. По свѣдѣніямъ д-ра Прайса, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Америки періодъ удвоенія не длиннѣе 15 лѣтъ. Послѣднія извѣстныя Мальтусу переписи народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ вполнѣ подтверждаютъ принятый имъ 25 лѣтній періодъ удвоенія. «Я видѣлъ недавно, говоритъ онъ, мемуаръ, содержащій факты и цифры, относящіеся къ населенію Соединенныхъ Штатовъ; въ немъ опредѣляется періодъ удвоенія народонаселенія всѣхъ Штатовъ, за все время ихъ существованія, всего въ 20 лѣтъ. *Я не могу сказать*, присовокупляетъ Мальтусъ *въ какой степени мемуаръ этотъ заслуживаетъ довѣрія*; но, насколько онъ опирается на факты и на обнародованныя цифры, мнѣ кажется, что на него можно положиться».

Вотъ въ сущности и весь тотъ небогатый статистическій матеріалъ, на которомъ Мальтусомъ строится его геометрическая прогрессія. Нужно еще отмѣтить его оговорку, въ сущности вполнѣ голословную, что въ этомъ быстромъ увеличеніи сѣвероамериканскаго населенія переселенія изъ Европы не играли никакой существенной роли.

Современный читатель невольно поражается той скудостью статистическихъ данныхъ, которыми располагаетъ Мальтусъ для подтвержденія своего во всякомъ случаѣ весьма широкаго обобщенія. Невольно поражаетъ и то, съ какимъ довѣріемъ Мальтусъ относится къ довольно случайнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ изъ вторыхъ рукъ или почерпнутымъ изъ мемуара, неизвѣстно еще, въ какой степени заслуживающаго довѣрія. Чѣмъ объяснить подобную небрежность и такое легковѣріе въ ученомъ, не останавливающемся въ

другихъ случаяхъ передъ самыми тщательными изысканіями и загромождающемъ свою книгу массой разнообразнѣйшихъ фактовъ?

Мы уже говорили, что знаменитой геометрической прогрессіи комментаторами, популяризаторами и критиками Мальтуса придается вообще нѣсколько иное значеніе, чѣмъ то, какое она имѣла для самого автора «Опыта». Послѣдній видѣлъ въ ней отнюдь не главный выводъ изъ всего своего ученія, ибо, формулируя выводы, онъ даже не упоминаетъ о прогрессіяхъ, но какъ-бы побочную истину, настолько къ тому же, по его мнѣнію, очевидную, что онъ даже *не трудится ее доказывать* и ограничивается *примѣрами*. Замѣтимъ, что съ ариѳметической прогрессіей Мальтусъ поступаетъ еще небрежнѣе. Причину этого мы уже знаемъ: правильность ариѳметической прогрессіи стала ему очевидной, лишь только онъ формулировалъ такимъ образомъ естественный приростъ продовольствія. Такимъ образомъ, если Мальтусъ, по нашему мнѣнію, приводитъ слишкомъ мало доказательствъ своей геометрической прогрессіи, то это потому, что онъ ихъ и не ищетъ. Геометрическая прогрессія кажется ему неоспоримой по совершенно абстрактнымъ соображеніямъ. Человѣчество не можетъ размножаться иначе, какъ въ геометрической прогрессіи: если отъ одного брака рождается въ среднемъ по 3—4 нисходящихъ и каждый изъ нисходящихъ въ свою очередь обзаведется семьей, естественно, что населеніе будетъ расти подобно цифрамъ 1, 3, 9, 27 и т. д. Это прямой логическій выводъ изъ всѣмъ извѣстнаго факта, не нуждающійся ни въ какихъ доказательствахъ. И въ сущности Мальтусъ тутъ совершенно правъ: если отрѣшиться на время отъ мысли о тѣхъ препятствіяхъ, которыя ростъ населенія встрѣчаетъ на своемъ пути, его нельзя будетъ выразить иначе, какъ именно геометрической прогрессіей. Остается только опредѣлить, въ какой періодъ времени проявится эта прогрессія...

Но въ такомъ случаѣ Мальтусъ быть можетъ заслуживаетъ упрека въ томъ, что черезчуръ поспѣшно и легкомысленно взялъ срокомъ удвоенія 25 лѣтъ, тогда какъ современныя изысканія показываютъ намъ, что періодъ этотъ отличается гораздо большей продолжительностью? И здѣсь однако же для Мальтуса найдутся нѣкоторыя оправданія. Извѣстный математикъ его времени, Эйлеръ, опираясь на цифры смертности и рождаемости, вычислилъ, что удвоеніе народонаселенія можетъ происходить каждыя 13 лѣтъ. Вильямъ Петти, авторъ «Политической ариѳметики», писалъ около того же времени, что, по его мнѣнію, населеніе можетъ удвои-

ваться въ отдѣльныхъ случаяхъ даже въ десятилѣтній срокъ. Что удивительнаго, если, опираясь на такіе авторитеты, Мальтусъ принялъ періодъ удвоенія въ 25 лѣтъ и считалъ, что дѣлаетъ это съ полной осмотрительностью.

Чтобы быть вѣрно понятой, геометрическая прогрессія нуждается еще въ одномъ замѣчаніи. Критики Мальтуса иногда упускаютъ изъ виду, что выраженіемъ этимъ нашъ авторъ обозначалъ не дѣйствительный ростъ населенія, какъ онъ замѣчается во всемъ свѣтѣ, а только извѣстнаго рода тенденцію, полностью почти никогда не осуществляющуюся. Вотъ новое объясненіе недостаточности приводимыхъ Мальтусомъ фактовъ. Соединенные Штаты, какъ мало населенная, но изобилующая природными богатствами, колонія, представляютъ собою въ отношеніи къ росту населенія не обычное правило, а счастливое исключеніе. Роль разрушительныхъ препятствій сведена здѣсь до минимума, въ препятствіяхъ предупредительныхъ потребности не чувствуются, и потому, ничѣмъ не сдерживаемое, населеніе свободно проявляетъ свою тенденцію къ возрастанію въ геометрической прогрессіи. Въ Европѣ, гдѣ тенденція эта существуетъ такъ же, какъ и въ Америкѣ, она не обнаруживается на дѣлѣ, благодаря вліянію цѣлой массы разрушительныхъ и предупредительныхъ препятствій. Слѣд. факты дѣйствительнаго роста населенія нельзя противопоставлять геометрической прогрессіи, выражающей только *возможность, а не дѣйствительность*.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы велико ни было стремленіе человѣка къ размноженію, предѣлъ ему полагаетъ количество имѣющихся въ распоряженіи людей запасовъ пищи. Можно поэтому утверждать, говоритъ Мальтусъ, что «различныя страны населены вообще соразмѣрно съ количествомъ продовольствія, какое онѣ производятъ или какое можно добыть въ нихъ». Страны, производящія хлѣбъ, заселены гуще, чѣмъ тѣ, въ которыхъ земля служитъ пастбищемъ и населеніе занимается скотоводствомъ, а страны, гдѣ привилась культура риса, превосходятъ своимъ населеніемъ тѣ, въ которыхъ воздѣлывается хлѣбъ. Не смотря на постоянное приблизительное соотвѣтствіе между наличнымъ населеніемъ и общимъ количествомъ пищи, въ отдѣльныхъ случаяхъ между этими двумя величинами замѣчается то или другое отношеніе. И вотъ «благоденствіе государства совсѣмъ не зависитъ ни отъ числа его жителей, ни отъ ихъ богатства или какихъ либо преимуществъ; оно зависитъ отъ отношенія населенія къ количеству продовольствія».

Почему процвѣтаютъ Соединенные Штаты? Потому что, благодаря сравнительной рѣдкости населенія и обусловленной ею хорошей платѣ за трудъ, низшіе классы оказываются обезпеченными и въ годы неурожая. Голодъ здѣсь выражается для народа лишь въ нѣкоторомъ сокращеніи его обычнаго годового потребленія. «Но можно ожидать, говоритъ Мальтусъ, что съ увеличеніемъ населенія рабочіе будутъ вознаграждаться менѣе щедро, ибо средства существованія не будутъ увеличиваться пропорціонально населенію». Тогда и Америка потеряетъ свое настоящее, исключительно выгодное, положеніе.

Но на ростъ населенія вліяетъ не одно абсолютное количество имѣющихся въ странѣ запасовъ пищи. «Еще недостаточно,—замѣчаетъ Мальтусъ въ первой книгѣ своего «Опыта»,—чтобы страна производила большое количество продовольствія; необходимо еще такое общественное устройство, чтобы продовольствіе это правильно распредѣлялось». Понятно, что, если напр. рабочій классъ не пріобщается къ пользованію, хотя и обширными, но скопленными въ немногихъ рукахъ запасами продовольствія, самое исключительное ихъ изобиліе не окажетъ никакого вліянія на его благосостояніе, а слѣд. и на ростъ его населенія. Обычнымъ проводникомъ богатства изъ высшихъ классовъ населенія въ низшія является спросъ на рабочія руки: положеніе рабочихъ лучше тамъ, гдѣ существуетъ больше спроса на ихъ трудъ. Примѣръ особенно малаго спроса и проистекающихъ отсюда бѣдствій Мальтусъ видитъ въ Сибири. Система обработки, принятая здѣсь, такъ проста и несложна, что требуетъ лишь весьма ограниченнаго количества рабочихъ. Почва еще такъ мало истощена, что не нуждается ни въ удобреніи, ни въ особенно глубокомъ вспахиваніи. Земледѣліе такимъ образомъ занимаетъ въ Сибири лишь небольшое число рукъ; фабрикъ въ странѣ почти не существуетъ, ибо промышленность не развита. Въ результатѣ всего этого предложеніе со стороны рабочихъ превышаетъ спросъ. Хлѣбъ продается въ Сибири по дешевой цѣнѣ, но трудъ тамъ цѣнится еще дешевле: существующая заработная плата вполнѣ недостаточна для безбѣднаго существованія работника. Такимъ образомъ задерживается ростъ населенія въ странѣ, изобилующей огромными природными богатствами.

Въ связи съ спросомъ на трудъ находится и величина заработной платы. Опредѣляется она не однимъ этимъ спросомъ, но и цѣной предметовъ первой необходимости. Желательно поэтому, чтобы обыкновенная пища народовъ была дорогая и чтобы,

дешевые суррогаты ея служили не болѣе какъ подспорьемъ. Значеніе высокой заработной платы очень велико: «дѣйствительная величина заработной платы регулируетъ и ограничиваетъ ростъ населенія». Размѣръ покупательной силы работника опредѣляетъ и его способность содержать семью; поэтому все, что̀ увеличиваетъ эту покупательную силу (приходскія воспомоществованія, поурочная плата, существованіе заработка для жены и дѣтей), служитъ прямымъ поощреніемъ къ увеличенію народонаселенія. Мальтусъ предупреждаетъ только, что въ разсчетъ надо брать здѣсь не поденную плату, подверженную разнообразнымъ колебаніямъ, а средній годовой заработокъ всей рабочей семьи. Онъ и является тѣмъ основнымъ фондомъ, величиной котораго обусловливается численность этой семьи.

Кромѣ спроса на трудъ и величины заработной платы, значительное вліяніе на благосостояніе народа, а слѣд., какъ мы сказали, и на степень быстроты его размноженія, имѣютъ политическія условія. Главная причина сравнительно слабой населенности Турціи заключается, по словамъ Мальтуса, въ особенностяхъ ея правительства. «Тирапія, скверные законы, еще болѣе дурная администрація, а потому и необезпеченность собственности — представляютъ здѣсь такія препятствія для земледѣлія, что оно падаетъ съ каждымъ годомъ, а съ нимъ уменьшается и населеніе». Значеніе политическихъ условій Мальтусъ вообще склоненъ былъ очень преуменьшать; тѣмъ любопытнѣе, что въ своемъ историческомъ очеркѣ онъ дѣлаетъ раза два отступленія отъ своего общаго, теоретическаго взгляда.

Привычки и обычаи народа оказываютъ, по взгляду Мальтуса, особенно сильное вліяніе на его положеніе. Все, что̀ увеличиваетъ потребности народа, увеличиваетъ и его благосостояніе, потому что такимъ образомъ, повышается его standard of life (минимальный уровень житейскаго обихода). Фабрики, вызывая стремленіе къ комфорту, оказываютъ въ извѣстномъ смыслѣ благотворное вліяніе. Замѣчено вообще, что рабочіе въ земледѣльческихъ странахъ бѣднѣе, чѣмъ въ мануфактурныхъ; это именно тѣмъ и объясняется, что уровень ихъ потребностей ниже. Вотъ убѣдительный примѣръ: рабочіе южной Англіи такъ привыкли употреблять въ пищу пшеничный хлѣбъ, что ни за что отъ него не откажутся, тогда какъ населеніе Шотландіи довольствуется самой скудной пищей. «Быть можетъ,— замѣчаетъ Мальтусъ,— подъ давленіемъ закона необходимости, и англійскіе рабочіе со вре-

менемъ дойдутъ по положенія низшихъ классовъ въ Китаѣ, тогда страна съ тѣмъ же количествомъ пищевыхъ запасовъ будетъ давать пріютъ болѣе многочисленному населенію». Однако «друзья человѣчества» должны надѣяться, что ничего подобнаго не случится. Слѣдовательно, сокращеніе народнаго потребленія, это единственное средство борьбы съ перенаселеніемъ, когда оно уже есть на лицо, Мальтусъ рѣшительно отвергаетъ, какъ несовмѣстимое съ человѣчностью. Остается одно—не допускать самаго перенаселенія, бороться съ нимъ предупредительными мѣрами.

ГЛАВА V.

Возраженія Мальтуса противъ ученій Кондорсэ, Годвина и Оуэна.—Его отношеніе къ переселеніямъ и къ законамъ о бѣдныхъ.—Сравненіе земледѣльческихъ странъ съ промышленными —Желательный экономическій строй.—Предѣлъ увеличенію народонаселенія.—Практическіе выводы, сдѣланные Мальтусомъ изъ своего ученія.—Заключительное признаніе.

Вопросъ о бѣдности занималъ уже многихъ изъ современниковъ Мальтуса. Хотя въ началѣ XIX вѣка онъ не успѣлъ еще принять той рѣзкой формы, какъ въ наши дни, когда классовая борьба является основнымъ фономъ западно-европейской общественной жизни, а соціальный вопросъ — главной заботой правителей, хотя тогда еще не пришло время сознательнаго движенія среди рабочихъ, а въ обществѣ — благихъ порываній и тревожныхъ исканій исхода, тѣмъ не менѣе уже при жизни Мальтуса многіе благомыслящіе философы, «друзья человѣчества», какъ ихъ тогда называли, не мирились съ современнымъ имъ экономическимъ порядкомъ и указывали на тѣ или иныя реформы, необходимыя, по ихъ мнѣнію, для блага «младшихъ братій». Мальтусъ, перенесшій вопросъ о бѣдности на совершенно повую почву и давшій ему совершенно новое, неслыханное до тѣхъ поръ, разрѣшеніе, не могъ, разумѣется, удовольствоваться изложеніемъ своихъ положительныхъ взглядовъ; онъ долженъ былъ подвергнуть критикѣ ходячія соціальныя системы и показать, что онѣ не даютъ желаемаго разрѣшенія вопросу о бѣдности, не разрѣшимому вообще безъ участія нравственнаго воздержанія. Объектомъ для своей критики Мальтусъ выбралъ сочиненія трехъ, особенно популярныхъ въ его время, писателей: Кондорсэ, Годвина и Оуэна.

Въ послѣдней части своего «Историческаго очерка успѣховъ человѣческаго разума» Кондорсе набрасываетъ заманчивую картину грядущаго благополучія. Картина эта однако-же нѣсколько омрачается существованіемъ даже въ далекомъ будущемъ отмѣченнаго имъ особаго класса людей, обреченныхъ на постоянный,

тяжелый трудъ для блага всего человѣчества. Озабочиваясь улучшеніемъ судьбы этихъ людей, Кондорсэ придумалъ планъ своего рода соціальнаго страхованія. Опираясь на сложныя вычисленія средней продолжительности жизни и обычнаго роста процентовъ, онъ предлагаетъ положить начало такому общественному капиталу, проценты съ котораго обезпечивали бы существованіе стариковъ, вдовъ, сиротъ и инвалидовъ. Въ сущности это не что иное, какъ нѣсколько смутный абрисъ существующаго нынѣ въ Германіи государственнаго страхованія рабочихъ. Мальтусъ однако находитъ планъ Кондорсе весьма непрактичнымъ: «такія учрежденія и вычисленія,—говоритъ онъ,—очень заманчивы на бумагѣ, но, осуществленныя въ жизни, они оказываются совершенно вздорными». Если люди будутъ увѣрены въ томъ, что существованіе не только ихъ самихъ, но и ихъ семействъ вполнѣ обезпечено, ничто не будетъ удерживать человѣка отъ вступленія въ бракъ и произведенія на свѣтъ обширнаго потомства. Населеніе быстро размножится и, разумѣется, превыситъ всѣ тѣ капиталы, которые приготовлены на его содержаніе. Кромѣ того, какъ чувствуетъ и Кондорсэ, «для доставленія пропитанія обширному населенію требуется такое количество труда, котораго безъ давленія крайней необходимости нельзя ожидать отъ людей». Учрежденія, предложенныя Кондорсэ, притупятъ побужденіе къ труду. Нищета и лишенія оказываются такимъ образомъ необходимыми, ибо безъ нихъ человѣчество не можетъ правильно снабжаться нужнымъ ему запасомъ пищи. Замѣтимъ мимоходомъ, что Мальтусъ здѣсь показываетъ свои карты: если нищета столь необходима, то очевидно, что предложенное имъ средство, нравственное воздержаніе, въ борьбѣ собственно съ нищетою не окажется дѣйствительнѣе страхованія, рекомендуемаго Кондорсэ.

Любопытны замѣчанія Мальтуса по вопросу о способности человѣческой породы къ усовершенствованію и о прогрессѣ: «способность къ улучшенію, какъ животныхъ, такъ и растеній,—говоритъ онъ—не подлежитъ сомнѣнію. Существуетъ очевидный и рѣшительный прогрессъ; и тѣмъ не менѣе, по моему, въ высшей степени нелѣпо утверждать, будто прогрессъ этотъ не имѣетъ границъ. Хотя человѣческая жизнь, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, подвержена значительнымъ измѣненіямъ. позволительно однако-же сомнѣваться, чтобы съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, произошло хоть одно органическое улучшеніе въ природѣ человѣка, которое можно было бы ясно указать». Впрочемъ, прибавляетъ далѣе авторъ

«Опыта о народонаселеніи», «заблужденіе состоитъ не въ предположеніи о возможности нѣкотораго улучшенія, но въ смѣшеніи улучшенія, предѣлы котораго неопредѣленны, съ дѣйствительно безграничнымъ улучшеніемъ».

Всѣ практическія пожеланія Годвина сводились къ политической реформѣ. Вотъ какъ на это отвѣчаетъ Мальтусъ: «Главная ошибка, развиваемая Годвиномъ въ его сочиненіи, заключается въ томъ, что онъ приписываетъ человѣческимъ учрежденіямъ всѣ пороки и всю нищету, которыя обнаруживаются въ обществѣ. Въ политическихъ учрежденіяхъ и въ институтѣ частной собственности заключается, по его мнѣнію, источникъ всяческаго зла, благодарная почва для всѣхъ развращающихъ человѣчество преступленій... Но дѣло въ томъ, что хотя человѣческія учрежденія кажутся и даже часто дѣйствительно бываютъ несомнѣнной причиной большой доли зла, причина эта въ дѣйствительности чисто внѣшняя и поверхностная по сравненію съ тѣми глубокими причинами, которыя коренятся въ законахъ природы и страстяхъ человѣка». Тѣми же приблизительно доводами сражается Мальтусъ и съ ученіемъ Оуэна, которому однако за его агитацію въ пользу рабочихъ законовъ Мальтусъ считаетъ нужнымъ выразить свое «глубокое уваженіе».

Такимъ образомъ никакая политическая реформа, по мнѣнію Мальтуса, не можетъ устранить нищеты, порождаемой избыточнымъ населеніемъ. Но, кромѣ безполезности требуемаго Годвиномъ и Оуэномъ общественнаго переустройства, оно просто неосуществимо. Неравенство неустранимо: оно имѣетъ свои историческія причины, которыхъ уничтожить невозможно. Когда первые представители рода человѣческаго подѣлили между собою всю землю, новымъ пришельцамъ не оставалось уже ничего другого, какъ поступать на службу къ собственникамъ. «Неумолимые законы человѣческой природы (т. е. размноженіе людей) сдѣлали то, что многія человѣческія существа были обречены на нищету. Это несчастные люди, которымъ въ жизненной лоттереѣ попался пустой билетъ». Тутъ кстати будетъ привести извѣстную тираду, вызвавшую особенно много нареканій и исключенную самимъ Мальтусомъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ его «Опыта». «Человѣкъ, пришедшій въ занятый уже міръ,—таковы подлинныя слова Мальтуса,—не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать себѣ пропитанія: онъ—лишній на землѣ... На великомъ жизненномъ пиру нѣтъ для него мѣста. Природа повелѣваетъ ему удалиться и сама же приводитъ въ исполненіе свой приговоръ»...

Изъ сличенія двухъ приведенныхъ отрывковъ видно, что хотя Мальтусъ въ угоду друзьямъ, и уничтожилъ послѣднюю тираду, но отъ мысли, въ ней выраженной, онъ нисколько не отказался. Нищета, по его мнѣнію, порождается черезчуръ быстрымъ размноженіемъ людей. Политической реформой нельзя уничтожить этого зла; если бы на землѣ воцарилось самое полное равенство или еслибы за рабочими признано было какое нибудь право на трудъ, послѣдствіемъ этого было бы только усиленное размноженіе и въ концѣ концовъ еще большая нищета. Иного выхода отсюда, кромѣ непосредственнаго воздѣйствія на воспроизводительную способность человѣка,—по мнѣнію Мальтуса, нѣтъ и быть не можетъ.

Но кромѣ широкихъ реформъ, касающихся всего общества и всего экономическаго строя, многими для смягченія нищеты предлагается цѣлый рядъ болѣе частныхъ мѣръ. Мальтусъ разбираетъ и ихъ.

Одной изъ такихъ, особенно горячо рекомендуемыхъ мѣръ являются переселенія, способствующія колонизаціи новыхъ земель и разрѣженію населенія въ наиболѣе густо заселенныхъ странахъ. На первый взглядъ—мѣра, заслуживающая одного сочувствія; однако,—замѣчаетъ Мальтусъ,—она имѣетъ и свою оборотную сторону. Исторія колонизацій—это исторія тѣхъ звѣрствъ и насилій, которыя творились такъ называемыми культурными народами надъ некультурными. «Какое бы мнѣніе мы ни имѣли о туземцахъ Мексики и Перу,—говоритъ авторъ «Опыта о народонаселеніи»,—при чтеніи исторіи завоеванія этихъ странъ невольно приходитъ въ голову мысль, что истребленная въ нихъ порода людей стояла выше побѣдителей, какъ по нравственнымъ своимъ свойствамъ, такъ и по своей многочисленности». Но главное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ переселеній, состоитъ въ томъ, что для борьбы съ избыточнымъ населеніемъ они совершенно недостаточны,—это не болѣе, какъ паліативъ. Какъ временную и частную мѣру, однако Мальтусъ вполнѣ одобряетъ переселенія. Онъ возстаетъ противъ политики тѣхъ правительствъ, которыя ставляютъ препятствія выселяющимся; нѣтъ страха болѣе неосновательнаго, говоритъ онъ, какъ видѣть причину обезлюденія страны въ выселеніяхъ. «Инертность народной массы и привязанность къ дому—качества столь сильныя и общераспространенныя, что, разумѣется, никто не станетъ переселяться, если политическія неурядицы или крайняя бѣдность не поставятъ человѣка въ такое положеніе, при которомъ его выселеніе можетъ быть лишь крайне

выгоднымъ и для государства, и для него самого. Изъ всѣхъ жалобъ, вызываемыхъ выселеніемъ, самая безразсудная и незаслуживающая вниманія состоитъ въ приписываемомъ ему возвышеніи заработной платы». Если, поборовши свою привязанность къ дому, люди идутъ въ далекія страны, значитъ ужъ, объясняетъ намъ Мальтусъ, заработная плата въ ихъ отечествѣ такова, что она не даетъ возможности существовать безъ крайнихъ лишеній. При такихъ условіяхъ «было бы дѣломъ жестокимъ и несправедливымъ»—противодѣйствовать переселеніямъ.

Для борьбы съ нищетой въ Англіи существовали и существуютъ до сихъ поръ такъ называемые «законы о бѣдныхъ», согласно которымъ взимается извѣстный налогъ въ пользу бѣднѣйшихъ гражданъ и имъ оказывается вспомоществованіе работой или деньгами. Во время появленія въ свѣтъ «Опыта о народонаселеніи» налогъ этотъ давалъ до 30.000,000 рублей; деньги раздавались бѣднякамъ разными способами, но, какъ замѣчаетъ Мальтусъ, «безъ видимаго улучшенія въ ихъ положеніи». Оно и неудивительно, по мнѣнію нашего автора. Вѣдь количество мяса въ странѣ не увеличится отъ того, что мы станемъ давать по 3 шил. или даже хотя бы по 18 шил. нѣкоторымъ бѣднякамъ. Что же случится? Конкуренція между покупателями повыситъ рыночную цѣну мяса, и оно попрежнему останется недоступнымъ для бѣднѣйшей части населенія. «Никто такъ горячо не желаетъ, какъ я, — говоритъ Мальтусъ—*дѣйствительнаго* повышенія заработной платы»; но воображать, что этого можно достигнуть *искусственнымъ* повышеніемъ ея, — крайне наивно. «Заработная плата, если она держится на своемъ естественномъ уровнѣ, представляетъ собою политическій барометръ, имѣющій огромную важность: она выражаетъ собою отношеніе между спросомъ на средства существованія и предложеніемъ ихъ, между количествомъ потребителей и количествомъ предназначенныхъ къ потребленію продуктовъ... Когда повышеніе цѣнъ съѣстныхъ припасовъ показываетъ перевѣсъ спроса надъ предложеніемъ, то, желая поставить работника въ положеніе, въ которомъ онъ находился прежде, увеличиваютъ цѣну труда, т. е. спросъ, и потомъ удивляются, что дороговизна съѣстныхъ припасовъ продолжаетъ расти. Это то же самое, какъ еслибы при паденіи барометра, указывающемъ на *бурю*, мы стали бы, для возвращенія хорошей погоды, поднимать въ немъ ртуть какимъ-нибудь механическимъ давленіемъ и послѣ удивляться, что дурная погода продолжается».

Едва ли можно объяснить лучше всю тщету рѣшенія соціальнаго вопроса при помощи филантропическихъ затѣй. «Соціальный недугъ, какъ выразился Родбертусъ, нельзя лечить ромашкой».

Нечего и говорить, что въ отмѣнѣ стѣснительныхъ для промышленности налоговъ, въ рабочихъ союзахъ и стачкахъ, въ организаціи общественныхъ работъ и т. п. Мальтусъ не видитъ сколько-нибудь дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ бѣдностью. Вреднаго дѣйствія нѣкоторыхъ пошлинъ онъ не оспариваетъ, но, по его мнѣнію, «облегченіе, доставляемое уничтоженіемъ пошлины, нисколько не уравновѣшиваетъ вреда, причиняемаго ея наложеніемъ». Стачки кажутся Мальтусу неспособными поднять заработную плату: если стачечники и добиваются увеличенія получаемаго ими вознагражденія, то это покупается ими цѣной отстраненія отъ производства извѣстнаго количества ихъ конкурентовъ; весь рабочій классъ въ его цѣломъ такимъ образомъ ничего не выигрываетъ. Въ качествѣ полезнаго паліатива,—паліатива, не лишеннаго къ тому же и слабыхъ сторонъ,—Мальтусъ вполнѣ одобряетъ устройство общественныхъ работъ, въ особенности такихъ, которыя касаются улучшенія почвы. Пересмотрѣвши всѣ эти предлагавшіяся въ его время мѣры для облегченія судьбы рабочаго класса, Мальтусъ приходитъ къ неутѣшительному выводу, что никакой существенной пользы рабочимъ онѣ не принесутъ.

Развитіе бѣдности находится несомнѣнно въ извѣстной связи съ характеромъ господствующей въ странѣ промышленной дѣятельности. Многіе однако совершенно односторонне и неправильно объясняютъ бѣдность исключительно только распространеніемъ фабрикъ и мануфактуръ, земледѣліе же изображаютъ той идеальной формой, при которой страна благоденствуетъ. Мальтусъ, считающій, что отличительной чертой земледѣлія является именно его способность давать больше продуктовъ, чѣмъ сколько нужно для самихъ земледѣльцевъ, вооружается тѣмъ не менѣе противъ такого слишкомъ оптимистическаго взгляда. Земледѣльческія страны отнюдь не обезпечены противъ всѣхъ бѣдствій пауперизма; на практикѣ даже замѣчается такое явленіе: населеніе, занимающееся исключительно земледѣліемъ, бываетъ обыкновенно бѣднѣе населенія промышленныхъ странъ. Гдѣ свободныя земли встрѣчаются въ изобиліи и гдѣ онѣ легко переходятъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, гдѣ существуетъ хорошій сбытъ для земледѣльческихъ продуктовъ и въ то же время добываніе сырья сопровож-

дается его переработкой—тамъ можно встрѣтить одновременно и высокую прибыль на капиталъ, и высокую заработную плату. Примѣръ подобной земледѣльческой страны являютъ собою Соединенные Штаты. Но обычный типъ странъ, преданныхъ исключительно земледѣлію, совершенно другой. Обыкновенно въ нихъ чувствуется недостатокъ въ капиталахъ, отчего прибыль бываетъ черезчуръ высока, между тѣмъ изобиліе земли понижаетъ цѣну хлѣба; высокая прибыль и отсутствіе ловкости у рабочихъ приводятъ обыкновенно къ тому, что повышаютъ цѣну всѣхъ обрабатываемыхъ продуктовъ. Изобиліе и дешевизна хлѣба, поощряютъ размноженіе, которое и приводитъ заработную плату къ паденію. А въ странѣ, гдѣ заработная плата низка, гдѣ хлѣбъ по сравненію съ фабрикатами, дешевъ, положеніе рабочихъ должно было быть самое плачевное. Къ причинамъ экономическимъ въ земледѣльческихъ странахъ присоединяются обыкновенно и неблагопріятныя политическія условія: порабощеніе жителей, дурное правительство и пр.

Но Мальтусъ далекъ отъ того, чтобы не видѣть неудобствъ и въ чрезмѣрномъ, одностороннемъ развитіи промышленности. Исключительно мануфактурныя страны находятся въ еще болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ исключительно земледѣльческія. Онѣ попадаютъ въ зависимость отъ сосѣдей, ввозящихъ къ нимъ хлѣбъ, и чрезвычайно страдаютъ отъ всѣхъ случайностей транспорта. «Торговля и фабрики необходимы для земледѣлія, но земледѣліе еще болѣе необходимо для торговли и фабрикъ». Такимъ образомъ лучшимъ экономическимъ строемъ, по мнѣнію Мальтуса, былъ-бы тотъ, который совмѣстилъ бы въ себѣ въ должной мѣрѣ обѣ системы—земледѣлія и промышленности. Страны, въ которыхъ земледѣліе находится въ такомъ же цвѣтущемъ положеніи, какъ и обрабатывающая промышленность, и гдѣ населеніе, занимающееся промыслами и торговлей, не слишкомъ превосходитъ своей численностью населеніе земледѣльческое, лучше всего предохранены противъ всякихъ несчастныхъ случайностей и противъ бѣдствій пауперизма. Богатство и населеніе такихъ странъ могутъ расти втеченіи многихъ столѣтій. Это не значитъ однако, что они будутъ расти безпредѣльно.

Есть граница, достигнувъ которую, населеніе самой цвѣтущей страны останавливается въ своемъ развитіи. Остановка эта наступаетъ не вдругъ: съ размноженіемъ населенія и съ уменьшеніемъ количества свободной земли прибыль землевладѣльца, а

за нею и всякая прибыль вообще постепенно, но неукоснительно падаетъ, столь же неукоснительно падаетъ и заработная плата. Такимъ образомъ все уменьшается дававсмое ими поощреніе къ накопленію капиталовъ и къ размноженію людей, покуда наконецъ совершенное паденіе прибыли и заработной платы не приведетъ промышленность и населеніе къ полнѣйшему застою. Различныя причины могутъ немного задерживать и нарушать послѣдовательность этого процесса, но самый процессъ неизбѣженъ, точно такъ-же, какъ неизбѣжна граница, ея же не прейдеши, постоянному размноженію людей. Не слѣдуетъ думать, что граница эта — истощеніе почвы, дѣйствительная неспособность земли доставлять пропитаніе всему наличному населенію. Нѣтъ, благодаря частной собственности (частной собственности, господству которой Мальтусъ не видитъ конца), граница эта значительно ближе: какъ только земля перестанетъ давать прибыль землевладѣльцу, какъ только фермеръ и земледѣльческій рабочій, вслѣдствіе сокращенія ихъ доходовъ, окажутся въ невозможности содержать свои семьи,—родъ человѣческій остановится въ своемъ размноженіи и населеніе будетъ далѣе пребывать въ застоѣ...

То, противъ чего нельзя бороться, слѣдуетъ принять за данное. Такъ какъ никто очевидно не можетъ обходиться безъ пищи и такъ какъ въ то же время человѣчество стремится размножиться быстрѣе средствъ существованія,—нужно поэтому имѣть постоянно передъ глазами опасность перенаселенія и постараться въ виду ея принять предупредительныя мѣры. Если самъ человѣкъ сознательной волей не поставитъ предѣловъ своему размноженію, это сдѣлаетъ вмѣсто него природа; но сдѣлаетъ грубо и безжалостно. Смерть скоситъ избыточное потомство. Воображать, что мы можемъ бороться и съ самой смертью, что мы можемъ оспаривать у нея ея жертвы, позволительно лишь близорукимъ людямъ. Если прогрессъ медицины научитъ насъ справляться съ однѣми болѣзнями,—распространятся другія, столь же губительныя. «При достиженіи своихъ великихъ цѣлей природа устремляется повидимому къ самой слабой преградѣ, оказывающей ей сопротивленіе. Если послѣдняя будетъ усилена при содѣйствіи искусства, она направится къ другому выходу, по своей прочности слѣдующему за первымъ, и т. д.» Въ древности наибольшую смертность причиняли войны и чума. Появленіе оспы отвратило въ другую сторону «каналъ смертности». Новая перемѣна въ его направленіи произойдетъ благодаря тому, что мы научились приви-

вать оспу, однако «въ различныхъ каналахъ, которыми изливается рѣка смерти, останется попрежнему опредѣленная и неизмѣнная масса воды».

Только предупредительныя препятствія могутъ дѣйствительно ослабить или даже сдѣлать совершенно излишнимъ дѣйствіе препятствій разрушительныхъ. «Если народонаселеніе должно неизбѣжно сдерживаться какимъ-нибудь препятствіемъ,—говоритъ Мальтусъ,—лучше, чтобы это было дѣломъ благоразумной предусмотрительности въ виду тѣхъ затрудненій, которыя встрѣтитъ потомство, и страха предъ угрожающей нищетой, чѣмъ результатомъ вліянія прямой нищеты и болѣзни. Перенося вопросъ на личную почву, можно сказать, что забота о благѣ потомства должна удерживать человѣка отъ слѣдованія однимъ своимъ физіологическимъ побужденіямъ. Долгъ каждаго—производить на свѣтъ только такое количество дѣтей, которое онъ можетъ воспитать и прокормить. Самообузданіе въ этомъ отношеніи для многихъ очень тяжело, а такого рода обязанности трудно выполнимы, но отсюда слѣдуетъ только то, что нельзя слишкомъ строго судить за нарушеніе этихъ обязанностей, а вовсе не то, что ихъ совсѣмъ не существуетъ или что онѣ не имѣютъ большого значенія».

Какими же средствами можно побуждать людей къ нравственному воздержанію? Средства эти для разныхъ классовъ общества различны. Въ высшихъ классахъ привычки къ предусмотрительности уже такъ распространены, что здѣсь достаточно было бы, по мнѣнію Мальтуса, предоставить дѣвушкамъ бо́льшую свободу и тѣ же права, какъ и замужнимъ женщинамъ. Послѣ этого нравственное воздержаніе не замедлитъ тотчасъ же войти въ привычку всѣхъ состоятельныхъ людей. Что же касается простого народа, то онъ нуждается еще въ широкомъ распространеніи просвѣщенія. Въ Англіи, гдѣ ежегодно громадныя суммы тратятся на содержаніе бѣдныхъ, слишкомъ мало, по словамъ Мальтуса, дѣлается для народнаго образованія. А между тѣмъ, какъ онъ выражается, «правительство, не заботящееся о народномъ образованіи, весьма далеко отъ совершенства». Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ спеціально объ обученіи народа началамъ политической экономіи, которую Мальтусъ считалъ возможнымъ ввести въ курсъ начальныхъ училищъ.

Но, кромѣ просвѣщенія, трудящимся классамъ не достаетъ еще въ настоящее время стремленія къ независимости, чувства собственнаго достоинства, привычекъ къ довольству и домовитости.

Какъ для распространенія въ народѣ знаній общество должно озаботиться его просвѣщеніемъ, такъ для привитія ему этихъ чувствъ народу должна быть предоставлена бо́льшая степень гражданской и политической свободы.

Конституціонный режимъ,—говоритъ Мальтусъ,—имѣетъ не только то, обыкновенно признаваемое за нимъ, достоинство, что «народное представительство стремится обезпечить законы хорошіе и равные для всѣхъ», но оно еще пріучаетъ высшіе классы относиться съ бо́льшимъ уваженіемъ къ низшимъ, оно пробуждаетъ въ послѣднихъ чувство собственнаго достоинства и налагаетъ на каждаго гражданина бо́льшую личную отвѣтственность;—поэтому такая форма правленія оказываетъ «сильнѣйшее содѣйствіе увеличенію богатства и благосостоянія низшихъ классовъ». Съ увеличеніемъ-же благосостоянія человѣкъ дѣлается болѣе способнымъ воспринимать здравыя знанія и слѣдовать голосу разсудка.

Однако противъ нравственнаго воздержанія въ обществѣ высказываются иногда нѣкоторыя возраженія. которыя могутъ явиться препятствіемъ къ широкому распространенію его въ извѣстныхъ слояхъ населенія. Говорятъ напримѣръ, что нравственное воздержаніе является своего рода отрицаніемъ брака, освященнаго между тѣмъ авторитетомъ церкви. На это Мальтусъ отвѣчаетъ, что съ религіозной же точки зрѣнія, слѣдуя ученію св. Павла, супружество заслуживаетъ одобренія только въ томъ случаѣ, когда оно не противорѣчитъ болѣе высокимъ обязанностямъ, иначе оно достойно порицанія. Обязанности передъ обществомъ должны быть, разумѣется, поставлены выше всякихъ другихъ. Говорятъ далѣе, что если нравственное воздержаніе станетъ практиковаться простымъ народомъ, это повыситъ цѣну на трудъ и причинитъ обществу большія неудобства. Тутъ Мальтусъ напоминаетъ, что нравственное воздержаніе и является именно, по его мысли, средствомъ улучшить положеніе народа, «а желать помочь бѣдному и въ то же время жаловаться на высокую заработную плату значитъ подражать ребенку, который одной рукой отдаетъ конфетку, а другой старается взять ее обратно и плачетъ, если ему не возвращаютъ ея». Указываютъ наконецъ на то, что *нравственное* воздержаніе легко можетъ сдѣлаться безнравственнымъ, потому что, воздерживаясь отъ брака, люди быть можетъ не воздержатся отъ разврата. На это Мальтусъ отвѣчаетъ указаніемъ на существующую уже при современныхъ порядкахъ безнравственность. «Крайняя бѣдность, въ особенности когда она соединяется

съ лѣностью, представляетъ менѣе всего благопріятныя условія для чистоты нравовъ... Встрѣчается такая степень нищеты, при которой родившаяся дѣвочка уже заранѣе предназначается для разврата... Уважать себя въ положеніи, въ которомъ никто не уважаетъ тебя, есть дѣло въ высшей степени трудное».

Постоянно подчеркивая, что сокращеніе размноженія необходимо прежде всего въ интересахъ народа, ибо оно одно способно уменьшить его нищету, Мальтусъ при этомъ не забываетъ указывать и на то, какую выгоду получили-бы отъ него руководящіе классы. Нравственное воздержаніе—лучшее средство противъ всяческихъ смутъ. «Толпа, участвующая въ мятежахъ, доставляется избыточнымъ населеніемъ».

Мальтусъ высказываетъ довольно твердую увѣренность, что человѣчество избѣжитъ крайнихъ послѣдствій перенаселенія. Съ одной стороны естественная осторожность и забота о своемъ собственномъ благосостояніи будетъ сдерживать человѣка отъ обремененія себя черезчуръ многолюдной семьей, съ другой—успѣхи цивилизаціи сопровождаются постоянно нѣкоторыми вредными для населенія послѣдствіями, такъ что разрушительныя препятствія, хотя и отступаютъ на второй планъ, тѣмъ не менѣе продолжаютъ и всегда будутъ продолжать оказывать извѣстное вліяніе на сокращеніе народонаселенія. Приметъ-ли общество или нѣтъ тѣ практическія мѣры, которыя Мальтусъ со своей стороны предлагаетъ,—во всякомъ случаѣ трезвыя знанія съ теченіемъ времени распространятся, и народъ станетъ заботливѣе относиться къ тому, что́ въ настоящее время въ его средѣ обыкновенно ничѣмъ не регулируется и является слѣдствіемъ простой невоздержности.

Настойчивыя предупрежденія Мальтуса относительно бѣдствій перенаселенія и его горячая рекомендація нравственнаго воздержанія, какъ единственнаго дѣйствительнаго средства въ борьбѣ съ нищетой, произвели на нѣкоторыхъ читателей его «Опыта» такое впечатлѣніе, будто авторъ вообще не сочувствуетъ возрастанію населенія и склоненъ даже въ извѣстныхъ случаяхъ предпочесть жизни смерть. Противъ такого обвиненія Мальтусъ возстаетъ съ величайшей горячностью. «Смотрѣть на меня, какъ на врага населенію,—говоритъ онъ,—значитъ не имѣть понятія о моихъ принципахъ. Враги, съ которыми я борюсь, суть нищета и порокъ». То обстоятельство, что всякая убыль населенія всегда легко восполняется его естественнымъ приростомъ, «съ нравственной точки

зрѣнія,—говоритъ Мальтусъ,—не можетъ служить и тѣнью для извиненія безумнаго пожертвованія людьми, уже существующими. Положительное зло, причиняемое ихъ гибелью, страданія, нищета, несчастья, разореніе, вызываемыя такимъ преступнымъ пожертвованіемъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть уравновѣшены соображеніемъ, что численная потеря людей легко и скоро можетъ быть пополнена». Людей, заключаетъ Мальтусъ, надо беречь, и только крайняя необходимость можетъ оправдать отступленіе отъ этого общаго правила.

Еще менѣе справедливое обвиненіе взвели на Мальтуса тѣ изъ его враговъ и друзей, которые рѣшили, что такъ какъ, молъ, сокращеніе размноженія—его главная цѣль, слѣдовательно для Мальтуса въ сущности безразлично, какими средствами будетъ оно достигаться. Исходя отсюда, такъ называемые мальтузіанцы стали рекомендовать разныя мѣры для предупрежденія зачатія или для вытравленія плода—мѣры, которыя авторъ «Опыта» никогда не поставилъ бы рядомъ съ рекомендуемымъ имъ нравственнымъ воздержаніемъ. Исходя отсюда же, нѣкоторые противники Мальтуса заключили, что онъ долженъ сочувствовать всему, что будетъ препятствовать людямъ вступать въ супружество, и что поэтому онъ признаетъ цѣлесообразнымъ запретить просто бѣднякамъ обзаводиться семьями. Хотя ничего подобнаго Мальтусъ въ дѣйствительности не говорилъ, тѣмъ не менѣе это нелѣпое обвиненіе фигурируетъ постоянно въ шаблонныхъ критикахъ его ученія. Дюрингомъ напримѣръ, въ его «Курсѣ національной и соціальной экономіи», оно формулируется такъ: «политическіе идеалы Мальтуса заключались очевидно въ томъ состояніи общества, при которомъ для низшихъ классовъ, какъ полусвободныхъ, заключеніе брака зависѣло бы отъ дозволенія какихъ-нибудь господъ». Въ какой степени такого рода «идеалъ» противорѣчитъ дѣйствительнымъ убѣжденіямъ автора «Опыта о народонаселеніи», это видно изъ слѣдующаго его вполнѣ категорическаго заявленія: «меня обвиняли въ томъ,—говоритъ онъ,—что я предлагалъ законъ, запрещающій бѣднымъ жениться. Это несправедливо. Я не только не предполагалъ такого закона, но говорилъ самымъ яснымъ образомъ, что если человѣкъ желаетъ жениться, не имѣя основательныхъ надеждъ на возможность для него содержать семью, свобода его въ этомъ отношеніи не должна быть стѣсняема... Я придерживаюсь самымъ рѣшительнымъ образомъ того мнѣнія, что всякій

законъ, ограничивающій брачный возрастъ, и несправедливъ, и безнравственъ».

Полемизируя съ критиками и отстаивая передъ ними свои убѣжденія, Мальтусъ въ концѣ концовъ высказываетъ сожалѣніе, что рѣзкостью своихъ выраженій и суровостью своихъ нападокъ на человѣческія слабости онъ навлекъ на себя осужденіе людей, «одобреніе и сочувствіе которыхъ ему были бы особенно лестны». «По всей вѣроятности, – сознается самъ Мальтусъ,—найдя лукъ слишкомъ согнутымъ въ одну сторону, я, чтобы его выпрямить, вынужденъ былъ слишкомъ перегнуть въ другую». Допуская въ своемъ сочиненіи возможность ошибокъ, какъ плодъ увлеченія, Мальтусъ не допускаетъ однако, чтобы кѣмъ-нибудь была заподозрѣна чистота его намѣреній. Вотъ подлинныя и въ то же время заключительныя слова его книги: «всякій безпристрастный читатель, полагаю я, долженъ признать, что практическая цѣль, которую всегда преслѣдовалъ авторъ, въ какія бы ошибки онъ ни впадалъ притомъ, состояла въ улучшеніи положенія и въ увеличеніи счастья низшихъ классовъ общества».

Теперь, когда читатели подробно ознакомились съ идеями и ученіемъ Мальтуса, постараемся разобраться въ какія именно ошибки впалъ онъ, какое отношеніе имѣетъ его ученіе къ «увеличенію счастья низшихъ класовъ» и въ чемъ вообще состоятъ заслуги и значеніе автора «Опыта о народонаселеніи».

VI. Заключеніе.

Разнообразіе мнѣній, высказываемыхъ о Мальтусѣ. — Необходимость разсматривать всѣ его сочиненія въ цѣломъ. —Основныя черты единства во взглядахъ Мальтуса. — Спеціально экономическія заслуги. — Истинное и ложное въ ученіи Мальтуса о народонаселеніи. — Его публицистическіе и научные элементы.

Трудно вообразить себѣ бо̀льшую разноголосицу, бо̀льшія несогласія, чѣмъ тѣ, которыя раздѣляютъ экономистовъ въ общей оцѣнкѣ значенія Мальтуса. Было бы еще понятно, еслибы разногласія эти существовали между представителями разныхъ школъ и національностей, а то вѣдь люди, вообще солидарные между собой, соотечественники и современники, какъ только дѣло коснется Мальтуса, оказываются вдругъ величайшими антагонистами. Выходитъ такъ, что легче придти къ соглашенію по всѣмъ важнѣйшимъ пунктамъ теоретической экономіи, нежели по такому сравнительно частному и второстепенному вопросу, какимъ является признаніе заслугъ автора «Опыта о народонаселеніи». Нѣсколько случайно взятыхъ примѣровъ лучше всего покажутъ характеръ существующихъ въ этомъ отношеніи разногласій.

Извѣстный историкъ политической экономіи, Ингрэмъ, высказываетъ въ своей книгѣ слѣдующее весьма суровое мнѣніе: «трудно открыть,—говоритъ онъ,—въ чемъ заключается тотъ солидный вкладъ, который Мальтусъ сдѣлалъ въ нашу науку; нелегко также опредѣленно указать, какія именно практическія правила, кромѣ уже извѣстныхъ, выводилъ онъ изъ своихъ теоретическихъ принциповъ». Что кажется столь труднымъ для Ингрэма, то дѣлаетъ съ большой легкостью и въ очень лестныхъ для Мальтуса выраженіяхъ Кауцъ, другой историкъ экономической науки, столь же солидный, какъ и его англійскій собратъ, и притомъ весьма близкій къ нему по своему направленію. Вотъ что мы читаемъ въ его ученомъ трудѣ «Историческое развитіе политической экономіи и экономической литературы»: «своими

столь же геніальными, сколько и глубокомысленными изслѣдованіями, которыя имѣли предметомъ отношенія національнаго распредѣленія доходовъ и развитіе національной промышленности, движеніе народонаселенія и положеніе рабочихъ классовъ и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ открывали новую, въ высшей степени важную область политической экономіи, — Мальтусъ установилъ рядъ истинъ, недостаточно принимавшихся во вниманіе, а между тѣмъ имѣющихъ для практики такую же важность, какъ и для науки... Значеніе этого великаго мыслителя для развитія политико-экономической науки столь же велико, какъ и разнообразно».

Нѣмецкій экономистъ Конъ называетъ мальтусовъ законъ народонаселенія «важнѣйшимъ и непоколебимѣйшимъ закономъ всей политической экономіи», а его соотечественникъ и современникъ Виртъ считаетъ ученіе Мальтуса «печальнымъ заблужденіемъ, которое нынѣ стараются воскресить, какъ трупъ, путемъ гальванизированія».

Знаменитый англійскій экономистъ и философъ Дж. Ст. Милль разсматриваетъ положенія Мальтуса «въ значительной степени какъ аксіомы», а его американскій собратъ Кэри въ своихъ «Основахъ соціальной науки» видитъ въ тѣхъ-же самыхъ положеніяхъ полное извращеніе истины и потому самъ съ своей стороны выворачиваетъ ихъ наизнанку.

Нѣмецкій соціалистъ Карлъ Марксъ считаетъ «Опытъ о народонаселеніи» «ученически поверхностнымъ и поповски напыщеннымъ плагіатомъ», а его послѣдователь, австрійскій соціалистъ Каутскій, несмотря на свое строгое отношеніе къ Мальтусу, принимаетъ и его законъ народонаселенія, и его предупредительное средство (нравственное воздержаніе).

Послѣ этого уже не приходится удивляться, что по мнѣнію Дюринга современная экономическая наука доказала полную ошибочность выводовъ Мальтуса, тогда какъ въ глазахъ Рошера выводы эти сдѣлались, напротивъ, «прочнымъ достояніемъ» той-же самой науки.

Читатель согласится, что высказывать объ одномъ предметѣ сужденія болѣе противуположныя, чѣмъ тѣ, которыя нами только что приведены, довольно мудрено. Чѣмъ же объясняется эта разноголосица?

Мы думаемъ, что она можетъ быть объяснена двумя причинами: во-первыхъ, при постановкѣ окончательнаго приговора надъ Мальтусомъ его судьи почти никогда не имѣютъ въ виду

всѣхъ его сочиненій; ихъ общая оцѣнка производится обыкновенно на основаніи одного «Опыта о народонаселеніи», а во-вторыхъ, и самый «Опытъ» разсматриваютъ всегда не съ той объективностью и безпристрастностью, какой требуетъ это прежде всего научное сочиненіе, но непремѣнно съ точки зрѣнія какой-нибудь партіи, причемъ на практическіе выводы Мальтуса обращается больше вниманія, чѣмъ на научные основы его ученія о народонаселеніи. Только уже въ сравнительно недавнее время въ этомъ отношеніи замѣчается нѣкоторый поворотъ: цѣлый рядъ нѣмецкихъ ученыхъ занялись разборомъ ученія Мальтуса по существу. Что-же получилось? Такіе авторитетные представители науки, какими являются Лапге, Эттингенъ, Ад. Вагнеръ, Рюмелинъ и др., объявили себя сторонниками «сущности» мальтусова ученія.

Судить о Мальтусѣ не по одному «Опыту о народонаселеніи», но постоянно имѣть въ виду и его «Политическую экономію», и его сочиненіе «Объ опредѣленіяхъ», и его трактатъ о рентѣ,— кажется намъ столь же обязательнымъ, какъ обязательно напримѣръ при сужденіи о Миллѣ не игнорировать его философскихъ трудовъ. По одному «Опыту» нельзя произвести *полной* оцѣнки значенія Мальтуса, и такимъ образомъ нельзя произвести *вѣрной* его оцѣнки. Экономическіе взгляды Мальтуса выясняются лишь изъ сличенія всѣхъ его трудовъ: «Политическая экономія» служитъ объясненіемъ «Опыта», а сочиненіе «Объ опредѣленіяхъ» и о рентѣ даютъ ключъ къ пониманію отдѣльныхъ частей «Политической экономіи». Попробуемъ памѣтить здѣсь нѣкоторыя главнѣйшія черты того объединяющаго экономическаго міросозерцанія, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ трудовъ Мальтуса.

Въ главѣ II-ой мы сдѣлали попытку резюмировать всѣ взгляды Мальтуса по вопросамъ теоретической и прикладной экономіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы имѣли въ виду уже только одно ученіе о народонаселеніи. Употребляя выраженія, принятыя въ наукахъ уголовнаго и гражданскаго права, можно сказать, что мы разбирали сначала *общую* и затѣмъ *особенную* часть ученія Мальтуса. Главнѣйшія положенія особенной части являются, какъ тому и слѣдуетъ быть, дальнѣйшимъ развитіемъ и частнымъ примѣненіемъ основныхъ положеній общей части ученія. Читатель припомнитъ, что основной посылкой этой послѣдней, посылкой, на которой Мальтусомъ строилось какъ все теоретическое зданіе его системы, такъ и объясненіе многихъ явленій экономи-

ческой жизни,—служили отношенія спроса и предложенія. Спросъ регулируетъ цѣну товаровъ, спросомъ опредѣляется прибыль капиталиста и заработная плата рабочаго. Тѣ же отношенія спроса и предложенія легли и въ основу ученія о народонаселеніи. Увеличеніе предложенія предметовъ первой необходимости имѣетъ такое же рѣшающее вліяніе на ихъ цѣну, какъ и на движеніе народонаселенія, хотя результатъ въ обоихъ случаяхъ получается неодинаковый: въ то время какъ первая (цѣна) падаетъ, второе (населеніе) растетъ. Несоотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ имѣетъ тѣ же послѣдствія для промышленности, что и для народонаселенія. Превышеніе предложенія надъ спросомъ производитъ въ первомъ случаѣ перепроизводство и ведетъ къ кризису; превышеніе спроса надъ предложеніемъ знаменуетъ во второмъ случаѣ перенаселеніе и является тоже особаго рода кризисомъ. Устраняются оба кризиса двумя аналогичными средствами или прямымъ уничтоженіемъ товаровъ при перепроизводствѣ и людей при перенаселеніи, или увеличеніемъ спроса для товаровъ и предложенія для людей, т. е. и въ томъ, и въ другомъ случаѣ возстановленіемъ нарушеннаго соотвѣтствія между спросомъ и предложеніемъ.

Другой существенной чертой экономическихъ взглядовъ Мальтуса является, какъ мы видѣли, непосредственно дополняющее доктрину спроса и предложенія принципіальное отрицаніе имъ трудовой теоріи цѣнности. Упраздняя творческую роль труда въ созданіи цѣнности, Мальтусъ вполнѣ аналогично и въ ученіи о народонаселеніи умаляетъ до крайности значеніе этого фактора. Природа отпускаетъ человѣчеству періодически извѣстное количество продовольствія; разъ оно, это продовольствіе, съѣдено, новымъ пришельцамъ въ міръ уже ничего другого не остается, какъ подвергаться дѣйствію препятствій разрушительныхъ. Трудъ такимъ образомъ только передаточная инстанція. Въ сущности трудъ человѣка состоитъ лишь въ томъ, чтобы взять даваемое природой; никакой творческой роли трудъ очевидно имѣть не можетъ.

Еще болѣе важной основной чертой міровоззрѣнія Мальтуса, чертой, проявляющейся постоянно во всѣхъ его писаніяхъ, является исповѣдуемая имъ доктрина экономическаго матерьялизма. Мы позволяемъ себѣ примѣнить къ взглядамъ Мальтуса это, нынѣ вошедшее въ моду выраженіе, потому что никакое другое не выразитъ такъ отчетливо самой характерной черты его соціоло-

гическаго міросозерцанія. «Наиболѣе могущественная и универсальная изъ всѣхъ потребностей человѣка,—говоритъ Мальтусъ, — это потребность въ пищѣ и въ такихъ вещахъ, какъ одежда, жилище и т. д., непосредственно необходимыхъ, чтобы избавлять насъ отъ непріятныхъ ощущеній холода и голода. Всѣми признано (увы, еще далеко не всѣми!), что именно этими потребностями люди всего больше побуждаются къ дѣятельности, улучшающей и совершенствующей условія цивилизованной жизни, и что преслѣдованіе этихъ цѣлей и удовлетвореніе этихъ потребностей составляютъ главный источникъ счастья для большей части всего человѣчества и въ то же время совершенно необходимыя условія для самыхъ изысканныхъ наслажденій другой его части».

Признаніе примитивности и универсальности стремленія человѣка къ пропитанію является краеугольнымъ камнемъ всего философскаго и экономическаго міровоззрѣнія Мальтуса; оно поэтому постоянно и отражается на всѣхъ его построеніяхъ, какъ въ области теоретической экономіи, такъ и въ ученіи о народонаселеніи. Исторія человѣчества — это, по его взгляду, исторія борьбы за пропитаніе. Выше были приведены примѣры того матерьялистическаго толкованія, которое Мальтусъ даетъ отдѣльнымъ историческимъ явленіямъ. Паденіе Рима—только одинъ изъ эпизодовъ въ исторіи переселеній; а основаніемъ переселеній является всегда не что иное, какъ недостатокъ въ пищѣ. Войны и кровавыя столкновенія порождаются всегда чисто экономическими причинами и въ свою очередь вліяютъ на образованіе среди воинственныхъ племенъ особой, чисто военной нравственности. Вообще обычаи и нравственныя представленія народа находятся въ тѣсной зависимости отъ экономическихъ условій. Даже добродѣтели, подобно товарамъ, производятся, когда на нихъ есть спросъ. Нечего и говорить, что вся экономическая жизнь, промышленная дѣятельность, отношенія человѣка къ природѣ и къ себѣ подобнымъ,—обусловливаются прежде всего тѣмъ же главнымъ стремленіемъ всѣхъ людей—къ пропитанію.

Послѣ голода самый сильный импульсъ для дѣятельности человѣка даетъ половое влеченіе. Съ этой прибавкой экономическій матеріализмъ Мальтуса можетъ считаться главной посылкой, изъ которой онъ *дедуктивнымъ* путемъ выводитъ всѣ остальныя положенія. Методомъ Мальтуса въ «Опытѣ», какъ и въ «Политической Экономіи» является по преимуществу та же дедукція; здѣсь опять замѣчается полная аналогія между обоими сочиненіями. Правда,

для убѣжденія читателей, Мальтусъ въ «Опытѣ» прибѣгаетъ гораздо чаще къ историческимъ или статистическимъ примѣрамъ, но въ сущности примѣры эти являются лишь какъ бы извѣстной формой изложенія: для самого Мальтуса они большаго значенія не имѣютъ. Во всякомъ случаѣ не путемъ индуктивнаго анализа фактовъ доходитъ онъ до своихъ выводовъ, а, наоборотъ, дедуктивно полученные выводы иллюстрируетъ и, самое большее, провѣряетъ собранными имъ фактами.

Заслуги Мальтуса собственно въ теоріи политической экономіи настолько велики и очевидны, что еслибы ихъ имѣли въ виду при постановкѣ надъ нимъ общаго приговора, приговоръ этотъ не могъ бы быть односторонне-обвинительнымъ. Вотъ почему мы и настаиваемъ на необходимости судить о значеніи Мальтуса не иначе, какъ беря въ разсчетъ всѣ его сочиненія въ цѣломъ. Напомнимъ вкратцѣ, чтб уже нами было сказано раньше о спеціально экономическихъ заслугахъ автора «Основаній политической экономіи».

Своей «Политической экономіей» Мальтусъ старался подвести итоги полученнымъ до него результатамъ, чтобы затѣмъ скорѣе можно было приступить къ практическимъ приложеніямъ теоретическихъ выводовъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ его біографъ Бонаръ: «для Мальтуса открытіе истины было менѣе важно, чѣмъ улучшеніе въ общественномъ устройствѣ». Это его очень отличаетъ отъ Рикардо, дѣлавшаго свои выкладки такъ же безстрастно, какъ математикъ, рѣшающій алгебраическія задачи. Мальтусъ, что бы ни говорили о немъ, больше думалъ о нищетѣ народа, чѣмъ Рикардо. Правда, нищету эту онъ надѣялся устранить, не тронувъ ничьихъ богатствъ; правда, предложенное имъ средство не можетъ быть признаннымъ очень дѣйствительнымъ, и тѣмъ не менѣе его желаніе поднять благосостояніе рабочаго класса, повысить его standard of life—не должно подлежать никакому сомнѣнію.

Повторять уже сказанное о теоретическихъ взглядахъ Мальтуса мы здѣсь не видимъ ни малѣйшей надобности. Достаточно будетъ напомнить объ его трезвомъ взглядѣ на матеріальный характеръ богатствъ, объ его ученіи о рентѣ и пр. Такова положительная часть сдѣланнаго имъ теоретическаго вклада, — часть, надо сознаться, не малая. Но даже въ тѣхъ частяхъ своей «Политической экономіи», гдѣ Мальтусъ очевидно заблуждался и былъ опровергаемъ Рикардо, даже тамъ сочиненіе его не теряетъ своей поучительности. Его теоретическая оппозиція трудовой теоріи цѣнности напримѣръ сослужила такую службу послѣдней, что ея

нашъ взглядъ, послѣ Рикардо и Маркса, своимъ конечнымъ торжествомъ она всего больше обязана именно Мальтусу.

Обратимся теперь къ «Опыту о народонаселеніи».

Основныя положенія своего ученія о народонаселеніи самъ Мальтусъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: 1) народонаселеніе ограничивается средствами существованія; 2) народонаселеніе увеличивается, когда увеличиваются средства существованія; 3) препятствія, задерживающія размноженіе, сводятся къ воздержанію, пороку и нищетѣ. Мы сейчасъ постараемся доказать, что всѣ эти три положенія болѣе или менѣе подтверждаются современной наукой.

Нѣкоторые изъ критиковъ Мальтуса старались увѣрить своихъ читателей, что изложенное въ «Опытѣ» ученіе представляетъ собой совершенный трюизмъ, ненужное повтореніе той элементарнѣйшей мысли, что люди не могутъ жить безъ пищи. Въ наши дни еще этотъ упрекъ повторяется Ингрэмомъ: «Провозглашенная съ такой претензіей, такъ называемая мальтусова теорія населенія, вмѣсто того чтобъ быть великимъ открытіемъ, какъ многіе это утверждали, или вредоносной новостью, какъ склонны были смотрѣть другіе, является.. формальнымъ (?) возвѣщеніемъ *очевидныхъ*, хотя на время и оставленныхъ безъ вниманія фактовъ». Съ такой точки зрѣнія доказывать справедливость приведенныхъ трехъ положеній Мальтуса нѣтъ, разумѣется, ни малѣйшей надобности: справедливость ихъ очевидна, ибо они выражаютъ ничто иное, какъ общеизвѣстную истину. Однако, и это весьма характерно, то, что кажется столь очевидно-истиннымъ для однихъ изъ критиковъ «Опыта», то столь же очевидно ложно для другихъ. Конечно человѣкъ не можетъ жить безъ пищи, но не о томъ и рѣчь; вопросъ ставится такъ: что отъ чего зависитъ, что обусловливается чѣмъ: — пища ли народонаселеніемъ, или народонаселеніе пищей? До Мальтуса почти всѣ и послѣ него его критики утверждали, что количество пищи обусловлено количествомъ людей: съ увеличеніемъ народонаселенія тотчасъ же увеличивается и сумма имѣющагося для него пропитанія. А Мальтусъ, какъ мы видѣли, выставилъ положеніе прямо противуположное. Слѣдовательно говорить о трюизмѣ тутъ уже не приходится, и ученіе Мальтуса требуетъ провѣрки и доказательствъ.

Размѣры настоящаго заключенія не позволяютъ намъ входить въ подробности при разсмотрѣніи вопроса, какъ отражается на населеніи количество имѣющихся въ его распоряженіи запасовъ

пищи. Статистикой въ наше время уже доставлено множество фактовъ, подтверждающихъ именно тотъ характеръ зависимости, на который указывалъ Мальтусъ. Мы ограничимся здѣсь только тѣмъ, что приведемъ авторитетное свидѣтельство знаменитаго автора «Исторіи матерьялизма» и «Рабочаго вопроса», Ланге. «Хотя голодная смерть,—пишетъ онъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи,—въ собственномъ смыслѣ слова встрѣчается далеко не такъ рѣдко, какъ воображаетъ себѣ мягкосердечная и довѣрчивая филантропія нѣкоторыхъ почитателей нашего гуманнаго вѣка, но въ статистическомъ отношеніи значеніе этой спеціальной формы, какъ причины смертности, не играетъ значительной роли. Гораздо опустошительнѣе дѣйствуютъ различнаго рода болѣзни, вызываемыя голодомъ, потому что онѣ заразительны и распространяются на людей зажиточныхъ. Зависимость этихъ смертныхъ случаевъ отъ повышенія и пониженія заработной платы доказано до сихъ поръ пока только косвенно, посредствомъ *сравненія цифры смертности съ цѣнами на хлѣбъ*. Впрочемъ послѣднія представляютъ собою коренную причину колебанія заработной платы, такъ что косвенное доказательство не лишено полной убѣдительности». И далѣе Ланге приводитъ рядъ цифръ, которыя убѣждаютъ насъ въ томъ, что съ пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ (а это бываетъ при его изобиліи) смертность одновременно уменьшается и, наоборотъ, увеличивается число рожденій и браковъ. Кромѣ смертности, дороговизна съѣстныхъ припасовъ благопріятствуетъ всегда и заболѣваемости: болѣзни, особенно въ формѣ эпидемій, почти всегда сопровождаютъ голодъ. Зависимость населенія отъ пищи подтверждается еще и тѣмъ фактомъ, что на сто умершихъ въ глубокой старости приходится поразительно много людей состоятельныхъ и очень мало бѣдняковъ. Напротивъ, въ полномъ цвѣтѣ силъ бѣдныхъ умираетъ значительно больше, чѣмъ богатыхъ.

Въ общемъ первыя два положенія Мальтуса мы считаемъ совершенно доказанными современными статистическими изысканіями. Что же каасается третьяго, то и противъ него особенно серьезныхъ возраженій, на сколько намъ извѣстно, не предъявляется. Препятствія, задерживающія размноженіе людей и приводящія такимъ образомъ населеніе къ уровню имѣющагося въ странѣ продовольствія, сводятся, по Мальтусу, къ пороку, несчастьямъ и нравственному воздержанію. Перечисляя подробнѣе всѣ неблагопріятныя для роста населенія условія, онъ дѣлитъ ихъ на *разрушительныя* и *предупредительныя* И въ самомъ дѣлѣ, хотя пере-

чень этихъ условій не можетъ считаться у Мальтуса достаточно полнымъ, тѣмъ не менѣе самое раздѣленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что̀ наблюдается въ жизни, и можетъ быть принято не безъ пользы изслѣдователемъ общественныхъ явленій. Мы далеки конечно, отъ того, чтобы дѣлать отсюда всѣ выводы автора «Опыта» и рекомендовать читателямъ «воздержаніе», но это только потому, что до такого вывода еще далеко, и мы не можемъ согласиться съ нѣкоторыми промежуточными разсужденіями Мальтуса. Подъ приведенными же тремя положеніями мы безусловно подписываемся.

Но не эти вовсе положенія подвергаются критикѣ со стороны противниковъ «Опыта», не они, а пресловутыя прогрессіи навлекли громы и молніи на голову Мультуса. Фактъ, по своей курьезности заслуживающій быть отмѣченнымъ. Чтобы опредѣлить, въ чемъ именно заключается сущность мальтусова ученія, достаточно обратиться лишь къ сочиненіямъ современныхъ его приверженцевъ,— конечно изъ числа настоящихъ ученыхъ. Что же оказывается? Писатели, присоединяющіеся къ основнымъ положеніямъ «Опыта», собственно о прогрессіяхъ или вовсе не говорятъ, или только упоминаютъ о нихъ, какъ о черезчуръ рѣзкой формѣ, въ которую вылилась у Мальтуса по существу вѣрная мысль, что населеніе имѣетъ тенденцію размножаться быстрѣе продовольствія. Такимъ образомъ самыя прогрессіи защитниками Мальтуса уступаются его противникамъ безъ бою. Поэтому и мы, лишь въ самыхъ короткихъ словахъ показавши неудовлетворительность знаменитыхъ математическихъ формулъ, обратимся къ разбору той *вѣрной*, по мнѣнію защитниковъ Мальтуса, мысли, которая скрывается за этими рядами произвольныхъ цифръ.

Мы видѣли уже, какъ слабо съ фактической стороны обставлены прогрессіи въ самомъ «Опытѣ». Слѣдовательно прежде всего ихъ надо признать *недоказанными*. Относительно прогрессіи ариѳметической въ этомъ нельзя и усомниться, ибо она не только не доказана, но и не доказывается, а просто лишь формулируется. Что же касается геометрической прогрессіи, то при ея универсальности она подтверждается очень плохо, всего однимъ единственнымъ примѣромъ,—примѣромъ, который къ тому же оказывается выбраннымъ далеко не удачно. Еще при жизни Мальтуса ему было указано, что, опредѣляя періодъ удвоенія населенія Соединенныхъ Штатовъ, онъ упустилъ изъ виду столь важный факторъ, какъ переселенія. Ошибка, благодаря этому, полу-

чилась не малая, тѣмъ болѣе что 25-лѣтній періодъ удвоенія не подтвердился ни на одной странѣ. Чтобы опровергнуть Мальтуса въ этомъ пунктѣ, Годвинъ прибѣгъ къ очень любопытному пріему обратныхъ вычисленій. Исходя изъ наличнаго (для его времени) населенія Швеціи и предполагая, что оно удваивалось только каждыя 140 лѣтъ, онъ приходитъ къ курьезному выводу, что въ эпоху паденія Западной Имперіи Швеція обладала лишь тремя стами душъ населенія, а нѣсколько раньше, т. е. именно тогда, когда страна начала посылать на югъ свои воинственныя полчища, въ ней было не больше одного жителя. На вычисленія Годвина Мальтусъ совершенно справедливо отвѣтилъ, что нельзя опровергать его мысли на примѣрѣ страны, находящейся очевидно въ застоѣ. Однако впослѣдствіи разсчетъ Годвина примѣненъ былъ ко всей Европѣ и далъ въ результатѣ почти столь же нелѣпый выводъ.

Мальтусъ къ сожалѣнію постоянно смѣшивалъ дѣйствительность съ возможностью и, совершенно правильно говоря о *тенденціи*, допускалъ вмѣстѣ съ тѣмъ невозможное, а именно что чистая абстракція проявляется въ томъ же самомъ видѣ и въ дѣйствительной жизни. Говоря о тенденціи, онъ былъ правъ: современные изслѣдователи (Ваппеусъ, Вагнеръ и др.) свидѣтельствуютъ, что, отрѣшившись отъ мысли о постоянно воздѣйствующихъ на населеніе препятствіяхъ, мы можемъ дѣйствительно допустить (какъ чисто *физіологическую возможность*) такое размноженіе населенія, при которомъ періодъ удвоенія будетъ именно не длиннѣе 25 лѣтъ. На практикѣ однако же этого никогда не бываетъ: самый короткій періодъ удвоенія, который только приходилось констатировать статистикамъ въ Европѣ, равняется 50 годамъ; въ среднемъ же этотъ періодъ простирается отъ 100 до 150 лѣтъ. Такимъ образомъ оправдывается и самый фактъ размноженія населенія въ геометрической прогрессіи (ибо, удваиваясь въ 100 лѣтъ, оно учетверяется въ 200 лѣтъ и т. д.), и физіологическая возможность очень быстраго размноженія при отсутствіи всякихъ препятствій; не оправдывается лишь принятый Мальтусомъ слишкомъ короткій періодъ удвоенія. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, совершенно основательное по существу обобщеніе Мальтусъ выразилъ въ крайней, утрированной формѣ.

Если такимъ образомъ геометрическая прогрессія сама по себѣ вѣрна, а невѣренъ лишь взятый Мальтусомъ срокъ удвоенія, то нельзя сказать того же о прогрессіи ариѳметической, долженствующей выражать приростъ продовольствія, по представляющей

собою въ сущности совершенно произвольное, ни на чемъ не основанное утвержденіе. Какъ выраженіе дѣйствительности, ариѳметическая прогрессія ошибочна, потому что на дѣлѣ, благодаря научнымъ открытіямъ и техническимъ усовершенствованіямъ, производительность человѣческаго труда росла до сихъ поръ, какъ и народонаселеніе, въ прогрессіи геометрической, только въ прогрессіи еще быстрѣе возрастающей. Какъ выраженіе возможности, ариѳметическая прогрессія является не достовѣрнымъ закономъ и даже не научной гипотезой.

Въ какія чисто математическія ошибки впалъ Мальтусъ при сопоставленіи обѣихъ прогрессій, это было хорошо раскрыто Чернышевскимъ въ его примѣчаніяхъ къ Миллю; на этой сторонѣ дѣла мы здѣсь не станемъ останавливаться. Для нашей цѣли важнѣе то обстоятельство, что, формулируя ариѳметической прогрессіей приростъ продовольствія, Мальтусъ упустилъ изъ виду цѣлый рядъ условій, оказывающихъ на этотъ приростъ самое рѣшительное вліяніе. Соціалистамъ принадлежитъ честь перваго указанія на главное изъ такихъ опущенныхъ Мальтусомъ условій: на роль распредѣленія и соціально-политическихъ условій труда. Хотя нѣкоторые соціалисты на нашъ взглядъ впали въ крайность, утверждая, что каждой общественной формѣ соотвѣтствуетъ свой законъ народонаселенія и что поэтому никакого общаго для всей исторіи человѣчества закона быть не можетъ, тѣмъ не менѣе важность распредѣленія подчеркнута была ими совершенно правильно, а отсюда слѣдуетъ выводъ, что возможность реформы въ этомъ отношеніи вноситъ существенную поправку въ формулу продовольствія. Изъ другихъ опущенныхъ Мальтусомъ условій упомянемъ здѣсь постоянно обнаруживающійся прогрессъ въ утилизаціи продукта,—прогрессъ, заключающійся въ томъ, что люди научаются изъ того же количества пищи извлекать больше пользы для своего организма; упомянемъ дальше о развитіи, благодаря приспособленію, самаго человѣческаго организма, объ улучшеніи пищеварительныхъ и иныхъ его свойствъ, вслѣдствіе чего достигается та же цѣль, что и въ первомъ случаѣ, но только съ другого конца; упомянемъ наконецъ о совершенствованіи ассоціаціи и сотрудничества усиливающихъ, тоже въ своемъ родѣ въ геометрической прогрессіи, власть людей надъ природой...

Все это было забыто Мальтусомъ, когда онъ формулировалъ свою ариѳметическую прогрессію, а введи онъ въ разсчетъ всѣ перечисленныя нами условія, много ли бы осталось отъ его обобщенія?

Ариѳметическую прогрессію, въ виду всего сказаннаго, приходится совершенно отбросить, геомегрическую—исправить удлиненіемъ назначеннаго Мальтусомъ слишкомъ короткаго срока для удвоенія. Измѣняя такимъ образомъ обѣ сравниваемыя величины, мы очевидно уничтожаемъ возможность того непосредственнаго и простого сопоставленія, которое Мальтусъ дѣлалъ при помощи двухъ неодинаково возрастающихъ рядовъ цифръ. Но, отбрасывая математическія формулы, мы этимъ нисколько не вредимъ основной, заключающейся въ нихъ, мысли, что народонаселеніе имѣетъ постоянную тенденцію возрастать быстрѣе продовольствія. И тутъ дѣйствительно современная экономическая наука все больше и больше склоняется къ взгляду Мальтуса.

Чтобы не утомлять вниманія читателей, мы не станемъ здѣсь приводить подлинныхъ словъ Ад. Вагнера, Рюмелина, Роберта Моля и др. изслѣдователей, принимающихъ названную выше тенденцію за доказанную; мы не станемъ также загромождать нашего изложенія статистическими данными, подтверждающими, что при всемъ искусствѣ человѣка земля повидимому постепенно истощается въ своемъ плодородіи, а напр. домашній скотъ, доставляющій человѣку мясо и молоко, отстаетъ въ своемъ размноженіи отъ размноженія людей. Отмѣтимъ здѣсь только, что возможность и даже неизбѣжность перенаселенія признается соціалистомъ Каутскимъ и при полномъ измѣненіи существующаго экономическаго строя. Отмѣтимъ еще, что изъ русскихъ изслѣдователей г. Южаковъ, опровергающій (преимущественно доводами Спенсера) прогрессію Мальтуса, допускаетъ однако конечное истощеніе «всѣхъ потенціальныхъ силъ земной поверхности». Но разумѣется и противниковъ этого взгляда существуетъ не мало.

Въ общемъ все-таки надо сказать, что вполнѣ опредѣленнаго и въ то-же время совершенно научнаго отвѣта на выдвинутый Мальтусомъ вопросъ при современномъ положеніи нашего знанія дать еще невозможно. Многое однако же заставляетъ склониться на сторону пессимистическихъ предвидѣній Мальтуса и сомнѣваться, чтобы борьба за существованіе, конечно не въ ея современной грубой формѣ, могла когда нибудь совершенно исчезнуть изъ человѣческаго общества. Но утверждать это вполнѣ рѣшительно кажется намъ столь же рискованнымъ, какъ утверждать противное, что какова бы ни была численность рода человѣческаго, онъ всегда найдетъ себѣ на землѣ достаточное пропитаніе.

Одно только надо твердо помнить: вопросъ ставится здѣсь исклю-

чительно объ *отдаленномъ будущемъ*, въ настоящемъ же нѣтъ никакихъ указаній на существованіе дѣйствительнаго, *абсолютнаго* перенаселенія, хотя Мальтусъ и утверждаетъ противное. «Опасность перенаселенія,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,— вовсе не такъ удалена, какъ принято думать, она напротивъ весьма близка и неизбѣжна». Въ другомъ мѣстѣ, оспаривая Кондорсэ, онъ выражается еще рѣшительнѣе: «картина послѣдствій, которыя вызоветъ размноженіе людей, когда число ихъ превзойдетъ средства существованія, нарисована Кондорсэ вполнѣ правдиво. Единственный пунктъ, на которомъ я тутъ съ нимъ расхожусь, касается времени, когда предположеніе его осуществится. Кондорсэ полагаетъ, что оно *должно* осуществиться въ будущемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что будущее это отдѣлено отъ насъ еще огромнымъ разстояніемъ времени... Мы же можемъ сказать, напротивъ, что эта эпоха *давно уже наступила*».

Въ полномъ соотвѣтствіи съ такимъ взглядомъ Мальтусъ прописываетъ и свое столь прославившееся лекарство: нравственное воздержаніе. Для насъ, отрицающихъ наличность перенаселенія, нравственное воздержаніе, разумѣется, представляется совершенно излишнимъ; но кромѣ того оно имѣетъ и свои специфическіе недостатки, которые мы здѣсь просто перечислимъ: 1) воздержаніе отъ вступленія въ бракъ и даже только позднее вступленіе въ него, по общему отзыву всѣхъ изслѣдователей, неизбѣжно увеличиваетъ развратъ и проституцію; 2) нѣтъ никакого основанія ожидать, чтобы столь трудная нравственнаго характера обязанность стала практиковаться сколько нибудь значительнымъ количествомъ лицъ, и 3) никогда общественныя бѣдствія не врачуются личными добродѣтелями. Размноженіе людей подчиняется столь же строгимъ и столь же мало зависящимъ отъ воли отдѣльнаго человѣка законамъ, какъ и размноженіе продовольствія; поэтому, если всѣ усилія людей оказываются недостаточными, чтобъ побудить природу къ большей щедрости, нѣтъ основанія ожидать, что, направленныя въ другую сторону, усилія эти окажутся сколько нибудь дѣйствительными. Во всякомъ случаѣ увеличивать количество пищи (воздѣйствовать на природу) не труднѣе, а легче, чѣмъ сокращать размноженіе людей (воздѣйствовать на воспроизводительную способность). Вообще патентованное средство Мальтуса и обоюдоостро, и недѣйствительно, и наивно.

Разъ допустивъ наличность перенаселенія, Мальтусъ сдѣлалъ

отсюда всѣ тѣ свои фальшивые публицистическіе выводы, за которые его съ полнымъ основаніемъ упрекаютъ нѣкоторые изъ его критиковъ. Если перенаселеніе существуетъ, то среди кого, среди какого класса населенія? Очевидно не среди людей состоятельныхъ, имѣющихъ возможность воспитывать своихъ дѣтей и вооружать ихъ для предстоящей имъ борьбы за существованіе самымъ дѣйствительнымъ въ наше время оружіемъ—деньгами. Перенаселеніе, если оно существуетъ, должно обнаруживаться конечно среди простого люда, среди рабочихъ, подвергающихъ такимъ образомъ свое потомство неограниченному дѣйствію «препятствій разрушительныхъ». Какъ же избѣгнуть имъ послѣдствій перенаселенія, какъ отстранить отъ себя всѣ бѣдствія порока и нищеты? Единственный путь, указываемый Мальтусомъ, это—нравственное воздержаніе. Итакъ: высшіе классы, въ силу ихъ богатства, не нуждаются въ предупредительномъ средствѣ; низшіе же, *въ наказаніе* за свою бѣдность, должны отказаться отъ брака и отъ любви, чтобъ обратиться въ безполую породу тружениковъ, обогащающихъ счастливыхъ пустоплясовъ и не имѣющихъ своихъ собственныхъ радостей... Вотъ тотъ жестокій выводъ, къ которому въ концѣ концовъ приходитъ Мальтусъ, который, сдѣлавшись удобнымъ оружіемъ въ рукахъ нѣкоторыхъ буржуазныхъ экономистовъ, скомпрометировалъ и все его ученіе.

Но правиленъ ли этотъ выводъ, вытекаетъ ли онъ изъ самыхъ основъ ученія Мальтуса, какъ оно было изложено имъ въ двухъ первыхъ главахъ его «Опыта»? Совершенно неправиленъ и нисколько не вытекаетъ.

Какъ мы уже видѣли, Мальтусъ былъ правъ, говоря о зависимости населенія отъ пищи, но слѣдуетъ ли отсюда, что онъ былъ такъ же правъ, признавая возможнымъ на вопросъ: «отчего люди голодаютъ?» отвѣчать: «оттого, что ихъ слишкомъ много»? Между обоими положеніями лежитъ цѣлая пропасть, черезъ которую нельзя просто перескочить, а надо перебросить сначала мостъ доказательствъ и связную цѣпь строго логичныхъ разсужденій. Мальтусъ вмѣсто этого свой чисто научный анализъ причинъ, содѣйствующихъ и препятствующихъ естественному росту населенія, предложилъ просто безъ всякихъ оговорокъ и, разумѣется, вполнѣ ошибочно, какъ полное рѣшеніе всѣхъ современныхъ ему экономическихъ неурядицъ, въ дѣйствительности обусловленныхъ цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ и сложныхъ факторовъ. Правильно указавъ на грозящую въ бу-

дущемъ опасность, онъ такимъ образомъ, совершенно уже неправильно, сдѣлалъ ее отправнымъ пунктомъ въ своемъ анализѣ современности.

Но и этого мало. Простое примѣненіе теоретическихъ основъ ученія о народонаселеніи къ объясненію окружающей дѣйствительности, какъ бы такое примѣненіе само по себѣ ни было неправильно, не можетъ еще привести къ тѣмъ жестокимъ и несправедливымъ практическимъ заключеніямъ, къ которымъ, какъ мы видѣли, приходитъ Мальтусъ. Почему послѣдствія перенаселенія должны нести на себѣ только бѣдные? Изъ *сущности* мальтусова ученія это вовсе не вытекаетъ. Тутъ очевидно мы встрѣчаемся, уже не въ первый разъ, съ результатомъ внесенія того фальшиваго публицистическаго элемента, который пронизываетъ собою какъ «Политическую экономію», такъ и «Опытъ о народонаселеніи». Начиная съ этого момента, авторъ перестаетъ вполнѣ логично разсуждать и вполнѣ объективно анализировать. Желая улучшить матерьяльное положеніе рабочихъ, онъ ихъ обрекаетъ на такое безпросвѣтное въ нравственномъ отношеніи существованіе, котораго конечно никогда никто не предпочтетъ. Практическіе выводы Мальтуса—продуктъ его практическаго же стремленія подорвать въ корнѣ реформаторскіе проэкты Годвина. Наука здѣсь не причемъ; ученіе о народонаселеніи также. Намъ остается напомнить прекрасныя слова Аксакова:

.....И даже лучшіе жрецы
Во храмѣ—вѣщіе пророки,
Внѣ храма—жалкіе слѣпцы!

Ближайшіе послѣдователи Мальтуса, т. е. люди, обзывавшіе его своимъ учителемъ, тѣмъ именно и почтили его память, что, игнорируя теоретическія основы «Опыта о народонаселеніи», съ полнѣйшимъ восторгомъ привѣтствовали горькій, червивый плодъ публицистическаго увлеченія великаго экономиста. Его наслѣдіе, захватанное грязными руками, стало предметомъ отвращенія для благомыслящихъ людей: оно обратилось въ оружіе противъ всѣхъ прогрессивныхъ стремленій придти на помощь «униженнымъ и оскорбленнымъ», и самъ Мальтусъ, стараніями его учениковъ, изъ *друга* бѣдныхъ превращенъ былъ въ ихъ *врага*. Тогда имя автора «Опыта о народонаселеніи» стало произноситься не съ благодарностью и уваженіемъ, кото-

рыхъ заслуживаетъ этотъ глубокій мыслитель, но съ презрѣніемъ и хулой, составляющими справедливое воздаяніе недобросовѣстнаго и угодливаго публициста. Въ Мальтусѣ эти два разныхъ человѣка чуднымъ образомъ уживались въ мирномъ сосѣдствѣ. Его современникамъ поневолѣ приходилось считаться съ ними обоими, но намъ въ настоящее время пѣтъ дѣла до второго. Публицистъ Мальтусъ умеръ: онъ весь принадлежалъ своему времени и съ нимъ же вмѣстѣ отошелъ въ вѣчность. Зато Мальтусъ - ученый живъ; съ нимъ приходится до сихъ поръ имѣть дѣло: въ его «Опытѣ» черезъ сто лѣтъ, послѣ его выхода въ свѣтъ ученые продолжаютъ черпать свою мудрость...

А та загадка Сфинкса, которой Мальтусъ въ концѣ XVIII-го вѣка не съумѣлъ рѣшить, остается нерѣшеннымъ, таинственнымъ, тревожнымъ вопросомъ и накапунѣ XX-го столѣтія!

Популярно-научныя книги.

Духовный прогрессъ. *П. Н. Лоскутова.* Ц. 1 р
Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. *М. Ковалевскаго* Перев. съ франц. *М. Іолшина* Ц 60 к.
Воспитаніе воли. Ж. Пэйо. Перев. съ франц. *М. А. Шишмаревой.* Ц. 75 к
Исторія, какъ наука. *Лакомба.* Перевод. подъ редакціей Р. И. Сементковскаго. Ц. 1 р 25 к.
Семь новѣйшихъ чудесъ свѣта. Ч. *Кента* Перевелъ Д. А. Головъ. Со многими рис. Ц. 1 р
Исторія земли. Составилъ по Бомелли, Неймайру и друг. *В. К Агафонова.* Со множествомъ рисунк. Ц. 1 р. 50 к.
Азбука домоводства и домашней гигіены Сост. *М. Клима.* Перевелъ Н. Корфъ. Ц. 75 к
Наука о жизни. Популярная физіологія человѣка. *В. Лункевича.* Съ 91 рисунк. Ц. 1 р.
Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. *С. Сигеле.* 116 стр. Ц 30 к.
Пессимизмъ. *Д Сельи.* Популярный обзоръ всѣхъ пессимистическихъ ученій. Пер. съ англійскаго подъ редакціей *В. Яковенко.* Ц. 1 р. 50 к
Философія Герберта Спенсера, въ сокращ. изложеніи *Коллинса.* Пер *И. Мокіевскаго.* Ц 2 р.
Законы подражанія. *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена.* Ц. 60 к.
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена.* Два тома. Цѣна каждаго 50 к.
Гигіена женщины. Д-ра *М. Тило.* 2-е изд. Ц. 40 к.
Гигіена семьи. *Гебера.* Пер. съ нѣм. Ц. 50 к.
Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. 2-е изд. Ц. 75 к.
Уходъ за больн. дѣтьми. Д-ра *Перье.* Ц. 50 к.
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ прим. къ обыден. жизни. *Д-ра Эйдама.* Ц. 40 к.
Дѣтскій докторъ. Популярное руководство для матерей и воспитателей *Д-ра Варіо.* Перев. подъ редакціей проф. *Пономарева.* Съ рис. Ц. 1 р.
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Д-ра Мигулы.* Перев. съ нѣмецк. Съ 35 рис. Ц. 1 р.
Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Перев. съ франц. Популяр. изложен. ученія Дарвина. 2 изд. Ц. 60 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора). *А Брэма* Дополненіе къ его сочин. „Жизнь животныхъ". Со многими рис. Ц 2 р.
Первобытные люди. *Дебевера.* Перев. съ франц и дополн. *М. Энгельгардта.* Съ 84 рис. Ц. 1 р.
Фабричная гигіена. *Свитловскаго.* 153 рис. 4 р.
Усталость. Популярно-научныя бесѣды проф. *А. Мосso.* Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Рабочій вопросъ. *А. Ланге.* Перев. съ нѣмецкаго. 2-е изд. Ц. 1р. 25 к.
Который часъ? *И. Вавилова.* Популярное руководство для повѣрки часовъ безъ помощи часовщика и для устройства солнечн. часовъ. 2-е изд. съ 13 рис. Ц. 30 к.
Физіологическая психологія. *Цигена.* Перев подъ редакціей проф. *В. Чижа.* Съ 21 рис. Ц. 75 коп.
Звѣздный міръ. Популярно-астрономическія бесѣды. *Предтеченскаго.* Со мн. рис. Ц. 20 к.
Разсказы о небѣ. *К. Фламмаріона* Перев. съ франц. *Е. Предтеченскаго.* Съ 64 рис Ц. 50 к.
Уходъ за больными въ семьѣ Д-ра *Энглера* Ц. 50 к.
Гигіена дѣтства. Д-ра *Перье* Ц. 50 к.
Записки желудка. Съ англійскаго. Ц. 50 к.
Электричество въ природѣ. *М. Дарм.* Перевелъ съ франц. *Д. Голова.* Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Міръ грезъ. *Д-ра Симона,* Сновидѣнія, галлюцинаціи сомнамбулизмъ, гипнотизмъ. Съ фр. Ц. 1 р.
Физіологія души. *А. Герцена.* Переводъ съ франц. 2-е изд. Ц. 75 к.
Ручной трудъ. *Графиньи.* Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Перев. съ франц. Съ 400 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ переплетѣ 2 р.
Эйфелева башня. *Г. Тиссандье.* Съ 34 рис. Ц. 50 к.
Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Переводъ съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.
Умственныя эпидеміи. Д-ра *Рельяра.* Переводъ *Эл. Зауера.* Съ 110 рис. 2-е изд. Ц. 1 р.
Свѣтъ Божій. Популярн. очерки міровѣдѣнія. 6-е изд., исправленное. Съ 65 рис. Ц. 30 к.
Общедоступная астрономія *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 80 к.
Телефонъ и его практическія примѣненія. *Майера и Юрисса.* Перев. *Д. Голова.* Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Электрическіе элементы. *Ніоде.* Перевелъ и дополнилъ *Д. Голова.* Со многр. рисунками. Ц. 2 р.
Электрическіе аккумуляторы. *Э. Ренье.* Перевелъ *Д. Голова.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумул. *Соломенса.* Съ 81 рис. Ц. 1 р. 25 к.
О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева.* Ц. 25 к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано и К. Маневрье.* Переводъ *Ф. Павленкова, В. Черкасова* и *С. Степанова.* 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *О. Хвольсона.* Съ 230 рис. Ц. 2 р.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Съ рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Электрическая передача энергіи (передача силы на разстояніи). *Каппа.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р.
Электрическіе звонки. *Боттона.* Со свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. 114 рис. Пер. съ англ. *Голова.* 2-е изд. Ц. 1 р.
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* Ц. 2 р. 50 к
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* 2-е изд. Ц. 50 к.
Психологія великихъ людей. *Жоли.* Съ франц. 3-е изд. Ц. 60 к.
Современныя психопаты. *Кюллера.* Съ франц. Ц 1 р. 50 к
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и рисунк. 3-е изд. Ц. 1 р.
Вредныя полевыя насѣкомыя. *Иверсена.* Съ рис. Ц. 80 к.
Хлѣбный жукъ. Съ 3 рис. *И. Корба.* Ц. 10 к.
Огородничество. Практич. наставл. для народн. учителей. *Ф. Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.
Воздушное садоводство. *И. Жуковскаго.* Съ 73 рис. 2-е изд. Ц 60 к.
Школьный садоводъ. *А. Волотовскаго.* Ц. 20 к.

Съ 1894 г. издается въ Петербургѣ Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ странъ и народовъ Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая или нѣсколько маленькихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ Всѣ книжки нумеруются отъ первой до послѣдней. Цѣна книжекъ отъ 5 до 25 коп

До 20 Сентября 1895 г. выпущено 70 книжекъ, въ составъ которыхъ вошли слѣдующія сказки:

№№ книжекъ.

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА.

1. Дочь болотнаго царя. Съ 15 рис., портретомъ и біографіей Андерсена (15 коп.).
2. Райскій садъ. Съ 6 рис. (8 коп.).
3. Домовой и лавочникъ. Свинья-копилка. На птичьемъ дворѣ. Красные башмачки. Съ 6 рис. (10 коп.)
4. Сунъ изъ колбасной палочки. Съ 6 рис. (6 к.)
5. Оле-Лукэ-Ойе. Ленъ. Свинья. Капля воды Съ 3 рис. (10 коп.).
6. Цвѣты маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочистъ. Съ 10 рис. (10 к.).
7. Снѣжная царица. Съ 16 рис. (15 к.)
8. Анна-Лизбета. Съ 10 рис (5 к.).
9. Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ Съ 9 рис. (5 к.).
10. На дюнахъ Съ 8 рис. (15 к).
11. Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣка. Съ 8 рис. (8 коп.).
12. Бумажная старушка Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Съ 9 рис. (8 коп.).
13. Колоколъ. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. Съ 7 рис. (6 к.).
14. Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе Перо и чернильница. Съ 10 рис. (10 к.)
15. Камень мудрости. Съ 5 рис. (8 к.).
16. Большой морской змѣй. Свѣчи. Съ 4 рис. (5 к.).
17. Золотое сокровище. Блоха и профессоръ. Съ 10 рис. (6 коп.).
18. Дикіе лебеди Съ 6 рис. (8 к.).
19. Сынъ привратника. Съ 9 рис. (8 к.).
20. Морская царевна. Должно-же быть разница. Съ 10 рис. (10 коп.).
21. Соловей. Жаба. Съ 11 рис. (8 к.)
22. Попутчикъ. Съ 7 рис (8 к.).
23. Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со спичками. Съ 6 рис. (6 к.)
24. Калоши счастья. Съ 7 рис. (10 к.).
25. Она никуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. Съ 7 рис. (8 коп.).
26. Исторія одной матери. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. Съ 9 рис. (8 к.).
27. Безобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. Съ 13 рис. (8 к.).

№№

28. Тѣнь. Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ все хорошо. Съ 9 рис. (10 к.).
29. Бутылочное горлышко. Подъ ивой. Съ 13 рис. (10 к.)
30. Дѣва льдовъ. Съ 19 рис. (18 коп.).

СКАЗКИ ГАУФА.

31. Холодное сердце. Съ 10 рис., портретомъ біографіей Гауфа. (13 к.).
32. Сказка о Калифѣ-аистѣ. Молодой англичанинъ. Съ 10 рис. (12 коп.).
33. Преданіе о золотомъ Маленькій Мукъ. Съ 16 рис. (15 к.).
34. Карликъ-носъ. Съ 10 рис. (12 коп.).
35. Приключеніе Сакла. Съ 11 рис. (15 коп.).
36. Принцъ-Самозванецъ. Еврей Абиоръ, который ничего не видалъ. Съ 7 рис. (10 коп.).

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА.

37. Корона морскаго царя. Друзья короля Османа. Неумѣстная гордость. Король Карій. Съ 10 рис. портретомъ и біографіей Густафсона (10 коп.).
38. Пастухъ и принцесса. Цвѣты радости. Такъ водится на войнѣ. Биржа Съ 10 рис (10 коп.).
39. Храмъ истины. Король, страдавшій бозсонницей. Каменная глыба. Скоропѣлка. Попугай и жаворонокъ. Съ 12 рис. (10 коп.).
40. Парижская кукла. Бѣлка. Исторія одного дерева. Земной глобусъ папы. Съ 10 рис. (10 к.).
41. Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. Съ 9 рис. (10 коп.).

СКАЗКИ ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ.

42. Говорящій дубъ Красный молотокъ. Съ 9 рис. портретомъ и біографіею Жоржъ-Зандъ (18 к.).
43. Розовое облако. Съ 5 рис. (12 коп.).
44. Великанъ Іоусъ. Съ 6 рис. (15 коп.).
45. Крылья мужества. Съ 9 рис. (25 коп.).

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ

ВЪ СТИХАХЪ

№№ 46 по 70, цѣна каждой книж. 10 к.

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ: сказки Асбьернсена, братьевъ Гриммъ, Перро и пр. и пр. При первой книжкѣ сказокъ того или другого автора помѣщается его краткая біографія.

СПИСОКЪ КНИЖЕКЪ „СКАЗОЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ“ ПО ИХЪ ЦѢНАМЪ:

Книжки въ 5 коп №№ 8, 9, 16.—6 коп.: №№ 4, 13, 17, 23 – 8 коп.: №№ 2, 11, 12, 15, 18, 19, 21, 22, 25, 26, 27.—10 коп.: №№ 3, 5, 6, 14, 20, 24, 28, 29, 36 – 41, 46 – 70.—12 коп. №№ 32, 34, 43.—15 коп. №№ 1, 7, 10, 33, 35, 44.—18 коп №№ 30, 31, 42.—25 коп. № 45.

Для дѣтей и юношества.

Иллюстрированныя сказки Андерсена. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ 530 картинками. Перев. *Б. Поровской.* Ц. каждаго тома 60 к., въ пап. 75 к., въ коленкоровомъ перепл. по 3 тома—2 р. 50 к.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Ц. каждаго романа 40 к. Въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 6 ром.—3 р. 25 к.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта въ сокращенномъ перев. *Л. Шелгуновой.* 1) Веверлей 2) Антикваріи, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтровѣ, 11) Невериль Пикъ, 12) Пресвитеріане, 13) Пертская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ-Львиное Сердце, 19) Обрученные, 20) Черный карликъ, 21) Приключенія Нигеля, 22) Редгантлетъ, 23) Робертъ графъ Парижскій, 24) Сенъ-Ронанскія воды, 25) Опасный замокъ и Два пастуха. Ц. каждаго романа 40 к., въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 5 романовъ вмѣстѣ 2 р. 80 к.

Сочиненія Виктора Гюго. Два тома. Сокращенный переводъ *С. А. Брашинской* Ц. 2 р 50 к.

Къ свѣту! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ *В. В. Өларкова.* Съ 29 рис. Ц 1 р. въ папкѣ 1 р. 25 к въ переплетѣ 1 р. 60 к.

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова.* Съ 48 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Дѣтскій маскарадъ. *Н. Авбелева.* Съ 16 р. Ц. 20 к

Блуждающіе огоньки. Сборн. дѣтск. разсказовъ. *Бажиной.* Со мног. рис. Ц. 1 р. Въ пап. 1 р. 25 к. Въ пер. 1 р. 60 к.

Два проказника. Шуточный разсказъ въ стихахъ *В. Буша.* Пер. съ нѣмецк. 100 рис. 2-е изд. Ц. въ папкѣ 50 к.

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова* Съ пред. И. С. Тургенева. 62 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

Черные богатыри. *Е. Конради.* Со множествомъ рис. Цѣна 2 р., въ перепл. 2 р. 75 к.

Въ добрый часъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *А. Лакида.* Съ рис. Ц. въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Подружка. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Бострома.* Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.

Задушевные разсказы. *И. Засодимскаго.* Два тома съ 135 рис. 2-е изд. Цѣна каждаго 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рисунками. 2-е изданіе. Ц 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 107 рис. Цѣна 30 к., въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева.* Съ рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

Донъ-Кихотъ. *Сервантеса.* Сокращ. перев для юношества. Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ пап. 60 к., въ перепл. 90 к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) *Ф. Павленкова.* 10 листовъ. (на кажд. по 20 рис.). Ц. 1 р. „Объясненіе" къ нимъ: на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ каждое—Ц. 5 к.

Математич. софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$ и т. п. *Обрѣимова.* Ц. 40 к.

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ франц. Съ 55 фигурами и таблицами. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Тройная головоломка. *В. Обрѣимова.* Сборникъ геометрич. игръ. Съ 300 рис. и 39 кастет. Ц. 1 р.

Образовательное путешествіе. *С. Ворисовфера* Съ 73 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

Чрезъ дебри и пустыни. *С. Ворисовфера.* Съ иллюстраціями. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к. въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

Сказочная страна. *С. Ворисовфера* Съ иллюстраціями Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 75 к.

Приключенія контрабандиста. *С. Ворисовфера.* Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.

Мученики науки. *Ф. Тисандье.* Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 4-е изд. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 2 р.

Вечерніе досуги. *А. Круглова.* Съ 70 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

Научныя развлеченія *Ф. Тисандье.* Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 353 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к

На землѣ и подъ землей. Изъ воспоминаній всемірнаго путешественника. *В. Галузнева.* Со мног. рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 18 рисунками. Ц. 50 к.

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. *Засодимскаго.* Съ рис. Цѣна каждой книжки по 35 к

Живыя картинки. *Смирнова.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р.

Янки Вологодскаго уѣзда. *Круглова.* Съ 6 рисунками. Ц. 25 к.

Незабудки. *А. Круглова.* Сборн. разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

Несчастливцы. Повѣсть для дѣтей изъ жизни насѣкомыхъ. *Э Кандеза.* Съ 58 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к. въ перепл. 2 р.

Двадцать біографій образцовыхъ русск. писателей. Сост. *В. Острогорскій.* Съ 20 портретами. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ перепл. 1 р.

Приключенія сверчка *Э. Кандеза.* Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 50 к.

Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* 8-е изд. 52 рис. Ц. 75 к., въ пап. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдетъ около 200 біографій замѣчательныхъ людей. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, объемомъ отъ 80 до 160 страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты.

Цѣна каждой книжки отдѣльно—25 к.

До 1 октября 1895 г. вышли отдѣльными книжками 170 біографій слѣдующихъ лицъ:

Протопопа Аввакума, *Аксаковыхъ*, Андерсена, Аристотеля, Бальзака, Баха, Байрона, Бентама и Беккаріа, Берне, Бэкона, *Бѣлинскаго* (2 изд.), *Карла Бэра*, Беранже, Бетховена, Бисмарка, *Богдана Хмельницкаго*, Боккачіо, Бокля, Бомарше, *Боткина*. Джіордано Бруно, Рихарда Вагнера, Леонардо да Винчи *Волкова* (основателя русскаго театра), Вольтера, *Воронцовыхъ*, Галилея, Гарвея, Гарибальди, Гаррика, Гегеля Гейне, Гете, Гладстона, *Глинки*, Говарда, *Гоголя* (2 изд.), *Гончарова*, Гракховъ, *Гриббодова*, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гутенберга, Гюго (2 изд.), Дагерра и Ніепса, Даламбера, Данте, Дарвина (2 изд.), *Дарагомыжскаго*, *кн. Дашковой*, Декарта, *Демидовыхъ*, *Державина*, Дефо, Дженнера, Диккенса, *Добролюбова*, *Достоевскаго*, Жоржъ-Зандъ, *Жуковскаго*, Золя, *Иванова* (художника), *Іоанна Грознаго*, Кальвина, *Каткова*, Канта, *Кантемира*, *Карамзина* (основателя харьков. университета), *Карамзина*, Карлейля, Кеплера, Кетлэ, *Ковалевской*, Колумба, *Кольцова*, Кондорсэ, Конта, Конфуція, Коперника, *Барона Н. А. Корфа*, *Крамского*, Кромвеля, *Крылова*, Кювье (2 изд.), Лавуазье, Лапласа и Эйлера, Лейбница, *Лермонтова*, Лессепса, Лессинга, Ливингстона, Линкольна, Линнея, *Лобачевскаго*, Лойолы (2 изд.), Локка, *Ломоносова*, Ляйэлля, Маколея, Мальтуса, *Меншикова*, Мейербера, Микель-Анджело, Милля, Мильтона, Мирабо, Мицкевича, Мольера, Монтескье, Томаса Мора, Моцарта, *Никитина*, *Никона*, *Новикова*, Ньютона, Роберта Оуэна, Паскаля, Песталоцци, *Перова*, *Пирогова*, *Писарева* (2 изд.), *Писемскаго*, *Потемкина*, *Пржевальскаго*, Прудона, *Пушкина*, Рабле, Рафаэля, Рембрандта, Ришелье, Ротшильдовъ, Руссо, Сакіа-Муни (Будды), *Салтыкова*, Савонаролы, Свифта, Сенеки, *Сенковскаго*, Сервантеса, *Скобелева*, Вальтеръ-Скотта, Адама Смита, *С. Соловьева*, *Сперанскаго*, Спинозы, Стефенсона и Фультона, *Струве*, Стэнли, *Строва*, Теккерея, *Льва Толстого*, Торквемады, *Тургенева*, Уатта, *Ушинскаго*, Фарадея, *Фонвизина*, Франклина, Цвингли, *Шевченко*, Шиллера, Шопенгауэра (2 изд.), Шопена, Шумана, *Щепкина*, Эдисона и Морзе, Джоржъ-Эліота, Юма, *Федотова*.

Приготовляются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ:

Александра II, Вашингтона, Вирхова, Дидро, *Екатерины II*, Лютера, Магомета, Макіавелли, Меттерниха, Наполеона I, *Некрасова*, *Островскаго*, Пастера, *Петра Великаго*, Ренана, Сократа и Платона, *Суворова*, *Успенскаго*, Франциска-Ассизскаго, Фридриха II, Шекспира, и др.

Курсивными буквами обозначены имена русскихъ дѣятелей.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова (Спб. Лештуковъ пер., № 2).

Объявленія дозволены цензурою, С.-Петербургъ, 28 Августа 1895 года.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

И. А. ГОНЧАРОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. А. Соловьева

Съ портретомъ Гончарова, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧАТАНА ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Большая Подъяческая, № 39.

1895.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, публицистика и законовѣдѣніе.

Исторія цивилизаціи въ Англіи. Г. Т. Бокля. Переводъ *Буйницкаго*. Съ портретомъ автора и вступит. статьей *Е. А. Соловьева*. Ц. 2 руб.

Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Французская литература: *Г. Брандеса*. Перев. съ нѣм. *Э. Зауэра*. Съ 12 портретами и вступительной статьей *Е. А. Соловьева*. Ц. 2 р.

Сочиненія Виктора Гюго. Два тома. Съ портретомъ автора и вступительной статьей *А. М. Скабичевскаго*. Ц. 2 р. 50 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ портретомъ автора и вступит. статьей *Е. А. Соловьева* Ц. каждаго тома 1 руб.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.—До 1-го апрѣля 1895 г. вышли восемь томовъ: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ и Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррить и Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ, 6) Записки Пикквикскаго клуба и Тяжелыя времена, 7) Николай Никльби, Три святочныхъ разсказа, 8) Мартинъ Чезальвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленъ. Томъ 9 печатается.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (въ 5 пер.) 1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова Полное собраніе въ 1-мъ и 4-хъ томахъ. Съ портретомъ, біографіей, написанной *А. М. Скабичевскимъ*, и 115 рисунками. Ц. 1 томнаго и 4 томнаго изданія одна и та-же 1 р. За переплеты: для 1 томнаго 40 к. и 1 руб Для 4 томнаго—50 к. и 1 руб.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. 8 томовъ. Ц. каждаго—1 р. Пер. для 2 томовъ вмѣстѣ 75 к.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3 изд., въ 2 том. Съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго*. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. Рѣшетникова. Въ двухъ томахъ съ портр. автора и статьей *М. Протопопова*. Ц. за все собраніе—2 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Съ портретомъ автора. 2-е изд., въ 2 томахъ. Ц. 3 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 44 иллюстраціи съ подписями, портретомъ и снимкомъ съ почерка. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ—1 р. 25 к.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художеств. альбомъ *М. Е. Малышева*. Цѣна въ папкѣ 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. *Том. Карлейля*. Перев. *В. Яковенко*. Ц. 1 р. 50 к.

По волнамъ безконечности. Астрономическая фантазія *К. Фламмаріона*. 2-е изд. Ц. 80 к.

Конецъ міра. Астрономическій романъ. *К. Фламмаріона*. Съ краткой біографіей автора и 4-мя его портретами Ц. 60 к.

Въ небесахъ *(Uranie)*. Астрономическій романъ *К. Фламмаріона*. Съ 89 рис. 2-е изд. Ц. 75 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера*. Перев. съ англ. *Каменскаго*. Ц. 50 к.

Исторія французской революціи. *И. Карно*. 2-е изд. Ц. 1 р.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicus'a*. Переведъ *В. Рапцова*. Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соц. романъ *Э. Беллами*. 3-е изд., дополн. научно-предсказательнымъ очеркомъ Риве: „Куда мы идемъ?". Ц. 1 р.

Въ трущобахъ Англіи. Соціал. борьба съ экономич. язвами современ. общества. *Бутса*. Ц. 1 р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина*. Роскошное изд. Съ 188 рисунками Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р.

Голодъ. Ром. *К. Гамсуна*. Съ норвежск. Ц. 60 к.

Забота. Ром. *Зудермана*. Съ 14 нѣм. изд. Ц. 60 к.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони*. Съ 16 рис. Ц. 50 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. *А. Цейтлова*. Книга для домашняго чтенія Съ 72 портр. Ц. 3 р.

Исторія новѣйшей русск. литературы (1848—1892 гг.). *А. М. Скабичевскаго*, 2-е изд. Ц. 2 р.

Очерки исторіи русской цензуры. *А. Скабичевскаго*. Ц. 2 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца*. 2-е изд. Ц. 75 к.

Въ раздумьи. Очерки и разсказы изъ жизни русской интеллигенціи. *Е. А. Соловьева*. Ц. 75 к.

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусства. *Макса Нордау*. Большой томъ, 585 столб. Ц 1 р 50 к.

Исторія культуры. *Липперта*. Пер. съ нѣмецкаго, съ 85 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Матери великихъ людей. *Блока*. Переводъ *З. Горской*. Со многими рисунками и портретами. Ц. 60 к.

Долой оружіе! Анти-военный романъ *Б. Зуттнеръ*. Компактное изданіе. Цѣна 80 к.

Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ.) Романъ *Э. Поствик*. Ц. 1 р.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портр. И. С. Тургенева. Ц. 15 к.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ. *Н. К. Михайловскаго* Ц 1 р.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау*. Перев. съ нѣмец. *Э. Зауэра*. 3-е изд. Ц. 1 р.

Больная любовь. Гигіеническ. романъ *Мантегацца*. Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа*. Ц. 75 к.

Очерки самоуправленія (земскаго, городского и сельскаго). *С. Приклонскаго*. Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки *И. Тимощенкова*. Ц. 1 р.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки *А. Бахтіарова*. Ц. 1 р. 50 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ. Общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ *В. Фармаковскій*. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія книги на Руси. *А. Бахтіарова*. Со многими рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова*. 2-е изд. Ц. 1 р.

По градамъ и весямъ. Ром. изъ исторіи нашего времени. *Волгодина* (П. Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.

Позв. ценз. (ПБ. 19 Септември 1895 г

Тип. Тов. „Общ. Полза", Б. Подъяч., 39

ГОНЧАРОВЪ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

И. А. ГОНЧАРОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Евгенія Соловьева.

Съ портретомъ Гончарова, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Іюля 1895 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

	стр.
I. Первые годы	5
II. На родинѣ	17
III. Въ Петербургѣ. Начало литературной дѣятельности.	24
IV. «Фрегатъ Паллада»	36
V. «Обломовъ»	50
VI. Эпосъ «дореформенной Россіи»	67
VII. Послѣдніе годы жизни	75

ОТЪ АВТОРА.

Источники для біографіи Гончарова очень незначительны. Главнѣйшія данныя о жизни знаменитаго писателя можно почерпнуть въ автобіографическихъ статьяхъ самого Гончарова, помѣщенныхъ въ полномъ собраніи его сочиненій, въ рѣдкихъ воспоминаніяхъ близкихъ къ нему лицъ, напр. г. Кони въ «Недѣлѣ» за 1891, въ немногихъ напечатанныхъ письмахъ Гончарова и некрологахъ.

I.

Первые годы.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился 6 іюля 1812 года въ Симбирскѣ. Онъ былъ, значитъ, ровесникомъ Герцена и Огарева и современникомъ всей стаи славной, выступившей на литературное и научное поприще въ сороковыхъ годахъ. Какъ рѣдкое для того времени исключеніе, онъ принадлежалъ не къ дворянскому, а купеческому сословію, что впрочемъ не помѣшало ему ни встать во главѣ русскаго художественнаго творчества, ни умереть генераломъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Впрочемъ, какъ мы это увидимъ, ничего спеціально купеческаго не было ни въ воспитаніи Гончарова, ни въ окружавшей его обстановкѣ. Его рано умершій отецъ былъ очень зажиточенъ, и эта-то зажиточность позволила Гончаровымъ устроиться по барски. По воспоминаніямъ самого Гончарова, картина его дѣтства представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Начнемъ съ внѣшняго.

Наружность родного города не представляла ничего другого, кромѣ картины сна и застоя. Тѣ-же большею частью деревянные, посѣрѣвшіе отъ времени дома и домишки, съ мезонинами, садиками, иногда съ колоннами, окруженные канавками, густо заросшими крапивой и полынью, безконечные заборы, тѣ-же деревянные тротуары съ недостающими досками, та-же пустота и безмолвіе на улицахъ, покрытыхъ густыми узорами пыли. Вся улица слышитъ, когда за версту ѣдетъ телѣга или стучитъ сапогами по мосткамъ прохожій.

Такъ и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонныя окна съ опущенными сторами и жалюзи, на сонныя физіономіи сидящихъ по домамъ или попадающіяся на улицѣ лица. «Намъ нечего дѣлать!» — зѣвая, думаетъ, кажется, всякое изъ этихъ лицъ, глядя лѣниво на васъ: «мы не торопимся, живемъ—хлѣбъ жуемъ, да небо коптимъ»...

И вправду должно быть такъ. Чиновникъ, совѣтникъ какой-нибудь палаты, лѣниво около двухъ часовъ ѣдетъ изъ присутствія домой, нужды нѣтъ, что отъ палаты до дома не было и двухъ шаговъ. Пройдетъ писарь или гарнизонный солдатъ еле-еле бредетъ по мосткамъ. Купцы, забившись въ глубину прохладной лавки, дремлютъ или играютъ въ шашки. Мальчишки среди улицы располагаются играть въ бабки. У забора коза щиплетъ траву.

Ни мысли, ни жизни нечего, разумѣется, искать въ такихъ палестинахъ. Спятъ и безмолвствуютъ. Самыя новости ничтожны и неинтересны. Умретъ какой-нибудь Петръ Ивановичъ или Иванъ Петровичъ—пожалѣютъ, поохаютъ, поплачутъ и забудутъ; явится новый губернаторъ на смѣну стараго — поинтригуютъ, посплетничаютъ и махнутъ рукой; откупщикъ откроетъ новую контору... И все.

— «Ужели ничего нѣтъ новаго»,—спрашивалъ Гончаровъ крестнаго, вернувшись домой послѣ долгаго отсутствія.—Я все это знаю, давно видѣлъ: вонъ, кажется, и коза знакомая!

— «Какъ нѣтъ новаго! Вотъ сейчасъ поѣдемъ къ новому собору: онъ ужъ освященъ. Каковъ!—хвастался крестный, когда мы сошли съ дрожекъ и обходили соборъ. Соборъ въ самомъ дѣлѣ очень хорошъ: обширенъ, стройныхъ размѣровъ и съ тонкими украшеніями на фронтонѣ и капителяхъ колоннъ.

— «Вотъ и это новое: ты еще не видѣлъ, при тебѣ не было!»—говорилъ крестный, указывая на новое зданіе на большой улицѣ.

Я прочелъ на черной доскѣ надпись: «Питейная контора».

— «Это откупщикъ выстроилъ!—прибавилъ крестный».

Здѣсь и прошли первыя 10 лѣтъ жизни Гончарова, послѣ чего онъ разстался съ роднымъ гнѣздомъ, гдѣ ему жилось хорошо, привольно.

«Домъ у насъ — пишетъ онъ — былъ, что называется, полная чаша, какъ впрочемъ было почти у всѣхъ семейныхъ людей, не имѣвшихъ по близости деревни. Большой дворъ, даже два двора со многими постройками: людскими, конюшнями, хлѣвами, сараями, амбарами, птичниками и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры и утки — все это населяло оба двора. Амбары, погреба, ледники переполнены были запасами муки, разнаго пшена и всяческой провизіи для продовольствія нашего и обширной дворни. Словомъ, цѣлое имѣніе, деревня, помѣщенная въ самомъ центрѣ большого губернскаго города.

«Мать—продолжаетъ Гончаровъ—любила насъ не тою сантиментальною, животною любовью, которая изливается въ горячихъ

ласкахъ, въ слабомъ потворствѣ и угодливости дѣтскимъ капризамъ и которая портитъ дѣтей. Она умно любила, слѣдя неослабно за каждымъ нашимъ шагомъ, и съ строгою справедливостью распредѣляла поровну свою симпатію между всѣми нами четырьмя дѣтьми. Она была взыскательна и не пропускала безъ наказанія или замѣчанія ни одной шалости, особенно, если въ шалости крылось зерно будущаго порока. Она была неумолима—и дѣтямъ вѣроятно доставалось-бы строго и часто, еслибы тутъ подъ рукой они не нашли себѣ защитника».

Въ домѣ, кромѣ семьи Гончаровыхъ, проживало еще постороннее лицо — одинъ отставной морякъ, носящій въ воспоминаніяхъ псевдонимъ Якубова. Тоже архаическая фигура, тоже типъ стараго добраго времени! Выйдя въ отставку, онъ пріѣхалъ въ свою деревню или деревни: у него ихъ было двѣ, съ тремя стами душъ въ обѣихъ, верстахъ въ полутораста отъ города. Но одинокому холостяку скоро наскучило тамъ: сельскаго хозяйства онъ не понималъ и не любилъ, и онъ переселился въ губернскій городъ. Здѣсь въ поискахъ за квартирой онъ случайно замѣтилъ красивый, свѣтлый и уютный деревянный флигель при довольно большомъ каменномъ домѣ Гончаровыхъ, выходившемъ на три улицы, и нанялъ его, не предзидя, что проживетъ въ немъ почти полвѣка и тамъ умретъ. Старый холостякъ сошелся съ семьей и сроднился съ ней. Онъ былъ крестнымъ отцомъ дѣтей, а потомъ, когда семья осталась безъ главы, сталъ принимать участіе и въ ихъ воспитаніи. Это занимало его, заполняло его жизнь. «Добрый морякъ—говоритъ И. А.—окружилъ себя нами, принялъ насъ подъ свое крыло, а мы привязались къ нему дѣтскими сердцами, забыли о настоящемъ отцѣ. Онъ былъ лучшимъ совѣтникомъ нашей матери и руководителемъ нашего воспитанія».

Якубовъ по тому времени былъ человѣкъ просвѣщенный. Образованіе его не ограничивалось техническими познаніями въ морскомъ дѣлѣ, пріобрѣтенными въ корпусѣ. Онъ дополнялъ его непрестаннымъ чтеніемъ по всѣмъ частямъ знанія, не жалѣлъ денегъ на выписку изъ столицъ журналовъ, книгъ, брошюръ. Какъ бывало прочитаетъ въ газетѣ объявленіе о книгѣ, которая по заглавію покажется ему интересною, сейчасъ посылаетъ требованіе въ столицу. Романовъ и вообще беллетристики онъ не читалъ и зналъ всѣхъ тогдашнихъ крупныхъ представителей литературы больше по наслышкѣ. Выписывалъ онъ книги историческаго, политическаго содержанія и газеты.

Дѣтей, разумѣется, онъ баловалъ страшно, да и какъ было не баловать ему, старому холостяку, у котораго въ жизни ни впереди, ни назади не было ничего? «Бывало,—разсказываетъ Гончаровъ,—наша шишь что-нибудь: влѣзешь на крышу, на дерево; увяжешься съ уличными мальчишками въ сосѣдній садъ или съ братомъ заберешься на колокольню—мать узнаетъ и пошлетъ человѣка привести къ себѣ. Вотъ тутъ-то и спасаешься въ благодѣтельный флигель къ крестному. Онъ уже знаетъ, въ чемъ дѣло. Является человѣкъ или горничная съ зовомъ: — «пожалуйте къ маменькѣ!» — «Пошелъ!» или «пошла вонъ!» лаконически командуетъ морякъ. Гнѣвъ матери между тѣмъ утихаетъ, и дѣло ограничивается выговоромъ вмѣсто дранья ушей и стоянья на колѣняхъ, что было въ наше время весьма распространеннымъ средствомъ смирять и обращать шалуновъ на путь правый».

Баловство Якубова по своей формѣ находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ обломовскими принципами. Прежде и больше всего оно выразилось «въ кормленіи». У него былъ отличный поваръ и кромѣ того особый кондитеръ. Иногда онъ оставлялъ дѣтей обѣдать у себя, и «тутъ уже всякому кормленію и баловству не было конца». Былъ у него между прочимъ особый шкапчикъ, полный сластей—собственно для крестниковъ и крестницъ.

«Со мною онъ,—вспоминаетъ Гончаровъ,—ежедневно катаясь по городу для воздуха, заѣзжалъ еще въ разныя лавки и накупалъ также сластей, игрушекъ и всякихъ пустяковъ, нужды нѣтъ, что дома всего этого было вдоволь и давалось намъ регулярно. Курьезно, что когда я пріѣхалъ по окончаніи университетскаго курса, онъ, не успѣвъ поздороваться, велѣлъ заложить тарантасъ (вродѣ длинной линейки съ подножкой), какъ всегда дѣлалъ, когда я пріѣзжалъ на каникулы мальчикомъ, и повезъ было попрежнему въ кондитерскія и другія лавки за сластями. Я засмѣялся и онъ тоже, когда я спросилъ, гдѣ продается лучшій табакъ».

Словомъ, ѣшь—не хочу.

Надъ почвой сластей, кормленія и нянчанья воздвигалась впрочемъ и интеллигентная надстройка.

«По мѣрѣ того какъ Якубовъ старѣлъ, а я—говоритъ Гончаровъ—приходилъ въ возрастъ, между мной и имъ установилась—съ его стороны—передача, а съ моей—живая воспріимчивость его серьезныхъ техническихъ познаній въ чистой и прикладной математикѣ. Особенно ясны и неоцѣненны были для меня его бесѣды о математической и физической географіи, астрономіи, вообще космо-

гоніи, потомъ навигаціи. Онъ познакомилъ меня съ картой звѣзднаго неба, наглядно объяснялъ движеніе планетъ, вращеніе земли. все то, чего не умѣли или не хотѣли сдѣлать мои школьные наставники. Я увидѣлъ ясно, что они были дѣти передъ нимъ въ этихъ техническихъ, преподанныхъ мнѣ, урокахъ. У него были нѣкоторые морскіе инструменты, телескопъ, секстантъ, хронометръ. Между книгами у него оказались путешествія всѣхъ кругосвѣтныхъ плавателей, съ Кука до послѣднихъ временъ... Я жадно поглощалъ его разсказы и зачитывался путешествіями. «Ахъ, еслибы ты сдѣлалъ хоть четыре морскія кампаніи—то-то порадовалъ меня,—говаривалъ онъ часто въ заключеніе. Я задумывался въ отвѣтъ на это: меня тогда уже тянуло къ морю, или по крайней мѣрѣ къ водѣ»...

При такомъ воспитаніи должно было холиться тѣло, шевелиться умъ, дѣятельно работать воображеніе, но предъявлять ему требованія насчетъ развитія воли, иниціативы, предпріимчивости — было-бы совершенно напрасно. Слишкомъ уже хорошо, спокойно и гладко шла жизнь, передъ ней лежало ровное будущее, убаюкивало ее и однообразіе впечатлѣній мирнаго губернскаго города, и обиліе крѣпостной обстановки съ запасами на цѣлый годъ, съ амбарами и ледниками ломившимися отъ хлѣба, дичи, соленій. Жилось уютно, беззаботно, и полный, откормленный мальчикъ съ мечтательными глазами чувствовалъ себя какъ нельзя лучше среди лакомствъ, разсказовъ и путешествій, хотя пока только книжныхъ.

Крѣпостное право, крѣпостническая обстановка не были воспитательной школой для Гончарова, какъ напр. для Тургенева или Герцена. Онъ не замѣчалъ ихъ ни въ дѣтствѣ, ни въ юности, а впослѣдствіи относился къ нимъ съ полнымъ благодушіемъ. Ни одно отрицательное чувство не успѣло зародиться и вырости въ его душѣ: легко и спокойно принялъ онъ свою барскую долю, не задавая себѣ тревожнаго вопроса о своемъ правѣ; легко и спокойно до конца дней своихъ пользовался онъ привилегіями и преимуществами. Натолкнуть его на сомнѣнія, недовольства, протесты —было некому; даже Якубовъ, хотя и просвѣщенный человѣкъ, хотя и масонъ, держался примирительнаго взгляда на окружающее.

Якубовъ былъ баринъ въ душѣ, природный аристократъ. Между прочимъ онъ былъ сынъ своего вѣка, крѣпостникомъ, хотя и изъ гуманныхъ. «Въ дворнѣ у него, разсказываетъ Гончаровъ, —кромѣ своего кучера, повара и двухъ-трехъ лакеевъ съ семействами, были еще столяры, портные и сапожники. Онъ отпускалъ ихъ по городу на оброкъ, не справляясь, гдѣ и какъ они живутъ, что зарабаты-

ваютъ. Онъ не получалъ съ нихъ ни гроша, и только когда понадобятся ему сапоги, онъ велитъ своему сапожнику сшить, заплативъ, что стоитъ товаръ. Понадобится починка или заказъ новой мебели — то-же самое.

«Домашней крѣпостной прислугѣ,—а тогда другой, наемной, не было,—жалованья не полагалось, но каждый праздникъ онъ позоветъ бывало меня и отдаетъ разложенныя у него кучки серебряныхъ рублей.—«Это, скажетъ, отдай Васькѣ, это—Митькѣ, это—Гришкѣ, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ»—прибавитъ въ заключеніе. Самъ никогда лично не давалъ, а черезъ насъ».

...«Онъ—продолжаетъ Гончаровъ—былъ вспыльчивый, какъ порохъ, но не жолчный, не злобливый старикъ. Отъ мгновенныхъ вспышекъ его не оставалось никакого дыма, какъ отъ пороха. Провинится человѣкъ, не угодитъ ему, разсердитъ обыкновенно пустяками, онъ затопаетъ, подниметъ оба кулака, иногда сложитъ ихъ вмѣстѣ и, грозя, закричитъ: «Дьяволъ твою душу побери! Я тебѣ голову проломаю!» Это были его точныя выраженія въ гнѣвѣ. Въ эти минуты тому, кто не знаетъ его коротко, онъ покажется страшнымъ. Но въ одну минуту гнѣвъ погасалъ, какъ молнія, и никогда ни одному слугѣ онъ не только «головы не проломалъ», но никто не видалъ, чтобы онъ тронулъ кого-нибудь щелчкомъ, даже чтобы мальчишку взялъ за ухо или за волосы. У него въ рукахъ и пріемовъ для драки не было... А грозенъ онъ бывалъ до комизма. Сидитъ, бывало, за столомъ: случится иногда, что супъ пересоленъ или жаркое пережарено.—«Малый,—закричитъ онъ грозно:—подай палку»! У него была дубинка съ круглой головкой, сопровождавшая его въ прогулкахъ. Малый, иногда лѣтъ пятидесяти или шестидесяти, стоявшій въ числѣ трехъ или четырехъ такихъ-же малыхъ съ тарелками за нашими стульями, а лѣтомъ махавшихъ надъ нашими головами вѣтвями отъ мухъ,—малый приносилъ дубинку.

— Поди, дай понюхать Акимкѣ (повару)!— приказывалъ Якубовъ,—и скажи, что онъ отвѣдаетъ этого кушанья, если опять пересолитъ супъ».

Малый серьезно выслушивалъ приказаніе и шелъ въ кухню къ Акимкѣ съ дубинкой. Неизвѣстно, давалъ-ли онъ понюхать ее...»

Неправда-ли, милая сцена? Просвѣщенный человѣкъ, масонъ—слѣдовательно признающій равенство между людьми, морякъ, побывавшій не разъ въ Европѣ, даетъ своему повару понюхать палку точно собакѣ. Гончаровъ однако нисколько не возмущается. Его разсказъ исполненъ благодушія; онъ пытается даже философствовать

и оправдываетъ самодурныя выходки Якубова съ точки зрѣнія «исторической перспективы». Тогда, молъ, всѣ такъ дѣлали.

Очевидно, ничего злого, негодующаго, раздраженнаго не осталось у него на душѣ въ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ. Немножко скучное, однообразное, но спокойное и убаюкивающее, какъ мягкая, чистая колыбель,—оно образовало его характеръ, его малоподвижную лѣнивую натуру и вмѣстѣ съ тѣмъ оказало ему неоцѣненную услугу, снабдивъ его на всю жизнь запасомъ рѣзко опредѣленныхъ, художественныхъ цѣлостныхъ впечатлѣній.

Элементарное образованіе Гончаровъ получилъ въ городскихъ частныхъ пансіонахъ, между прочимъ у одного священника, жившаго по сосѣдству въ имѣніи княгини Хованской и содержавшаго особенный пансіонъ для дѣтей мѣстныхъ дворянъ. Это былъ человѣкъ образованный, окончившій курсъ въ казанской духовной академіи, обладавшій щеголеватою внѣшностью и хорошими манерами. Женатъ онъ былъ на француженкѣ, которая преподавала воспитанникамъ мужа свой родной языкъ. Въ этомъ оригинальномъ пансіонѣ Гончаровъ нашелъ и небольшую разрозненную библіотеку, гдѣ попались ему въ руки путешествія Кука и Крашенинникова, Мунго Парка и Палласа, Карамзинъ и Голиковъ, Роллинъ и Малотъ, произведенія Нахимова и Расина, Ломоносова, Державина и Тасса и любимыя книги того времени: мрачные романы Ратклифъ, «*Саксонскій Разбойникъ*», томикъ «*Ключи къ таинствамъ природы*» Эккартсгаузена, «*Бова Королевичъ*» и «*Еруслань Лазаревичъ*». Все это было поглощено сразу, безъ передышки и не давало спать ребенку по ночамъ. Фантазія разгулявалась, разбѣгалась, залетала вмѣстѣ съ Кукомъ на Сандвичевы острова, въ Камчатку вмѣстѣ съ Крашенинниковымъ, въ парижскіе театры вмѣстѣ съ Карамзинымъ, въ притоны разбойниковъ—съ Ратклифъ. Мысль послушно слѣдовала за воображеніемъ, безсильная руководить имъ и довольная подъ его игомъ. Ничего яснаго, опредѣленнаго не давало чтеніе, но дразнило и раздражало мечту, заставляло любить покой, уединеніе и цвѣтную игру пробужденнаго чувства. Хорошо было забраться куда-нибудь на чердакъ или въ глубину сада, скрыться отъ чужихъ глазъ, поудобнѣе улечься или усѣсться и съ замираніемъ сердца слѣдить за вереницей навѣянныхъ книгами образовъ, то пугаясь ихъ, то простирая къ нимъ руки...

Въ 1822 году, 10-ти лѣтъ отъ роду, Гончарова отвезли въ Москву для дальнѣйшаго образованія и помѣстили въ одно изъ среднихъ заведеній, предназначенныхъ, разумѣется, исключительно для

дворянъ. Такимъ образомъ для мальчика началась жизнь внѣ семейнаго круга; домой съ этихъ поръ онъ пріѣзжалъ лишь на лѣто, остальное-же время проводилъ въ столицѣ. Продолжая среди ученія читать, что ни попадало подъ руку, онъ успѣлъ познакомиться съ французскими беллетристами, перевелъ даже на русскій языкъ одинъ романъ Сю, отрывокъ котораго былъ помѣщенъ въ «Телескопѣ» за 1832 годъ.

Поэзія жизни попрежнему сосредоточивалась въ чтеніи, и притомъ въ безпорядочномъ чтеніи фантастическихъ вещей вродѣ «Агасфера» или «Графа Монтекристо». Нужна очень талантливая и здоровая натура, чтобы выдержать, тѣмъ болѣе въ неограниченномъ количествѣ, такую приторную умственную пищу. Какъ не растерять среди «привидѣній и приключеній» здороваго чувства дѣйствительности, вниманія къ окружающему, интереса къ правдѣ жизни. Сказки, романы, баллады уложили на кровать и погрузили въ мечтательное бытіе не одного русскаго человѣка съ задатками Обломова, но Гончаровъ устоялъ, хотя и далеко не совсѣмъ. Пристрастіе къ дряблой мечтательности постепенно развивалось и укрѣплялось въ немъ.

8 лѣтъ средне-учебнаго заведенія прошли незамѣтно, безъ особенной пользы и безъ особеннаго вреда. Мальчикъ превратился въ юношу и въ 1830 г., 18-ти лѣтъ отъ роду, былъ готовъ къ поступленію въ университетъ, но такъ какъ по случаю холеры университетъ былъ закрытъ, то ему пришлось держать вступительный экзаменъ лишь въ 1831 г. По его собственнымъ словамъ, онъ въ это время зналъ порядочно по-французски, по-нѣмецки, отчасти по-англійски и по-латыни; переводилъ Корнелія Непота à livre ouvert и слѣдовательно безъ всякой гордости и самомнѣнія могъ считать себя достойнымъ слушать лекціи. Не тутъ-то было. До сей поры отъ вступающаго въ университетъ требовалось знакомство лишь съ однимъ изъ мертвыхъ языковъ, именно латынью, но вдругъ потребовали и знанія греческаго. Ожидалось слѣдовательно избіеніе младенцевъ.

«Я и другіе, — разсказываетъ Гончаровъ, — кто поступалъ въ словесное отдѣленіе, бросились на пеструю микроскопическую грамоту, напяли учителя и, отложивъ все прочее, напустились на грамматику и синтаксисъ и съ этимъ скуднымъ, пріобрѣтеннымъ съ грѣхомъ пополамъ, запасомъ явились на экзаменъ».

«Много воды подлилъ этотъ греческій языкъ въ мои теплыя надежды. Къ счастію все обошлось благополучно».

Благополучіе, разумѣется, было относительное. Гончаровъ немилосердно коверкалъ на экзаменѣ ударенія, послѣ каждаго переведеннаго слова слышалъ профессорское «не такъ, не такъ» и самъ удивился, почему его все-же признали «достойнымъ» даже по части эллинской премудрости, бывшей, кстати сказать, до той поры исключительнымъ достояніемъ семинаристовъ.

Двери университета распахнулись широко и гостепріимно.

«Мы, юноши,—пишетъ онъ—полвѣка тому назадъ смотрѣли на университетъ, какъ на святилище, и вступали въ его стѣны со страхомъ и трепетомъ».

«Нашъ университетъ въ Москвѣ былъ святилищемъ не для однихъ насъ учащихся, но и для ихъ семействъ, и для всего общества. Образованіе, вынесенное изъ университета, цѣнилось выше всякаго другого. Москва гордилась своимъ университетомъ, любила студентовъ, какъ будущихъ, самыхъ полезныхъ, можетъ быть громкихъ, блестящихъ дѣятелей общества. Студенты гордились своимъ званіемъ и дорожили занятіями, видя общую къ себѣ симпатію и уваженіе. Они важно расхаживали по Москвѣ, кокетничая своимъ званіемъ и малиновыми воротниками. Даже простые люди, и тѣ при встрѣчахъ ласково провожали глазами юношей въ малиновыхъ воротникахъ. Я не говорю объ исключеніяхъ. Въ разносословной и разнохарактерной толпѣ, при различіи воспитанія, нравовъ и привычекъ, являлись конечно и малоподготовленные къ серьезному ученію, и дурновоспитанные молодые люди, и просто шалуны и повѣсы. Иногда пробѣгали въ городѣ — впрочемъ рѣдкіе — слухи о шумныхъ пирушкахъ въ трактирѣ, о шалостяхъ вродѣ напримѣръ перемѣны ночью вывѣсокъ у торговцевъ или задорныхъ пререканіяхъ съ полиціей и т. п. Но большинство студентовъ держало себя прилично и дорожило симпатіями общества».

«Эти симпатіи вливали много тепла и свѣта въ жизнь университетскаго юношества. Духъ юноши поднимался; онъ расцвѣталъ подъ лучами свободы, падшими на него послѣ школьной или домашней педагогической неволи. Онъ совершалъ первый сознательный актъ своей воли, приходилъ въ университетъ самъ, его не отдаютъ родители, какъ въ школу. Нѣтъ школьной методы преподаванія, не задаютъ уроковъ, никто не контролируетъ употребленія имъ его часовъ, дней, вечеровъ и ночей».

Темныя пятна университетской жизни легко — особенно для Гончарова — скрашивались молодостью. Случился напримѣръ такой эпизодъ. Профессоръ Давыдовъ открылъ курсъ по исторіи фи-

лософіи; на его лекціяхъ между прочимъ присутствовалъ пріѣзжій изъ Петербурга флигель-адъютантъ, и вслѣдствіе его донесенія лекціи въ самомъ началѣ были закрыты. «Говорили, что въ нихъ проявлялось свободомысліе, противное не знаю чему». Фактъ непріятный, но что онъ значитъ среди разгула молодыхъ силъ, жажды познанія и овладѣвшаго юношей чувства свободы, независимости?.. Гончаровъ искренне сознавалъ себя членомъ «маленькой ученой республики, надъ которой простиралось вѣчно-ясное небо, безъ тучъ, безъ грозъ и безъ внутреннихъ потрясеній, безъ всякихъ исторій, кромѣ всеобщей и россійской, преподаваемыхъ съ каоедръ».

Онъ слушалъ лекціи Каченовскаго, Надеждина, Шевырева, Погодина, Давыдова и друг. и обо всѣхъ сохранилъ благодарное воспоминаніе. Возьмите напримѣръ его характеристику Каченовскаго, этой притчѣ во языцѣхъ того времени и жертвы безчисленныхъ злыхъ эпиграммъ Пушкина, и вы увидите, какъ нетребователенъ былъ Гончаровъ къ своимъ профессорамъ и какъ мало было нужно, чтобы сдѣлать его довольнымъ.

«Каченовскій—говоритъ онъ—былъ тонкій аналитическій умъ, скептикъ въ вопросахъ науки и отчасти, кажется, во всемъ. При этомъ строго справедливый и честный человѣкъ. Онъ читалъ русскую исторію и статистику, но у него была масса познаній по всѣмъ частямъ. Онъ зналъ древніе и новые языки, иностранныя литературы, но особенно обширны были его познанія въ исторіи и во всемъ, что входитъ въ ея сферу — археологіи и проч. Любимая его часть въ исторіи была этнографія. Особенную симпатію онъ питалъ къ польскимъ историкамъ и лѣтописцамъ. И томилъ-же онъ насъ подробностями происхожденія однихъ народовъ и племенъ отъ другихъ. До сихъ поръ иногда будто слышишь его разсказы о развѣтвленіяхъ народовъ, болѣе всего—о финскихъ племенахъ, далѣе о печенѣгахъ, о половцахъ, о торкахъ, берендѣяхъ, черныхъ клобукахъ, о томъ, что сѣверные и южные славяне никакъ не одно, а два различныя племени, сошедшіяся съ противоположныхъ сторонъ, съ сѣвера и съ юга и т. д.»...

Почти также отзывается Гончаровъ и о другихъ профессорахъ. Онъ, кажется, единственный человѣкъ, сохранившій благодарное воспоминаніе о Шевыревѣ. «А тутъ еще—пишетъ онъ—Шевыревъ, тогда молодой, свѣжій человѣкъ, принесъ намъ свой тонкій и умный критическій анализъ чужихъ литературъ, начиная съ древнѣйшихъ—индійской, еврейской, арабской, греческой—до новѣйшихъ западныхъ литературъ».

Неизвѣстно, получалъ-ли Гончаровъ какія-нибудь награды въ университетѣ, но несомнѣнно, что онъ имѣлъ полное право на полученіе чего-нибудь вродѣ медали или диплома съ надписью: «преуспѣвающему». Это былъ образцовый студентъ. Онъ почти не пропускалъ лекцій, самъ постоянно записывалъ за профессорами и не вмѣшивался ни во что, прямо его не касавшееся.

Онъ сторонился кружковъ, тѣхъ по крайней мѣрѣ, которые особенно шумѣли въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Въ университетѣ онъ засталъ еще Герцена и Огарева, товарищей Станкевича, но ни съ кѣмъ изъ нихъ онъ не былъ даже знакомъ. Онъ встрѣчался съ Лермонтовымъ лишь въ аудиторіи и нисколько не жалѣлъ даже о томъ, что ни разу не слыхалъ бурныхъ рѣчей Константина Аксакова.

Умственное движеніе или, лучше сказать, возбужденіе не могло не коснуться его, но оно не вылилось ни въ какую опредѣленную форму. Онъ никогда не стоялъ на колѣняхъ передъ Гегелемъ, не считалъ пророкомъ Сенъ-Симона, не думалъ о политическихъ преобразованіяхъ, не участвовалъ въ пирушкахъ, на которыхъ разбирались и притомъ, разумѣется, съ радикальнѣйшей точки зрѣнія вопросы религіи и нравственности. Свой университетскій курсъ Герценъ назвалъ «кипѣніемъ». Этого-то кипѣнія, этой-то страстной восторженности не было у Гончарова. Онъ много читалъ и учился, не пренебрегая программами, лекціями, указаніями профессоровъ. Онъ учился «почтительно», безъ желанія идти непремѣнно своей дорогой, безъ юношеской самонадѣянности, безъ пристрастія къ запрещеннымъ плодамъ. Онъ дышалъ полною грудью, но лишь въ атмосферѣ обычныхъ студенческихъ впечатлѣній и занятій. Онъ не очаровывался слишкомъ, чтобы не имѣть впослѣдствіи надобности разочароваться.

* * *

Наконецъ университетъ пройденъ. Въ іюнѣ 1834 г. послѣ выпускныхъ экзаменовъ бывшіе студенты, а теперь кандидаты, какъ птицы, разлетѣлись въ разныя стороны, чтобы потомъ, въ большинствѣ случаевъ, и не встрѣчаться болѣе никогда въ жизни. Гончаровъ съ братомъ уѣхалъ домой на Волгу, въ Симбирскъ.

«Университетскій оффиціальный курсъ — говоритъ онъ — кончился, но вліяніе университета продолжалось. Потерявъ изъ виду своихъ товарищей-словесниковъ, я не забывалъ профессоровъ и ихъ указаній. Потомъ, въ Петербургѣ, тщательно изучая иностранныя литературы, я уже регулировалъ свои занятія по тому методу и по

тѣмъ указаніямъ, которые преподали намъ въ университетѣ наши любимые профессора».

«И какъ не благодарить за безчисленные ключи, которые эти учителя намъ давали къ уразумѣнію всѣхъ европейскихъ, греческихъ, римскихъ и новыхъ западныхъ произведеній ума и фантазіи, по лучшимъ старымъ и современнымъ критическимъ оцѣнкамъ, независимо отъ своей собственной. Долго безъ такихъ умныхъ истолкователей пришлось бы намъ потомъ самостоятельнымъ путемъ открывать глаза на библейскихъ пророковъ, на произведенія индійской поэзіи, на эпопеи Гомера, Данта, на Шекспира — до новѣйшихъ французской, нѣмецкой, англійской литературъ, словомъ,—на все, что мы читали по ихъ указанію тогда и что дочитывали послѣ нихъ. Глубокій и благодарный поклонъ ихъ памяти!»

II.

На родинѣ.

Нарисовать портретъ университанта 30-хъ годовъ, особенно ихъ начала, когда еще не чувствовалась въ области преподаванія строгая ферула,—не трудно. Всѣ эти университанты въ большей или меньшей степени одно лицо. Обстоятельства и духъ времени положили на всѣхъ ихъ однообразный отпечатокъ, нисколько впрочемъ не стѣсняя ихъ личной свободы. Были въ то время общепризнанные кумиры, общіе интересы. Пушкинъ напр., одинаково какъ для Тургенева, Аксакова, Станкевича и Герцена, такъ и для Гончарова, являлся «полубогомъ». Преклоненіе передъ нимъ было догматомъ, символомъ вѣры, отступать отъ чего казалось преступнымъ. Одинаково среди молодежи господствовала, да и не могла не господствовать, дореформенная, барская точка зрѣнія на жизнь. Никто не стремился получать практическія свѣдѣнія, всѣ боялись ремесла и бѣгали его. Университетъ готовилъ своихъ птенцовъ не столько къ жизни, къ дѣйствительности, къ работѣ, сколько къ наслажденію жизнью, къ умственнымъ вакханаліямъ, къ благороднымъ и возвышеннымъ чувствамъ. Цѣнилось лишь гуманитарное, очеловѣчивающее вліяніе лекцій и книгъ, и такая точка зрѣнія считалась единственно возможной и законной. Гончаровъ, напр. помѣщикъ, владѣлецъ стольких-то и стольких душъ, и не думаетъ даже по окончаніи университета приняться за агрономію или вообще сельское хозяйство. Это не барское дѣло. Вмѣсто него онъ раскрываетъ лекціи Шевырева, погружается въ Шекспира и Данта, декламируетъ Шиллера и восторгается Тассомъ.

Тридцатые и сороковые годы—періодъ умственнаго развитія нашего стараго барства. На всѣхъ поприщахъ дѣятельности выдвинуло оно первостепенныя дарованія, особенно же въ области художественной литературы. Разночинецъ лишь съ великимъ трудомъ

пробивалъ себѣ дорогу, то падая, какъ Полевой, то задыхаясь, какъ Бѣлинскій, то нищенствуя, какъ Некрасовъ.

Старое барство торжествовало, переживая лучшую пору восторговъ, романтизма, идеализма, несбыточныхъ утопій и не всегда безопасныхъ мечтаній. Среди этой поры университетскіе годы занимали центральное мѣсто. Молодость, здоровье, матеріальная обезпеченность, свобода отъ какихъ-бы то ни было обязательствъ —да что-же лучше этого? Гнетущій призракъ нищеты не тревожилъ большинства; можно было смѣло съ полнымъ сознаніемъ своего права проводить дни и ночи въ отвлеченныхъ разговорахъ о красотѣ и гармоніи, о Пушкинѣ и Шекспирѣ, читать и декламировать Шиллера. Жизнь предстояла широкая, а обычный для того времени отдыхъ въ деревнѣ послѣ выпускныхъ экзаменовъ дѣлалъ такимъ легкимъ и пріятнымъ переходъ отъ студенческой республики въ «настоящую жизнь».

«Меня—пишетъ Гончаровъ—охватило, какъ паромъ, домашнее баловство. Многіе изъ читателей конечно испытывали сладость возвращенія, послѣ долгой разлуки, къ роднымъ и поймутъ, что я на первыхъ порахъ весь отдался сладкой нѣгѣ ухода, внимательности. Домашніе не даютъ пожелать чего нибудь; все давно готово, предусмотрѣно. Кромѣ семьи, старые слуги, съ нянькой во главѣ, смотрятъ въ глаза, припоминаютъ мои вкусы, привычки, гдѣ стоялъ мой письменный столъ, на какомъ креслѣ я всегда сидѣлъ, какъ постлать мнѣ постель. Поваръ припоминаетъ мои любимыя блюда и всѣ не наглядятся на меня».

Здѣсь, въ «милой Обломовкѣ», дѣйствительно можно было отдохнуть, освѣжиться. Ничто не тревожило мысли, не раздражало ея, ничто не давало особенно сильныхъ толчковъ. Жизнь даже не катилась, а просто лежала себѣ на пуховикахъ и перинахъ,—жизнь сытая, довольная, немного позѣвывающая, но не знающая ни тоски, ни метанія, ни угрызеній совѣсти. Тѣ же самыя впечатлѣнія повторялись изо дня въ день, изъ году въ годъ, безъ всякой замѣтной перемѣны. «Кажется, вотъ и коза та-же самая, которую я видѣлъ въ дѣтствѣ»—замѣтилъ съ улыбкой Гончаровъ, обозрѣвая по возвращеніи домой родныя палестины.

Правда, все было «то же самое», примелькавшееся глазу. Старый домъ стоялъ еще молодцомъ, на кухнѣ попрежнему съ самаго утра и до поздняго вечера раздавался хлопотливый стукъ ножей, тяпокъ, скалокъ; дворовые слуги одни постарѣли, другіе возмужали, на задворкахъ подрастало новое поколѣніе дворни, готовое замѣнить сво-

ихъ предшественниковъ, чтобы идти по ихъ слѣдамъ подобострастія, лѣни и пьянства.

Только Якубовъ замѣтно приближался къ концу, хотя и бодрился. Но лѣнь и бездѣлье подтачивали его силы. Къ своимъ крестникамъ онъ сталъ еще добрѣе, еще ласковѣе и ни какъ не могъ привыкнуть къ мысли, что они уже большіе.

Суровая атмосфера николаевскаго режима почти не ощущалась въ симбирскомъ захолустьѣ, и въ этомъ отношеніи историкъ можетъ отмѣтить только тотъ фактъ, что присланный сюда жандармскій полковникъ всюду бывалъ, со всѣми разговаривалъ и игралъ вообще замѣтную роль въ салонахъ и гостиныхъ. Бывшіе масоны, какъ Якубовъ, побаивались его, хотя и безъ всякаго основанія.

Цѣлый годъ прожилъ Гончаровъ на родинѣ на подножномъ корму, отдыхалъ, веселился, немного служилъ, лучше сказать, присматривался къ службѣ. Онъ самъ разсказалъ намъ объ этомъ времени въ своихъ воспоминаніяхъ, подъ названіемъ «На родинѣ»—воспоминаніяхъ великолѣпныхъ по стилю и выдержанности тона, но, къ сожалѣнію, не совсѣмъ пригодныхъ, какъ біографическій матеріалъ: Гончаровъ по своей привычкѣ всегда соединялъ Wahrheit und Dichtung (правду и выдумку); въ его обобщающемъ, склонномъ къ широкому захвату жизненныхъ явленій умѣ фигуры и образы постоянно стремились преобразоваться въ типы.

Провинціальныя впечатлѣнія, несмотря на все свое однообразіе, были пріятны для молодого кандидата. Университетское образованіе, столичныя манеры, неизбѣжный французскій языкъ, состоятельность, все это давало ему доступъ въ «лучшіе дома». Жили тогда широко, весело, а главное совершенно безпечно. Балы и рауты смѣняли одинъ другой; можно было и просто, безъ всякаго спеціальнаго повода являться куда угодно, въ полной увѣренности, что тебя привѣтливо встрѣтятъ, обласкаютъ и уже, разумѣется, накормятъ,—обрядъ, безъ котораго въ тѣ времена было совершенно немыслимо дворянское гостепріимство. Да и что было дѣлать съ этими возами куръ, телятъ, поросятъ, всяческихъ соленій и копченій, которые каждую осень цѣлыми обозами тянулись въ губернскій городъ, чтобы наполнить кладовыя и погреба помѣщичьихъ домовъ? Сбывать все это было некуда, и гостепріимство пышно расцвѣтало на почвѣ дароваго труда.

Какъ стоящему на линіи жениха, молодому Гончарову приходилось, разумѣется, особенно часто бывать въ семейныхъ домахъ, куда его зазывали всяческими способами. Тутъ онъ велъ дипломатическіе

разговоры съ маменьками о прелестяхъ семейной жизни, танцовалъ до упаду съ дѣвицами, прилагая однако всѣ усилія, чтобы не показать кому-нибудь предпочтенія. Это было просто необходимо по чувству самосохраненія. Каждый лишній взглядъ, лишняя кадриль и мазурка непремѣнно немедленно вызывали комментаріи, предположенія, чуть ли даже не поздравленія. «А вы, кажется, очень увлекаетесь Наденькой N или Лизой М... Да? Признайтесь»,—спрашивали у Гончарова на другой же день послѣ какого-нибудь бала. По неопытности, онъ краснѣлъ и давалъ себѣ слово быть впредь сугубо осторожнымъ.

Дворянскіе выборы составляли обыкновенно эпоху сезона. Всѣ помѣщики, даже совершенно осидѣвшіеся въ деревняхъ, считали своей обязанностью быть непремѣнно на мѣстѣ дѣйствія, и какія странныя лица, какія давнымъ давно похороненые прически, парики, костюмы пестрили въ это время обычное губернское общество. Можно было видѣть еще александровскіе или даже екатерининскіе мундиры, слышать разговоры о матушкѣ-царицѣ, бесѣдовать съ людьми, лично знавшими Карамзина еще юношей и глубоко гордившимися тѣмъ, что знаменитый авторъ «Исторіи государства Россійскаго»—тоже симбирскій уроженецъ и помѣщикъ. Жизнь оживлялась. Балы и рауты достигали своей кульминаціонной точки. Общество поневолѣ держалось вмѣстѣ, такъ какъ ни клубовъ, ни ресторановъ тогда еще не знали, и всякое празднество поневолѣ принимало характеръ семейный, съ участіемъ дамъ и дѣвицъ. Даже обычная сплетня принимала нѣсколько возвышенный характеръ. Всѣхъ интриговалъ вопросъ, кто-же будетъ предводителемъ дворянства—NN или MM? А вѣдь какъ это важно! По словамъ одного современника, на предводителѣ дворянства лежали слѣдующія три первостепенныя обязанности: во-первыхъ, блюсти интересы дворянскіе, во-вторыхъ, задавать такіе лукулловскіе обѣды, о которыхъ можно было-бы говорить втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и въ-третьихъ, постоянно пикироваться съ губернаторомъ...

Такъ шли дни. Гончаровъ веселился, ведя жизнь свѣтскаго молодого человѣка. Онъ не задумывался, да и нечего было ему задумываться о будущемъ. Если когда и приходила мысль о немъ, то оно представлялось единственно подъ видомъ службы. Но казалось, что это еще далеко впереди, и только случай поторопился ускорить наступленіе этой жизненной для дворянина средней руки необходимости.

Дѣлая по совѣту и настоянію Якубова визиты всѣмъ губернскимъ

звѣздамъ, Гончаровъ, разумѣется, прежде всего побывалъ у губернатора. Приняли его очень хорошо: губернаторъ съ нимъ пошутилъ, губернаторша поговорила о столицѣ, губернаторская дочка сыграла нѣсколько романсовъ на клавесинахъ и очень мило покраснѣла нѣсколько разъ. Просили бывать еще, и мало-по-малу Гончаровъ сталъ своимъ человѣкомъ въ губернаторскомъ домѣ. Самъ губернаторъ пускался даже въ откровенность.

Это былъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ, безполезно даровитыхъ людей добраго стараго времени. Изъ родовитыхъ, хотя и небогатыхъ дворянъ, онъ былъ сначала лихимъ корнетомъ, совершалъ заграничные походы и вся его молодая жизнь какъ нельзя лучше укладывается въ немногія строки поэмы Лермонтова «Казначейша»:

«Онъ все отцовское имѣнье
Еще корнетомъ прокутилъ,
Съ тѣхъ поръ дарами провидѣнья,
Какъ птица Божія, онъ жилъ.
Онъ, спать ложась, привыкъ не вѣдать,
Чѣмъ будетъ завтра пообѣдать...
Шатаясь по Руси кругомъ,
То на курьерскихъ, то верхомъ,
То полупьянымъ ремонтеромъ,
То волокитой отпускнымъ,
Привыкъ онъ къ случаямъ такимъ,
Что я бы самъ почелъ ихъ вздоромъ,
Когда бы всѣ его слова
Хоть тѣнь имѣли хвастовства.
. . . . . .
Бывало въ дѣлѣ, подъ картечью,
Всѣхъ насмѣшитъ надутой рѣчью,
Гримасой, фарсой площадной
Иль неподдѣльной остротой.
Шутя, однажды, послѣ спора
Всадилъ онъ другу пулю въ лобъ;
Шутя, и самъ онъ легъ-бы въ гробъ
Иль сталъ душою заговора;
Порой, незлобенъ какъ дитя,
Былъ добръ и честенъ, не шутя»...

Словомъ, онъ былъ однимъ изъ «славныхъ добрыхъ лицъ», жившихъ въ далекое славное доброе время, какъ птицы небесныя, и спивавшихся совершенно съ круга, если не брались во время за разумъ. Но это послѣднее было, разумѣется, подъ силу лишь немногимъ, и къ этимъ то немногимъ и принадлежалъ симбирскій губернаторъ—Углицкій, о которомъ у насъ и идетъ рѣчь. Проживши все еще кор-

нетомъ, онъ пошелъ по административной части и на этомъ поприщѣ неисповѣдимыми путями добился губернаторскаго мѣста. Провидѣніе очевидно не оставляло его своимъ вниманіемъ ни подъ вражескими пулями, ни въ департаментѣ министерства. Что было въ Углицкомъ необходимаго для губернаторскаго поста — сказать трудно и едва ли даже возможно. Онъ бойко и красиво писалъ бумаги, ловко выдвигая процвѣтанія и отрадные факты, отличался безукоризненными манерами и знаніемъ французскаго языка, а также представительностью. Бонвиванъ, острякъ и неизмѣнно добродушный малый, онъ былъ незамѣнимъ въ холостой компаніи за бутылкой хорошаго вина. Анекдоты — обыкновенно пикантныя, шутки сыпались изъ него, какъ изъ рога изобилія. Слушать его пустую, но красивую болтовню было просто наслажденіемъ, потому что художественная жилка билась въ немъ постоянно и замѣтно. Да и было что поразсказать.

Онъ не былъ тѣмъ, что волокитой
У насъ привыкли называть;
Онъ не ходилъ тропой избитой,
Свой путь умѣя прокладать;
Не дѣлалъ страстныхъ изъясненій,
Не становился на колѣни,
А не смотря на то, друзья,
Счастливѣй былъ, чѣмъ вы да я.

Сдѣлавшись помадуромъ, Углицкій сталъ, разумѣется, сдержаннѣе; но ни для кого не были тайной его сластолюбивыя наклонности, и ими пользовались обязательно всѣ, нуждавшіеся въ исключительныхъ милостяхъ.

Совершенно искренне Углицкій причислялъ себя къ просвѣщеннымъ администраторамъ и имѣлъ для этого развѣ то основаніе, что не былъ бурбономъ вродѣ Тюфяева, не билъ нагайкой просителей, не напивался пьянъ до безчувствія. Но просвѣщенность нисколько не мѣшала ему брать взятки, и онъ бралъ ихъ не меньше другихъ, хотя и съ гораздо большей деликатностью. Гончарова, по его собственному признанію, на первыхъ порахъ очень удивляло то обстоятельство, что въ какую бы игру ни садился играть Углицкій съ откупщикомъ — проигрывалъ всегда послѣдній. За разъясненіемъ такого страннаго обстоятельства Гончаровъ, по юношеской наивности, обратился къ чиновнику особыхъ порученій. Тотъ въ отвѣтъ только улыбнулся.

Какъ просвѣщенный администраторъ, Углицкій былъ не чуждъ преобразовательныхъ наклонностей. Однажды напр. ему вздумалось искоренить взяточничество! Пылкое воображеніе, всегда быв-

шее къ услугамъ Углицкаго, представляло ему это дѣло «не очень даже труднымъ». Стоило только серьезно захотѣть, прогнать кое кого изъ старыхъ служакъ, замѣнить ихъ молодыми, образованными чиновниками, и Симбирская губернія могла бы явить образецъ безкорыстія. На словахъ выходило все такъ хорошо, что, слушая Углицкаго, Гончаровъ увлекся и отчасти даже повѣрилъ въ возможность симбирской добродѣтели. «Вы—да я, вотъ уже двое насъ»—говорилъ ему губернаторъ и немедленно-же предложилъ ему мѣсто дѣлопроизводителя своей канцеляріи.

Легко догадаться, что̀ изъ всего вышло. Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подъ-рядъ Гончаровъ аккуратно являлся на службу и «исполнялъ бумаги». Какъ нельзя ближе сошелся онъ съ губернаторомъ, къ которому ежедневно являлся съ докладомъ, и его семействомъ, принавыкъ къ чиновничьей рутинѣ, но взяточничество—увы!—осталось неискорененнымъ. Несчастье продолжало преслѣдовать откупщика во время игры съ Углицкимъ, а въ то, что̀ дѣлалось пониже—въ крестьянскихъ и иныхъ присутствіяхъ,—попрежнему страшно было и заглянуть.

Отъ перваго служебнаго опыта у Гончарова сохранилось нѣсколько, если и не особенно пріятныхъ, за то художественныхъ воспоминаній и впечатлѣній. Въ портретной галлереѣ русскихъ губернаторовъ портретъ Углицкаго, нарисованный Гончаровымъ, по своей типичности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Наивный, легкомысленный, блестящій и безполезно даровитый, Углицкій.

Любителю всякихъ шарадъ и загадокъ предоставляется рѣшить вопросъ, кто полезнѣе для отечества, симбирскій ли губернаторъ съ его проектомъ искорененія взяточничества, или бурбонъ и служака вродѣ Тюфяева, съ которымъ насъ познакомилъ другой громадный литературный талантъ земли русской?..

III.

Въ Петербургѣ.—Начало литературной дѣятельности.

Въ 1835 г. Углицкій, по чьему-то доносу, былъ отозванъ изъ Симбирска и отправился въ Петербургъ «оправдываться». Вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ и Гончаровъ. Онъ покидалъ родное гнѣздо, какъ оказалось, навсегда — безъ особенныхъ сожалѣній, но съ любовію къ нему, глубоко, на всю жизнь запавшей въ душу. Пришлось ему одинаково въ послѣдній разъ проститься и со старикомъ Якубовымъ.

Въ Петербургѣ Гончаровъ поступилъ на службу по министерству финансовъ въ департаментъ внѣшней торговли, сначала переводчикомъ, потомъ столоначальникомъ. Въ сущности это была его настоящая дорога. По своему ровному характеру, по даннымъ своей малоподвижной натуры — онъ легко укладывалъ свою жизнь и свое времяпрепровожденіе въ рамкѣ чиновничьяго существованія. Его не тяготила канцелярская атмосфера, какъ тяготила она Тургенева,—нѣсколько позже И. Аксакова; онъ никогда не зналъ слишкомъ стремительныхъ преобразовательныхъ порывовъ юности. «Исполненіе бумагъ» онъ принималъ, какъ должное и необходимое. Потянулась ровная жизнь, которую неособенно волновало даже честолюбіе.

Впрочемъ, по нѣкоторымъ намекамъ, вырвавшимся у самого Гончарова, можно заключить, что въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ находился еще въ періодѣ романтическихъ увлеченій. Въ свободные отъ службы часы онъ занимался переводами изъ Шиллера, Гете, Винкельмана и англійскихъ романистовъ. Но о самостоятельномъ творчествѣ онъ повидимому еще не думалъ. Это пришло позже, въ началѣ сороковыхъ годовъ.

«Періодъ романтизма» Гончаровъ закрѣпилъ въ первомъ своемъ романѣ, «Обыкновенной исторіи». «Когда я писалъ «Обыкновенную исторію»,— говоритъ онъ,— я конечно имѣлъ въ виду и себя, и многихъ подобныхъ мнѣ, учившихся дома или въ университетѣ, жив-

шихъ по затишьямъ, подъ крыломъ добрыхъ матерей и потомъ отрывавшихся отъ нѣги, отъ домашняго очага со слезами, съ проводами (какъ въ первыхъ главахъ «Обыкновенной Исторіи») и являвшихся на главную арену дѣятельности въ Петербургѣ».

«Главная арена дѣятельности» оказывалась, разумѣется, совершенно не такой, какой воображали ее всѣ юные воспитанники всевозможныхъ Обломовокъ. Они ѣхали въ столицу съ томомъ Шиллера въ карманѣ, съ сувениромъ отъ хорошенькой сосѣдки, съ мечтами о вѣчной любви и дружбѣ,—ѣхали избалованные, откормленные, веселые. Петербургъ безцеремонно обдавалъ ихъ холодной водой, и въ результатѣ получалась «Обыкновенная Исторія», которую одинаково справедливо можно было-бы назвать «обыкновенной трагедіей».

Но объ этомъ ниже, пока же посмотримъ на тотъ біографическій элементъ, который заключается въ романѣ. Замѣтимъ прежде всего, что самъ Гончаровъ не былъ склоненъ такъ мрачно смотрѣть на «Обыкновенную исторію». Напротивъ даже. Разъясняя ея мысль, онъ говоритъ:

«И здѣсь—въ встрѣчѣ мягкаго, избалованнаго лѣнью и барствомъ мечтателя-племянника и практическимъ дядей—выразился намекъ на мотивъ, который едва только началъ раскрываться въ самомъ бойкомъ центрѣ—въ Петербургѣ. Мотивъ этотъ —слабое мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, нерутиннаго, а живого дѣла, въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ.

«*Это отразилось въ моемъ маленькомъ зеркалѣ — въ среднемъ чиновничьемъ кругу*. Безъ сомнѣнія то-же, въ такомъ-же духѣ, топѣ и характерѣ, только другихъ размѣровъ, раскрывалось и въ другихъ высокихъ и низкихъ сферахъ русской жизни.

«Представитель этого мотива въ обществѣ былъ дядя: онъ достигъ значительнаго положенія въ службѣ, онъ—директоръ, тайный совѣтникъ и кромѣ того онъ сдѣлался и заводчикомъ. Тогда отъ 20-хъ до 40-хъ годовъ это была смѣлая новизна, чуть не униженіе. Тайные совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца—не было лестно.

«Въ борьбѣ дяди съ племянникомъ отразилась и тогдашняя только что начинавшаяся ломка старыхъ понятій и правовъ—сентиментальности, карикатурнаго преувеличенія чувствъ дружбы и любви, поэзія праздности, семейная и домашняя ложь напускныхъ, въ сущности небывалыхъ чувствъ, пустая трата времени на визиты, ненужное гостепріимство и т. д.

«Словомъ, вся праздная, мечтательная и аффектаціонная сторона старыхъ нравовъ, съ обычными порывами юности—къ высокому, изящному, къ эффектамъ, съ жаждою высказать это въ трескучей прозѣ, всего болѣе въ стихахъ.

«Все это отживало, уходило; являлись слабые проблески новой зари, чего-то трезваго, дѣлового, нужнаго.

«Первое, т. е. старое, исчерпалось въ фигурѣ племянника и отъ того онъ вышелъ рельефнѣе, яснѣе.

«Второе, т. е. трезвое сознаніе необходимости дѣла, труда, знанія, выразилось въ дядѣ; но это сознаніе только нарождалось, показались первые симптомы, далеко было до полнаго развитія, и понятно, что начало могло выразиться слабо, неполно только кое-гдѣ въ отдѣльныхъ лицахъ и маленькихъ группахъ, и фигура дяди вышла блѣднѣе фигуры племянника».

Приходится сказать спасибо и за тѣ ничтожныя біографическія данныя, которыя вкраплены въ только что приведенныя строки. По словамъ самого Гончарова, «Обыкновенная исторія» отразила полосу его духовнаго развитія,—ту полосу, когда онъ изъ мечтателя и романиста превращался въ дѣловитаго чиновника. Въ этомъ превращеніи онъ видитъ побѣду трудового начала надъ началомъ сентиментальности, мечтательности и прочей глупости.

По тону романа, особенно-же по послѣднимъ его страницамъ видно, что, оглядываясь на свое «романтическое» прошлое. Гончаровъ нисколько не жалѣлъ его. Ни одного теплаго слова не вырвалось изъ подъ его пера. Онъ не хотѣлъ воскликнуть вмѣстѣ съ поэтомъ:

Верните мнѣ слезы, верните мнѣ муки,
Верните порывы и юность мою!..

Нѣтъ, съ чисто «гомерическимъ» благоразуміемъ примирился онъ съ роковымъ превращеніемъ идеалиста въ практика и лишь съ добродушной улыбкой могъ пересматривать тетради стиховъ и лежавшіе между страницами засохшіе желтые цвѣты,—цвѣты юношеской любви и увлеченій. А между тѣмъ когда и гдѣ совершилась такая метаморфоза?

Кромѣ «департамента внѣшней торговли», Гончаровъ принадлежалъ къ интеллигенціи сороковыхъ годовъ. Онъ былъ современникомъ Тургенева, Бѣлинскаго, Герцена, Огарева, К. Аксакова. На его глазахъ русская мысль переживала поистинѣ геологическій переворотъ, такъ какъ только теперь она вполнѣ сознательно спросила себя: «Зачѣмъ я существую?». Критика Бѣлинскаго, философія

Герцена, беллетристика Тургенева, проповѣдь Аксакова и славянофиловъ старались отвѣтить на этотъ вопросъ и рѣшить его ясно, сознательно, безповоротно. Мысль, творчество, взятыя сами по себѣ, въ своемъ процессѣ, какъ игра силъ, какъ источникъ личнаго наслажденія, перестали удовлетворять человѣка. Въ отвѣтъ на вопросъ: «Зачѣмъ я живу?»—Бѣлинскій отвѣчалъ: «Для блага общества» и во имя этого блага требовалъ труда отъ личности; того-же труда требовалъ Герценъ, какъ необходимаго условія сознанія человѣческаго достоинства. Славянофилы написали на своемъ знамени тогда еще новое, не затертое, не износившееся слово «народъ» и въ служеніи темной массѣ полагали свою жизненную цѣль.

Все это броженіе не коснулось Гончарова. Онъ не могъ не видѣть приближенія «новаго трудового начала», но видѣлъ это приближеніе лишь «отраженнымъ въ маленькомъ зеркалѣ, въ среднемъ чиновничьемъ кругу».

«Въ то время,—замѣчаетъ одинъ критикъ,—какъ Тургеневъ, войдя въ кружокъ Бѣлинскаго, вмѣстѣ съ послѣднимъ отрѣшался отъ романтизма путемъ философскаго мышленія и усвоенія широкихъ общественныхъ идеаловъ,—Гончаровъ тотъ-же самый процессъ совершилъ подъ вліяніемъ тайныхъ совѣтниковъ».

«La plus jolie fille ne peut donner plus qu'elle a»—говоритъ французская пословица. То-же примѣнимо и къ тайнымъ совѣтникамъ. «Это была среда бюрократическаго оппортюнизма, не чуждая либерализма въ самой умѣренной дозѣ, ратовавшая противъ крѣпостного права и стремившаяся къ европейскому прогрессу»...

Такую программу Гончаровъ воспринялъ и усвоилъ.

* * *

Выше я назвалъ «Обыкновенную исторію» «Обыкновенной трагедіей». По этому поводу надо объясниться.

Наивный романтикъ, Александръ Адуевъ, влюбленный въ стихи, луну и Шиллера, свято вѣрующій въ любовь, дружбу (непремѣнно вѣчную) и безкорыстіе людей, пріѣзжаетъ въ Петербургъ сороковыхъ годовъ изъ провинціальной глуши, изъ подъ крыла страстно любящей матери. Александръ влюбляется. Любовь измѣняетъ разъ, два, потомъ измѣняетъ дружба. Бѣдный романтикъ не выдерживаетъ, приходитъ въ отчаяніе. Эпилогъ слѣдующій: у бывшаго поклонника Шиллера—плѣшь, почтенное брюшко, начало геморроя, прекрасное жалованье и богатая невѣста. Отъ прежнихъ идеаловъ

ни слѣда. Онъ даже стыдится ихъ. «Ты, кажется, идешь по моимъ слѣдамъ?» спрашиваетъ его дядя, только что представленный въ тайные совѣтники. «Пріятно-бы, дядюшка!» Дядя, скрестивъ руки на груди, смотрѣлъ нѣсколько минутъ съ уваженіемъ на своего племянника.—«И карьера, и фортуна! говорилъ онъ почти про себя, любуясь имъ:—«Александръ, гордо, торжественно прибавилъ онъ:—ты моя кровь, ты—Адуевъ! Такъ и быть—обними меня!»

Прочтя эти строки, невольно начинаешь сознавать, что обычныя представленія о трагедіи слишкомъ узки, недостаточны. Трагедія—это крикъ пораженнаго Богомъ человѣка—говоритъ В. Гюго. *Здѣсь* нѣтъ криковъ, Богу не зачто было поражать Александра Адуева. Напротивъ того: карьера, фортуна, невѣста и вѣроятно спокойная, ровная, сытая жизнь, долженствующая увѣнчаться мраморнымъ монументомъ на первоклассномъ кладбищѣ. Самъ Гончаровъ описываетъ сцену шутливымъ топомъ, да и читатель во многихъ мѣстахъ не съумѣетъ удержаться отъ улыбки. А между тѣмъ весь романъ, несмотря на свое удивительно счастливое для русскаго романа окончаніе, оставляетъ на душѣ тоску и уныніе. «Скучно жить на свѣтѣ, господа»—вотъ что хочется воскликнуть, раскрывши послѣднюю страницу «Обыкновенной Исторіи». Почему? Да быть можетъ потому, что что *слишкомъ* обыкновенная исторія.

Романтизмъ Адуева, его вѣра въ любовь «на вѣки» и дружбу «по гробъ жизни»—канва не глубокая, быть можетъ. Но что въ нихъ смѣшного, тѣмъ болѣе дурного? Ничего, и даже напротивъ. Съ истинно человѣческой точки зрѣнія они прямо нормальны, необходимы даже, да и самого Адуева втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ оберегаютъ отъ пошлости.

Пошлость побѣждаетъ въ концѣ концовъ. Съ точки зрѣнія «входящихъ и исходящихъ» Шиллеръ начинаетъ казаться смѣшнымъ, а восторги любви, упоеніе дружбой—просто неприличны для надворнаго совѣтника и кавалера.

Онъ—этотъ надворный совѣтникъ и кавалеръ—счастливъ, доволенъ и для него нѣтъ трагедіи, по есть трагедія для общества, гдѣ хорошія, чистыя чувства издерживаются такъ скоро.

У меня нѣтъ ни малѣйшаго права утверждать, что Гончаровъ пережилъ ту-же самую трагедію въ личной своей жизни. Я и не утверждаю этого. Но почему же не допустить, что все равно, какъ романтизмъ Адуева былъ увеличеннымъ отраженіемъ романтизма самого Гончарова, такъ и его метаморфоза описана, хотя-бы опять

въ сильно увеличенномъ видѣ,—по подлиннымъ документамъ изъ жизни автора «Обыкновенной Исторіи».

* * *

«Обыкновенная Исторія», трижды переписанная рукой самого Гончарова, потратившаго на ея созданіе 5—6 лѣтъ подъ-рядъ, появилась въпервыхъ книжкахъ возобновленнаго«Современника» — этого неудачнаго дѣтища Пушкина—за 1847 годъ. Она сразу обратила на себя общее вниманіе и сразу-же поставила своего автора въ первые ряды литературы. Критика усердно принялась за нее, но создать репутацію въ то время могъ только отзывъ Бѣлинскаго. И онъ не заставилъ себя ждать.

Бѣлинскій и по отношенію къ Гончарову, какъ Тургеневу, Некрасову, Достоевскому, сыгралъ роль крестнаго отца отъ литературы. На это онъ имѣлъ полное и несомнѣнное право, потому что даже по такому лепету новоявленнаго писателя, какъ тургеневская «Параша», онъ почти безошибочно предсказывалъ будущую литературную карьеру. На счетъ Гончарова, особенно при проницательности Бѣлинскаго, было еще труднѣе ошибиться. Гончаровъ вступалъ въ литературу не юношей, а вполнѣ зрѣлымъ, много повидавшимъ на своемъ вѣку человѣкомъ. Въ 47 г. ему исполнилось уже 35 лѣтъ, цѣлая эпоха жизни была прожита, цѣлая полоса общественнаго движенія закончилась. И Бѣлинскій дѣйствительно не ошибся. Онъ привѣтствовалъ въ Гончаровѣ блестящаго, талантливаго представителя школы Гоголя и Пушкина, предсказывалъ ему успѣхъ и славное будущее. Какъ *художникъ* (кстати, Бѣлинскій не называлъ самъ себя иначе, какъ художественнымъ недоноскомъ) онъ былъ увлеченъ талантомъ Гончарова, увлеченъ по своему обыкновенію горячо и страстно, но въ то-же время, какъ публицистъ, какъ общественный реформаторъ, онъ, не безъ опасенія, пожалуй, не безъ слѣда горечи, смотрѣлъ на прекрасное произведеніе творческаго духа, лежавшее передъ нимъ.

«Гончаровъ—писалъ Бѣлинскій—поэтъ, художникъ и больше ничего... у него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ будто думаетъ, кто въ бѣдѣ—тотъ и въ обидѣ, а мое дѣло сторона»... Въ концѣ концовъ: «изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей Гончаровъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство и тѣмъ самымъ успѣваютъ».

Въ этихъ словахъ слышится нѣкоторое недовольство, и—зная жизнь Бѣлинскаго—совершенно понятно. Какъ разъ къ этому времени, т. е. во вторую половину 40-хъ годовъ, онъ переживалъ послѣдній фазисъ своего развитія, все больше и больше удаляясь отъ эстетической критики и переходя къ критикѣ утилитарной, т. е., какъ бы прочищая дорогу 60-мъ годамъ, Добролюбову и Писареву. Появись «Обыкновенная Исторія» въ началѣ 40-хъ годовъ, восторгъ Бѣлинскаго былъ-бы безпредѣленъ, его статья безъ всякихъ оговорокъ. Но теперь, занятый идеями Жоржъ-Занда — сенсимонистовъ, поставившій идею общественной справедливости выше всего и считая безкорыстный судъ личности надъ общественными идеями, необходимымъ условіемъ развитія, онъ не могъ переварить *кажущагося* равнодушія Гончарова къ добру и злу. Страстный и нетерпѣливый, онъ вѣрилъ въ могущество словъ проповѣди и хотѣлъ, чтобы это могущество постепенно проявлялось, чтобы оно работало въ жизни и вело ее къ счастью и свѣту.

Нижеприводимые отрывки изъ воспоминаній Гончарова обрисуютъ намъ безъ всякихъ комментарій его отношенія къ Бѣлинскому и личность послѣдняго въ разсматриваемый періодъ.

«На мой взглядъ—пишетъ Гончаровъ—это была одна изъ тѣхъ горячихъ и воспріимчивыхъ натуръ, которыя привыкли приписывать обыкновенно искреннимъ и самобытнымъ художникамъ. Такія натуры встрѣчаются нерѣдко—я ихъ наблюдалъ вездѣ, гдѣ онѣ попадались: и въ своихъ товарищахъ по перу, и гораздо раньше, начиная со школы, наблюдалъ и въ самомъ себѣ—и во множествѣ экземпляровъ—и во всѣхъ находилъ неизбѣжныя родовыя сходственныя черты, часто рядомъ съ поразительными несходствами, составлявшими особенности видовъ или индивидумовъ. Всѣ эти наблюденія привели меня къ фигурѣ Райскаго въ романѣ «Обрывъ», этой жертвѣ темперамента и богатой, но не направленной ни на какую цѣль фантазіи. Послѣдняя была въ немъ праздною, безполезною силой, и,безъ строгой его подготовки къ какому бы то ни было дѣлу, разрѣшалась у него только въ безплодныхъ порывахъ къ дѣятельности и уродовала самую его жизнь. Но другія, богато одаренныя натуры, ставъ твердой ногой на почвѣ своего призванія, подчиняютъ фантазію сознательной силѣ ума и создаютъ цѣлую сферу производительной дѣятельности. Такъ было и съ Бѣлинскимъ....

«И Бѣлинскій въ сферѣ своей дѣятельности также творилъ по своему, т. е. угадывалъ смыслъ явленія, чуялъ въ немъ правду или ложь, опредѣлялъ характеръ его, и если явленіе представляло ни-

щу увлеченію, онъ довѣрчиво увлекался самъ и увлекалъ другихъ. Переживъ впечатлѣніе въ самомъ себѣ, истративъ на него потоки болѣе или менѣе горячихъ печатныхъ или изустныхъ импровизацій, онъ потомъ оставался ему вѣренъ уже въ той долѣ правды, не какую онъ видѣлъ въ пылу увлеченія, а какая дѣйствительно была въ немъ, и относился къ нему умѣреннѣе. Наконецъ у него были постоянныя увлеченія или влеченія, плоды не одной только фантазіи или напряженной работы непрерывнаго умственнаго развитія: они составляли основу его честной и прямой натуры: это влеченія къ идеаламъ свободы, правды, добра, человѣчности, причемъ онъ нерѣдко ссылался на евангеліе,—я не помню гдѣ,—даже печатно. Этимъ идеаламъ онъ не измѣнялъ конечно никогда, и на всякаго сколько нибудь близкаго ему человѣка смотрѣлъ не иначе, какъ на своего единомышленника, иногда не давая себѣ труда всмотрѣться, дѣйствительно ли это былъ такъ. Никакихъ уклоненій отъ этихъ путеводныхъ своихъ началъ онъ ни въ комъ не допускалъ и не простилъ бы никому иного исповѣданія въ нравственныхъ, политическихъ или соціальныхъ взглядахъ, кромѣ тѣхъ, какіе принималъ и проповѣдывалъ самъ, разумѣется въ теоріи, ибо на практикѣ это было непримѣнимо въ то время нигдѣ, кромѣ робкаго проговариванья или намековъ въ статьяхъ, да толковъ въ тѣсномъ кругу друзей.

«Въ стремленіи или порывахъ, повторяю безплодныхъ, тогда казавшихся даже безнадежными, къ этимъ послѣднимъ идеаламъ особенно высказывалось его горячее нетерпѣніе, иногда до ребячества. Въ туманѣ новой какой нибудь идеи, даже вродѣ идей Фурье напримѣръ (о чемъ могутъ больше меня сказать знавшіе его съ молода),если въ ней только искрился намекъ на истину, на прогрессъ, на что нибудь, что казалось ему разумнымъ или честнымъ, передъ нимъ возникалъ уже опредѣленный образъ ея; нарождавшаяся гипотеза становилась его религіей; онъ вѣровалъ въ идеалъ въ пеленкахъ, не думая подозрѣвать тутъ какого нибудь обольщенія, заблужденія и замаскированной лжи. Онъ видѣлъ только одну свѣтлую сторону. Такъ, всматриваясь и вслушиваясь въ неясный еще тогда и новый у насъ слухъ и говоръ о коммунизмѣ, онъ наивно, искренно, почти про себя, мечтательно произнесъ однажды: «Конечно, будь у меня тысячъ сто, ихъ не стоило бы жертвовать,—но будь у меня милліоны, я отдалъ бы ихъ!»

«Когда я узналъ Бѣлинскаго въ 1846 г.,здоровье его было подорвано, хотя болѣзнь еще не развилась до той степени, какъ въ

послѣдній годъ его жизни. Онъ былъ еще довольно бодръ, посѣщалъ однако немногихъ и его посѣщали тоже немногіе и не часто. Онъ началъ повидимому утомляться и своею любимою дѣятельностью, мечталъ иногда, вслухъ впрочемъ рѣдко, о независимомъ положеніи отъ подневольнаго срочнаго труда. Но этой мечтѣ сбыться было не суждено».

«Онъ съ кружкомъ близкихъ пріятелей перешелъ отъ одного журнала къ другому, но это не принесло ему отдыха. Напротивъ, надо было употребить всѣ силы, чтобы воскресить изъ праха этотъ умершій журналъ и вдохнуть въ него новую жизнь. Онъ, такъ сказать, умирая, дописывалъ послѣднія свои статьи. Поѣздка на лѣто въ Крымъ съ Щепкинымъ не помогла ему, и онъ вернулся въ Петербургъ едвали не слабѣе, чѣмъ былъ до этого.

«Это былъ не критикъ, не публицистъ, не литераторъ только, а трибунъ. Публичная его трибуна—въ журналѣ; другая, необходимая ему, дополнявшая первую, совершенно свободная, гдѣ онъ былъ на распашку, это домашняя трибуна, гдѣ онъ не только зналъ, но, такъ сказать, видѣлъ свою силу, повѣрялъ, измѣрялъ ее, любовался ею самъ, глядя, какъ наслаждаются ею другіе. Отъ этого и были къ нему ближе всѣхъ тѣ, кто любилъ въ немъ больше всего его талантъ, даже больше, нежели его самого! Не допускать этого,—значитъ непонимать хорошо натуру этого рода. Самолюбіе иногда грубый, иногда сдержанный, но всегда главный, а у многихъ и единственный двигатель дѣятельности, а часто и всей жизни. Я сказалъ уже выше, какъ умно и тонко высказывалось оно у Бѣлинскаго—именно въ благодарной симпатіи къ почитателямъ его силы...

«Бѣлинскому нерѣдко приходилось стыдиться своихъ увлеченій и краснѣть за прежнихъ идоловъ. Тогда онъ отъ хвалебныхъ гимновъ переходилъ въ другой, противуположный тонъ, и не скупился на сарказмы, забывъ прежнюю нѣжность къ своимъ любимцамъ. Когда онъ въ первыя мои свиданія съ нимъ осыпалъ меня добрыми, ласковыми словами, «рисуя» свой критическій взглядъ на меня мнѣ самому и заглядывая въ мое будущее, я остановилъ его однажды. «Я былъ бы очень радъ,—сказалъ я,—еслибъ вы лѣтъ черезъ пять повторили хоть десятую часть того, что говорите о моей книгѣ («Обыкновенная Исторія») теперь». «Отчего?»—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

«А оттого,—продолжалъ я,—что я помню, что́ вы прежде писали о С., какъ лестно отзывались о его талантѣ,—а какъ вы те-

перь цѣните его!»—(А онъ тогда уже развѣнчалъ его и, сравнивая со всѣмъ, что появилось въ литературѣ послѣ, лишилъ его совсѣмъ прошлой, впрочемъ неоспоримой заслуги, какъ будто его и не было вовсе въ литературѣ)...

«На меня онъ иногда какъ будто накидывался за то, что у меня не было злости, раздраженія, субъективности.—«Вамъ все равно, попадется мерзавецъ, дуракъ, уродъ или порядочная добрая натура,—всѣхъ одинаково рисуете: ни любви, ни ненависти ни къ кому!» И это скажетъ (и не разъ говорилъ, съ какою-то доброю злостью, а однажды положилъ ласково послѣ этого мнѣ руки на плечи и прибавилъ почти шопотомъ:—«а это хорошо, это и нужно, это признакъ художника!»—какъ будто боялся, что его услышатъ и обвинятъ за сочувствіе къ безтенденціозному писателю.

«Я пришелъ къ нему однажды рано послѣ обѣда (онъ жилъ тогда у Аничкова моста); онъ ходилъ по комнатѣ и былъ радъ моему посѣщенію.—«Ну, что *Тевернно*?»—спросилъ онъ:—«какъ вы находите?»—«Я не читалъ», сказалъ я равнодушно.—«Какъ не читали, вы?» «Не читалъ», повторилъ я.—«Какъ такъ?»—«Не попалось книги подъ руку, я и не прочелъ».—«Что это такое!» напустился онъ на меня и разразился сначала гонкой мнѣ за лѣнь и равнодушіе, а потомъ дифирамбомъ Тевернно и вообще Жоржъ-Занду. Не читавши «Тевернно», я конечно не могу теперь припомнить, что именно онъ сказалъ объ этой повѣсти; помню только, что по мѣрѣ того, какъ приходили другіе, человѣка два-три, послѣ меня, онъ всякому указывалъ на меня и приговаривалъ съ удивленіемъ: «Тевернно» не читалъ!»

Да это были совершенно различные люди, имѣвшіе слишкомъ мало общаго между собой, чтобы стать друзьями, чтобы любить другъ друга. Въ своемъ развитіи Гончаровъ ничѣмъ не обязанъ и не могъ быть обязанъ Бѣлинскому. Правда, онъ сохранилъ о немъ на всю жизнь хорошее, свѣтлое воспоминаніе, всегда отзывался о немъ съ уваженіемъ, но и только.

Свои «Воспоминанія о Бѣлинскомъ» Гончаровъ заканчиваетъ скучными словами: «Можно конечно пожалѣть, что и Бѣлинскій не совершилъ отъ начала до конца путь болѣе обширнаго или, лучше сказать, болѣе систематическаго образованія для исполненія съ большимъ авторитетомъ той громадной роли, которая выпала ему на долю. Соотвѣтствующая его природнымъ средствамъ подготовка помогла-бы еще болѣе его вліянію на литературное развитіе въ об-

ществѣ и упрочила-бы за нимъ значеніе его дѣятельности и заслугъ безъ всякихъ сомнѣній и споровъ»...

Разумѣется, въ пользѣ «систематическаго образованія никто не сомнѣвается, но, разставаясь съ Бѣлинскимъ (я привелъ заключительныя слова статьи), можно было-бы проронить нѣсколько болѣе «теплыхъ», какъ это говорится, фразъ...

Не только съ самимъ Бѣлинскимъ, но вообще ни съ кѣмъ изъ членовъ его литературнаго петербургскаго кружка Гончаровъ не сошелся близко. Тогда къ этому кружку принадлежали: Тургеневъ, Некрасовъ, Панаевъ, Боткинъ; изъ Москвы наѣзжали Герценъ, Грановскій, хотя и не часто. Одно время здѣсь появился было Достоевскій, но не удержался по своей полнѣйшей неспособности къ общежитію. Знакомъ Гончаровъ былъ со всѣми, но не дружилъ ни съ кѣмъ, а подъ конецъ жизни порвалъ почти всѣ свои раннія литературныя связи. Извѣстная непріязнь, которую онъ чувствовалъ къ Тургеневу,—непріязнь, доходившая до раздраженія при одномъ упоминаніи имени его соперника по славѣ,—одна изъ мало веселыхъ страницъ русской литературы, «преисполненной внутреннихъ междоусобій», причина которыхъ зачастую кроется въ обиженномъ самолюбіи. Не знаю, зачѣмъ намъ останавливаться на этой невеселой страницѣ, почему, минуя интимныя подробности, ограничимся общими немногими соображеніями.

Дарованія Тургенева и Гончарова имѣютъ мало общаго между собой. У Тургенева на первомъ планѣ стоитъ психологическій анализъ типа личности, жизнь души въ ея исканіяхъ счастья, въ ея мукахъ при сознаніи невозможности найти это счастье, у Гончарова—картина эпохи въ ея соціологическомъ проявленіи. На самомъ дѣлѣ типы Гончарова такъ широки, такъ крѣпко связаны съ окружающей ихъ обстановкой, что онъ по всей справедливости можетъ быть названъ главой соціологической школы въ русской литературѣ, если только честь этого титула не должна быть отнесена къ Гоголю.

«Тургеневъ—пишетъ одинъ критикъ—рѣдко вдается въ подробныя описанія внѣшнихъ аксессуаровъ жизни. Даже при изображеніи героевъ своихъ разсказовъ онъ ограничивается обыкновенно самыми главными, наиболѣе выдающимися чертами и старается поскорѣе проникнуть въ глубь жизни, опредѣлить философскій внутренній смыслъ изображаемаго предмета или личности. У Гончарова-же, напротивъ того, преобладаетъ въ изображеніяхъ внѣшняя пластика, стремленіе обрисовать предметы во всѣхъ ихъ разнообразныхъ и мелкихъ подробностяхъ. Рядомъ съ этою особенностью

у Гончарова есть еще и другая—страсть къ широкимъ обобщеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, анализъ потому уже бываетъ чуждъ широкихъ обобщеній, что стремится разлагать жизнь на ея составные элементы. Поэтому образы Тургенева конкретны. Вы не можете указать ни на одинъ изъ созданныхъ имъ типовъ интеллигентныхъ современниковъ, чтобы типъ этотъ вполнѣ и всесторонне обнималъ людей сороковыхъ годовъ. Для изученія этихъ людей вы должны взять цѣлый рядъ выведенныхъ Тургеневымъ характеровъ,—и Рудина, и Лаврецкаго, и Веретьева, и Литвинова, и сами уже потрудиться найти нѣчто общее между всѣми этими героями. У Гончарова-же въ лицѣ Райскаго изображены люди 40-хъ годовъ въ ихъ наиболѣе типическихъ особенностяхъ и чертахъ, и Райскій вполнѣ выражаетъ собою поколѣніе своего вѣка»...

Эта сторона художественнаго захвата Гончарова, это его стремленіе воплотить въ одной фигурѣ цѣлую полосу жизни, несмотря на всѣ ея противорѣчія, очень характерны для него. Для подобнаго творчества нуженъ особый темпераментъ—выдержанный, терпѣливый, незнающій страстныхъ порывовъ, не отвлекаемый въ сторону временными соображеніями и интересами. Гончаровъ долго вынашивалъ свои замыслы, никогда не старался онъ, какъ Тургеневъ, уловить минуту и закрѣпить ее въ образѣ. Его медлительное творчество не терпѣло никакой нервности.

По сущности своего міросозерцанія, по манерѣ изображенія, по соціологической важности рисуемыхъ картинъ, Гончаровъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ ближе всего подходитъ къ Писемскому. Глубокое различіе дарованій быть можетъ подготовило почву для непріязни между Тургеневымъ и Гончаровымъ, общность дарованій должна была привести къ противоположному результату. И дѣйствительно, мы видимъ, что Гончаровъ и Писемскій долгое время были очень близки другъ къ другу. По сущность этой близости, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна.

IV.

«Фрегатъ Паллада».

Въ 1852 г. Гончаровъ при содѣйствіи министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова «былъ командированъ для исправленія должности секретаря при адмиралѣ (Путятинѣ) во время экспедиціи къ русскимъ американскимъ владѣніямъ». Экспедиція имѣла опредѣленную цѣль—именно заключеніе торговаго договора съ Японіею, тогда еще безвѣстной и таинственной страной, на берега которой почти не высаживались европейцы. Какимъ путемъ Гончаровъ, сорокалѣтній петербургскій чиновникъ, со всѣми задатками Обломова въ своей натурѣ, со своими «святыми воспоминаніями» объ Обломовкѣ,—человѣкъ, не ходившій «дотолѣ никуда въ море далѣе Кронштадта и Петергофа»,—рискнулъ на кругосвѣтное путешествіе—рѣшить мудрено. Быть можетъ повинна въ этомъ игра художественнаго воображенія, развертывавшаго картины далекихъ странъ одну соблазнительнѣе другой,—воображенія, всегда манящаго вдаль, къ чему-то таинственному, неизвѣстному,—быть можетъ вспомнились въ это время и дѣтскія мечты о путешествіяхъ, навѣянныя чтеніемъ Кука и Магеллана, а больше всего восторженными разсказами старика Якубова;—но какъ бы то ни было, Гончаровъ рѣшился и поѣхалъ.

Въ началѣ дѣло налаживалось плохо. «И привычнымъ людямъ казалось трудно такое плаваніе,—говоритъ Гончаровъ—а мнѣ, новичку, оно было еще невыносимо и потому, что у меня отъ осенняго холода возобновились жестокіе припадки, которыми я давно страдалъ, невральгіи съ головными и зубными болями. Въ каютѣ отъ внѣшняго воздуха съ дождемъ, отчасти съ морозомъ—защищала одна рама въ маленькомъ окнѣ. Иногда я приходилъ въ отчаяніе. Какъ при этихъ болях я выдержу двухъ или трехъгодичное плаваніе? Я слегъ и утѣшалъ себя мыслью, что, добравшись до Англіи, вернусь назадъ. И къ этому еще туманы, качка, холодъ!..»

Много прошло времени, пока настроеніе не стало ровнымъ и

устойчивымъ, т. е., пока Гончаровъ не очутился въ своей тарелкѣ. Первые мѣсяцы плаванія его психика находилась въ полной власти и распоряженіи погоды. «Было тепло,— пишетъ онъ,—мнѣ стало легче,я вышелъ на палубу. И теперь еще помню,какъ поразила меня прекрасная, тогда новая для меня, картина чужихъ береговъ, датскаго и шведскаго... Обаяніе, производимое величественною картиною этого моря и береговъ возымѣло свое дѣйствіе надо мною. Я невольно отдавался ему, но потомъ опять возвращался къ своимъ сомнѣніямъ: привыкну ли къ морской жизни, дадутъ ли мнѣ покой ревматизмы? Море и тянетъ къ себѣ, и пугаетъ—пока не привыкнешь къ нему. Такое состояніе духа очень наивно, но вѣрно выразила мнѣ одна француженка, во Франціи, на морскомъ берегу, во время сильнѣйшей грозы, въ своемъ отвѣтѣ на мой вопросъ:—«Любитъ ли она грозу?» — «Oh, monsieur, c'est ma passion—восторженно сказала она: —«mais pendant l'orage je suis toujours mal à mon aise».

Лишь по приходѣ въ Англію забылись и страшныя, и опасныя минуты, головная и зубная боль прошли, благодаря неожиданно хорошей для тамошняго климата погодѣ, и фрегатъ, простоявши въ докахъ два мѣсяца, пустился далѣе. Гончаровъ забылъ и думать о своемъ намѣреніи воротиться, хотя адмиралъ, узнавъ о его болѣзни, соглашался было отпустить его. Впередъ, дальше—манило новое. «Тамъ, въ заманчивой дали, было тепло и ревматизмы невѣдомы».

Мало по малу Гончаровъ привыкъ и къ корабельной качкѣ, и къ морскимъ терминамъ, научился писать рапорты, уснащая ихъ странными и даже дикими на первый взглядъ спеціальными выраженіями, освоился съ веселой, добродушной компаніей моряковъ и почувствовалъ себя, какъ дома.

Въ дорогѣ, кромѣ спеціальныхъ секретарскихъ отчетовъ, Гончаровъ писалъ еще письма, печатавшіяся въ «Морскомъ Сборникѣ»,—и въ нихъ просто, безъ претензіи, разсказывалъ свои впечатлѣнія. Изъ этихъ писемъ составилось впослѣдствіи двухъ-томное описаніе плаванія «Фрегатъ Паллада».

«Фрегатъ Паллада»—несомнѣнно одно изъ лучшихъ произведеній русской описательной литературы,—рѣдкая книга, доступная и образованнымъ, и необразованнымъ, взрослымъ и дѣтямъ. Когда нибудь она найдетъ доступъ въ народъ и будетъ читаться въ избахъ съ такимъ же увлеченіемъ, съ какимъ читается теперь въ гостиныхъ и классныхъ. Она не затруднитъ ничьего пониманія, не пора-

ботитъ ничьего воображенія, но дастъ просторъ мысли и фантазіи всякаго читателя. Съ этой точки зрѣнія «Фрегатъ Паллада» обладаетъ неоцѣненными достоинствами.

«Замѣтимъ,—говоритъ одинъ критикъ,—что при страсти, свойственной людямъ сороковыхъ годовъ, ко всякаго рода художественнымъ описаніямъ, особенно ландшафтамъ и бытовымъ картинамъ, никогда не процвѣтали у насъ въ такой степени путевые очерки, письма и впечатлѣнія, какъ въ сороковые и пятидесятые годы. Изъ особенно выдающихся такого рода литературныхъ памятниковъ упомянемъ: «*Письма объ Испаніи*» В. Боткина, «*Путевыя письма изъ Италіи*» П. Ковалевскаго, печатавшіяся въ концѣ 50-хъ годовъ въ «*Отечественныхъ Запискахъ*». Но во главѣ подобныхъ произведеній по художественному значенію слѣдуетъ поставить «*Фрегатъ Паллада*». Здѣсь во всей своей силѣ проявилось лучшее качество таланта Гончарова—мастерство изобразительности, исполненное живой, осязательной пластичности и детальности. Картины тропической природы, африканскихъ и индѣйскихъ портовъ, гдѣ останавливался фрегатъ и передъ наблюдательными взорами художника развертывалась яркая, пестрая жизнь, совершенно чуждая всему, къ чему привыкли его взоры, словно какъ-бы какого-то фантастически-сказочнаго характера,—все это представляетъ собою нѣчто единственное по своему совершенству и художественной высотѣ во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Но какія волшебныя картины ни раскрываетъ передъ вами авторъ, онъ все-таки остается горячо любящимъ свою родину со всею блѣдностью и тусклостью ея сѣверной природы; ни на минуту не забываетъ онъ Россіи, и книга его полна остроумныхъ и мѣткихъ сравненій и сопоставленій картинъ или нравовъ чуждыхъ странъ съ родными. Въ то же время ни на минуту не покидаетъ Гончарова его добродушный веселый юморъ; чудеса тропическихъ странъ не мѣшаютъ ему наблюдать нравы окружающихъ его русскихъ моряковъ, начиная съ высшихъ чиновъ до приставленнаго къ нему денщика Фадеева; каждое изображенное здѣсь лицо мало того что живетъ и дышетъ передъ вами, но и является въ высшей степени типичнымъ, и повседневная жизнь фрегата рисуется предъ вами во всѣхъ ея деталяхъ».

Послѣ этой общей характеристики намъ необходимо поглубже заглянуть въ заграничныя впечатлѣнія Гончарова. Умному русскому человѣку дореформеннаго быта пришлось повидать чуть не весь свѣтъ и примѣнять свою, выработанную Обломовкой и заграничн-

нымъ воспитаніемъ, точку зрѣнія на самыхъ разнообразныхъ параллеляхъ и меридіанахъ. Это не можетъ не быть интереснымъ. Мы, правда, не услышимъ ни ворчанья Фонъ-Визина, ни лирическихъ восторженныхъ изліяній Карамзина; зато услышимъ и увидимъ Гончарова всего, какъ онъ есть, во весь ростъ. Нигдѣ и никогда не говорилъ онъ такъ много отъ себя, нигдѣ и никогда не раскрывалъ онъ съ такой полнотою своего міросозерцанія, какъ именно въ «Фрегатѣ Паллада». Это не исповѣдь, къ которой Гончаровъ никогда не былъ способенъ, а откровенная передача всѣхъ даже мимолетныхъ думъ, чувствъ, симпатій, гдѣ каждое слово на своемъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ничего выдуманнаго, тѣмъ менѣе вымученнаго.

Однажды, въ индійскомъ океанѣ, близъ мыса Доброй Надежды, Гончарову пришлось испытать сильный штормъ.—«Пошелъ дождь и началъ капать въ каюту,—разсказываетъ онъ.—Мѣсто, гдѣ я сидѣлъ, было самое удобное, и я удерживалъ его за собой до послѣдней крайности. Ревъ вѣтра долеталъ до общей каюты, размахи судна были все больше и больше. Штормъ былъ классическій во всей формѣ. Втеченіе вечера приходили раза два за мною сверху звать посмотрѣть его. Разсказывали, какъ съ одной стороны вырывающаяся изъ за тучъ луна озаряетъ море и корабль, а съ другой—нестерпимымъ блескомъ играетъ молнія. Они думали, что я буду описывать эту картину. Но такъ какъ на мое покойное и сухое мѣсто давно уже были три или четыре кандидата, то я и хотѣлъ досидѣть тутъ до ночи; но не удалось. Часовъ въ 10 вечера жестоко поддало, валъ хлынулъ и разлился по всѣмъ палубамъ, на которыхъ и безъ того скопилось много дождевой воды. Она потоками устремилась въ люки, которыхъ не закрывали для воздуха. Цѣлые каскады начали хлестать въ каюту: на столъ, на скамьи, на полъ, на насъ, не исключая и моего мѣста и меня самого. Нечего дѣлать—пришлось выйти на палубу. Мы выбрались наверхъ, темнота ужасная, вой вѣтра еще ужаснѣе. Не видно было, куда ступить. Вдругъ молнія. Она освѣтила кромѣ моря еще озеро воды на палубѣ, толпу народа, тянувшаго какую-то снасть, да протянутые леера, чтобы держаться въ качку. Я шагалъ въ водѣ черезъ веревки, сквозь толпу; добрался кое какъ до дверей своей каюты и тамъ, ухватясь за кнехтъ, чтобы не бросило куда нибудь въ уголъ, пожалуй на пушку, остановился посмотрѣть хваленый штормъ. Молнія, какъ молнія, только безъ грома, если его за вѣтромъ не слыхать. Луны не было.—«Какова картина?» спросилъ меня капитанъ. ожидая

восторговъ и похвалъ.—«*Безобразіе, безпорядокъ*», отвѣчалъ я, уходя весь мокрый въ каюту перемѣнить обувь и бѣлье».

Эту небольшую сцену критика давно уже отмѣтила, какъ чрезвычайно характерную для творца Обломова. Люди привыкли восхищаться необычайнымъ, поражающимъ, рѣдкимъ въ природѣ и жизни. Гончаровъ, проходя равнодушно мимо яркихъ и случайныхъ эффектовъ, относится гораздо внимательнѣе и любовнѣе къ простому и будничному. «Зачѣмъ оно, это дикое и грандіозное, спрашиваетъ онъ себя, море, напримѣръ? Богъ съ нимъ. Оно наводитъ только грусть на человѣка: глядя на него, хочется плакать. Сердце смущается робостью передъ необозримой пеленой водъ».

Въ XIX вѣкѣ не было, кажется, ни одного поэта, который не восторгался-бы моремъ. Оно—поэтическій символъ безконечнаго, таинственнаго. Оно шумитъ и бьется въ созвучіи съ гордой, оскорбленной душой Байрона, вызываетъ тихую печаль у Шелли. Въ богатомъ запасѣ его мелодій есть родныя для каждаго. Но Гончарову оно представляется слишкомъ тревожнымъ. Онъ любитъ другія картины—родныя березы, густые кустарники, спокойную гладь озера, дымную избушку гдѣ нибудь на косогорѣ. Онъ чувствуетъ себя хорошо и бодро среди дремлющей осенней природы, въ саду, въ аллеяхъ, усыпанныхъ пожелтѣвшими листьями, а бурное море... «Богъ съ нимъ!» Горы и пропасти тоже мало его привлекаютъ. «Онѣ созданы не для увеселенія человѣка. Онѣ грозны, страшны». Въ нихъ природа какъ будто волнуется, сердится, угрожаетъ, чего-то ищетъ, куда-то мечется. Обломовка понятнѣе, милѣе, она—«своя». «Небо тамъ, кажется, напротивъ, ближе жмется къ землѣ, но не съ тѣмъ, чтобы метать сильнѣе стрѣлы, а развѣ только, чтобы обнять ее покрѣпче, съ любовью; оно распростерлось такъ невысоко надъ головой, какъ родительская надежная кровля, чтобы уберечь, кажется, избранный уголокъ отъ всякихъ невзгодъ.

«Солнце тамъ ярко и жарко свѣтитъ около полугода и потомъ удаляется оттуда не вдругъ, точно нехотя, какъ будто оборачивается назадъ взглянуть еще разъ или два на любимое мѣсто и подарить ему осенью среди ненастья ясный, теплый день.

«Горы тамъ какъ будто модели тѣхъ страшныхъ, гдѣ-то воздвигнутыхъ горъ, которыя ужасаютъ воображеніе. Это рядъ отлогихъ холмовъ, съ которыхъ пріятно кататься, рѣзвясь, на спинкѣ или, сидя на нихъ, смотрѣть въ раздумьи на заходящее солнце.

«Рѣка бѣжитъ весело, шаля и играя, она то разольется въ ве-

селый прудъ, то стремится быстрой нитью или присмирѣетъ, будто задумавшись, и чуть-чуть ползетъ по камешкамъ, выпуская изъ себя по сторонамъ рѣзвые ручьи, подъ журчанье которыхъ сладко дремлется».

«Да, Богъ съ ними — «этими воплями природы», «этими спящими силами, ядовито издѣвающимися надъ гордой волей человѣка»; однообразныя картины роднаго Поволжья милѣе и ближе. Онѣ ласковѣе относятся къ человѣку, не раздражаютъ, не грозятъ ему ежеминутно гибелью, въ нихъ есть что-то даже материнское».

И гдѣ-бы ни былъ Гончаровъ, какія-бы чудеса свѣта не осматривалъ онъ, какъ-бы эффектны ни были море, горы и пропасти, онъ ни на минуту не забывалъ близкаго сердцу уголка. Его воображеніе, давно уже отрѣшившееся отъ романтической закваски, не требовало и не искало ничего поразительнаго, экстраординарнаго. Ни буря, ни вулканическія изверженія не находили отзвука въ его душѣ: его темпераментъ требовалъ порядка, покоя,— пожалуй дремоты.

Онъ отдавалъ дань красотѣ чуждой природы, но среди безчисленныхъ описаній, разбросанныхъ по страницамъ двухъ объемистыхъ томовъ «Фрегата Паллады», чаще всего встрѣчаются описанія, имѣющія родной и привычный для нихъ автора колоритъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ рисуетъ онъ картины тихихъ вечеровъ, когда закатъ солнца прекращаетъ шумливую, безпокойную жизнь, когда такъ пріятно погружаться въ созерцательное настроеніе духа, свободно отдаваясь мимолетнымъ, почти неуловимымъ мечтамъ.

Его постоянно тянетъ къ отдыху, къ спокойному креслу, задушевной бесѣдѣ, спокойному молчанію, гдѣ нибудь на балконѣ. Онъ самъ добродушно подсмѣивается надъ такими обломовскими склонностями, но—«не искать-же головоломныхъ приключеній, да и къ чему они?» «Какое наслажденіе, пишетъ онъ, напр., послѣ долгаго странствованія по морю, лечь спать на берегу, въ постель, которая не качается, гдѣ со стороны ничего не упадетъ, гдѣ надъ вашей головой не загремитъ ни бизань-шкотъ, ни гротъ-боскъ, гдѣ ничто не шелохнется, думалъ я и вдругъ вспомнилъ, что здѣсь землетрясенія — обыкновенное, ежегодное явленіе. Избави Боже отъ такой качки»...

Лучше ѣхать по гладкой, убитой дорогѣ, чѣмъ по ухабамъ или по краямъ пропастей; лучше спокойно сидѣть на мѣстѣ, чѣмъ описывать вмѣстѣ съ кресломъ «никому невѣдомыя математическія

линіи»; лучше наблюдать идиллію, чѣмъ трагедію; лучше слышать тихую мелодію, чѣмъ тревожные звуки вагнеровской музыки.

...А онъ мятежный проситъ бури,
Какъ будто въ бурѣхъ есть покой—

этого мотива Гончаровъ не зналъ никогда.

Съ удивительнымъ искусствомъ люди устраиваются на землѣ такъ плохо, какъ нельзя хуже. Они не умѣютъ наслаждаться хорошей минутой, привычное быстро надоѣдаетъ имъ, въ погоняхъ за недостижимымъ, необычайнымъ тратятъ свои силы. А развѣ нельзя жить проще, лучше?..

Однажды среди широкаго океана Гончарову показалось, что онъ увидѣлъ передъ собой настоящую идиллію, на которую особенно любовно откликнулась его душа. Чудная погода, только что прочитанныя книги—все это настроило его на ладъ Феокрита, и онъ написалъ нѣсколько удивительныхъ страницъ. Мѣсто дѣйствія—тогда еще таинственные, мало извѣстные ликійскіе острова.

«Да, это идиллія, брошенная среди безконечныхъ водъ Тихаго океана. Слушайте теперь сказку: Дерево къ дереву, листокъ къ листку такъ и прибраны, не спутаны, не смѣшаны въ неумышленномъ безпорядкѣ, какъ обыкновенно дѣлаетъ природа. Все будто размѣрено, расчищено и красиво разставлено, какъ декораціи или на картинахъ Ватто. Читаете, что люди, лошади, быки—здѣсь карлики, а куры и пѣтухи—великаны; деревья колоссальныя, а между ними чуть-чуть журчатъ серебряныя нити ручейковъ, да пріятно шумятъ театральные каскады. Люди добродѣтельны, питаются овощами и ничего между собою, кромѣ учтивостей, не говорятъ; иностранцы ничего, кромѣ дружбы, ласкъ да земныхъ поклоновъ, отъ нихъ добиться не могутъ. Живутъ они патріархально, толпой выходятъ на встрѣчу путешественникамъ, берутъ за руки, ведутъ въ домы и съ земными поклонами ставятъ передъ ними избытки своихъ полей и садовъ»...

«Что это? Гдѣ мы? Среди древнихъ пастушескихъ народовъ, въ золотомъ вѣкѣ? Ужели Феокритъ въ самомъ дѣлѣ правъ? Все это мнѣ приходило въ голову, когда я шелъ подъ тѣнью акацій, миртовъ и банановъ; между ними видны кое-гдѣ пальмы. Я заходилъ въ сторону, шевелилъ въ кустахъ, разводилъ листья, смотрѣлъ на ползучія растенія и потомъ бѣжалъ догонять товарищей.

«Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ меньше вѣрилось глазамъ.

«Между деревьями, въ самомъ дѣлѣ, какъ на картинкахъ, жались хижины, окруженныя каменнымъ заборомъ изъ коралловъ,

сложенныхъ такъ плотно, что любая пушка задумалась бы передъ этой крѣпостью; и это только, чтобы оградить какую-нибудь хижину. Я заглядывалъ за заборъ: миніатюрные домы окружены огородомъ и маленькимъ полемъ. Въ деревнѣ заборъ былъ сплошной: на стѣнѣ, за стѣной росли деревья; изъ-за нихъ выглядывали цвѣты. Еще издали завидѣлъ я, что у воротъ стояли, опершись на длинные бамбуковые посохи, жители; между ними, съ важной осанкой, съ задумчивыми, серьезными лицами, въ широкихъ простыхъ, но чистыхъ халатахъ, съ широкимъ поясомъ, видѣлись,—совѣстно и сказать,—«старики», непремѣнно скажешь «старцы», съ длинными сѣдыми бородами, съ зачесанными кверху и собранными въ пучокъ на маковкѣ волосами. Когда мы подошли поближе, они низко поклонились, преклоняя головы и опуская внизъ руки. За нихъ боязливо прятались дѣти.

«Я любовался тѣмъ, что вижу, и дивился—не тропической растительности, не теплому, мягкому и пахучему воздуху,—это все было и въ другихъ мѣстахъ, а этой стройности, прибранности лѣса, дороги, тропинокъ, садовъ, простотѣ одеждъ и патріархальному, почтенному виду стариковъ, строгому и задумчивому выраженію ихъ лицъ, нѣжности и застѣнчивости въ чертахъ молодыхъ; дивился также я этимъ земляными и каменнымъ работамъ, стоившимъ стольких трудовъ: это муравейникъ или въ самомъ дѣлѣ идиллическая страна, отрывокъ изъ жизни древнихъ. Здѣсь какъ все родилось, такъ, кажется, и не мѣнялось цѣлыя тысячелѣтія. Что у другихъ смутное преданіе, то здѣсь современность, чистѣйшая дѣйствительность. Здѣсь еще возможенъ золотой вѣкъ.

«Лѣсъ, какъ садъ, какъ паркъ царя или вельможи. Вездѣ виденъ бдительный глазъ и заботливая рука человѣка, которая беретъ обильную дань съ природы, не искажая и не оскорбляя ея величія. Глядя на эти коралловые заборы, вы подумаете, что за ними прячутся такіе же крѣпкіе домы — ничего не бывало: тамъ скромно стоятъ игрушечные домики, крытые черепицей, или бѣдныя хижины, вродѣ хлѣвовъ, крытыя рисовой соломой, о трехъ стѣнкахъ изъ тонкаго дерева, заплетеннаго бамбукомъ; четвертой стѣны нѣтъ: одна сторона дома открыта; она задвигается, въ случаѣ нужды, рамой, заклеенной бумагой, за неимѣніемъ стеколъ; это у зажиточныхъ домовъ, а у хижинъ вовсе не задвигается.

«Мы подошли къ красивому, объ одной аркѣ, надъ ручьемъ, мосту, сложенному плотно и массивно, тоже изъ коралловыхъ большихъ камней... Кто училъ этихъ дѣтей природы строить? невольно

спросишь себя: здѣсь никто не былъ; какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ узнали объ ихъ существованіи и въ первый разъ заглянули къ нимъ люди, умѣющіе строить такіе мосты; сами они нигдѣ не были. Это единственный уцѣлѣвшій клочокъ древняго міра, какъ изображаютъ его Библія и Гомеръ. Это не дикари, а народъ-пастыри, питающіеся отъ стадъ своихъ, патріархальные люди, съ полнымъ развитымъ понятіемъ о религіи, объ обязанностяхъ человѣка, о добродѣтели. Идите сюда повѣрять описанія библейскихъ и одиссеевскихъ мѣстностей, жилищъ, гостепріимства, первобытной тишины и простоты жизни. Васъ поразитъ мысль, что здѣсь живутъ двѣ тысячи лѣтъ безъ перемѣны. Люди, страсти, дѣла — все просто, несложно, первобытно. Въ природѣ тоже красота и покой; солнце свѣтитъ жарко и румяно, воды льются тихо, плоды висятъ готовые. Книгъ, пороху и другого подобнаго разврата нѣтъ. Посмотримъ, что будетъ дальше. Ужели новая цивилизація тронетъ и этотъ забытый, древній уголокъ?»

* * *

Идиллія — это праздничное, случайное настроеніе духа, идиллями жить нельзя — особенно такому выдержанному, спокойному человѣку, какъ Гончаровъ. Въ обычномъ настроеніи духа онъ является передъ нами, пожалуй, даже просвѣщеннымъ европейцемъ, любящимъ комфортъ и культуру и готовымъ ставить ихъ выше любой идиллической дикости. Обломовъ совершенно замолкаетъ въ немъ.

Послѣ долгаго десятимѣсячнаго странствованія фрегатъ «Паллада» бросилъ наконецъ якорь въ Нагасакскомъ рейдѣ.

«Декорація бухты, рейда, со множествомъ лодокъ, страннаго города съ кучей сѣренькихъ домовъ, пролива съ холмами, эта зелень, яркая на близкихъ, блѣдная на дальнихъ холмахъ; все такъ гармонично, живописно, такъ непохоже на дѣйствительность, что сомнѣваешься, не нарисовалъ-ли весь этотъ видъ, не взятъ-ли цѣликомъ изъ волшебнаго балета?»

«Что за заливцы, уголки, пріюты прохлады и лѣни образуютъ узоръ береговъ въ проливѣ? Вонъ тамъ идетъ глубоко въ холмъ ущелье, темное, какъ корридоръ, лѣсистое и такое узкое, что, кажется, ежеминутно грозитъ раздавить далеко запрятавшуюся туда деревеньку. Тутъ маленькая, обстановленная деревьями бухта, сонное затишье, гдѣ всегда темно и прохладно, гдѣ самый сильный вѣтеръ чуть-чуть рябитъ волны; тамъ безпечно отлыхаетъ выта-

щенная на берегъ лодка, уткнувшись однимъ концомъ въ воду, другимъ въ песокъ»...

Казалось-бы, забыться и заснуть! Но нѣтъ. Гончаровъ умѣлъ держать себя въ рукахъ. Какъ человѣкъ европейски образованный, къ тому же представитель эпохи перелома, съ юности уже ощутившій новыя трудовыя вѣянія,—онъ понималъ, что роль Обломова и обломовщины кончена. Онъ отрывается отъ очаровательной, полной лѣни и нѣги картины...

«Но съ страннымъ чувствомъ,—говоритъ онъ,—смотрю я на эти игриво-созданные смѣющіеся берега; непріятно видѣть этотъ сонъ, отсутствіе движенія. Люди появляются рѣдко, животныхъ не видать; я только разъ слышалъ собачій лай. Нѣтъ людской суеты, мало признаковъ жизни. Кромѣ караульныхъ лодокъ, другія робко и торопливо скользятъ у береговъ съ двумя-тремя голыми гребцами, съ слюнявымъ мальчишкой или остроглазой дѣвчонкой.

«Такъ-ли должны быть населены эти берега? Куда спрятались жители? Зачѣмъ не шевелятся они толпой на этихъ берегахъ? Отчего не видно работы, возни, нѣтъ шума, гама, криковъ, пѣсенъ, словомъ, кипѣнія жизни, или мышьей бѣготни, по выраженію поэта? Зачѣмъ по этимъ широкимъ водамъ не снуютъ взадъ и впередъ пароходы, а тащится какая-то неуклюжая большая лодка, завѣшанная синими, бѣлыми, красными тканями? Откуда слышенъ однообразный звукъ «бумъ-бумъ-бумъ» японскаго барабана? Это, скажутъ вамъ, физенскій или сатсумскій князья объѣзжаютъ свои владѣнія».

«Зачѣмъ же такъ пусты и безжизненны эти прекрасные берега? Зачѣмъ такъ скучно смотрѣть на нихъ, до того, что и выйти изъ каюты не хочется? Скоро-ли все это заселится, оживится?..»

Разумѣется, ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не могъ бы придти въ голову Ильѣ Ильичу Обломову. Онъ такъ искренне ненавидѣлъ «мышью бѣготню», такъ глубоко презиралъ всякую суетливость, что хотя тоже вѣроятно не вышелъ бы изъ каюты, но почувствовалъ бы на душѣ глубокое умиленіе и удовлетворенность. Очень можетъ быть, что и самъ Гончаровъ не совсѣмъ искрененъ въ данномъ случаѣ. Что-то головное, заученное, дѣланное слышится въ его словахъ. Тонъ его рѣчи не простой, какъ обыкновенно, а нѣсколько приподнятый, въ словахъ много недоговореннаго. Именно головой, а не сердцемъ, не всѣмъ существомъ своимъ воспринялъ Гончаровъ европейскую культуру и удивленіе передъ цивилизаціей и пожеланіе этой послѣдней всяческаго благополучія. Оттого не совсѣмъ

просты и живы его рѣчи по адресу культуры, какъ не просты и не живы Адуевы-дяди, Штольцы, Тушины.

Какъ бы оно ни было въ обычномъ настроеніи духа онъ твердо держится разъ избранной позиціи. Замѣчательна общая оцѣнка, которую онъ даетъ Японіи и японцамъ:

...«Японскій народъ чувствуетъ сильную потребность въ развитіи, и эта потребность проговаривается во многомъ. Притомъ онъ бѣденъ, нуждается въ сообщеніи съ другими. Порядочные люди, особенно изъ переводчиковъ, обращавшихся съ европейцами, охаютъ, какъ я писалъ, отъ скуки и недостатка жизни умственной и нравственной. Низшій классъ тоже съ завистью и удивленіемъ посматриваетъ на наши суда, на людей, проситъ у насъ вина, жадно пьетъ водку, хватаетъ брошенный кусокъ хлѣба, съ дѣтскимъ любопытствомъ вглядывается въ бездѣлки, ловитъ на лету въ своихъ лодкахъ какую-нибудь тряпку, прячетъ... Кликни только кличъ, и японцы толпой вырвутся изъ воротъ своей тюрьмы. Они общежительны, охотно увлекаются новизной; и не преслѣдуй у нихъ шпіоны, какъ контрабанду, каждое прошептанное съ иностранцами слово, обмѣненный взглядъ, наши суда сейчасъ же безъ всякихъ трактатовъ завалены бы были всевозможными товарами.

«Сколько у нихъ (японцевъ) жизни кроется подъ этой апатіей, сколько веселости, игривости. Куча способностей, дарованій — все это видно въ мелочахъ, въ пустомъ разговорѣ, но видно также, что нѣтъ только содержанія, что всѣ собственныя силы жизни перекипѣли, перегорѣли и требуютъ только новыхъ, освѣжительныхъ началъ. Японцы очень живы и натуральны; у нихъ мало такихъ нелѣпостей, какъ у китайцевъ; напримѣръ: тяжелой, недаптической, устарѣлой и ненужной учености, отъ которой люди дурѣютъ. Напротивъ, они все выѣдываютъ, обо всемъ распрашиваютъ и все записываютъ. Всѣ почти бывшіе въ Едо голландскіе путешественники разсказываютъ, что къ нимъ нарочно посылали японскихъ ученыхъ, чтобы заимствовать что-нибудь новое и полезное. Между тѣмъ китайскій ученый не смѣетъ даже выразить свою мысль живымъ, употребительнымъ языкомъ: это запрещено; онъ долженъ выражаться, какъ показано въ книгахъ. Если японцы и придерживаются стараго, то изъ боязни только новаго, хотя и убѣждены, что это новое лучше. Они сами скучаютъ и зѣваютъ, тогда какъ у китайцевъ, по разсказамъ, этого нѣтъ».

Я привелъ эти строки совсѣмъ не для того, чтобы читатель оцѣнилъ проницательность Гончарова, который понялъ японцевъ въ то

время, когда тѣ не подавали еще признаковъ жизни, а по совершенно другой причинѣ. Дѣло въ томъ, что разсужденія, подобно только что цитированнымъ, не остановятъ на себѣ особеннаго вниманія, встрѣться они въ какой-нибудь публицистической работѣ, тѣмъ болѣе въ журналѣ. Но гдѣ у классиковъ нашей литературы вы найдете что-нибудь подобное? Вѣдь здѣсь дикое, сонное состояніе прямо противополагается развитію, культурѣ и прямо въ защиту послѣднихъ; здѣсь культура и развитіе считаются необходимыми для народа и полезными ему... «Кликни только кличъ, и японцы толпой вырвутся изъ воротъ своей тюрьмы»... Зачѣмъ, будетъ-ли отъ этого лучше, не промѣняетъ-ли народъ свое спокойное, хотя бы сонное царство на мишуру и тревоги цивилизаціи,—да нужна-ли наконецъ эта цивилизація? А безъ нея—«по правдѣ, по мужицки, по дурацки»— развѣ нельзя? Гончаровъ даже не ставитъ себѣ этихъ вопросовъ, вѣроятно потому, что они просто не существовали для него. Гомерическое благоразуміе, которымъ онъ обладалъ, никогда не позволяло ему вдаваться въ крайности, и онъ склонялся передъ жизненной необходимостью довольный и спокойный, безъ сомнѣній, безъ протеста и колебаній въ душѣ. А между тѣмъ онъ и не думалъ закрывать глаза на правду жизни, какъ бы жестока она ни была. Онъ не думаетъ напримѣръ описывать радужными красками положеніе цивилизующихся народовъ, онъ даже сочувствуетъ ихъ страданіямъ въ процессѣ «приспособленія», но эти страданія не возмущаютъ его, не срываютъ невольнаго проклятія.. «Что дѣлать?..»— говоритъ онъ своимъ спокойнымъ, неторопливымъ голосомъ...

Среди классиковъ русской литературы страхъ передъ культурой, развитіемъ или меланхолическое сознаніе ихъ роковой, вредной необходимости — явленіе самое обычное. Не говорю уже о Толстомъ (онъ весь тутъ), но припомните Тургенева, Гоголя, Герцена, и вы убѣдитесь въ справедливости сказаннаго. Ниже мы еще вернемся къ этому и приглядимся къ причинамъ такого страннаго явленія; пока позволю себѣ привести квинтэссенцію «европейскихъ» взглядовъ Гончарова на культуру. Это извѣстное разсужденіе его о роскоши и комфортѣ.

«Роскошь—порокъ, уродливость, неестественное уклоненіе человѣка за предѣлы естественныхъ потребностей, развратъ. Развѣ не развратъ и не уродливость платить тысячу золотыхъ монетъ за блюдо изъ птичьихъ мозговъ, или языковъ, или филе изъ рыбы, не потому, чтобъ эти блюда были тоньше вкусомъ прочихъ недорогихъ, а потому, что этихъ мозговъ и рыбъ не напасешься? Или..

не безуміе-ли обѣдать на такомъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого, хоть бы пришлось отдать за него половину имѣнія? Не глупость-ли заковывать себя въ золото и каменья, въ которыхъ поворотиться трудно, или надѣвать кружева, чуть не изъ паутины, и бояться сѣсть, облокотиться?..

«Тщеславіе и грубое излишество въ наслажденіяхъ—вотъ отличительныя черты роскоши. Оттого роскошь недолговѣчна: она живетъ лихорадочною и эфемерною жизнью; никакіе крезы не достигаютъ до геркулесовыхъ столповъ въ ней; она падаетъ, истощившись въ насыщеніи, увлекая паденіемъ и торговлю. Рядомъ съ роскошью всегда таится невидимый ея врагъ—нищета, которая сторожитъ минуту, когда мишурная богиня зашатается на пьедесталѣ: она быстро, въ циническихъ лохмотьяхъ своихъ, сталкиваетъ царицу, садится на ея престолъ и гложетъ великолѣпные остатки.

«Вспомните не одну Венецію, а хоть Испанію, напримѣръ: ужъ, кажется, трудно выдумать наряднѣе епанчу, а въ какую дырявую мантію нарядилась она послѣ! Да однѣ-ли Испанія и Венеція?..

«Гдѣ роскошь, тамъ нѣтъ торговли; это конвульсивные, отчаянные скачки черезъ препятствія: перескачетъ, схватитъ—внизъ и сломаетъ ноги.

«Не таковъ комфортъ: какъ роскошь есть безуміе, уродливое и неестественное уклоненіе отъ указанныхъ природой и разумомъ потребностей, такъ комфортъ есть разумное, выработанное до строгости и тонкости, удовлетвореніе этимъ потребностямъ. Для роскоши нужны богатства: комфортъ доступенъ при обыкновенныхъ средствахъ. Богачъ устелетъ свою постель валансьенскими кружевами; комфортъ потребуетъ тонкаго и свѣжаго полотна. Роскошь садится на инкрустированномъ золоченомъ креслѣ, ѣстъ на золотѣ и серебрѣ; комфортъ требуетъ не золоченаго, но мягкаго, покойнаго кресла, хотя и не изъ рѣдкаго дерева; для стола онъ довольствуется фаянсомъ или, много, фарфоромъ. Роскошь потребуетъ рѣдкой дичи, фруктовъ не по сезону; комфортъ будетъ придерживаться своего обыкновеннаго стола, но зато онъ потребуетъ его вездѣ, куда ни заброситъ судьба человѣка: и въ Африкѣ, и на Сандвичевыхъ островахъ, и на Норд-Капѣ — вездѣ нужны ему свѣжіе припасы, мягкая говядина, молодая курица, старое вино. Вездѣ онъ хочетъ находить то сукно и шелкъ, въ которое одѣваются въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ; вездѣ къ его услугамъ долженъ быть сапожникъ, портной, прачка. Роскошь старается, чтобъ у меня было то, чего не можете имѣть вы; комфортъ, напротивъ, требуетъ, чтобъ я у васъ нашелъ то, что привыкъ видѣть у себя».

Если мнѣ скажутъ по поводу приведеннаго и многихъ подобныхъ ему разсужденій (между прочимъ патріотическихъ и даже нѣсколько вызывающихъ), что Гончаровъ писалъ письма съ «Фрегата Паллады» отчасти и какъ оффиціальное лицо, связанное из-

вѣстными обязательствами, то я отвѣчу, что придаю указанному обстоятельству очень мало значенія. Дѣло въ томъ, что Гончаровъ не сталъ бы кривить душой, какъ писатель, а во-вторыхъ подобные взгляды онъ высказывалъ не разъ и не только въ «Фрегатѣ Паллада». Нѣтъ, если ужъ искать причинъ, то будемъ ихъ искать поглубже—въ самой индивидуальности человѣка, условіяхъ его жизни, въ его ровномъ темпераментѣ, который бѣжитъ всякой крайности, умѣетъ дорожить жизнью, природой, творчествомъ съ здоровымъ аппетитомъ здороваго человѣка, тѣмъ болѣе такого, духъ котораго не помраченъ пресыщеніемъ и излишествами ряда предковъ.

V.

Обломовъ.

Западно-европейское начало и начало восточно-азіатское довольно мирно, безъ замѣтной борьбы уживались въ Гончаровѣ. Безусловно онъ не отдался ни одному изъ нихъ, а съумѣлъ найти среднюю безопасную позицію, на которой и держался втеченіе всей своей жизни. Первое заставляло его воспѣвать панегирики культурѣ, признавать ея необходимость и полезность, выставлять въ своихъ произведеніяхъ дѣятельные типы, какъ Штольцъ, Адуевъ-старшій, Тушинъ; второе создало Обломова,—величайшее художественное обобщеніе дореформенной барской Россіи, воплотившееся въ такомъ, казалось бы, невзрачномъ и незамѣтномъ лицѣ, какъ помѣщикъ средней руки. Какъ европеецъ, Гончаровъ подсмѣивался надъ Обломовымъ; какъ русскій баринъ, онъ любилъ его; любилъ его органически, какъ воспоминаніе дѣтства, какъ знакомое и привычное явленіе, какъ часть самого себя.

Онъ задумалъ изобразить Обломова еще въ сороковыхъ годахъ. Во время заграничнаго плаванія этотъ образъ сильно занималъ его. Припомните замѣчательную 1-ю главу 1-го тома «Фрегата Паллады». Гончаровъ противопоставляетъ здѣсь вѣчно-дѣятельнаго, занятаго, торопливаго англичанина лѣнивому и спокойному русскому барину. «Англичанину надо побывать въ банкѣ, потомъ въ трехъ городахъ, поспѣть на биржу, не опоздать въ засѣданіе парламента. Онъ все сдѣлаетъ, благодаря удобствамъ. Вотъ онъ, поэтическій образъ, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, обритый, обстриженный, съ удобствомъ, т. е. съ зонтикомъ подъ мышкой, выглядываетъ изъ вагона, изъ кэба, мелькаетъ на пароходахъ, сидитъ въ тавернѣ, плыветъ по Темзѣ, бродитъ по музеямъ, скачетъ въ паркѣ. Въ промежуткахъ онъ успѣлъ посмотрѣть травлю крысъ, какіе нибудь мостки, купилъ колодки отъ сапогъ дюка.

Мимоходомъ съѣлъ высиженнаго паромъ цыпленка, внесъ фунтъ стерлинговъ въ пользу бѣдныхъ. Послѣ того, спокойный сознаніемъ, что онъ прожилъ день со всѣми удобствами, что видѣлъ много замѣчательнаго, что у него есть дюкъ и паровые цыплята, что онъ выгодно продалъ на биржѣ партію бумажныхъ одѣялъ, а въ парламентѣ свой голосъ, онъ садится обѣдать и, вставъ изъ за стола, не совсѣмъ твердо вѣпаетъ къ шкафу и бюро неотпираемые замки, снимаетъ съ себя сапоги машинкой, заводитъ будильникъ и ложится спать. Вся машина засыпаетъ!..»

Легкій юморъ, проникающій эту картину, нисколько не мѣшаетъ ея общему впечатлѣнію. Рядомъ съ машинками, удобствами и паровыми цыплятами здѣсь все-же на первомъ планѣ стоятъ работа, предпріимчивость, энергія..

А что дѣлается въ то-же время въ благословенной Обломовкѣ?

«Вижу,—пишетъ Гончаровъ,—гдѣ-то далеко отсюда, въ просторной комнатѣ, на трехъ перинахъ глубоко спящаго человѣка: онъ и обѣими руками, и периной закрылъ свою голову, но мухи нашли свободныя мѣста и кучками усѣлись на щекѣ и на шеѣ.

«Спящій не тревожится этимъ.

«Онъ мирно почиваетъ; онъ не проснулся, когда посланная отъ барыни Парашка будитъ къ чаю; послѣ троекратнаго тщетнаго зова потолкала спящаго, хотя женскими, но довольно жесткими кулаками въ ребра; даже когда слуга въ деревенскихъ сапогахъ на солидныхъ подошвахъ съ гвоздями трижды входилъ и выходилъ, потрясая половицы. И солнце обжигало сначала темя, потомъ високъ спящаго—и все почивалъ...

«Баринъ проснулся наконецъ только потому, что ему привидѣлся дурной сонъ. Онъ одѣвается съ помощью Егорки, такъ какъ самъ никакъ не можетъ найти куда-то запропавшаго сапога. Завтракаютъ. Наконецъ «наступаетъ время дѣятельности», т. е. разговоръ съ воромъ-приказчикомъ, который немилосердно обкрадываетъ барина. Проходитъ нѣсколько часовъ въ щелканьи на счетахъ, и работа кончена.

«Ну, что еще? спрашиваетъ баринъ. Но въ это время раздается стукъ на мосту. Баринъ поглядѣлъ въ окно.—Кто то ѣдетъ,—сказалъ онъ; и приказчикъ взглянулъ.—Иванъ Петровичъ,—говоритъ приказчикъ,—въ двухъ повозкахъ.

«А!—радостно воскликнулъ баринъ, отодвигая счеты.

«Снова завтракъ, послѣ завтрака кофе. Иванъ Петровичъ пріѣхалъ на три дня съ женой, съ дѣтьми и съ гувернеромъ, и съ гу-

вернанткой, съ нянькой, съ двумя кучерами и двумя лакеями. Ихъ привезли восемь лошадей: все это поступило на трехдневное содержаніе хозяина. Иванъ Петровичъ—дальній родня ему по женѣ: не пріѣхать-же ему за 50 верстъ только пообѣдать! Послѣ объятій начался подробный разсказъ о трудностяхъ и опасностяхъ полуторасуточнаго переѣзда... И пошла бесѣда на три дня».

Гомерическіе обѣды смѣняются гомерическими ужинами, перемежаясь сладкимъ отдыхомъ на пуховикахъ и перинахъ. И многіе годы проходятъ такъ въ этой сытой, спокойной, дремлющей жизни, въ большомъ домѣ, переполненномъ чадами и домочадцами, дворней, дальними родственниками и приживалками.

Любитъ Гончаровъ эту жизнь и описываетъ мягкими, почти нѣжными красками, добродушно подсмѣиваясь надъ ней въ то же время въ качествѣ образованнаго европейца.

Но вернемся къ «Обломову». Задуманный еще въ концѣ 40-хъ годовъ, онъ былъ написанъ и законченъ лишь въ 57-мъ году, когда Гончаровъ былъ на водахъ въ Киссингенѣ. Появившись въ свѣтъ, романъ произвелъ истинный фуроръ во всѣхъ лагеряхъ безъ исключенія: въ литературной карьерѣ своего автора онъ сыгралъ роль Аустерлица. Напомню, и то въ общихъ чертахъ, что́ говорила по поводу Обломова молодая критика въ лицѣ двухъ лучшихъ своихъ представителей—Добролюбова и Писарева.

Характеризуя въ своей статьѣ «Что такое Обломовщина?» героя романа,— Добролюбовъ проводитъ поразившую современниковъ смѣлую аналогію между Обломовымъ и цѣлымъ рядомъ героевъ своего времени—Онѣгинымъ, Печоринымъ, Рудинымъ, Бельтовымъ. «Обломовка,—говоритъ Добролюбовъ,—есть наша прямая родина, ея владѣльцы—наши воспитатели, ея триста Захаровъ—всегда готовы къ нашимъ услугамъ. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова, и еще рано писать намъ надгробное слово Обломовкѣ»! Приравнивая такимъ образомъ русскую интеллигенцію къ обломовскому типу, Добролюбовъ продолжаетъ:

«Если я вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности, я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это Обломовъ.

«Если встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства, онъ—Обломовъ.

«Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности тихаго шага и т. п., я не сомнѣваюсь, что онъ—Обломовъ.

«Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что наконецъ сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали,—я думаю, что это все пишутъ изъ Обломовки.

«Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и втеченіе многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самые случаи (а иногда и новые) о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода,—я невольно чувствую, что я перешелъ въ старую Обломовку.

«Остановите этихъ людей въ ихъ шумномъ разглагольствованіи и скажите: «вы говорите, что не хорошо то и то; что же нужно дѣлать? Они не знаютъ... Предложите имъ самое простое средство, они скажутъ: «да какъ же это такъ вдругъ». Непремѣнно скажутъ, потому что Обломовы иначе отвѣчать не могутъ!.. Продолжайте разговоръ съ ними и спросите: что же вы намѣрены дѣлать?—Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ: «Что дѣлать?! разумѣется, покориться судьбѣ. Что же дѣлать? Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами...» и пр. Больше отъ нихъ вы ничего не дождетесь, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать Обломовщины».

Обломовщина для Добролюбова—это капризная лѣнь, барская изнѣженность, созданная услугами трехсотъ Захаровъ. «Общее разслабленіе,--говоритъ онъ,--болѣзненность,неспособность къ глубокой, сосредоточенной страсти характеризуютъ если не всѣхъ, то большинство нашихъ цивилизованныхъ собратій. Оттого-то они и мечутся безпрестанно то туда, то сюда, сами не зная, что имъ нужно и чего имъ жалко. Желаютъ они такъ, что жить безъ того не могутъ, а все-таки ничего не дѣлаютъ для осуществленія своихъ желаній; страдаютъ они такъ, что умереть лучше, а живутъ себѣ ничего, только меланхолическій видъ принимаютъ...»

Разумѣется, Добролюбовъ не находитъ въ душѣ ни крупицы симпатіи къ Обломову и обломовщинѣ. Онъ разсматриваетъ этотъ типъ исключительно съ точки зрѣнія его общественной пригодности. При такой постановкѣ вопроса обвинительный приговоръ неизбѣженъ. Вѣдь нельзя же не видѣть, что пухлый, красивый, добрый Илья Ильичъ—не болѣе какъ тунеядецъ чистой воды, что рабочее начало не привилось къ нему, да и не могло привиться, разъ къ его услугамъ триста Захаровъ.

Писаревъ въ своей юношеской, но блестящей статьѣ объ Обломовѣ удѣляетъ гораздо больше мѣста психологической критикѣ.

«Мысль Гончарова,—говоритъ онъ,—проведенная въ его романѣ, *принадлежитъ всѣмъ вѣкамъ и народамъ*, но имѣетъ особенное значеніе въ наше время, для нашего русскаго общества. Авторъ задумалъ прослѣдить мертвящее, губительное вліяніе, которое оказываютъ на человѣка умственная апатія, усыпленіе, овладѣвающее мало по малу всѣми силами души, охватывающее и сковывающее собою всѣ лучшія человѣческія, разумныя движенія и чувства.

«Эта апатія составляетъ явленіе общечеловѣческое; она выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и порождается самыми разнородными причинами; но вездѣ въ ней играетъ главную роль страшный вопросъ—зачѣмъ жить? къ чему трудиться?—вопросъ, на который человѣкъ часто не можетъ найти себѣ удовлетворительнаго отвѣта. Этотъ не разрѣшенный вопросъ, это неудовлетворенное сомнѣніе истощаютъ силы, губятъ дѣятельность: у человѣка опускаются руки, и онъ бросаетъ трудъ, не видя ему цѣли. Одинъ съ негодованіемъ и желчью отброситъ отъ себя работу, другой отложитъ ее въ сторону тихо и лѣниво; одинъ будетъ рваться изъ своего бездѣйствія, негодовать на себя и на людей, искать чего нибудь, чѣмъ можно было-бы наполнить внутреннюю пустоту; апатія его приметъ оттѣнокъ мрачнаго отчаянія; она будетъ перемежаться съ лихорадочными порывами къ безпорядочной дѣятельности и все-таки останется апатіей, потому что отниметъ у него силы дѣйствовать, чувствовать и жить.

«У другого равнодушіе къ жизни выразится въ болѣе мягкой, безцвѣтной формѣ; животные инстинкты безъ борьбы выплывутъ на поверхность души; замрутъ безъ боли высшія стремленія, человѣкъ опустится въ мягкое кресло и заснетъ, наслаждаясь своимъ безсмысленнымъ покоемъ; начнется вмѣсто жизни прозябаніе и въ душѣ человѣка образуется стоячая вода, до которой не коснется никакое волненіе внѣшняго міра, который не потревожитъ никакой внутренній переворотъ.

«Въ этомъ второмъ случаѣ является апатія покорная, мирная, улыбающаяся, безъ стремленія выйти изъ бездѣйствія; это обломовщина, какъ назвалъ ее Гончаровъ; *это болѣзнь, развитію которой способствуетъ и славянская природа, и жизнь нашего общества*».

* * *

Съ особеннымъ удовольствіемъ привелъ я немногія строки изъ статьи Писарева, по поводу которой, кстати замѣтить, самъ Гончаровъ говорилъ, что она—лучшее изъ всего написаннаго о его романѣ, потому что въ этихъ строкахъ прекрасно указана сложность элементарнаго по виду обломовскаго типа. На самомъ дѣлѣ его можно разсматривать съ трехъ точекъ зрѣнія, не говоря уже о художественной: патологической, исторической и этнографической. Обломовъ во-первыхъ боленъ, во вторыхъ онъ—помѣщикъ и баринъ, въ третьихъ—онъ русскій человѣкъ, въ которомъ давно отмѣченная «improductivitée slave», славянская непроизводительность, выразилась особенно рельефно.

Можно было-бы удивляться тому, что болѣзнь Обломова не была еще до сей поры отмѣчена нашей критикой *), еслибы не одно обстоятельство, а именно, что когда у насъ была настоящая критика—тогда не думали о нервныхъ болѣзняхъ, а лишь объ общественномъ содержаніи разсматриваемаго литературнаго явленія. Теперь-же, когда первныя болѣзни привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе и въ большей или меньшей степени въ главныхъ своихъ чертахъ извѣстны каждому образованному человѣку, у насъ нѣтъ критики въ истинномъ смыслѣ этого слова. Болѣзнь Обломова очевидна; она бросается въ глаза даже при поверхностномъ чтеніи романа; мало того, мы можемъ прослѣдить ее отъ первыхъ проявленій до послѣдняго паралличнаго удара, сведшаго бѣднаго Илью Ильича въ могилу. Руководимый чутьемъ художника, Гончаровъ нарисовалъ удивительно вѣрную «исторію болѣзни» своего героя съ такою основательностью, которой могъ бы позавидовать любой докторъ «нервныхъ и душевныхъ болѣзней». Болѣзнь Обломова не есть апатія (безчувствіе),—какъ думалъ Писаревъ,—но абулія, т. е. безволіе—одна изъ самыхъ распространенныхъ болѣзней нашего времени.

Здоровые нервы—крѣпкіе нервы, у Обломова же они настолько слабы и раздражительны, что довольно малѣйшаго толчка, чтобы на глазахъ его появлялись слезы. Онъ плачетъ, встрѣчая Штольца, плачетъ, слушая пѣніе и игру Ольги, плачетъ, сознавая свое безсиліе довести свой романъ до благополучнаго и необходимаго конца. Одни эти слезы уже съ достаточной ясностью говорятъ намъ о сильной распущенности нервныхъ центровъ, надъ которыми ихъ истинный царь—воля утеряла свою руководящую власть. Не менѣе

*) Кромѣ небольшой статьи г. Дриля въ «Юридическомъ Вѣстникѣ».

очевидно, что Обломовъ совершенно не умѣетъ сосредоточиваться ни на какой мысли, ни на какомъ чувствѣ. Его мысль неспособна работать хоть сколько нибудь систематически, настойчиво, послѣдовательно; она быстро утомляется, ей нужно постоянно что нибудь новое, чтобы удержаться въ напряженномъ состояніи; она не работаетъ какъ мысль, а только «порхаетъ» вслѣдъ за прихотливымъ воображеніемъ, являясь его покорнѣйшей слугой.

«Обломовъ,—пишетъ Гончаровъ про своего героя,—былъ человѣкъ лѣтъ тридцати-двухъ-трехъ отъ роду, средняго роста, пріятной наружности, съ темно сѣрыми глазами, но съ *отсутствіемъ всякой опредѣленной идеи, всякой сосредоточенности въ чертахъ лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала въ глазахъ, садилась на полуотворенныя губы, пряталась въ складкахъ лба, потомъ совсѣмъ пропадала* и тогда во всемъ лицѣ теплился ровный свѣтъ безпечности. Съ лица безпечность переходила въ позы всего тѣла, даже въ складки шлафрока».

Болѣзненные признаки душевнаго состоянія Обломова разбросаны на каждой страницѣ романа. Ему не просто *нехочется* работать, а онъ боится работы, какъ боится человѣкъ окунуться въ холодную воду, какъ боится онъ предстоящихъ физическихъ мукъ.

«Самая серьезная форма этой болѣзни воли—это атонія», душевная вялость, проглядывающая во всѣхъ поступкахъ человѣка. Каждый день онъ спитъ на нѣсколько часовъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, просыпается сонный, лѣнивый; нехотя, зѣвая, принимается за свой туалетъ и проводитъ за нимъ много времени. Ему «не по себѣ, не хочется приниматься ни за какую работу. За что-бы онъ ни взялся, онъ все зѣваетъ, холодно, апатично, лѣнивo». Лѣнь проступаетъ у него на лицѣ; на немъ можно прочесть скуку, истому; выраженіе какое-то неопредѣленное, вялое и вмѣстѣ съ тѣмъ озабоченное... Ни силы, ни отчетливости въ движеніяхъ.

«Основная лѣнь ничуть не исключаетъ минутныхъ вспышекъ энергіи. Дикіе, нецивилизованные народы боятся не чрезмѣрнаго напряженія силъ, а правильно организованнаго, непрерывнаго труда, который въ результатѣ поглощаетъ гораздо больше энергіи; постоянное, хотя-бы даже небольшое расходованіе энергіи истощаетъ въ концѣ концовъ сильнѣе, чѣмъ крупныя затраты, отдѣленныя одна отъ другой длинными промежутками отдыха... Только въ такомъ усиліи, умѣренномъ, но непрерывномъ, и живетъ истинная плодотворная энергія; это до такой степени вѣрно, что всякій трудъ, разъ онъ удаляется отъ этого типа, можетъ считаться лѣнивымъ трудомъ.

Само собою разумѣется, что непрерывный трудъ подразумѣваетъ постоянство направленія, ибо энергичная воля выражается не столько въ часто повторяемомъ усиліи, сколько въ томъ, чтобы всѣ силы ума были направлены къ одной и той-же цѣли». (Ж. Пэйо. «Воспитаніе воли»).

На *мгновенныя* вспышки энергіи Обломовъ былъ несомнѣнно способенъ хотя-бы и подъ сильнымъ чужимъ вліяніемъ. Онъ съумѣлъ даже «завоевать» сердце Ольги, но, какъ справедливо замѣтилъ еще Н. Ротшильдъ,—великій спеціалистъ по части завоеваній,—«пріобрѣсти не трудно, гораздо труднѣе удержать пріобрѣтенное». Этого Обломовъ не могъ и не умѣлъ. Для удержанія нужны систематическія усилія; всѣ-же усилія, на которыя только былъ способенъ Илья Ильичъ, поражаютъ своею разбросанностью.

Главное неудобство такой разбросанности усилій заключается въ томъ, что ни одно впечатлѣніе не успѣваетъ закончиться. Пока идеи и чувства заходятъ въ наше сознаніе лишь мимоходомъ, вродѣ того, какъ останавливается въ гостинницѣ проѣзжій, они остаются для насъ незнакомцами, которыхъ мы скоро забудемъ: таковъ, можно сказать, непреложный законъ умственнаго труда.

А его то и боялся Обломовъ, все равно какъ боялся онъ вѣтра, сырости, быстрой ѣзды. Этотъ страхъ передъ настоящимъ усиліемъ, т. е. передъ необходимостью координировать всѣ отдѣльныя усилія для достиженія одной опредѣленной цѣли, осложняется не менѣе сильнымъ страхомъ передъ усиліемъ самостоятельной мысли, и на самомъ дѣлѣ Илья Ильичъ готовъ былъ поручить всѣ свои дѣла первому встрѣчному проходимцу, лишь-бы не работать самому. «Да какъ я? да. развѣ я знаю? да развѣ я умѣю?!» —таковы обычные его вопросы.

Замѣчалъ ли читатель, что Обломовъ *трепещетъ* на протяженіи всего романа, за исключеніемъ развѣ самыхъ послѣднихъ страницъ? Онъ боится буквально всего: сквозного вѣтра, сырости, громкаго слова, непріятности, движенія, долговъ, приличій, суда, любви — причемъ слово «боится» я употребляю въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Страхъ не покидаетъ его почти ни на минуту, несмотря на гомерическую безпечность. А этотъ страхъ—вѣрный признакъ для психіатра: это характернѣйшій симптомъ болѣзней воли.

Я сказалъ уже, что мы можемъ прослѣдить развитіе «обломовщины» *какъ болѣзнь* отъ начала до конца. Ясности ради припомнимъ жизнь Ильи Ильича хотя-бы въ самыхъ общихъ чертахъ.

Илья Ильичъ стоитъ на рубежѣ двухъ взаимно-противопо-

ложныхъ направленій: онъ воспитанъ подъ вліяніемъ обстановки старо-русской жизни, привыкъ къ барству, бездѣйствію и къ полному угожденію своимъ физическимъ потребностямъ и даже прихотямъ; онъ провелъ дѣтство подъ любящимъ, но неосмысленнымъ надзоромъ совершенно неразвитыхъ родителей, наслаждавшихся впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ полной умственной дремотою, вродѣ той, которую охарактеризовалъ Гоголь въ своихъ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ». Онъ изнѣженъ и избалованъ, ослабленъ физически и нравственно; въ немъ старались, для его же пользы, подавлять порывы рѣзвости, свойственные дѣтскому возрасту, и движенія любознательности, просыпающіяся также въ годы младенчества: первые, по мнѣнію родителей, могли подвергнуть его ушибамъ и разнаго рода поврежденіямъ; вторыя могли разстроить здоровье и остановить развитіе физическихъ силъ. Кормленіе на убой, сонъ въ волю, поблажка всѣмъ желаніямъ и прихотямъ ребенка, неугрожавшимъ ему какимъ нибудь тѣлеснымъ поврежденіемъ, и тщательное удаленіе отъ всего, что можетъ простудить, обжечь, ушибить или утомить его—вотъ основныя начала Обломовскаго воспитанія. Сонная, рутинная обстановка деревенской, захолустной жизни дополнили то, чего не успѣли сдѣлать труды родителей и нянекъ. На тепличное растеніе, не ознакомившееся въ дѣтствѣ не только съ волненіями дѣйствительной жизни, но даже съ дѣтскими огорченіями и радостями, пахнуло струей свѣжаго дневного воздуха. Илья Ильичъ сталъ учиться и развился настолько, что понялъ, въ чемъ состоитъ жизнь, въ чемъ состоятъ обязанности человѣка. Онъ понялъ это умомъ, но не могъ сочувствовать воспринятымъ идеямъ о долгѣ, трудѣ и дѣятельности. Роковой вопросъ, къ чему жить и трудиться? самъ собою безъ всякаго приготовленія во всей своей ясности представился уму Ил. Ильича... Образованіе научило его презирать праздность, но сѣмена, брошенныя въ его душу природою и первоначальнымъ воспитаніемъ, принесли свои плоды.

Эти плоды извѣстны—постоянное лежаніе, лѣнь, развившаяся до полнаго безволія, и болѣзненный страхъ передъ требованіями дѣйствительной жизни.

* * *

Болѣзнь Обломова была бы не болѣе какъ интереснымъ патологическимъ случаемъ, еслибы Гончаровъ не показалъ намъ, какъ глубоко пущены ея корни и въ русскую жизнь, и въ русскую исторію. Анализируйте эту болѣзнь, и вы увидите, что источникъ

ея — услуги трехсотъ Захаровъ и легкая, праздная жизнь на чужой счетъ. Обломовъ—высшее достигнутое въ нашей литературѣ обобщеніе дореформенной, барской Россіи.

Обломовъ—баринъ. Съ дивнымъ комизмомъ выводитъ Гончаровъ на сцену его сословные взгляды въ разговорѣ съ Захаромъ, который имѣлъ несчастіе въ спорахъ о переѣздѣ на квартиру сказать, что «*другіе*-де переѣзжаютъ». Этимъ приравненіемъ себя къ другимъ Илья Ильичъ обидѣлся до глубины души.

— *Другой*,—ораторствовалъ Обломовъ въ поученіе Захару,—есть голь *окаянная*, грубый, необразованный человѣкъ, живетъ грязно, бѣдно, на чердакѣ; онъ и выспится себѣ на войлокѣ гдѣ нибудь на дворѣ. Что *этакому* сдѣлается? Ничего. *Трескаетъ* онъ картофель да селедку. Нужда мечетъ его изъ угла въ уголъ, онъ и бѣгаетъ день деньской. Онъ пожалуй и переѣдетъ на другую квартиру. Вонъ Лягаевъ возьметъ линейку подъ мышку, да двѣ рубашки въ носовой платокъ и идетъ. «Куда, молъ, ты?»

Дальше еще лучше:

— «Другой» *работаетъ* безъ устали,—продолжалъ онъ,—бѣгаетъ, суетится, не поработаетъ, такъ и не поѣстъ, другой кланяется, другой проситъ, унижается. А я? Ну-ка, рѣши: какъ ты думаешь, «другой» я—а?.. Да развѣ я мечусь, развѣ я *работаю? Маломъ что-ли? Худощавъ* или *жалокъ* на видъ? Развѣ не достаетъ мнѣ чего нибудь? Кажется, подать, сдѣлать—есть кому! *Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги*, какъ живу, слава Богу! Стану ли я безпокоиться? Изъ чего мнѣ? И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мною? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ *нѣжно*, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, *хлѣба себѣ не зарабатывалъ* и вообще чернымъ дѣломъ не занимался».

На сущности подчеркнутыхъ выраженій и основывается сословная гордость Обломова. И это не сатира. Ильѣ Ильичу на самомъ дѣлѣ больно и странно было-бы очутиться въ толпѣ «другихъ, работающихъ, худощавыхъ, полуголодныхъ, видѣвшихъ нужду и лишенія». «Бѣлая кость», пухлое нѣжное тѣло, матеріальная обезпеченность—все это, съ его точки зрѣнія, необходимыя принадлежности дворянскаго званія. Еслибы онъ мыслилъ послѣдовательно, еслибы не воспоминанія дѣтства, не запасъ—почти неистощимый—добродушія, онъ не могъ-бы и къ своему другу Штольцу относиться иначе, какъ съ презрѣніемъ...

Образованіе расширило мысль и симпатіи Обломова; онъ меч-

таетъ даже о всеобщемъ благополучіи, но это не мѣшаетъ ему обижаться, и притомъ глубоко, искренне обижаться, когда его приравниваютъ къ разношерстной суетливой толпѣ разночинцевъ. Онъ баринъ, но баринъ эпохи вырожденія, сословная гордость котораго опирается не на положительныя заслуги, а на отрицательное превосходство надъ другими... Счастье онъ не можетъ понимать иначе, какъ сытое довольство, какъ физическое блаженство.

«Теперь—пишетъ Гончаровъ — Обломова поглотила любимая мысль; онъ думалъ о маленькой колоніи друзей, которые поселятся въ деревенькахъ и фермахъ, въ пятнадцати или двадцати верстахъ отъ его деревни, какъ попеременно будутъ съѣзжаться каждый день другъ къ другу въ гости, обѣдать, ужинать, танцовать; ему видятся все ясные дни, ясныя лица, безъ заботъ и морщинъ, смѣющіяся, круглыя, съ яркимъ румянцемъ, съ довольнымъ подбородкомъ и неувядающимъ аппетитомъ; будетъ вѣчное лѣто, вѣчное веселье, сладкая ѣда, да сладкая лѣнь»...

Добролюбовъ пытался свести къ типу Обломова, къ воплощенію вырождающагося, больного барства, всѣхъ «героевъ нашего времени»—Онѣгиныхъ, Печориныхъ, Рудиныхъ, Бельтовыхъ. Отчасти это справедливо. Обломовская закваска есть у всѣхъ поименованныхъ героевъ, но только закваска. Генеалогія Ильи Ильича нѣсколько другая. Онъ—прямой сынъ и наслѣдникъ Манилова или Тентетникова; дѣдомъ или прадѣдомъ его можно считать Митрофанушку Простакова; въ близкомъ родствѣ съ нимъ состоятъ московскіе славянофилы, не Хомяковъ, не Аксаковъ, разумѣется, а тѣ, кто пониже—Загоскинъ напр.

Онѣгины, Печорины, Рудины, Бельтовы—все это разновидности того типа, который наилучшее свое воплощеніе нашелъ въ Чацкомъ Грибоѣдова и въ Чаадаевѣ и Герценѣ—въ жизни. Они недовольны, они мечутся и безпокойно ищутъ чего-то другого, новаго. Они—революціонеры по самому существу своему: печать Каина лежитъ на нихъ, и эта печать неизгладима. Западная цивилизація, броженіе европейской мысли захватило ихъ слишкомъ глубоко, чтобы они могли забыться и заснуть. Они оторваны отъ почвы, они—неудачники, они—безполезно даровитые люди, погибшіе подъ бременемъ своей даровитости...

Что такое Чацкій, Рудинъ, Бельтовъ и т. д.?

«Живучесть роли Чацкаго,— прекрасно говоритъ самъ Гончаровъ,—состоитъ не въ новизнѣ неизвѣстныхъ идей, блестящихъ гипо-

тезъ, горячихъ и дерзкихъ утопій или даже истинъ en herbe; у него нѣтъ отвлеченности. Провозвѣстники новой зари,—или фанатики, или просто вѣстовщики—всѣ эти передовые курьеры неизвѣстнаго будущаго являются и по извѣстному ходу общественнаго развитія должны являться, но ихъ роли и физіономіи до безконечности разнообразны.

«Роль и физіономія Чацкаго неизмѣнна. Чацкій больше всего обличитель лжи и всего, что отжило, что заглушаетъ новую жизнь, «жизнь свободную». Онъ знаетъ, за что онъ воюетъ и что должна принести ему эта жизнь. Онъ не теряетъ земли изъ подъ ногъ и не вѣритъ въ призракъ....

«Его идеалъ «свободной жизни» опредѣлителенъ: это—свобода отъ всѣхъ этихъ исчисленныхъ цѣпей рабства, которыми окована общество, а потомъ свобода—«вперить въ науки умъ, алчущій познаній», или безпрепятственно предаваться «искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ», свобода «служить или не служить», «жить въ деревнѣ или путешествовать», не слывя за то ни разбойникомъ, ни зажигателемъ,—и рядъ дальнѣйшихъ очередныхъ подобныхъ шаговъ къ свободѣ отъ несвободы».

Словомъ, Чацкій—представитель новаго наступающаго вѣка. Онъ—живой протестъ противъ безсмысленнаго деспотизма общества, господства стараго патріархальнаго быта. «Человѣкъ, личность, нравственно свободное существо» — вотъ краеугольный камень всѣхъ его разсужденій. «Чацкіе живутъ и не переводятся въ обществѣ, повторяясь на каждомъ шагу, въ каждомъ домѣ, гдѣ подъ одной кровлей ужимается старое съ молодымъ, гдѣ два вѣка сходятся лицомъ къ лицу въ тѣснотѣ семействъ, все длится борьба свѣжаго съ отжившимъ, больного съ здоровымъ и все бьются въ поединкахъ, какъ Горацій и Куріацій,—миніатюрные Фамусовы и Чацкіе».

Очевидно поэтому, что между Чацкимъ и родственными ему типами Бельтовыхъ, Рудиныхъ и т. д.—съ одной стороны, и Обломовымъ—съ другой, разница очень существенная. «Обломовъ—это квіэтическая Азія» прежде всего.

Посмотри: въ тѣни чинары
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ.

Поставьте вмѣсто чинары домъ на Гороховой улицѣ, вмѣсто

«вина»—квасъ, вмѣсто «шальваръ»—халатъ, и вы получите портретъ Ильи Ильича.

Однако величіе и емкость типа Обломова лучше можно оцѣнить, потому что черты обломовскаго характера можно найти не только у Бельтова и Рудина, но даже у самого Александра Алексѣевича Чацкаго. Припомните, какъ быстро утомляется онъ въ борьбѣ, какъ мало въ немъ выдержанности, дѣловитой приспособляемости. Молчалинъ упоминаетъ о его «быстрой связи съ министрами и еще болѣе быстромъ разрывѣ»». Эта быстрота, это отсутствіе дисциплины одинаково говорятъ намъ о томъ, что Чацкій способенъ лишь на *мгновенныя* усилія духа. Настоящая черная работа ему не по плечу: онъ слишкомъ баринъ для этого, слишкомъ аристократъ духа. Еще лучше свидѣтельствуетъ о безхарактерности Чацкаго общій смыслъ бозсмертной трагедіи Грибоѣдова. Онъ—общественный дѣятель, проповѣдникъ новыхъ грядущихъ началъ жизни; онъ говоритъ и дѣйствуетъ отъ полноты сердца и помышленія, а между тѣмъ чуть только Софья Павловна оказалась измѣнницей, какъ:

«Карету, мнѣ карету»!

и Чацкій ѣдетъ искать уголка для оскорбленнаго чувства. Соотвѣтствуетъ ли такая неровность, такая капризность роли проповѣдника? И что это за жажда искать уголковъ? Вѣдь уголки бываютъ разные, между прочимъ и на Гороховой улицѣ, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ мирно жилъ и мирно почивалъ Илья Ильичъ Обломовъ *).

* * *

Обыкновенно говорятъ: «Обломовъ — это старая крѣпостная Россія, 19-го февраля 61-го года Обломова не стало». Мнѣ думается, что это справедливо только отчасти. Точно ли совершенно и окончательно умеръ Илья Ильичъ?

Присмотритесь повнимательнѣе къ жизни, и вы, пожалуй, придете къ заключенію, что Обломовъ совсѣмъ умереть и не можетъ. Нѣтъ, Обломовъ—типъ не только временный, историческій, а племенной, стереть который изъ жизни не могутъ никакіе указы. По этому поводу мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ.

---

*) Мастерская и удивительная тонкая оцѣнка типа Чацкаго дана Щедринымъ въ «Молчалиныхъ». Нашъ сатирикъ нарисовалъ конецъ жизни Чацкаго—очень схожій съ времяпрепровожденіемъ Обломова.

Въ юные годы мы всѣ зачитывались романомъ Гончарова, не могли оторваться отъ дивныхъ страницъ, посвященныхъ сну Обломова, весело смѣялись надъ безпечностью и гомерическою лѣнью этого вѣчно лежащаго человѣка, напряженно слѣдили за его отношеніями къ Ольгѣ и немного даже плакали, услышавъ о его ужасно скучной смерти. Потомъ, когда мы стали постарше и вернулись къ Ильѣ Ильичу, перечли и передумали о немъ, намъ стало грустно. Насъ испугала рѣзкая правда романа, но особенно испугало то, что добродушный Илья Ильичъ, вся дѣятельность котораго заключается въ лежаніи, вся красота въ добродушіи, все жизненное назначеніе въ тунеядствѣ, никакъ не умѣщается въ рамкахъ романа, а выходитъ изъ нихъ, захватываетъ какъ будто большую полосу жизни, расплывается по всѣмъ общественнымъ отношеніямъ. Мы увидѣли, словомъ, что герой романа совсѣмъ не Обломовъ (какой же онъ герой), а обломовщина, что эта обломовщина удивительно какъ близка намъ и понятна до того, что мы сразу и невольно начинаемъ отыскивать въ себѣ обломовскія черты и, къ нашему ужасу, находимъ ихъ. А реформа Петра Великаго? Вѣдь достаточно краткаго учебника, чтобы понять, какіе удары были нанесены обломовщинѣ даже самыми маленькими мѣрами великаго преобразователя. Вся же его реформа—это борьба съ обломовщиной не на животъ, а на смерть, это живое отрицаніе ея во всемъ, это преслѣдованіе ея въ самыхъ затаенныхъ уголкахъ души человѣческой и общественной жизни. Однако обломовщина осталась и черезъ 170 лѣтъ послѣ смерти Петра является передъ нами во всемъ своемъ великолѣпіи...

Всю глубину и всеобъемлемость обломовскаго типа можно оцѣнить особенно хорошо, побывавши заграницей. У насъ теперь въ модѣ жалобы на переполненіе рынка, на жестокость конкуренціи, на безпокойство жизни вообще. Мы говоримъ, что приходится слишкомъ много работать, чтобы поддержать жизнь, которая становится изо дня въ день суровѣе, безжалостнѣе. Побывайте заграницей. Если у насъ говорятъ о тѣснотѣ, то что-же прикажете говорить тамъ? Если у насъ жалуются на конкуренцію и переполненіе рынка, то на что же прикажете жаловаться тамъ? Тамъ человѣкъ дѣйствительно напрягаетъ всѣ свои нервы и мускулы, чтобы перебиваться со дня на день, тамъ онъ пускаетъ въ оборотъ всѣ свои знанія, чувства, силы. Тамъ онъ постоянно на чеку, постоянно борется, стремится, бѣжитъ, не давая себѣ ни отдыха, ни срока. Онъ уже не отложитъ нужнаго дѣла на завтрашній день, не будетъ полагаться на авось,

не будетъ даже оглядываться: онъ весь—нервы, весь—напряженіе весь—воля, которая имѣетъ передъ собой вполнѣ опредѣленную ясно сознанную цѣль. Мы бы, русскіе люди, не вынесли, пожалуй, недѣли такой жизни, у насъ бы сразу закружилась голова и опустились руки. Однако мы жалуемся... Вѣдь вотъ, кажется, 150 лѣтъ муштруютъ насъ по части государственности и исполненія гражданскихъ обязанностей. А кому вошли они въ плоть и кровь? Кто изъ насъ—изъ громаднаго большинства—способенъ на какую-нибудь инициативу, не обладаетъ голубиною кротостью, мягкодушіемъ и лѣнью Обломова, на почвѣ которыхъ возможны всякія посягательства на нашу самостоятельность, личное счастье, счастье близкихъ намъ людей? Какъ угодно, Обломовъ глубоко засѣлъ въ насъ, и даже въ самомъ послѣднемъ изъ нашихъ движеній—толстовщинѣ—трудно не замѣтить черть, свойственныхъ обломовскому типу. Толстовщина—это послѣднее слово, сказанное русскими людьми послѣ краткаго періода воодушевленія, — по духу своему какъ нельзя лучше напоминаетъ Илья Ильича и присныхъ его.

Толстовцы хотятъ отрѣшиться отъ всѣхъ формъ, выработанныхъ государственной жизнью, отъ культуры и цивилизаціи, гражданскаго общества и семьи, дѣятельности воли и разума; они могутъ мудрить сколько имъ угодно, но ихъ идеалъ—растительная жизнь. Они – люди усталые, не терпящіе ни рынка, ни конкуренціи и прямо себя рекомендуютъ таковыми. Ихъ привлекаетъ Нирвана, полное спокойствіе души, полная неподвижность и однообразіе бытія. Бороться съ жизнью и ея зломъ они не намѣрены; уставши, они уходятъ на покой въ деревню, на подножный кормъ, гдѣ могутъ дышать свѣжимъ воздухомъ, спать спокойнымъ сномъ. Трудъ—простая необходимость, имѣющая цѣлью только поддержать жизнь, а не совершенствовать ее; еслибы можно было питаться однимъ воздухомъ, они отбросили-бы работу, какъ отбросили науку и цивилизацію.

Да, Обломовъ живъ. Онъ возрождается съ каждымъ поколѣніемъ, мѣняя свою форму, но въ глубинѣ души пребывая тѣмъ-же мягкосердечнымъ, горизонтальнымъ человѣкомъ, не видящимъ и не понимающимъ смысла дѣятельности, во имя покоя готовымъ отрицать счастье. Обломовъ живъ, и со стороны даже жалко смотрѣть, какъ его муштруютъ, дисциплинируютъ, открываютъ ему европейскую науку и европейскіе идеалы. Онъ лежать хочетъ, а его гонятъ въ департаментъ, заставляютъ сочинять проекты, усовершенствовать одно, передѣлывать другое, бороться въ жизни... Бѣдный го-

ризонтальный человѣкъ, которому всѣ эти призывы къ дѣятельности ужасно надоѣли и которому вѣроятно спать хочется, на всѣ эти призывы и воззванія отвѣчаетъ: «пустите душу на покаяніе, хочу опроститься!»

Славянофилы сдѣлали довольно много для выясненія русскаго народнаго типа. Этотъ типъ возведенъ ими въ идеалъ, въ перлъ созданія. Любопытно сравнить этотъ идеальный типъ съ Обломовымъ.

Говорятъ, въ русскомъ человѣкѣ замѣчается халатность въ отношеніи самыхъ элементарныхъ обязанностей. Онъ сравнительно легко уступаетъ свое право и нерѣдко легкомысленно, безъ тяжелой внутренней борьбы уклоняется отъ своихъ обязанностей. Эта черта подмѣчена совершенно вѣрно, но развѣ она не обломовская? Илья Ильичъ навѣрное забудетъ уплатить долги къ сроку и не пойметъ даже, что такъ нельзя, ни зачто не исполнитъ взятаго на себя порученія, будетъ откладывать нужное письмо со дня на день и въ концѣ концовъ совсѣмъ его не напишетъ.

Говорятъ далѣе: для русскаго человѣка моральность выше легальности. Если отсюда вытекаетъ нѣкоторая наша безпорядочность, халатность и неряшливость въ исполненіи житейскихъ обязанностей нашихъ, нѣкоторый недостатокъ того, что называется вексельною обязанностью, составляющей высшую гордость и славу заправскаго западнаго буржуа, то всѣ эти недостатки наши связаны именно съ тѣмъ, что у насъ всегда моральность выше легальности, душа дороже формальной организаціи. Или какъ это давно сказано:

По причинамъ органическимъ,
Мы совсѣмъ не снабжены
Смысломъ здравымъ, юридическимъ,
Симъ несчадьемъ сатаны.
Широки натуры русскія,
Нашей правды идеалъ
Не влѣзаетъ въ формы узкія
Юридическихъ началъ.

Даже различіе между западной и русской исторіей видятъ прежде всего въ томъ, что западный человѣкъ устремляетъ всѣ усилія своего духа на пріобрѣтеніе права, русскій же человѣкъ «плевать хочетъ на всѣ права» и мечтаетъ о жизни «по-божьи».

Не буду поднимать вопроса, хороши ли всѣ вышеупомянутыя качества, или нѣтъ. Важно отмѣтить въ нихъ черту обломовщины. Ужъ Обломову дѣйствительно никакого дѣла не было до юридическихъ началъ: никакого, даже слабаго, представленія о своихъ ира-

вахъ, правахъ личности, гражданина, онъ не имѣлъ. Это чистое отрицаніе всякой гражданственности—конечный идеалъ всякихъ опростителей. Даже органическій пессимизмъ, сидящій въ Обломовѣ, не позволяющій видѣть какой бы то ни было смыслъ въ какой бы то ни было дѣятельности, какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ его натурѣ. Къ довершенію всего, мягкосердечіе, добродушіе, душевная кротость заставляютъ всегда предпочитать моральность легальности.

* * *

Мнѣ приходится извиниться за то, что я такъ долго останавливался на характеристикѣ Обломова. Но мнѣ думается, что выясненіе этого типа такъ-же важно и необходимо для пониманія Гончарова, какъ Печорина и Демона—для Лермонтова, Рудина — для Тургенева и т. д. Много своего вложилъ Гончаровъ въ созданіе Адуева-племянника, отчасти Райскаго, но Обломовъ—самый близкій ему характеръ, самое родственное созданіе его генія. Онъ самъ сознается въ этомъ, и не повѣрить ему даже при поверхностномъ, т. е. единственно доступномъ для насъ знаніи его жизни,—невозможно.

Это не значитъ, что Гончаровъ и Обломовъ—двойники. Гончаровъ шире, сложнѣе. Въ его характерѣ не мало такихъ элементовъ, которые противорѣчатъ чистому и художественно упрощенному образу Ильи Ильича. Сознаніе необходимости работы было въ немъ глубже, искреннѣе. Онъ не только примирился съ требованіями культурной жизни, но и призналъ ихъ за доброе. Въ процессѣ своего творчества, подчиняясь художественной необходимости синтеза, обобщенія, Гончаровъ вытянулъ всю жизнь своего героя въ одну линію, подчинивъ его одному общему началу, придавъ ему не только господствующее, но и исключительное значеніе.

Это и дало ему возможность отнестись къ Обломову, хотя и съ несомнѣнной любовью, пожалуй даже лаской, но все же, какъ къ типу отживающему, если даже не отжившему свое время. Самъ онъ былъ шире, новѣе, съ задатками дѣловитаго будущаго въ себѣ. Но корень въ томъ и другомъ случаѣ тотъ-же самый.

VI.

Эпосъ «дореформенной Россіи».

«Обломовъ», понятый публикой и критикой, какъ обличительный романъ, задача котораго осмѣять русскую лѣнь и крѣпостное барство, имѣлъ громадный успѣхъ. Гончаровъ очутился такъ высоко на литературномъ Парнасѣ, что его чуть ли не приравнивали къ Гоголю. Статья Добролюбова—рѣзкая, опредѣленная, по обыкновенію съ запасомъ убійственнаго яда по адресу всѣхъ мракобѣсовъ—сдѣлала свое дѣло. Выше Гончаровъ не поднимался, но во мнѣніи нѣкоторой части публики ему скоро пришлось спуститься ниже, гораздо ниже. Но прежде нѣсколько фактовъ чисто біографическаго свойства.

По возвращеніи изъ кругосвѣтнаго плаванія Гончаровъ снова поступилъ на государственную службу въ тотъ же департаментъ внѣшней торговли, столоначальникомъ, но вскорѣ, именно въ 1858 г., перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія—въ цензурное вѣдомство. Въ 1862 г. ему поручено было редактированіе оффиціальной «Сѣверной Почты», и онъ ее редактировалъ такъ, какъ въ настоящее время редактируются напр. «Правительственный Вѣстникъ» или «Вѣдомости Спб. Градоначальства и полиціи». Что онъ служилъ аккуратно и основательно, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ мы знаемъ, что его постоянно повышали и въ чинахъ, и должностяхъ: сначала онъ былъ цензоромъ, потомъ членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Но *какъ* онъ служилъ напр. въ должности цензора—мы ничего не знаемъ. Кажется, онъ ничего не гналъ, особенно систематически, и вообще придерживался циркуляровъ. Репутаціи уступчивости и особой любезности, такъ украшающей цензоровъ, онъ во всякомъ случаѣ не пріобрѣлъ. быть можетъ просто вслѣдствіе своей апатичности.

1868-ой годъ ознаменовался крупнымъ событіемъ въ его литературной жизни; на страницахъ «Вѣстника Европы» появился наконецъ

«Обрывъ», «романъ въ пяти частяхъ съ эпилогомъ». Судя по всему, это было самое любимое дѣтище Гончарова. Задуманный почти въ одно время съ «Обломовымъ», «Обрывъ» писался и обрабатывался цѣлыхъ 20 лѣтъ!..

«Въ «Обрывѣ» — говоритъ Гончаровъ — больше и прежде всего меня занимали три лица — Райскій, бабушка и Вѣра, но особенно Райскій. Труднѣе всего было мнѣ вдумываться въ этотъ неопредѣленный, туманный еще тогда для меня образъ, сложный, измѣнчивый, капризный, почти неуловимый, слагавшійся постепенно, съ ходомъ времени, которое отражало на немъ всѣ переливы свѣта и красокъ, т. е. видоизмѣненія общественнаго развитія. Я долженъ былъ его, больше чѣмъ кого нибудь, писать инстинктомъ, глядя то въ себя, то вокругъ, безпрестанно говоря о немъ въ кругу тогдашнихъ литераторовъ, повѣряя себя, допрашиваясь ихъ мнѣній, читая имъ на выдержку отдѣльныя главы, объясняя, что будетъ дальше, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе производитъ онъ, и бодрѣе идти впередъ. И это началось съ 1855-го года (романъ задуманъ былъ въ 1849-мъ году), когда я послѣ 14-ти лѣтняго отсутствія пріѣхалъ повидаться съ родственниками на Волгу. Тутъ толпой хлынули ко мнѣ старыя знакомыя лица, я увидѣлъ еще не отжившій тогда патріархальный бытъ и вмѣстѣ новые побѣги — смѣсь молодого съ старымъ. Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ, воспоминанія дѣтства — все это залегло мнѣ въ голову и почти мѣшало кончить «Обломова», котораго написана была первая часть, а остальныя гнѣздились въ головѣ. Я унесъ новый романъ, возилъ его вокругъ свѣта въ головѣ и въ программѣ, небрежно написанной на клочкахъ, и говорилъ, разсказывалъ, читалъ вслухъ всѣмъ кому попало, радуясь своему запасу.

«Кончилъ «Фрегатъ Паллада», кончилъ въ 1857 г. заграницею на водахъ «Обломова»... Послѣ того весь отдался «Обрыву», который извѣстенъ былъ тогда въ кружкѣ нашемъ просто подъ именемъ «Художника»...

Изъ этихъ словъ видно, что Гончаровъ дѣйствительно 20 лѣтъ писалъ и обдумывалъ «Обрывъ» (1849—1868), вынашивая каждую его подробность въ глубинѣ своего таланта. За 20 лѣтъ успѣлъ смѣниться цѣлое поколѣніе. Россія изъ самаго мрачнаго періода Николаевской эпохи перешла къ обновленію, обновилась дѣйствительно съ головы до ногъ и даже успѣла разочароваться въ своемъ новаторствѣ... А Гончаровъ все писалъ и писалъ свою поэму, почти не откликаясь на безчисленныя новшества, волновавшіяся

вокругъ него. Его взглядъ, какъ всегда, былъ устремленъ на прошлое, гдѣ онъ находилъ цѣльные образы, цѣльные характеры. «Обрывъ» по замыслу долженъ былъ воплотить въ себѣ весь богатый жизненный опытъ автора, быть, такъ сказать, художественной энциклопедіей его взглядовъ, симпатій, убѣжденій, таланта. Въ сущности такъ оно и вышло. Почему критика не оцѣнила «Обрыва» и низвела Гончарова, прославленнаго за «Обломова», на ступень «меньшихъ боговъ»? Причину этого надо искать, кажется, въ неопредѣленности той эпохи, когда онъ появился. Къ этому году вмѣстѣ съ Писаревымъ была похоронена и русская критика; «Современникъ» и «Русское Слово» были давно закрыты, «Дѣло» никакъ не могло стать на ноги, «Отечественныя Записки» только что устанавливались. И этотъ сумбуръ въ журналистикѣ вполнѣ соотвѣтствовалъ сумбуру въ умахъ и настроеніяхъ. Успѣли уже достаточно разочароваться въ недавнемъ прошломъ, но какимъ новымъ очарованіемъ замѣнить прежнее не знали. Вмѣстѣ съ Тургеневымъ многіе склонялись къ тому, что все «дымъ». И вдругъ въ это время является произведеніе, проникнутое опредѣленнымъ, а главное положительнымъ взглядомъ на жизнь, произведеніе почти оптимистическое... Люди недовольны, люди ищутъ, а имъ говорятъ: «нечѣмъ быть недовольнымъ, нечего и искать особенно: вѣдь въ сущности все, что нужно для счастья и для разумной жизни, у насъ есть подъ рукою. Только осмотритесь внимательно и вы увидите грандіозный запасъ силъ, способность выдержать какую угодно суровую жизненную борьбу»... Сказано это было спокойнымъ, убѣжденнымъ голосомъ. Какимъ-же путемъ спросили себя, авторъ дошелъ до такой точки зрѣнія? Посмотрѣли и увидѣли, что причина кроется въ томъ, что Гончаровъ не ненавидитъ старое, а, напротивъ, любитъ его, признаетъ его здоровымъ, сильнымъ и всѣ свои надежды возлагаетъ на примиреніе стараго и новаго. Для такой уравновѣшенной точки зрѣнія не могло быть сочувствія.

Я не стану разбирать романа;—это завело бы меня слишкомъ далеко. Но не могу не сказать нѣсколько словъ о двухъ центральныхъ фигурахъ «Обрыва»—Райскомъ и бабушкѣ, по крайней мѣрѣ о томъ толкованіи, которое давалъ имъ самъ Гончаровъ.

Райскій—для него герой «пробужденія». Онъ «воюетъ противъ изнѣженности, барства, стараго быта, но охотно спитъ на мягкой постели, хорошо ѣстъ и даже, какъ прямой сынъ Обломова, даетъ, ворча, снимать съ себя Егоркѣ сапоги (Обломовъ требовалъ, чтобы Захаръ натягивалъ на него чулки). Самъ онъ живетъ подъ игомъ

еще неотмѣненнаго крѣпостного права и сложившихся при немъ нравовъ, и оттого воюетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ: совѣтуетъ бабушкѣ отпустить мужиковъ на всѣ четыре стороны и предоставить имъ дѣлать, что они хотятъ, а самъ въ дѣло не вмѣшивается, хотя имѣніе его.

«Это колебаніе и нерѣшительность,—говоритъ Гончаровъ—весьма естественны: колебалось все общество русское, всякій уголокъ его. Крупные и крутые повороты не могутъ совершаться какъ перемѣна платья; они совершаются постепенно, пока всѣ атомы броженія не осилятъ—сильные слабыхъ и не сольются въ одно. Таковы всѣ переходныя эпохи.

«Мелкая пресса смѣялась когда-то надъ этою постепенностью и насмѣшливо прозвала «постепеновцами» всѣхъ партизановъ этого мудраго закона, дающаго старому отживать свою пору, а новому упрочиваться безъ насилія, боя и крови!..

«Райскій успѣлъ только сломать одно ветхое, старое дупло, всѣхъ царапавшее и не дававшее мѣста новымъ побѣгамъ, именно стараго чиновника—генерала Тычкова». А большаго—увы!—онъ, несмотря на всю даровитость своей натуры, не могъ сдѣлать ничего. Онъ принадлежитъ къ тому распространенному типу русскихъ людей, которыхъ я какъ-то, выше, назвалъ безполезно-даровитыми. Онъ и художникъ, и скульпторъ, и писатель, даже, если хотите, реформаторъ, но изъ его художества ничего не выходитъ, кромѣ подмалевокъ, изъ скульптуры—кромѣ глиняныхъ болвановъ для будущихъ статуй, изъ писательства—набросковъ, изъ реформаторства-же совсѣмъ ничего не выходитъ. У него нѣтъ внутренней дисциплины, нѣтъ трудовой, рабочей воли, а безъ нея талантъ то-же самое, что паръ, пробивающійся изъ разбитаго котла и не могущій попасть подъ поршень. Онъ—родной сынъ Обломова, но уже способный къ страсти, вѣчно куда то торопящійся, никогда ничего не дѣлающій.

Бабушка куда дѣловитѣе его.

«Бабушка,—характеризуетъ ее Гончаровъ,—говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовыя сентенціи старой мудрости, но въ новыхъ какихъ нибудь, неожиданныхъ для нея случаяхъ у нея выступали собственныя силы и она дѣйствовала своеобразно. Сквозь обветшавшую, негодную мудрость у нея пробивалась струя здраваго смысла. Только она пугалась немного новаго и безпокойно искала подкрѣпить его бывшими примѣрами. Весь смыслъ ея характера таковъ, что она старуха твердая, властная, упорная, уступать не любитъ, хотя про себя и сознаетъ, что внукъ Райскій часто правъ.

Но она велитъ ему и тогда молчать, «молодъ перечить бабушкѣ»— говоритъ она. Она любитъ, чтобы ей всѣ повиновались, и Марфинька ей милѣе всѣхъ, потому что она изъ послушанія бабушкѣ не выходитъ. Этотъ мотивъ о послушаніи проходитъ черезъ весь романъ въ ея характерѣ. На Вѣру она косится, что та удаляется, едва слушаетъ ея совѣты, и она поневолѣ, скрѣпя сердце, даетъ ей нѣкоторую свободу. И всѣхъ, и все въ домѣ она блюдетъ зоркимъ окомъ и видитъ изъ одного окна свою деревню, поля, изъ другого—садъ, огородъ и людскія. Ничто не шевельнется въ деревнѣ и домѣ безъ ея спроса, воли и вѣдома. Она хозяйничаетъ и въ полѣ, и кладовыхъ; съ мужиками и съ цѣлымъ городомъ держитъ себя гордо и повелительно».

Но, несмотря на всю ея убѣжденность, на всю гордость ея воли,—въ ней нѣтъ самолюбиваго раздраженія противъ новаго. Она—довольная старымъ, боится новаго и лишь по необходимости уступаетъ ему.

Борьба стараго съ новымъ тянется черезъ весь романъ, и всѣ главныя дѣйствующія лица принимаютъ въ ней участіе. Гончаровъ не становится ни на чью сторону, онъ хочетъ одного—примиренія обоихъ началъ возможно гармоническаго. Онъ *любитъ* старое—это несомнѣнно; онъ *сочувствуетъ* новому, но только сочувствуетъ, и притомъ въ самой незначительной, постепеновской дозѣ. Это и отразилось на архитектурѣ лицъ романа. Маркъ Волоховъ въ сущности безобразенъ; Гончаровъ казнитъ его и очень серьезно казнитъ за то, что въ «новомъ» онъ хватилъ черезъ край. Тушинъ—тоже «новая сила», но онъ блѣденъ, безличенъ, безъ крови и мяса. Полина Карповна—«femme émancipée»—просто смѣшна съ своимъ «вижю», вмѣсто «вижу», своею жеманной непроходимой глупостью. Но можно ли создавать живой человѣческій образъ съ однимъ сочувствіемъ къ нему, безъ любви?

Самъ Гончаровъ говоритъ: «нельзя».

«Нѣтъ,—пишетъ онъ.—напрасно будетъ пророчить себѣ этотъ новый родъ реализма долгій вѣкъ, если откажется отъ пособія фантазіи, юмора, типичности, живописи, вообще поэзіи, и будетъ пробавляться однимъ умомъ, безъ участія *сердца*! Написалъ ли бы безъ всего этого, и между прочимъ безъ *сердца*, Грибоѣдовъ свою горячо любимую имъ Москву, Пушкинъ—своего Онѣгина... Другой огромный талантъ—Островскій, безъ *любви* къ каждому камню Москвы, къ каждому горбатому переулку, къ каждому москвичу, шевелящемуся въ своей кучѣ сора и хлама, создалъ-ли бы весь этотъ чудный міръ, съ его духомъ, обычаями, дѣлами, страстями, безъ этой

любви, которая сквозитъ въ его изображеніяхъ царей, Минныхъ, Брусковыхъ, ихъ женъ, дѣтей, свахъ и проч. Отъ этого въ его безконечныхъ галлереяхъ и является вся великая Россія «во очью», что она писалась фантазіею, юморомъ и любовью, разсыпалась на безчисленныя разновидности типовъ, характерныхъ, всѣмъ знакомыхъ сценъ, именно потому всѣмъ знакомыхъ, что они возсоздавались художническою поэтическою костью, а не просто копировались съ жизни».

Но очевидно, что Гончаровъ не могъ любить Марка Волохова и могъ только уважать Тушина. Онъ любилъ бабушку, Марфиньку, Вѣру—и всѣ онѣ вышли у него живыми. Потому-то въ «Обрывѣ» рядомъ съ страницами, которыя смѣло можно занести въ золотую книгу русской литературы, есть не мало и такихъ, подъ которыми слѣдовало-бы подписаться не Гончарову. а развѣ какому нибудь вѣчно начинающему второстепенному беллетристу.

Дореформенная Россія съ соціологической точки зрѣнія—это патріархальный бытъ, основанный на безусловномъ повиновеніи младшихъ старшимъ и подчиненныхъ своимъ начальникамъ. Безличность—вотъ альфа и омега такого существованія. Въ этой области Гончаровъ значительно отошелъ отъ стараго и приблизился къ новому. Онъ признаетъ личную свободу человѣка, право чувства и страсти, хотя, разумѣется, разнузданность ненавистна ему. Борьбѣ страсти, какъ начала личнаго съ патріархальнымъ, отведено крупное мѣсто въ разбираемомъ романѣ. Поэтому не грѣхъ, если мы постараемся отвѣтить на вопросъ, какъ смотрѣлъ Гончаровъ на страсть,—этого разрушителя правилъ, преданій, обычаевъ.

«Вообще—говоритъонъ—меня всюду поражалъ процессъразнообразнаго появленія страсти, т. е. любви—которая, что бы ни говорили, имѣетъ громадное вліяніе на судьбу людей и людскихъ дѣлъ. Я наблюдалъ игру этой страсти всюду, гдѣ видѣлъ ея признаки, и всегда порывался изобразить ихъ,—можетъ быть потому, что игра страстей даетъ художнику богатый матеріалъ живыхъ эффектовъ, драматическихъ положеній и сообщаетъ больше жизни его созданіямъ. Работая надъ серьезной и пылкой страстью Вѣры, я невольно расшевелилъ и исчерпалъ въ романѣ почти всѣ образы страстей. Явилась страсть Райскаго къ Вѣрѣ, особый видъ страсти, свойственный его характеру; потомъ страсть Тушина къ ней-же, глубокая, разумночеловѣческая, основанная на сознаніи и убѣжденіи въ нравственныхъ совершенствахъ Вѣры; далѣе безсознательная, почти слѣпая страсть учителя Козлова къ своей невѣрной женѣ; наконецъ дикая, живот-

пая, но упорная и сосредоточенная страсть простого мужика Саволья къ женѣ его Маринѣ, этой крѣпостной Мессалинѣ. Я не соображалъ и не разсчитывалъ этого, какъ алгебраическую выкладку: нѣтъ, всѣ эти параллели страстей явились сами собою, какъ сами-же собой, будто для противоположности этимъ страстямъ, явились двѣ женскія фигуры безъ всякаго признака страстей: это —Софья Бѣловодова, петербургская дама, и Марфинька, сестра Вѣры».

. . . . . .

«Весь рядъ этихъ личностей представляетъ нѣкоторую градацію, гдѣ на высотѣ стоятъ безупречная Бѣловодова и Марфинька, потомъ бабушка и Вѣра и наконецъ нисходитъ до крайняго злоупотребленія человѣческой натуры — въ женѣ Козлова и въ Маринѣ. Послѣдняя уже представляетъ окончательное паденіе человѣка до животнаго. Нерѣдко слышишь упреки: зачѣмъ художникъ избираетъ такіе сюжеты, какъ напримѣръ болѣзни страсти, ихъ уродливости, безобразныя явленія, и такія лица, какъ Вѣра, бабушка, съ ихъ паденіями, и наконецъ жена Козлова и Марина? Какъ скоро эти лица—люди, такъ и нельзя обходить ихъ и нельзя отворачиваться отъ ихъ пороковъ и слабостей. Лучше бы изображать только чистыхъ, безупречныхъ героевъ и героинь, но тогда искусство было-бы, какъ въ прежнее время, только забавой, развлеченіемъ досуга. Между тѣмъ въ наше время, когда человѣческое общество выходитъ изъ дѣтства и замѣтно зрѣетъ, когда наука, ремесла, промышленность дѣлаютъ серьезные шаги, искусство отставать отъ нихъ не можетъ. Оно имѣетъ тоже серьезную задачу—это довершать воспитаніе и совершенствовать человѣка. Оно такъ-же, какъ наука, учитъ чему-нибудь, остерегаетъ, убѣждаетъ, изображаетъ истину, но только у него другіе пути и пріемы: эти пути — чувства и фантазія. Художникъ—тотъ-же мыслитель, но онъ мыслитъ не посредственно, а образами. Вѣрная сцена или удачный портретъ дѣйствуетъ сильнѣе всякой морали, изложенной въ сентенціи.

. . . . . .

«Меня всегда поражали,—пишетъ онъ дальше,—во-первыхъ грубость въ понятіи, которымъ опредѣлялось это паденіе, а во-вторыхъ—несправедливость и жестокость, обрушиваемая на женщину за всякое паденіе, какими-бы обстоятельствами оно ни сопровождалось, тогда какъ о паденіи мужчинъ вовсе не существуетъ никакого вопроса (въ послѣднемъ случаѣ все ссылаются на разницу, которую вложила сама природа въ женскій организмъ, на назначеніе, указанное женщинѣ, и на нѣкоторыя особыя условія и свойства

женской натуры. Въ этой ссылкѣ есть очень маленькая доза правды, а больше лукавство. Но я не касаюсь этого вопроса—это не мое дѣло). Паденіе женщинъ опредѣляютъ обыкновенно извѣстнымъ фактомъ, не справляясь съ предшествовавшими обстоятельствами: ни съ лѣтами, ни съ воспитаніемъ, ни съ обстановкой, ни вообще съ судьбою невинной дѣвушки. Ранняя молодость, сиротство или отсутствіе руководства, экзальтація первической натуры—ничто не извиняетъ жертву, и она теряетъ всѣ женскія права на всю жизнь, и нерѣдко въ безпадежности и отчаяніи скользитъ дальше по тому-же пути. Между тѣмъ общество биткомъ набито такими женщинами, которыхъ рѣшетка тюрьмы, т. е. страхъ, строгость узды, а иногда еще хуже — разсчетъ на выгоды — уберегли отъ факта, но которыя тысячу разъ падали и до замужества, и въ замужествѣ, тратя всѣ женскія чувства на всякаго встрѣчнаго, въ раздражительной игрѣ кокетства, легкомыслія, праздная тасканья, притворныхъ нѣжностей, взглядовъ и т. п., куда уходитъ все, что есть умнаго, тонкаго, честнаго и правдиваго въ женщинѣ. Мужчины тоже со своей стороны поддерживаютъ это, и топятъ молодость въ чаду разгула страстей и всякой нетрезвости, а потомъ гордо являются къ брачному вѣнцу съ болѣзненнымъ или испошеннымъ организмомъ, послѣдствіями котораго награждаютъ дѣвственную подругу и свое потомство,—какъ будто для насъ, неслабаго пола, чистота нравовъ вовсе не обязательна. Смѣшно вооружаться и гремѣть противъ этого слишкомъ укоренившагося зла,—я и не вооружаюсь (всякій почти изъ насъ попалъ-бы камнемъ въ перваго себя), я вооружаюсь только противъ тяжкой отвѣтственности, которой слѣпо и безъ разбора подвергаютъ женщинъ. Я и въ романѣ взялъ защиту этого дѣла; но напомню опять, что романистъ—не моралистъ, слѣдовательно, и я не могъ взять на себя рѣшеніе вопроса о паденіяхъ женщинъ, а старался изобразить двухъ виновныхъ въ фактѣ, но не падшихъ женщинъ. Затѣмъ уже пусть читатель самъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, что такое паденіе женщины».

Но, признавая и оправдывая страсть, мы отрицаемъ и обвиняемъ самую сущность патріархальнаго строя и одно изъ *главныхъ* его проявленій—подчиненность женщины.

VII.

Послѣдніе годы жизни.

Несомнѣнно, что Гончаровъ былъ глубоко оскорбленъ пріемомъ, сдѣланнымъ его роману. Не легко переносить неудачу подъ 60 лѣтъ, да еще человѣку, избалованному крупнымъ литературнымъ успѣхомъ. Естественно поэтому, что онъ ушелъ въ себя и лишь въ самыхъ рѣдкихъ, экстраординарныхъ случаяхъ рѣшался показываться публикѣ. Перечень его литературныхъ работъ послѣ «Обрыва» не великъ: «Литературный Вечеръ» (1877 г.), «Милліонъ терзаній» (1881 г.), «Замѣтки о личности Бѣлинскаго» (1884 г.), «Лучше поздно, чѣмъ никогда», «Воспоминанія», «Слуги».

Неудача любимаго романа, приближающаяся старость, болѣзни — все это наводило грусть и тоску. Гончаровъ сталъ смотрѣть на себя какъ на конченаго человѣка и долгое время не хотѣлъ даже переиздавать своихъ сочиненій. Чего нибудь новаго, крупнаго онъ не замышлялъ или, лучше сказать, не рѣшался замышлять и терпѣть не могъ, когда его спрашивали: отчего онъ ничего не пишетъ? Это раздражало его. «Напрасно я ждалъ,—говоритъ онъ,—что кто-нибудь и кромѣ меня прочтетъ между строками (моихъ сочиненій) и, полюбивъ образы, свяжетъ ихъ въ одно цѣлое и увидитъ, что именно говоритъ это цѣлое? Но этого не было. Могъ бы это сдѣлать и сдѣлалъ-бы Бѣлинскій, но его не было. Потомъ съ наступленіемъ реформъ на очередь стали другіе вопросы, важнѣе вопросовъ искусства, и оттѣснили послѣдніе на второй планъ. Все молодое и свѣжее поколѣніе жадно отзывалось на зовъ времени и приложило свои дарованія и силы къ злобѣ и работѣ дня. Было не до эстетическихъ критикъ».

Недовольство или, лучше сказать, неудовлетворенность Гончарова очевидны изъ этихъ его словъ. Онъ почувствовалъ себя не у

дѣлъ. Правда, послѣ «Обрыва» онъ написалъ такую великолѣпную вещь, какъ вторую часть своихъ воспоминаній «На родинѣ», и далъ очень цѣнный матеріалъ для изслѣдованія таинственнаго процесса творчества въ «Лучше поздно, чѣмъ никогда»,—но все это прошло незамѣтнымъ. Старикъ могъ почувствовать себя недовольнымъ, особенно послѣ того, какъ въ «Отечеств. Запискахъ» «Литературный Вечеръ» былъ выставленъ образчикомъ легкомыслія (!).

Онъ остался не у дѣлъ и по службѣ. Въ 1873 г., дослужившись до генеральскаго чина, онъ вышелъ въ отставку, едва ли унеся съ собою хотя одно пріятное воспоминаніе послѣ почти сорокалѣтней дѣятельности. Честолюбіе его всегда было внѣ канцелярскихъ стѣнъ, и онъ не чувствовалъ себя несчастнымъ оттого, что уходитъ «дѣйствительнымъ», а не тайнымъ.

А жить оказалось долго и много—почти 20 лѣтъ!. Чѣмъ-же занять этотъ невольный досугъ?.. Болѣзни, леченіе? Все это отнимало не мало времени, но оставалось еще больше. Знакомыхъ у Гончарова было мало, близкихъ—еще меньше. Случайныхъ посѣтителей, хотябы самыхъ искреннихъ почитателей своего таланта, онъ не любилъ и если допускалъ къ себѣ по необходимости, то бесѣдовалъ вяло и не охотно. У себя на квартирѣ онъ устроился нѣсколько по обломовски, особнякомъ, уклоняясь даже отъ торжественныхъ привѣтствій и вообще отъ всякихъ парадовъ...

Квартира его описывается такъ.

«Покойный авторъ «Обломова» жилъ много лѣтъ въ своей квартирѣ (Моховая ул., д. № 3). Онъ рѣдко кого принималъ у себя и не охотно пускалъ въ свой кабинетъ. Кабинетъ этотъ отличался очень скромнымъ убранствомъ. Небольшая, низкая комната, раздѣленная пополамъ драпированною перегородкою, у которой находился небольшой шкапикъ съ книгами и рукописями; дальше слѣдуетъ диванъ, надъ которымъ на стѣнѣ висятъ нѣсколько гравюръ въ простыхъ черныхъ узенькихъ рамахъ,и тутъ-же рядомъ большой орѣховый письменный столъ, посрединѣ котораго стоятъ часы съ бронзовымъ бюстомъ молоденькой дѣвушки наверху, двѣ вазы, чернильница, двѣ-три книги, нѣсколько мелкихъ бездѣлушекъ, которыя старикъ-писатель очень любилъ и, разговаривая съ посѣтителями, обыкновенно держалъ въ рукахъ или перекладывалъ съ мѣста на мѣсто. У стола—плетеное кресло для работы и другое—вольтеровское—для чтенія, съ мягкою спинкою и такими-же ручками. Кабинетные часы, украшающіе скромный столъ писателя,— подарокъ

кружка литераторовъ, а бюстъ молоденькой дѣвушки—бюстъ Марфиньки, одной изъ героинь «Обрыва». Часы были поднесены Гончарову въ 1882 г. по случаю тридцатипятилѣтія его литературной дѣятельности. Двѣ вазы, стоящія тутъ же на столѣ.—также подарокъ, поднесенный отъ имени «русскихъ женщинъ» 2-го февраля 1883 г. одновременно съ адресомъ.

Адресъ Гончаровъ хранилъ обыкновенно въ шкапу, гдѣ также лежали и тѣ «старыя рукописи» и «записки» покойнаго, которыя онъ очень неохотно показывалъ постороннимъ и часть которыхъ отъ времени до времени собственноручно истреблялъ, опасаясь, какъ-бы кто не вздумалъ напечатать ихъ послѣ его смерти. «Посмертнаго печатанія» Гончаровъ очень боялся и протестовалъ противъ него печатно въ статьѣ «Нарушеніе воли». Вообще онъ былъ крайне строгъ къ своимъ наброскамъ и рукописямъ. Не довѣряя самъ себѣ, онъ въ началѣ 90-хъ годовъ пригласилъ «свѣдущихъ людей сказать, есть-ли между ними что-нибудь годное для печати». Свѣдущіе люди нашли тогда между прочимъ рукопись «Старые слуги». Самъ Гончаровъ хотѣлъ уничтожить эти прелестные очерки, считая ихъ ни для кого не интересными. Вообще строгость къ самому себѣ не разъ доводила его до того, что онъ прямо уничтожалъ цѣлыя готовыя рукописи.

Къ кабинету своему онъ привыкъ настолько, что не могъ даже вообразить себѣ, какъ-бы онъ съ нимъ разстался.

Когда за нѣсколько лѣтъ до смерти одинъ изъ горячихъ поклонниковъ Гончарова предлагалъ ему поселиться въ деревнѣ на югѣ, старикъ-писатель, смѣясь, отвѣтилъ:

«— Я бы пожалуй поѣхалъ, еслибы меня свезли въ моемъ кабинетѣ. Какъ иной не можетъ разлучиться съ женою, умираетъ отъ скуки, такъ я не могу разлучиться съ моимъ кабинетомъ.»

И это онъ повторялъ многимъ...

Кабинетъ, привычная обстановка, привычный, аккуратный до педантизма образъ жизни,—вотъ что ему надо было. Онъ привыкъ къ гравюрамъ, которыя висѣли надъ диваномъ, къ своему письменному столу, къ окружавшимъ его людямъ,—семьѣ одного изъ старыхъ умершихъ слугъ, привыкъ къ петербургскому климату, ежедневнымъ прогулкамъ. И потянулись годъ за годомъ, зима въ столицѣ, лѣто въ Усть-Нарвѣ,— мѣстѣ, которое онъ очень полюбилъ. Изрѣдка являлись депутаціи, напр. одна съ очень громкимъ титуломъ «отъ русскихъ женщинъ»... Гончаровъ принималъ адреса и

аккуратно укладывалъ ихъ на мѣсто, котораго они не покидали годы. Однажды, во время пушкинскихъ празднествъ, ему предложили занять почетное мѣсто представителя петербургскаго отдѣленія по устройству праздника. Но и тутъ Гончаровъ, съ гордостью называвшій себя ученикомъ Пушкина, отказался, ссылаясь на нездоровье.

Это послѣднее начало безпокоить его съ семидесятыхъ годовъ, несмотря на воздержанный и строгій образъ жизни. Кое что мы знаемъ о немъ.

Въ объявленіяхъ о смерти Гончарова сказано, что онъ умеръ «послѣ кратковременной болѣзни». Болѣзнь эта была—воспаленіе легкихъ. Старческій организмъ не могъ одолѣть мучительнаго недуга, и знаменитый писатель скончался.

Гончаровъ хворалъ уже давно и еще въ серединѣ 70-хъ годовъ жаловался, что «пришла старость со всѣми ея невзгодами и придется вскорѣ умирать». Въ письмѣ къ Писемскому (8-го апрѣля 1873 г.) онъ упоминаетъ между прочимъ, что ему не до смѣха: «Я давно на тотъ свѣтъ хочу». Еще раньше онъ писалъ тому-же Писемскому: «я лежу въ углу, какъ звѣрь: въ дурную погоду страдаю безсонницей, приливами крови къ головѣ, и во всякую другую вообще—хандрою и старостью».

По поводу приливовъ крови къ головѣ Гончаровъ совѣтовался съ разными свѣтилами медицины и жаловался, что никто не можетъ опредѣлить причины болѣзни. Одна знаменитость утверждала, что приливы происходятъ отъ малокровія, другая,—что отъ полнокровія. Первая знаменитость совѣтуетъ ѣхать заграницу на воды, гдѣ крови прибавляется, другая—въ такой курортъ, гдѣ крови убываетъ. «Чортъ ихъ знаетъ,—сердито заканчиваетъ Гончаровъ свое письмо,—а только скучно это, да и вообще все, вмѣстѣ съ погодой—отвратительно».

«Не браните меня за бирючій образъ жизни,—пишетъ въ другой разъ Гончаровъ,—это отъ болѣзни или, вѣрнѣе, отъ болѣзней. Съ ними ладить не подъ лѣта и не подъ силу. Ложась спать, я никогда не знаю, когда засну: въ 2, 3 или 5 часовъ,—чаще всего засыпаю подъ утро; поэтому день у меня пропадаетъ. Старость и климатъ».

Онъ постоянно жаловался на неловкость въ рукѣ и на шумъ въ головѣ. «Точно самоваръ кипитъ», говоритъ онъ. Это мѣшало ему писать, а диктовать привычки не было.

Когда здоровье было еще не плохо, Гончаровъ любилъ гулять

пѣшкомъ, но «только не до усталости». Любимыми мѣстами его прогулокъ были Лѣтній садъ и Невскій проспектъ. Съ руками на спинѣ, слегка покачиваясь и сильно задумавшись, ходилъ онъ взадъ и впередъ. Дворники и лавочники знали его подъ именемъ «генерала изъ писателей». Въ послѣдніе-же годы онъ почти не показывался на улицѣ.

Изрѣдка онъ навѣщалъ своихъ знакомыхъ, но всегда говорилъ мало, неохотно. Въ немъ не было и слѣда тургеневской общительности. Одинаково не поощрялъ онъ талантовъ. Я лично помню, какъ онъ однажды жестоко поморщился, когда ему предложили прочесть рукопись начинающаго поэта. Онъ отговорился тѣмъ, что плохо видитъ. «Ну, такъ выслушайте, пожалуйста, Иванъ Александровичъ» — приставали къ нему. «Охъ, и слышу плохо» — чуть не застоналъ старикъ, боясь, что на сей разъ ему пожалуй не отдѣлаться. Но судьба ему улыбнулась.

Къ газетамъ, къ современности онъ относился индифферентно. Сатурналіи всероссійскаго прогресса и регресса, всегда неожиданныя и въ большинствѣ случаевъ необъяснимыя, мало тревожили его. Онъ не принадлежалъ ни къ тѣмъ, кто «праздно ликуетъ» по поводу всего новенькаго, ни къ тѣмъ, кто собственнымъ своимъ лбомъ хочетъ непремѣнно удержать исторію. Онъ не злоупотреблялъ даже принципами постепеновщины, въ чемъ его иногда упрекали, но несомнѣнно желалъ больше послѣдовательности и порядка въ ходѣ исторіи.

Боялся-ли онъ приближающейся смерти, которая, нѣтъ, нѣтъ, да и дышала на него во время приступовъ болѣзни?

«Степень оптимизма писателя лучше всего опредѣляется его отношеніемъ къ смерти. Какъ же Гончаровъ относится къ смерти? Онъ почти о ней не думаетъ. Въ «Обыкновенной исторіи» ему пришлось говорить о томъ, какъ умерла мать Александра Адуева,— главнаго героя повѣсти. Эта женщина—живой, яркій характеръ и занимаетъ важное мѣсто въ романѣ. Сынъ присутствуетъ при смерти. А между тѣмъ о кончинѣ ея два слова: «она умерла!» Ни одной подробности, ни одного ощущенія. Замѣтьте, что Гончаровъ писалъ въ эпоху, когда ужасъ смерти составлялъ одинъ изъ преобладающихъ мотивовъ литературы.

«Въ счастливой Обломовкѣ смерть — такой-же прекрасный обрядъ, такая-же идиллія, какъ и жизнь. Это, кажется, та самая безболѣзненная, мирная кончина живота, о которой молятся въ-

рующіе». Адуевъ во второмъ своемъ періодѣ примиренья съ жизнью разсуждаетъ такъ: «не страшна и смерть: она представляется не пугаломъ, а прекраснымъ опытомъ. И теперь же въ душу вѣетъ невѣдомое спокойствіе».

Для Гончарова «невѣдомое спокойствіе» наступило 15 сентября 1891 года

Учебныя руководства и пособія.

Земля и ея обитатели. Первое знакомство съ географіею всеобщею и русскою Пособіе для самообразованія. Составилъ *М. М. Соколовъ.* Со 170 рис. Ц. 1 руб.

Алгебра. *Тодгентера.* Ц. 2 р. 50 к.

Курсъ начальной механики. *Рыкачева.* Съ 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Практическая геометрія. *Заблоцкаго.* Съ 300 чертежами. Ц. 60 к.

Общія основы химической технологіи. *В. Селиванова.* Съ 70 рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

Полный курсъ физики. *А. Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. съ 1363 рисунк., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Ц. 4 р.

Учебникъ химіи. *Альмединген.* 96 рис, 140 задачъ. Ц. 2 р.

Общепонятная геометрія. *Потоцкаго.* 143 фиг. Ц. 40 к.

Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ *С. Житкова.* 5-е изд. Цѣна 25 к.

Методика ариѳметики. *С. Житкова.* 4-е изд. Ц. 75 к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". *С. Житкова.* 4-е изд. Ц. 40 к.

Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изд., съ 10-ю раскраш. картами и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *Кудинцова.* 2-е изданіе. Цѣна 1 р.

Родная азбука. *Ф. Павленкова.* 8-е изд., съ 200 рис. Ц. 5 к.

Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* Съ 800 рис. 15 е изданіе. Ц. 20 к.

Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ" *Ф. Павленкова.* 7-е изд. Ц. 15 к.

Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова.* 8-е изд., 100 рис. Ц. 1 к.

Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова.* 1) Къ „Родному слову" Ушинскаго (400 рис.). 2) Къ „Азбукѣ Бунакова" (460 рис.). 3) Къ „Первой учебной книжкѣ" Паульсона (430 рис.). 4) „Общія наглядно-звуковыя прописи" (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.) Цѣна каждой книжки 8 к.

Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Съ приложеніемъ церковно-славянской грамоты и многими рисунками. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к., 2-я кн. Ц. 40 к.

Руководство къ „Зернышку". *Т. Лубенца.* Ц. 50 к.

Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца.* 3-е дополн. изд. Ц. 15 к.

Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к.

Церковно-славянскій букварь. *Т. Лубенца.* 2-е изд. Ц. 5 к.

Руководство къ „Церковно-славянскому букварю". *Т. Лубенца.* Ц. 15 к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. *Лубенца.* 13-е изд. (около 2000 задачъ и 3000 численныхъ примѣровъ). Ц. 40 к. Тотъ же „Сборникъ" по частямъ: Годъ I—12 к. Годъ II—15 к. Годъ III—20 к.

Элементарная грамматика русскаго языка. *Чудинова.* Ц. 50 к.

Начальная русская грамматика. *Н. Бучинскаго.* Ц. 30 к.

Руководитель для воскресныхъ школъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.

Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 60 к.

Триста письменныхъ работъ. Задачи для упражненій въ письмѣ для всѣхъ 3-хъ отдѣленій начальной школы. *Н. А. Корфа.* 3-е изд Ц. 15 к.

Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указан. грам. правилъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 12 к.

Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ баронъ *Н. Корфъ.* 16-е изд. съ 200 рис. и портретами. Ц. 75 к.

Иллюстрированная хрестоматія. *А. Тарнавскаго.* Для низшихъ учеби. завед. и младш. классовъ гимн. (Съ 80 рис. и порт.) 4-е изд. Ц. 60 к.

Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. „Замѣтки для учителя", обучающаго по этой книжкѣ. Ц. 10 к.

Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Равыграева:* 1) Элементарныя свѣд. о правопис. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп словъ. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.

Сборникъ алгебр. задачъ. *М. Савицкаго.* Ц. 40 к.

Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова.* 96 рис. Ц. 50 к.

Дешевый географическій атласъ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.

Очерки новѣйшей исторіи. *И. И. Григоровича.* 6-е изд. Съ 57 портретами. Ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 75 к.

Первыя понятія о зоологіи. *Поля Вера.* Переводъ подъ редакціей проф. *И. Мечникова.* Съ 345 рис. 3-е изд., съ портретомъ автора Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к. Въ переплетѣ. 1 р. 50 к.

Крат. курсъ ботаники. *М. Сѣвцова.* 118 рис Ц. 50 к.

Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 279 рис. въ текстѣ. 2-е изд. Ц. 75 к.

Руководство къ рисованію акварелью. *А. Локассана.* 120 политипажей и 6 акв. Ц. 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 6 к.—**2) Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—**3) Измаилъ-Бей.** Съ 9 рис. Ц. 10 к.—**4) Хаджи-Абренъ.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—**5) Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—**6) Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. 3 к.—**7) Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—**8) Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—**9) Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—**10) Каллы.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—**11) Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—**12) Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—**13) Черкесы.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—**14) Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—**15) Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. 4 к.—**16) Герой нашего времени.** Съ 23 рис. Ц. 25 к.—**17) Бэла.** Съ 9 рис. Ц. 8 к.—**18) Тамань.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—**19) Княжна Мери.** Съ 9 рис. Ц. 12 к.—**20) Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—**21) Призракъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—**22) Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—**23) Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—**24) Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—**25) Княгиня Лиговская. Романъ.** Съ 5 рис. Ц. 8 к.—**26) Люди и страсти.** Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—**27) Странный человѣкъ.** Драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—**28) Два брата.** Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—**29) Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис. Ц. 5 к.—**30) Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц. 7 к.

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдетъ около 200 біографій замѣчательныхъ людей. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, объемомъ отъ 80 до 160 страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты.

Цѣна каждой книжки отдѣльно—25 к.

До 1 октября 1895 г. вышли отдѣльными книжками 170 біографій слѣдующихъ лицъ:

Протопопа Аввакума, *Аксаковыхъ*, Андерсена, Аристотеля, Бальзака, Баха, Байрона, Бентама и Беккаріа, Берне, Бэкона, *Бѣлинскаго* (2 изд.), *Карла Бэра*, Беранже, Бетховена, Бисмарка, *Богдана Хмельницкаго*, Боккачіо, Бокля, Бомарше, *Боткина*, Джіордано Бруно, Рихарда Вагнера, Леонардо да Винчи, *Волкова* (основателя русскаго театра), Вольтера, *Воронцовыхъ*, Галилея, Гарвея, Гарибальди, Гаррика, Гегеля, Гейне, Гете, Гладстона, *Глинки*, Говарда, *Гоголя* (2 изд.), *Гончарова*, Грановъ, *Грибоѣдова*, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гутенберга, Гюго (2 изд.), Дагерра и Ніэпса, Даламбера, Данте, Дарвина (2 изд.), *Даргомыжскаго*, *кн. Дашковой*, Декарта, *Демидовыхъ*, *Державина*, Дефо, Дженнера, Диккенса, *Добролюбова*, *Достоевскаго*, Жоржъ-Зандъ, *Жуковскаго*, Золя, *Иванова* (художника), *Іоанна Грознаго*, Кальвина, *Канкрина*, Канта, *Кантемира*, *Каразина* (основателя харьков. университета), *Карамзина*, Карлейля, Кеплера, Кетлэ, *Ковалевской*, Колумба, *Кольцова*, Кондорсэ, Конта, Конфуція, Коперника, *Барона Н. А. Корфа*, *Крамского*, Кромвеля, *Крылова*, Кювье (2 изд.), Лавуазье, Лапласа и Эйлера, Лейбница, *Лермонтова*, Лессепса, Лессинга, Ливингстона, Линкольна, Линнея, *Лобачевскаго*, Лойолы (2 изд.), Локка, *Ломоносова*, Ляйэлля, Маколея, Мальтуса, *Меншикова*, Мейербера, Микель-Анджело, Милля, Мильтона, Мирабо, Мицкевича, Мольера, Монтескье, Томаса Мора, Моцарта, *Никитина*, *Никона*, *Новикова*, Ньютона, Роберта Оуэна, Паскаля, Песталоцци, *Перова*, *Пирогова*, *Писарева* (2 изд.), *Писемскаго*, *Потемкина*, *Пржевальскаго*, Прудона, *Пушкина*, Рабле, Рафаэля, Рембрандта, Ришелье, Ротшильдовъ, Руссо, Сакіа-Муни (Будды), *Салтыкова*, Савонаролы, Свифта, Сенеки, *Сенковскаго*, Сервантеса, *Скобелева*, Вальтеръ-Скотта, Адама Смита, *С. Соловьева*, *Сперанскаго*, Спинозы, Стефенсона и Фультона, *Струве*, Стэнли, *Сѣрова*, Теккерея, *Льва Толстого*, Торквемады, *Тургенева*, Уатта, *Ушинскаго*, Фарадея, *Фонвизина*, Франклина, Цвингли, *Шевченко*, Шиллера, Шопенгауэра (2 изд.), Шопена, Шумана, *Щепкина*, Эдисона и Морзе, Джоржъ-Эліота, Юма, *Ѳедотова*.

Приготовляются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ:

Александра II, Вашингтона, Вирхова, Дидро, *Екатерины II*, Лютера, Магомета, Макіавелли, Меттерниха, Наполеона I, *Некрасова*, *Островскаго*, Пастера, *Петра Великаго*, Ренана, Сократа и Платона, *Суворова*, *Успенскаго*, Франциска-Ассизскаго, Фридриха II, Шекспира, и др.

Курсивными буквами обозначены имена русскихъ дѣятелей.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб. Лештуковъ пер., № 2).

Объявленія дозволены цензурою. С.-Петербургъ. 28 Августа 1895 года.

20007237389